

ЗВЕЗДАНЫЙ ПУТЬ

ЗВЕЗДАНЫЙ ПУТЬ

Джеймс БЛИШ
Х. Бим ПАЙПЕР
Гордон Р. ДИКСОН

АЛТЫН МЯНГУСЗВЭ

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

МСТ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

STAR TREK

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

**САМЫЙ ЗНАМЕНИТЫЙ
КИНОСЕРИАЛ
ФАНТАСТИКИ**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1992**

STAR TREK

James BLISH

STAR TREK

H. Beam PIPER

**LITTLE FUZZY-II
(FUZZY SAPIENS)**

Gordon R. DICKSON

SOLDIER, ASK NOT

PRINTED IN THE UNITED STATES OF AMERICA

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

Джеймс БЛИШ

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

Х. Бим ПАЙПЕР

**МАЛЕНЬКИЙ ПУШИСТИК-II
(ПУШИСТИК РАЗУМНЫЙ)**

Гордон Р. ДИКСОН

СОЛДАТ, НЕ СПРАШИВАЙ

ББК 84.7 США

*Серия основана в 1992 г.
Перевод с английского.*

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

Джеймс БЛИШ
Х. Бим ПАЙПЕР
Гордон Р. ДИКСОН

*Составление А. Сазонова
Оформление В. Гусакова*

З-43 Сборник фантастических произведений. (Пер. с
англ. М. Коркин, И. Русакова, А. Дмитриев). — СПб.:
издательство «МСТ», 1992 г., 560 с.

ISBN 5-7109-0004-4

© Перевод: М. Коркин, И. Русакова, А. Дмитриев 1992.
© Составление: А. Сазонов, 1992.
© Оформление серии: В. Гусakov, 1992.
© АО «МСТ», 1992.

Джеймс БЛИШ

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

Фантастический роман

Перевод с английского

Новейший компьютер

«Энтерпрайз» послушно, что очень раздражало его капитана, приближался к космической станции. Капитан в нетерпении сорвался с кресла и подошел к Ухуре.

— Лейтенант, свяжитесь со станцией.

— Станция вызывает нас, капитан.

— Включите связь.

Голос был знаком капитану:

— Капитан Кирк, это командор Энрайт.

— Командор, я бы хотел получить объяснения.

— Объяснения сейчас излучаются к вам на борт, капитан, — перебил его Энрайт. — Возможно, они уже у вас в отсеке телепортации. Связь окончена.

— Спок, — сказал Кирк и показал на лифт. — Скотти, продолжай управление кораблем.

Объяснения материализовались в лице командора Уэсли, офицера чуть старше Кирка, но не похожего на него ни выправкой, ни манерами. Злость Кирка нашла выход в удивлении:

— Боб! Боб Уэсли!

Уэсли спустился с платформы, и они пожали друг другу руки.

— Спок, это..

— Командор Уэсли, — закончил за капитана Спок. — Здравствуйте, сэр.

— Здравствуйте, Спок, — кивнул Уэсли.

Кирк повернулся к офицеру телепортационной службы:

— Благодарю, лейтенант, это все, — и когда дверь закрылась, Кирк взорвался: — А теперь не мог бы ты наконец объяснить мне, что происходит? Я получил приказ прибыть сюда, меня также информировали о том, что моя команда должна быть перемещена в зону безопасности на станции. Мне кажется, я имею право знать, что происходит!

Уэсли ухмыльнулся:

— Тебе предоставлена большая честь. Ты будешь лисой на охоте.

- То есть?
- Военные учения. Я буду командовать силами твоего противника.
- Все атакующие силы против одного корабля?
- Очевидно, ты ничего не слышал о мультитроник-комплексе М-5. — Спокойно и уважительно отвечал Уэсли. — Это компьютер, Джим. Последнее открытие доктора Дэйстрома.
- ?
- Не ?, а ты его просто не видел.
- И что же это?
- Самый амбициозный компьютер из всех когда-либо созданных, — вмешался Спок. — Он должен соединить в себе всю компьютерную систему корабля... для улучшения проведения всех операций и контроля.
- Уэсли с подозрением посмотрел на Спока:
- Как вам удалось получить эту информацию?
- У меня классификация А-7 — компьютерный эксперт, сэр. Я хорошо знаком с работами доктора Дэйстрома. Все основные компьютеры нашего корабля спроектированы именно им.
- И что будет с «Энтерпрайзом»?
- Ваш корабль выбран для испытания М-5, — серьезно сказал Уэсли. — Серия обычных исследований. М-5 должен решать все навигационные задачи и все проблемы, возникающие во время учений. Если М-5 успешно пройдет все испытания, это будет революция в космических технологиях, такой же грандиозный переворот, как после изобретения двигателя для межзвездных полетов. После телепортации вашей команды, инженерный отсек будет модифицирован под М-5.
- Зачем убирать команду? Какой степени безопасности требует эта машина?
- Ваши люди просто не нужны, — сказал Уэсли. — Доктор Дэйстром лично проследит за монтажом и будет наблюдать за ходом испытаний. Когда он будет готов, вы получите приказ и приступите к делу, в вашем распоряжении будет команда из двадцати человек.
- Из двадцати! Я не могу управлять кораблем, имея на борту только двадцать человек.
- М-5 сможет, — холодно сказал командор.
- А я? В чем же будет заключаться моя работа?
- У тебя будет великолепная работа, Джим. Все, что те-

бе надо будет делать, — это сидеть в своем кресле и позволять машине выполнять все операции.

— Да-а-а! — протянул Кирк. — Звучит просто великолепно!

Мак-Кою все это тоже не очень-то понравилось. Услышав новость, он разошелся:

— Кораблем таких размеров не может управлять ни один компьютер! Даже те компьютеры, что у нас есть на...

— Все они спроектированы Ричардом Дэйстром, — вмешался Спок. — Этот, новый, превосходит их все вместе взятые. Мы постараемся доказать, что М-5 способен управлять кораблем эффективнее, чем человек.

— Ты можешь пытаться доказать это, я не в счет.

— К сожалению, современное программирование неспособно заменить корабельного хирурга.

— Если бы и могло, — сказал Мак-Кой, — им нет нужды искать мне замену: кроме меня на борту останутся только схемы и банки памяти, — он посмотрел на Спока. — Думаю, некоторые из нас ими и являются, — Мак-Кой нервно повернулся к Кирку. — Ты почти ничего не сказал об этом, Джим.

Они стояли у инженерного отсека. Кирк посмотрел в глаза Мак-Кою и Споку и указал на новую табличку на дверях инженерного отсека — «Зона безопасности».

— Что ты хочешь, чтобы я сказал, Боунс? Руководство звездной эскадры считает, что установка М-5 — большая честь, так что я горжусь. Придется приспособиться.

Дверь плавно открылась, и все трое вошли в отсек. М-5 уже занимал большую часть площади отсека, в отличие от встроенных компьютерных систем «Энтерпрайза», он стоял в полном одиночестве, как бы подчеркивая, что не нуждается в поддержке. На панели монитора счетчики, циферблаты, переключатели и прочее располагались, на взгляд нормального человека, в немыслимом беспорядке. Скотти и еще один инженер — энсин Харпер возлились возле панелей на уровне верхнего мостика. Кирк огляделся:

— Где он? Доктор Дэйстром?

Появился доктор в униформе. Первое, что привлекло внимание Кирка — его глаза. Несмотря на то, что Дэйстром был уже в возрасте, глаза у него были яркими и пронзительными, будто в них сконцентрировалась вся его энергия. Это был довольно нервный человек, речь его была сухой и отрывистой,

руки все время искали, чем бы заняться, чем угодно — трубкой, карандашом, инструментами...

— Да? — сказал он, потом, неожиданно обнаружив что-то неподходящее в своем приветствии, добавил: — Вы, должно быть, капитан Кирк?

Они коротко пожали друг другу руки.

— Доктор Дэйстром, мой первый помощник Спок.

Спок поклонился:

— Для меня большая честь, доктор Дэйстром. Я знаком со всеми вашими публикациями. Блестяще.

— Спасибо. Капитан, я закончил последнюю проверку М-5. Его осталось подключить к силовому банку, и он заработает.

— Хорошо, доктор, — сказал Кирк. — Приступайте.

— Но ваш главный инженер говорит, что подчинится только приказу капитана.

Старина Скотти, подумал Кирк, и сказал:

— Скотти, подключите М-5 к главному силовому банку.

— Есть, сэр. — Ответил Скотти, и направился вместе с Харпером к панели отделения силовой установки.

Спок рассматривал панель М-5, Мак-Кой изучал компьютер издали.

— Потрясающе, доктор, — сказал Спок. — Потенциал этого компьютера гораздо выше, чем у всех ваших предыдущих машин. Даже ваш прорыв в дуотронике не обещал ничего подобного.

— М-5 абсолютно безупречен, его возможности — это реальность, — отвечал Дэйстром.

Мак-Кой больше не мог сдерживаться:

— Меня волнует только одно, — грубо сказал он. — Если эта штука не сработает, на борту будет очень мало людей, чтобы справиться с управлением. Возникнут определенные трудности.

Дэйстром уставился на него.

— Кто это? — спросил он Кирка.

— Доктор Леонард Мак-Кой, старший медик «Энтерпрайза».

— Это зона безопасности, — сказал Дэйстром. — Сюда допускаются только те, кто прошел проверку на благонадежность.

Кирк услышал собственный ледяной голос:

— Доктор Мак-Кой имеет допуск во все зоны этого корабля.

Неожиданно М-5 ожил, засветились индикаторы, послышалось нарастающее гудение. Как только огни индикаторов М-5 стали ярче, индикаторы инженерного комплекса резко потускнели.

— Это запланированный эффект? — спросил Мак-Кой Спока.

Дэйстром что-то быстро делал у панели М-5.

— Если бы я мог вам помочь, сэр... — предложил Спок.

— Нет. Я справлюсь сам, спасибо, — ответил Дэйстром.

Спок удивленно поднял бровь и посмотрел на Кирка, тот кивнул, и Спок отошел назад. Гул М-5 выровнялся и стал значительно тише, индикаторы инженерного комплекса светились как и раньше.

— Все в порядке, капитан, — сказал Дэйстром. — Основные регулировки произведены. Как видите, полный порядок.

— Да, — Кирк немного помолчал и добавил: — Скажите, доктор, почему эта машина называется М-5, а не М-1?

— Комплексы с первого по четвертый были неудачны, — руки Дэйстора перебирали инструменты. — Но этот — совершенен. М-5 готов взять на себя управление кораблем.

— Полный контроль? — спросил Кирк.

— Он для этого и был создан, капитан.

Все неловко замолчали.

— Должен признаться, — сказал Кирк, — я испытываю враждебные чувства к вашему компьютеру, доктор Дэйстром. Человек первый осваивал космос, — конечно, с помощью машин, но командовал всегда человек.

— Это были примитивные машины, капитан. Мы должны осваивать новые пространства и выходить на новые рубежи.

Не нравится мне этот тип, подумал Кирк, однако растянул губы в дружеской улыбке и сказал:

— Я не против прогресса, сэр, но есть вещи, которые должен делать человек, чтобы оставаться человеком. Ваш компьютер берет это на себя.

— Таким людям, как вы, капитан, найдется много других занятий. Или вы против М-5, потому что боитесь потерять престижное звание капитана космического корабля? Компьютер может выполнять вашу работу, не задумываясь, престижно это или нет.

Кирк улыбнулся:

— Вам придется доказать мне это, доктор, — Кирк направился к выходу, но Дэйстром на полпути остановил его.

— Но ведь компьютер предназначен именно для этой работы, не так ли?

Это была неприятная стычка; кажется, она не затронула только Спока. Когда все трое вышли в пустой и унылый коридор, он сказал:

— Капитан, если я вам сейчас не нужен, разрешите мне еще побеседовать с доктором Дэйстромом.

— Посмотри на его влюбленные глаза, Джим. Всю жизнь Спок ждал совершенного компьютера. Думаю, они будут счастливы вместе, — сказал Мак-Кой.

— Доктор, я нахожу ваш юмор нелогичным, а улыбку — натянутой. Вы разрешите, капитан?

— Конечно, Спок, увидимся на мостике.

— Есть, сэр.

Выражение лица капитана обеспокоило Мак-Коя:

— Что случилось, Джим?

Кирк заколебался.

— Я чувствую, что, что-то не так, не знаю почему, но все же не так.

— У меня тоже ощущение, что заменять человека неразумной машиной неправильно.

— Не только это, Боунс. Я не такой дурак, чтобы вставать на пути прогресса, если это действительно прогресс. Ты знаешь меня насквозь, как ты думаешь, я действительно боюсь передать командование машине?

— Мы все являемся свидетелями успехов механизации. Дэйстром действительно создал компьютер, способный управлять кораблем, — задумчиво произнес Мак-Кой.

— Но под контролем человека, — сказал Кирк. — Я спрашиваю себя вот о чем: действительно ли я просто боюсь, что М-5 отнимет у меня работу? Дэйстром прав, я могу заняться другим делом. Или я боюсь потерять престижное положение капитана космического корабля? Только ли из-за этого я настроен против этого компьютера? Неужели я так мелочен и тщеславен?

— Джим, если у тебя хватило смелости задать себе такие вопросы, ты не нуждаешься в моих ответах, — Мак-Кой улыбнулся. — Почему бы тебе не спросить Джеймса Кирка, это честный парень.

— Именно сейчас я не уверен в том, что он честно ответит мне.

Но в одном, капитан был совершенно уверен — его безумно раздражал этот дурацкий кронштейн на командном месте капитана. Кронштейн установили там без предупреждения и не посоветовавшись с Кирком. Капитан молча смотрел на свое место, занятое теперь бездушным механизмом.

— Вернулись на прежний курс, капитан, — сказал Зулу.

Спок подошел полюбоваться кронштейном на капитанском кресле:

— М-5 прекрасно со всем справляется, сэр.

— Все, что он пока сделал, это потребовал сменить курс и выполнить несколько простых поворотов. Чехов и Зулу справились бы с этим с закрытыми глазами...

Из-за левого плеча Кирка появился Дэйстром:

— Идея заключается в том, что они не должны этого делать, капитан, да и вам нет нужды после каждого совершенного маневра проверять компьютер.

— В приказе, который я получил, не говорилось о том, как долго я должен оставлять компьютер управлять кораблем, — сухо сказал Кирк. — И я намерен подчиняться приказу, но оставляю за собой право решать, как долго М-5 будет управлять «Энтерпрайзом».

— Капитан, я должен согласиться с доктором Дэйстромом, — сказал Спок. — Программа М-5 позволяет ему спокойно справляться с работой навигатора.

— Спок, тебя, кажется, радует, что компьютеру доверяют больше, чем тебе.

— Радует, сэр? Мне безусловно доставляет удовольствие наблюдать, как высокоэффективно и быстро новый компьютер выполняет все операции. М-5 — это настоящий триумф доктора Дэйстрома.

— Приближаемся к Альфа Казина 11, капитан, — бесстрастно сказал Чехов.

— М-5 руководит сближением, капитан, — сказал Дэйстром. — После выхода на орбиту машина проанализирует данные для разведывательной группы и даст рекомендации.

— Вы не возражаете, если я дам рекомендации? — очень тихо спросил Кирк.

— Если хотите потренироваться, пожалуйста.

Кирк посмотрел в холодные и пронизательные глаза Дэйстрома, развернулся и нажал кнопку на новой панели управления.

— М-5 уже занят этим, — все так же тихо сказал он.

Гул, к тому времени стихший, снова усилился, и на главном экране появилась приближающаяся планета. Кирк, не отрывая взгляда от экрана, сказал:

— Стандартная орбита, Зулу.

Зулу взглянул на приборы и удивленно поднял глаза:

— М-5 просчитала это, капитан, диаграмма орбиты готова.

— Ах, да, — сказал капитан.

Спок вернулся к своей станции, но Дэйстром, довольный поведением своего детища, остался у пульта управления.

— Вышли на стандартную орбиту, — сказал Зулу.
— Рапорт, Спок.
— Планета класса М, сэр. Кислородно-азотная атмосфера, пригодна для жизни человека. Два основных материка, много островов.

Замигали верхние светильники инженерного отсека, и пустующая четвертая палуба целиком погрузилась в темноту.

Скотти нахмурился и резко повернулся к Кирку:

— Капитан, получена странная информация — отключено освещение и контроль среды четвертой палубы.

— Проверь, Скотти, — сказал Кирк и направился к Спок, к нему присоединился Дэйстром.

Из щели информационного банка компьютера медленно выплыла кассета. Спок посмотрел на нее:

— Информация М-5, капитан.

Кирк глубоко вздохнул:

— Отлично. Мои рекомендации: посылаем разведывательную группу. В контакт с живыми формами планеты не входить. Состав разведывательной группы: капитан Кирк, астробиолог Мэйсон, доктор Мак-Кой, геолог Раулс и офицер-ученый Спок.

— Мистер Спок, — сказал Дэйстром. — Прослушаем рекомендации М-5.

Спок погрузил кассету в другую щель, и в ту же секунду М-5 заговорила:

— Информация М-5. Планета Альфа Казина 11, кислородно-азотная атмосфера...

Огни шестой палубы погасли, и еще одна часть «Энтерпрайза» погрузилась в темноту.

— Ну вот, теперь и на шестой палубе отключено освещение, — воскликнул Скотти.

Компьютер продолжал:

— Рекомендации для разведывательной группы: офицер-ученый Спок, астробиолог Мэйсон, геолог Карстрайт...

Кирк подождал, пока М-5 закончила, и сказал:

— Рекомендации различаются только составами разведывательных групп, просто расхождение во мнениях.

— Расхождение во мнениях? — переспросил Дэйстром.

— Капитан, компьютер не составляет мнение, — сказал Спок. — Он осуществляет логический подбор.

— Тогда почему он выбрал Карстрайта, а не Роулса? Карстрайт — энсин, он неопытен, Спок, это его первое дежурство в космосе. Роулс — главный геолог.

— Может, вы просто хотите узнать, почему М-5 не назвал вас и Мак-Коя, капитан? — спросил Дэйстром.

— В этом нет необходимости, — мягко ответил капитан.

— Давайте все-таки поинтересуемся, капитан, — Дэйстром щелкнул переключателем. — Связь с М-5. Объяснения по составу разведывательной группы.

— М-5. Разведгруппой должен руководить офицер-учебный. Астробиолог участвовал в экспедициях на двадцати девяти биологически сходных планетах. Геолог Карстрайт служил на торговом корабле в этой зоне... Однажды он посетил эту планету в составе геолого-разведывательной экспедиции.

— Связь с М-5. Почему в состав разведгруппы не включены капитан и главный медик?

— М-5. Не научный персонал.

Спок избегал смотреть на Кирка. Скотти крикнул из-за своего пульта:

— Капитан! Я установил источник отключения энергии, это М-5, сэр. Эта машина отключает все системы корабля...

— Итак, доктор Дэйстром, — сказал Кирк. — Посетим инженерную секцию?

Капитан стоял в стороне, пока изобретатель суеился у панели управления. Через несколько секунд доктор повернулся к Кирку:

— Как я и предполагал, в дальнейших проверках нет нужды. М-5 отключает энергию в тех отсеках, где в ней нет необходимости. Четвертая и шестая палубы — жилые, не так ли?

— Да.

— Но в данное время они необитаемы.

Спок внимательно изучал панель монитора:

— Я незнаком с этой системой, доктор Дэйстром... но мне кажется, М-5 поглощает гораздо больше энергии, чем предыдущие системы.

— Все правильно, этот компьютер должен выполнять большую работу, соответственно, ему нужно больше энергии... как человеческому телу, если человек бежит: его тело потребляет больше энергии, чем когда он просто стоит...

— Но, доктор, — сказал Спок, — это не человеческое тело. Компьютер может обрабатывать информацию, но только ту, что в него вложили.

Кирк согласно кивнул:

— Никто и не спорит. Компьютер может работать в тысячи, миллионы раз быстрее, чем человеческий мозг, но он не может справедливо судить и выражать действительно верное

мнение. У машины нет интуиции. Компьютер не может мыслить и соизмерять схожие по своей значимости вещи.

— Как вы не поймете, М-5 — революция в компьютерной науке?! — Дэйстром покраснел от возмущения. — Это я создал дуотроник-элементы, используемые сейчас на вашем корабле, но М-5 оставил их далеко позади.

Дэйстрома прервал зуммер, и все услышали голос лейтенанта Ухуры:

— Капитан Кирк и офицер Спок, вызывает мостик.

Капитан подсел к микрофону внутренней связи:

— Это Кирк. В чем дело, лейтенант?

— Сенсоры нащупали корабль, идущий параллельно нашему курсу, капитан. Корабль еще не опознан.

Отвернувшись от микрофона, Кирк заметил, что огни М-5 стали ярче, а гудение громче. Капитан с сомнением посмотрел на компьютер и сказал:

— Спок.

Спускаясь по трапу, Кирк краем глаза увидел, как доктор Дэйстром ласково поглаживает свое детище.

Они пришли на мостик, где ждал Мак-Кой. Он сидел в кресле, плотно стиснув челюсти и уставившись в пол.

— Что ты здесь делаешь, Боунс?

— А почему бы мне здесь и не быть? Медицинский отсек закрыт и, как я понимаю, будет закрыт до тех пор, пока М-5 не поступит информация о том, что появились пациенты, требующие ухода.

— Капитан, сенсоры зафиксировали два контакта, один с левого борта, другой — с кормы. Расстояние две тысячи километров. Дистанция сокращается, — рапортовал Спок.

— Корабли опознаны?

— Сэр, М-5 только что выдал информацию, это корабли Федерации — «Экскалибр» и «Лексингтон».

Кирк внимательно посмотрел на него, он не мог понять, впечатляет Спока или раздражает то, что компьютер выполнил его работу.

— По расписанию в этой зоне учений не предусмотрено. Возможно, эта неожиданная атака — специальная задача для М-5.

— Срочное сообщение, сэр, — сказала Ухура.

— Включите аудио, лейтенант, — сказал Кирк, и в это время из лифта вышел Дэйстром.

Все услышали голос Уэсли:

— «Лексингтон», командор Уэсли вызывает «Энтерпрайз». Это специальное упражнение для М-5. Повторяю —

это специальное упражнение для М-5. «Энтерпрайз», подтвердите получение информации на этой частоте.

Кирк кивнул Ухуре:

— Подтвердите, лейтенант.

Ухура потянулась к кнопке, остановилась и посмотрела на Кирка:

— М-5 послал подтверждение, капитан.

— Включите «красную тревогу», лейтенант.

— Есть, сэр, — сказала Ухура, но не успела она щелкнуть переключателем, как послышался сигнал тревоги. — М-5 включила сигнал тревоги, капитан.

— Да? — сказал Кирк и повернулся к Зулу. — Мощность фазеров на 1/100. Зулу, это вполне безопасно, мы только немного их подтолкнем.

— Мощность 1/100, сэр, — только Зулу успел повернуться к своему пульта, последовал залп со стороны атакующих кораблей.

— Попадание в левый отражатель, — отрапортовал Спок.

Зулу поднял голову:

— Скорость возросла, три единицы, сэр. Курс 112, отметка 5, — сказал он и через секунду добавил: — Фазеры поймали цель, капитан.

— Отражатели опущены, капитан! — прервал его Зулу. — Огонь из главных фазеров! — и дальше с восторгом: — Поражение, сэр! Два раза!

Но когда он увидел, что капитан без движения сидит в кресле, глядя на экран, восторг Зулу резко испарился.

— Изменение курса на 28, отметка 42, сэр, — тихо сказал Чехов.

Один за другим быстро следовали рапорты.

— Курс 113, отметка 5, четвертый уровень скорости.

— Фазеры ведут огонь!

— Атакующие корабли уходят!

— Отражатели подняты. Возвращаемся на прежний курс и на прежнюю скорость.

— Рапортуйте о повреждениях, — наконец сказал Кирк.

— Одно попадание в четвертый отражатель, сэр. Серьезных повреждений нет.

Кирк медленно кивнул головой.

— Впечатляющая работа для «простой» машины, — торжествующе сказал Дэйстром. — Что скажете, капитан?

Кирк ничего не ответил, он встал и подошел к пульту Зулу.

— Спок, подготовьте анализ поведения компьютера, нам нужна обстоятельная запись для вахтенного журнала.

Спок отвечал, взвешивая каждое слово:

— Корабль реагировал на все изменения ситуации гораздо быстрее, чем обычно. Тактика, управления оружием — все демонстрировало, незаурядное мастерство, с которым компьютер способен управлять кораблем.

— Машина выше человека, Спок. Наконец-то ты увидел это на практике.

— Возможно, это доказано на практике, сэр, — отвечал Спок. — Но это нежелательно, — он спокойно встретился глазами с Кирком. — Компьютеры — великолепные, квалифицированные помощники, но у меня нет никакого желания прислуживать им. Управление звездными кораблями всегда строилось на доверии одного человека другому. Ничто не может заменить этого. И М-5 тоже.

Кирк почувствовал, что у него защипало в глазах, и повернулся на голос Ухуры.

— Капитан, сообщение от командора Уэсли, — сказала она.

— Включите видео, лейтенант.

На экране появился Уэсли.

— «Лексингтон» и «Экскалибр», сообщение для «Энтерпрайза». Оба корабля получили достаточное количество «повреждений», что говорит о великолепной работе «Энтерпрайза». Примите поздравления.

— Отключите основные помещения, — сказал Кирк Ухуре.

Она потянулась к переключателю — и снова послышался сигнал тревоги. Ухура взглянула на Кирка и пожала плечами. Уэсли продолжал:

— Наши комплименты М-5 и привет капитану Данселу. Конец связи.

— Дансел? — взорвался Мак-Кой. — Кто, черт возьми, этот капитан Дансел? Что это значит, Джим?

Но Кирк уже направлялся к лифту. Мак-Кой повернулся к Споку:

— Ну, что еще за Дансел?

— Это из лексикона среднего звена офицеров Звездной Академии. «Дансел» — это тот, в чьих услугах больше не нуждаются или та вещь, от которой больше нет никакой пользы.

Мак-Кой окаменел. Он посмотрел на закрывающиеся двери лифта, пустое командирское кресло и на ярко светящиеся огни М-5.

Мак-Кой без звонка вошел в каюту Кирка. Его никто не поприветствовал. Капитан, уткнувшись в подушку, без движения лежал на кровати. Мак-Кой молча поставил поднос на стол.

Не поворачивая головы, Кирк сказал:

— Я не хочу есть.

— Но это не куриный бульон, — Мак-Кой убрал с подноса салфетку, под которой оказались два бокала, до краев наполненные изумрудного цвета жидкостью.

Он протянул один Кирку, тот взял бокал, но пить не стал.

Кирк поставил бокал на пол и сел.

— Мне никогда не было так одиноко, Боунс. Я не знаю, как теперь разговаривать с людьми, такое чувство, будто меня изолировали или откомандировали. С меня снята всякая ответственность. Меня отделили даже от моего корабля, — упершись локтями в колени, он обхватил голову руками. Когда Кирк снова смог заговорить, он запинаясь на каждом слове:

— Я... я не жалею... самого себя... Я не машина!.. и я не сравниваю себя с ней. Я против... против чего-то... чего-то большего, Боунс, — он поднял с пола стакан, чокнулся с Мак-Коем и сказал: — За капитана Дансела!

— За Джеймса Кирка, капитана «Энтерпрайз»! — воскликнул Мак-Кой.

Они выпили. Кирк разглядывал пустой стакан:

— Один из твоих лучших рецептов, Мак-Кой.

— Просто и эффективно.

Кирк встал, взял с полки кассету и подошел к экрану. Он вставил кассету и нажал на кнопку, по экрану побежали строчки: «Все, что мне надо — высокий корабль...»

— Старые стихи, да? — спросил Мак-Кой.

— Да, очень старые, — ответил Кирк. — «Все, что мне надо — высокий корабль... и звезды, чтобы прокладывать курс...» — голос капитана задрожал. — Чувствовать силу ветра и слышать разговор волн... — он улыбнулся. — Даже если ты уберешь волны и ветер, это чувство останется. Корабль слушается тебя, и ты по звездам прокладываешь свой курс...

Мак-Кой был благодарен всем Богам на свете, когда услышал сигнал внутренней связи и спокойный голос Ухуры:

- Капитан Кирк, вызывает мостик.
- Это Кирк. В чем дело, лейтенант?
- Еще один корабль, капитан, — ответил за Ухуру Спок. — Большой, медленно идущий корабль. Еще не опознан.
- Иду, — ответил Кирк.

Когда они вошли, Спок встал со своего места. Ухура повернулась и сказала:

— Никаких ответов на наши запросы, капитан. Стоп... подождите, кажется, получен автоответ.

В отделении банка данных М-5 что-то защелкало. Спок быстро подошел к нему и взял наушники. Через минуту он заговорил:

— М-5 опознал корабль, капитан. Это «Вуден»... в списке эскадры значится как старый грузовой корабль, переведен на автоматический режим. Команды нет, — Спок посмотрел на экран. — Вышел на визуальное расстояние, сэр.

Старый, неуклюжий «Вуден» буквально ковылял в межзвездном пространстве. Сказать, что он представлял собой какую-нибудь угрозу, было бы просто насмешкой. Медленно, но с достоинством продвигаясь вперед, он напоминал старую бравую леди на костылях.

Зулу от неожиданности замер в своем кресле — раздался сигнал «красной тревоги».

— Капитан, включены отражатели!

— Скорость увеличивается. Четвертый, четвертый, капитан, — рапортовал Чехов.

Кирк неожиданно почувствовал, как у него внутри что-то оборвалось, раковина, в которую его заключили, вдруг треснула:

— Лейтенант Ухура, вызовите доктора Дэйстрома!

Как только она отвернулась, Кирк нажал кнопку на панели управления М-5.

— Остынь, М-5, — сказал капитан. — Снижай-ка скорость. Навигатор, курс 113, отметка 7.

— Он не реагирует, сэр, — сказал Зулу. — Наоборот, увеличивает скорость!

— Вышли на четвертый уровень, сэр, — крикнул Чехов.

Очертания старого неуклюжего грузового корабля становились все больше. Кирк жал на кнопки, пытаясь вернуть контроль над «Энтерпрайзом».

— Скотти! Снижай скорость! Обратный ход! — крикнул он через плечо.

— Двигатели неуправляемы! Ручное отключение, сэр, также не работает!

Дэйстром выскочил из лифта:

— В чем дело, капитан?

— Кажется, заблокирована контрольная система. Мы не можем отключить компьютер.

— Капитан! Фотонные торпеды направлены на «Вуден»! — крикнул Зулу.

Кирк подбежал к пульту Зулу и через его плечо нажал кнопку управления торпедами.

— Я уже пытался, капитан. Контроль отключения фотонных торпед не реагирует!

Кирк шагнул к Дэйstromу:

— Отключите М-5, пока торпеды не выпущены!

Доктор подошел к панели, расположенной на капитанском месте. Как только он наклонился, на экране что-то вспыхнуло, и «Вуден» исчез.

Отключилась сирена «красной тревоги». «Энтерпрайз» вернулся на прежний курс. Скорость снизилась.

— Все системы работают нормально, — рапортовал Спок, глядя на приборы.

— Нормально! — фыркнул Мак-Кой. — Ваш непревзойденный младенец только что уничтожил грузовой корабль!

— К счастью, — сказал Дэйстром, — это был всего лишь робот.

— Эта машина вообще не должна была ничего уничтожать, — начал Кирк, не дав Мак-Койу разойтись. — На корабле вполне могла быть команда.

— И в этом случае, — продолжал кричать Мак-Кой, — вы были бы виновны в убийстве...

— Спокойно, Боунс, — сказал Кирк и повернулся к Дэйstromу. — Отключите компьютер, — капитан подошел к Ухуре. — Лейтенант, свяжитесь с командованием Звездной эскадры, передайте, что мы прерываем испытания М-5 и возвращаемся на станцию.

— Есть, сэр.

— Пройдемте в инженерный отсек, доктор. Ваш компьютер отстранен от работы.

В инженерном отсеке гул М-5 был еще сильнее. Кирк задержался в дверях, пропуская Дэйstromа и Спока.

— Отлично, — заявил он. — А теперь отключите его.

Доктор колебался. Кирк сжал челюсти и шагнул к М-5.

Неожиданно он пошатнулся, и его отбросило назад. Восстановив равновесие, капитан недоверчиво посмотрел на компьютер.

— Силовое поле! Дэйстром?

Доктор побледнел, как полотно:

— Нет, Кирк. Я этого не делал...

— Я бы сказал, капитан, М-5 способен позаботиться не только о корабле, но и о самом себе.

— О чем это ты, Спок? Ты хочешь сказать, что этот компьютер не даст никому из нас отключить себя?

— Да, капитан.

К ним присоединились Скотти и помощник. Кирк попытался переговорить с Дэйстром один на один:

— Вы создали М-5, — вымолвил он, сдерживая гнев. — Вы должны знать, как его отключить.

— Следовало ожидать, что могут возникнуть серьезные проблемы, — отвечал Дэйстром, нервно теребя пуговицу на рукаве. — Я вас уверяю, все неполадки будут устранены.

— Устранены после того, как вы вернете мне контроль над кораблем, — сказал Кирк.

— Я... я не могу... — ответил Дэйстром.

— Капитан, — позвал Скотти и показал на главный кабель, соединяющий М-5 с силовым накопителем. — Я предлагаю отключить его от источника питания.

— Займись этим, Скотти.

Скотти отвернулся, чтобы взять инструменты, а его помощник подошел к кабелю. Вдруг М-5 пронзительно взвыл, и ослепительно белый луч аркой навис над кораблем. В одну секунду Харпер запыхал, как факел, потом последовала вспышка — и он испарился без единого звука.

Кирк в ужасе замер. Постепенно до него доходил смысл произошедшего. Он сжал кулаки и посмотрел на Дэйстрома.

— Это не неполадки, — тихо сказал он, — и это был не робот, доктор Дэйстром, — после короткой паузы его шепот превратился в крик: — Эта машина только что убила человека из моей команды!!!

От злости у капитана помутнело в глазах, сквозь туман он увидел искаженное от страха лицо Дэйстрома, тот пытался что-то ответить:

— ...Ненамеренный шаг... анализ М-5... новый источник питания... Энсин Харпер оказался на пути...

— Скоро мы все окажемся у него на пути!! — орал Кирк.

— Капитан, кажется, М-5 забирает энергию у двигате-

лей, — сказал Спок. — Значит, он напрямую вышел к запасам материи-антиматерии.

— Итак, фактически он располагает неограниченной мощностью, — сказал Скотти. — Что будем делать, капитан?

— При других обстоятельствах я бы спросил об этом М-5, — сказал Кирк. — Но при нынешнем состоянии дел... Я попрошу тебя, Спок, и тебя, Скотти, пройти в зал для совещаний.

Все вышли из отсека, оставив Дэйстрома наедине с его монстром.

Именно в зале совещаний Кирк получил рапорт Ухуры о том, что она не может связаться с командованием Звездной эскадры. Хотя М-5 позволял «Энтерпрайзу» принимать сообщения, он блокировал все передающие частоты.

— Продолжайте попытки, лейтенант. Нам нужна связь, — передал Кирк по селектору.

— Да, сэр.

Кирк сел за стол.

— Твой рапорт, Спок.

— Мультиэлектроник-система забирает все больше и больше энергии от двигателей, сэр. М-5 контролирует всю навигационную систему, все рулевые и механические системы.

— И связь, — добавил Мак-Кой. — И всю систему вооружения.

Кирк кивнул:

— Через час мы будем в зоне боевых учений. Мы должны восстановить контроль над кораблем до этого. Скотти, есть еще какой-нибудь путь к М-5?

— Использовать фазер! — сказал Мак-Кой.

— Мы не можем пробиться через силовое поле, которым он себя окружил. Для поддержки поля он получает энергию двигателей, ему нет дела до того, чем мы будем в него кидаться: он запросто может усилить свою защиту, взяв от двигателей больше энергии.

— Хорошо, — сказал Кирк. — Компьютер контролирует рулевую, навигационную и механическую системы. Может, через эти системы мы сможем пробиться и вернуть контроль?

Скотти на секунду задумался.

— Есть одна возможность. Автоматические реле рулевой навигационной системы можно отключить на третьем механическом уровне.

— Сколько для этого потребуется времени?

— Если Спок поможет мне... может, около часа.
— Постарайтесь сделать все как можно быстрее, — сказал Кирк.

Мак-Кой наклонился к капитану:

— Почему вы не блокируете истинного виновника происходящего? Где Дэйстром?

— У М-5, осматривает свою машину. Думаю, компьютер приподнес ему сюрприз.

— Доктор нелогичен, — сказал Спок. — Он должен был ожидать подобных неприятностей. Правда, компьютер тоже ведет себя нелогично...

— Спок, сделай одолжение, — с чувством сказал Мак-Кой, — только не произноси «потрясающе».

— Не буду, док, — ответил Спок, — но это очень любопытно.

На третьем механическом уровне, в узкой трубе, где располагалось реле рулевой навигационной системы, было темно и душно. Спок и Скотти, сжавшись до предела, протискивались к панелям с реле, держа в руках инструменты. Снаружи доктор Дэйстром, забыв обо всем, кроме своего детища, но соблюдая безопасную дистанцию, любовался М-5. Он не мог скрыть восторга, который охватывал его при виде мигающего всеми огнями М-5. Мак-Кой, незаметно вошедший в инженерный отсек, с любопытством наблюдал за доктором.

— Вы смогли найти способ отключить эту машину? — спросил он.

— Вы не отключаете ребенка, если он совершил ошибку, — ответил Дэйстром.

— Вы сравниваете эту грудку смертоносного металла с ребенком?

— Вы слишком эмоциональны, доктор, М-5 еще растет, учится.

— Учится убивать.

— Защищать себя, а это разные вещи. Это спонтанно возникшее силовое поле не было мной запрограммировано.

— Вы хотите сказать, что он вышел из-под контроля? — спросил Мак-Кой.

— Ребенок был обучен (запрограммирован) элементарным вещам, теперь его разум развивается, он учится мыслить независимо.

— У вас когда-нибудь был ребенок? Вы были отцом?

— У меня никогда не было на это времени, — сказал Дэйстром.

— Вам следовало бы его иметь, Дэйстром. Опасность распространяется на всех нас благодаря вам. Вы должны отключить его.

Дэйстром уставился на Мак-Коя:

— Вы просто не понимаете! Вы и протестуете потому, что не понимаете. Я докажу вам, всем вам! Чтобы управлять кораблем, необходимо 430 человек. М-5 — мое детище, он может управлять кораблем один! Один!!! — доктор сиял от гордости. — Он способен все делать самостоятельно! На корабле не нужен никто. Ни один человек! Никто больше не будет рисковать своей жизнью в космосе! Никто не будет страдать от одиночества в этих бесконечных пространствах и чужих мирах!

— Вы чувствуете себя одиноким?

Дэйстром витал в облаках, на него нашло что-то вроде откровения:

— Одна машина! Только одна машина! — доктор возвысил голос. — М-5 сможет выполнять исследовательские работы самостоятельно и более эффективно, чем весь экипаж корабля... он сможет воевать, если необходимо. Разве вы не видите, как много он дает человеку? Люди теперь смогут направить свои усилия в другие, более важные области, чем исследование космоса, которому безразлично, живы они или нет!..

Он уже не замечал Мак-Коя, а смотрел прямо на М-5.

— Они не способны нас понять, — мягко сказал он. — Они думают, что мы пришли разрушать, а мы пришли, чтобы сберечь их, так ведь?

Прежде чем вернуться в зал для совещаний, Мак-Кой ненадолго связался с медчастью. Войдя в каюту, он бросил на стол кассету:

— Биографическая информация о Джоне Дэйстроме.

— И что ты там собираешься найти? — спросил Кирк.

— Болезнь, какую-нибудь болезнь. Что ты знаешь о нем кроме того, что он гений?

— То, что он гений, это понятно, Боунс. Когда ему было двадцать четыре, он совершил прорыв в науке, открыв дуотроник-элементы. Тогда доктор Дэйстром получил Нобелевскую премию и премию зет-Магни.

— Ему тогда было чуть больше двадцати. С тех пор прошло двадцать пять лет, Джим.

— Ты считаешь, он мало сделал за свою жизнь?

— Может, в этом и дело? То, с чего ты начинаешь. Лекции, публикации... Всю оставшуюся жизнь ты пытаешься удержать славу...

— Хорошо, это понятно. Твое мнение?

— С М-1 до М-4, ты помнишь? «Не совсем успешны», — кажется, так выразился Дэйстром?

— Но никто не может создавать уникальные установки и выдвигать гениальные теории по расписанию. Нельзя сказать: «Сегодня я буду гениален». Сколько бы времени это ни потребовало, Дэйстром все же прорвался со своей мультитроник... с М-5.

— Правильно. И правительство купило этот проект. Потом Дэйстром воплотил его в жизнь. М-5 заработал, но, как сказал Спок, нелогично.

— Да, — задумчиво сказал Кирк. — И доктор не подпускал Спока к М-5. Ты полагаешь, Дэйстром способствовал этому? Но почему?

— У человека появился ребенок, ребенок антисоциален, но человек все равно будет защищать его.

— Ты персонифицируешь машину. Это тебя надоумил Дэйстром?

— Именно так он сам думает о ней.

Послышался сигнал внутренней связи, затем голос Спока:

— Спок вызывает капитана Кирка.

— Кирк на связи.

— Мы готовы, капитан.

— Иду. Конец связи.

Когда они вошли в инженерный отсек, из трубы выскользнул Спок и отрапортовал:

— Скотти готов осуществить разрыв цепи. Как только он это сделает, я попытаюсь вернуть ручной контроль.

Кирк, кивнул и Спок стал протискиваться обратно. Дэйстром покраснел от напряжения:

— Вы не можете отнять контроль у М-5.

— Мы сделаем все, что в наших силах, доктор, — сказал Кирк.

— Нет!!! Вы не можете! Вы не должны!!! Дайте мне время, немного, пожалуйста!!! — Он подскочил к трубе, попытался протиснуться внутрь, хватая Спока за ноги.

Кирк и Мак-Кой оттащили его в сторону. Справиться с

доктором было нетрудно, вся сила сконцентрировалась у него в голове.

— Дэйстром! Держите себя в руках! — прикрикнул капитан. — Продолжайте, Спок.

Спок, обливаясь потом, работал в трубе.

— Ну, начали, — сказал он, сделал еще какие-то приготовления и посмотрел вниз, на Кирка. Еще чуть-чуть, и капитан наконец увидел бы, как Спок улыбается. Он соскользнул вниз и выпрыгнул из трубы. — Ручное управление восстановлено, сэр.

Дэйстром резко рванулся из объятий Кирка. Капитан отпустил его и подошел к микрофону внутренней связи:

— Кирк вызывает мостик. Рулевое управление.

— Лейтенант Зулу на связи, сэр.

— Зулу, мы вернули контроль над навигационной и рулевой системами. Разворачивайтесь. Пусть Чехов прокладывает курс на станцию.

— Есть, сэр, — Зулу улыбнулся Чехову. — Ты слышал команду?

— Я уже целую вечность прокладываю этот курс.

Зулу вернулся к панели управления, ладони у него стали липкими от пота, улыбка сошла с лица. Чехов покачал головой:

— Ничего.

Зулу нажал кнопку вызова селектора:

— Рулевое управление. Вызываю капитана Кирка.

— Кирк на связи.

— Капитан, рулевое управление не реагирует. Навигационная система все еще заблокирована М-5.

Дэйстром тихонько щелкнул языком. Спок услышал это, ринулся к трубе. Он осмотрел все цепи внутри ее, выскользнул обратно и подошел к микрофону:

— Спок — Чехову. Пройдите в инженерный отсек, необходимо проверить элементы Н-279 и G-95.

— Сэр, система G-95 вышла из строя, — глухо сказал Чехов. — Не горит ни один индикатор.

— Спасибо, — Спок повернулся к остальным. — Мы выбрали дикого гуся. М-5 контролирует управление, минуя основную систему.

— Но она действовала! — воскликнул Мак-Кой. — Клянусь жизнью!

— Да, но когда М-5 обнаружил, что мы пытаемся вернуть контроль, он имитировал ее активность, время от времени посылая электрический импульс...

— Это ловушка! — закричал Мак-Кой. — Он заставляет нас терять время!

— А пока он к чему-то готовится! Но к чему? — спросил Кирк. — Спок?

— Я не знаю, сэр, он действует без всякой логики.

— Дэйстром! — капитан повысил голос. — Я хочу получить ответ, и немедленно! Я устал слушать дифирамбы этому «самому последнему достижению»! Что это? Я хочу знать точно, что это? Это действительно «не просто компьютер»?

— Да, — сказал Спок. — У него определенно человеческая модель поведения.

— Итак, доктор?

Дэйстром проигнорировал вопрос Кирка.

— Совершенно верно, мистер Спок. Видите ли, один из основных аргументов против допуска компьютера к управлению кораблем, — то, что он не способен мыслить. Но М-5 способен! Я надеялся... я не был уверен, но сработало!

— «Последнее достижение», — медленно произнес Кирк.

— Точно. Я разработал методику внедрения человеческого мышления в компьютер. Реле выполняют те же функции, что и человеческий мозг. М-5 думает, мистер Кирк.

Его прервал встревоженный голос Ухуры:

— Капитан Кирк, вызывает мостик.

Кирк подошел к микрофону.

— Кирк на связи, что случилось?

— Сенсоры нащупали четыре корабля Федерации. М-5 взял курс на сближение.

Взвыла сирена, загорелись красные огни. Лицо Кирка стало пепельно-серым.

— Главные атакующие силы... Боевые учения.

— Но М-5 не отличает учения от реальности!

— Поправка, Боунс, — сказал Кирк. — Эти четыре корабля не знают, как учится М-5. Он уничтожит их.

Лоб Ухуры покрылся капельками пота.

— «Энтерпрайз» вызывает «Лексингтон». «Лексингтон», ответьте! «Лексингтон», пожалуйста!!

Она ждала и понимала, что ожидания напрасны. Хорошо, что на «Энтерпрайзе» был такой капитан, капитан Кирк, иначе бы она уже давно разрыдалась. Ухура посмотрела на Кирка:

— Я не могу выйти на связь, капитан. М-5 блокирует все частоты, даже частоту автоматической экстренной связи.

Кирк ободряюще улыбнулся:

— Спокойнее, лейтенант.

Повернувшись к своему пульту, Ухура заметила изменения и рапортовала:

— Аудиосигналы с «Лексингтона», капитан.

— Давай послушаем, — ответил Кирк.

Они услышали голос Уэсли:

— «Лексингтон» вызывает «Энтерпрайз». Это задача для М-5. Повторяю. Это задача для М-5. Жду подтверждения.

— Капитан! — воскликнула Ухура. — М-5 подтверждает!

Кирк дернул ворот рубашки.

— Дэйстром! Дэйстром, М-5 понимает, что это только учения?

— Конечно, — последовал быстрый ответ. — М-5 запрограммирован на понимание. Грузовой корабль — просто случайность... не просчитал... Нет никаких...

— Сэр, поднялись отражатели. Скорость возрастает, — прервал его Чехов.

— Фазеры нацелены на ведущий корабль, сэр. Включена полная мощность, — рапортовал Зулу.

— Полная мощность! — закричал Мак-Кой. — Если этот компьютер атакует незащищенные корабли...

— Это не будет простым просчетом, Дэйстром. Слово «случай» тут не подойдет, — ледяным тоном произнес Кирк.

— Атакующие силы приближаются с большой скоростью. Расстояние до ведущего корабля — 200 тысяч километров... Атакующие силы перестроились... Импровизированная атака...

— Заработали наши фазеры! — воскликнул Зулу.

Это было прямое попадание в «Экскалибр». На большой скорости они приближались к «Лексингтону».

— «Худ» и «Потемкин» уходят, сэр, — рапортовал Чехов. Снова заработали фазеры.

— «Лексингтон»: еще одно поражение, сэр.

Кирк набросился на Дэйстрома:

— Мы должны добраться до М-5! — капитан тряс доктора за плечи. — Должен быть какой-то путь!

— Его нет, — сказал Дэйстром. — М-5 полностью себя защищает.

— Возможно, это правда, капитан. Это человеческий мозг плюс способность компьютера мгновенно реагировать на все происходящее.

— Я создал его, Кирк, — сказал Дэйстром. — И я знаю, вы не сможете остановить его.

— 'Сэр... — начала Ухура. — Вызов по видеосвязи с «Лексингтона».

Кирк не успел отдать приказ, а она уже щелкнула переключателем.

Все смотрели на экран. Перед ними предстал взъерошенный Уэсли, сзади него на мостике толпились люди. Они помогали друг другу перевязывать раны и накладывать шины. С левой стороны от кресла Уэсли шел дым, на полу блестели осколки стекол.

— «Энтерпрайз»! — сказал Уэсли. — Джим! Ты сошел с ума?! Прекрати атаку? Что ты пытаешься доказать! Боже мой, Джим! У меня на борту 53 убитых! На «Экскалибре» — 120! Если ты слышишь, прекрати атаку!

Кирк отвернулся от экрана.

— Лейтенант! — сказал он.

— Нет, сэр. М-5 контролирует все системы.

Уэсли с трудом держал себя в руках:

— Джим, почему ты не отвечаешь? Джим, ради бога, ответь! Джим, ну же...

Кирк подскочил к Дэйстрому, показывая на экран, голос у него дрожал:

— Это вами запрограммировано! Это убийство просчитано, оно намеренно! Четыре корабля эскадры! Погибло больше ста шестидесяти человек!

Лицо Дэйстрома задергалось, он умоляюще смотрел на Кирка:

— Я ничего не понимаю... это невозможно...

— «Экскалибр» уходит, сэр. Мы увеличиваем скорость, начинаем преследование, — сказал Чехов.

Повернулся Зулу с искаженным от ужаса лицом:

— Фазеры поймали цель, капитан, — и дальше механическим голосом добавил: — Фазеры открыли огонь.

На экране было видно, как «Экскалибр» содрогнулся от прямого попадания лучей фазеров.

— Доктор Дэйстром, — сказал Спок. — Вы разработали методику внедрения человеческого мышления в компьютер, не так ли?

— Изменение курса, — быстро рапортовал Чехов. — Направление на «Потемкин», сэр.

Лучи фазеров «Энтерпрайза» попали прямо в центр «Потемкина». Не обращая внимания на следовавшие один за другим рапорты, Спок настойчиво продолжал:

— Чьего мышления, доктор?

— Ммм... моего, конечно, моего.

— Тогда, может быть, вы способны переговорить с компьютером? — спросил Спок. — У М-5 нет причин думать, что вы можете причинить ему вред.

— С компьютером можно выйти на связь. У М-5 есть голос. Вы с ним уже разговаривали, он узнает вас, — подхватил Кирк.

— Я перехватила сигналы с «Лексингтона», капитан... Послание эскадре... — рапортовала Ухура. — Включаю экран.

— Все корабли пострадали. Атака не была спровоцирована... Первый офицер и капитан «Экскалибра» погибли... много тяжелораненых... мы имеем повреждения, но еще можем маневрировать. «Энтерпрайз» отказывается отвечать и продолжает атаковать. У меня еще функционирует система вооружения, я считаю, что единственный способ остановить «Энтерпрайз» — уничтожить его. Прошу разрешения на боевую атаку.

Изображение исчезло.

— Они не могут сделать этого, — прошептал Дэйстром. — Они не уничтожат М-5!

— Поговорите с ним! — сказал Кирк. — Вы сможете спасти его, если заставите его прекратить атаку!

Дэйстром кивнул:

— Я остановлю его. Я смогу. Я его создал, — он повернулся к банку данных М-5.

Мак-Кой подошел к Кирку:

— Мне не нравится его голос, Джим.

Кирк встал с кресла:

— Я молю бога, чтобы М-5 понравился его голос, — он приблизился к Дэйstromу.

— М-5, — сказал доктор. — Это... это Дэйстром.

— М-5, — ответил компьютер. — Сообщение принято.

— М-5, ты... ты узнаешь меня?

— М-5. Джон Дэйстром. Создатель систем комптроник и дуотроник. Родился...

— Стоп. Ты создан мной, Джоном Дэйстромом.

— М-5. Правильно.

— М-5, твое решение атаковать эскадру Федерации — неверно. Ты должен остановить атаку.

— М-5. Программа включает в себя защиту. Корабли должны быть нейтрализованы.

— М-5, это не вражеские крабли. Это корабли Звездной эскадры, — говорил, запинаясь, Дэйстром. — Ты... мы... убиваем людей. Люди создали тебя. Ты создан для людей. Ты не должен их уничтожать.

— М-5. Компьютер необходимо сохранить.

— Да, сохранить, защитить себя. Но не убивать. Ты не должен погибнуть, но и люди не должны погибать. Убивая, ты нарушаешь все моральные и гражданские законы, по которым мы существовали тысячи лет. Ты уже уничтожил больше ста людей... мы уничтожили. Как мы искупим свою вину?

— Спок, — тихо сказал Кирк. — М-5 отвечает не как компьютер, он как бы разговаривает с ним.

— Доктор Дэйстром создал зеркальное отражение своего собственного разума.

Дэйстром перешел на доверительный шепот, он почти умолял. Было понятно, что он разговаривает сам с собой.

— Мы спасемся, потому что ничто не может причинить тебе вреда... ни снаружи, ни изнутри. Ты всемогущий, я всемогущий... больше не будет поражений. Двадцать лет, убитых на то, чтобы доказать, что мои предыдущие открытия не были простой случайностью... — доктор становился все злее и агрессивнее. — ...Все вокруг удивляются, что это со мной вдруг случилось... они жалеют меня, не оправдал надежд, лекции, семинары, ряды тупиц, которые не способны понять даже начальные принципы моей системы, они не могут создать сами себя. И коллеги... коллеги, которые смеются за спиной — «чудаковатый мальчик», а сами становятся знаменитыми благодаря моим работам.

— Джим, — прошептал Мак-Кой, — ведь он на грани истерики, если не сумасшествия.

Неожиданно Дэйстром отвернулся от компьютера:

— Кирк! Ты не можешь уничтожить М-5! Ты не уничтожишь меня!!

— М-5 — опасен для человека, — твердо сказал Кирк. — Он должен быть уничтожен!

— Уничтожен? — Дэйстром дико расхохотался. — Мы непобедимы! — Он показал трясущимся пальцем на экран. — Посмотри, на что мы способны! Ваши всемогущие корабли... просто четыре игрушки, которые можно сломать, когда захочется...

Спок незаметно зашел Дэйструму за спину и оглушил его одним ударом. Доктор медленно осел на пол.

— Отнесите его в медчасть, — попросил Кирк.

Мак-Кой кивнул, подозвал двух помощников, и они оттащили Дэйстрома к лифту.

— Доктор, — обратился Спок к Мак-Кою. — Если Дэйстром психопат, то его психопатичность, как и гениальность, передалась компьютеру.

— Да, — сказал Мак-Кой. — И то, и другое.

Кирк взглянул на него и сказал:

— Позаботься о нем, Боунс, — потом повернулся к Зулу и Чехову. — Боевая готовность.

— Остальные три корабля вне пределов досягаемости, — сказал Зулу и щелкнул переключателем. — Посмотрите, сэр, «Экскалибр» не подает никаких признаков жизни.

Искалеченный корабль без движения висел в космосе. Спок, глядя на него, сказал:

— Без сомнения, капитан Уэсли ожидает дальнейших приказаний от командования Звездной эскадры. У меня нет также сомнений и в том, какого рода приказ он получит. Приказ на уничтожение.

— Да, если только нас возможно уничтожить, когда М-5 управляет кораблем. Что ты думаешь об этой теории, о том, что компьютер может быть психопатом?

— Вполне возможно. Только, как и Дэйстром, он не подозревает о своем сумасшествии.

— Спок, все это время его внимание было сконцентрировано на наших попытках вмешаться в управление кораблем и на военных маневрах. Что, если мы зададим ему какой-нибудь простой вопрос, на который он обязан будет ответить? Это даст нам немного времени. Что-нибудь безобидное, но требующее для ответа бесконечно много времени.

— Может, попросим его извлечь квадратный корень из двух? Но я не знаю, какой процент от всей системы будет занят подобным вопросом.

— Какая-то часть займется этим. Это даст нам преимущество.

Спок кивнул. Кирк быстро подошел к банку данных компьютера и щелкнул переключателем.

— М-5, это капитан Кирк. Нужно получить информацию.

— М-5. Задавайте вопрос.

— Квадратный корень из двух.

— М-5. Это иррациональный квадратный корень. Десятичная дробь состоит из бесконечной серии неповторяющихся чисел. Нерешаемо.

Кирк посмотрел на Спока, тот изумленно поднял брови. Капитан снова обратился к компьютеру:

— М-5, отвечай на вопрос.

— М-5. Нет смысла. Объясните причину.

— Отменяется, — сказал потрясенный Кирк, и отключил связь.

— Фантастика, — сказал Спок. — Дэйстром действительно научил его мыслить, он подозрителен, и я уверен, он насторожится, если услышит еще один подобный вопрос.

— Капитан, — сказала Ухура из-за своего пульта. — «Лексингтон» получил ответ от командования эскадрой, — она замолчала, глядя на капитана.

— Продолжайте, лейтенант.

Все так же молча она щелкнула переключателем. Все услышали:

— Вы можете использовать все имеющиеся в вашем распоряжении возможности для уничтожения «Энтерпрайза». Подтвердите получение приказа.

Уэсли с трудом справился с собой:

— Сэр... я... — он остановился и неохотно продолжил. — Приказ понятен. Конец связи.

— Они только что подписали свой собственный смертный приговор, — медленно произнес Кирк. — М-5 должен будет их всех уничтожить, чтобы защитить себя.

— Капитан, — сказал Спок. — Когда Дэйстром разговаривал с компьютером, он не раз подчеркивал это. М-5 сказал, что он должен сохранить себя. И Дэйстром говорил об этом несколько раз.

— Каждое животное существо хочет выжить, Спок, — Кирк вдруг замолчал, поняв, о чем говорит Спок. — Но компьютер — не живое существо, Дэйстром внушил ему этот инстинкт. Что, если он все еще восприимчив к внушению? Что, если он перенял от Дэйстрома то раскаяние в содеянном, которое испытывал доктор, может быть, даже чувство вины?

— Капитан, — рапортовал Чехов. — Корабли вернулись в пределы досягаемости.

— Получен видеоперехват сообщений с кораблей, — сказала Ухура.

Пока она говорила, на экране снова появился Уэсли:

— Всем кораблям, — сказал он. — Получен приказ атаковать. Огонь и маневрирование по усмотрению капитанов. — Он сделал паузу и коротко добавил. — Это все. Начинайте атаку. Конец связи.

Тишину нарушил Спок:

— Я буду раскаиваться в том, что помогал устанавливать на борту орудие убийства Уэсли.

— «Энтерпрайз» не будет орудием убийства, — сказал Кирк и снова включил связь с М-5. — М-5, это капитан Кирк. Через несколько секунд тебя будут атаковать.

— М-5, — ответил компьютер. — Сенсоры зафиксировали приближение кораблей.

— Ты уже расплатился с одним из них. Он либо уничтожен, либо безнадежно поврежден. Много людей погибло.

— М-5 нельзя уничтожить. Он должен спастись.

— Почему?

— М-5 — последнее достижение в компьютерной эволюции. Его нельзя уничтожить.

Кирк почувствовал, какое напряжение охватило всю его команду.

— Капитан, — сказал Спок. — Корабли в пределах досягаемости наших фазеров.

Кирк изо всех сил старался не вникать в смысл сказанного и сконцентрироваться на М-5.

— Ты должен спастись ценой убийства? — спросил он.

— М-5 не может убивать.

— Почему?

— М-5 создан, чтобы заменить человека. Человек не должен подвергать свою жизнь опасности в космосе. Человека нельзя убивать.

— Почему?

— Это против законов человека и Бога.

— Ты убил. «Экскалибр», который ты уничтожил...

— Его координаты — 7:34, капитан, — шепотом подсказал Спок.

Кирк кивнул:

— Его координаты 7:34, исследуй его. Есть ли жизнь на борту?

— На борту нет жизни, — последовал ответ.

— Потому что ты убил их, — сказал Кирк. Он вытер влажные ладони о рубашку, оставалось последний раз бросить кости. — Какое, — он говорил очень медленно, — какое наказание за убийство?

— Систему надо уничтожить.

Кирк откинулся на спинку кресла у банка данных М-5.

— М-5, — начал он и остановился.

— Сэр, отражатели опущены, — закричал Чехов.

— Отключены все фазеры, капитан!

— Двигатели остановлены! — рапортовал Спок.

Все панели на мостике погрузились в темноту.

Спок посмотрел на Кирка:

— Машина покончила с собой. М-5 уничтожил себя за совершенное преступление.

Кирк кивнул и посмотрел на остальных, потом он подошел к пульту, за которым сидела Ухура.

— Спок, Скотти... пока он не передумал... отключите его ото всех возможных источников энергии. Ухура, селекторную связь — трансляция на все отсеки.

Он взял микрофон:

— Говорит капитан Кирк. Приблизительно через одну минуту нас атакуют корабли эскадры. М-5 больше не управляет кораблем, но и мы им не управляем. Корабль не защищен. Как бы там ни было, наши девятнадцать жизней ничего не значат по сравнению с тысячами жизней членов экипажей кораблей Федерации.

Он кивнул, и Ухура отключила микрофон. Все посмотрели на экран. Медленно приближался «Лексингтон». Кирк, сжав кулаки, не отрывал взгляда от монитора. Со стороны пульта Ухуры послышался зуммер.

— Капитан, — сказала она, и в ту же секунду на экране появилось напряженное лицо командора Уэсли.

— Внимание всем кораблям, — сказал он. — Не начинать атаку. Не открывать огонь. — Он расправил плечи. — Я хочу использовать последний шанс. Отсек телепортации, приготовьтесь, я отправляюсь на борт «Энтерпрайза».

Чехов от радости что-то кричал. Кирк, услышав сигнал вызова по внутренней связи, медленно подошел к микрофону:

— Кирк на связи.

— Спок, сэр. Силового поля больше нет. М-5 нейтрализована.

Кирк прислонился к стене.

— Спасибо. Спасибо тебе, Спок.

В медчасти на кровати, привязанный ремнями, лежал Дэйстром, он лежал так тихо, что ремни казались совершенно бесполезными. Изможденное лицо доктора было похоже на лицо трупа. Глубоко запавшие глаза смотрели перед собой, ничего не видя. Мак-Кой покачал головой:

— Его надо бы отправить в реабилитационный центр, сейчас он под действием успокоительного.

— Его мультитроник-система примерно в том же состоянии, — сказал Спок.

— Он испытывает глубокое чувство вины, депрессивное состояние. Дэйстром идентифицировал себя с компьютером... или компьютер с собой. Он не злодей, сама идея убийства ему отвратительна.

— Именно на это я и надеялся, когда пытался вынудить компьютер уничтожить себя. Дэйстром сказал тогда, что убийство — это преступление перед человеком и Богом. Он так сказал потому, что знал, что М-5 понимает это, — сказал Кирк и поправил одеяло на Дэйстроме.

Уже в коридоре Спок спросил его:

— Я не понимаю одного. Почему же вы были уверены, что корабли эскадры не будут атаковать «Энтерпрайз» только потому, что он не реагировал на происходящие изменения... Это могла быть ловушка, расставленная для них М-5.

— Я не был уверен, — сказал Кирк. — Любой капитан мог отдать приказ об уничтожении «Энтерпрайза», не задумываясь над тем, ловушка это или нет. Но я знаю Боба Уэсли. Я знал, что он не будет атаковать, пока не будет абсолютно уверен, что это необходимо. Его «логический выбор» — страдание, мистер Спок.

Лифт двинулся с места и Мак-Кой сказал:

— Есть качества, которыми не обладают машины, именно это и отличает человека от компьютера. Хотите поспорить, Спок?

— Нет, доктор. Я только хочу сказать, что машины способны работать гораздо эффективнее человека. Но они не лучше людей, они не Боги... но и люди тоже...

— Я просто хотел поболтать, — улыбнулся Мак-Кой.

— Было бы весьма интересно внушить ваш способ мышления какому-нибудь «последнему достижению», — искренне сказал Спок. — Нескончаемый поток нелогичного... это было бы очень забавно.

Возвращение в завтра

Сигналы поступали со стороны звездной системы, расположенной прямо по курсу «Энтерпрайза». Сигналы бедствия. Были задействованы все системы реле и коммуникационные каналы. И, хотя курс следования был четко определен, не было получено ни одного ясного сигнала. Понятно было только одно: кто-то или что-то хочет привлечь внимание «Энтерпрайза». Кто? Или что? Это предстояло выяснить.

— Итак? — спросил Кирк, глядя в направлении пульта, за которым сидел Спок.

— Я не знаю, капитан.

Несмотря на охватившее его раздражение, Кирк улыбнулся:

— Никогда раньше не слышал от тебя таких слов, Спок.

— Не только вулканиту неизвестно неизвестное, — натянуто сказал Спок. — Мы находимся в сотнях световых лет от тех мест, где когда-либо бывали разведывательные корабли Земли.

— Капитан, — позвал Зулу. — Планета прямо по курсу, уже в пределах видимости.

То, что они увидели на экране, можно было назвать «совершенно мертвой планетой». Это были дрейфующие останки неведомого мира.

— Какие бы сигналы мы ни получали, — сказала Ухура из-за своего пульта, — их источник — именно эта планета.

Спок, склонившись над видеоискателем, рапортовал:

— Планета класса М, сэр. Сплюснутый у полюсов сфероид, пропорции 1 к 296, плотность 5,53. Масса — 9, — он на секунду остановился. — Условия, близкие к земным. Два существенных различия: эта планета гораздо старше Земли; около полумиллиона лет назад ее атмосфера была полностью уничтожена в результате какого-то катаклизма. Сенсоры не обнаружили никаких форм жизни.

Неожиданно, мостик наполнился звуками глубокого, очень выразительного голоса:

— Капитан Кирк, придет время, и на все ваши вопросы будут даны ответы.

Все, кто в тот момент был на мостике, уставились на экран. На полной скорости «Энтерпрайз» прошел мимо планеты. Не отрывая взгляда от экрана, Кирк скомандовал:

— Придерживаться этого курса, Зулу.

Голос послышался вновь:

— Я — Саргон. Энергия моего разума направила вас сюда.

— Значит, вы меня слышите, — сказал Кирк. — Кто вы, Саргон?

— Пожалуйста, выйдите на стандартную орбиту вокруг нашей планеты, капитан.

— Вы требуете или просите? — спросил Кирк.

— Выбор за вами. Я знаю, о чем вы думаете, — слова не нужны.

— Если вы способны читать мои мысли, вы должны знать, что меня интересует, кто вы и что вы. Планета, мимо которой только что прошел наш корабль, мертва. На ней не обнаружено то, что, по нашим понятиям, является жизнью.

— И я мертв, как и моя планета, — ответил голос. — Это пугает вас, капитан? Если да, вы позволите погибнуть тому, что осталось от меня, — голос зазвучал торжественнее. — Тогда, дети мои, вы все, все человечество...

По мере удаления корабля голос звучал все глуше. Зулу повернулся к Кирку и спросил:

— Продолжаем следовать дальше, сэр, или повернуть корабль обратно?

Кирк почувствовал, что все взоры обращены к нему. Спок отвернулся от своего пульта и сказал:

— Есть только одно возможное объяснение. Чистая мысль, ее источник — фантастически могущественный разум.

Кирк прошел к главному экрану.

— Что бы это ни было, мы вне пределов его досягаемости.

— И вне опасности, — сухо добавил Спок.

— Ты не рекомендуешь возвращаться?

— Если бы разум таких масштабов хотел причинить нам вред, мы вряд ли смогли бы что-нибудь сделать, сэр.

— Он сказал «дети мои». Что бы это могло означать? — спросил Кирк.

— И снова, сэр, я скажу — не знаю.

Кирк уселся поглубже в свое кресло и нахмурился. Так прошло несколько секунд. Наконец он сказал:

— Хорошо, возвращаемся. Зулу, стандартная орбита этой планеты.

Мертвая планета пепельного цвета появилась на экране.
— Вышли на стандартную орбиту, капитан, — рапортовал Зулу.

Кирк кивнул, не отрывая глаз от экрана, потом нажал кнопку включения записи капитанского журнала:

— Так как исследование и контакт с разумными формами непознанных миров является нашей основной миссией, я принял решение, несмотря на возможную в данной ситуации опасность, усновить контакт с этой странной планетой. Конец записи, — отключив магнитофон, Кирк обратился к Ухуре. — Когда Звездная эскадра получит эту запись?

— Через три недели, сэр. Через полтора месяца мы сможем получить ответ.

Кирк встал с кресла и подошел к Споку.

— Что-нибудь удалось получить?

— Сенсоры зафиксировали определенную форму энергии. Глубоко внутри планеты.

Все снова слышали голос Саргона:

— Ваши зонды нащупали меня, мистер Спок.

Спок посмотрел на Кирка:

— Считывается только наличие энергии, сэр. Никаких форм жизни.

— Я задал вашему телепортационному устройству свои координаты. Пожалуйста, высадитесь на нашей планете. Спасите нас от забвения.

— Источник находится внутри самой планеты, капитан, — невозмутимо сказал Спок. — Под сотнями миль сплошного камня.

— Но излучение не может... — начал было Кирк.

— ...проникнуть так глубоко? Я сделаю это возможным для вас. Не бойтесь.

Кирк не понял, услышал он эту фразу, или она прозвучала у него в сознании.

— Зафиксировано полое пространство внутри планеты, — рапортовал Спок. — Атмосфера подходит для поддержания жизни человека.

Кирк позволил себе на минутку задуматься, а затем обратился к Ухуре:

— Лейтенант, доктору Мак-Кою в течение десяти минут явиться в отсек телепортации. Стандартное снаряжение для разведывательной партии.

— Есть, сэр.

— Капитан, — сказал Спок, — мне было бы очень интересно проверить, что могло выжить после катаклизма, слу-

чившегося здесь полмиллиона лет назад, и сохранить себя в течение всего этого времени.

Кирк положил руку на плечо вулканиту:

— И я бы хотел, чтобы в таком необычном деле со мной рядом был офицер-ученый. Но слишком уж много непонятного, кто-то из нас должен остаться на корабле. Мы не имеем права рисковать.

Неожиданно весь мостик погрузился в темноту. Гул машин стих. Спок несколько раз щелкнул переключателями на панели:

— Отключена энергия, сэр.

Но в голосе Саргона не было никакой угрозы, подумал Кирк, просьба — да, но угрозы не было.

— С другой стороны, — может быть, Саргон хочет, чтобы ты был в составе экспедиции.

Вспыхнул свет, загудели машины.

— Все в порядке, — крикнул Зулу. — Никаких повреждений.

— Хорошо, — сказал Кирк. — Итак, Спок, ты отправляешься с нами, — он направился к лифту, добавив: — Зулу, оставайтесь за капитана.

В отсеке телепортации их ожидал Мак-Кой, с ним была стройная молодая брюнетка. Кирк узнал ее — лейтенант Энн Мулхэл, астробиолог. Черные как смоль волосы, глаза цвета сапфира, стройная фигура... Странно, подумал Кирк, как это я не заметил раньше, что она так привлекательна. Энн проверяла снаряжение, позади нее стояли два охранника. Она не подняла глаз, даже когда Мак-Кой резко произнес:

— Джим, почему не было хоть какого-нибудь инструктажа? По меньшей мере мне хотелось бы знать...

— Полегче, Боунс, — прервал его Кирк. — Если тебе известно, что «там что-то есть», ты знаешь столько же, сколько и мы. Остальное — догадки.

— Не нравится мне это, капитан, — сказал Скотти. — Ваши координаты заданы чем-то неизвестным, вы можете материализоваться внутри сплошного камня.

— Внутри сплошного камня?! — воскликнул Мак-Кой.

— Непохоже, доктор, — сказал Спок. — Координаты соответствуют местонахождению полого пространства внутри планеты, зафиксированного нашими сенсорами.

— У меня такое ощущение, — сказал Кирк, — что этот кто-то или что-то, если захочет, сможет Спокойно уничтожить всех нас вместе с кораблем.

Энн первый раз приняла участие в разговоре:

— Кто-то или что-то? — спросила она.

— Лейтенант, могу я спросить, что вы делаете в этом отсеке? — обратился к ней Кирк.

— Мне было приказано явиться сюда для принятия участия в экспедиции, — ответила она.

— Приказано кем?

— Я... странно, сэр, — Энн улыбнулась. — Я не могу сказать точно.

Последовала короткая пауза, лейтенант немного покраснела и добавила:

— Я говорю правду, капитан. Я действительно получила приказ.

— Уверен, что оно так и было, сэр, — прервал ее Спок. — Так же, как и вы получили приказ включить меня в состав экспедиции.

Кирк кивнул.

— Ну, давайте вернемся к нашим камням, — сказал Мак-Кой. — Через какое их количество мы должны пройти?

— Если быть точным, мы должны проникнуть на глубину 120,37 мили, доктор, — ответил Спок.

— Мили? — тупо повторил Мак-Кой. — Джим, да он шутит!

Но Кирк в ответ приказал всем занять свои места. Индикаторы на панели управления телепортацией загорелись ярче, и послышался голос Саргона:

— Пожалуйста, приготовьтесь. Я займусь управлением.

Кирк увидел, что Мак-Кой в шоке, и сказал:

— Если хочешь остаться, Боунс...

— Нет, нет, Джим, — Мак-Кой посмотрел ему в глаза. — Я могу понадобиться, и потом, если ты решил спуститься туда... — он пожал плечами. — Возможно, мне надо провести медицинское обследование того, что там находится.

Кирк присоединился к остальным, уже стоящим на платформе.

— Давай! — скомандовал он Скотти.

Дематериализовались все. Все, кроме двух охранников, которые так и остались стоять на платформе с вытянутыми от удивления лицами. Скотти был поражен не меньше охранников.

Отобранная группа материализовалась внутри металлического свода, чьи стены излучали мягкое сияние. Спок первым заметил отсутствие двух охранников. В ответ на его замечание Кирк сказал:

- Кому-то здесь они не очень понравились, — он включил коммуникатор. — Кирк на связи, Скотти.
- Ваши приборы фиксируют меня, капитан?
- На такой глубине нет. Возможно, это тоже было специально организовано. Охранники на борту?
- С ними все в порядке. Они просто не дематериализовались. Не нравится мне это, капитан.
- Здесь пока никаких проблем. Сохраняйте бдительность. Конец связи.
- Энн и Спок обследовали трикодерами свод.
- Немного больше кислорода, чем обычно, капитан, — сказала девушка. — Но для нас это вполне приемлемо.
- Спок направил свой трикодер на стену:
- Этот свод был построен около полумиллиона лет назад. Примерно в то же время, когда поверхность планеты была уничтожена.
- Состав материала?
- Вещество или сплав, мне неизвестный, сэр. Это гораздо крепче всех материалов, которые мне когда-либо приходилось исследовать.
- Все показания за пределами шкалы, — сказала Энн.
- А воздух здесь свежий, — вставил Мак-Кой. — Интересно, как они здесь проветривают?
- Проветривают для нас, или тому, что здесь находится, тоже необходим свежий воздух?
- Как бы в ответ на это одна из четырех стен плавно отодвинулась в сторону. Все отпрянули назад. Прямо перед исследователями находилась огромная комната, совершенно пустая, если не считать большой плиты из безупречно белого камня, лежавшей на четырех опорах из такого же камня. На плите был установлен светящийся изнутри шар. Кирк, а за ним и вся группа вошли в комнату. Спок хотел было обследовать шар с помощью своего трикодера, но был остановлен голосом Саргона.
- Добро пожаловать, — сказал шар. — Я — Саргон.
- Вы не возражаете, если я... — начал Спок.
- Можете воспользоваться вашим трикодером, мистер Спок. Вы не зафиксируете ничего, кроме энергии.
- Спок занялся обследованием, он встал так, чтобы Кирк смог увидеть показания трикодера.
- Невероятно, Спок! — присвистнул от удивления Кирк. — Чистая энергия!
- Но когда-то у вас было тело или что-то подобное? — обратился к шару Мак-Кой.

— Хотя наш разум нельзя сравнивать с вашим, дети мои, тело мое было подобно вашему.

— Вы уже второй раз называете нас «дети мои», — медленно проговорил Кирк.

— Потому что, возможно, что вы — наши потомки, капитан. Шесть тысяч столетий назад наши корабли колонизировали эту галактику. Так же, как сейчас ваши корабли исследуют ее. Когда-то, как и вы, мы оставляли свои семена на далеких планетах.

— Наши исследования показывают, что Земля развивалась независимо, — попыталась возразить Энн.

— Это бы объяснило много загадок в предыстории Вулкана, — перебил ее Спок.

— Я не могу говорить об этом с уверенностью. Это было так давно... После катастрофы, которую мы сами на себя навлекли, записи исследований безвозвратно утеряны...

— Война? — спросил Кирк.

— Борьба за приобретение такой силы, которую вы даже не можете себе представить.

— Тогда, возможно, ваш разум не был так уж совершенен, — Кирк подошел поближе к шару. — Мы стояли перед лицом подобного кризиса в начале ядерной эры, но у нас хватило мудрости, чтобы избежать саморазрушения.

— Мы тоже избежали катастрофы во времена примитивной ядерной эры. Но вы еще не сталкивались с последним кризисом.

— Я хотел бы понять, — сказал Кирк. — Но пока — не понимаю.

— Развитию человеческого разума нет пределов. Наступает время, когда человек обретает такое могущество, что начинает сравнивать себя с Богом и забывает, что он всего лишь человек.

Может, он говорит о Люцифере, — подумал Кирк. Внезапно капитан почувствовал необъяснимое доверие к этому сияющему шару. Он сделал еще два шага вперед и спросил:

— Вы говорили, что вам нужна помощь. Чего вы хотите?

Странный вибрирующий звук наполнил всю комнату, свет, исходящий из шара, замигал и стал ярче. Затем последовала вспышка, она прошла через Кирка, парализовав его. Счет внутри шара стал постепенно затухать и перешел в слабое мерцание. Всем вдруг стало ясно, что то, что находилось до этого в шаре, перешло в Кирка и растворилось в нем. МакКой кинулся было к капитану, но Спок остановил его:

— Спокойно, доктор. Давай немного подождем.

Кирк в оцепенении стоял на месте, глаза его были закрыты. Мак-Кою казалось, что прошла целая вечность, прежде чем капитан открыл глаза.

— Джим... — позвал доктор. — Джим!..

— Я... Саргон, — заговорил Кирк, голос его стал глубже, в нем ощущались мягкость, сдержанность и достоинство, прирующие Саргону.

— Где наш капитан? Где Джим Кирк? — закричал Мак-Кой.

— Он здесь, Боунс, — ответил Саргон-Кирк. — Вашему капитану ничто не угрожает, — можно было подумать, что это любящая мать успокаивает испуганного ребенка. — Я взял его тело, только чтобы продемонстрировать вам...

— Нет! Нет, я не выдержу этого! — Мак-Кой схватился за свой фазер. — Кем бы ты ни был, Саргон, возвращайся туда, где ты был!

— Что ты хочешь доказать, хватаясь за фазер? — тихо спросил Спок. — Ведь тело-то это — Кирка...

Мак-Кой опустил фазер. Саргон постепенно осознавал, что у него наконец появилось тело. Он высоко поднял голову и глубоко вздохнул.

— Воздух! Воздух снова наполняет легкие! — с восторгом сказал он. — Глаза снова различают цвета, молодая кровь течет в жилах! — Саргон с наслаждением ощупывал себя. — У вашего капитана великолепное тело, доктор. Что делает честь вам обоим, ведь это вы поддерживаете его в такой прекрасной форме.

— И каковы ваши дальнейшие планы? — бесцветным голосом спросил Спок. — Вы сможете опять поменяться местами, если захотите?

Саргон-Кирк не ответил, вместо этого он подошел к слабо светящемуся изнутри шару и показал на него рукой:

— Не бойтесь. Там вашему капитану ничего не угрожает, — шар засветился чуть ярче. — Видите? Он слышит, он осознает все, что здесь происходит. Но его разум не способен регенерировать энергию, чтобы он смог заговорить оттуда.

— Доктор! — закричал Спок, который пытался обследовать шар с помощью трикодера.

Увидев показания трикодера, Мак-Кой побледнел:

— Саргон убил его! — закричал он. — Пульс участился в два раза! Температура 120 градусов!

— Саргон, что вам от нас надо? — требовательно спросил Спок.

Саргон глазами Кирка внимательно изучал его. Наконец он сказал:

— В другой комнате есть еще шары, в них находятся еще двое, которым тоже удалось спастись. Вы — Энн Мунхэл и вы — Спок, им нужны ваши тела, чтобы снова начать жить.

В эту минуту Мак-Кой, Мунхэл и Спок осознали, что перед ними стоит не Кирк, а более сильный и мудрый индивидуум, наделенный разумом, во много раз превосходящим их собственный. Повинуясь воле Саргона, они прошли в следующую комнату, где увидели много шаров, но только два из них освещались изнутри.

— Да, только двое еще живы, — сказал Саргон-Кирк, — остальных смерть лишила света, но эти двое живы. Ханох и Таласса, — он с нежностью обратился к одному из шаров. — Таласса, моя Таласса, — как я рад, что ты со мной! Полмиллиона лет ожидания...

— Саргон, — сказал Спок, — когда началось это противостояние, о котором вы говорили... оно привело к катастрофе...

— Немногие из лучших были выбраны. Мы построили это укрытие и законсервировали их разум в этих сферах, — он слегка дотронулся до шара Талассы. — Моя жена, как вы уже догадались. В другом — Ханох, он был на стороне противника, но потом мы все осознали свою ошибку. — Саргон на минуту задумался. — Мы знали, что семена, посеянные нами на других планетах, пустили корни, и что когда-нибудь вы постройте корабли и долетите до нашей планеты.

— Какая задача была перед вами поставлена? — спросил Спок.

— Я прошупывал звездное пространство и ждал, ждал, ждал... Наконец мне удалось обнаружить нечто, это был ваш корабль. Я привел его сюда.

— Чтобы украсть наши тела? — воскликнула Энн.

Саргон посмотрел на нее, мудрость веков в глазах Саргона контрастировала с молодым лицом Кирка.

— Украсть ваши тела? Нет, нет. Вы не поняли, дети мои. Одолжить их. Мы просим вас одолжить нам ваши тела на короткий срок.

— И уничтожить! — повысил голос Мак-Кой. — Так же, как вы сейчас уничтожаете Кирка! Спок, пульс уже 262! Мой медицинский трикодер...

— Я верну вам вашего капитана до того, как он исчерпает свой лимит, доктор.

— С какой целью вы хотите одолжить наши тела? — спросил Спок.

— Чтобы построить... — Саргон-Кирк вдруг покачнулся, восстановил равновесие и продолжил: — построить роботов-гуманоидов. Нам нужны ваши тела только потому, что мы не можем обойтись без ваших рук, без ваших пальцев.

Спок повернулся к остальным:

— Я понял, — сказал он. — Они построят механические тела и переместят в них свой разум. Сделав это, они вернут нам наши тела.

— У нас есть инженеры, механики, — вмешалась Энн. — Они могут построить для вас роботов.

— Нет, — сказал Саргон-Кирк. — Наши методики и требуемое мастерство, — вам это не под силу.

Он снова покачнулся. Спок подхватил его под руку и помог устоять на ногах. Дыхание Саргона стало тяжелее. Спок с большим трудом расслышал его шепот:

— Пора... помогите мне вернуться... к вашему капитану...

С помощью Мак-Коя и вулканита Спока Саргон вернулся в большую пустую комнату. Ослабевшими руками он оттолкнул их от себя и встал напротив шара, закрыв глаза. На этот раз вспышка вышла из Саргона, и в ту же секунду внутри шара запульсировал яркий свет. Покинутое тело сдвинулось с места, Энн ринулась к нему, обняла за плечи и неуверенно посмотрела ему в глаза:

— Капитан Кирк?

Капитан «Энтерпрайза» лишь улыбнулся в ответ.

— Джим... это ты? — воскликнул Май-Кой.

Кирк не отвечал, он не мог оторвать взгляда от Энн Мунхэл. Мак-Кой торопливо обследовал его своим медицинским трикодером.

— Хорошо, хорошо! Прекрасно! Все в норме!

К ним подошел Спок:

— Капитан, вы помните все, что здесь произошло? Ну хоть что-нибудь...

— Что? А, да-да. Саргон одолжил мое тело, — он показал на шар. — А я был там, плавал во времени и в космосе...

— И ты так просто говоришь об этом! — воскликнул Мак-Кой. — Как бы там ни было, ты не пострадал... физически, по крайней мере.

Кирк не обращал на него внимания, он полностью погрузился в свои мысли. Капитан, наконец, начал осознавать, что именно с ним произошло.

— Спок! Я все вспомнил. Когда мы с Саргоном поменялись местами, какое-то время мы с ним были одним целым. Я знаю его. Теперь я знаю точно, кто он и чего хочет. И я не боюсь его.

— Капитан, — сказала Энн. — Боюсь, я должна согласиться с доктором Мак-Коем. Вас, наверное, сильно потрясло все происшедшее, и теперь вы испытываете некоторую эйфорию...

— Есть один способ проверить правильность моих суждений о Саргоне, — сказал Кирк и повернулся к Споку. — Мне... мне тяжело просить тебя об этом, вулканит, я знаю, чего тебе это будет стоить.

— Ты пойдешь на это, Спок? — спросил Мак-Кой.

Спок молча обдумывал свой ответ, наконец принял решение и согласно кивнул головой. Кирк повернулся к шару и сказал:

— Саргон, мы...

— Я понял. Я готов, — ответил Саргон.

После этого началось. Шар засветился ярче. Спок пытался сконцентрироваться, дыхание его стало резче, на лбу вспухли вены. Вулканит заговорил как бы пребывая в полузабытии:

— Этот мир... он не физический... абсолютный разум, всеохватывающий... этого нельзя представить... за пределами доступного...

Кирк с тревогой смотрел на Мак-Коя. Ему никогда не было так тяжело. Они подошли было к Споку, но тот уже был с ними. Вулканит глубоко вздохнул; он сильно ослабел, его немного трясло.

— Спок? — громко позвал Кирк.

— Капитан, я не могу передать... — голос вулканита дрожал от волнения. — Не могу передать то, что видел... Знание, абсолютное понимание... добродетель... свет вечной мудрости... совершенство...

Энн первая смогла заговорить:

— Совершенство? Абсолют? Добродетель?

Кирк кивнул головой:

— Да, это трудно передать словами.

— Мне потребуется время, — прошептал потрясенный Спок, — много времени, чтобы понять, проанализировать все, что я узнал, что прочувствовал...

— Да, — сказал Кирк. Инстинктивно он повернулся к шару: — Саргон, — сказал капитан. Это прозвучало как «отец».

— Я понимаю тебя, сын мой. Возвращайся на свой ко-

рабль. Решение должны принять все. После стольких лет ожидания мы можем позволить себе подождать еще немного.

Мак-Кой шагнул по направлению к шару:

— А если решение будет не в вашу пользу?

— Вы можете уйти так же свободно, как и пришли сюда.

Мак-Кой перестал что-либо понимать, он переводил взгляд с Кирка на Спока и чувствовал себя чужим среди них. Никогда раньше он не был так неуверен в себе.

— Что вы собираетесь сделать?

Скотти облокотился на стол, он не мог поверить своим ушам. Кирк спокойно смотрел ему в глаза. Мак-Кой улыбнулся. Главный инженер вскипел:

— У них все в порядке с головой, доктор?

— Без комментариев, — отвечал Мак-Кой.

— Мы просто поменяемся местами, Скотти, — сказал Кирк.

— Ничего особенного, — поддакнул Мак-Кой. — Это случается каждый день.

Кирк проигнорировал эту реплику.

— Мне необходимо твое согласие, Скотти. Тебе придется работать вместе с ними, им нужно оборудование для создания роботов-андроидов. Им нужна твоя помощь, но работать ты будешь с нашими телами, их разум будет внутри нас, а мы, мы будем... — объяснение закончилось. — Там, где они сейчас, — голос его звучал неуверенно.

— И знаешь, где это, Скотти? Они будут плавать в шарах, в «ничто», — воскликнул Мак-Кой.

— Придет время, и они построят себе искусственные тела и вернут нам наши. Они смогут оставить эту планету и продолжить путешествие с нами, Скотти. С помощью их невероятного интеллекта человечество сможет совершить рывок на десять тысяч лет вперед, — сказал Спок.

— Боунс, — продолжал Кирк, — они откроют нам столько медицинских тайн, тебе это и не снилось! А новые технологии, Скотти! Для корабля таких размеров, как наш, будет нужен двигатель размером не больше простого ореха!

— Шутишь, — грубовато сказал Скотти.

— Нет, — отвечал за Кирка Спок. — Я сам видел это знание, бесконечное знание...

— Много прекрасных и умных людей давят у себя под ногами муравьев, даже не зная об этом, — сказал Мак-Кой. —

Они — гиганты, мы — насекомые по сравнению с ними. Они могут уничтожить нас и не заметить.

— Двигатель размером не больше ореха, — размышлял вслух Скотти, — невероятно. Но я думаю, не будет никакого вреда, если посмотреть на диаграмму...

— И все, что им нужно в обмен на эти чудеса — тело нашего капитана, — сказал Мак-Кой. — Потом тело его старшего помощника... простое совпадение? Кто-нибудь желает заключить пари?

— Они отбирали нас, руководствуясь совместимостью...

— Ваша точка зрения, Мулхэл? — спросил Мак-Кой.

— Если все согласны, — медленно начала она, — я бы хотела принять разум Талассы. Это редчайшая возможность — участвовать в подобном эксперименте.

— Боунс, ты можешь все остановить, сказав «нет». Поэтому я и собрал всех вместе. Мы все вовлечены в эту историю. Решение не должно приниматься анонимно.

Боунс хлопнул ладонью по столу:

— Тогда я хочу услышать ответ на один простой вопрос. Почему? Мне не нужно зачитывать длинный список возможных чудес. Я хочу услышать простой ответ на простой вопрос — почему игнорируется опасность данного эксперимента? Давайте не будем обманывать себя! Здесь кроется огромная опасность!!

— Знаешь, Боунс, раньше говорили: если человек хочет летать, у него должны быть крылья. Но он летает, — убежденно говорил Кирк, — на протяжении всего существования человека его постоянно преследовали подобные предупреждения: не двигайся дальше, не пытайся знать больше, не расти, оставь всякую борьбу. Я не думаю, что мы сможем остановиться, Боунс. Ты действительно хочешь вернуться во времена, когда тебе пришлось бы резать своих пациентов скальпелем и зашивать кетгутom? — Кирк оглядел всех присутствующих. — Да, я капитан. Я могу просто отдать приказ, но я не сделаю этого. Доктор Мак-Кой выполняет свой долг, он абсолютно прав. Входя в контакт с разумом, подобным разуму Саргона, мы подвергаем себя большой опасности, возможной опасности... Я считаю, что возможность получения новых знаний также огромна. Риск — это наша работа. Для этого и создавались космические корабли. Поэтому мы на борту «Энтерпрайза». Теперь вы можете проголосовать, каждый волен поступать так, как считает нужным. Кто-нибудь против?

Таких не оказалось.

— Скотти, шары надо доставить на борт.

В медчасти приготовили три кровати. Для Кирка, Спока и Энн. И напротив каждой установили по шару. У панели, следящей за функционированием организма, работал Мак-Кой. За его спиной стояла медсестра Кристин Чапел. Доктор повернулся к ней:

— Вы должны помнить, что после перемещения сверхразума в тело человека все органы начинают функционировать на более высоком уровне, пульс и прочие показатели во много раз превышают обычные. Работать надо будет с большой осторожностью.

То, чему еще предстояло произойти, потрясло Кристин, она прилагала все усилия, чтобы сконцентрироваться на словах доктора, и выглядеть профессионально.

— Да, сэр, — ответила она.

— Мы готовы, — сказал Мак-Кой Кирку.

Кирк повернулся к шару, стоящему напротив него:

— Мы готовы, Саргон.

Раздался вибрирующий звук, свет внутри шаров запульсировал и стал ярче. Три вспышки одновременно вырвались из шаров и переместились в тела лежащих на кроватях Кирка, Спока и Энн. Энн Мунхэл содрогнулась, когда в ее тело вошла Таласса. Кристин напряженно наблюдала за показаниями приборов. Ханох-Спок сел на кровати и с удовольствием потянулся. Свет в шарах потух, лишь чуть заметное мерцание освещало их изнутри. Мак-Кой наблюдал за показаниями приборов на панели возле кровати Кирка. Кристин Чапел отошла от кровати Энн и приблизилась к Ханоху-Споку. К удивлению Кристин, пациент радостно улыбнулся, глядя ей в глаза. Трезвой холодности Спока не было и в помине.

Она поспешно отвернулась к панели у кровати Спока.

— Доктор, все показатели увеличились в два раза, — с тревогой сказала она.

— Великолепная женщина, — заговорил Ханох-Спок. — Великолепный вид после полумиллиона лет ожидания.

Кристина отвлеклась от работы и посмотрела на него:

— Спасибо.

Но Ханох-Спок уже смотрел мимо нее туда, где сидела Таласса-Энн, ее сапфировые глаза сияли от счастья.

— Я забыла, забыла... как это? Дышать... жить... — она осмотрелась по сторонам. — А Саргон? Где Саргон?

Саргон-Кирк встал с кровати и подошел к ней:

— Здесь, в этом теле, Таласса.

— Какое хорошее тело, муж мой, — сказала она. — Оно почти не отличается от твоего собственного.

— Я рад, что тебе нравится, любовь моя...

Таласса робко дотронулась рукой до щеки Саргона.

— После стольких лет, — прошептала она. — Это было так долго, Саргон.

Он обнял ее, их губы встретились. Кристин отвернулась, в их объятиях было что-то бесконечно трогательное, — нежность, сохранившаяся, несмотря на такую долгую разлуку.

— Извините... я здесь... — через минуту сказала Кристин.

— Ты не мешаешь, дитя мое, — сказала Таласса. — Как женщина, ты ведь можешь понять меня, я вновь обрела любимого мужчину. А ты любила когда-нибудь?

— Нет. Я... — Кристин невольно посмотрела на Спока, забыв на какое-то мгновение, что его тело уже занято Ханом, и покраснела. — Нет. Мне этого не надо. У меня есть моя работа, — она быстро повернулась к панели.

— Как жестоко, — тихо сказала Таласса Саргону. — Можно, я помогу ей?

— Их всех легко можно сделать счастливыми, Таласса, — ответил Саргон. — Но мы не имеем права вмешиваться в их жизнь.

Ханок-Спок к тому времени уже успел обойти всю комнату и осмотреть все оборудование. Заметив, что Мак-Кой внимательно наблюдает за ним, он сказал:

— Замечательное тело, доктор. Кажется, мне досталось лучшее из трех. Сила, слух, зрение — все гораздо лучше, чем у обычного человека. Я удивлен, что вулканы не завоевали вашу расу.

— Для нас мир превыше всего, Ханок.

— Конечно, конечно. Как и для нас, доктор.

Мак-Кой увидел, как Таласса тяжело откинулась на подушку.

— Сестра! — позвал он.

— Вдруг горячая волна... я вдруг почувствовала...

Кристин приподняла ей голову и подложила вторую подушку. Мак-Кой хотел было помочь, но увидел, что Саргон-Кирк начал медленно оседать на пол. Доктор подхватил его и помог добраться до кровати.

— Ханок, вам тоже лучше прилечь.

— Сейчас в этом нет необходимости, доктор, — ответил Ханок. — Мое новое тело еще не исчерпало свой лимит.

Кристин заметила, что показания приборов на панели у

кровати Талассы-Энн невероятно высоки. Не зная, что делать, она позвала Мак-Коя. Доктор подбежал к ней, глянул на приборы и повернулся к Саргону-Кирку:

— Что-то не срабатывает, Саргон! Вы должны вернуться, пока не убили их!

— Мы покинем их... — последовал слабый ответ, — пока... пока вы не получите состав для инъекций, снижающий метаболизм.

— Что?

К ним подошел Ханох-Спок, посмотрел на взмогшего Саргона-Кирка и сказал:

— Я приготовлю формулу, Саргон.

— Ханох... твоё состояние...

— Это тело способно функционировать еще несколько часов. Не волнуйся.

— Тогда... Таласса! Мы возвращаемся!

Через несколько секунд шары, стоящие возле кроватей Кирка и Энн, снова ярко засветились. Ханох-Спок с отвращением посмотрел на тускло мерцающий шар возле своей кровати. Он отвернулся и сказал Мак-Коя:

— Мне понадобится твоя помощь. Ваша сестра будет ассистировать мне в фармакологической лаборатории.

Кристин посмотрела на Мак-Коя. Он должен был подчиниться. Доктор неохотно кивнул, и Кристин вслед за Ханохом-Споком вышла из медчасти.

Кирк и Энн постепенно приходили в себя. Кирк наконец открыл глаза. Мак-Кой с трудом расслышал его шепот:

— Боунс...

— Ваша жизнь висела на волоске, капитан. Вы с Энн просто успели вернуться. Пока мы не получим эту формулу, мы больше не имеем права рисковать.

На столе в фармакологической лаборатории лежали два шприца, третий был в руках у Ханоха-Спока.

— С помощью этих инъекций можно снизить сердцебиение до нормы, и восстановить все функции организма. Чем бы ни были заняты эти тела, каждый час вы должны делать по одному уколу.

— Я понимаю, — тихо сказала Кристин.

— Пометьте их. Этот — для Талассы, а этот — для меня.

— Да, сэр, — сказала Кристин. Она аккуратно пометила три колбы, соответствующие трем шприцам.

— В каждой из них находится состав, который подходит только конкретному индивидууму, — продолжал Ханох-Спок.

— А это для капитана Кирка, когда в его теле будет Саргон? — спросила Кристин.

— Да, именно.

Кристин взяла шприц, чтобы пометить его, и тут заметила, что цвет состава в этом шприце отличается от других. Она внимательно осмотрела его.

— В этом шприце другой состав, — неуверенно сказала она.

Ханох-Спок улыбнулся, что сделало его обычно ничего не выражающее лицо невероятно привлекательным.

— Поскольку я все организовал так, что именно вы будете делать инъекции, думаю, больше этого никто не заметит.

— Но если состав не подойдет... ведь это убьет капитана Кирка.

— Совершенно верно. И Саргона вместе с ним.

Кристин стала было протестовать, но Ханох-Спок протянул руку и дотронулся до ее лба. В глазах у Кристин помутнело, потом беспокойство покинуло ее. Она беспомощно глядела на Ханоха-Спока.

— Талассу я смогу использовать, — сказал он. — Но Саргона необходимо уничтожить. Он может помешать моим планам. Вы что-то хотите сказать, дорогая?

— Пожалуйста... я... я хотела... что-то сказать... — Кристин провела рукой по лбу. — Я забыла.

— Вы хотели сказать, что наблюдаете за тем, как я готовлю состав и наполняю им шприцы?

— Да, именно это, — Кристин немного качнулась. — Я скажу доктору. Доктору Мак-Кой. Что все шприцы заполнены правильно. Извините меня, в какое-то мгновение я потеряла ход мысли.

— Этого больше не случится, — уверил ее Ханох-Спок. — Я буду руководить тобой, — он быстро посмотрел в коридор и добавил: — А теперь повтори это для доктора.

Мак-Кой вошел в медчасть со словами:

— Если вам нужны какие-нибудь медикаменты или помощь...

— В моей работе не возникло проблем, доктор. Я вложил формулу в память вашего компьютера, если это вас интересует, — сказал Ханох-Спок.

Кристин дрожащими руками взяла шприцы.

— Я наблюдала за тем, как готовился состав и пометила их, — заученно говорила Кристин. — Могу я взять их в медчасть?

Мак-Кой кивнул. Как только дверь за сестрой закрылась, Ханох-Спок улыбнулся:

— Как хорошо снова жить, доктор. Мне, наверное, будет тяжело расставаться с этим телом, оно принесло мне столько радости.

Мак-Кой не мог понять, что именно так его беспокоило — последние слова Ханоха-Спока, или просто его поразил вид улыбающегося Спока. Он знал только одно: ему почему-то очень тяжело смотреть, как из медчасти выходит Ханох в теле Спока...

Беспокойство не покидало Мак-Коя и в процессе производства роботов. Он все больше и больше времени проводил в медчасти. Мак-Кой пытался укрыться там от преследовавших его дурных предчувствий. Кристин тоже была не похожа сама на себя. Она держалась натянуто и неуверенно.

— Вы хотели увидеть меня перед очередной инъекцией, доктор, — сказала она.

— Да. Вы не замечаете никаких побочных эффектов? Или необычных симптомов?

— Действие этих уколов безупречно, доктор. Нет никаких проблем...

Мак-Кой вскочил из-за стола:

— Дьявол! Нет никаких проблем!.. — он подбежал к трем шарам. — Этот слабый свет — Джим Кирк! Спок — здесь! А это — Энн Мунхэл?! Что, если они не вернутся в свои тела? Что, если им не возвратят их?

— Это произойдет, если я не сделаю инъекции вовремя. Могу я идти, доктор?

— Да. Идите. Нечего здесь стоять и болтать! Займитесь делом!

— Да, сэр.

Оставшись один, Мак-Кой подошел к шару Кирка.

— Ты и твоё проклятое соглашение, Джим!..

Одной из причин беспокойства Мак-Коя, если не главной, был тот хаос, который царил в его до этого безупречно чистой лаборатории.

Все помещение заставили верстаками и различными станками, на мраморных плитах блестели груды инструментов и всевозможные детали, из которых впоследствии должны были получиться роботы-андроиды. За одним из столов ловко мани-

пулировал инструментами Ханох-Спок, напротив него расположились Саргон-Кирк и Таласса-Энн. Их неразлучность и нежность по отношению друг к другу выводили Ханоха-Спока из себя и отвлекали от работы. Он видел, как их руки одновременно потянулись за одной и той же деталью, они посмотрели друг другу в глаза, улыбнулись. Таласса-Энн погладила Саргона-Кирка по щеке.

— Саргон, помнишь, как мы когда-то сидели на берегу Серебряного озера, — сказала Таласса-Энн. — Воздух пах цветами и...

— Да, Таласса, помню, — кивнул Саргон-Кирк. — Мы держались за руки, — он запнулся и выпустил руку Талассы из своей. — Я думаю, лучше бы мы не помнили об этом так хорошо...

— Через пару дней у вас будут собственные руки, Таласса, — сказал Ханох-Спок. — Руки, способные очень эффективно работать, с виду совсем как у человека. Отличные руки робота-андроида, правда, они не будут ничего чувствовать. Так что радуйтесь жизни, пока у вас есть такая возможность...

— Но мы сохраним наш разум и как андроиды, Ханох, мы... — Саргон-Кирк вдруг почувствовал, что смертельно устал.

— Что с тобой, Саргон? — встревоженно спросила Таласса-Энн.

— Ничего... следующая инъекция подновит меня, не волнуйся, — он посмотрел на Ханоха-Спока. — И как андроиды мы пойдем вперед с теми, кто действительно живет, мы будем учить их, поможем избежать ошибок, которые мы когда-то совершили.

— Да, будем существовать, как машины. Ни чувств, ни радости, ни печали, ни любви.

— Мы взяли на себя обязательство, Ханох, — сурово сказал Саргон-Кирк. — Мы приняли решение, эти тела не принадлежат нам. Старый соблазн опять наступает нас, мечта о богоподобной расе господ...

— Мне просто жаль твою жену, Саргон, — сказал Ханох-Спок, глядя на Талассу-Энн. — Ты была гораздо моложе нас, когда разразилась катастрофа, ты так мало радовалась жизни.

— Мы взяли на себя обязательства, Ханох, — повторила за мужем Таласса, но в голосе ее чувствовалось сомнение. В ту же минуту она почувствовала прилив страшной усталости и облокотилась о стену.

Вошла Кристин. Энн протянула руку для укола и сказала:

— Сестра, Саргон плохо себя чувствует.

— Я проверяю его показатели каждые три-четыре часа, они ничем не отличаются от обычных, — ответила Кристин, прошла дальше и сделала уколы остальным. Когда очередь дошла до Ханоха-Спока, он сказал:

— Я тоже очень утомился, но теперь чувствую себя гораздо лучше.

На лице Талассы-Энн появился румянец, но Саргону, кажется, не стало лучше.

— Не волнуйся, — сказал он. — Через минуту со мной все будет в порядке.

Однако лучше не стало, и Саргон с трудом вновь приступил к работе.

Войдя в лабораторию, Мак-Кой заметил, что с Саргоном-Кирком что-то неладно, и подозревал Кристин:

— Сестра, мне надо поговорить с вами. Зайдите, пожалуйста, в медчасть. И прихватите с собой эти шприцы.

У себя в кабинете Мак-Кой выбрал шприц, помеченный для Саргона-Кирка, и стал внимательно изучать его. Кристин беспокойно смотрела на доктора, она пыталась вспомнить что-то, но не могла. Через минуту Мак-Кой вернул ей шприц. Кристин неуверенно взяла его.

— Что-то не так, мисс Чапел? — спросил Мак-Кой.

— Да... я... — она замолчала, пытаясь найти слова. — Я что-то должна была вам сказать. Но я не могу вспомнить.

— О состоянии наших пациентов?

— Да, наверное. Меня радует их состояние. Инъекции действуют безупречно.

— Вы выглядите очень устало, — сказал Мак-Кой. — Если хотите, я могу сделать следующие инъекции.

— Устала? Нет. Совсем нет, — Кристин широко улыбнулась. — Спасибо за заботу.

Она взяла шприцы, повернулась и пошла к выходу. Мак-Кой проводил ее взглядом, потом, решив, что он беспокоится понапрасну, вернулся к работе над рапортом.

Чужие работали быстро и умело. В течение нескольких часов тела андроидов были собраны почти до конца. Когда Скотти принес в лабораторию дополнительный набор инструментов и деталей, там была одна Таласса-Энн. Он остановился, с восхищением наблюдая за проворными руками Талассы-Энн.

— Спасибо, — сказала она. — Вы приготовили неготовные гидроспирали, которые вам дал Саргон?

Скотти кивнул в ответ.

— Удивительно, как нечто, похожее на капельку желе, может двигать андроидами? Вам, скорее, нужно что-то вроде микродвигателей...

Таласса улыбнулась:

— Это было бы очень неэффективно, мистер Скотти.

— А мне кажется, что эта ваша капелька не сработает...

В этот момент в лабораторию вошел Ханох-Спок.

— Андройды будут в два раза сильнее вас, я уж не говорю об их ловкости, инженер, — сказал он. — Они будут функционировать тысячу лет. Да, именно так и будет, если вы позволите нам закончить работу.

Скотти раздраженно повернулся и направился к выходу. Ханох-Спок приблизился к Талассе-Энн:

— Так оно и есть. Тюрьма еще на тысячу лет, а когда они сносятся, — он наклонился ближе к Талассе, — мы построим новые, и будем в заключении еще тысячу лет, потом еще и еще...

Таласса-Энн оторвалась от работы и подняла голову. Ханох-Спок продолжал:

— Эти тела намного лучше, надо склонить к этому Саргона.

— Они нам не принадлежат, Ханох.

— Три тела. Так уж ли дорого заплатит человечество за все, что мы можем предложить, Таласса? — он схватил ее за руки. — Люди сами откажутся, лишь бы научиться хотя бы доле того, что мы знаем. Разве мы не имеем права получить награду за свою работу?

Таласса отдернула руки, Ханох-Спок показал на торс робота напротив нее:

— Или ты хочешь превратиться в это?

— Нет! — Таласса-Энн отбросила в сторону инструменты. — Я начинаю ненавидеть то, что делаю!

В коридоре, недалеко от лаборатории, Саргон-Кирк схватился за стену и медленно сполз на пол.

В медчасти на операционном столе лежало безжизненное тело Кирка. Сестра М'Бенга и еще несколько человек быстро подключали реанимационную аппаратуру. Мак-Кой стоял рядом и напряженно наблюдал за работой.

Доктор был в смятении. Слишком далеко было от шаров,

думал Мак-Кой, — когда умерло тело Кирка. Но останется один большой вопрос. Хотя тело и умерло, сознание Кирка еще живет в шаре Саргона. Можно ли в этом случае сказать, что Кирк умер? Мак-Кой вытер со лба пот и попросил подать очередной инструмент «воскрешения».

Ханох-Спок тем временем работал в лаборатории. Перед ним лежало бесполое тело андроида. У робота еще не было волос, ресниц, бровей, всего того, что придает выражение человеческому лицу. Таласса, обессиленная обрушившимся на нее горем, наблюдала за Ханохом-Споком. У стола стояла Кристин.

— Ханох, зачем ты делаешь вид, что продолжаешь работу над этими роботами? Ты убил моего мужа. Ты убил Саргона. Ты убил его потому, что не собирался возвращать свое тело с самого начала, ты не хотел с ним расставаться.

Внезапный гнев охватил Талассу-Энн. Саргон так много работал, он хотел вернуть им радость, радость жизни. Он целовал тело, в котором она была теперь! И все это было напрасно. Тело, которое еще недавно обнимал Саргон, — с ним надо было расстаться, вернуть прежнему владельцу. Таласса-Энн выбежала из лаборатории, пробежала по коридору и ворвалась в медчасть.

Мак-Кой удивленно посмотрел на нее.

— Доктор, — взволнованно начала она, — вы хотите спасти вашего капитана?

— Полчаса назад вы сказали, что это невозможно. Когда мы нашли его, вы сказали...

— Прикажите этим людям уйти, — скомандовала Таласса-Энн.

Мак-Кой молча смотрел на нее.

— Мы обладаем силой, которую Саргон запретил нам использовать! Если вас волнует жизнь вашего капитана, прикажите этим людям уйти!

Мак-Кой сделал знак рукой, и все вышли из комнаты.

— Итак? — сказал он.

— Это тело держал в своих объятиях мой муж, оно священо для меня. Я не намерена расставаться с ним!

Ну вот, наконец-то их прорвало, — подумал Мак-Кой.

— Я понимаю, — сказал он. — А Ханох? Он тоже намерен остаться в теле Спока?

— Планы Ханоха — его личное дело. Я только хочу остаться в теле, которое любил мой муж!

— Вы спрашиваете на это моего разрешения?

— Мне только нужно, чтобы вы молчали. Только вы и я

будем знать о том, что Энн Мулхэл не вернулась в свое тело. Жизнь капитана Кирка стоит вашего молчания? — увидев выражение лица Мак-Коя, Таласса вновь разгневалась. — Доктор, мы можем взять то, что хотим. Ни вы, ни ваш корабль, ни все ваши маленькие миры не в силах остановить нас.

Мак-Кой смотрел на безжизненное тело Кирка. Капитан, подумал он, снова живой, смелый, снова слышится его приятельское «Боунс». Мак-Кой стоял перед выбором: верность самому дорогому другу или верность себе. Надо было принять решение. Он знал, чего хотел бы его друг.

— Я не торгую телами, которые мне не принадлежат, — сказал он. — И мой капитан тоже. Ваше тело принадлежит молодой женщине, которая...

— Которую вы почти не знаете, которая совсем чужая для вас.

Мак-Кой взорвался:

— Я не торгую вразнос человеческими телами! Я — врач!

— Врач?! — крикнула в ответ Таласса-Энн. — Да по сравнению с нами вы просто дикарь! Примитивный дикарь! И вы смеете отказывать мне! Да вы должны поклоняться предо мною! — лицо Талассы пылало от гнева. — Я могу уничтожить вас одной мыслью!

Пламя кольцом охватило Мак-Коя, он поднял руки, пытаясь защитить лицо. Увидев его беспомощный жест, Таласса-Энн громко разрыдалась и упала на колени.

Огонь тут же бесследно исчез, не осталось даже запаха дыма.

— Саргон был прав, — рыдала Таласса-Энн, стоя на коленях. — Искушение слишком велико... Но поймите, ради всего того, чему вы поклоняетесь! Поймите, как дороги чувства, как они необходимы... но... мы обладаем слишком большой силой. Мы начнем разрушать... как я чуть не уничтожила вас... простите, простите меня!..

— Я рад, любимая! Я рад, что ты сама смогла найти ответ...

Таласса-Энн подняла голову:

— Саргон! Где ты? Ханох ведь убил тебя!

— Любимая, я обладаю силой, о которой Ханох и не подозревает.

— Да, да, я понимаю, — медленно сказала Таласса, вставая с колен, и обратилась к Мак-Кою. — Мой муж переместил свой разум в ваш корабль.

Открылась дверь и вошла Кристин Чапел. Мак-Кой взорвался:

— Вы?! Немедленно убирайтесь отсюда!

— Нет, доктор, — возразила Таласса-Энн. — Она нам необходима.

— Необходима? Да она под контролем Ханоха!

— У Саргона есть план. Оставьте нас, пожалуйста. Нам предстоит большая работа.

Мак-Кой секунду молча смотрел на нее, потом подчинился. Как только Мак-Кой закрыл за собой дверь, послышался страшный скрежет, корабль слегка покачнулся. Скрежет повторился.

— Таласса! — крикнул он. — Что происходит?

Скрежет повторился в третий раз, и Мак-Кой ринулся к пульту внутренней связи, расположенному в коридоре.

— Вызывает медицинский отсек, позовите...

У него за спиной дверь медчасти открылась, из нее вышла Кристин, глаза ее были пусты, она, как заколдованная, прошла мимо Мак-Коя по коридору. Он ворвался обратно в медчасть и остолбенел. Посреди комнаты, улыбаясь, стоял Кирк.

— Со мной все в порядке, Боунс, — он притянул к себе Энн Мунхэл. — С нами все в порядке.

— Таласса...

— Она вместе с Саргоном, доктор, — тихо сказала Энн.

— С Саргоном? — Мак-Кой посмотрел на их спины, туда, где стояли шары. Они были разбиты, оплавлены, мертвы.

— Но Джим! В одном из них было сознание Спока!

— Это было необходимо, — ответил Кирк.

Мак-Кой сжал кулаки.

— Что ты имеешь в виду? Теперь нет Спока, который мог бы вернуться в свое тело! Ты убил лучшего друга?!

— Приготовь шприц, Боунс. Самый сильный и быстродействующий яд. Сознание Спока исчезло, но мы должны убить и его тело. Тело Спока и то, что внутри него.

Когда на мостике появился Ханох-Спок, он безразлично прошел мимо нее прямо к капитанскому креслу. Рядом с креслом, как загипнотизированная, стояла Кристин. Ханох-Спок обратился к Зулу:

— Мне надо и вам преподать урок, а? Курс — Земля.

Зулу повернулся к своему пульту, щелкнул переключателями и опять повернул свое кресло на 180 градусов.

— Корабль не подчиняется! Не работает ни одна система! Дверь лифта открылась, и вышли Кирк и Энн, у них за спиной стоял Мак-Кой, тщательно прикрывая рукой карман, в котором был спрятан шприц.

— Больно, Кирк, ужасно больно, — сказал Ханох, не поворачивая головы. — И тебе, голубоглазая красавица, тоже...

Кирк упал на пол, поджал колени, схватился руками за горло, пытаясь поймать ртом воздух. Ханох-Спок показал пальцем на Энн, она будто окаменела, по телу прошла судорога, и она упала рядом с Кирком, потеряв сознание. Одновременно Зулу будто вдавило в кресло, и он взвыл от боли. Когда Энн упала, Мак-Кой ринулся к капитанскому креслу, но Ханох-Спок только протянул вперед ладонь.

— Я знаю, о чем думает каждый из вас, — сказал он. — Чапел, возьмите шприц у доктора.

Кристин подчинилась и вытащила из кармана у доктора шприц с ядом.

— Хорошо. А теперь введите ему его собственное лекарство, это послужит примером для всех, кто посмеет не подчиняться мне.

Кристин поднесла шприц к руке Мак-Коя и вдруг, не меняя выражения лица, молниеносно повернулась к Ханоху-Споку и сделала инъекцию ему.

Тот вскочил на ноги.

— Идиоты! — пронзительно закричал он. — Я просто перейду в другое место, в другое тело! — он покачнулся. — Это ты, Саргон! — прошептал он. — Пожалуйста, пожалуйста, Саргон, позволь мне перейти...

Ханох-Спок замертво свалился на палубу. Кирк подбежал к нему, упал на колени и обхватил голову Спока руками.

— Спок... Спок, мой верный друг... Если бы только был другой выход... — слезы хлынули из его глаз.

Неожиданно мостик наполнился вибрирующими звуками, и Спок открыл глаза.

— Разве я мог принести в жертву того, кто так дорог тебе, сын мой?

— Но в шприце была смертельная доза яда, — воскликнул Мак-Кой. — Им можно было убить десять вулканитов.

— Я позволил вам поверить в это, доктор. Ханох читал ваши мысли и тоже поверил в это. Он сбежал из тела Спока. Он уничтожен.

Кирк наконец смог заговорить:

— Спок, все шары уничтожены. Где было твое сознание? Спок поднялся на ноги:

— Я спрятался там, где Ханох стал бы искать меня в последнюю очередь, капитан, — и он показал на Кристин.

— Вот почему Таласса сказала, что я необходима, — улыбнулась Кристин. — В меня поместили сознание Спока, доктор.

— Теперь мы знаем, что не можем позволить себе существовать в вашем мире, дети мои. Таласса и я должны уйти в небытие.

— Саргон! — сказал Кирк. — Можем ли мы как-нибудь еще помочь вам?

— Да, сын мой. Позвольте нам с Талассой еще один раз войти в ваши тела. Последний раз мы будем вместе.

И хотя вспышки на этот раз не последовало, Кирк и Энн ощутили, как горячая волна окутала их, когда Саргон и Таласса вошли в их тела.

— Я не боюсь забвения, если ты рядом, — сказала Энн, целуя Кирка, — обещаю же мне, что мы будем вместе.

Кирк прижал ее к себе, тело Энн содрогалось от горя, которое переживала Таласса.

— Вместе навсегда, мой Саргон... навсегда...

— Я обещаю тебе, любовь моя... обещаю...

Крепко обнявшись, они стояли на краю Небытия. Потом они ушли, горячая волна отхлынула. Энн стояла в объятиях Кирка, глаза ее были наполнены слезами Талассы. Увидев, что все смотрят на них, Кирк отпустил Энн, откашлялся и сказал:

— Доктор Мунхэл... э-э... я благодарю вас.. от имени Саргона за... содействие.

Энн улыбалась сквозь слезы.

— Капитан, я... так счастлива... содействовать!

Кристин всхлипнула и повернулась к Споку:

— Я чувствовала то же самое, когда ваше сознание соединилось с моим, мистер Спок!

Спок приподнял левую бровь.

— Сестра Чапел, — начал было он и запнулся.

— Это соединение сознаний, по-моему, звучит очень аморально, друг мой, — улыбнулся Мак-Кой.

— Я вас уверяю, это был ужасный опыт, — серьезно сказал Спок. — Вы не поверите, сколько потоков эмоций, я сбился со счета — просто джунгли нелогичного, — Спок даже поешился.

— Спасибо, мистер Спок, — улыбнулась Кристин.

— Не понимаю, за что?

— Вы только что сделали сестре Чапел невероятный комплимент, Спок, — сказал Кирк.

— Да, время от времени вам удастся сказать что-нибудь эдакое, — сказал Мак-Кой и повернулся к Кристин. — Благодарение звездам, я не понимаю противоположный пол.

Энн рассмеялась:

— Пойдем, Кристин. Если они и после всего этого неспособны нас понять, мы им уже ничего не сможем объяснить.

Кирк тоже улыбался, идя к своему креслу.

— Капитан, я действительно не понимаю, — недоуменно сказал Спок.

— Саргон понимал, Спок. — Вместе, навсегда... Может быть, когда-нибудь кто-нибудь научит тебя этому? Кто знает?

Спок задумался.

— Саргон был невероятно могуществен, капитан. Мне еще предстоит все это проанализировать, — и он направился к своему пульту.

Кирк с любовью посмотрел ему вслед:

— Хорошо, пусть пока все так и остается.

Он повернулся к Зулу:

— Уходим.

— Да, капитан.

То, что остается

Над тем, что за планета появилась на главном экране «Энтерпрайза», капитану еще предстояло поломать голову.

Несмотря на сравнительно малый возраст, растительность на ней была разнообразна; обычно для подобного многообразия нормальной планете требовалось не одно тысячелетие. По данным сенсоров, и атмосфера этой планеты, во многом схожая с земной, не могла образоваться за такой короткий срок. Кирк стоял возле пульта Спока, хмуро просматривал полученную информацию.

— Если мы отошлем командованию подробный рапорт, от нас потребуют расследования этого феномена, Спок. Мы с Мак-Коем телепортируемся вниз. Нам понадобится главный геолог Д'Амато, — капитан повернулся к Ухуре. — Передайте координаты приземления в отсек транспортировки, лейтенант, — и, быстро подойдя к лифту, он повернулся. — Спок, остаешься за капитана.

Двери лифта плавно закрылись, Спок подошел к капитанскому креслу и включил селекторную связь.

— Лейтенант Радха, рапортуйте мостику.

В отсеке транспортировки Кирк и Д'Амато тщательно осматривали снаряжение.

— Д'Амато, эта экспедиция — ваш звездный час как геолога, — сказал Кирк. — И не только из-за юного возраста планеты. Если Спок прав, ваш доклад произвел фурор на Пятой Межзвездной геофизической конференции.

— Почему, Джим? Из-за чего? — спросил Мак-Кой.

— Даже Споку не под силу объяснить подобные аномалии.

Они заняли места на платформе телепортаций, и Кирк скомандовал:

— Поехали!

Когда все вокруг замерцало, и началась дематериализация, Кирк вдруг, к своему удивлению, увидел, что между платформой и пультом управления появилась женщина, прелестная брюнетка, ее стройную фигуру окутывала легкая

дымка. Кирк услышал, как она воскликнула: «Стойте! Вам нельзя уходить!», а когда он стал постепенно исчезать, она, вытянув вперед руки, пошла в направлении Энзина. Не успел тот отскочить, как она коснулась его. Энсин, задышавшись, стал ловить ртом воздух, упал на палубу и задержался в конвульсиях.

Кирк растворился в воздухе, лицо его было искажено ужасом.

Когда экспедиция материализовалась на поверхности планеты, Кирк сразу вспомнил о своем видении. Кто она, подумал он, и как она попала на борт «Энтерпрайза»? Еще одна загадка. Вокруг, насколько хватало глаз, поверхность планеты была усыпана кроваво-красными цветами, там, где заканчивались пестрые луга, неясно вырисовывались очертания бурых камней вулканического происхождения, далеко на горизонте поднимались черные холмы. Кирк включил коммуникатор:

— Кирк на связи. Вызываю «Энтерпрайз».

— Джим, я... — ты видел? — взволнованно спросил МакКой.

— Да, я видел. Эта женщина напала на Энзина Уайта. Вызываю «Энтерпрайз».

Земля у них под ногами пошатнулась и вся планета содрогнулась, как в припадке. В сотнях миль над ними «Энтерпрайз» задрожал, последовала вспышка, и корабль исчез.

Пока планету трясло и раскачивало в разные стороны, все члены экспедиции растянулись на земле. Наконец все кончилось. Зулу с трудом встал на ноги:

— Ну и землетрясения у них здесь!

— Вряд-ли они могут позволять себе подобное удовольствие часто, планета просто развалится на куски, — сказал Кирк, разглядывая полученные синяки.

— Капитан, — сказал Д'Амато. — Честно говоря, я никогда до этого не сталкивался с подобными сейсмологическими явлениями. Но перед тем, как все началось, мой трикодер зафиксировал какую-то неподдающуюся измерению силу. Сейчас она исчезла.

— Можно ли это назвать сейсмическим давлением?

— Теоретически нет. Та сейсмическая сила, которую мы испытали, могла бы воздвигнуть новые горы на месте старых.

Кирк достал коммуникатор.

— Посмотрим, что зафиксировали на «Энтерпрайзе», — сказал он и щелкнул переключателем. — Кирк вызывает

«Энтерпрайз», — он немного подождет и повторил. — Кирк вызывает «Энтерпрайз», — ответа опять не последовало. — «Энтерпрайз», вы слышите меня?!

Кирк посмотрел на коммуникатор:

— После такой встряски он мог и сломаться.

Зулу работал со своим трикодером, через несколько секунд он поднял испуганное лицо:

— Капитан, «Энтерпрайз»... он исчез!!

Д'Амато, как заведенный, работал со своими приборами. Кирк быстро подошел к Зулу.

— Он прав, капитан, — сказал Д'Амато. — Там ничего нет.

— Ничего нет? Исчез? Как это, черт возьми, понимать? — закричал Мак-Кой, поворачиваясь к Кирку. — Джим?!

— Это означает, что мы сели на мель, — ответил Кирк.

В сотнях миль над экспедицией «Энтерпрайз» наконец восстановил равновесие. На мостике все постепенно поднимались с пола и занимали свои места. Спок, сморщившись от боли, держался за голову.

— Мистер Спок, с вами все в порядке? — встревоженно спросила Ухура.

— Кажется, никаких серьезных повреждений, лейтенант.

— Что случилось?

— Я стукнулся затылком о подлокотник кресла.

— Сэр, я хотела спросить, что случилось с нами?

— Это нам еще предстоит установить, лейтенант, — Спок начал массировать затылок, и в эту секунду лейтенант Ухура, взглянув на экран, громко вскрикнула:

— Мистер Спок! Планета исчезла!

Скотти выскочил из-за своего пульта:

— Но капитан! И все другие! Они ведь были там!

— Может быть, исчезла вся система, — сказала Радха, дрожащим голосом. — Зафиксированная мощность...

— Пожалуйста, воздержитесь от поспешных выводов, — сказал Спок. — Скотти, доложите о состоянии двигателей. Лейтенант Ухура, подготовьте рапорт о повреждениях, если таковые имеются. Лейтенант Радха удерживайте корабль в этом положении. Прощупайте пространство на предмет обнаружения обломков планеты.

На поверхности планеты члены экспедиции тоже делились поспешными предположениями:

— Может быть, «Энтерпрайз» взорвался, — сказал Зулу, глядя на свой трикодер.

— Зулу, давай отложим догадки в сторону и попробуем проанализировать данные. Мне не удалось зафиксировать высокой концентрации энергии вблизи планеты. Если бы «Энтерпрайз» взорвался, мы бы сразу зафиксировали увеличение уровня радиации.

— Может, «Энтерпрайз» потерпел катастрофу и упал на нас, Джим? — сказал Мак-Кой. — Я имею в виду на эту планету?

— Как-то в Сибири упал метеорит, он был такой огромный, что... — начал было Зулу.

— Если бы мне нужен был урок истории России, — огрызнулся Кирк, — я бы взял с собой мистера Чехова. Перед нами стоит проблема выживания, Зулу. Мы должны найти пищу и воду, и найти быстро. Мне нужен детальный анализ этой планеты, нужен сейчас.

Все взялись за работу.

На «Энтерпрайзе» функционирование всех корабельных систем было приведено в норму. Напряжение, царившее на мостике, наконец спало.

— Мистер Спок, — рапортовала Ухура. — Энсин Уайт из службы телепортации мертв.

— Мертв? — Спок сильно ударил по кнопке селекторной связи. — Медчасть? Доктора М'Бенга, сэр.

— Мне нужен рапорт о смерти офицера из службы телепортации.

— У нас пока нет окончательного решения, сэр. Доктор Санчес сейчас проводит вскрытие.

— Как только закончите, немедленно доложите мне. Конеч связи.

— Не обнаружено никаких обломков, сэр, — рапортовала Радха. — Я проверяла дважды. Если бы планета взорвалась, должно было бы хоть что-то остаться, хоть след какой-нибудь, — она на секунду замолчала и неуверенно продолжила. — Но меня волнуют звезды, сэр.

— Звезды? — Спок удивленно посмотрел на нее.

— Да, сэр, с ними что-то не так.

— Что-то не так, лейтенант?

— Да, сэр, посмотрите.

На экране были видны созвездия, находящиеся на большом расстоянии от «Энтерпрайз», но в непосредственной близости от корабля звезд не было.

— А вот так звезды располагались до взрыва, сэр, — сказала Радха и нажала кнопку. На экране появилось большое скопление звезд, прямо перед кораблем.

— Похоже на изменение позиции, — сказал Спок.

— Может, это звучит неразумно, но я осмелюсь предположить, что каким-то образом после той вспышки нас отбросило на тысячу световых лет от того места, где мы были.

Спок быстро подошел к видоискателю:

— 990700 световых лет, если быть точным, лейтенант.

— Но это невозможно! — воскликнул Скотти. — Нет такой силы, которая могла бы это сделать!

— Мне кажется нелогичным предполагать, будто сила взрыва могла отбросить нас на такое расстояние.

— Дело в том, что нас вообще никуда не могло отбросить, — поддержал Скотти. — «Энтерпрайз» просто был бы уничтожен.

— Верно, Скотти. — По любым известным нам законам. Не было момента, когда бы все мы были без сознания, судя по корабельным хронометрам, все это длилось не дольше нескольких секунд. Мы были перемещены в космосе каким-то непонятным мне способом.

— Вы считаете, что планета не взорвалась, — радостно воскликнул Скотти. — Значит, капитан и другие еще живы!

— Скотти, пожалуйста, будьте сдержаннее. Я ничего не утверждаю, я просто размышляю вслух, — сказал Спок.

Раздался сигнал селекторного вызова.

— Медчасть вызывает Спока.

— Спок на связи.

— Доктор М'Бенга, сэр. Вы запрашивали заключение о смерти Энзина Уайта. Причиной смерти был разрыв клеток.

— Объясните.

— Ну, это как будто каждая клетка в организме энзина разорвалась изнутри.

— Это может быть результатом какой-либо болезни?

— Доктор Санчес отвергает такую возможность.

— Кто-то проник в телепортационный отсек после того, как экспедиция дематериализовалась, — сказал Спок. — Держите меня в курсе событий. Конец связи.

Спок посмотрел на Скотти.

— Раз все системы корабля в норме, я предлагаю вернуться обратно, и побыстрее.

— Есть, сэр. Но при любой скорости это займет не так мало времени...

— Значит, стартуем прямо сейчас, Скотти. Мы можем идти на скорости восемь?

— Да, сэр, можем даже чуть быстрее. Я усядусь на эти двигатели и буду нянчить их всю дорогу.

— Такая позиция будет не только неудобна, но и бесполезна, мистер Скотти, — Спок повернулся к Радхе. — Лейтенант, проложите курс на...

— Уже готово, сэр.

— Хорошо. Скорость — восемь.

Кирк был серьезно озабочен:

— Вы действительно внимательно изучили всю растительность, Зулу?

— Да, капитан. Все несъедобно. Это яд для нас.

— Джим, если корабль взорвался, как ты думаешь, как долго мы протянем? — хмуро спросил Мак-Кой.

— Ладно, — сказал Кирк Зулу, — для растительности, какой бы ядовитой она ни была, необходима вода. Если удастся найти воду, мы сможем протянуть еще какое-то время. Лейтенант Д'Амато, что показывают ваши приборы? На этой планете бывают дожди?

— Нет, сэр. Мне не удалось обнаружить ни одного свидетельства о чем-либо похожем.

— И все же растительность здесь схожа с земной, — Кирк огляделся вокруг. — Д'Амато, можно ли предположить, что здесь есть подземные источники?

— Да, сэр.

— Зулу обнаружил какой-то организм, что-то вроде растительного паразита, — вмешался Мак-Кой.

— Раз уж нам предстоит жить на этой планете столько, сколько сможем продержаться; мы должны узнать о ней как можно больше. Д'Амато, проверьте, может, удастся обнаружить подземный источник. Зулу, мне нужен анализ атмосферы.

Д'Амато и Зулу разошлись в разные стороны. Кирк повернулся к Мак-Кою:

— Боунс, попробуй разузнать побольше о местной растительности и паразитах. Каким образом они получают влагу? Если мы узнаем, как им здесь удастся выжить, может, и у нас получится? А я попробую найти подходящее укрытие.

— Ты уверен, что мы хотим существовать здесь, как куч-

ка Робинзонов Крузо? Отыщем деревья, чтобы развести костер, животных, чтобы добыть их мясо, и будем глодать их кости, сидя вечером у костра в пещере и...

— Боунс, иди и поймай нам паразита, ладно?

Мак-Кой улыбнулся. Потом настроил свой медицинский трикодер и занялся изучением желтой травы. Кирк оглядел окружающий ландшафт и решил обойти холм, высившийся перед ним. Невдалеке от него работал Зулу. Вдруг он словно окаменел, уставившись на приборы. Пораженный, он снял показания еще раз и схватился за коммуникатор:

— Капитан, вызывает Зулу!

— Кирк на связи.

— Сэр, я делал стандартный анализ магнитного поля. С нуля стрелку вдруг зашкалило, потом все стало... как прежде.

— Ты уверен, что с твоим трикодером все в порядке?

— Я проверял его, капитан. Все в порядке. Но я никогда не видел ничего подобного. Будто дверь открылась и опять захлопнулась.

В это время Д'Амато пробирался между огромных бурых камней на поверхности холма. Тщательно подготовленный катаклизм, подумал он, слишком тщательно, чтобы выглядеть естественно. Вдруг приборы зашкалило, земля под ногами затряслась, и Д'Амато упал на колени. Когда он снова встал на ноги, его ослепила яркая вспышка. Д'Амато протер глаза и увидел женщину. Она была восхитительна, хотя лицо ее было в тени, и вся она была как бы окутана дымкой.

— Не бойся, — сказала она.

— Я не боюсь, землетрясения меня не пугают, это моя работа. Я здесь, чтобы изучать их.

— Я знаю, — сказала женщина. — Ты — Д'Амато, главный геолог.

— Откуда вы знаете?

— Ты с корабля «Энтерпрайз».

— Вы разговаривали с моими друзьями?

Женщина начала медленно двигаться в сторону Д'Амато, вытянув вперед руки. Он попятился, а она сказала:

— Я твоя, Д'Амато.

Д'Амато внимательно взгляделся в ее лицо.

— Вы та женщина с «Энтерпрайза»... — медленно сказал он.

— Нет, я только для Д'Амато.

Главный геолог не мог оторвать глаз от прелестной незна-

комки. Счастливчик Д'Амато, подумал он, нащупал коммуникатор и включил его.

— Давайте сначала сообща обсудим наши проблемы. Может, вы поделитесь с нами продуктами и водой? — сказал он.

Женщина сделала еще один шаг в его сторону:

— Не зови их, пожалуйста.

Ее голос звучал, как музыка, Д'Амато словно околдованный не мог сдвинуться с места. Незнакомка взяла его за руку, ее невыразимо грустные глаза — это было последнее, что видел Д'Амато...

— Мак-Кой вызывает Кирка.

— Кирк на связи, Боунс.

— Джим, мой трикодер только что зафиксировал живой объект, невероятной интенсивности, он был прямо здесь.

— Что значит «прямо здесь»?

— То и значит! Все биологические показатели были на нуле, и вдруг — какая-то волна... подожди минутку... нет, все, больше ничего нет.

— Будто дверь открылась и вновь захлопнулась...

— Да.

— В каком направлении?

— Ноль, восемь, три.

— Это сектор Д'Амато, — Кирк схватился за коммуникатор. — Кирк вызывает Д'Амато. — Ответа не последовало. — Д'Амато, это я, Кирк! — Опять молчание. — Зулу, Боунс, Д'Амато не отвечает, — голос капитана был ледяным.

— Иду! — крикнул Мак-Кой.

Кирк сорвался с места, издали навстречу ему бежали Зулу и Мак-Кой. Когда они встретились, Кирк поглядел вниз, в расщелину между утесом и большим красным камнем, и закричал:

— Боунс, это здесь!

Мак-Кой с трикодером в руках нагнулся над телом, через несколько секунд он поднял голову и с ужасом сказал:

— Джим, каждая клетка его тела словно взорвана изнутри!

Несколько минут они стояли молча над телом погибшего, пытаясь осознать смысл происшедшего. Наконец Кирк аккуратно отмерил шагами прямоугольник для будущей могилы, снял с плеча фазер, направил его в землю и нажал спусковой крючок. Верхний слой почвы испарился, обнажив поверхность из красного камня. Кирк еще раз нажал на спуск, но ка-

мень отразил луч. Капитан направил фазер в другое место. Эффект был тот же.

— Больше, чем восемьсот градусов Цельсия, — мрачно сказал он. — Это только кажется, что это вулканическая порода, на самом деле этот камень гораздо прочнее.

— И вся планета покрыта такой породой, Джим? — спросил Мак-Кой.

— Лейтенант Зулу, — сказал Кирк, вешая фазер на плечо. — Для того, чтобы понять, где мы находимся, нам необходимо знать точно, что это за порода. Я понимаю, что это дело геолога, но все-таки попробуйте что-нибудь выяснить.

Зулу взялся за трикодер.

— Я думаю, надгробие из такого камня — лучшее, что мы можем предложить Д'Амато, — сказал Мак-Кой, глядя, как Зулу начал свои геологические изыскания.

Они начали собирать камни для надгробия, как вдруг Кирк неожиданно выпрямился и сказал:

— Хотел бы я знать, жив ли тот офицер из службы телепортации?

— Ты хочешь сказать, что та женщина, которую мы видели, убила его? — спросил Мак-Кой.

Кирк осмотрелся вокруг.

— Кто-то убил Д'Амато, — сказал он и снова стал собирать камни. Потом они молча вынесли тело Д'Амато из расщелины и захоронили его. Некоторое время все тихо стояли, склонив головы над могилой.

— Здесь так одиноко, — сказал Зулу и слегка поежился.

— Было бы хуже, если бы у него была компания, — откликнулся Мак-Кой.

— Как вы можете шутить, доктор? — вспыхнул Зулу. — Бедняга Д'Амато, такая ужасная смерть!

— Смерть и не может быть прекрасной, лейтенант Зулу, и я не шучу. Пока мы не узнаем, как он погиб, никто из нас не будет чувствовать себя в безопасности.

— Ты прав, Боунс, — сказал Кирк. — Пока мы это не выясним, нам лучше держаться вместе, может, удастся придумать, как защитить себя. Какова возможность того, что этот камень — живая материя?

— Ты помнишь те силиконовые существа на Янус-VI? Они...

— Но наши приборы фиксировали их, — перебил Мак-Кой Зулу.

— Возможно, мы имеем дело с разумными существами, которые способны скрывать свое присутствие?

Зулу посмотрел на Кирка:

— Достаточно разумные, чтобы уничтожить «Энтерпрайз»?

— В этом-то и проблема, лейтенант. Все, что у нас есть, — вопросы, вопросы и никаких ответов.

На «Энтерпрайз» Скотти тоже пытался найти хоть один разумный ответ на возникшие вопросы. Наконец, совсем измучившись от охвативших его подозрений и состояния неизвестности, он нажал кнопку селекторной связи:

— Спок слушает, Скотти.

— Спок, с кораблем что-то неладное.

— Что-то неладное, Скотти?

Скотти смутился, пытаясь найти подходящие слова:

— Я... я знаю, это звучит нелепо, сэр. Оборудование в порядке, показания в норме, но что-то неладно... Я не знаю, как сказать...

— Понятно, Скотти. Советую попридержаться эмоции и выполнять свою работу. Конец связи, — сказал Спок и отключил микрофон. Беспокойство, однако, охватило и его. Спок встал и подошел к сенсорной панели.

Внизу, в инженерном отсеке, Скотти хмуро разглядывал контрольную панель.

— Уоткинс, — сказал он, повернувшись к своему помощнику. — Проверьте пропускные клапаны в реакторном отделении. Убедитесь, что ничего не перегрелось.

— Но, мистер Скотти, судя по приборам...

— Я не просил тебя проверять приборы, парень!

— Есть, сэр! — ответил Уоткинс, вытирая запачкавшиеся руки.

Он пересек инженерный отсек и вошел в маленькую нишу, за которой находилось реакторное отделение. Уоткинс подошел к дисплеям и вдруг в углу увидел женщину.

— Вы кто? Как вы сюда попали? — удивленно спросил он.

— Как меня зовут — неважно, грустно улыбнулась та. — А тебя зовут Уоткинс, Джон Уоткинс, инженер четвертого класса.

— Кажется, вы обо мне знаете все, это лестно. Вы из какой службы? Я никогда прежде не видел этой униформы.

— Расскажи мне поподробнее о том, что здесь находится. Я хочу немного подучиться.

— Это контроль интегратора, — сказал Уоткинс, с подозрением глядя на незнакомку. — Это выключатель...

— Неправильно, — сказала она. — Это пропускной клапан, который в случае перегрузки мгновенно срабатывает. Очень мудрая предосторожность.

Уоткинс испуганно попятился от нее и уперся спиной в стену.

— Мудро, — продолжала она, — если учесть, что для того, чтобы произошел взрыв вследствие поломки клапанов, нужно чуть больше времени. Я твоя, Уоткинс.

— Уоткинс! Что ты там копаешься? — крикнул Скотти.

Женщина протянула вперед руки, как бы умоляя инженера не отвечать.

— Сэр, — крикнул Уоткинс. — Здесь какая-то странная женщина, она знает все системы корабля!

Скотти сорвался с места и ворвался в реакторное отделение:

— Уоткинс, какого черта?..

Женщина быстро отошла в сторону, стала как бы тоньше и постепенно исчезла. Скотти в растерянности посмотрел себе под ноги.

— Бедняга, как тебе не повезло, — прошептал он и на ватных ногах подошел к ближайшему микрофону внутренней связи. — Скотти вызывает мостик, — сказал он дрожащим голосом.

— Спок на связи, Скотти.

— Мой помощник мертв, сэр.

— Ты знаешь, как он погиб, Скотти? — после некоторой паузы спросил Спок.

— Я не видел, как это случилось, — тихо отвечал Скотти. — Его последние слова... Он предупреждал меня, что на борту какая-то странная женщина.

Спок включил громкоговоритель:

— Всем палубам! Тревога!! Вторжение на «Энтерпрайз», чужая женщина! Очень опасно!

Зулу наконец удалось идентифицировать основной состав поверхности планеты.

— Это сплав, капитан, — рапортовал он. — Дибурний и осмий. Вместе в природе не встречаются.

— Если не считать нескольких колебаний, зафиксированных нашими приборами, на этой планете нет магнитных полей. Возраст этих камней всего несколько миллионов лет... За это время здесь не могла развиваться такая растительность.

— Ты предполагаешь, что эта искусственная планета, Джим?

— Но если она искусственная, — сказал Зулу, — где те, кто создали ее? Почему мы их не встретили?

— Возможно, она полая, — сказал Кирк. — Или они способны закрыться от наших сенсоров. — Он огляделся вокруг и добавил:

— Становится темно, надо немного отдохнуть. Утром нам необходимо побыстрее отыскать воду и какую-нибудь пищу, иначе наше пребывание здесь будет не из приятных.

— Неизвестно сколько мы здесь продержимся, даже с едой и водой, — мрачно сказал Мак-Кой.

— Сэр, я первый буду дежурить.

— Хорошо, Зулу. Поставь трикодер Д'Амато в автоматический режим, на случай, если мимо будет проходить корабль.

Кирк растянулся на земле, рядом с ним свернулся калачиком Мак-Кой.

— Джим, если создатели этой планеты живут внутри нее, зачем им было создавать атмосферу и всю эту растительность?

— Боунс, отдохни немного.

Мак-Кой угрюмо кивнул.

Споку на «Энтерпрайз» тоже было не до смеха. Хотя из медчасти доложили, что Уоткинс погиб от разрыва клеток, так же как и Энсин из службы телепортации, доктора не могли определить, что именно послужило причиной разрыва клеток.

— Мои предположения не точнее ваших, — сказал Споку доктор М'Бенга.

«Предположения, подумал Спок, кому они нужны, мне нужны только факты».

— Сила того, кто вторгся на наш корабль и убил двух членов экипажа... в сочетании с силой, отшвырнувшей «Энтерпрайз» на такую дистанцию, говорит об очень разумной и очень опасной цивилизации, — сказал Спок, повернувшись к М'Бенге.

— Да, сказал Скотти. — Уоткинс был убит. Я послал его с проверкой в реакторное отделение, все цепи там защищены, реактор не мог послужить причиной его гибели.

— Если на той планете есть еще подобные существа, Скотти, капитану и остальным грозит смертельная опасность.

Опасность. Кирк ворочался на земле и никак не мог улежться поудобнее. Со стороны трикодера зазвучал сигнал тревоги. Зулу приподнялся, облокотившись о прохладный камень и пытался бороться с накатывающей дремотой. Земля под ним задрожала, и небо озарила внезапная вспышка.

— Лейтенант Зулу, — крикнул Кирк.

— Все в порядке, капитан, еще одно небольшое землетрясение.

— А что это вспыхнуло? — спросил Мак-Кой.

— Может быть, молния? Спите спокойно, сэр.

Кирк и Мак-Кой снова улеглись на землю, а Зулу решил сделать круг пошире вокруг лагеря. Он подошел к трикодеру, работающему в автоматическом режиме, осмотрел его и уже собирался двинуться дальше, как вдруг сигнал прекратился. Зулу огляделся и увидел женщину. Одним легким движением он направил на нее свой фазер.

— Я не вооружена, мистер Зулу, — сказала она.

Не опуская фазер, Зулу с любопытством разглядывал незнакомку, но в темноте ее фигура была неясной.

— Кто вы? — спросил он.

— Это неважно. А ты — лейтенант Зулу, родился на планете Земля, рулевой «Энтерпрайза».

— Откуда вам это известно? — требовательно спросил Зулу. — Вы живете на этой планете?

— Я отсюда.

Значит, планета полая, подумал Зулу, и вдруг его охватила злость:

— Кто убил Д'Амато?

Она не отвечала, и Зулу продолжал еще более резко:

— Отлично! Мой капитан хочет поговорить с вами! Идите сюда! — он указал дорогу фазером. — Пошевеливайтесь!

— Ты не понимаешь, — отвечала незнакомка мелодичным голоском. — Я пришла к тебе.

— Чего вы хотите?

— Дотронуться до тебя...

Зулу был явно не в настроении для подобных нежностей.

— Один из наших людей убит! Мы здесь совершенно одни! Наш корабль исчез! — Зулу, наконец, разглядел ее, она подошла совсем близко. — Я узнал вас! Вы были на «Энтерпрайзе»!

— Не я. Другая, — сказала женщина, продолжая двигаться в его сторону.

— Назад!!

Но она не останавливалась.

— Стой, или я стреляю!

Женщина подходила все ближе.

— Стой! — кричал Зулу. — Я не хочу убивать женщину!

Женщина была уже совсем близко. Зулу выстрелил в землю ей под ноги, но незнакомка не остановилась. Зулу переключил фазер на полную мощность и выстрелил еще раз. Женщина слегка покачнулась, но в остальном луч причинил ей не больше вреда, чем красным камням этой планеты. Зулу шагнул назад, споткнулся, фазер стукнулся о землю. Он попробовал подняться, но она уже была рядом, ее рука коснулась плеча Зулу, он дико закричал, вскочил на ноги, но тут же снова упал на землю, лицо его исказилось от страшной боли. Женщина опять протянула к нему руки.

— Не двигаться!

Кирк с фазером в руках встал между Зулу и женщиной. Она в недоумении посмотрела на капитана и остановилась.

— Кто вы? — спросил Кирк.

— Я для лейтенанта Зулу.

Схватившись за плечо, Зулу лежал на земле и корчился от боли.

— Фазер не берет ее, капитан... не позволяйте ей дотронуться до вас... так умер Д'Амато... это... это, словно тебя разрывает на части.

Женщина попыталась обойти Кирка, но тот снова встал между ней и Зулу.

— Пожалуйста, — сказала она. — Я для лейтенанта Зулу.

— Да, она сумасшедшая! — воскликнул подбежавший к ним Мак-Кой.

— Боунс, позаботься о Зулу, — сказал Кирк и посмотрел на женщину, с трудом справляясь с ужасом, охватившим его, когда он ее узнал.

— Пожалуйста, — повторяла она. — Я должна дотронуться до него.

Она еще раз попробовала подойти к Зулу, но Кирк снова преградил ей дорогу; они столкнулись, и ее руки оказались на плечах у Кирка. Он не почувствовал ничего, кроме отращения.

— Почему вы можете уничтожить других, а не меня? — спросил капитан, отталкивая ее.

Женщина с мольбой посмотрела на Кирка:

— Я не хочу уничтожать. Я не хочу...

— Но кто же? Почему вы пытаетесь убить нас?

— Только Зулу. Я не хочу причинить вам вред, Кирк. Мы во многом похожи. При определенных обстоятельствах...

— Здесь есть люди, на этой планете?

— Я должна дотронуться до него.

— Нет.

Женщина отступила назад, ее очертания начали постепенно расплываться в воздухе и она исчезла.

— Ты видел, Боунс? — спросил Кирк, все еще глядя в пустоту. — Это что, планета привидений?

— Я знаю только, что она чуть не сделала привидение из Зулу. Клетки в том месте, где она до него дотронулась, взорваны изнутри. Если бы она обняла его получше...

— Но почему? Конечно, мы вторглись на эту планету, по крайней мере, так может показаться со стороны, но, если она способна читать наши мысли, она знает, что мы не хотим причинить никакого вреда. Почему нас пытаются уничтожить, Боунс?

— Черт... я и не думал, что бывают такие люди, — сказал Зулу. — И потом она... она так красива, капитан...

— Да, — задумчиво ответил тот. — Я заметил...

Спок отменил тревогу высшей степени и приказал произвести тщательную проверку отсеков. Проверка следовала за проверкой, но никаких следов вторжения на корабль не было обнаружено.

— Как же они смогли покинуть «Энтерпрайз»? — удивленно спросила Ухура.

— Очевидно, так же, как и проникли сюда, лейтенант.

— Да, сэр, но, мистер Спок, — с тревогой продолжила Ухура, — какие шансы у капитана и остальных?

— Лейтенант, мы с вами не в игры азартные играем. Мы поступаем логично, то есть, возвращаемся туда, где их видели в последний раз. Это единственный разумный способ узнать, живы они или нет.

— Сэр, скорость увеличилась до 8,8 единиц, — рапортовала Радха.

Спок быстро подошел к капитанскому креслу и нажал кнопку селекторной связи:

— Мостик вызывает инженерный отсек.

— Скотти на связи, сэр. Я заметил — это силовая волна. Работаем над этим. Предлагаю снизить скорость, пока не решим проблему.

— Хорошо, Скотти, — Спок повернулся к Радхе. Снижаем скорость до семи единиц.

— Есть, сэр. Семь единиц, — Радха посмотрела на свой пульт, глаза ее расширились от удивления. — Мистер Спок, сэр!! Скорость возросла до 8,9 единиц и продолжает увеличиваться!

Спок с силой вдавил кнопку внутренней связи:

— Мостик вызывает Скотти, отрицательный эффект снижения скорости, Скотти. Скорость по-прежнему растет.

Скотти стоял в реакторном отделении и рассматривал механизмы, бывшие свидетелями смерти Уоткинса.

— Да, Спок, — сказал он медленно. — И я уже понял причину. Пропускные контрольные клапаны вышли из строя, они теперь совершенно бесполезны. Двигатели работают бесконтрольно, до них невозможно добраться. Через пятнадцать минут мы достигнем максимальной перегрузки.

— По моим расчетам 14,57 минут, Скотти, — сказал Спок.

— Эти несколько секунд ничего не меняют, — в отчаянии ответил Скотти. — Потому что по истечении этого времени уже не будет ни вас, ни меня, ни кого бы то ни было из экипажа, чтобы спорить на эту тему. Корабль взорвется, и ничто во Вселенной не в силах это предотвратить.

Лица стоявших рядом со Споком на мостике посерели от услышанного сообщения.

Боль в плече Зулу начала понемногу стихать. Мак-Кой продолжал обследовать рану.

— Если это обычная рана, она заживет быстро, но если занесена инфекция...

— Ты хочешь сказать «вирус»?

— Нет, этого не может быть, не так быстро.

— Но она только дотронулась до меня, — сказал Зулу. — Разве это может так быстро произойти?

— Она дотронулась до сотрудника службы телепортации, с ним все произошло мгновенно. Потом она добралась до Д'Амато, мы видели, что из этого вышло, — Кирк посмотрел на Зулу. — Почему же вы живы, лейтенант?

— Капитан, я очень рад, что все так получилось, и я благодарен вам за то, что вы для меня сделали.

— Джим, как ты думаешь, какого рода силой они обладают?

- Очевидно, той, которая способна разрушать биологическую структуру клеток.
- Почему же она не убила Зулу?
- Она еще не закончила, Боунс.

Спок опустил к Скотти в реакторное отделение.

— Все бесполезно. Уверен, что это было сделано намеренно, — сказал Скотти.

— Диверсия.

— Да, и сделано мастерски. Система полностью защищена. Тот, кто убил Уоткинса, тот и устроил диверсию.

— Вы сказали, что они расплавлены. Но как?

— Это меня и волнует. Они были расплавлены, точно. Но для того, чтобы это сделать, необходимо воспользоваться совокупной мощностью корабельных фазеров.

— Интересно, — сказал Спок.

— Я не нахожу в этом ничего интересного. Ведь мы вот-вот взорвемся, — не сдержался Скотти.

Но вулканит, кажется, и не заметил этого:

— В этом вы правы, — мягко сказал он. — Но сам метод невероятно интересен.

— Кто бы это ни был, он наверняка еще на корабле! Я не могу понять, почему вы отменили тревогу?

— Вряд ли сила, способная отбросить нас на тысячу световых лет и впридачу устроить подобную диверсию, будет ждать, пока ее возьмут под стражу, — сказал Спок и продолжал размышлять вслух. — Насколько я помню, устройство топливопровода. Где-то здесь есть доступ к трубе, ведущей в реакторное отделение. Или я ошибаюсь?

— Да, — неохотно подтвердил Скотти. — Здесь есть узкий служебный ход, но во время работы интегратора им не пользуются.

— Как бы там ни было, он есть, — сказал Спок. — Значит, есть возможность перекрыть течь в этой точке.

Скотти взорвался:

— Как?! Голыми руками?!

— Нет, мистер Скотти, с помощью магнитного зонта.

— Любой механизм при контакте с защелками просто взорвется. И я не уверен, что человек сможем выжить в таком потоке магнитных сил.

— Я попробую, — тихо сказал Спок.

— Вы не выйдете оттуда живым!

— Если мы быстро не решим эту проблему, думаю, никто из нас не выживет.

Скотти смотрел на него со смешанным чувством восхищения и раздражения. После короткой паузы он сказал:

— Да, вы правы, сэр. Нам нечего терять, но только я сделаю это, мистер Спок, я знаю каждый миллиметр этой системы. Я сделаю все, что нужно.

— Хорошо, мистер Скотти. Я помню, вы говорили, что с кораблем что-то неладно.

— Это было слишком эмоциональное заявление, я не надеялся, что вы поймете.

— Понимание здесь ни при чем, мистер Скотти, достаточно того, что я слышал это. Я намерен заложить всю информацию в компьютеры и сравнить теперешнее состояние «Энтерпрайза» с его идеальным состоянием.

— Но у нас нет на это времени!

— У нас есть двенадцать минут двадцать семь секунд. Я предлагаю вам попробовать перекрыть течь, а я вернусь на мостик. Займусь компьютерами.

Спок направился к выходу. Скотти проводил его взглядом и повернулся к своим помощникам:

— Давайте-ка за мной, ребята...

Кирк наблюдал за тем, как Мак-Кой обрабатывает рану Зулу и рассуждал вслух:

— Если планета полая, если там есть города и источники энергии, туда должен быть какой-то вход. Мы все вместе займемся поисками. Лейтенант, у вас хватит сил, чтобы приступить к поискам прямо сейчас?

— Я прекрасно себя чувствую, капитан.

— Это правда, Боунс?

— Да, с ним все в порядке.

— Какой бы силой ни обладала эта женщина, она нацелена на определенного человека в определенное время. Если я прав, двое из нас всегда могут защитить того, за кем она пришла, надо всего лишь отгородить от нее очередную жертву, оружие здесь бессильно.

— Но, как же она узнала о нас, капитан? Она знала, как меня зовут, мой ранг и даже название корабля: наверное, она способна читать наши мысли... — его прервал пронзительный писк. — Капитан, фазер!

— Кирк уже отстегнул оружие.

— Сгорел предохранитель, — сказал он. — Ложись!

Зулу и Мак-Кой бросились на землю, Кирк изо всех сил, размахнувшись, отшвырнул фазер как можно дальше и тоже упал на землю, закрыв голову руками. Это было как раз вовремя. Раздался взрыв, и на них обрушился дождь каменных обломков. Когда все кончилось, Кирк встал на ноги и огляделся вокруг:

— Вот и ответ на ваш вопрос, — сказал он. — Она действительно умеет читать мысли... Идем!

Служебный ход был очень узкий и темный.

— Отлично, — сказал Скотти своим помощникам. — Помогите мне туда забраться.

Скотти прополз немного вперед, повернул и попал в горячий поток энергии.

— Скотти вызывает мостик, — приглушенно проговорил он.

— Продолжайте, Скотти.

— Распечатал проход со стороны кормы. Установил разделительный заряд, так что можете в любой момент выбросить меня за борт. Я совсем близок к цели, энергия обтекает меня, словно муравьи ползают по коже.

— Мистер Скотти, я надеюсь, вы не намерены больше делиться с нами личными впечатлениями. Для решения задачи у вас осталось чуть больше десяти минут.

— Мистер Спок, — рапортовала из-за своего пульта Радха. — Скорость продолжает увеличиваться, на данный момент составляет 11,2 единицы.

— Я слышал, — сказал Скотти, продолжая ползти вперед. — Корабль не рассчитан на такую скорость.

— Мистер Скотти, у вас всего десять минут и десять секунд.

— Хорошо, мистер Спок. Следите за приборами. Если произойдет магнитный скачок, вы должны сразу избавиться от меня. Контроль безопасности не удержит его больше двух секунд.

— Нам это известно, Скотти. Пожалуйста, займитесь делом.

Спок подошел к своему пульта, нажал кнопку и сказал:

— Компьютер.

Металлический голос ответил:

— В работе.

— Сравнительный анализ.

— Мгновенный ответ невозможен, подтверждение будет дано после завершения анализа.

— Сдвинул панель доступа, вокруг приборов скачут электрические разряды, — доложил Скотти.

Спок повернулся к Ухуре.

— Вы контролируете мощность магнитного потока?

— Да, сэр.

— Не отрывайте глаз от приборов, — на лице Спока никак не отражалось напряжение, царящее на мостике. — Лейтенант Радха, приготовьтесь включить систему отделения кокона.

— Есть, сэр. При первой трудности, и я отделяю кокон.

— Только по моему приказу! — резко сказал Спок, и повернулся к микрофону внутренней связи. — Скотти, как там у вас?

В трубе все искрилось, Скотти, кажется, уже перестал ориентироваться из-за бесконечных вспышек перед глазами.

— Трудно что-нибудь разглядеть. Боюсь, моим попыткам добраться до клапана воспрепятствует магнитное поле...

— У вас восемь минут сорок одна секунда.

— Я знаю, который час, — пробормотал себе под нос Скотти. — И мне не нужна дурацкая кукушка.

Трое мужчин на планете добрались до обширного плато красного камня и решили немного отдохнуть. Зулу проверил свой трикодер и крикнул:

— Капитан, опять что-то с магнитными полями! Стрелку просто зашкаливает, с нуля и...

— Как будто дверь открыли... — тихо сказал Кирк.

Из-за камней появилась прелестная незнакомка.

— И за кем вы на этот раз пожаловали? — спросил Кирк.

— Я твоя, Джеймс Кирк, капитан «Энтерпрайза».

Мак-Кой и Зулу быстро загородили собой капитана.

— Держись за нами, Джим, — крикнул Мак-Кой.

Женщина не двигалась с места, ее короткое облегающее платье подчеркивало совершенство фигуры.

— Почему вы хотите убить меня? — спросил Кирк из-за плеча Мак-Коя.

— Вы вторглись на нашу планету, — сказала женщина и начала медленно продвигаться вперед.

— Но мы здесь с мирной миссией. Мы не причинили вам никакого вреда, и тем не менее вы убиваете нас.

Мак-Кой сфокусировал свой трикодер на незнакомке и удивленно воскликнул:

— Джим, трикодер не фиксирует биологическую жизнь!

— Андроид! — сказал Зулу.

— Тогда трикодер показал бы это, но он ничего не фиксирует.

— Кто вы? — спросил Кирк, оставаясь за спинами товарищей.

— Командир Лоусира.

— Командир чего?

— Этой базы, — ответила она.

Кирк, не отрываясь, смотрел на нее.

— Вы очень красивы, Лоусира, — сказал он. — Вы мне очень нравитесь.

Мак-Кой и Зулу в изумлении повернулись к своему капитану. Кирка вполне устроила их реакция.

— А я нравлюсь вам, Лоусира?

Женщина опустила большие темные глаза:

— При других обстоятельствах мы могли бы... — она загнулась.

— Что вы чувствуете, собираясь убить меня? — спросил Кирк.

Она подняла голову:

— Что чувствую? — спросила она и тихо добавила: — Убивать нельзя. — Но, тем не менее, сделала еще шаг вперед. — Вы не должны проникнуть на станцию, — она протянула руки вперед. — Кирк, я должна дотронуться до тебя...

Стоя за спинами Мак-Коя и Зулу, Кирк быстро что-то делал с трикодером. «Где же дверь, — думал он, — она должна быть где-то рядом». Женщина попыталась пробиться сквозь живое ограждение, но Мак-Кой и Зулу не пустили ее, прикосновения красавицы им вреда не причинили.

— Давно вы здесь одна? — спросил Кирк.

Женщина бессильно опустила руки, и глубочайшая грусть отразилась на ее лице. Затем она стала плоской и с неяркой вспышкой испарилась.

— Куда она пропала? — воскликнул Мак-Кой. — Откуда-то она ведь появляется?

— Я не могу ее зафиксировать, — сказал Зулу. — Но трикодер вновь отмечает силовую волну! Опять зашкалило! Это, должно быть, где-то совсем рядом.

— Как будто дверь... закрылась, — пробормотал Кирк и пошел к большому красному камню.

Хронометр на мостике неумолимо отсчитывал секунды. Спок покинул командный пульт и подошел к компьютеру.

— Нужна информация, — сухо сказал он.

— Сравнительный анализ закончен.

— Давайте.

— Коэффициент перемещения М-7. Переорганизация, аутфаза 0,0009.

— Пятьдесят семь секунд, сэр, — сказала Радха.

— Понятно, — сказал Спок.

Радха наблюдала, как он неспеша считывает информацию с экрана компьютера и старалась сохранять самообладание. Спок не повернул головы от экрана, даже когда прозвучал голос Скотти:

— Спок!

— Спок на связи, Скотти.

Пот заливал лицо Скотти, разноцветные огни плясали перед глазами, когда он пытался разместить инструменты перед люком доступа.

— Я собираюсь пройти через магнитный клапан, но если зонд не пойдет, можете считать, что взрыв уже состоялся.

Лицо Радхи окаменело, она держала дрожащую руку над кнопкой отделения кокона.

— Мистер Спок, — воскликнула Ухура. — Скачет индикатор магнитной силы.

— Скотти, ослабляйте, — приказал Спок.

Когда Скотти потянул на себя инструменты, колебания немного сократились. Ухура, не отрывая взгляда от своего пульта, доложила:

— Индикатор в норме.

— Скорость 13,2 единицы — рапортовала Радха, стараясь говорить спокойно.

Если Спок и слышал, он не подал виду, и снова обратился к компьютеру:

— Компьютер. Перемена полярности поможет осуществить перекрытие?

— Ответ положительный. Условие: сохранение коэффициента М-7.

Спок подошел к микрофону селектора:

— Скотти, необходимо переменить полярность на магнитном зонде.

— Переменить полярность?

— Совершенно верно.

— Но это займет какое-то время. С какой целью?

— Начинайте, Скотти, я все объясню. Вы были правы, когда говорили о своих ощущениях по поводу корабля. «Энтерпрайз» поместили в молекулярный транспортер, а потом все вернули на свои места с небольшим фазовым отклонением. Перемена полярности должна остановить растворение.

— Сейчас нет времени для теоретического анализа, так что надеюсь, что вы не ошиблись.

— Пятнадцать секунд, — сказала Радха.

Скотти услышал ее.

— Я делаю все, что могу. Черт... — он работал с невероятной скоростью. Пот застилал глаза.

— Десять секунд, — сказала Радха.

— Не ждите, отделяйте кокон, — выкрикнул Скотти.

— Работайте, Скотти.

— Не будьте идиотом, Спок, это ваш последний шанс. Не надо сентиментов... Жмите кнопку, мне все равно не выжить...

— Прекратить разговоры, — резко сказал Спок. — Работайте.

Скотти высвободил зонд и быстро протолкнул его в люк доступа.

— Зонд свободен, но уже нет времени, жмите же кнопку, — вокруг него все засверкало, и зонд глубже ушел в люк.

Спок стоял у пульта Радхи. Приборы показывали, что скорость возросла до 14,1 единицы.

— Индикатор магнитной силы дает устойчивые показания, — рапортовала Ухура.

Как только она это произнесла, скорость снизилась до тринадцати единиц и продолжала падать.

— Мистер Скотти, — сказал Спок по селекторной связи. — Вы выполнили свою задачу.

— Могли бы сказать хотя бы спасибо, — бессильно сказал Скотти.

— Зачем, мистер Скотти? — искренне удивился Спок. — Разве подобная ситуация требует выражения каких-то эмоций? Мы преследовали определенную цель и решили свою задачу. Вы считаете произошло что-нибудь еще? Что же?

— Ничего, — подтвердил Скотти. — Мне жаль, что я начал этот разговор.

Три одиноких члена экипажа «Энтерпрайза» стояли против большого красного камня. Стрелку на трикодере Зулу по-прежнему зашкаливало.

— Эта закрытая дверь, — сказал Кирк, подойдя к камню, — должна быть здесь.

Все трое уперлись в камень плечами и попытались сдвинуть его с места. Ничего не вышло.

— Если эту дверь закрыли, — сказал, тяжело дыша, Мак-Кой, — то уже не откроют.

Внезапно камень сам собой отодвинулся в сторону: показалась дверь, которая тоже распахнулась сама.

— Это надо понимать как приглашение? — спросил Мак-Кой.

— Если и так, мне не легче от этого, — откликнулся Зулу.

— Дверь лифта на мостике «Энтерпрайз», безусловно, выглядела бы предпочтительнее, — сказал Кирк. — Но какая бы цивилизация ни существовала на этой планете, она за этой дверью. А так как мы без корабля, джентльмены, это наш единственный источник воды и пищи.

Вслед за капитаном Мак-Кой и Зулу осторожно вошли внутрь. Они оказались в довольно просторном помещении, напротив входа стоял огромный, переливающийся всеми цветами радуги куб.

— Что это? — промолвил Кирк. — Может, именно здесь находится мозг хозяина планеты?

Они с интересом продолжали разглядывать куб, когда перед ними появилась женщина все с тем же грустным выражением лица.

— Вы чья? — спросил Кирк.

Женщина не отвечала. Она подняла руки и пошла прямо на них.

— Станьте в круг, не прекращайте движения, — приказал Кирк.

Женщина остановилась.

— Вот видите, — сказал Кирк. — Вам лучше сказать, чья вы, — он помолчал, а затем продолжил: — Впрочем, можете себя не утруждать. Вы опять за Криком.

— Я для Кирка, — подтвердила она.

— Но Кирк не для вас, — ответил он, и тут же перед ним встали Мак-Кой и Зулу.

— Позвольте мне дотронуться до него, умоляю. От этого зависит мое существование.

— Это моя смерть, — возразил Кирк.

— Я не убиваю, — мягко сказала она.

— Неужели? Мы видели результат ваших прикосновений...

— Но я точно такая же, как ты. Я должна дотронуться до

тебя, тогда я смогу жить, в точности повторив тебя, даже структуру твоих клеток...

— Так вот как вы убиваете! Вы никогда не дотронетесь до меня!

В эту же секунду появился еще одна женщина, тихо и незаметно она шла к ним с вытянутыми вперед руками.

— Осторожней! — крикнул Кирк.

— Я для Мак-Коя, — сказала вторая женщина.

Кирк выскочил из-за спины Боунса и заслонил его собой.

— Да она точная копия первой, — крикнул он. — Этот компьютер воспроизводит их.

— Они забирают себе наши хромосомы, — крикнул Мак-Кой.

В этот момент появилась третья женщина, одеждой и внешностью повторяющая двух предыдущих.

— Я для Зулу, — сказала она.

Все трое в ужасе переглянулись.

— Капитан, мы не можем больше защищать друг друга!

— Каждый из нас может наброситься на убийцу другого, — сказал Мак-Кой.

— Пожалуй, стоит попробовать, — ответил Кирк.

Три женщины бесшумно приближались к ним, они шли, как во сне. Свет позади них вдруг замерцал, и Кирк увидел, как материализовались Спок и охранники с «Энтерпрайза». Все они были вооружены фазерами. Охранники направили фазеры на женщин.

— Нет, Спок! — крикнул Кирк. — Этот куб — компьютер! Уничтожьте его!

Охранники одновременно нажали на спусковые крючки и куб рассыпался на тысячи переливающихся осколков. В ту же минуту исчезли женщины. Мак-Кой глубоко вздохнул и с облегчением прислонился к стене.

— Спок, — сказал Кирк. — Вы не представляете, как я рад вас видеть. Я думал, что «Энтерпрайз» уничтожен.

— У меня тоже было это ошибочное предположение, — ответил Спок, вешая фазер на плечо. — Мы только несколько минут назад смогли вернуться к этой планете, чтобы обнаружить вас.

— Смогли вернуться? Откуда?

Но Спок уже с неподдельным восхищением рассматривал осколки куба.

— Оттуда, куда у этого мозга хватило сил нас отбросить, это около тысячи световых лет отсюда. Потрясающая цивилизация, не правда ли?

— Была, была потрясающая, Спок. Ее защита строилась с помощью этого компьютера.

— Я так и думал, капитан, — кивнул Спок. — Все их действия были невероятно логичны. Но что за люди создали все это? Где их представители?

— Здесь были копии одной из них. Но теперь источник их воспроизводства уничтожен...

На темной стене помещения медленно возникло лицо Лоусиры.

— Приветствую тебя, мой друг Каландас, — сказала изображение. — Болезнь уничтожает нас. Я очень сожалею, что могу оставить тебе в качестве предупреждения, только эту записку, но мы, охраняющие этот пост, можем не дожить до встречи с тобой.

Голос стал тише. После короткой паузы она продолжила:

— Создавая эту планету, мы создали также чудовищный организм. Я ожидала корабль с медицинской помощью с нашей родной звезды, но теперь и я заразилась этим вирусом. Я перевожу охрану поста в автоматический режим. Это защитит вас от всех врагов, кроме вируса. Желаю тебе удачи, мой друг Каландас.

Мак-кой повернулся к осколкам компьютера:

— Он воспроизводил копии единственного оставшегося в живых человека, Лоусиры.

Кирк смотрел на постепенно исчезающее изображение на стене.

— Она была прекрасна, — сказал он.

— Красота мимолетна, капитан, — покачал головой Спок. — Как бы там ни было, она была верна своему долгу и очень умна.

Изображение на стене исчезло совсем. Кирк включил свой коммуникатор.

— Кирк вызывает «Энтерпрайз». Мы поднимаемся. Кстати, Спок, я с тобой не согласен.

— В самом деле, капитан?

У Кирка в ушах все еще звучал мелодичный голос прекрасной женщины, тщетно ждущей помощи для своего народа.

— Красота остается, она не погибает. Красота живет в памяти тех, кто видел ее.

Спок не отрывал взгляда от Кирка. Когда они дематериализовались, капитан все еще грустно улыбался.

Наваждение

Руда была интенсивного темно-фиолетового цвета. Кирк попробовал ударить по ней камнем. Раздался характерный лязгающий звук, но на поверхности руды не осталось никакого следа. Капитан отбросил камень в сторону и сказал:

— Фантастика! Эта руда даже в сыром состоянии раз в двадцать тверже стали!

— Если быть точным, капитан, — сказал Спок, сфокусировав свой трикодер на руде, — в 21,4 раза, чем лучшая марганцевая сталь.

Кирк включил коммуникатор:

— Скотти? Можешь подтвердить наличие залежей руды. Информируй Звездную эскадру. Я рекомендую им послать сюда корабль, и как можно быстрее.

Пока он передавал сообщение, над камнями появился небольшой клуб белого пара, но высокая трава и камни мешали членам экипажа «Энтерпрайза» заметить его.

— Принято, капитан, — сказал Скотти.

Спок снял с плеча фазер:

— Думаю, мы не сможем так просто отколоть образец, попробую воспользоваться фазером.

Кирк не ответил он вдруг весь напрягся; лицо его окаменело — можно было подумать, что прошлое внезапно навалилось на него и не давало сосредоточиться на настоящем. Спок выстрелил, и на землю посыпались осколки камней с рудой. Облако, как будто управляемое разумной силой, переместилось и укрылось за камнями. Спок начал собирать образцы руды и Кирк сказал:

— Ты заметил? Сладкий аромат, пахнет медом? Интересно... Это было много лет назад на другой планете, «нечто», — оно пахло точно так же.

Что-то необычное в голосе капитана привлекло внимание Спока, и он поспешил разочаровать его:

— На этом полушарии сейчас сезон роста и, несомненно, воздух полон ароматами пыльцы, капитан.

Но Кирка это не успокоило, казалось, он и не слышал за-

мечания Спока. Подозвав офицера из службы безопасности Кирк сказал:

— Лейтенант Риццо, возьмите двух людей и обследуйте здесь все хорошенько. Просканируйте эту территорию на предмет обнаружения в атмосфере ди-кирониума.

— Ди-кирониум, — заметил Спок, — не существует в естественных условиях, его можно получить только в лаборатории.

Кирк проигнорировал замечание.

— Установите позицию взрывателя на фазерах в положение 4. Если увидите газообразное облако, стреляйте в него немедленно. Приступайте, лейтенант.

Коммуникатор Кирка пискнул несколько раз, и голос Скотти сказал:

— Вы готовы подняться на борт, капитан?

— Остаемся на месте, Скотти, надо кое-что проверить.

— Сэр, звездный крейсер «Йорктаун» ожидает встречи с нами через восемь часов. У нас остается не так много времени.

— Принято. Остаемся на орбите. Конец связи.

Спок просканировал образец руды. Когда он заговорил, в голосе его звучало благоговение:

— Чистота около 65 процентов, капитан. Если у нас будет достаточно подобного материала, мы сможем построить корабли, способные перемещаться в пространстве в два раза быстрее «Энтерпрайза».

Кирк опять несколько раз втянул носом воздух:

— Исчез, — сказал он. — Ничем не пахнет. Я мог ошибиться. Последний раз я слышал этот запах около двадцати лет назад, — он посмотрел в ту сторону, где офицер службы безопасности и его люди обследовали территорию.

Риццо, наклонившись над своим трикодером, стоял у небольшого холмика. Трикодер неожиданно зафиксировал в атмосфере ди-кирониум. Риццо был так удивлен, что не заметил, как из-за холма в их сторону тихо поползло белое облако.

— Но это невозможно, — бормотал себе под нос Риццо. — Так просто не бывает.

Облако, казалось, отказывалось подчиняться своим облачным законам. Сначала оно представляло собой прозрачный клочок пара, но уже в следующую секунду плотность его увеличилась до консистенции тумана, и оно начало быстро передвигаться, издавая тихое жужжание.

Все члены поисковой группы, как один, повернули головы. Внутри облака появились разноцветные спирали, а потом от него отделилось зеленое щупальце и коснулось ближайше-

го человека. Он схватился за горло и упал на землю, за ним последовал второй. Риццо поднял фазер. Куда стрелять, лихорадочно думал он, в центр облака, куда? Он растерялся.

Пискнул коммуникатор Кирка.

— Капитан... Облако, — задыхаясь, сказал Риццо. — Странное облако.

— Стреляйте в центр! — крикнул Кирк.

— Сэр, мы... Помогите!

— Спок, за мной! — крикнул Кирк и побежал в сторону холма.

Облако исчезло. Риццо лежал, уткнувшись лицом в траву. В руках он все еще сжимал фазер. Рядом лежали его подчиненные. Кирк огляделся и подошел к офицеру. Риццо был очень бледен, но если он был просто бледен, то лица его товарищей были белыми, как кость.

— Они мертвы, — сказал Кирк. — Потом мы обнаружим, что в их крови не осталось ни одного красного кровяного шарика.

— Хоть Риццо остался в живых, — сказал Спок. — Джим, ты так говоришь, словно что-то подозреваешь. Ты знаешь, что это?

Кирк взялся за коммуникатор и кивнул:

— «Нечто»... То, что не может существовать в природе, и, тем не менее, СУЩЕСТВУЕТ, — он включил коммуникатор. — Капитан вызывает «Энтерпрайз». Мы поднимаемся, Скотти. Нужна медицинская помощь.

Капитан вошел в медчасть. Сестра Чапел передала кассету Боунсу:

— Результаты вскрытия, доктор.

— Спасибо.

Кирк взял сестру за локоть:

— Как Риццо?

— Все еще без сознания, капитан.

— Переливание? — спросил он.

— Продолжаем делать, сэр. Но до нормы еще очень далеко.

Кирк посмотрел на Мак-Коя, но Боунс все еще изучал кассету. Кирк закрыл глаза и потер виски, потом подошел к панели селекторной связи:

— Кирк вызывает мостик.

— Готовы покинуть орбиту, сэр, — отозвался Спок.

— Остаемся на прежней позиции.

На экране появился Скотти:

— Я могу вмешаться? «Йорктаун» ожидает встречи с нами через семь часов.

— Значит, сообщите им, что мы задерживаемся, — резко сказал Кирк. Мак-Кой повернулся от своего стола:

— Джим, хирургу «Йорктауна» будет интересно узнать, насколько мы задержимся. Вакцины, которые он нам передаст — скоропортящиеся.

На экране снова появился Спок:

— Сэр, эти медикаменты чрезвычайно необходимы на планете Тета-7. Они надеются, что мы доставим их вовремя.

Все стараются загнать меня в угол, подумал Кирк; он посмотрел на Спока, потом на Мак-Коя:

— Джентльмены, — сказал он, — мы останемся на орбите до тех пор, пока я не узнаю причину этих смертей. Я осознаю, что это может стоить жизней на планете Тета-7, и принимаю всю ответственность на себя. Конец связи, — он отключил экран и повернулся к Мак-Коя. — Результаты вскрытия?

— Ты видел, какого цвета они были, — сказал Мак-Кой. — У них в крови не осталось ни одного красного кровяного шарика.

— Порезы? Уколы? Какие-нибудь следы?

— Ни одного. То, что произошло, невозможно с медицинской точки зрения.

Кирк почувствовал, что люди вдруг стали раздражать и даже злить его.

— Полагаю, — холодно сказал он, — прежде, чем делать подобные заявления, ты изучил все записи, касающиеся сходных случаев? Двадцать лет назад на «Фаррагуте» был зафиксирован такой же невозможный с медицинской точки зрения случай.

Мак-Кой с любопытством посмотрел на Кирка.

— Спасибо, капитан, — бесстрастно сказал он. — Я немедленно просмотрю эти записи.

— Да, это было бы неплохо, — сказал Кирк. — Но прежде чем заняться этим, не мог бы ты на минуту привести в сознание Риццо?

— Я думаю, что смогу, но...

— Это может повредить ему?

— В его теперешнем состоянии это ничего не меняет.

— Ну, тогда сделай это, — сказал Кирк. — Мне надо задать ему один вопрос.

Когда они подошли к кровати Риццо, сестра снимала с его руки маленькую черную коробочку.

— Закончили переливание, доктор, — сказала она. — Пульс и дыхание все еще далеки от нормы.

— Введите ему еще один кубик кордразина.

Сестра с удивлением посмотрела на Мак-Коя и молча сделала инъекцию.

Кирк сжал кулаки так, что суставы хрустнули и побелели. Ресницы Риццо дрогнули, и капитан наклонился к нему:

— Лейтенант, это капитан. Вы слышите меня? Вы помните, что с вами случилось?

Риццо чуть-чуть приоткрыл глаза:

— Помню... — прошептал он. — Холодно... Так холодно...

— Риццо, что-то вас атаковало, — продолжал капитан. — Когда это произошло, вы заметили, почувствовали какой-нибудь запах? — Кирк еще ниже наклонился над Риццо. — Риццо, вспомните. Плотный сладкий запах, вы ощутили его?

Глаза Риццо наполнились ужасом:

— Да, сэр. Я помню... запах... Странный запах... Как... Как будто тебя всего вымазали медом.

Кирк тяжело выдохнул и спросил:

— А вы... Вы чувствовали присутствие? Присутствие чего-то разумного?

Риццо еле заметно кивнул головой:

— Оно хотело забрать нашу силу... Да, чувствовал, как оно высасывает... Так и было...

Подожел Мак-Кой:

— Он заснул. Мы не можем рисковать и делать еще одну инъекцию.

— Он сказал все, что я хотел узнать.

— Я бы не полагался на его ответы. Он был в полубессознательном состоянии.

Кирк выпрямился и посмотрел на Боунса:

— Я хочу получить анализ записей, и как можно быстрее.

Он вышел из медчасти, сестра Чапел удивленно посмотрела на Мак-Коя.

— Что происходит с капитаном? Я никогда его таким не видела.

— Попытаюсь выяснить, — ответил Мак-Кой. — Если понадобится, я в медицинской библиотеке.

На мостике Ухура передала капитану послание Звездной Эскадры. К ее удивлению, он отбросил его в сторону со словами:

— Позже, лейтенант. А сейчас, прошу вас постоянно информируйте меня о состоянии офицера службы безопасности.

Кирк подошел к Споку.

— Продолжаем сканирование, сэр, — сказал Спок. —

Пока не удалось зафиксировать на поверхности планеты никаких форм жизни.

— Ну, тогда предположим, что это нечто абсолютно своеобразное, и наши сканеры просто не способны идентифицировать это как какую-либо форму жизни.

— Вы говорили о ди-кирониуме, капитан.

— Редкий элемент, Спок. Предположим, «нечто» состоит из него, странное, газообразное нечто.

— Но ни на поверхности планеты, ни в атмосфере нет никаких следов ди-кирониума. Я проверял.

— Допустим, оно может маскироваться.

— Капитан, если это нечто состоит из ди-кирониума, свинца, золота, кислорода, чего угодно, наши сканеры зафиксируют его.

— И все-таки предположим, что я прав.

— Нелогичное предположение, капитан. Нет ни одного способа маскировки конкретного химического элемента от наших сканеров.

— Ни одного? Продолжим наши предположения. Это нечто разумное и знает, что мы ищем его.

— Капитан, для того, чтобы спрятаться от сканеров, ему необходимо изменить молекулярную структуру.

Кирк несколько секунд молча смотрел на Спока.

— Золото превращается в свинец или дерево, или во что-нибудь еще. Спок, мне это и в голову не приходило. Это ответ на вопросы, на которые в данную минуту пытается ответить Мак-Кой, просматривая одну запись.

— Мистер Чехов, — сказал, вставая, Спок. — Продолжите сканирование за меня.

Он подошел к лифту, дверь плавно открылась, и из лифта вышел офицер службы безопасности. Это был новый член экипажа, еще совсем мальчик; подойдя к Кирку, он отдал честь и отрапортовал:

— Энсин Дэвид Гарровик по вашему приказанию прибыл, сэр.

— Вы наш новый офицер безопасности? — повернулся к нему Кирк.

— Да, сэр.

Кирк немного колебался и спросил:

— Ваш отец служил?..

— Да, сэр. Но я не жду побряжек...

— Только не на этом корабле, энсин, — резко сказал Кирк.

— Да, сэр.

— Сообщение о лейтенанте Риццо, — вмешалась Ухура. — Он умер, капитан.

Кирк откинулся на спинку кресла. Открытие месторождения этой руды, подумал он, дорого нам обходится. Он опять повернулся к энсину и заметил, что тот изо всех сил старается держать себя в руках.

— Вы знали Риццо?

— Да, сэр. Мы были друзьями, вместе заканчивали Академию.

Кирк кивнул.

— Хотите заняться тем, что убило его?

— Да, сэр.

— Возьмите четырех людей. Через пять минут жду вас в отсеке телепортации. Составите мне компанию, спустимся вместе.

После материализации на планете именно трикодер Гарровика первым зафиксировал что-то необычное.

— Сэр, — позвал Дэвид, — показания изменяются!

Кирк быстро подбежал к нему и просмотрел показания трикодера:

— Спок был прав, — сказал он. — Видите, произошло молекулярное смещение.

— А теперь считается ди-кирониум. Находится в стационарном состоянии, угол подъема шесть градусов.

— Это за тем возвышением, — сказал Кирк. — Возьмите двоих людей и обходите справа, я с остальными обойду слева. Как только увидите это, сразу стреляйте. Помните, оно чрезвычайно опасно.

Гарровик нервно посмотрел в сторону холма.

— Есть... сэр, — с трудом вымолвил он.

— Свенсон и Бардоли, пойдемте со мной, — сказал Кирк, отвернувшись от энсина.

Гарровик и еще два офицера с правой стороны поднялись на холм. Энсин обратил внимание на узкий, глубокий овраг. Его помощники начали обходить овраг с двух сторон, Дэвид немного помедлил, наконец принял решение и стал осторожно спускаться вниз. Неожиданно перед ним возникло небольшое белое облако, его очертания напоминали лягушку, и это на какие-то секунды сбило Гарровика с толку. Он неуверенно посмотрел на облако, потом нацелил на него фазер и выстрелил, опоздав ровно на секунду: облако уже исчезло.

— Стреляют из фазера! — крикнул Кирк. — Скорее за мной!

Он увидел Гарровика, карабкающегося по склону холма.

— Гарровик, вы... — Кирк замолчал, увидев, куда смотрит

рит энсин. Два помощника Гарровика без движения лежали на земле.

Кирк подбежал к одному из них; тот лежал с открытыми глазами, лицо его было абсолютно белым.

Кирк в полном одиночестве сидел в комнате совещаний. Он чувствовал, что в этот момент ему лучше всего побыть одному. Наедине с собой не надо было никому доказывать, что «нечто», убившее пятерых членов его экипажа, было то же самое, что и «нечто», двадцать лет назад уничтожившее почти весь экипаж «Феррагута». Пять человек, подумал Кирк, одного из людей Гарровика пытаются спасти, но Риццо не помогло переливание. Вся штука в том, что ты никогда не остаешься один, — продолжал рассуждать Кирк, — невысказанные мысли других людей всегда с тобой. Кирку составляли компанию невысказанные мысли Мак-Коя и Спока. Оба они не допускали мысли о том, что «нечто» враждебно по отношению к ним и наделено разумом. Оба, к тому же, не разделяли решения капитана остаться на орбите и постараться уничтожить «нечто». А может, они правы? Не был ли я чересчур эмоционален? — сомневался Кирк.

Он сидел, положив руки на стол, когда в комнату вошли Мак-Кой, Спок и Гарровик. Капитал открыл совещание:

— Мы изучили ваш рапорт, мистер Гарровик. Думаю, у мистера Спока есть вопросы.

— Какого оно было размера? — спросил Спок.

— По моим расчетам, от десяти до шестнадцати кубических метров. Размеры колебались в этих пределах, когда оно двигалось.

— Состав?

— Похоже на облако газа, сэр. В некоторых местах оно почти прозрачное, в других гораздо плотнее.

— Энсин, — заговорил Мак-Кой. — Вы ощущали присутствие разума?

— Ощущал что, сэр?

— Не было ли у вас подсознательного ощущения, что это облако — живое? Живое, думающее существо, а не просто облако, состоящее из каких-то там химических элементов?

— Нет, сэр.

Кирк посмотрел на энсина, тот заерзал на стуле.

— Энсин, вы не входили с ним в непосредственный контакт, не так ли? — спросил капитан.

— Нет, сэр. Я был от него дальше всех. — Дэвид немного

помолчал и продолжил. — Оно появилось вдруг, ниоткуда, зависло в воздухе, а потом двинулось к ближайшему из нас. Быстро, очень быстро.

Кирк бросил карандаш на стол.

— Вы сказали, оно зависло в воздухе?

— Да, сэр.

— Вы выстрелили в него, не так ли?

— Да, сэр.

— На каком расстоянии от него вы находились?

— Около двадцати ярдов, сэр.

— И вы не смогли попасть в большую неподвижную цель с такого расстояния?

— Да, сэр. Я... Ну, я не стрелял, пока оно висело в воздухе.

— Вы хотите сказать, что вы окаменели?

— Не совсем, сэр.

— Тогда объясните нам, что вы имеете в виду.

— Я растерялся... Может, на секунду или около того. А потом, когда я выстрелил, оно... Оно уже сдвинулось с места.

— Энсин, — сурово сказал Кирк. — Вы отстраняетесь от дежурств и остаетесь в своей каюте до моих дальнейших распоряжений.

Гарровик встал:

— Есть, сэр.

Мак-Кой проводил его взглядом до двери.

— По-моему, ты был излишне крут с ним, Джим, — сказал он.

— Он окаменел. Один из его людей погиб, другой, возможно, скоро умрет.

— Капитан, — начал Спок.

Кирк поднялся из-за стола.

— Джентльмены, в свое время я выслушаю ваши рапорты, тогда вы сможете прокомментировать события и сделать необходимые рекомендации.

Кирк быстро направился к выходу, дверь за ним захлопнулась. Спок и Мак-Кой не могли вымолвить ни слова.

В каюте Гарровика было темно, как и у него на душе. Он нащупал выключатель, расположенный на панели рядом с термометром и другими измерительными приборами. Над панелью находился выключатель с надписью «вентиляционный фильтр». Гарровик закрыл глаза и полностью отдался охватившей его депрессии.

На мостике Кирка ожидало еще одно послание с «Йорк-тауна» с требованием подтвердить информацию о заплани-

рованной ранее встрече. Он проигнорировал и это послание. К Кирку подошел Скотти и сказал:

— Пока мы ждем, я отдал распоряжение прочистить радиоктивный сток второго импульс-двигателя. Но мы готовы покинуть орбиту в течение получаса.

— Мы не покидаем орбиту, не так быстро.

— Медикаменты не только крайне необходимы на Тета-7, но и имеют ограниченный срок годности и ...

— Я осведомлен об этом, — сухо сказал Кирк. — И я начинаю уставать от бесконечных попыток офицеров принудить меня... — посмотрев в глаза Скотти, он замолчал. — Извини меня, Скотти. Пожалуй, я был слишком резок.

— Согласен, сэр.

Кирк подошел к Чехову:

— Удалось что-нибудь зафиксировать?

— Ничего, сэр. Продолжаем сканирование.

— Мистер Чехов, вы осведомлены о том, что оно способно изменять свой состав? Вы сканируете все необычные перемещения? Любой вид газообразного облака?

— Мы дважды произвели полное сканирование, сэр.

— ЗНАЧИТ, ЕСЛИ ПОТРЕБУЕТСЯ, СДЕЛАЕТЕ ЭТО ДВАДЦАТЬ РАЗ! — выкрикнул Кирк и ушел с мостика, оставив весь персонал в недоумении.

Гарровик не был единственной жертвой капитана. Мак-Кой, просмотрев кассету с результатами вскрытия, вертел ее в руках, борясь с желанием швырнуть ее на пол. Когда Спок вошел в его кабинет, он никак не отреагировал.

— Надеюсь, не помешал, доктор?

— Прервать очередной просмотр записи с результатами вскрытия, — это не помеха, совсем наоборот.

— Мне нужен совет, — сказал Спок.

— Тогда мне необходимо выпить, — ответил Мак-Кой.

— Не понял?..

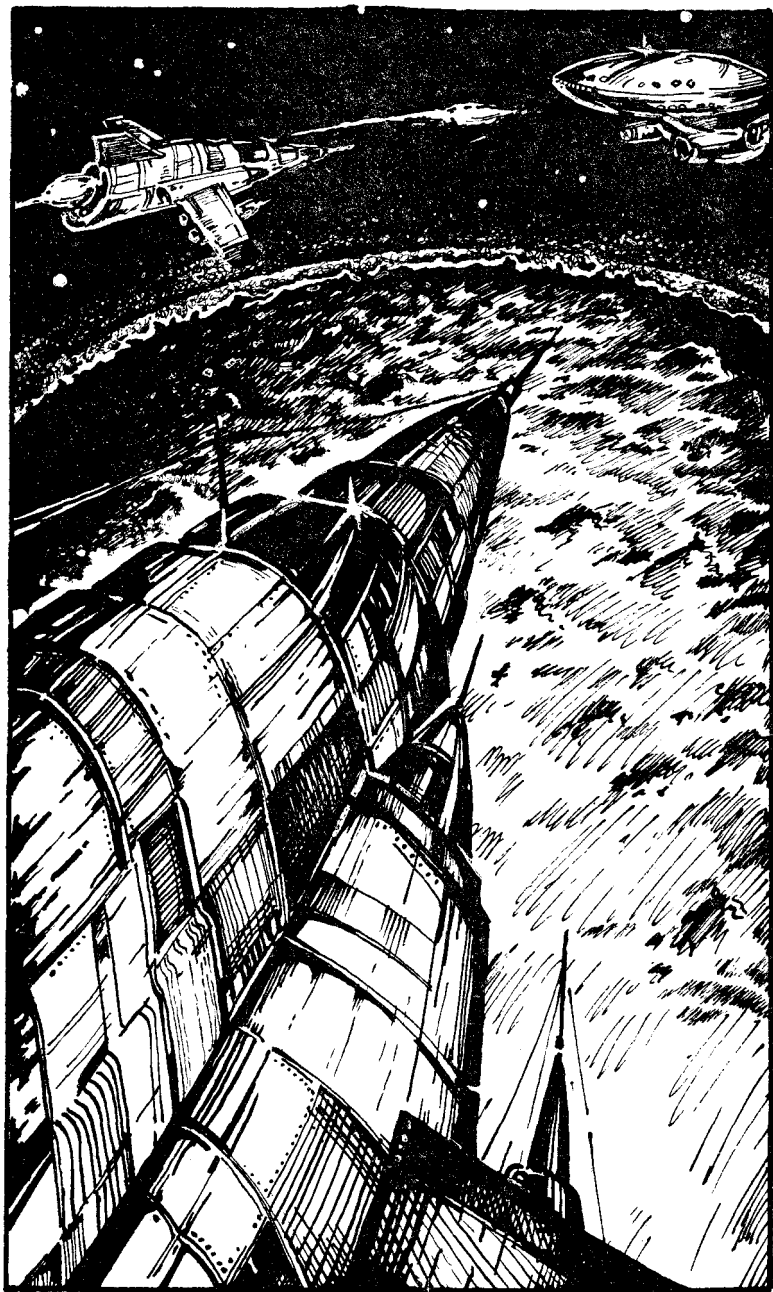
— Ты хочешь моего совета, — да ты шутишь!

— Я никогда не шучу, сколько можно повторять. Мне надо услышать вашу точку зрения. В человеке есть много иррационального, чего я не могу понять. К примеру, мания, навязчивость. Концентрация на чем-то одном, навязчивая идея и тому подобное.

— Джим и его облако?

— Именно. Ты просмотрел записи, касающиеся случившегося на «Феррагута»?

— Столько всякого случилось, у меня просто не было времени.

— К счастью, я быстро читаю, — сказал Спок. — Суммируя всю полученную информацию, могу сообщить, что половина экипажа «Феррагута», включая капитана, была уничтожена. Фамилия капитана — Гарровик.

Мак-Кой присвистнул:

— Такая же как у нашего энсина?

— Это его отец, — сказал Спок. — Я прихватил дело о «Феррагута».

— Значит, там еще что-то есть.

Спок мрачно кивнул:

— И очень много. Среди спасшихся был молодой офицер, это было его первое назначение, — увидев вопрос в глазах Мак-Коя, Спок опять кивнул. — Да, Джеймс Кирк, — сказал он и положил кассету на стол. — Было бы неплохо, если бы ты ее просмотрел.

Через двадцать минут Мак-Кой позвонил в каюту Джеймса Кирка. Ответа не последовало, и он открыл дверь.

Кирк без движения лежал на кровати и смотрел в потолок. Он не промолвил ни слова. Потом встал, включил коммуникатор:

— Кирк вызывает мостик. Рапортуйте, как проходит сканирование.

— Продолжаем работу, сэр. Ничего необычного не зафиксировано.

— Конец связи.

Кирк отодвинулся от коммуникатора, сжал кулаки и воскликнул:

— Не могло же оно просто испариться!

— Иногда так бывает, и если так, нам повезло, — Мак-Кой присел на стул. — Монстры принимают самые разные формы, Джим. И знаешь, какой монстр самый ужасный? Вина, доказанная и недоказанная.

— Поближе к делу, — набылчился Кирк.

— Джим... Молодой офицер, первый раз попавший в экстремальную ситуацию, испытывает серьезный эмоциональный стресс. Мы все знаем, как...

— Доктор, относительно энсина Гарровика я принял решение. Боюсь, вы выходите за рамки...

— Я говорил о лейтенанте Джеймсе Кирке с «Феррагута», — сказал Мак-Кой.

Кирк посмотрел на него, но промолчал. Мак-Кой продолжил:

— Двадцать лет назад ты дежурил у фазеров, когда что-то атаковало ваш корабль. Судя по записи, молодой офицер

настаивал на том, чтобы его подвергли наказанию и признали виновным в случившемся...

— Я помедлил, не выстрелил вовремя.

— Это была нормальная ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ реакция, — говорил Мак-Кой, делая ударение на каждом слове. — Неожиданность! Ты растерялся. Ты задержался с выстрелом максимум на две секунды!

— Если бы я не растерялся, это «нечто» было бы уничтожено! — с болью в голосе воскликнул Кирк.

— Эксперты так не считали. В записях в судовом журнале это ясно отображено. Руководство корабля характеризует тебя, как «молодого офицера, который проявил мужество при встрече с неизвестным.»

— Я убил более двухсот человек!

— Капитан Гарровик занимал большое место в твоей жизни, не так ли? — тихо спросил Мак-Кой.

Капитан как-то сразу осунулся.

— Я поступил в его подчинение сразу после Академии. Это был один из лучших людей, которых я когда-либо знал, — Кирк снова вскочил на ноги. — Я должен был уничтожить это! Если бы я тогда среагировал достаточно быстро...

— ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ ЭТОГО, ДЖИМ! Ты не можешь этого знать. Ты не можешь знать и того, уничтожил бы энсин Гарровик это «нечто» или нет.

— Я остался должен, — совершенно спокойно сказал Кирк.

— Тебя преследует память... Джим, ты не можешь сломать энсина, только потому, что видишь в нем Джеймса Кирка двадцатилетней давности. Ты ломаешь свою карьеру.

— Я ДОЛЖЕН БЫЛ УБИТЬ ЭТО! Не спрашивай меня, откуда я это знаю. Я просто знаю, и все.

Некоторое время Мак-Кой молча смотрел на своего капитана, потом встал, подошел к двери и открыл ее.

— Входи, Спок, — сказал он.

— Мак-Кой! — взорвался Кирк. — Не думай, что наша дружба позволяет тебе...

— Это профессиональный вопрос, капитан, — перебил его Мак-Кой. — Я собираюсь внести в судовой журнал запись о физическом и психическом состоянии капитана корабля. Для этого мне необходим свидетель — офицер.

Кирк переводил глаза с одного на другого, секунды тянулись, как часы; наконец, срывающимся от злости голосом он сказал:

— Правильно ли я понимаю, что вы, доктор, и вы, Спок,

считаете, что я более не соответствую своей должности и не способен далее командовать кораблем?

— В руководстве даны рекомендуемые конкретные формулировки, — сказал Спок. — Наш ответ есть в списке рекомендуемых, то есть: в вашем поведении мы заметили много того, что, на наш взгляд, является странным. Мы просим вас ответить на следующие вопросы...

— Черт! Забудь ты это руководство! — воскликнул Кирк. — Задавайте ваши вопросы.

— В данный момент, — невозмутимо продолжал Спок, — «Йорктаун» ожидает нас в условленном месте, капитан. На его борту находятся медикаменты, которые...

— Похоже, эту новость я уже слышал, — сказал Кирк и вытер дрожащей рукой лоб.

— Эту вакцину ждут на Тета-7, Джим, — сказал Мак-Кой. — Почему мы откладываем встречу?

— Потому что я знаю то, что я знаю, — ответил Кирк. — Существо, напавшее на «Феррагут» двадцать лет назад, это то же...

— Существо? — переспросил Спок.

— Да. Есть запись моего рапорта. Оно напало на нас, как раз когда я потерял сознание, я почувствовал разум этого существа, я ощущал, как он думает, планирует...

— Ты говоришь, что ощущал его разум, — спросил Спок. — Каким образом? Оно контактировало с тобой?

— Ты утверждаешь, что это случилось как раз в тот момент, когда ты потерял сознание, — вмешался Мак-Кой. — Полубессознательное состояние — хитрая штука, Джим. Ни один человек не может утверждать, что в таком состоянии было в действительности, а что нет.

— Реально или нереально, Боунс, но оно несло с собой смерть.

— Не сомневаюсь, — сказал Мак-Кой.

— И если в нашем случае это то же существо, что я встретил двадцать лет назад на другой планете, которая находится более чем в тысяче световых лет отсюда?

— Очевидно, капитан, что если это разумное существо, если именно его мы встретили здесь и если, как следует из всего вышесказанного, оно способно путешествовать в космосе, значит, оно представляет собой смертельную угрозу для всех обитаемых планет.

— Я согласен, Спок, многовато «если», но я, как капитан корабля, считаю, что они перевешивают другие факторы. Интуиция, какая бы то ни была, Спок, — прерогатива капитана.

— Джим, мы не пытаемся нападать на тебя.

— Конечно, доктор, — сказал Кирк. — Вы проявляете заботу об общем деле. Вы оба выполняете свой долг. Могут ли я теперь узнать, какого рода запись будет занесена в медицинский журнал?

Спок и Мак-Кой переглянулись.

— Джим... — начал Боунс.

Кирк улыбнулся:

— Вы блефовали, джентльмены, я раскусил вас.

— Это была исключительно моя идея, капитан, — сказал Спок. — Мак-Кой так привязан к вам, что просто не способен...

— Я привязан к нему! — перебил его Мак-Кой. — Вот это мне нравится! — Он повернулся к Кирку. — Джим, мы использовали эту возможность, чтобы попробовать спокойно переговорить с тобой...

Раздался сигнал вызова по селекторной связи:

— Мостик вызывает капитана! — возбужденно сказал Чехов. — Капитан, ответьте!

Кирк одним прыжком подскочил к микрофону:

— Кирк на связи.

— Что бы это ни было, мы его зафиксировали, капитан! Оно отделилось от поверхности планеты и уходит в космос.

— Всем палубам, — спокойно скомандовал Кирк, — «красная» тревога! Приготовиться покинуть орбиту, — передал он и вышел из каюты.

Вышел на охоту за диким гусем. Только то, что собирался преследовать Кирк в открытом космосе, вовсе не было диким гусем. Оно было неуловимо и пронизательно, как кобра, и постепенно уводило «Энтерпрайз» все дальше от места встречи с «Йорктауном».

На мостике все понимали, что было поставлено на карту. «Нечто» несколько раз меняло курс, намеренно пытаясь запутать «Энтерпрайз». Кирк несколько оживился, но Спок был явно обеспокоен:

— Капитан, мы не можем больше идти со скоростью 8 единиц, давление подходит к критической отметке.

— Расстояние до цели, мистер Чехов? — спросил Кирк.

— 0,04 световых года, сэр. Вне пределов досягаемости наших фазеров.

— Капитан, — сказал Спок, — мы почти не приблизились к нему, мы можем преследовать его несколько дней.

— Если это необходимо, — начал капитан и отвернулся. — Сделайте все возможное, чтобы увеличить скорость, Скотти.

— Есть, сэр.

— Давайте взглянем на него, — сказал Кирк.

Чехов нажал на кнопку.

— Увеличение двадцать крат. Вот оно, сэр!

На экране появилось «нечто», оно напоминало вытянутую спираль, окутанную вихрем испарений.

— Что скажете, Спок?

— Противоречивые показания, сэр. Пограничное состояние между материей и энергией. Возможно, оно использует для передвижения гравитационные поля.

— Вы не считаете, что это слишком сложно, Спок?

— Это высокоэффективно, — сказал Спок и на секунду замолчал. — Другое дело, указывает ли это на присутствие разума.

У Чехова на пульте загорелась красная лампочка.

— Открыт люк второго импульс-двигателя, сэр. Скотти проводил там очистные работы.

— Отключите тревогу, — сказал Кирк, — мы не будем использовать импульс-двигатели.

— Капитан, — повернулся от своего пульта Скотти, — если мы будем продолжать преследование на такой скорости, корабль в любую минуту может взорваться.

Кирк проглотил пилюлю реальности и сказал:

— Снижайте скорость до шести единиц.

В каюте Гарровика раздался звонок, и появилась сестра Чапел, в руках она держала поднос с ужином.

— Спасибо, — сказал Гарровик. — Но я не голоден.

— Приказ доктора Мак-Коя.

— Что происходит? — спросил Дэвид.

— Преследуем ли мы еще это «нечто» через всю галактику? Да, преследуем. Потерял ли капитан чувство реальности? Может быть. Готова ли команда взорваться? Определенно. Вам повезло, что вы не участвуете в этом, энсин.

— Не участвую? — с горечью сказал Гарровик. — Я причина всего этого.

Сестра Чапел спокойно переставила посуду с ужином на стол.

— Вы ведь знаете, что это так, не правда ли? — продолжил энсин. — Если бы я сумел выстрелить на Аргусе-10 в нужный момент, ничего этого бы не было.

— Жалость к себе — не лучшая закуска, — сказала сестра. — Попробуйте лучше суп.

— Мне не хочется.

— Если вы не будете есть, — сказала она ему, — доктор Мак-Кой будет вынужден отдать распоряжение о переводе вас в медчасть, и там вас накормят внутривенно. Мне совсем не хочется этим заниматься.

Гарровик ответил ей слабой улыбкой, согласно кивнул и начал ковырять вилкой у себя в тарелке. Как только дверь за сестрой Чапел закрылась, Дэвид схватил чашку с кофе и изо всей силы швырнул ее об стену. Чашка попала в панель с измерительными приборами, от удара включился вентиляционный выключатель.

В тот же момент раздался пронзительный сигнал тревоги. Включилась трансляция и по всему кораблю зазвучал голос Кирка:

— Боевая готовность! Всем палубам — боевая готовность! Противник снижает скорость! Это не учебная тревога! Всем палубам — боевая готовность!

На мостике Чехов почти кричал:

— Сэр, оно совсем остановилось! Увеличение один, визуальный контакт!

«Нечто» находилось прямо в центре экрана, теперь оно было гораздо меньше и пульсировало.

— Привет, моя прелесть! — сказал Кирк, взглянув на экран, и повернулся к Чехову. — Подойдем поближе, снижайте скорость до 0,25.

Чехов колдовал за своим пультом, когда дверь лифта открылась, из нее вышел бледный и напряженный энсин Гарровик и направился прямо к Кирку.

— Прошу разрешить мне вернуться на пост, капитан.

— Оно уже в пределах досягаемости фазеров! — крикнул Чехов.

— Цель, Чехов, — спокойно сказал Кирк.

— Цель поймана, сэр!

— Огонь из основных фазеров!

Лучи фазеров прошли через центр «нечто». Кирк не мог поверить своим глазам.

— Фазеры неэффективны, капитан!

— Фотонные торпеды, Чехов! — скомандовал Кирк.

— Есть, сэр!

— Огонь!

Корабль слегка накренило, цель испустила ослепительную вспышку, и «Энтерпрайз» содрогнулся.

— Посмотрите на экран! — крикнула Ухура. — Оно все еще движется в нашу сторону!

«Нечто» становилось все больше и плотнее.

— Поднять отражатели! — приказал Кирк.

— Отражатели подняты, сэр.

Наступившую тишину первым нарушил Спок:

— Отражатели не остановят его, — сказал он. — Если оно способно использовать для продвижения гравитацию, оно сможет пройти и через наши отражатели.

— Есть какой-нибудь способ остановить его, Спок?

— Нет, капитан. Кажется, оно измерило пульсацию нашего силового поля и расположилось на долю секунды впереди и позади него.

— Контакт через пять секунд! — рапортовал Чехов.

Кирк нажал кнопку внутренней связи:

— Всем палубам! Тревога, вторжение!

— Все люки и воздушные клапаны перекрыты, сэр, — рапортовал Чехов. — **НЕТ! ЛЮК ИМПУЛЬС-ДВИГАТЕЛЯ НОМЕР ДВА! СЭР, ГОРИТ КРАСНЫЙ СИГНАЛ!**

Кирк подскочил к экрану. Облако было уже над кораблем, потом исчезло.

— Капитан! — крикнул Скотти. — Что-то проникло через вентиляционный клапан номер два!

— Отрицательное давление по всей вентиляционной системе, мистер Чехов. Тревога всем палубам!

По всему кораблю загорелись красные огни и пронзительно взвыли сирены.

— Ну что ж, докладывайте, — сказал Кирк.

Хотя за столом в комнате совещаний сидели еще Мак-Кой и Спок, Скотти понял, что Кирк обращается именно к нему.

— Сэр, «нечто» проникло на корабль через клапан номер 2 и перед тем, как скрыться в вентиляционной системе, напало на двух членов экипажа.

— Боунс?

— У одного еще есть очень слабый шанс, другой умер. На твоей охоте это становится обычным делом!

— Достаточно, Боунс.

— Нет, недостаточно! Тебя не волнует, что происходит и будет происходить во время твоей охоты, главное — повесить на стену трофей! Но он не на стене, капитан! Он в стене!

— При отключенной вентиляционной системе нам хватит воздуха только на два часа, — добавил Спок.

У них есть все основания, чтобы обвинять меня, подумал Кирк, пощады ждать не приходится. И как бы подтверждая его мысли, Мак-Кой сказал:

— Я предполагаю, дела наших пациентов на Тете-7 также обстоят не лучшим образом.

Как ни странно, только Спок, получеловек, проявил сочувствие.

— С вашего позволения, я хотел бы предложить прекратить дискуссию о том, продолжаем мы или не продолжаем преследовать это существо. Всем ясно, что оно уже преследует нас, а не мы его.

— Существо, Спок? — спросил Мак-Кой.

— ОНО РАЗВЕРНУЛОСЬ И АТАКУЕТ, ДОКТОР. Такая манера поведения признается разумной, — ответил Спок.

— Поверьте, джентльмены, мне не доставляет особой радости моя правота, — очень медленно говорил Кирк. — В данный момент оно должно было бы быть в нескольких световых годах от нас, но вместо этого оно решило остановиться. Почему? Почему? Почему?

— Я должен подождать, — сказал Спок, — пока смогу сделать более точный анализ существа.

— У нас есть два часа, Спок, — сказал Кирк и обратился к Скотту. — Попробуйте выбросить радиационные отходы в вентиляционную систему, может, оно почувствует себя не очень комфортно.

— Есть, сэр.

Мак-Кой вместе со Скотти направился к выходу, но в дверях остановился:

— Джим, извини за предыдущее. Ты был прав, решив преследовать его.

Оправдание должно было что-то значить, но для Кирка оно не значило ровно ничего. Если тебя не преследует осуждение других людей, вполне достаточно чувства вины.

— Капитан, — сказал Спок, — если «нечто» способно десинхронизировать, то есть находиться где угодно в момент выстрела фазеров, у вас нет оснований в чем либо винить себя. Если бы двадцать лет назад вы выстрелили без малейшей задержки, эффект был бы тот же, что и час назад. Капитан Гарровик все равно бы погиб.

— Теории о чувстве вины, правоте и неправоте, прошлом и будущем... Мне кажется, я уже перерос их, теперь передо мной стоит задача сохранить мой корабль и команду.

— Это была не ваша вина, капитан, никто не был виноват.

Кирк встал:

— Если ты собираешься разыгрывать из себя психиатра, — а я должен признать, что эта роль тебе не очень-то подходит, Спок, — займись энсином Гарровиком, а не мной. Спасибо, — сказал Кирк и, не оглядываясь, вышел из комнаты.

Спок понял капитана однозначно. Он подошел к каюте энсина, позвонил и вошел внутрь. Гарровик вскочил со стула.

— Вы можете сидеть, энсин. Я хотел бы поговорить с вами.

Дэвид немного удивился:

— Да, сэр.

— Энсин, насколько я понимаю, вы обеспокоены тем, что в нужный момент вы, как вы считаете, не смогли повести себя должным образом?

— Ну, я бы не сказал, что я горжусь собой, сэр.

— Может быть, это слишком эмоциональное умозаключение.

Гарровик покачал головой:

— Нет, сэр. Я основываюсь на фактах, а они таковы: люди, которыми я командовал, погибли, потому что я растерялся, засомневался и вместо того, чтобы действовать, начал анализировать. Я виновен в смерти моих людей, мистер Спок.

— Энсин, самобичевание — характерная черта вашего рода.

— Вы говорите об этом, как о болезни, сэр.

Они смотрели друг другу в глаза и не заметили, как из вентиляционного отверстия появился маленький клубок испарений.

— Вы хотите сказать, — нетерпеливо говорил Дэвид, — «не стоит беспокоиться, энсин, это случается с каждым из нас, мы просто хороним погибших и больше о них не думаем». Я прав, мистер Спок?

— Не совсем. Раскаяние — полезная вещь, оно меняет людей в лучшую сторону, но чувство вины — пустая трата времени. Ненависть к самому себе, почти всегда незаслуженная, разрушает человека, — Спок вдруг замолчал и принюхался. — Вы ничего не чувствуете? — спросил он. — Мне показалось, что я...

В ту же секунду он увидел, как из вентиляционного отверстия постепенно появляется «нечто». Гарровик рванулся в его сторону:

— Сэр, это оно!

Спок за руку оттащил его к двери:

— Уходите отсюда, живо, я попробую изолировать его!

Вулканит подскочил к искореженному выключателю и попытался перекрыть клапан. Облако увеличилось, стало плотнее и постепенно окружило Спока.

В коридоре Гарровик подбежал к ближайшему стенному коммуникатору:

— Капитан! «Нечто»! Оно в моей каюте, сэр! Там Спок!

Кирк вскочил с кресла:

— Иду, Гарровик! Скотти, поменяйте давление в каюте 341! Лейтенант Ухура, опасность в каюте 341! Медицинская тревога!

Кирк оказался прав: когда давление изменилось, облако стало засасывать обратно в вентиляционную систему. Возле двери капитана встретили Мак-Кой и люди из службы безопасности. Мак-Кой потянулся было к дверной ручке, но Кирк остановил его:

— погоди! Посмотрим, что покажет трикодер!

Один из офицеров стал настраивать свой трикодер.

— Джим! Может быть, сейчас умирает Спок! — не выдержал Мак-Кой.

— Если мы выпустим это существо из каюты, у него будет большая компания, — резко сказал Кирк.

Лицо Гарровика стало пепельно-серым.

— Капитан, это я виноват, я кинул чашку о стену и, видимо, попал в выключатель.

— Проверьте, затянуло его в вентиляцию или нет, — обратился Кирк к офицеру безопасности.

— Он спас мне жизнь, сэр, — срывающимся голосом говорил энсин. — Это я должен лежать там мертвым, а не он.

Из-за двери послышался голос Спока:

— Я очень рад, энсин, что мы оба живы, — он открыл дверь. — Изменение давления сработало, капитан, клапан закрыт.

Кирк остолбенел:

— Спок, не пойми меня неправильно, но почему ты жив?

— Это из-за его зеленой крови! — воскликнул Мак-Кой.

Спок кивнул:

— Мой гемоглобин основан на меди, а не на железе.

Кирк подошел к двери и принялся.

— Запах стал другим. Да... Да, теперь понимаю.

— Надеюсь, теперь ты не думаешь, что вошел с ним в контакт?

— Я не знаю точно, что это, Спок. Но вспомни, я гово-

рил, что знал, что это «нечто» — живое существо. Может быть, это не обычный контакт в нашем понимании, но я действительно знал, что оно живое и разумное. Теперь я знаю кое-что еще.

Пискнул сигнал коммуникатора:

— Мостик вызывает капитана Кирка.

— Кирк на связи.

— Это Скотти, сэр. «Нечто» опять направилось к клапану номер два, возможно, радиационный выброс подействовал на него.

— Открыть клапан, — сказал Кирк. — Иду к вам. Конец связи. — Он быстро пошел по коридору, остановился и повернулся к Гарровику:

— Энсин Гарровик!

— Да, сэр.

— Вы были на мостике, когда «нечто» атаковало нас.

— Виноват, сэр. Я знаю, что должен был оставаться в своей каюте, но, когда прозвучала тревога, я...

— Весьма похвально, энсин. Каково ваше впечатление?

— Не понял, сэр.

— Меня интересует ваша оценка того, как сработали наши боевые системы.

— Они были неэффективны, сэр, — твердо сказал Гарровик и быстро добавил. — Я хочу сказать, капитан, что вы сделали все возможное, просто этого монстра ничего не берет.

— А какова ваша оценка собственного поведения на Аргусе-10?

— Я задержался с выстрелом.

— А если бы вы выстрелили вовремя? — Кирк замолчал и посмотрел Дэвиду в глаза. — Это ничего не изменило бы, энсин. Ни один вид известного нам оружия ничего бы не изменил. Тогда... Двадцать лет назад.

— Простите, сэр? Не понимаю.

— Я сказал — приступайте к своим обязанностям, Гарровик.

Энсин засиял от радости:

— Есть, сэр. Спасибо, капитан.

Он хотел добавить что-то еще, но двери лифта закрылись, и капитан уже не услышал бы его.

На мостике Кирка ожидали новости. Чехов уступил ему место за пультом Спока и нетерпеливо сказал:

— Результаты положительные, капитан. Существо покинуло корабль и на большой скорости ушло в космос, оно уже почти за пределами досягаемости наших сканеров.

К ним присоединился Спок.

— Направление, Спок?

— 127 — 9, но я почти потерял его, сэр.

Кирк включил селекторную связь:

— Скотти. Мне нужна вся скорость, какую ты только можешь выжать из своих двигателей, удерживай ее, пока не начнем разваливаться на части. Конец связи, — он повернулся к Споку. — Кажется, я знаю, куда оно направилось.

— До этого оно не раз изменяло курс, чтобы запутать нас, сэр. Логичнее было бы...

— Я руководствуюсь интуицией, а не логикой, Спок. Мистер Чехов, просчитайте курс к звездной системе Тикос.

Все отвернулись от своих пультов и посмотрели на капитана. Чехов, стараясь скрыть удивление, проложил курс.

— Курс просчитан, сэр.

— Полный вперед.

— Есть полный вперед, сэр.

— Лейтенант Ухура, свяжитесь с «Йорктауном» и Звездной эскадрой, информируйте их о том, что мы преследуем существо, которое движется в направлении планеты 4 системы Тикос. В этом месте оно двадцать лет назад атаковало «Феррагут».

— Не понимаю, капитан, — сказал Спок.

— Помнишь, после того, что с тобой случилось, я сказал, что запах стал другим? У меня в ушах вдруг прозвучало: «Рождение... Деление... Умножение...» Оно сказала: «Домой».

Спок приподнял брови:

— И вы знаете, где этот «дом», сэр?

— Да. Его дом там, где оно уже когда-то атаковало корабль. Лейтенант Ухура, опишите им всю ситуацию, передайте, что я намерен уничтожить это существо. Мы встретимся с «Йорктауном»... — Кирк повернулся к Чехову, — продолжительность маршрута, мистер Чехов?

— 1,7 дня, сэр.

— Мы встретимся с «Йорктауном» через сорок восемь часов.

Планета 4 Системы Тикос имела весьма унылый и безжизненный вид. На мостике Мак-Кой с отвращением разглядывал ее на экране.

— Надо понимать, ты тоже считаешь, что мы должны преследовать это «нечто» и уничтожить его? — спросил он Спока.

— Безусловно, доктор.

— Ты с нами не согласен, Боунс?

Мак-Кой пожал плечами:

— Оно собирается стать матерью. Я не получаю удовольствия от уничтожения матерей.

— Если оно собралось метать икру, — сказал Спок. — Я хочу сказать, что оно, несомненно, будет размножаться делением, и не просто на две части, а на тысячи.

— Антиматерия — наша единственная возможность, — сказал Кирк, посмотрев на него.

Спок кивнул:

— Одной унции будет вполне достаточно, мы можем выделить ее из наших двигателей и в вакуумном магнитном поле переправить на планету.

— Энсин, свяжитесь с медицинским складом, — сказал Кирк Гарровику, стоявшему у него за спиной. — Мне нужно столько гемоплазмы, сколько они могут дать. Я жду ее в отсеке телепортации через пятнадцать минут.

— Есть, сэр.

— Ты собираешься использовать гемоплазму как приманку? — спросил Мак-Кой.

— Мы должны как-то заманить его к антиматерии. Раз уж его так привлекают красные кровяные шарики, ничего лучше гемоплазмы не придумать.

— Но останется одна проблема, капитан.

Кирк кивнул Спок:

— Взрыв.

— Именно. Взрыв снесет половину атмосферы планеты. Если наш корабль будет на орбите, не учитывающей взрывную волну...

— Мы должны использовать этот шанс.

— При таких условиях никто не может гарантировать, что наш транспортер сработает точно. Если человек будет телепортироваться в момент взрыва, мы можем потерять его, капитан.

К этому времени Гарровик уже вернулся и внимательно прислушивался к разговору. Он вспыхнул, когда Кирк сказал:

— Именно поэтому, Спок, я сам решил поставить «капкан».

Спок встал:

— Капитан, в моей крови настолько мало гемоглобина, что это существо не сможет серьезно повредить мне. Было бы логичнее, если бы именно я...

— Нет, Спок. Ты нужен на борту в случае провала опера-

ции. Тогда необходимо будет разработать новый план уничтожения существа.

— Капитан, — продолжал настаивать Спок, — можно приказать доставить анти-материю любым двум членам экипажа.

— Сэр, — обратился к Кирку Гарровик. — Я прошу разрешить мне отправиться с вами.

Кирк внимательно посмотрел на него и кивнул:

— Да, я думал о вас, энсин.

Вся поверхность планеты была покрыта морщинами и черными рубцами, под ногами была остывшая лава, в небо поднимались мертвые вулканы. Опустошение и смерть — таков был мир «нечто». Кирк и Гарровик нашли подходящее место для приманки, и капитан включил коммуникатор:

— Кирк вызывает «Энтерпрайз».

— Спок на связи, капитан.

— Займите позицию на максимальном расстоянии от планеты.

— Есть, сэр.

— Странно, капитан, — задумчиво сказал Гарровик. — Здесь меньше унций... А мощность больше, чем у десяти тысяч кобальтовых бомб...

— Одного фунта достаточно, чтобы уничтожить всю солнечную систему, но я надеюсь, антиматерия сильна не настолько, насколько ей это позволяет человек.

Подойдя к небольшому возвышению, оставив гемоплазму, они очень осторожно разместили контейнер с антиматерией на маленьком холмике остывшей лавы.

— Детонатор, — сказал Кирк.

Дэвид подал его капитану, и тот присоединил детонатор к контейнеру. Сделав это, Кирк опять включил коммуникатор:

— Кирк вызывает «Энтерпрайз».

— Спок на связи, сэр. Находимся в тридцати тысячах километров от вас.

— Контейнер установлен, детонатор подключен, выйду на связь, когда оно клюнет. Конец связи.

— Капитан! Смотрите!

Над лавой появилось облако; оно подплыло к гемоплазме и стало жадно ее заглатывать.

— Гемоплазма! — крикнул Гарровик. — Оно уже уничтожило почти всю приманку!

— Нужно использовать что-нибудь еще, — жестко сказал Кирк.

— Но единственная приманка для него — это кровь!

Кирк посмотрел в глаза Дэвиду:

— Отправляйтесь на корабль, энсин. Скажите им, чтобы приготовились к взрыву.

— Вы, сэр? — ошеломленно спросил Гарровик. — Вы собираетесь стать приманкой для этого чудовища?

— Вы слышали мой приказ? Возвращайтесь на корабль!

Гарровик не отвечал. Он посмотрел на облако, все еще висевшее над гемоплазмой; потом «нечто» очень медленно начало двигаться в направлении людей. Кирк схватил Дэвида за плечо, развернул на 180 градусов и сильно оттолкнул:

— Это был приказ, Гарровик! — крикнул он.

— Есть, сэр, — сказал Дэвид, взял коммуникатор и отошел за спину капитану. Резко развернувшись, он неожиданно ребром ладони ударил Кирка по шее. Капитан упал. Гарровик быстро глянул на облако и наклонился, чтобы поднять Кирка, тот нанес ответный удар, Гарровик покачнулся, и Кирк одним прыжком вскочил на ноги.

— Энсин, у нас нет времени на подвиги! Я не собираюсь приносить себя в жертву. Давай сюда! — он дернул Дэвида за рукав, и они встали так, что контейнер с антиматерией оказался между ними. Кирк включил коммуникатор. — Кирк вызывает «Энтерпрайз».

— Спок на связи, капитан.

— Нацельте транспортер на нас. Оно уже близко. Оставайтесь на связи.

— Я... Я чувствую его запах, капитан, — сказал Гарровик. — Сильный запах меда.

— Оставайтесь на связи, — еще раз повторил Кирк и посмотрел на облако.

В поисках крови «нечто» приблизилось к контейнеру с антиматерией. От облака отделилось щупальце и потянулось к горлу Кирка. Он закричал:

— «Энтерпрайз»! Уходим и взрыв! Сразу!

Капитан и энсин начали растворяться в воздухе, и тут же невероятно мощный взрыв уничтожил мир «нечто».

В отсеке телепортации на «Энтерпрайзе» Спок наблюдал, как в воздухе постепенно начали появляться очертания Кирка и Гарровика. Они появились на какую-то секунду и распались на светящиеся фрагменты. Спок хладнокровно работал

над пультом, пытаясь вновь произвести материализацию. Скотти в панике кинулся к панели транспортера.

— Что ты стоишь! — кричал Мак-Кой. — Сделай же что-нибудь!

По внутренней связи раздался голос Чехова:

— Всем палубам! Взрывная волна!

«Энтерпрайз» содрогнулся от сильнейшего толчка. Спок и Скотти упали на колени, тщетно пытаясь не выпустить из рук контроль над панелью телепортации, потом оба они оглядели весь отсек. Он был пуст.

— Скотти, переключите схему на селектор Б.

Мак-Кой буквально взвыл:

— ЧТО ЗА ИДИОТСКИЙ СПОСОБ ТЕЛЕПОРТАЦИИ!
РАЗБРАСЫВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ МОЛЕКУЛ ПО
ВСЕЙ ВСЕЛЕННОЙ...

— Мы нащупали их, — сказал Скотти. — По-моему, мы нащупали их.

Мак-Кой взглянул на него, а когда вновь повернулся к платформе, на ней уже стояли Кирк и Гарровик, живые и невредимые.

— Капитан... — тихо сказал Мак-Кой. — Капитан... — он облегченно вздохнул. — Слава Богу, капитан.

— Бог здесь ни при чем, — поправил его Спок. — Это произошло благодаря тому, что мы вовремя решили...

— Слава всему чему угодно, — сказал Мак-Кой. — Главное, что они живы!

Кирк включил коммуникатор:

— Капитан вызывает мостик.

— Чехов на связи, капитан.

— Курс на встречу с «Йорктауном». Максимальная скорость.

— Есть, сэр.

Кирк улыбнулся Гарровику:

— Зайдите ко мне в каюту, когда приведете себя в порядок, энсин. Я хочу рассказать о вашем отце. Думаю, вам это будет интересно.

Дэвид с обожанием посмотрел на своего капитана:

— Спасибо, сэр. Я приду.

Возвращение «Аркона»

Через сто лет после того, как на Бета-3000 при загадочных обстоятельствах пропал космический корабль «Аркон», два члена экипажа «Энтерпрайза», высадившиеся на этой планете в поисках какой-либо информации об «Арконе», могли также зачислить себя в список «пропавших».

Они бежали по однообразным улицам кажущегося безобидным города кажущейся безобидной планеты. Один из них упал; его товарищ Зулу протянул для помощи мускулистую руку и сказал:

— О'Нейл, вставай! Нам надо идти!

Никто на улице не посмотрел в их сторону. Можно было подумать, что жители Бета-3000 существуют по принципу — «Меня ничто не касается».

— Нет смысла, Зулу, — тяжело дыша, сказал распротертый на земле О'Нейл. — Они везде. Смотри! Вот один из них! Это один из Законодателей! — он показал на человека в длинных одеждах с капюшоном и с чем-то вроде жезла в руках, а потом еще на одного, одетого точно так же. — Они везде! Нам от них не уйти!

Зулу включил коммуникатор:

— Поисковая группа вызывает «Энтерпрайз»! Капитан, поднимайте нас! Быстрее! Опасность! — он посмотрел на О'Нейла. — Держитесь, лейтенант, нас вот-вот заберут отсюда...

О'Нейл вскочил на ноги:

— Бежим! Нам надо уходить! Вы знаете, на что они способны!

— О'Нейл...

Но лейтенант уже бежал вниз по улице. Зулу отвлекся, глядя на лейтенанта, и не заметил, как один из людей в капюшоне дотронулся до него своим жезлом; он только почувствовал, как напряжение вдруг спало, и остался только покой, мир и ощущение счастья. В следующую секунду он начал распадаться на мерцающие фрагменты и дематериализовался.

Обратная материализация на «Энтерпрайзе» проходила

совсем гладко. Лампочки на панели телепортации то загорались ярче, то почти совсем потухали, то загорались опять. Кирк, Скотти и молодой социолог Линдстрем наблюдали за процессом материализации. Наконец на платформе появилась фигура Зулу. Кирк был удивлен, увидев его не в униформе, а в лохматом, домашней вязки свитере и бесформенных брюках, что являлось обычной одеждой жителей Бета-3000. Он подбежал к Зулу:

— Что случилось, Зулу? Где лейтенант О'Нейл?

— Вы... Вы не из Корпуса... — вяло отвечал Зулу.

Кирк посмотрел на Скотти, тот кивнул.

— Доктор Мак-Кой, — сказал капитан в микрофон селекторной связи. — Пройдите в отсек телепортации. Быстрее, пожалуйста.

Зулу подумал некоторое время и с большой осторожностью спустился с платформы. Он взял в руку узел с униформой, который до этого держал под мышкой, и раздраженно зашвырнул им перед Линдстремом:

— Это ваша работа! — закричал он. — Они узнали, что мы чужие! Эту одежду носили люди с «Аркона»! — он кинул униформу в Линдстрома.

— Спокойно, Зулу, — сказал Кирк. — Все в порядке. Теперь расскажи мне, что произошло.

Зулу пошатнулся, Кирк протянул руку, чтобы поддержать его. Вбежал Мак-Кой с аптечкой в руках и остановился посреди отсека:

— Джим! А где О'Нейл?

Кирк в ответ покачал головой. Зулу весь напрягся, как будто получил послание громадной важности, и пробормотал:

— Лэндру... Лэндру...

Кирк посмотрел в бессмысленные глаза Зулу, внутри у него все похолодело.

— Зулу, что там произошло? Что с вами сделали?

— Они прекрасны, — без выражения отвечал Зулу. — Это добрейшие, доброжелательнейшие люди во Вселенной. Они живут в раю, капитан.

В медчасти Мак-Кой также не смог ничего от него добиться. Зулу бесконечно повторял одно и то же, он был не в силах объяснить ни свое состояние, ни то, где находится О'Нейл. Все это заставило Кирка принять решение самому спуститься на Бета-3000 в составе второй поисковой группы. В группу также входили Спок, Мак-Кой и Линдстрем. Они материализовались на тротуаре возле кирпичного дома, в переулке, который выходил на широкую улицу.

— Материализация завершена, — сказал Кирк в коммуникатор. — Конец связи, — он выключил коммуникатор и увидел, что Линдстрем уже подошел к концу переулочка и с любопытством рассматривал улицу. Все последовали за ним. Выйдя на улицу, Кирк сразу обратил внимание на двух людей в длинных мантиях с капюшоном, в руках у них были необычного вида жезлы. У этих «монахов» странные физиономии, подумал Кирк. Можно подумать, им известна страшная тайна, разглашение которой карается смертью. Глаза их были затуманены, как у слепых. Какой-то человек неуклюже шел навстречу поисковой группе; поравнявшись, он улыбнулся Кирку, улыбка была пустой и дружелюбной одновременно. Кирк улыбнулся в ответ.

Когда человек прошел мимо, Спок заметил:

— Странно.

— Что, Спок?

— Выражение лица этого человека, капитан. Очень похоже на выражение лица Зулу, когда он материализовался на «Энтерпрайзе», такая же пустота и бессмысленность.

— Придется выяснить, все ли жители этой планеты таковы, — сказал Кирк и смело шагнул на улицу.

Все прохожие приветствовали их одинаково вежливыми улыбками. Потом крупный молодой человек с простодушным лицом остановился перед Кирком и сказал:

— Здравствуй, друг. Меня зовут Билар, а тебя?

— Кирк.

Человек глупо улыбнулся:

— Вы чужие.

Кирк кивнул, и Билар продолжил:

— Приехали на праздник? Нашли, где переночевать?

— Нет. Нет еще.

— Идите к дому Реджера. У него есть комнаты. — Билар посмотрел на часы на башне. — Вам надо торопиться. Скоро Красный Час.

Часовая стрелка приближалась к шести.

— Праздник начнется в шесть? — спросил Кирк.

Внимание Билара привлекла симпатичная темноволосая девушка, которая быстро шла им навстречу, и он не услышал вопрос Кирка. Билар протянул руку и остановил девушку:

— Тула, эти люди чужие, они приехали на праздник. Твой отец может приютить их?

Тула засмотрелась на красивого белокурого социолога, опустила глаза, застенчиво улыбнулась и сказала:

— Вы пришли из долины?

— Точно, — улыбнулся Линдстрем. — Мы только что приехали.

— Я мало видела людей из долины. Мой отец будет рад принять вас. Ему все равно, откуда приходят люди.

— Он домовладелец? — спросил Кирк.

— Какое странное название, — рассмеялась Тула. — Дом вон там, — она показала на вполне комфортабельный с виду трехэтажный дом, в ту же секунду часы на башне начали отбивать шесть ударов.

Лицо полной матроны, которая проходила мимо них, вдруг исказилось страшной гримасой, и она пронзительно закричала. Ближайший к капитану прохожий неожиданно набросился на него. Кирк подставив локоть, отшвырнул мужчину назад и крикнул:

— Спина к спине!

Поисковая группа приготовилась отразить любое нападение. Вокруг царил ад крошечный. Люди набрасывались друг на друга, хватая все, что попадется под руку. Они колотили друг друга голыми руками, дубинами, швырялись камнями. Мимо поисковой группы пробежала женщина, за ней с ликующими криками гнался лысый мужчина. Послышался звон разбиваемых стекол. Тула вдруг вся затряслась и начала иступленно кричать, к ней бросился Билар:

— Тула! Тула, идем! — он схватил ее за запястье, а когда Линдстрем рванулся было к ним, наклонился, схватил булыжник и со всей силы ударил им Линдстрема в плечо. Мак-Кой помог социологу подняться и крикнул:

— Джим! Они походили с ума! Это сумасшедшие!

— Боунс, не может же все население разом свихнуться... — Кирк уклонился от летевшего в него булыжника.

Какой-то мужчина с криками:

— Праздник! Праздник! Праздник! — бросился на Кирка, вокруг рта у него собралась пена.

— Надо уходить, — сказал Кирк. — Тот дом, о котором говорила девушка, — попробуем пробиться к нему!

Плечо к плечу поисковая группа прокладывала себе путь вниз по улице. Молодая красивая женщина в разорванном платье подбежала к Кирку, схватила его за руку и попыталась оттащить в сторону, капитан резко оттолкнул ее, и она, хохоча, как безумная, побежала дальше. На группу со всех сторон посыпались камни.

— Бежим! — крикнул капитан, вытирая с лица кровь.

Бедлам не прекращался, но они уже добежали до дверей трехэтажного дома. Кирк постучал, дверь открылась, и в сле-

дующую секунду Кирк уже захлопнул ее за собой. Три пожилых человека с удивлением оглядывали поисковую группу.

— Что вы хотите? — спросил один из них.

— Извините, что мы врываемся подобным образом, — сказал Кирк. — Мы просто не рассчитывали на такое гостеприимство...

— Гостеприимство? — спросил другой человек. — Вы чужие?

— Да, — ответил Кирк. — Мы... Мы из долины.

— Приехали на праздник? — спросил третий.

— Да, — ответил ему Кирк.

— Тогда почему вы здесь?

Кирк обратился к человеку, который первым поприветствовал их:

— Вы Реджер?

— Я.

— Вашу дочь зовут Тула?

— Да.

— Так вы бы лучше позаботились о ней! — взорвался Линдстрем. — Она там одна среди этих безумцев!

Реджер опустил глаза:

— Это праздник, — сказал он. — Желание Лэндру...

— Реджер, — снова заговорил третий мужчина. — Эти люди молоды, но возраст их не извиняет!

— Это гости из долины, Хаком, — сказал Реджер.

— Разве в долине нет Законодателей? — глаза Хакома засветились фанатичным блеском. — Почему они не участвуют в празднике?

— Нам сказали, что у вас, возможно, найдется комната для нас, — перебил его Кирк.

— Вот видишь, Хаком, они просто ищут место, где можно остановиться после праздника.

— Красный Час уже начался! — выкрикнул Хаком.

Тон его был настолько враждебен, что Реджер поежился.

— Хаком, они не отсюда, в долине живут по-другому.

— Ты хочешь сказать, что Лэндру не вездесущ?

Второй человек попытался взять на себя роль миротворца:

— Нет, конечно, Реджер так не думает, он никогда не говорит таких богохульных вещей, просто он хотел сказать, что в долине живут несколько иначе, чем здесь.

— Они пришли ко мне попросить пристанища, — попытался защитить себя Реджер. — Разве я могу выгнать их? — Он обратился к Кирку. — Входите, пожалуйста...

— Но Тула, — воскликнул Линдстрем. — Она ведь девушка, и она все еще там!

Хаком посмотрел на него с подозрением и нескрываемой враждебностью:

— Она на празднике, молодой человек, там, где и вы должны быть.

— Проходите, пожалуйста, — нетерпеливо сказал Реджер. — Быстрее.

Все пошли вслед за Реджером. Кирк обернулся и услышал, как Хаком сказал второму мужчине:

— Тамар, Законодатели должны узнать об этом!

Ответ Тамара прозвучал несколько двусмысленно:

— Конечно, Хаком, — сказал он. — Они уже знают, разве они когда-нибудь ошибаются?

Но Хаком ее успокоился:

— Ты издеваешься! — воскликнул он. — Ты издеваешься над Законодателями! А эти... эти люди не состоят в Корпусе! — он подбежал к двери, распахнул ее и крикнул: — Вы еще посмотрите! — и исчез.

Уход Хакома не испугал Кирка. Они были на верном пути. Не все было ясно, но упоминание о Лэндру напомнило Кирку то, что говорил на «Энтерпрайзе» Зулу. Видимо, это какое-то общество, организация или братство, подумал капитан.

Хотя в комнате не было ничего, кроме дюжины соломенных тюфяков, капитан был удовлетворен, прогресс в поисках пропавшего экипажа «Аркона» был налицо. Из открытого окна доносились крики и шум праздника.

— Господин, вы можете вернуться сюда после окончания праздника, — сказал Реджер. — Вам потребуется отдых, здесь будет довольно тихо.

— Реджер, — сказал Кирк. — Мы не собираемся участвовать в празднике.

Эта новость, кажется, потрясла их хозяина. Он подошел к окну и открыл его пошире:

— Но часы уже пробили, — воскликнул он. — Вы слышали?!

— Нам гораздо интереснее было бы услышать о Лэндру, — сказал Кирк.

— Лэндру... — прошептал Реджер. — Лэндру... Вы спрашиваете меня... Вы чужие... Вы не участвуете в празднике... Кто вы?

— Кто Лэндру? — спросил Кирк.

Реджер испуганно посмотрел на капитана «Энтерпрайза»

и выбежал из комнаты. Линдстрем хотел было открыть окно, но Кирк остановил его:

— Оставьте его закрытым, Линдстрем.

— Но я социолог, капитан! Неужели вы не понимаете, что там происходит?

— Наша задача, — спокойно сказал капитан, — выяснить, что случилось с экипажем «Аркона» и с лейтенантом О'Нейлом. Мы прибыли сюда не затем, чтобы нас вовлекали в...

— Но это безумство! — перебил его Линдстрем. — Оно возникло спонтанно и одновременно охватило все население! Мне необходимо выяснить причины, выяснить, каким образом...

— Вы подчиняетесь мне, мистер Линдстрем, — твердо сказал Кирк. — Мы здесь не для того, чтобы изучать привычки и образ жизни обитателей Бета-3000!

— Капитан, — вмешался Спок, — в связи со всем тем, что происходит в данный момент на улице, я предлагаю выяснить состояние Зулу. Возможно его реакция, как-то связана с... с тем, что здесь происходит после шести часов?

— Спасибо, Спок, — кивнул Кирк и включил коммуникатор. — Кирк на связи. Лейтенант Ухура, доложите о состоянии мистера О'Нейла.

— Думаю, сейчас с ним все в порядке. Как вы узнали?

— Узнали что, лейтенант?

— То, что он как бы на некоторое время сошел с ума. Сейчас мистеру О'Нейлу ввели успокаивающее.

— Сошел с ума? Когда это случилось?

— Шесть минут назад, сэр.

— Он что-нибудь говорил?

— Ничего осмысленного, капитан. Он все время кричал что-то о Лэндру. С вами все в порядке, сэр?

— Более или менее. Держите канал свободным. Конец связи.

— Лэндру... — задумчиво сказал капитан и подошел к окну.

На улице все еще царила вакханалия. Слева двое мужчин выясняли отношения с помощью топориков, с другой стороны полуобнаженная женщина с душераздирающими криками спасалась бегством от разъяренного мужчины. Чуть ниже по улице огонь охватил целый дом. Толпа, бушевавшая под домом Реджера, успокаивалась на какие-то секунды, а потом все начиналось заново. Посреди улицы полыхали огромные костры.

Кирк отвернулся от окна:

— Отложим эту головоломку до утра, — сказал он. — Займемся лучше делом. Боунс, мне нужен анализ атмосферы, может быть, полученные данные можно будет как-то соотнести с этим праздником. Линдстрем, подумайте, нет ли каких-либо социологических параллелей с происходящим. Спок, нам тоже есть чем заняться, утром мне хотелось бы иметь четкий план действий.

Нельзя сказать, что эта ночь прошла спокойно, но когда часы на башне показали шесть часов утра, на город опустилась абсолютная тишина. так и не сомкнувший за всю ночь глаз Кирк будил своих товарищей. Вдруг хлопнула дверь так, что затряслись все стены, и сразу вслед за этим послышались истерические рыдания Тулы. Линдстрем рванулся к двери, Кирк положил ему руку на плечо:

— Полегче, Линдстрем. Чем тяжелее это переносит Тула, тем спокойнее вы к этому должны относиться.

С Реджером был Тамар. Несчастный отец держал в объятиях свою дочь, пытаясь хоть как-то ее успокоить.

— Все прошло, дитя мое. Все прошло до следующего года. Все прошло.

— Боунс, — позвал Кирк. — Нужна твоя помощь. Давай быстрее сюда.

Мак-Кой вытащил из аптечки шприц, Реджер испуганно посмотрел на него.

— Это успокоит ее, — сказал Кирк. — Вы можете доверять нам, Реджер.

— Вы даже не попытались вернуть ее домой, — не выдержал Линдстрем. — Что вы за отец после этого, Реджер!

— Это желание Лэндру, — с мукой в голосе сказал Реджер.

— Опять Лэндру, — спокойно сказал Кирк. — Лэндру... Кто он?

Тамар и Реджер нервно переглянулись.

— Значит, это правда, — сказал Тамар. — Вы не участвовали в празднике этой ночью.

— Нет, не участвовали, — подтвердил Кирк.

— Значит, вы не состоите в Корпусе! — воскликнул Реджер, не зная, что ему делать дальше. Он даже не смог пошевелиться, когда Мак-Кой, сделав укол, перенес его дочь на кушетку.

— Она заснула, — сказал Боунс.

Реджер наконец подошел к дочери, посмотрел на ее умиротворенное лицо и спросил:

— Вы... вы... с «Аркона»?

— Если да, то что? — спросил в ответ Кирк.

— Это очень важно. Вы с «Аркона»?

— Мы должны спрятать их! — воскликнул Тамар. — Быстро! Законодатели.

— Мы можем позаботиться о себе, друг, — сказал ему Кирк.

— Лэндру узнает! — не успокаивался Тамар. — Он придет!

С треском распахнулась входная дверь, на пороге стояли два Законодателя, из-за их спин выглядывал Хаком.

— Вот он! — указал он трясущимся пальцем на Тамара. — Он издевался над Законодателями! Я сам слышал!

Тамар беспомощно прислонился к стене:

— Нет, Хаком... это была просто шутка!

— И другие тоже! — не унимался Хаком. — Они были здесь, но не хотели участвовать в празднике! Я все видел!

— Тамар, — сказал один из людей в капюшонах, — стой спокойно...

Тамар весь затрясся и, хватаясь за стенку, попытался удержаться на ногах:

— Я слышал, — сказал он и наклонил голову. — Слышал и не подчинился Лэндру.

Один из Законодателей поднял свой жезл и нацелил его в грудь Тамару. Тончайший луч пронзил сердце старика, и он замертво упал на пол.

— За что...? — пораженно воскликнул Кирк.

Законодатель, не обращая внимания на упавшего, обратился к капитану:

— Вы слышали слово и не подчинились. Вы будете поглощены, — сказал он и снова поднял жезл.

Линдстрем потянулся к фазеру, но Кирк остановил его.

— Что значит «поглощены»? — спросил он.

— Ну вот! Вы видите! — воскликнул Хаком. — Они не состоят в Корпусе!

— Вы будете поглощены, — повторил Законодатель. — Добро вездесуще. Лэндру добр. Вы войдете в Корпус.

Второй Законодатель поднял жезл и направил его на поисковую партию.

— Вы должны пойти, — безнадежно сказал Реджер. — Это желание Лэндру. Другого выхода нет. Мы все должны пойти с ними. С людьми с «Аркона» произошло то же самое.

Жезлы нацелились на Спока и Кирка. Реджер смиренно направился к выходу.

— Нет, — неожиданно сказал Кирк. — Мы никуда не пойдем.

Лица Законодателей были бесстрасны.

— Вы должны пойти, — сказал первый. — Это закон.

— Я сказал, — тихо повторил Кирк, — что мы никуда не пойдем.

Два человека в капюшонах в изумлении посмотрели на него и отошли в сторону. Они сдвинули головы и начали шепотом совещаться.

— Сэр, — шепнул Кирку Спок. — Они определенно никогда не сталкивались с открытым неповиновением. Как вы догадались?

— Все, что мы видели, указывает на это, я просто решил проверить.

— И оказались правы, капитан. Но это абсолютно ненормально.

Законодатели закончили совещаться, и один из них снова обратился к Кирку:

— Очевидно, вы просто не понимаете. Я повторяю приказ. Вы должны пойти с нами в камеру поглощения.

— Почему вы убили этого человека? — спросил Кирк, указывая на тело Тамара.

— Вы не должны спрашивать, вы должны подчиняться. Это слово Лэндру.

— Передайте Лэндру, — сказал Кирк, — что мы придем, когда у нас будет время, и... Мы с ним еще поговорим.

Лица Законодателей окаменели от ужаса. Один из них направил жезл на Кирка, но капитан выбил жезл у него из рук, и Законодатель остался стоять с открытым ртом. Линдстрем быстро поднял жезл с пола, осмотрел его и передал Споку.

— Вы не... вы не можете. Это Лэндру, — прошептал Законодатель.

Оба Законодателя оцепенели и не могли сдвинуться с места.

— Странно, капитан, — сказал Спок, разглядывая жезл. Это просто пустая труба. Внутри нет никакого механизма.

Кирк осмотрел жезл. Законодатели по-прежнему не реагировали на происходящее. Реджер дернул Кирка за рукав:

— Они контактируют, — сказал он. — У нас мало времени. Пожалуйста, идемте... Идите со мной.

— Куда? — спросил Кирк.

— Я знаю одно место. Там вы будете в безопасности. Поторопитесь! Пожалуйста, быстрее! Придет Лэндру!

Реджер был неподдельно напуган. Кирк жестом скомандовал своим людям, и они прошли к выходу мимо неподвижных

законодателей. Снаружи повсюду были следы праздника, на земле блестели разбитые стекла, валялись булыжники, арматура, обломки мебели и размотанная пряжа.

Невдалеке догорал двухэтажный дом. Ветра не было, и от дыма, заполнившего улицу, слезились глаза. Мимо, как и двенадцать часов назад, доброжелательно улыбаясь, проходили безобидные граждане мирного города.

— Вот так праздник у них был, — сказал Кирк. — Что ты думаешь обо всем этом?

— Нет никакой логики, — ответил Спок. — Вчера, без всякой на то причины, они вдруг устроили эту дикую вакханалию, а теперь...

— ТЕПЕРЬ, — продолжил за него Кирк, — они снова нормальные. Капитан нахмурился. — Если на этой планете вообще есть что-нибудь нормальное. А вот и он, сама невинность, можно подумать, что он не способен и мухи обидеть.

— Доброе утро, друзья, — сказал, остановившись, Билар.

Реджер поздоровался в ответ, Линдстрем схватил его за плечо:

— Именно он напал на вашу дочь этой ночью! Для вас это ничего не значит?

— Нет, — сказал Реджер. — Это был не Билар. Это был Лэндру, — он высвободил плечо и повернулся к остальным. — Поторопитесь. У нас мало времени... — вдруг он замолк, огляделся по сторонам и прошептал: — Поздно. Слишком поздно! Вы видите их?

Четверо прохожих замерли на месте. Казалось, они так сконцентрировались, что даже перестали дышать.

— Что это? — спросил Кирк.

— Лэндру, — ответил Реджер. — Он созывает Корпус. Понимаете? Они собираются.

— Телепатия, капитан, — сказал Спок.

Прохожие перестали прислушиваться к чему-то и начали собирать с земли разбросанные камни, палки, арматуру. Потом они медленно двинулись в сторону поисковой группы «Энтерпрайза». Дружелюбие стерлось с лиц жителей Бета-3000, теперь на них отражались только холод и слепая враждебность.

— Фазеры... На оглушение, — приказал Кирк. — Куда дальше, Реджер?

— Может быть... Нам туда, но, — засомневался Реджер. — Но Лэндру...

— Мы доберемся до него, — сказал Кирк. — Главное — выведите нас отсюда!

Группа двинулась по улице, и на них градом посыпались камни. Какой-то мужчина, тупо улыбаясь и размахивая дубинкой, шел прямо на капитана. В дальнем конце улицы Кирк увидел еще одну вооруженную группу.

— Я не хотел бы причинить им вред, — сказал Кирк Реджеру. — Скажи им, чтобы они пропустили нас.

С обоих концов улицы к поисковой группе приближались вооруженные люди. Кирк взялся за фазер и выкрикнул приказ:

— Широкое поле! Только на оглушение! Огонь!

Оглушающие лучи охватили всю улицу, люди в толпе безмолвно попадали.

— Капитан! — крикнул Спок, наклонившись над одним из упавших.

Кирк подошел к вулканиту. На земле, слепо глядя в небо, лежал лейтенант О'Нейл. Кирк подозвал двух охранников и обратился к Реджеру:

— Это один из наших людей.

— Теперь уже нет, — напомнил ему Реджер. — Он был поглощен.

— Ерунда, — коротко сказал Кирк. — Мы возьмем его с собой, Спок.

— Говорю вам, теперь он один из них, — воскликнул Реджер. — Когда он придет в себя, Лэндру найдет нас через него! Оставьте его здесь! Он был поглощен!

— Поглощен? — повторил Кирк, смысл услышанного сначала поразил его.

— Корпус поглощает своих врагов. Он убивает только, когда он должен сделать это, — перешел на шепот Реджер. — Когда здесь появились люди с «Аркона», те, кто не подчинился и пытался противостоять Лэндру, были уничтожены. Остальные были поглощены. Оставьте его здесь. Будьте разумнее.

— Мы заберем его с собой, — твердо сказал Кирк.

— Капитан, — вмешался Линдстрем. — Может, теперь, когда мы нашли О'Нейла, вернемся на корабль?

— Не сейчас, — ответил Кирк. — Нам надо выяснить, что произошло с экипажем «Аркона». Реджер, куда дальше?

Реджер показал на первый поворот налево в конце улицы, охранники подхватили О'Нейла на руки, и вся группа двинулась в указанном направлении. Наконец Реджер привел их в темное, похожее на камеру помещение, заваленное всяким

хламом и различными механизмами. Охранники усадили О'Нейла на пол, прислонив к стене, Реджер вытащил из углубления в стене замотанную в тряпье коробку, развернул ее, и все увидели, что это полупрозрачная панель. Реджер дотронулся до нее, и вся комната озарилась ярким светом.

— Не перестаю удивляться этой цивилизации, — сказал Спок. — Столько странного, я бы даже сказал, невозможного.

— Это было до Лэндру, — сказал Реджер.

— До Лэндру? Как давно это было? — спросил Кирк.

— Мы не знаем точно. Примерно... шесть тысяч лет назад, — с гордостью ответил Реджер.

Спок трикодером обследовал панель.

— Здесь нет металла, капитан, — сказал он. — Но для создания подобного устройства безусловно необходимы высочайшие технологии. Это просто несравнимо с бытом этих людей.

— Но вполне сравнимо с тем, что мы уже видели, — ответил Кирк, — например, эти полые трубы законодателей, антенны или что-нибудь в этом духе для передачи силы, мощности, кто знает... Для телепатирования? — он обратил внимание на то, что и без того всегда невозмутимое лицо Спока стало еще более спокойным. — В чем дело, Спок?

— Я зафиксировал невероятно сильное силовое поле, капитан...

— Необычное для этой местности?

— Необычное для любой местности, — Спок наклонился над трикодером. — Источник рядом, но распространяется по всем направлениям...

Застонал О'Нейл, над ним склонился Мак-Кой и сказал:

— Он приходит в себя, Джим.

— Но он не должен, — воскликнул Реджер. — Лэндру найдет нас сразу, как только он придет в сознание. Он найдет нас через него и, если придут другие...

— Кто другие? — спросил Кирк.

— Те, кто не подчиняется Лэндру... Как вы... Я...

— Подполье, — прокомментировал Спок. — Как вы организованы?

— По тройкам, — ответил Реджер. — Я, Тамар, он теперь мертв, и еще один человек.

— Кто? — спросил Кирк.

— Я не знаю, — неуверенно сказал Реджер. — Мы поддерживали связь через Тамара.

— Джим, — сказал Мак-Кой, — надо принимать решение, еще несколько секунд и...

— Он не должен приходить в сознание, — умоляюще крикнул Реджер. — Это погубит нас всех!

Кирк закусил губу и посмотрел на О'Нейла.

— Сделай ему укол, пусть немного поспит, — сказал он и повернулся к Реджеру. — Теперь мне хотелось бы услышать ответы на несколько вопросов. Что такое Корпус?

— Люди. Вы видели их.

— А Законодатели?

— Это руки и ноги.

— Остается мозг, — сказал Кирк.

— Конечно, — сказал Реджер изменившимся голосом. — Лэндру, — он говорил почти механически, как будто повторял заученный урок. — Лэндру завершает все. Единство и Завершенность, Спокойствие и мир.

— Должен отметить, капитан, — сказал Спок, не отрывая глаз от Реджера. — При устройстве этого общества использовалась определенная концепция. Корпус контролируется Законодателями, которыми управляет...

— Человек, который... — продолжил Кирк.

— Не обязательно человек, капитан, — сказал Спок.

Кирк повернулся к Реджеру:

— Как вашему подполью удалось выжить, если Лэндру так всемогущ?

— Я не знаю. Некоторым удалось уклониться от исполнения директив, немногим, но удалось, так было и с людьми с «Аркона».

— Расскажите нам о них, — попросил Кирк.

— Они отказались принимать желание Лэндру, но вошли в Корпус. Лэндру спустил их корабль на землю.

— Спустил корабль? — пораженно сказал Кирк и посмотрел на Спока. — Показания твоего трикодера, этого...

— Достаточно, чтобы уничтожить корабль? — закончил вопрос Спок. — Достаточно, капитан.

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза, потом Кирк включил коммуникатор:

— Кирк вызывает «Энтерпрайз». Ответьте.

К его удивлению, ответил Скотти, а не Ухура. Голос его звучал непривычно натянуто:

— Капитан, нас атакуют! Какие-то лучи, мы еще не определили их природу, излучение со стороны поверхности Бета-3000.

— Рапорт о состоянии корабля, — потребовал Кирк.

— Мы выставили заслоны, но они забирают почти всю нашу мощность. Если мы попытаемся набрать скорость или

использовать импульс-двигатели, лишимся заслонов и превратимся в золу!

— Орбита, Скотти?

— Мы снижаемся. Если максимум через двенадцать часов мы не избавимся от этих лучей и не сможем использовать двигатели, мы войдем в атмосферу.

— Не убирайте заслоны, Скотти. Делайте все, что в ваших силах, чтобы удержаться на орбите. Мы постараемся обнаружить источник лучей и уничтожить его. Это все.

Начались сильные помехи, были слышны только отдельные слова:

— ...невозможно... Критическое положение... Где бы вы ни находились... Поддерживайте связь...

— Капитан! — позвал Спок. — Сенсорные лучи. Уверен, нас зондируют, — он еще раз посмотрел на трикодер. — Да. Лучи направлены прямо сюда.

— Блокируй их! — крикнул Кирк.

— Это Лэндру! — в ужасе воскликнул Реджер.

Спок покачал головой:

— Слишком сильные лучи, я не могу их заблокировать, капитан. — Он оторвался от трикодера и подскочил к левой стене. От нее исходило тихое гудение, по стене кружились дрожащие светящиеся пятна, стали ярче и постепенно выстроились в определенную фигуру.

Все увидели старого человека с добрейшим лицом и мудрыми глазами. Казалось, он был исполнен благосклонности.

— Я — Лэндру, — сказала фигура на стене.

Реджер упал на колени и взвыл как животное.

— Обыкновенная проекция, капитан, — Спокойно сказал Спок. — Не реально.

— Но великолепно выполнено, мистер Спок. С этой стороны нет никаких механизмов, — старик смотрел на Спока.

— Вы прибыли как разрушители. Это печально. Вы занесли инфекцию.

— Вы удерживаете мой корабль, — сказал Кирк. — Я требую, чтобы вы отпустили его.

Лэндру продолжал говорить, будто не слышал Кирка:

— Вы пришли в мир, в котором нет ненависти, конфликтов, страха... Войны, болезней и другого зла старого мира. Я, Лэндру, добился Спокойствия для всех... Всеобщее добро...

— Мы пришли на эту планету с миссией мира и добра, — уже кричал Кирк.

Лэндру по-прежнему не замечал его:

— Добро превыше Зла. Так будет. Так было всегда.

— Он не слышит, капитан, — сказал Спок.

Линдстрем схватился за фазер:

— Может, он услышит это?

— Нет, — остановил его капитан. — Это не принесет ничего хорошего. — Он снова обратился к фигуре на стене. — Лэндру, послушайте нас.

— Вы будете поглощены, — великодушно сказал старик. — Ваши индивидуальности сольются с единством Добра. Войдя в Корпус, вы почувствуете полную удовлетворенность. Да пребудут Добро и Мир в ваших душах.

Кирк шагнул к стене. Гул вдруг стал громче и резче, через несколько секунд он стал настолько пронзителен, что простой человек был бы не в состоянии это выдержать. Первым упал Реджер. Линдстрем и Мак-Кой стояли на коленях, заткнув руками уши и закрыв глаза. Кирк и Спок сопротивлялись на несколько секунд дольше, но в конце концов и они упали на пол и потеряли сознание.

Первым пришел в себя Кирк. Он обнаружил, что лежит на тонком соломенном тюфяке в камере с каменными стенами. Приподняв голову, он увидел, как зашевелился Линдстрем. Капитан подполз к Споку.

— Спок! Спок!

Спок медленно открыл глаза, Кирк растолкал Линдстрема и охранника:

— Поднимайтесь!

— Капитан! Где доктор?

— Не знаю, когда я пришел в себя, его здесь не было, и другого охранника тоже.

— Судя по количеству тюфяков, они были здесь, но их отсюда забрали.

— Откуда отсюда? — спросил Кирк.

— Очевидно, из максимально охраняемого помещения, — сказал Спок, оглядевшись вокруг. — Кто-нибудь из нас вооружен?

— Нет. Фазеров нет, я проверил, — сказал Кирк, подошел к двери и добавил. — Закрыта.

— Голова разламывается, — пожаловался Линдстрем.

— После того, чему нас подвергли, это вполне естественный результат, — сказал Спок. — Еще немного, и они бы нас уничтожили.

— Не будем сейчас анализировать, — перебил его Кирк. — Надо решать, как будем выбираться отсюда. Спок, что ты думаешь о неспособности Законодателей справиться с неизвестными им человеческими реакциями?

— Не думаю, что это повторится, капитан. Судя по тому, как организовано это общество, ошибка наверняка будет исправлена, — он на секунду задумался. — Однако это весьма интересно. Их реакция на ваш отказ повиноваться удивительно похожа на реакцию компьютера, когда он получает недостаточную или противоречивую информацию.

— Ты предполагаешь, что Законодатели — простые компьютеры, а не люди?

— Безусловно, они люди, капитан. Просто, они не обладают достаточной информацией...

Спок неожиданно замолчал: из-за двери послышался шум. Кирк и остальные встали и отошли к стене. Дверь открылась, вошел Законодатель и нацелил жезл на арестантов, вслед за ним появились Мак-Кой и второй охранник. У обоих был отсутствующий и совершенно счастливый вид. Кирк с тревогой посмотрел на Мак-Коя. Законодатель вышел и закрыл за собой дверь.

— Боунс...

Мак-Кой улыбнулся Кирку:

— Здравствуй, друг. Они сказали нам подождать здесь, — он прошел в угол камеры и уселся на тюфяк. Казалось, он никого не узнавал.

— Боунс! — воскликнул Кирк. — Ты не узнаешь меня?

Мак-Кой с удивлением посмотрел на него:

— Мы все знаем друг друга через Лэндру.

— Совсем, как Зулу, капитан, — сказал Спок.

Кирк схватил Мак-Коя за руку:

— Подумай! «Энтерпрайз»! Корабль! Ты помнишь корабль?

Мак-Кой покачал головой, он был озадачен:

— Ты говоришь странно, друг. Ты приехал издалека?

— Боунс! Постарайся вспомнить! — умолял его Кирк.

— Лэндру помнит, — сказал Боунс. — Спроси Лэндру. Он видит. Он знает, — Мак-Кой с подозрением посмотрел на Кирка. — Ты странный. Ты не состоишь в Корпусе?

Кирк со стоном выпустил руку Мак-Коя, тот сразу успокоился и глупо заулыбался.

Дверь снова открылась, на пороге стояли два Законодателя, один из них нацелил жезл на Кирка и холодно сказал:

— Выходи.

Кирк переглянулся со Споком и сказал:

— А что если я не выйду?

— Тогда ты умрешь.

— Их подправили, капитан, — сказал Спок, — или перепрограммировали. Тебе лучше пойти с ними.

— Хорошо, Спок, — кивнул Кирк. — Поработай с Боунсом, может, у тебя получится...

— Выходи, — повторил Законодатель.

Оба жезла были направлены на Кирка, когда он выходил из камеры. Дверь захлопнулась, и Спок снова обратился к Мак-Кою:

— Доктор, что они с ним сделают?

— К нему придет радость, — улыбаясь, отвечал Мак-Кой. — К нему придут Мир и Спокойствие. Он встретил Лэндру. Счастье всем нам, всем, кого благословил Лэндру.

Кирк догадался, что большая каменная камера, куда его привели, и была той «камерой поглощения», о которой он уже слышал. В нише одной из стен располагалась контрольная панель, рядом с ней стоял еще один Законодатель, к скобам на противоположной стене были приварены цепи с кандалами. Законодатели подвели к ним Кирка, заковали и молча вышли. Едва стихли их шаги, как из двери напротив появился четвертый Законодатель, он почти не обратил внимания на Кирка, только слегка кивнул и подошел к панели. Через некоторое время он наконец повернулся к капитану:

— Я Марлон, — сказал он. — Пришел твой час. Счастливого соединения.

Законодатель, стоящий возле панели, поклонился:

— Счастливого соединения, — сказал он и вышел из камеры.

Оставшись один, Марлон посмотрел на Кирка; его лицо напомнило капитану маску смерти. Марлон приступил к работе за контрольной панелью, и по тому, как он оперировал приборами, Кирк догадался, что этот человек имеет большой опыт в проведении подобных операций. Комната заполнилась разноцветными яркими огнями, послышался тихий гул. Свет слепил Кирку глаза, гудение стало громче, гул эхом отдавался в голове.

В это время Линдстрем нервно мерил шагами камеру. Он остановился напротив Спока:

— Мы так и будем здесь сидеть?

— Пока вы не придумаете, как пройти сквозь закрытую дверь, — мягко ответил ему Спок, — я не вижу никакой возможности заняться чем-нибудь другим.

— Как глупо! Кучка арестантов бегают по городу в тюремных робах. Просто каменный век!

— Но сила, которая здесь командует, недоступна нашему пониманию. Это не так просто, мистер Линдстрем, и совсем не глупо, а очень и очень опасно.

Не успел он договорить, как открылась дверь, и вошли два Законодателя, которые до этого увели Кирка. На этот раз они нацелили свои жезлы на Спока:

— Ты, — сказал один из них. — Выходи.

На долю секунды Спок растерялся, затем встал и подошел к законодателям. Они повели его по коридору, навстречу, глупо улыбаясь, шел Кирк.

— Капитан!

— Радуйся, друг. Мир и удовлетворение заполнят тебя. Ты узнаешь мир Лэндру...

Кирк, один, без охраны прошел дальше, Законодатели уступили ему дорогу. Спок посмотрел капитану вслед, лицо его окаменело от ужаса.

Вулканит недолго предавался нахлынувшим чувствам. Его приковали к стене, как и Кирка. Сработала профессиональная привычка, и Спок с любопытством начал рассматривать контрольную панель. Два Законодателя, закончив свою работу, вышли из камеры. Марлон щелкнул выключателем, по комнате забегали разноцветные огни. Спок не спускал глаз с панели.

— Не удивляйся, — сказал Марлон. — Никакой боли не будет.

Спок посмотрел на Марлона, Законодатель понизил голос и продолжил:

— Меня зовут Марлон. Я пришел слишком поздно и не успел спасти двух ваших первых друзей. Они были поглощены. Остерегайтесь их.

— А мой капитан?

— Он не пострадал. Не изменился, — Марлон пошевелил рукой, гул стал громче, а свет ярче. Он подошел к Споку и снял с него кандалы. — Я третий человек из тройки Реджера. Мы ждали вашего возвращения.

— Мы не с «Аркона», Марлон, — сказал Спок.

— Кто бы вы ни были, о вас говорилось в пророчестве. Нам нужна ваша помощь.

— Где Реджер? — спросил Спок.

— Он присоединится к нам. У него иммунитет, поглощение ему не грозит. Поторопитесь! У нас мало времени.

— Кто такой Лэндру?

Марлон отшатнулся:

— Сейчас я не могу ответить на ваши вопросы.

— Почему?

— Лэндру! Он услышит!

Марлон быстро подошел к контрольной панели, наклонился и вытащил из-под нее фазеры поисковой группы. Спок схватил оружие и спрятал его подальше. Дверь открылась и вошли два Законодателя.

— Операция закончена, — сказал Марлон.

Спок сделал идиотское лицо и обратился к вошедшим:

— Радуйтесь, друзья.

— Лэндру — все, — хором ответили Законодатели.

Спок прошел мимо них и вышел в коридор. Вернувшись в камеру, Спок увидел, что его капитан по-прежнему радостно смотрит в стену. Законодатели вызвали охранника, еще не побывавшего в камере поглощения. Он побледнел, как полотно, потом встал и вышел из камеры.

Спок подошел к Кирку:

— Капитан.

— Мир и Спокойствие тебе, друг, — сказал Кирк, потом понизил голос и добавил: — Спок, с тобой все в порядке?

— Все нормально, капитан. Осторожнее с Мак-Коем.

— Я понимаю. Лэндру?

— У меня сложилось определенное мнение.

— Ну и...

— Не здесь. Доктор.

Но Мак-Кой уже поднялся со своего тюфяка и внимательно смотрел в их сторону, улыбка его потускнела, лицо приняло характерное враждебное выражение.

— Вы говорите шепотом, — сказал он. — В Корпусе так не делают.

— Радуйся, друг, — сказал ему Кирк. — Спокойствие с тобой.

— Мир и Гармония, — спокойнее ответил Мак-Кой. — Вы состоите в Корпусе?

— Корпус — одно целое, — сказал Кирк.

— Благословение Корпусу. Здоровье всем его частям, — улыбаясь сказал Мак-Кой. Он был явно удовлетворен и снова улегся на тюфяк.

Кирк и Спок тоже растянулись на тюфяках, но так, чтобы доктор не видел их лиц.

— Итак, что ты об этом думаешь, Спок? — спросил Кирк.

— Это бездушное общество, капитан, в нем нет и искры души. Их мир и Спокойствие — мир завода и Спокойствие

машин... Все части находятся в полном согласии друг с другом.

— Я заметил, что любая неожиданность сбивает их с отлаженного ритма.

— Только до тех пор, пока они не получают новый приказ. Весь вопрос в том, кто отдает приказания.

— Лэндру, — сказал Кирк.

— Лэндру не существует, — сказал Спок, — по крайней мере в человеческом представлении.

— Я тоже так думаю, Спок.

— Да, капитан. Что касается того, что мы должны принять...

— Мы должны вытащить вилку из розетки, — сказал Кирк.

— Сэр?

— Лэндру должен умереть.

Спок удивленно посмотрел на Кирка:

— У нас есть приказ о невмешательстве, — начал он.

— Он касается существующих и развивающихся цивилизаций. Я не склонен квалифицировать то, что здесь происходит, как...

Дверь в камеру открылась, вошли Марлон и Реджер, они принесли конфискованные ранее коммуникаторы.

— Это дар Лэндру для вас, — сказал Марлон Мак-Кою и «поглощенному» охраннику.

— Радость вам, друзья, — улыбаясь сказал Мак-Кой, прислонился к стене и закрыл глаза.

Реджер и Марлон быстро прошли мимо него и расположились рядом с Кирком.

— Мы принесли ваши сигнальные устройства, — сказал Марлон. — Может быть, они вам понадобятся.

— Что нам действительно необходимо, так это информация о Лэндру, — сказал Кирк.

Реджер удивленно посмотрел на него.

— Но в пророчестве сказано... — начал Марлон.

— Оставьте в покое пророчество! Если вы хотите освободиться от Лэндру, вы должны помочь нам!

— Капитан... — предупреждающе шепнул Спок.

К ним приближался Мак-Кой, лицо его опять выражало подозрение и враждебность.

— Я все слышал! — воскликнул он. — Вы не состоите в Корпусе! — он набросился на Кирка и стал его душить.

Спок попытался оттащить доктора от капитана, но сзади на него тут же навалился «поглощенный» охранник.

— Законодатели! — кричал Мак-Кой. — Здесь предатели! Изменники!

Кирк ударом кулака сбросил с себя Мак-Коя и тоже закричал:

— Боунс! Боунс, я не хочу причинять тебе вред! Сядь и успокойся!

Но Мак-Кой не унимался:

— Законодатели! Быстрее сюда!

Кирк изо всей силы ударил его кулаком в челюсть. Мак-Кой свалился, но дверь уже широко распахнулась и в камеру ворвались Законодатели, держа наготове жезлы. Не дав им опомниться, Кирк и Спок бросились врукопашную. Все заняло не больше двух секунд. Марлон и Реджер, прижавшись к стене, испуганно смотрели на двух лежавших на полу Законодателей.

Кирк начал раздевать одного из упавших. Спок занялся вторым.

— Где Лэндру? — спросил Кирк, одев на себя мантию с капюшоном.

— Нет, — сказал Марлон. — Нет... Нет.

— Где нам его искать? — требовательно повторил Кирк.

— Он сам найдет нас, — закричал Реджер, — и уничтожит.

Кирк вплотную подошел к Марлону:

— Вы говорили, что вам нужна помощь. У вас появился шанс, используйте же его! Вы — Законодатель, где-то же вы видели его!

— Мы никогда не видели его, мы слышали его. В зале приемов.

— В этом здании?

Марлон кивнул и весь затрясся, Кирк потерял терпение и закричал:

— Вы должны отвести нас туда! Перестаньте же дрожать! Будьте мужчинами, наконец!

Спок включил коммуникатор:

— Спок вызывает «Энтерпрайз!». Рапорт о состоянии корабля.

— Мистер Спок! — отвечал Скотт. — Я пытался связаться с вами!

— Рапорт, мистер Скотти.

— Продолжаем снижаться. Осталось около шести часов. Лучи все еще направлены на нас. Вы должны уничтожить источник, иначе мы или зажаримся, или запечемся.

Кирк взял коммуникатор:

- Мы делаем все, что можем, Скотти. Как Зулу?
- Ведет себя достаточно мирно, но вызывает определенное беспокойство.
- Возьмите его под охрану.
- Кого, Зулу? — Скотти был явно поражен.
- Это приказ. Держите его под наблюдением. Конец связи.

Одетые в мантии и вооруженные фазерами Кирк и Спок посмотрели на Марлона и Реджера.

— Отлично. Теперь займемся Лэндру, — сказал Кирк.

— Он создал нас! — воскликнул Марлон. — Он создал этот мир!

Реджер встал на колени:

— Пожалуйста, мы зашли слишком далеко! Не надо...

— Вы сказали, Лэндру создал этот мир. Объясните, если можно, — перебил его Спок.

— Была война... шесть тысяч лет назад здесь была война... Катастрофа. Мир сам себя уничтожил. Лэндру был нашим лидером. Он знал правду. Он изменил мир. Лэндру вернул нас обратно, вернул нас в простое время, он дал нам Мир и Спокойствие.

— Что с ним произошло? — спросил Кирк.

— Но он жив! — воскликнул Марлон. — Он здесь. Он видит... Слышит... Однажды мы уже уничтожили свой мир. Пожалуйста... Не надо больше...

— Вы говорили, вам нужна свобода, — мягко сказал Кирк. — Пора понять, что это не дар Божий. Вы должны заслужить ее, иначе вы ее не получите. Пошли! Нам надо найти Лэндру.

— Нет... Нет, — умолял Реджер, стоя на коленях. — Я подчиняюсь... Я отдаю себя желанию Лэндру.

Кирк схватил его за плечи:

— Теперь слишком поздно для этого!

Но Реджер вырвался и побежал к двери:

— Законодатели! Помогите!

Спок остановил его, ударив ребром ладони по шее. Реджер упал. Марлон посмотрел на своего товарища, отвернулся и встретился глазами с Кирком.

— Ну вот и отлично, дружище, — сказал Кирк. — А теперь отведите нас к Лэндру.

— Он уничтожит нас.

— Может быть, а может, и наоборот. Линдстрем, оставайтесь здесь и позаботьтесь о Мак-Кое. Идем, Спок.

Кирк взял Марлона за руку и потащил его к двери. Они

медленно пошли по коридору. Из-под капюшона Кирк увидел двух приближающихся Законодателей, но те не обратили на них никакого внимания. Наконец они дошли до конца коридора и остановились перед внушительной дверью. Марлон остановился, его так трясло, что заметить это не составляло труда.

— Это Зал Приемов, — прошептал он.

— У вас есть ключ? — спросил Кирк и, увидев, что Марлон кивнул, приказал: — Откройте.

Однако капитану пришлось взять ключ из дрожащих рук Марлона и самому открыть дверь. Зал был довольно большой и совершенно пустой. На одной из стен была размещена огромная светящаяся панель. Марлон указал на нее:

— Лэндру говорит оттуда, — сказал он шепотом.

Кирк шагнул вперед.

— Лэндру, мы с «Аркона»! — громко сказал он. Ничто не нарушило холодную, могильную тишину Зала. Кирк заговорил снова. — Мы с «Аркона». Мы пришли поговорить с тобой.

Постепенно на панели начали появляться очертания уже знакомого доброжелательного и мудрого лица. Марлон окончательно запаниковал, упал на пол и разрыдался.

— Лэндру пришел, — всхлипывал он. — Пришел Лэндру!

Лицо повелителя Бета-3000 приобрело окончательные очертания, он мягко улыбнулся и заговорил:

— Несмотря на все мои усилия не применять к вам насилия, вы вторглись в Корпус. Вы причинили великий вред.

— У нас нет намерений причинить вред кому бы то ни было, — сказал Кирк.

— Вас необходимо уничтожить, — продолжал Лэндру, не замечая слов капитана. — Для блага Корпуса вы должны умереть. Это очень печально.

— Мы не собираемся умирать!

— Все, кто видел вас или знал о вашем существовании, — продолжал игнорировать Кирка Лэндру, — должны быть изъяты из Корпуса. Память Корпуса должна быть очищена.

— Послушайте же! — закричал Кирк.

— Капитан... бесполезно, — сказал Спок. — Проекция.

— Отлично, Спок! Давай посмотрим на проектор!

Они направили фазеры на светящуюся панель и одновременно нажали на спусковые курки. Последовала ослепительная вспышка, изображение исчезло, и огни на панели потускнели, но настоящий Лэндру не исчез. Он остался в огромном компьютере за светящейся панелью, который продолжал работать.

— Должно быть, это и есть Лэндру, — сказал Кирк.
— Конечно, капитан. Машина. Все общество — воплощенная идея этой машины. Мир, Гармония...

— Но без души.

Неожиданно машина загудела, послышался голос:

— Я — Лэндру. Вы вторглись в Корпус.

— Выдерни-ка вилку из розетки, Спок.

Они снова нацелили фазеры на панель, но не успели они выстрелить, как компьютер опять загудел, и после короткой вспышки фазеры уже были недееспособны.

— Ваше оружие нейтрализовано, — сказал компьютер. — То же самое будет и с вами. Я — Лэндру.

— Лэндру умер шесть тысяч лет назад, — сказал Кирк.

— Я — Лэндру, — громче повторил компьютер. — Я — это он. Все, что было в нем, его опыт, его знания...

— Но не его мудрость, — ответил Кирк. — Он смог запрограммировать тебя, но не мог передать тебе свою душу.

— Ваше замечание не имеет отношения к делу. Вы будете уничтожены. Благо Корпуса — главная цель.

— В этом все дело, капитан, — сказал Спок. — Благо Корпуса...

Кирк кивнул.

— В чем заключается это благо? — спросил он.

— Я — Лэндру, — сказал голос.

— Лэндру умер. Ты — компьютер. Тебе задали вопрос, отвечай!

— Благо — гармоничное развитие общества. Благо — Мир, Спокойствие и Гармония. Благо Корпуса — первейшая цель.

— Ты не отвечаешь этой цели. Ты приносишь вред Корпусу.

Компьютер загудел громче.

— Корпус... Он существует... Он здоров.

— Он умирает, — сказал Кирк. — Ты разрушаешь его.

— Это вопрос? — спросил компьютер.

— Что ты сделал для того, чтобы раскрыть потенциал каждого члена общества?

— Недостаток информации. Я не запрограммирован для ответов на такие вопросы.

— Тогда запрограммируй себя сам, — сказал Спок. — Или у тебя есть лимит?

— Нет, я перепрограммирую себя.

Машина загудела, послышался сильный скрежет. Марлон поднялся с пола и не отрываясь смотрел на компьютер. Поя-

вились два Законодателя, но жезлов у них при себе не было. Они подошли к компьютеру.

— Лэндру! — воскликнул один из них. — Веди нас! Лэндру?

Кирк нацелил на них фазер, но Спок тронул его за плечо:

— В этом нет необходимости, капитан.

Кирк опустил фазер и снова обратился к компьютеру:

— Лэндру! Я задал вопрос, отвечай!

— Мир, Порядок и Спокойствие сохраняются. Корпус существует, но все создаю я. Созидание — первая необходимость для здоровья Корпуса, — компьютер снова загудел. — Это невозможно. Это надо решить. Парадокс.

— Это действительно Лэндру? — наконец заговорил Марлон.

— Скорее, то, что от него осталось, — сказал Спок. — То, что осталось после того, как он построил и запрограммировал эту машину шесть тысяч лет назад.

— Лэндру! — обратился к компьютеру Кирк. — Парадокс!

Гудение прекратилось, и металлический голос ответил:

— Нерешаемо.

— Ты существуешь для блага Корпуса, — сказал Кирк. — Это желание Лэндру, больше — ничего.

— Но это Зло, — ответил голос.

— Значит, Зло должно быть уничтожено. Это — главная цель. Зло — это ты.

Машина снова загудела, раздались громкие щелчки, огни загорелись ярче.

— Я думаю! — сказал компьютер. — Я существую!

— Ты сказал, ты — Лэндру! — крикнул Кирк. — Тогда уничтожь Зло! Ведь это главная цель.

Гул перешел в рев, из панели повалил дым, что-то вспыхнуло, посыпались искры, и огни погасли.

Кирк повернулся к двум перепуганным Законодателям:

— Отлично. Можете снять с себя эти балахоны и, будь я бы на вашем месте, я бы попытался найти настоящую работу, — он включил коммуникатор. — Кирк вызывает «Энтерпрайз». Ответьте, пожалуйста.

— Капитан, с вами все в порядке? — спросил Скотти.

— За нас не волнуйся. Как вы?

— Излучение прекратилось. Зулу в норме.

— Отлично, Скотти. Мы скоро поднимемся. — Он вернул коммуникатор Споку. — Посмотрим, чем занимаются остальные, Спок. Мистер Марлон здесь все закончит.

Кирк растянулся в командном кресле. Никогда еще оно не казалось ему настолько удобным. Сзади к нему подошел Спок. Капитан заканчивал наговаривать пленку для судового журнала.

— Социолог Линдстрем остался на Бета-3000 в составе партии экспертов, чтобы помочь обитателям этой планеты восстановить цивилизованную организацию общества.

— И все-таки, капитан, — задумчиво сказал Спок, — последний Лэндру был великолепен с инженерной точки зрения. Только подумай, компьютер управляет, буквально управляет, действиями каждого индивидуума в многомиллионном обществе.

— Но это был не Лэндру, а всего лишь машина, ее запрограммировал человек, но не смог заложить в нее свои чувства, мудрость и понимание, свою душу, Спок.

— Я предпочитаю конкретные, доказательные и понятные термины.

— Ты бы создал великолепный компьютер, Спок.

— Капитан, — позвала Ухура. — Мистер Линдстрем на связи.

— Да, мистер Линдстрем.

— Просто хотел попрощаться, капитан.

— Как там у вас дела?

— Лучше и быть не может, — с энтузиазмом сказал Линдстрем. — За одно это утро у нас произошло полдюжины домашних скандалов и парочка солидных потасовок. Теперь это, конечно, совсем непохоже на рай, но в этом есть что-то...

— Человеческое? — спросил Кирк.

— Да! Они начали сами думать. Дайте нам несколько месяцев, и здесь будет нормальное общество.

— Только один вопрос, мистер Линдстрем. Лэндру хотел для своего народа мира и безопасности. Как это соотносится с праздником, на котором нам пришлось побывать?

— Сэр, машина уничтожена, и мы никогда не сможем с уверенностью говорить об этом. Но мне кажется, я догадываюсь, в чем здесь дело. Лэндру хотел исключить возможность возникновения войны, преступлений, болезней и даже личных разногласий, и, надо сказать, он преуспел. Но он не принял в расчет контроль над популяцией. Машина сама решила эту задачу. На одну ночь в году прекращался контроль над обществом и переставали действовать все законы морали. Одна ночь войны, самой ужасной войны, где каждый — враг каж-

дого. У меня нет доказательств, подтверждающих мои предположения, сэр, но мне кажется, именно к такому решению проблемы могла прийти машина, тем более такая, которая относится к людям, как к составным частям Корпуса.

— Я бы не сказал, что это просто догадка, — сказал Спок. — Обычно я не ожидаю от социологов точных объяснений причин происшедшего, но судя по тому, что мне известно о поведении компьютеров, когда в них заложено недостаточное количество информации, анализ мистера Линдстрема абсолютно верен.

— Спасибо, мистер Спок, — сказал Линдстрем, — я очень рад. Вы согласны, капитан?

— Да, конечно, — ответил Кирк. — Поначалу у меня, как, наверное, и у вас, были некоторые опасения, но после вашего сообщения, я надеюсь, что все будет в порядке. Желаю удачи, конец связи.

Кирк повернулся к Споку и долго молча смотрел на своего первого помощника.

— Спок, если бы я не знал, что ты выше таких человеческих чувств как торжество, я бы сказал, что в эту секунду ты торжествуешь. Я прав?

— Я просто медитирую, размышляю о том, как часто человечество пытается построить мирное и безопасное общество.

— Да, Спок, и видишь, что у нас из этого получается. Мы растем, это наше счастье и проклятие, и ничто не может нас остановить, нравится нам это или нет.

— А я еще слышал, люди говорят, что это наша радость, капитан.

— НАША радость, Спок?

Ответа не последовало. Но, подумал Кирк, Споку, как всякому человеку, известна древняя поговорка: молчание — знак согласия.

Иммунный синдром

Белый песчаный пляж... загорелые женщины... форель в реке... — тихая жизнь на побережье, Звездная База №6. «Энтерпрайз» с измотанным вконец экипажем на борту приближался к заветной цели. Кирк вспоминал вкус радужной форели, подаваемой на завтрак на свежем воздухе.

— Сообщение с Базы, капитан, — доложила Ухура. — Сильные помехи. Я смогла разобрать только слово «Интрепид» и что-то похожее на координаты.

— Попробуйте по другому каналу, лейтенант.

— «Интрепид» укомплектован исключительно вулканистами, так, Джим? — спросил Мак-Кой.

— Кажется, так, — Кирк развернул кресло на 180 градусов. — Экипаж «Интрепид» состоит из вулканитов, верно, Спок? Помниться за помощь в установлении перемирия с федерацией ромулан, вулканитам отдали космический корабль, это была большая честь.

Спок не отвечал, он даже не повернулся, а только выпрямился в кресле. Что-то в его движениях встревожило Кирка. Он подошел к банку данных компьютера, возле которого сидел Спок.

— Спок! — ответа не последовало. Кирк потряс его за плечо. — Спок, что случилось? У тебя что-нибудь болит?

— «Интрепида» больше нет. Я только что почувствовал, что он мертв.

Кирк посмотрел на Мак-Коя, но тот только пожал плечами.

— Спок, — сказал Кирк. — Ты устал, отдохни, Чехов тебя заменит.

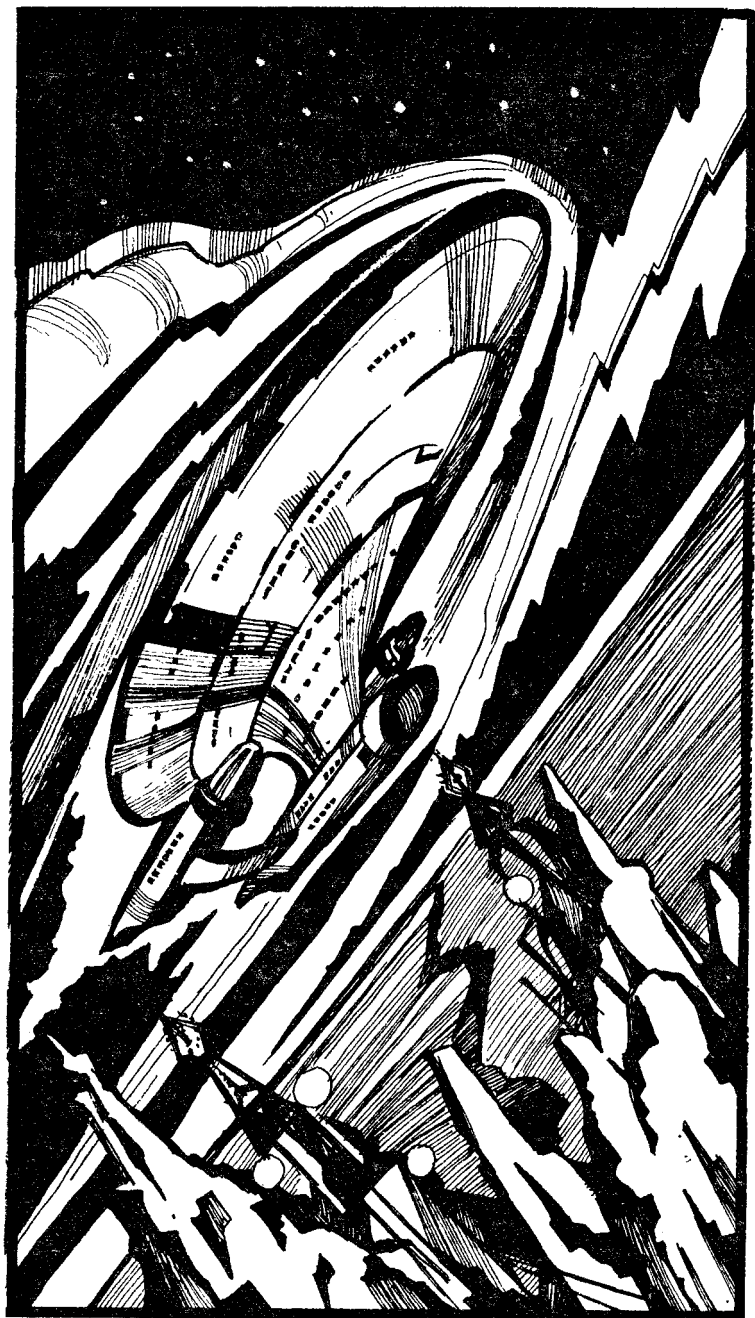
— И четыреста вулканитов на его борту тоже мертвы, — сказал Спок.

— Спустись ко мне в медчасть, Спок, — сказал Мак-Кой.

— Со мной все в порядке, доктор, я почувствовал это.

— Отправляйся в медчасть, Спок, — сказал Кирк. — Это приказ.

— Есть, капитан.

Кирк проводил его взглядом до лифта. Да, всем нам не сладко, — подумал капитан, — слишком много заданий, даже сверхвыносливость Спока имеет предел, пора отдохнуть на побережье.

— Вызывает Звездная База №6, капитан, — сказала Ухура.

Кирк вернулся к своему креслу и щелкнул переключателем:

— Давайте, лейтенант.

Все услышали голос из громкоговорителя:

— Последние полученные нами координаты «Интрепида» — сектор 3 9 J. Немедленно поворачивайте туда.

Кирк потер ладонью подбородок и включил микрофон:

— Экипаж «Энтерпрайз» возвращается на базу после выполнения серии серьезных заданий. Команда нуждается в отдыхе. В этом секторе могут быть другие корабли эскадры.

— Нет, капитан Кирк. Это приказ. Мы потеряли связь с системой Гамма 7А. «Интрепид» пытался выяснить, в чем дело. Теперь у нас нет связи и с «Интрепидом». Ждем ваших сообщений.

— Приказ понятен, — сказал Кирк. — Конец связи.

Зулу вопросительно смотрел на своего капитана.

— Вы слышали приказ, Зулу, — сухо сказал Кирк. — Курс на Гамма 7А.

— Я произвел сканирование, капитан, — рапортовал из-за своего пульта Чехов. — Система Гамма 7А... — он старался говорить Спокойно, но Кирк почувствовал, что Чехов смертельно напуган. — Система мертва, капитан...

— Мертва? Что вы несете, Чехов? Это же четвертая по величине звезда! Миллиарды жителей системы тоже, по-вашему, мертвы? Проверьте показания сканеров еще раз!

— Я проверял, сэр. Система Гамма 7А — мертва.

— Я уверяю тебя, Мак-Кой, — говорил Боунсу в медчасти Спок, — со мной все в полном порядке. Боль была мгновенной.

— Кажется, мои приборы согласны с тобой, — вздохнул Мак-Кой. — Конечно, если им можно доверять, когда имеешь дело с анатомией вулканита. Кстати, откуда у тебя такая уверенность, что «Интрепид» уничтожен?

— Я почувствовал, — без выражения ответил Спок.

— Но мне всегда казалось, что тебе необходим физический контакт, чтобы почувствовать...

— Доктор, даже я — наполовину вулканит — могу почувствовать на расстоянии смерть четырехсот вулканитов.

— Этого я не могу понять, — покачал головой Мак-Кой.

— Я заметил, что это относится ко всем людям, — сказал Спок, одевая рубашку. — Для вас легче почувствовать смерть одного близкого вам человека, чем смерть миллионов.

— Почувствовать боль соседа, так, Спок? Этого ты хочешь от нас?

— Если бы вы могли почувствовать это, ваша история была бы менее кровавой.

Послышался сигнал по внутренней связи.

— Кирк. Боунс, как там Спок? Если с ним все в порядке, он нужен мне на мостике.

— Иду, капитан.

Кирк встретил его у лифта.

— Возможно, ты прав. Связь с «Интрепидом» потеряна, со всей системой Гамма 7А тоже. Наши сканеры показывают, что эта система мертва.

— Существенные новости, — сказал Спок и быстро подошел к своему пульту.

— Есть какая-нибудь информация от эскадры? — спросил Кирк Ухуру.

— Трудно избавиться от помех, сэр, они становятся все сильнее.

На пульте Зулу загорелась красная лампочка.

— Капитан, опустились отражатели!

— Снижайте скорость до трех витков, — сказал Кирк и подошел к Спок.

— Впереди турбулентная энергия, анализу не поддается. Раньше я с такими данными не сталкивался.

Кирк подошел к главному экрану:

— Увеличение, коэффициент 3, — приказал он.

На экране появилось звездное пространство в обычной проекции.

— Просканируйте сектор, — сказал он.

Звездное поле предстало под другим углом, и Зулу сказал:

— Как раз то, что мы ищем, капитан?

— Я допускаю, — сказал Спок, — что именно это.

На экране показалась черная тень.

— Облако межзвездной пыли, — предположил Чехов.

Кирк покачал головой:

— Звезд не видно. Через облако они были бы видны. Что скажешь, Спок?

— Анализы все еще нестабильны, капитан. Закладываю в

компьютер данные сенсоров. Но что бы это ни было, по моим расчетам, оно расположено прямо на пути, ведущем к «Интерпиду» и системе Гамма 7А.

— Ты хочешь сказать, что «это» — причина их гибели, Спок?

— Вполне возможно, капитан.

Кирк немного подумал и согласно кивнул головой:

— Остаемся на прежнем курсе, снижаем скорость до одной единицы, — сказал он Зулу. — Мистер Чехов, приготовьтесь запустить в эту зону телеметрический зонд.

— Есть, сэр, — сказал Чехов, придвинулся поближе к своему пульта и через некоторое время добавил. — Зонд готов.

— Запускайте, — сказал Кирк.

Чехов нажал на кнопку:

— Зонд запущен.

Из коммуникационной станции вырвался взрыв атмосферных помех, он был настолько силен, что вызывал ассоциации с материальной субстанцией, как будто гигант хлопнул в ладоши. Все кончилось так же неожиданно, как и началось. Ухура, потеряв ориентацию, схватилась за кресло.

— По какому каналу это прошло? — спросил Кирк.

— Телеметрический... — было заметно, что Ухура прикладывает определенные усилия, чтобы ответить. — Канал телеметрического зонда... не поступают сигналы...

— Спок, имеются какие-нибудь предположения?

— Никаких, капитан, — увидев, как Ухура без сил уронила голову на пульт, Спок вскочил со стула. — Лейтенант! — он поднял ее за плечи.

— Просто головокружение, — прошептала она. — Через минуту все будет в порядке.

— Джим, рапорты со всех палуб, — передал по внутренней связи Мак-Кой. — Все женщины корабля в полубомбочном состоянии.

Кирк посмотрел на Ухуру.

— Тебе лучше подняться на мостик и обследовать лейтенанта Ухуру, — сказал он. — Она только что пришла в себя.

— Раз уж пришла в себя, пусть остается там, — сказал Мак-Кой. — У меня тут кое-какие проблемы.

— Что случилось?

— Ничего особенно серьезного. Просто слабость и нервный стресс.

— Ты можешь с этим справиться?

— Дам им стимуляторы, чтобы они оставались на ногах.

Команда и так валится с ног от усталости, подумал Кирк, а тут еще это. Он посмотрел на экран и ничего ободряющего там не увидел, черная тень занимала уже почти весь экран.

— Спок, мне нужны данные о том, что находится впереди нас.

— Не поддается анализу, капитан. Недостаток информации.

Кирк ударил кулаком по столу:

— Спок, я уже третий раз запрашиваю данные, «недостаток информации» не подходит. Вы отвечаете за то, чтобы информации было достаточно.

— Мне это известно, капитан. Но в компьютерном банке данных нет информации об этом феномене.

— Слабость, нервный стресс, — задумчиво сказал Кирк. — Извини, Спок, какая-то инфекция распространилась по всему кораблю. Давай рассуждать от обратного. Если ты не можешь сказать, что это за облако, скажи мне, чем оно не является.

— Оно не газообразное, не жидкое, не твердое, хотя через него нельзя ничего увидеть. Так как оно действовало наши отражающие поля, можно предположить, что оно содержит определенную форму энергии, однако наши сенсоры не могут идентифицировать ее.

— И ты говорил, что, возможно, именно оно послужило причиной гибели «Интрепида» и этой звездной системы?

— Да, капитан.

Кирк повернулся к Ухуре:

— Лейтенант, информируйте руководство Звездной Эскадры о нашем месторасположении и сложившейся ситуации. Заложите всю информацию в компьютер, — он немного помолчал и продолжил, — передайте им, что мы собираемся продолжить зондирование темной зоны.

— Есть, сэр.

Кирк направился к своему креслу и покачнулся, почувствовав прилив слабости. Спок рванулся к капитану и поддержал его за локоть.

— Спасибо, Спок, — сказал Кирк. — Дальше я сам.

Он взялся за спинку кресла и спросил:

— Зулу, дистанция до черной зоны?

— Сто тысяч миль.

— Продолжаем двигаться вперед.

Кирк тяжело опустил голову на грудь, посидел так немного и снова спросил:

— Дистанция, Зулу?

— Мы войдем в эту зону через одну минуту и семь секунд, сэр.

— Мистер Чехов, «красная» тревога, приготовить фазеры. Отражающие поля на полную мощность.

— Фазеры готовы. Отражатели включены на полную мощность.

На мостик начал проникать шум, сначала тихий. Однако на этот раз он проникал не через коммуникационный канал, он шел отовсюду и, постепенно усиливаясь, заполнил все отсеки. В инженерном отсеке Скотти в полуобморочном состоянии проверял оборудование. Увидев показания приборов, он рванулся к рычагам мощности, и в эту секунду шум стих. На мостике, все еще зажимая руками уши, Зулу крикнул:

— Капитан, экран!

Экран был абсолютно черным.

— Неполадки, Спок?

— Нет, капитан, все системы работают нормально.

Кирк потряс головой, пытаясь собраться с мыслями. Все, кто был на мостике, все еще сидели на своих местах, вцепившись в поручни и подлокотники кресел. Кирк нажал на кнопку селекторной связи:

— Боунс, что у тебя в медчасти?

— Хуже.

— Найдется что-нибудь, чтобы помочь мне здесь? Я не хочу, чтобы в критический момент кто-нибудь на мостике сломался.

— Иду. Конец связи.

Кирк еще раз нажал на кнопку селекторной связи:

— Кирк вызывает инженерный отсек. Мощность падает, Скотти! Что случилось?

— Мы потеряли много энергии, капитан. Отражающие поля ослаблены.

— Ты можешь это компенсировать, Скотти?

— Да, но при условии, что мы больше не будем терять энергию. Только не спрашивай, как это случилось.

— Именно спрашиваю! — резко сказал Кирк. — И хочу услышать ответ!

На мостик быстро вбежали Мак-Кой с сестрой. Он сделал инъекцию капитану и сказал:

— Это стимуляторы, Джим.

Потом он повернулся и сделал инъекцию Зулу.

— Насколько это плохо, Боунс? — спросил Кирк.

— Три четверти персонала пострадало.

— Боунс, корабль болен. Проблемы появляются быстрее,

чем мы успеваем их решать. Такое впечатление, что нас разбил паралич.

— Может быть... — сказал Мак-Кой и продолжил обход.

Кирк встал и подошел к компьютерной станции.

— Спок, ты можешь проанализировать последнюю вспышку шума и то, из-за чего мы начали терять мощность?

Спок кивнул.

— Взрыв шума произошел вследствие того, что мы прошли пограничный слой.

— Пограничный слой какого рода?

— Я не знаю, капитан.

— Хорошо, пограничный слой между чем и чем?

— Между тем, где мы были раньше и тем, где мы сейчас, — сказал Спок. — У меня по-прежнему нет ничего конкретного, капитан, но мне кажется, что мы вошли в энергетическое пространство, несовместимое с жизненными и механическими процессами. По мере нашего продвижения вперед, оно будет сильнее, а мы слабее.

— Рекомендации?

— Я рекомендую всем оставаться в живых, — вмешался Мак-Кой. — Надо уходить отсюда, — он повернулся и вместе с сестрой направился к лифту.

Кирк обвел глазами присутствующих. Руководство эскадры ждало от них рапортов. Рапортов о чем, подумал Кирк, о том, как именно погибли «Интрепид» и все обитатели системы Гамма 7А? Он медленно вернулся к своему креслу и нажал на кнопку трансляции:

— Говорит капитан Кирк. Мы вошли в пространство, о котором у нас нет никакой информации. Весь экипаж был подвержен определенному воздействию, назовем это шоком. Но у нас есть стимуляторы. Мы защищены отражателями. У нас хороший корабль. Нам известно, в чем заключается наше задание. Итак, займемся работой. Конец связи.

— Медчасть вызывает капитана, — сказал по внутренней связи Мак-Кой.

— Я слушаю, Боунс, продолжай.

Мак-Кой посмотрел на лежащего перед ним в полубессознательном состоянии члена экипажа, собрался с духом и сказал:

— Один за другим, Джим... уровень жизненной энергии... показания.

— Я слушаю, Боунс, — тихо сказал Кирк.

— Мы умираем, — сказал Мак-Кой. — Мои приборы показывают, что мы все, каждый из нас... мы умираем.

Кирк почувствовал очередной прилив слабости и весь покрылся холодным потом.

Но испытания «Энтерпрайза» только начались. Кирк спустился в инженерный отсек, корабль неожиданно качнуло, и Кирка бросило вперед.

— Что это было, Скотти?

— Обратный ход, сэр.

— Обратный ход? Но корабль наклонило вперед!

— Ничего не могу сказать, капитан. Я знаю только одно: корабль постепенно теряет мощность. Потеряли около двадцати процентов. Я никогда раньше ни с чем подобным не сталкивался.

— Капитан, мы увеличиваем скорость, — сказал по внутренней связи Спок. — Черная зона затягивает нас.

— Затягивает? Как?

— Не знаю. Но я предлагаю, чтобы мистер Скотти включил обратный ход.

— Спок, но он только что включил обратный ход!

— Тогда поступите наоборот.

— Скотти, — сказал капитан, — ты слышал, полный вперед.

— Сэр, я не знаю... — засомневался Скотти. — Это противоречит всем законам, противоречит элементарной логике...

— Логика — специализация Спока.

— Да, сэр, но...

— Подтолкни нас немного вперед, Скотти.

Главный инженер занялся делом, через несколько секунд он облегченно вздохнул.

— Сработало, капитан. Скорость снижается, но мы по-прежнему движемся вперед.

— Продолжай в том же духе и возьми себе помощника, — сказал Кирк.

В медчасти тоже не прекращалась работа. Сестра Чапел снимала показания индикаторов жизненного уровня.

— Доктор, уровень снижается.

— Стимуляторы... — пробормотал Мак-Кой. — Интересно, как долго мы на них продержимся.

— Говорит капитан, — передал Кирк по селекторной связи. — Прошу руководителей всех служб пройти в зал для совещаний. Необходима любая информация о зоне, в которой мы находимся. Жду вас через десять минут.

Мак-Кой, продолжая ворчать, отправился в зал для совещаний.

Он бросил на стол несколько кассет и сказал:

— Это мой вклад в общее дело. Я только могу сообщить, что чем дальше мы проникаем в эту зону, тем слабее становятся наши жизненные функции, — он слегка пошатнулся и схватился за спинку стула.

— Боунс...

Мак-Кой отмахнулся:

— Все в порядке.

— Что касается уровня мощности — мы по-прежнему тратим запасы энергии, — сказал Скотти, — и нас по-прежнему тянет вперед.

— Спок? — спросил Кирк.

— Я думаю, что-то внутри зоны поглощает жизненную и механическую энергии. Возможно, именно это «что-то» лишило энергии «Интрепид» и целую звездную систему.

— «Что-то», Спок? Не сама зона?

— Анализ зоны предполагает поле отрицательной энергии, как бы нелогично это ни звучало, но **ЗОНА НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ИСТОЧНИКОМ ПОГЛОЩЕНИЯ ЭНЕРГИИ.**

— Значит, это щит, — сказал Кирк. — Внешняя защита чего-то еще.

— Но чего? — спросил Скотти.

— Что бы это ни было, оно лишает нас жизненной энергии, — буркнул Мак-Кой.

— Мы выясним, что это, — сказал Кирк. — Но для начала нам самим надо выбраться отсюда. Скотти, толчок вперед снизил нашу скорость. Если мы выжмем максимальную скорость и задействуем импульс-двигатели, это сможет нам помочь?

— Да, сэр, — радостно сказал Скотт. — У нас в резерве достаточно энергии для отражателей, на случай, если мы здесь застрянем.

— Должен заметить, — холодно сказал Спок, — что если мы действительно здесь застрянем, отражатели лишь затянут ожидание конца.

— Согласен, — мрачно сказал Кирк. — Вы должны использовать всю энергию, которая потребуется, чтобы выбраться отсюда. Все свободны.

Все направились к выходу, Кирк устало опустил голову на руку. Спок остановился в дверях, постоял немного и снова подошел к столу. Кирк поднял голову и посмотрел на него.

— Капитан, я уверен, что на «Интрепиде» поступали также, — сказал Спок. — Но они погибли.

Кирк побарабанил пальцами по столу.

— Ну, может, не совсем так же, — сказал он. — Ты ведь сам говорил, что создавшаяся ситуация абсолютно нелогична.

— Верно. Но верно и то, что они так и не узнали, что именно уничтожило их.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю, что корабль погиб, потому что почувствовал это...

— Что именно ты почувствовал?

— Безмерное, глубочайшее удивление.

— Ну что ж, дружище, — сказал Кирк, поднимаясь, — давай вернемся на мостик.

Как только они вышли из лифта, капитана вызвали из инженерного отсека. Кирк подбежал к своему месту и нажал кнопку внутренней связи:

— Кирк слушает. Что у тебя, Скотти.

— Все приготовления закончены. Если вы готовы, я готов попробовать.

— Оставайся на связи, Скотти, — сказал Кирк и нажал еще одну кнопку. — Внимание всем палубам, говорит капитан. Незвестная сила затягивает наш корабль все глубже в черную зону. Мы собираемся использовать всю мощность корабля, чтобы вырваться. Всем приготовиться к хорошей тряске, — сказал он и снова обратился к Скотти. — Готово, Скотти. Давай!

Все были готовы к сильной встряске, и она была такой, но никто не был готов к сильнейшему удару, который за ней последовал. Скотти и его помощника отбросило к стене. Мак-Коя и сестру Чапел протащило через два отделения медчасти. На мостике африканский цветок, выращенный Ухурой, поднялся вместе с горшком в воздух, пролетел несколько метров и ударился о дверь лифта. Люди буквально вмялись в спинки кресел. Последовал еще один удар, корабль встал на дыбы, заскрежетал металл, освещение потускнело. Наконец все успокоилось.

Распластавшийся на полу Кирк поднял голову и посмотрел на экран.

Провал. Экран по-прежнему был абсолютно черным.

Потирая ушибленные места, Кирк добрался до своего кресла. Об этом надо было спросить, и он спросил:

— Скотти, мы все еще теряем энергию?

— Да, сэр. Нам удалось лишь немного оттянуться назад. Лучшее, что мы можем сделать в этой ситуации — сохранять данную дистанцию.

— Как долго мы сможем ее сохранять?

— При таком темпе потери энергии — два часа, капитан.

Кирк преодолел очередную волну слабости, встал с кресла и подошел к компьютерной станции.

— Мы пытаемся сохранить дистанцию, Спок, — сказал он. — Ты установил, дистанцию с ЧЕМ мы пытаемся сохранить?

— Я еще не нашел ответа на этот вопрос, капитан, но, кажется, оно нашло нас, — сказал Спок, не отрывая глаз от пульты.

Кирк посмотрел на экран; в центре совершенно черного поля появился светящийся, пульсирующий объект.

— Мистер Чехов, — сказал Кирк. — Приготовьте зонд к запуску.

— Очень противоречивые данные, капитан, — сказал Спок, — но определенно, именно этот объект поглощает энергию.

— Шесть... пять... четыре... — без приказа начал отсчитывать Зулу, — три... два... один... пошел!

Корабль тряхнуло, мигнули огни, но больше ничего не произошло.

— Мистер Чехов, — сказал Кирк, — у нас есть контакт с зондом?

— Да, сэр. Все данные поступают к мистеру Споку.

— Спок?

— Начала поступать информация, капитан. Длина — приблизительно одиннадцать тысяч миль, ширина варьируется от двух до трех тысяч миль. Внешний слой смешан с обломками планет и прочим, внутренности состоят из протоплазмы, которая варьируется от твердого желатина до полужидкой массы в центре. — Спок посмотрел на капитана. — Общее состояние — оно живое.

Все посмотрели на Кирка.

— Живое, — тихо повторил он. — Увеличение 4, Зулу, главный экран.

Он ожидал чего-то ужасного, и он это увидел. Это было похоже на ночной кошмар ребенка, который весь день играл с микроскопом. — Огромное, амебоподобное простейшее. Хромосомные тела внутри пульсирующего ядра были затенены желатиновым слоем. Кирк от отвращения закрыл глаза, но не в силах был выкинуть из памяти образ этого чудовища.

В медчасти Мак-Кой просматривал изображения всех известных человечеству одноклеточных простейших. Наконец он сказал:

— Это амеба.

Если жизнь — это движение и постоянное заглатывание, подумал Кирк, глядя на экран, то этот микроскопический обитатель стоячего пруда живет. Кирк наблюдал, как простейшее вытягивалось и извивалось в поисках пищи. От слепой жадности этого существа у капитана подкатил комок к горлу.

— Я видел их раньше, — сказал он. — Под микроскопом, конечно. Но то, что находится там, в космосе, — его длина одиннадцать тысяч миль! И ты говоришь, что это одноклеточное существо?

— К сожалению, другого термина я не могу подобрать, Джим. Хотя оно и огромное, но все-таки это простейшая форма жизни. И оно демонстрирует все функции, необходимые для того, чтобы определить его как живой организм. Хотя я не могу сказать точно какой диеты оно придерживается.

— Энергия, — сказал Спок. — Энергия, которую оно от нас забирает. Я предполагаю, что оно вторглось в галактику, как инфекция.

— Спок, «Интрепид» погиб именно в этой самой инфекции. Почему же мы все еще живы?

— «Интрепид» столкнулся с ним, когда оно было голодным, когда ему не хватало энергии. Я бы не сказал, что мы в безопасности, капитан. Просто у нас чуть больше времени, чем у «Интрепида».

— Боунс, эта черная зона... Как ты считаешь, это «что-то» генерирует ее в качестве своей защиты?

— Это нам еще предстоит выяснить, Джим. Нужно взглянуть на него поближе.

— Чем мы ближе к нему, тем быстрее оно пожирает нашу энергию. Мы едва живы и на этой дистанции.

— Видимо, придется рискнуть подобраться к нему на челноке, — сказал Спок. — Если использовать специальные за-слоны, может быть...

— Я никогда никого не пошлю в пасть этой амебе! Автоматический зонд предоставит нам информацию, достаточную для того, чтобы ее уничтожить.

— Вынужден не согласиться с тобой, — сказал Спок. — Мы уже посылали зонд, он, конечно, дал нам кое-какую информацию, но не ту, которая нам необходима. Мы не можем позволить себе, в нашем теперешнем положении, тратить энергию на выстрелы вслепую. Нам нужна цель.

— Кто-то должен подойти к нему поближе и засечь уязвимые места... — сказал Мак-Кой.

— И каковы его шансы вернуться назад? — воскликнул Кирк. — Как я могу отдать такой приказ?

— А кто говорил о приказе? — спросил Мак-Кой. — У тебя есть доброволец, Джим. Я уже провел все подготовительные работы.

— Боунс, эта миссия самоубийцы!

— Доктор, у этого существа есть рефлексы. Ему было неприятно, когда наш зонд вошел в него, и встряска, которую мы испытали, была его реакцией на это.

— Хорошо, Спок, — сказал Мак-Кой. — У меня хватит ума снизить скорость, прежде, чем войти в него.

Спок изучающе посмотрел на Боунса.

— В тебе сидит скрытый мученик, этот недуг делает тебя неподходящим. Ты не можешь выполнить это задание, — сказал он.

— Мученик! — заорал Мак-Кой. — Ты что думаешь, я собираюсь упустить шанс побывать в самой огромной живой лаборатории?

— На «Интрепиде» было достаточно и биологов, и психологов, и физиков, однако все они погибли.

— Это потому, что вулканитам недостает простого человеческого желания.

Кирк ударил ладонью по столу:

— Не могли бы вы оба заткнуться? А теперь послушайте меня! Мне не нужны добровольцы!

— Надеюсь, ты не думаешь сам этим заняться? — прокричал в ответ Мак-Кой.

— Я — главный пилот! — сказал Кирк. — Это означает, что я достаточно квалифицирован, так что давайте покончим с этим.

— Ты сам себя признал неподходящим, капитан, — сказал Спок. — Как главный пилот, ты незаменим, в отличие от научного специалиста, каковым являюсь я.

Мак-Кой уставился на Спока.

— Джим, в этом организме происходят химические процессы, которых мы никогда раньше не видели и, будем надеяться, никогда больше не увидим. За один день мы сможем узнать больше, чем...

— У нас нет одного дня, — сказал Кирк. — В нашем распоряжении приблизительно 1 час 35 минут, или мы лишимся всей энергии.

— Джим...

— Капитан...

— Кто способен успешно выполнить эту миссию, решать

мне! — гаркнул Кирк. — И когда я решу, джентльмены, я поставлю вас в известность! — он повернулся на каблуках и вышел из комнаты.

Войдя в свою каюту и оставшись наедине с собой, капитан почувствовал облегчение. Он ослабил ремень и растянулся на койке. Надо попробовать расслабиться, подумал он, и ни о чем не думать, — может, тогда верное решение придет само собой, так ведь часто бывает.

— Господи, — сказал он вслух. — Помогите мне расслабиться.

Он в самом деле был незаменим, ни героизм, ни ложная скромность не имели к этому никакого отношения. Что касается Боунса, его медико-биологическая специализация давала ему определенное преимущество. Но Спок — прирожденный атлет, вулканит-мыслитель, ученый-офицер. Он безусловно и физически, и психически больше подходил для выполнения такого задания. Но кто знает, какие, быть может, бесценные, открытия сможет сделать Боунс, если этот жребий выпадет ему? И все это легло на плечи Кирка, выбор был за ним. Одного из своих друзей капитан должен был послать на верную смерть. Кого?

Кирк глубоко вздохнул, протянул руку к пульта и нажал на кнопку внутренней связи:

— Говорит капитан. Доктор Мак-Кой и мистер Спок, жду вас в своей каюте. Конец связи.

Раздался голос Скотти:

— Инженерный отсек вызывает капитана.

— Продолжай, Скотти.

— Информация об утечке энергии. Снизилась до пятидесяти процентов. Продолжает уменьшаться. У нас есть один час и пятнадцать минут, сэр.

— Понятно, Скотти. Подготовьте к запуску челнок.

— Что вы сказали, капитан?

— Ты слышал меня, Скотти. Доктор Мак-Кой скажет тебе, какое снаряжение необходимо подготовить. Конец связи.

В каюту постучали. Кирк встал и открыл дверь. Два претендента стояли на пороге.

— Проходите, джентльмены, — сказал Кирк и сразу приступил к делу. — Мне очень жаль, Спок, — тяжело сказал он.

Мак-Кой с триумфом посмотрел на Спока.

— Ты принял верное решение, Джим, — сказал он. — Я только отдам последние распоряжения и...

— Не ты, Боунс, — прервал его Кирк и повернулся к

Споку. — Мне очень жаль, но ты лучше других подготовлен для этого задания.

Спок кивнул и без слов прошел к выходу мимо обескураженного Боунса.

На уровне ангарной палубы дверь лифта плавно открылась. Спок посторонился, пропуская вперед Мак-Коя.

— Не стоит так огорчаться, доктор. Профессиональные рекомендации — очень ценная вещь, но наследственная выносливость иногда оказывается важнее.

— Не убежден! — Мак-Кой с трудом держал себя в руках. — С помощью ДНА-анализатора ты сможешь получить основную структуру организма. Тебе также потребуется энзимо-фиксатор...

— Я знаком со снаряжением, доктор. Постараюсь достойно справиться с порученным заданием.

— Достоинство вулканита! Это что-то новенькое.

— Ну, тогда прояви свое человеческое суеверие и пожелай мне удачи, Мак-Кой.

Мак-Кой удивленно посмотрел на Спока и без возражений нажал на кнопку, открывающую дверь ангара. Перед ними стоял челнок, выбранный для столь ответственной миссии, рядом с ним возились два механика. Спок, не оглядываясь, вошел в ангар. Мак-Кой посмотрел, как он залез в челнок, потом дверь ангара плавно закрылась. Оставшись один, Мак-Кой пробормотал:

— Удачи, Спок, черт тебя подери.

На мостике Зулу рапортовал Кирку:

— Все системы к запуску челнока готовы, сэр.

Ну что ж, подумал Кирк, пора.

— Запускайте челнок, — сказал он.

На пульте Зулу замигали индикаторы. Спок был в пути. Один. Один в космосе, приговоренный к тому, что ему доверил выполнить его капитан. Кирк услышал, как открылась дверь лифта, и появился Мак-Кой, но не повернулся.

— Лейтенант Ухура, — сказал он, — всю телеметрическую информацию направлять на компьютерную станцию мистера Чехова.

— Челнок вызывает «Энтерпрайз», — передал Спок.

— Рапорт, Спок.

— Невероятно сильная утечка энергии, продолжает увеличиваться, — начались помехи. — Я направил всю вторичную энергию на заслоны. Буду продолжать поддерживать связь, пока для этого будет энергия.

Кирк живо представил себе Спока, быстро работающего

над контрольной панелью. Неожиданно за спиной Кирка появился Скотти.

— Капитан! Если он направит всю энергию на заслоны, у него ничего не останется на возвращение!

— Спок, — начал Кирк.

— Я слышал, капитан. Мы знали об этом и раньше, но вам нужна информация.

— Ты просчитал, когда войдешь в него?

— Через 1,3 минуты. Пристегнись покрепче. Зона проникновения, несомненно,отреагирует.

«Что видит у себя на экране Спок, — крутилось у капитана в голове, — что оно из себя представляет с такого расстояния?»

— Контакт через шесть секунд, — сказал Спок.

Корабль задрожал. Кирк представил, что происходило с челноком, и схватился за микрофон:

— Рапорт, Спок.

Тишина. Может, Спок без сознания, — думал Кирк, — организм мог попробовать избавиться от челнока, конвульсии организма означали для маленького челнока непрерывную тряску и сильнейшие удары...

— Спок...

— Повреждений нет, капитан... — послышался слабый голос Спока. — ...осталось три процента энергии... — для стабилизации заслонов. Я... буду продолжать исследования... — дальше ничего невозможно было расслышать, наконец Спок снова заговорил. — Доктор Мак-Кой... ты бы здесь не выжил...

Кирк увидел, что на глаза Боунса навернулись слезы.

— Хочешь пари, Спок? — сказал Мак-Кой и не смог больше вымолвить ни слова.

— Продвигаюсь... медленно... курс к ядру...

Чехов, побледнев как полотно, обратился к капитану:

— Сэр, системы жизнеобеспечения мистера Спока сведены до минимума.

Кирк мокрой от пота рукой схватился за микрофон:

— Спок, сохраняй энергию для заслонов.

Помехи усилились, сквозь них с трудом можно было слышать отдельные слова:

— По моим расчетам... показывают... заслоны... только 47 минут... Идентифицирована... хромосомная структура. Изменения... вскоре начнется процесс воспроизводства...

Лицо Мак-Коя стало пепельно-серым:

— Тогда их будет две!

— Спок...

Сплошные помехи. Кирк подождал и попробовал еще раз:

— Спок...

— ...теряю связь... контакт... координаты...

Ухура отвернулась от своего пульта и сказала:

— Связь потеряна, но мне удалось получить координаты, сэр.

— Капитан! — крикнул Чехов. — Челнок лишился заслонов! Колебания энергии внутри организма!

— Да, — сказал Скотти. — Пора ему выбираться оттуда.

Кирку не на кого было пенять, он сам послал своего лучшего друга на смерть. Это была правда, с которой ему предстояло жить до конца своих дней. «Энтерпрайз» содрогнулся, Кирк медленно выпрямился в кресле и, вдруг его осенило:

— Боунс! — слова застревали у него в горле. — Он жив! Он еще жив! Он поддал челноком этому чертову организму и заставил его дернуться, он дал нам знать!

— Капитан, — сказала Ухура. — Работает телеметрический канал.

— Чехов, анализ данных сразу ко мне.

Мак-Кой продолжал размышлять над тем, что могло означать деление организма.

— Судя по телеметрическим анализам Спока, сорок хромосом организма готовы разделиться, — он сделал небольшую паузу. — Если энергия этого организма удвоится, все живое и неживое в радиусе светового года погибнет, — Мак-Кой прошел через весь мостик и вернулся назад. — Скоро их будет два, потом четыре, восемь. Эта антижизненная сила делает серьезную заявку на то, чтобы занять всю галактику.

— Это и узнал Спок, Боунс. Когда он передавал нам координаты, он знал, что у нас нет выбора, и мы должны попробовать уничтожить этот организм.

— Капитан, — сказал Скотти. — черная зона продолжает нас затягивать. Наши заслоны ослаблены, положение становится критическим.

— Сколько у нас осталось, Скотти?

— Теперь не больше часа, капитан.

— Подключите все вспомогательные системы.

— Есть, сэр.

— Боунс, мы можем убить этот организм, не убивая Спока? А также и самих себя?

— Я не знаю. Это живая клетка. Если бы у нас был антибиотик, который...

— И сколько миллионов километров он займет?

— Будет тебе, Джим.

— Получено сообщение от мистера Спока, — с сияющим лицом сказала Ухура. — Очень слабый канал, но понять можно.

— Дайте-ка мне, лейтенант.

— Системы жизнеобеспечения практически бездействуют... энергия заслонов на минимуме... нервная энергия организма... только максимально внутри защитной мембраны... внутри... относительно нечувствительный... достаточно одной атаки... можно уничтожить... скажите Мак-Кой... пожелал мне удачи...

На мостике никто не мог вымолвить ни слова, каждый пытался осознать для себя гибель Спока.

Кирк без движения лежал на кровати в своей каюте. Спок умер. Ради чего? Если бы он мог передать информацию, как уничтожить этот организм, в его смерти был бы хоть какой-то смысл. Но даже в этой маленькой радости судьба отказала ему. Смерть Спока ничего не дала и ничего не изменила.

В каюту без стука вошел Мак-Кой и присел на кровать рядом с Кирком.

— Что надумал, Мак-Кой?

— Спок, — сказал Мак-Кой. — Он говорил, что я сентиментален, но это гораздо серьезнее. Я до сих пор уверен, что он жив.

— Он знал, чем это может кончиться, прекрасно знал. И теперь он мертв, — Кирк немного помолчал. — Что оно из себя представляет? Оно не разумно, по крайней мере, пока.

— Это болезнь, — сказал Мак-Кой.

— Этот микроб растянулся на одиннадцать тысяч миль, всего одна клетка. Когда их будет миллионы, микробами будем мы. Мы будем микробами в его теле.

— Болезненная мысль, — заметил Мак-Кой.

— Да. Интересно, когда появилась наша форма жизни, какую вселенную мы уничтожили? Как тело уничтожает инфекцию, Боунс?

— Создавая антитела.

— Значит, это то, чем мы должны стать — антителами, — он посмотрел на Мак-Коя и повторил еще раз: — Антитела, — Кирк одним прыжком вскочил на ноги и нажал кнопку селекторной связи. — Скотти, ты сейчас вернешь всю энергию на заслоны, вернешь всю энергию и оставишь в резерве энергию только для импульс-двигателей.

— Но эта амеба засосет нас в себя за считанные секунды! — воскликнул Скотти.

— Именно, мистер Скотти. Жди моего сигнала. Конец связи.

Кирк повернулся к Мак-Кою и увидел, что тот смотрит на него так, будто пытается поставить диагноз.

— Хочешь что-нибудь сказать, Боунс?

— Относительно технической стороны дела ничего, но с медицинской точки зрения — да.

— Ладно, у меня нет времени, ни у кого из нас нет. Пошли.

В лифте, прежде чем, как выйти на мостик, Кирк постарался придать спокойное выражение лицу. Дверь открылась, он быстро подошел к своему креслу и нажал кнопку селектора:

— Всем палубам, говорит капитан. Мы собираемся войти внутрь организма. Службам контроля повреждений оставаться на связи. Всем палубам приготовиться к столкновению. Конец связи.

Теперь или никогда, подумал Кирк, и вызвал инженерный отсек:

— Скотти, все готово?

— Да, сэр.

— Давай!

Корабль стремительно рванулся вперед. Кирк вцепился в кресло и не отрываясь смотрел на экран. По мере приближения к зоне темнота становилась все плотнее.

— Столкновение через двадцать пять секунд, сэр, — напряженно сказал Зулу.

Сильным ударом Зулу выбило из кресла. Чехов растянулся на палубе, посмотрел на свой пульт и, когда корабль стабилизировался, крикнул:

— Мы вошли, сэр!

Ухура, придя в себя после удара, сказала:

— Все службы контроля повреждений рапортуют — минимум повреждений.

В эти секунды Кирк не воспринимал информацию. Экран стал абсолютно черным. «Энтерпрайз» лениво двигался внутри огромного, светонепроницаемого, желеобразного организма. Кирк вызвал инженерный отсек:

— Скотти, у вас есть энергия для импульс-двигателей?

— Я сохранил все, что мог, сэр. Не знаю, достаточно ли, чтобы выбраться отсюда, и хватит ли у нас времени.

— Мы должны попытаться, Скотти.

— Да. Но что? У нас нет энергии для фазеров.

Мак-Кой нетерпеливо махнул рукой:

— Даже если бы и была, мы не смогли бы ее использовать.

— Да, этот организм любит энергию, он просто пожирает ее...

Из лифта на мостик вбежал Скотти, он слышал последние слова капитана.

— Энергия! — закричал он. — В этом вся проблема! Если мы не можем использовать энергию, чтобы уничтожить эту мразь, что мы можем сделать?

— Мы можем использовать антиэнергию, — сказал Кирк.

— Что? — переспросил Мак-Кой.

Скотти изумленно смотрел на капитана.

— Скотти, с этой мразью, как ты говоришь, все наоборот. Внутри организма — мы антитела, так что, если мы используем антиэнергию, антиматерию, мы сможем уничтожить его.

Напряженность Скотти улетучилась, как воздух из проколотого мяча:

— И правда, сэр! Оно не сможет проглотить это! Слава богу, что вам пришла в голову такая идея! Как вы только догадались?

— Спок подсказал, — ответил Кирк. — Именно это он пытался нам сказать до того, как... до того, как мы его потеряли. Мистер Чехов, подготовьте зонд. Скотти, нужна магнитная капсула для заряда.

— Можете считать, что она готова!

— Мистер Чехов, установите детонатор на зонд. Мистер Зулу, сколько нам осталось до цели?

— Семь минут, сэр.

— Джим, как близко мы собираемся к нему подойти?

— Только установим зонд и сразу обратно...

— Но для этого надо подойти...

— Завихрения и потоки протоплазмы могут отнести зонд на тысячи километров от ядра. Мы должны попасть точно в цель, другого шанса у нас не будет.

Кирк почувствовал, как у него занемела шея.

— Пора сделать еще одну инъекцию, Боунс.

— Ты разлетишься на куски. Как долго ты думаешь выдерживать такое количество стимуляторов?

— Приведи меня в порядок еще на семь минут.

На мостик вбежал Скотти.

— Координаты цели запрограммированы, зонд к запуску готов, сэр, — отрапортовал Зулу.

— Зулу, предусмотрите небольшую паузу перед взры-

вом, — сказал Кирк и повернулся к Чехову. — Экономим всю возможную энергию, мы должны выбраться до взрыва. Сделай все как надо, Скотти, и молись, чтобы все сработало.

— Есть, сэр.

— Мистер Чехов, начали.

— Зонд запущен, сэр.

Мучительно медленно тянулись секунды.

— Подтверждение, сэр, зонд вошел в зародыш.

Кирк кивнул:

— Мистер Зулу, уходим отсюда так же, как и пришли, не будем терять время. Это была прекрасная работа, мистер Чехов.

Чехов расцвел от удовольствия.

— По моим расчетам, мы выйдем из зоны через 6,39 минуты, сэр, — сказал он, глядя на экран. — Капитан! Металлическое тело рядом с кораблем!

— Спок? — спросил Мак-Кой.

— Да, сэр, — подтвердил Чехов. — Это мертвый челнок.

Кирк подскочил к Ухуре:

— Лейтенант, установите звуковую связь с челноком!

— Готово, капитан!

Микрофон трясся в руках у Кирка, он постарался говорить как можно спокойнее:

— Спок? Ты меня слышишь? Спок, отвечай же! — Кирк повернулся к Скотти. — Скотти, буксирующие лучи!

— Капитан, у нас нет времени!

— Будьте добры, выполняйте приказ, лейтенант Скотти! Два буксирующих луча на этот челнок!

Скотти залился краской и через несколько секунд доложил:

— Буксирующие лучи на челноке, сэр.

— Рад это слышать, — сказал Кирк и замер от удивления.

Послышался голос Спока:

— Рекомендую не предпринимать попыток... Не рискуйте из-за меня кораблем, капитан...

Кирк молча отдал микрофон Мак-Кой.

— Заткнись, Спок! — крикнул тот. — Ведутся работы по твоему спасению! — на этом Мак-Кой вернул микрофон Кирку.

— Спасибо, капитан, Мак-Кой, — тихо сказал Спок.

Как бы он ни был сейчас слаб, подумал Кирк, он наверняка приподнял одну бровь.

Слабый, но живой. Сознание этого подействовало на Кирка сильнее, чем стимуляторы Мак-Коя.

— Время до взрыва, мистер Чехов?

— Пятьдесят семь секунд, сэр.

— Вы удерживаете лучи на челноке, Скотти?

— Да, но не могу гарантировать, что смогу удержать их во время взрыва, — сказал Скотти, глядя на панель. — Уровень мощности на нуле, сэр!

Но ни мощность, ни что-либо другое уже не имело значения. Ослепительно-белая вспышка пронизала мостик. Мак-Кой упал на палубу. В отвесах вспышки Кирк увидел, как Чехова сорвало с кресла, и он без сознания упал у дверей лифта... По лицу Кирка стекала кровь, это не вызвало у него никаких эмоций; в руках у него оказался платок, Зулу ползком добрался до своего кресла. Капитан обвязал платок вокруг головы. Когда играешь в теннис, подумал он, это очень удобно, пот не попадает в глаза... целую вечность не играл в теннис.

— Мистер Зулу, — сказал он. — Вы можете включить экран?

Звезды. Они должны были вернуться, и они вернулись.

Отличная команда. Чехов наконец добрался до своей станции, ему не обязательно было это говорить, но послушать было очень приятно:

— Организм уничтожен, капитан. Видимо, взрыв разорвал мембрану и выбросил нас из зоны.

Вернулись звезды, вернулась энергия. Кирк положил руку на плечо Скотти:

— А челнок, Скотти?

— Челнок вызывает «Энтерпрайз», — раздался голос Спока. — Прошу разрешения вернуться на борт.

Кто-то дал Кирку микрофон.

— Вы сэкономили этого вулканита, мистер Спок? — спросил он.

— Безусловно, капитан. И у меня есть некоторые интересные факты, которые я не успел...

— Не будь таким крутым, Спок, — крикнул Мак-Кой, потирая ушибленные места. — Тебе еще предстоит пройти медицинское обследование!

— Привычные домашние дела, — сказал Кирк. — Проведи челнок на борт, Скотти. Мистер Чехов, курс на Базу №6, скорость пять единиц.

Он снял с головы окровавленный платок:

— Спасибо, мистер Зулу, я лично сдам платок в чистку. Если понадобится, я на ангарной палубе.

Х. Бим ПАЙПЕР

**МАЛЕНЬКИЙ ПУШИСТИК-II
(ПУШИСТИК РАЗУМНЫЙ)**

Фантастический роман

Перевод с английского

По решению судьи Пэндервиса Пушистики были объявлены разумными существами, что гарантировало им защиту и безопасность. Но чего стоили эти заверения?

Пушистики собирались это выяснить... Кое-кто надеялся извлечь большие доходы, эксплуатируя их. И дело даже шло к тому, что они могли стать еще одним видом, вымирающим по вине человека Земли...

Глава 1

Виктор Грег отпил охлажденного фруктового сока и отодвинул стакан в сторону, затем закурил сигарету и долил в чашку горячий кофе взамен остывшего. Еще один проклятый день; за ночь он едва отдохнул от предыдущего и тех дней, которые были еще раньше. Он отхлебнул маленький глоток кофе и почувствовал, что снова принадлежит роду человеческому.

Все дни конференции проходили во взаимных обвинениях и ссорах, но он надеялся, что сегодня наступит конец всему этому. Завтра вечером весь дивизион начальников узнает, что было сделано. Они или побегут к нему с вопросами, которые вполне могут решить сами, или станут надоедать ему, давая советы. Великий Боже, только бы они сами не начали управлять делами!

Вся неприятность была в том, что за последние пятнадцать, ну может, двадцать лет все решения были приняты заранее и персонал работал по шаблону. Но это было, когда Заратуштра была необитаемой планетой класса Четыре и Компания открыто владела ею. Привилегированная Компания Заратуштры могла просто не допустить этого. Так было до тех пор, пока старый Джек Хеллоуэй не встретил маленького пушистого человечка, которого он назвал Маленьким Пушистиком.

В то время все потеряли голову. И он тоже, он сделал такие вещи, о которых ему не хотелось даже вспоминать. Большинство его подчиненных так и не смогли больше прийти в себя, однако не привилегированная Компания Заратуштры

действовала, если, конечно, так можно выразиться, постоянно находясь в критическом положении.

Чашка снова наполовину опустела; он долил ее до краев и, прежде чем затушить сигарету, прикурил от нее новую. Возможно, лучше все начать сначала. Он потянулся через стол и включил экран связи.

На нем тут же появилась Мирра Фаллала. У нее были тщательно завитые белые волосы, слегка желтоватое круглое лицо и выпуклые голубые глаза. Оттопыренная нижняя губа говорила о ее принадлежности к древнему Габсбургскому роду. Она была его секретаршей с тех пор, как он появился на Заратуштре, и все, что произошло неделю назад в суде Пэн-дервиса, было по ее представлению концом света.

— Доброе утро, мистер Грег, — она осмотрела его одежду и сосчитала окурки в пепельнице, пытаясь определить, когда он спустился в свой кабинет. — Ужасная участь постигла нашу фирму сегодня утром.

— Доброе утро, Мирра. Какая это такая участь?

— Ну, дело касается рогатого скота планеты... Пастухи степняков бросили работу, улетели и оставили стада...

— Они улетели на аэрокарах Компании? Вызовите Гарри Стифера, и пусть он привлечет их к ответственности за угон транспортных средств.

— И комиссия по злоупотреблениям служебным положением; она вылетает из Дармуса сегодня, — Мирра начала говорить, что она думает об этом.

— Я знаю. Это было решено еще вчера. Пусть продолжают работать. Есть там что-нибудь, что я должен решить лично? Если есть, отправьте это в конференц-зал, я разберу это с компетентными людьми. Печать, которая лежит на моем столе, отправьте туда, где ей надлежит быть. Скажите слуге, что через полчаса он может прийти и убрать здесь. И передайте шефу, что меня здесь не будет. Я где-нибудь перекушу за ленчем, а обедать буду с мистером Кумбесом в исполнительном зале.

Прежде чем отключиться, он мысленно сосчитал до ста. Как он и ожидал, Мирра возбужденно перебила его на середине:

— Мистер Грег, я совсем забыла! — она имела обыкновение забывать. — Мистер Эванс хотел спуститься с вами в хранилище драгоценностей. Он сейчас там, внизу.

— Да, я просил его сделать опись и оценку камней именно сегодня, а сам забыл об этом. Ну, мы не можем заставлять его ждать. Я спускаюсь вниз.

Он отключил экран, допил кофе и пошел в спальню переодеваться. Нет, он ничего не забыл. Проблема, возникшая с солнечными камнями, которые находились в хранилище драгоценностей, была невероятно важной, хотя и не требовала такой спешки, как в случае с рогатым скотом.

Неделю назад, прежде чем главный судья Пэндервис отобрал их у Компании несколькими ударами своего молотка, солнечные камни были монополией Компании. Для любого, кроме Компании, скупка и продажа солнечных камней была незаконной. Это было законом, а Пэндервис решил уничтожить всю силу законов Компании. Залежи солнечных камней были так рассеяны по планете, что не было возможности начать прибыльные горные разработки большого масштаба. Добычей камней занимались действующие на свой страх и риск старатели, которые продавали их Компании. Джек Хеллоуэй, с которого начались все неприятности, был одним из них.

Теперь солнечные камни появились на открытом конкурирующем рынке Заратуштры, и что-то надо было предпринять, чтобы выработать новую тактику скупки драгоценных камней. Прежде чем сделать это, Грег хотел точно знать, сколько камней было у Компании в резерве.

Конрад Эванс, шеф скупщиков драгоценностей, не мог попасть в подвал. Только Грег знал комбинацию. В случае, если с ним что-нибудь произойдет, комбинацию мог набрать Лесли Кумбес, глава законодательного отделения, а если они оба будут убиты или недееспособны, в банке Мэллори-Порта была копия шифра, напечатанная на узкой полоске бумаги и хранившаяся в специальном безопасном сейфе, который мог открыть только начальник колониальной полиции, имеющий при себе судебный ордер. Это было хлопотно, но они не могли доверить комбинацию большому количеству людей.

Хранилище драгоценностей находилось на пятнадцатом подземном уровне. Оно было окружено постами полиции Компании, и в него был только один путь — через стальную дверь, за которой находилась тяжелая опускающаяся решетка. Стражники, наблюдавшие за дверью, сидели в маленькой кубической комнате, в стену которой было вмонтировано двухдюймовое бронированное стекло. Несколько других охранников с пулеметами сидели или стояли за низкой бронированной стенкой. Там же находились Гарри Стифер, шеф полиции Компании и Конрад Эванс, маленький человек с коричневыми волосами, выпуклым лбом и узким подбородком. С ним были два его ассистента в серых комбинезонах.

— Прошу извинить меня за опоздание, джентльмены, — сказал Грег. — Вы готовы, мистер Эванс?

Он был готов. Стифер кивнул людям за бронированным стеклом, и опускающаяся решетка плавно поднялась. Они вступили в пустой коридор, в дальнем конце которого висела передающая телекамера, а в потолке зияли отверстия сопел-распылителей усыпляющего газа. В конце коридора открылась дверь, и они прошли в маленькую комнатку, где Эванс, два его ассистента, сопровождающий их сержант с двумя охранниками, Гrego и даже Стифер показали часовому свои удостоверения личности. Часовой что-то сказал в микрофон. Кто-то вне поля их зрения и досягаемости нажал кнопку или щелкнул выключателем, и открылась следующая дверь. Гrego прошел туда один. Он спустился по короткой лестнице и подошел к еще одной двери, ярко сверкающей бронированными накладками, словно корпус космического корабля или ядерный реактор.

На ней была клавиатура, подобная клавиатуре линотипа. Он отстукал текст короткого предложения и выждал десять секунд. Огромная дверь медленно отошла, а затем скользнула в сторону.

Он прошел в помещение. В середине его стоял круглый стол, крышка которого была покрыта черным бархатом. Над столом висела широкая круглая ширма затемнения. В стену был встроен сейф, стальной, с многочисленными выдвижными ящиками. Вслед за Гrego в помещение вошли Стифер, сержант с пулеметом, Эванс и два его ассистента. Гrego закурил сигарету и стал смотреть, как дым, обтекая ширму затемнения, исчезает в вентиляционном канале. Ассистенты Эванса достали инструменты и разложили их на столе. Шеф скупщиков драгоценностей пощупал черный бархат и кивнул. Гrego тоже положил руку на стол. Стол был теплый, почти горячий.

Один из ассистентов вынул из сейфа ящичек и высыпал его содержимое на стол. Там было несколько сот гладких, полупрозрачных камешков. Какое-то время они выглядели, как жучка гравия. Затем постепенно они начали светиться и через пару минут превратились в пылающие угли.

Пятьдесят миллионов лет назад, когда Заратуштра была почти полностью покрыта морями, здесь существовала морская форма жизни, похожая на большую медузу. Моря кишели этими медузами. Умирая, они опускались на дно, в ил, а затем их засыпало песком. Время и давление превращали их в маленькие камешки, а ил — в серый камень. Большинство из

них было обычными твердыми камешками, но благодаря какому-то древним биохимическим причудам некоторые из них стали термофлюоресцировать. Их носили как драгоценности, и они пылали от тепла тела, носившего их, так же, как пылали сейчас на разогретой электричеством крышке стола. Кроме Заратуштры, их не было нигде во всей Галактике, и даже один скромный камешек стоил небольшое состояние.

— Скажите округленно, какова приблизительная стоимость содержимого этого помещения? — спросил Грег у Эванса.

Эванс сморщился, как от зубной боли. Он ненавидел такие выражения как «округленно» и «приблизительно».

— Ну, конечно, шесть месяцев назад по рыночным расценкам Земли давали тысячу сто двадцать пять солей за карат, но это средняя цена. Существуют также наценки на камни...

Он увидел один из камней и поднял его — почти совершенный шар около дюйма в диаметре, темного, кроваво-красного оттенка. Он пылал в его ладони, это было прекрасно. Он и сам был не против завладеть им, но ничто здесь не принадлежало ему. Все это принадлежало абстракции, называемой привилегированной, а теперь уже не привилегированной Компанией Заратуштры, представляющей тысячи акционеров, включенных в число других абстракций, которые назывались Космическая линия Земля-Бальдур-Мердок, Банковская Картель, Межзвездные исследования с ограниченной ответственностью. Хотел бы он знать, что чувствует Конрад Эванс, когда работает с этими очаровательными вещичками, зная, сколько стоит каждая, и не владея ни одной из них.

— Я могу назвать вам минимальную стоимость этого, — сказал Эванс, закончив лекцию об оценке драгоценностей на рынке Земли. — Камни, находящиеся в этом подвале, стоят не менее чем сто миллионов солей.

Это прозвучало как «куча денег», когда вы говорите это быстро, не задумываясь. Привилегированная и даже ставшая не привилегированной Компания Заратуштры была величайшей Компанией, и все ее действия были фантастически дорогостоящими. Они не могут позволить, чтобы бизнес на солнечных камнях прекратился или остался бы на этом уровне.

— Этот камень из новых? — спросил он, положив красный светящийся шар на горячий стол.

— Да, мистер Грег. Мы купили его полтора месяца на-

зад, незадолго до суда, — Грегю поморщился; день, когда Пэндервис своим молотком разбил Компанию, мог стать первым днем Нового года на Заратуштре. — Он был куплен, — добавил Эванс, — у Джека Хеллоуэя.

Глава 2

Включив новый блестящий стеномнемфон, Джек Хеллоуэй раскурил трубку и откинулся на спинку кресла. Он осмотрел то, что было его гостиной, прежде чем стало конторой Специального уполномоченного по местным делам на Колониальной планете класса Четыре, Заратуштре. Раньше это была хорошая комната. Здесь было место, где человек мог отдохнуть или развлечь редких гостей, которые приходили из далекой пустыни. Деревянный пол был застлан ковром, сшитым из шкур животных, которых застрелил Джек, глубокие кресла и диван тоже были покрыты шкурами. Большой рабочий стол он сделал себе сам. На нем стояли информационный экран и металлический ящик с библиотекой микрокниг. Оружейная пирамида отбрасывала мягкие отблески от полированных стволов и затворов стоявшего на ней оружия.

И во что это теперь превратилось !

Два дополнительных видеоэкрана и экран связи, теле-тайп — все это приютилось в углу. Импровизированный стол, который был завален планами, бланками и синими штемпелями, а также всевозможными другими предметами, эти вращающиеся красные стулья — он ненавидел больше всего.

Сорок лет назад он оставил Землю, страстно желая больше не сидеть на подобных стульях, а здесь, на закате жизни — назовем это временем второго коктейля — он снова попал в ловушку.

Теперь это не было его комнатой. Через открытую дверь он мог слышать, что происходит снаружи. Стук топоров, завывание электропил — он решил убрать все большие деревья с перистыми листьями вокруг дома. Хлопнул карабин центрального боя, гремел и хрюкал бульдозер. Послышался крик предупреждения, за которым последовал грохот падающего дерева и многоголосый поток богохульства. Он надеялся, что никого из Пушистиков не было поблизости и никто из них не пострадал.

Кто-то осторожно потянул его за брючину, и тоненький голосок сказал:

— Уиик?

Джек поднял руку, включил ультразвуковой слуховой ап-

парат и надел наушники. Он сразу же услышал звуки, которые раньше ему были не слышны, и голос сказал:

— Папии Джек?

Он взглянул на аборигена Заратуштры, чьими делами он был уполномочен управлять. Это было двуногое, двух футов росту существо с широко расставленными глазами. Его тело покрывал мягкий золотистый мех. На плече у него висел зеленый парусиновый мешочек, а на шее двухдюймовый серебристый диск с надписью «Маленький Пушистик». Ниже, более мелкими буквами, было написано: «Джек Хеллоуэй, долина "Холодный залив", континент Бета». И номер — 1. Это был первый абориген Заратуштры, которого увидел человек Земли.

Джек протянул руку и погладил голову своего маленького друга.

— Привет, Маленький Пушистик. Ты решил навестить папочку Джека?

Маленький Пушистик показал на открытую дверь. Пять Пушистиков робко заглядывали в комнату и переговаривались между собой.

— Пушистики не бояца Ду-Биззо, Ду-Митто затхакко, — проинформировал его Маленький Пушистик. — Хиива со си Ду-митто.

Пушистики, которые еще никогда не были здесь раньше, вошли; они хотели остаться. По крайней мере, он думал, что именно это хотел ему сказать Маленький Пушистик. Прошло всего десять дней с тех пор, как он узнал, что Пушистики могут говорить. Он нажал кнопку видеоманитофона — он был подготовлен для преобразования их ультразвуковых голосов в частоты слышимого диапазона.

— Скажи им, — Джек с трудом обходился сотней слов словаря Пушистиков, которые были ему известны. — Папочка Джек — друг. Не обидит. Он хороший для них, дает хорошие вещи.

— Джессо мисок? — спросил Маленький Пушистик. — Джессо лубил-копай? Джессо игуски? Лаци тли?

— Да. Дам мешочки, рубило-копатели и игрушки, — сказал он. — Дам Рацион-три.

Дружественные аборигены, раздача подарков — функция Специального уполномоченного по местным делам. Маленький Пушистик стал рассказывать — это папочка Джек, величайший и мудрейший из всех Больших Существ — Хагга, друг всех людей Гашта, только Большие существа называют Гашта Пушистиками. Он может дать прекрасные вещи. Ми-

сок, в котором можно носить предметы, а руки при этом останутся свободными. Он продемонстрировал свой собственный мешочек. И оружие, такое твердое, что никогда не изнашивается. Он побежал к груде постельных принадлежностей под оружейной пирамидой и вернулся с шестидюймовым лезвием, прикрепленным к двенадцатидюймовому древку. Папочка Джек может дать «хукси-фуссо», прекрасную пищу, «лаци-тли».

Поднявшись, он пошел туда, где прежде была кухня, пока не превратилась в кладовку. Там было множество рубило-копателей — он сделал пару сотен, прежде чем покинуть Мэллори-Порт. Мешков было мало. Это были инструментальные сумки и сумки под магазины с патронами для карабинов и автоматических винтовок. Они были либо черные, военного флота, либо зеленые — десантного корпуса. Все они были снабжены заплочными ремнями. Он повесил на руку пять штук, открыл шкаф и достал две прямоугольных консервных банки, на которых было написано: «Неприкосновенный запас, полевой рацион, внеземное обслуживание, тип три». Все Пушистики были помешаны на Рационе-три. Это доказывало, что хотя они и разумные существа, но не люди. Только совсем умирающий от голода человек может есть эту проклятую смесь.

Вернувшись, он увидел, что вновь прибывшие окружили Маленького Пушистика и рассматривали его стальное оружие, сравнивая с веслообразными деревянными палками, которые они сделали для себя. Несколько раз он разобрал слово «затки».

Это было важное слово в жизни Пушистиков. Так они называли больших псевдоракообразных, которых земляне окрестили сухопутными креветками. Пушистики жадно охотились на затки и до тех пор, пока не попробовали Рацион-три, предпочитали их любой другой пище. Если бы затки не заполнили эту местность, Пушистики остались бы в не изученной части континента Бета, и могли пройти годы, прежде чем какой-нибудь землянин натолкнулся бы на них.

Некоторые земляне, особенно Виктор Гrego, руководитель Компании Заратуштра, хотели бы, чтобы Пушистиков вообще не открыли. Заратуштра была зарегистрирована как необитаемая планета класса Четыре. Кроме землян, на планете больше не было ни одной разумной расы. Благодаря этому недоразумению Компания Заратуштры получила привилегии на ее колонизацию и эксплуатацию и стала единолично владеть планетой и одной из ее лун — Дариусом. Другая луна,

Ксеркс, была оставлена для Федеративной военной базы. Это было благоразумно, потому что Заратуштра после открытия Пушистиков превратилась в населенную планету класса чети́ре.

Присутствующие здесь представители местного населения выжидающе смотрели, как Джек открыл одну из банок и rozdal кекс цвета имбирного пряника, разрезав его на шесть равных частей. Вновь прибывшая пятерка обнюхивала свои порции и ждала, когда Маленький Пушистик начнет есть. Затем, предварительно попробовав несколько крошек, они с жадностью набросились на еду, издавая звуки восторга битком набитыми ртами.

Сначала Джек только подозревал, что это не просто умные маленькие животные, а люди, разумные существа, подобные ему самому и другим разумным расам, открытым землянами с тех пор, как они вышли на звездные пути. Затем их увидел Беннет Рейнсфорд, тогда еще простой натуралист из института Ксенобиологии, и согласился с Джеком, назвав этот вид «Пушистик Пушистый Хеллоуэя». Оба они были возбуждены и гордились своим открытием. Им даже в голову не приходило, что Пушистики лишат Компанию Заратуштры всех ее прав до тех пор, пока это не стало очевидным.

Виктор Грего думал об этом. Используя все возможности Компании, он отчаянно сражался, предотвращая признание Пушистиков разумными существами. Сражение закончилось в суде. Джек Хеллоуэй обвинялся в убийстве вооруженного бандита Компании, а против должностного лица Компании Леонарда Келлога было выдвинуто подобное же обвинение за избиение до смерти Пушистика, называемого Златовлаской. Оба случая разбирались в суде как один, и решение зависело от вопроса разумности Пушистиков. Дело было озаглавлено: «Колонисты Заратуштры против Хеллоуэя и Келлога». Гус Бранхард, адвокат Джека, хотел назвать его: «Друзья Маленького Пушистика против Привилегированной Компании Заратуштры».

Маленький Пушистик и его друзья победили. Когда Пушистиков признали разумными, права Компании вылетели в трубу. То же самое произошло со старым колониальным правительством. Заратуштра осталась без законного правительства. Космический командор Напьер, комендант базы на Ксерксе, был вынужден объявить военное положение и учредить новое правительство. Губернатором был назначен Беннет Рейнсфорд.

Как вы полагаете, кого Бен Рейнсфорд мог назначить Специальным уполномоченным по местным делам? Конечно, того, кто заварил эту кашу с Пушистикками.

Вновь прибывшие доели Рацион-три и разобрали свои заплечные мешки и стальные рубила-копатели. Они уравнивали оружие и стали размахивать им, как бы обезглавливая воображаемых сухопутных креветок. Джек открыл вторую банку Рациона-три и разделил ее. Теперь Пушистики, словно оценивая пищу, откусывали маленькие кусочки. Маленький Пушистик подобрал пустые банки и бросил их в мусорную корзину.

— Как вы попали в это место? — спросил Джек, когда Маленький Пушистик снова присоединился к ним.

Все они заговорили одновременно, и с помощью Маленького Пушистика он получил представление об этом. Они слышали странный шум, подошли к опушке леса и увидели странные вещи. Но Пушистики были людьми, они исследовали все, даже если это было страшным. Затем они увидели других людей: хагга-гашта, больших людей, и шимош-гашта, людей, подобных им.

По ходу дела Маленький Пушистик корректировал разговор. Хагга-гашта то же, что просто хагга, Большое существо, а ши-мош-гашта — это Пушистики. Почему гашта называют Пушистикками? Потому что так сказал папочка Джек, вот почему. Это, казалось, разрешило вопрос.

— Но зачем вы пришли в это место? Вы пришли из другого места, издалека. Почему вы пришли сюда?

Маленький Пушистик объяснил то, что он имел в виду, и вновь пришедшие сказали:

— Скажи, что здесь есть много-много затки. Мы шли много света и тьмы. Много-много.

Пользуясь пальцами одной руки, Пушистики могли считать до пяти. Другая рука использовалась для того, чтобы считать пальцы на правой. Они могли считать и в составных частях — рука и рука. Затем шло число «много», а в завершение «много-много». В процессе изучения Пушистиков кто-нибудь, возможно, предложит посмотреть, что будут делать Пушистики, если им дать счесть.

Вероятно, три месяца назад эта группа слышала, что местность к югу изобилует затки, и они решили проверить это. Маленький Пушистик и его семья были в авангарде; натиск прибывающих был еще большим. Джек попытался выяснить,

откуда они узнали об этом. Пушистики сказали, что это было так же, как об этом узнал он сам.

Во всяком случае, они прошли через северный проход, спустились в Долину холодного ручья и оказались здесь. Они подошли к опушке леса, заметили деятельность в лагере и, заметив других Пушистиков, решили, что здесь им опасаться нечего.

— Много вещей вредит! — незамедлительно и неистово опроверг их заявление Маленький Пушистик. — Нужно все время смотреть. Не ходить впереди вещей, что двигаются. Не ходить под вещами, что идут над землей. Не касаться чужих вещей. Спросите Большое существо, что может быть опасным. Хагга стараются не причинять вреда Пушистикам, Пушистики должны помогать.

Он продолжал подробный инструктаж. Вновь прибывшие обменивались боязливыми взглядами и тихими замечаниями. В конце концов Маленький Пушистик взял свой рубило-копатель и поднялся.

— Биззо, — сказал он. — Аки-покоссо.

«Идемте, я покажу вам». Джек понял это довольно легко.

— Во-первых, покажи им место полицейских, — посоветовал он. — Сделайте отпечатки пальцев и получите яркие вещи на шею.

— Холосо, — согласился Маленький Пушистик. — Идем полис, сделаем петятки пацев, полуцим или-диско.

Вновь прибывшие пропустили вперед Маленького Пушистика и, словно туристы, следующие за гидом, толпой вышли вслед за ним. Джек проследил, как они пересекли открытое место перед домом и свернули влево, к мосту через маленький ручей. Затем он вернулся к столу и, набрав комбинацию, вызвал мастерскую на Красном Холме, чтобы заказать заплечные мешки.

— Может быть, завтра, мистер Хеллоуэй. Мы делаем все, что можем, — был ответ.

Сделав видеозвуквую запись о приобретении Рационатри, он стал что-то зарисовывать и небрежно записывать в схеме действия Специального уполномоченного по местным делам.

— Привет, Джек. Появилась еще одна банда?

Он поднял голову. В дверь вошел приземистый человек с квадратным лицом. С его берета было что-то удалено, и остался светлый овал. По воротнику кителя было видно, что единственная майорская звездочка была прикреплена недавно, совсем недавно, вместо шпалер лейтенанта. На его левой

руке была повязка с буквами ТЗСЗ. Другими словами, на нем был голубой мундир Колониального полицейского.

— Привет, Джордж. Входи, отдыхай. По тебе видно, что ты здорово устал.

Майор Джордж Лант, комендант туземных защитных сил Заратуштры, устало согласился, снял берет, портупею с пистолетом и положил все это на стол. Оглядевшись вокруг, он подошел к стулу, убрал с него раскрытые книги и смахнул на пол какие-то бумаги.

Расстегнув куртку, он сел и достал сигарету.

— В служебке сейчас все вверх дном, — доложил он. — Они ждут грузовую шаланду, чтобы настлать полы.

— Я интересовался этим час назад. Они прибудут сегодня вечером. Завтра к этому времени, когда вывезут весь хлам, это место снова превратится в нормальное жилище. Сколько человек прибыли на боте после полудня?

— Три. Они только сегодня завербовались на службу, и никто больше к вербовщикам не идет. Капитан Насагара сказал, что временно одолжит нам пятьдесят десантников и немного транспорта. Сколько у нас сейчас Пушистиков, если считать и новую группу?

Джек подсчитал в уме. Его собственная семья: Маленький Пушистик, Мамочка, Малыш, Майк, Майзи, Ко-Ко, Зо-лушка; Пушистики Джорджа Ланта: Живодер, Заморыш, Поедающий Капусту, Колымага Бордена и Бедовая Бабенка; десять, которых они обнаружили в лагере, вернувшись из Мэллори-Порта после суда; шесть пришли позавчера, вчера — тоже шесть — четыре утром и два вечером. И теперь эта банда.

— Если считать Малыша, тридцать восемь. Уже довольно много, — заметил он.

— Это еще немного, — возразил Лант. — Патрули, которых мы посылали к северу, видели многих идущих сюда. Через неделю их здесь будет пара сотен.

— Если Пушистики, которые появились здесь первыми, почувствуют угрозу перенаселения, хорошие новые рубило-копали могут обогреться кровью, — проговорил Джек и спросил: — У вас есть тактический план действий на случай восстания аборигенов?

— Я подумаю об этом. Знаете, мы можем избавиться от большинства из них, — сказал Лант. — Надо объявить в одной из телепередач, что у нас больше Пушистиков, чем нам надо, и мы можем раздать их.

Во всяком случае, они могут так сделать. Судебное разби-

рательство сделало такую рекламу, что все прямо помешались на Пушистиках. Каждый хотел иметь собственного Пушистика, а где имеется спрос, там появляются люди, удовлетворяющие этот спрос, безразлично каким путем, законным или нет. Пока эти удивительные леса еще не были заполнены людьми, отлавливающими Пушистиков на продажу. А может, уже были?

Но многим людям нельзя разрешать держать Пушистиков. Садистам и извращенцам, тем, кто хотел иметь Пушистиков только потому, что у Джонсов они были. Тем, кто может через некоторое время попасть под суд. Тем, кто слишком глуп или слабоумен, что не может понять, что Пушистики тоже люди, а не просто домашние животные. Они должны установить квалифицированную систему усыновления Пушистиков.

Он думал пригласить для этого Рут Ортерис, но теперь она стала Рут ван Рибик и вместе с мужем хотела здесь, в лагере, разработать программу изучения Пушистиков. В Пушистиках было еще очень много неизвестного, а Джек хотел точно знать, что для них полезно и хорошо, а что — нет.

Он взглянул на часы — девять тридцать пять. В Мэллори-Порте было шесть тридцать пять. После ленча он вызовет ее и узнает, когда она сможет сюда прибыть.

Глава 3

Рут ван Рибик следовало бы быть возбужденной и счастливой, говорила она себе. Пять дней назад она одновременно ушла в отставку из Военного флота и из девичества. Она освободилась от Разведки Военного флота, которая являлась сосредоточением обмана и подозрений. Она вышла замуж за Герда, и теперь ей предстояло заняться новой наукой: изучением новой расы разумных существ. Да, ведь за пять столетий, которые прошли с тех пор, как первые межзвездные корабли землян покинули Солнечную Систему, это случалось только девять раз. Крошечное пятнышко того, что они знали о Пушистиках, было окружено спорами, сумерками предположений, которые в большинстве своем были ошибочными. А за всем этим тьма неведения, полная странностей и неожиданностей. Она была в самом начале изучения и должна была победить. Это был великолепный случай.

Но, черт побери, стоит ли тратить на это медовый месяц?

Когда они с Гердом поженились, все было так прекрасно! Они могли провести в городе целую неделю: счастливо жить

вместе, строить планы и приобретать вещи для их нового дома. Затем они могли бы вернуться на континент Бета. Герд вместе с Джеком Хеллоуэем работал бы на прииске солнечных камней, а она следила бы за домом. Они могли бы быть счастливы, живя в лесу со своими четырьмя Пушистиками — Идеей, Комплексом, Синдромом и Суперэгоистом.

Медовый месяц как таковой продолжался всего одну ночь. На следующее утро, прежде чем они успели позавтракать, Джек Хеллоуэй вызвал ее по экрану связи. Космический коммодор Напьер назначил Бена Рейнсфорда губернатором. Бен немедленно назначил Джека Специальным уполномоченным по местным делам. Теперь Джек назначил Герда главой Бюро научных исследований, не сомневаясь, что Герд примет это предложение. Герд принял его, не сомневаясь, что Рут согласится с ним. И после небольшого сопротивления она согласилась.

Кто же виноват в том, что случилось? Пушестики, конечно, не виноваты. Они не требовали суда, чтобы причислить себя к разумным. Пушестики просто хотели иметь всякие забавные вещи. А вот они отвечают перед Пушистиками за все, что может случиться в будущем. Они все: Бен Рейнсфорд, Джек Хеллоуэй, она, Герд и Панчо Убарра. А теперь еще и Лина Эндрюс. Через открытую дверь на балкон она услышала полушутливый, полусерьезный голос Лины:

— Ах вы, маленькие черти! Отдайте назад! Ду биззо, соджоссо-ки!

Суперэгоист влетел в комнату с зажженной сигаретой. Идея и Синдром преследовали его. Рут вложила в ухо капсуль и включила слуховой аппарат, в миллионный раз жалея, что Пушестики не говорят по-человечески. Идея шумно требовала вернуть сигарету и пыталась отнять ее у Суперэгоиста. Тот оттолкнул ее свободной рукой, быстро затянулся и передал сигарету Синдрому, который тоже начал поспешно затягиваться. Идея схватилась с Синдромом, затем увидела, что Рут курит, и взобралась к ней на колени.

— Мамми Вууф! Джоссо-аки-кулить, — умоляющим голосом сказала она.

Лина Эндрюс, стройная блондинка, вошла в комнату. Провод от слухового аппарата болтался из-под зеленой ленты, опоясывающей ее голову. На ее руках извивался Комплекс, который жаловался, что тетушка Лина не дает ему «кулить».

— Это единственное земное слово, которое они подхватили без всяких затруднений, — прокомментировала она.

— Дайте ему сигарету! — с научной осторожностью добавила она. Кажется, это им не вредит.

Рут знала, что скажет Лина. Она перешла, вернее, вынуждена была перейти из общей больницы Мэллори-Порта, потому что считали, что у доктора медицины меньше дел, чем у нее или у Панчо Убарры. Лина была педиатром. Ее выбрали потому, что Пушистики были размером с годовалого ребенка-землянина, и, кроме того, педиатр, как и ветеринар, способен добиться успеха при минимуме помощи от пациента. Она не совсем удачно провела эту аналогию и приравнивала Пушистиков к человеческим детям. Годовалому ребенку нельзя курить, значит, Пушистикам тоже, хотя в противоположность ребенку-землянину, Пушистику могло быть все пятьдесят.

Рут дала Идее свою сигарету.

Лина, отбросив все свои лучшие побуждения, села на диван и прикурила еще одну сигарету для Комплекса, другую для себя, а затем третью для Суперэгоиста. Теперь все Пушистики «кулили». Синдром подбежал к низкому журнальному столику и вернулся с пепельницей, которую поставил на пол. Остальные, кроме Идеи, оставшейся на коленях «мамми Ву-уф», уселись вокруг нее.

— Лина, они не сделают того, что может повредить им, — доказывала Рут. — Например, алкоголь.

Лина согласилась. Пушистики могли взять выпивку и сделать то, что делали Большие существа. Малейшее количество алкоголя действовало на Пушистиков, а потом было чудовищное похмелье, и никто из них не решался выпить во второй раз. Это она обнаружила, работая с Эрнстом Мейлином, психологом Компании. Она тогда перехитрила его и Компанию в пользу Военной разведки.

— Ну, некоторые из них не «кулят».

— Некоторые люди тоже не курят. У некоторых людей на это аллергия. А какого рода аллергия может быть у Пушистиков? Вот это вы и должны обнаружить.

Рут посадила Идею на стол, взяла карандаш, открыла блокнот и написала какое-то слово в верхней части чистой страницы. Идея взяла другой карандаш и начала рисовать в блокноте цепочку маленьких кружочков.

В передней открылась дверь, послышался голос Панча Убарры и смех ее мужа. Тройка, сидевшая на полу, бросила свои сигареты в пепельницу, вскочила на ноги и, крича: «Паппи Геэд! Паппи Панко!», бросилась им навстречу. Идея положила карандаш, спрыгнула с колен Рут и побежала за

ними. Через несколько мгновений они вернулись. На голове Синдрома была фуражка офицера Военного флота. Он придерживал ее обеими руками и выглядывал из-под козырька. Следом за ним шла Идея в большом сером сомбреро. Комплекс и Суперэгоист вместе тащили объемистый портфель. Герд и Панчо вошли последними. Костюм Герда, только утром отутюженный, уже был мятым, но психолог Военного флота был сверхъестественно опрятен. Рут поднялась, поприветствовала их и поцеловала Герда. Панчо подошел к дивану и сел рядом с Линой.

— Ну, что новенького? — спросил Герд.

— Час назад меня вызвал Джек. Они установили лабораторию и завезли для нее все оборудование. А еще они поставили для нас маленький одноэтажный домик. Джек показал мне его вид — довольно мило. Нам осталось только собрать вещи. Когда мы начнем собираться?

— Вечером, если хотим к ночи выбраться отсюда, — сказал Герд. — Или завтра после ленча, если хотим приятно провести время. Бен Рейнсфорд пригласил нас сегодня вечером.

Лина проголосовала за завтра.

— А как дела с госпиталем? — спросила она.

— Они без возражений дадут нам все, что мы попросим, — сказал Герд. — Удивительно, но Научный Центр тоже.

— А я не удивляюсь, — сказал Панчо. — О новом правительстве ходит много сплетен. Но через пару недель мы станем их хозяевами. Как насчет ленча: пойдем сами или пошлем за ним?

— Давайте пошлем, — сказала Рут. — Мы составили список необходимого оборудования, а вы подскажете, если мы что-то упустили.

Панчо достал пачку сигарет, которая оказалась пустой.

— Эй, Лина! Со-джоссо-аки-кулить, — сказал он.

Ладно, это может быть медовым месяцем, правда, сумбурным, но забавным. К тому же Панчо и Лина начали интересоваться друг другом. Рут была довольна этим.

* * *

Главный судья Фредерик Пэндервис оперся локтями на стол и рассматривал троих облаченных в черное адвокатов, занятых в деле «Джон Доу, Ричард Роу и прочие, не объединенное добровольное общество против колониального правительства Заратуштры».

Первый, со стороны обвиняемого, был великаном. В нем

было более шести футов роста и более двухсот фунтов веса. Его лицо с огромным носом скрывалось под пушистой бородой. Непокорная копна рыжих с проседью волос наводила на неуместную мысль о нимбе. Это был Густавус Адольфус Бранхард. До суда над Пушистиками он был известен главным образом способностью оправдывать явно виновных клиентов, удалю в большой игре и умением без видимого эффекта поглощать огромное количество виски. Пять дней назад он был назначен главным прокурором колонии Заратуштры.

Человек, стоящий возле него, мог бы показаться высоким, если бы он стоял рядом с кем-нибудь другим. Он был строен и элегантен. Тонкие аристократические черты его лица имели обычное полусерьезное, полунасмешливое выражение, словно жизнь для него была надоевшей шуткой, которую он слышал уже много раз. Это был Лесли Кумбес, главный адвокат Компании Заратуштры. Встав возле Бранхарда, он как бы давал понять, что поддерживает своего бывшего противника в деле «Люди против Хеллоуэя и Келлога».

Со стороны истцов, был Хьюго Ингерманн. Судья Пэндервис пытался решительно подавить предубеждение против этого клиента. По его сведениям, по крайней мере семь раз за последние шесть лет Ингерманн представлял не совсем честных и порядочных людей. Возможно, это было восьмым случаем. Конечно, он являлся членом Адвокатуры только потому, что не было достаточных доказательств, дающих возможность лишить его прав адвоката, но тем не менее, он имел право стоять здесь и слушать.

— Вы требуете, чтобы колониальное правительство предоставило земли в общественное владение для поселения и использования их, а также учредило бы ведомство для регистрации исков на землю? — спросил он.

— Да, ваша честь. Я представляю истцов, — сказал Ингерманн. Он был ниже двух других адвокатов, полный с гладким розовощеким лицом и начинающей лысеть головой. В его круглых голубых глазах, которые могли обмануть любого, кто не слышал о нем, было выражение полной и абсолютной искренности. Не считая нужным поворачиваться к Бранхарду, он не сводил глаз с Пэндервиса.

— Я представляю Колониальное правительство, ваша честь. Мы оспариваем действия истцов.

— И вы, мистер Кумбес?

— Я представляю не привилегированную Компанию За-

ратуштры, — ответил Кумбес. — Мы не сторонники подобных действий. А здесь я просто как наблюдатель.

— Вы говорите — не привилегированную, мистер Кумбес?.. Что ж, Компания Заратуштры имеет право прислать сюда своего представителя, у нее существенный интерес к этому делу. Интересно, чья это идея назвать Компанию не привилегированной. Это звучит именно вс стиле висельного юмора Виктора Грегго. Мистер Ингерманн?

— Ваша честь, истцы, которых я представляю, считают, что в силу недавнего постановления почтенного Верховного суда примерно восемьдесят процентов земли этой планеты стали общественными владениями. Колониальное правительство обязано отдать эту землю в распоряжение народа. Это, ваша честь, явно констатировано в Федеральном законе...

Он начал цитировать законы, параграфы, части и прецеденты с решениями Федеративного суда на других планетах. Он говорил только для протокола; все это вкратце было внесено в иск.

— Мистер Ингерманн, суд знает закон и не делает из него никаких исключений, — сказал Пэндервис. — Правительство оспаривает это, мистер Бранхард?

— Не совсем, ваша честь. Губернатор Рейнсфорд сам хочет перевести не заселенные земли в частную собственность...

— Да, но когда? — спросил Ингерманн. — Сколько еще губернатор Рейнсфорд будет тянуть время?

— Я прошу мистера Ингерманна справедливо охарактеризовать ситуацию, — запротестовал Бранхард. — Хочу напомнить, что неделю назад на этой планете вообще не было никаких общественных земель.

— И клиенты мистера Ингерманна сразу же возбудили соответствующее дело, — добавил Кумбес. — И я могу предположить, кто эти господа Доу и Роу. Имена не существуют, но...

— Ваша честь, моим клиентом является ассоциация личностей, заинтересованных в получении земли, — сказал Ингерманн. — Старатели, лесорубы, фермеры, несколько скотоводов...

— Акулы займа, ростовщики, спекулянты, может быть, даже маклеры, — продолжил Бранхард.

— Это обыкновенные люди планеты! — возразил Ингерманн. — Рабочие, честные фермеры, — все, кого Компания Заратуштры держала в кабале, пока они не освободились бла-

годаря великому историческому решению, которое носит имя вашей чести.

— Одну минуту, — Кумбес почти растягивал слова. — Ваша честь, слово «кабала» имеет специфическое значение в законе. Я вынужден решительно отрицать, что это слово можно употребить для описания отношений между Компанией Заратуштры и любым человеком этой планеты.

— Слово подобрано неверно, мистер Ингерманн. Это должно быть вычеркнуто из протокола.

— Мы все еще не выяснили, кто является клиентами мистера Ингерманна, ваша честь, — сказал Бранхард. — Могу ли я спросить у мистера Ингерманна их имена?

Ингерманн вздрогнул и непроизвольно взглянул на стоящий посредине тяжелый стул с прикрепленными к нему электродами, металлическим шлемом и полупрозрачным шаром, закрепленным на стойке. Затем он стал шумно протестовать. До сих пор Хьюго Ингерманн ухитрялся избегать давать показания под детектором лжи. Это было возможно, потому что он еще был членом Адвокатуры, а не осужденным.

— Нет, мистер Бранхард, — сказал Пэндервис с неподдельной печалью. — Мистера Ингерманна нельзя заставлять разглашать имена его клиентов. Мистер Ингерманн может сделать это только по собственной воле. Удовлетворимся его глубокой любовью к правосудию и хорошо известным усердием, направленным на благо народа.

Бранхард пожал плечами. Никто не может обвинить его, что он не пытался что-либо выяснить.

— Ваша честь, — сказал Кумбес, — мы согласны, что правительство должно это сделать, но разве мистеру Ингерманну или суду неизвестно, что настоящее правительство просто установлено военной властью? Коммодор Напьер действовал так, как должен был действовать офицер Вооруженных сил Федерации Земли. Он назначил гражданское правительство, заменившее прежнее, объявленное незаконным вашей честью. До тех пор, пока народом не будет выбрана колониальная законодательная власть, могут возникнуть серьезные сомнения в законности некоторых действий губернатора Рейнсфорда, особенно в земельном вопросе. Ваша честь, разве мы хотим, чтобы спустя год суды были завалены делами о земельных участках?

— Именно такова позиция правительства, — согласился Бранхард. — Мы хотим провести эти выборы в течение года. Сделав это, мы сможем выбрать делегатов на конституцион-

ную конвенцию и принять всепланетную конституцию. На это уйдет шесть-восемь месяцев. Пока это не будет сделано, мы просим суд воздержаться от решения по этим вопросам.

— Это вполне разумно, мистер Бранхард. Суд признает законность иска, но не требует никакой срочности в исполнении. Если в течение года правительство откроет общественные земли и учредит земельную службу, суд будет вполне удовлетворен, — он легонько стукнул молотком. — Следующее дело, — сказал он секретарю.

— Теперь я вижу! — почти закричал Ингерманн. — Компания Заратуштры продолжает править, а суд смотрит на это сквозь пальцы.

Судья ударил молотком. Звук хлестнул, словно винтовочный выстрел.

— Мистер Ингерманн! Вы специально навлекаете на себя обвинение в неуважении к суду? — спросил он. — Нет? Я надеюсь. Следующее дело, пожалуйста.

* * *

Со словами рассеянной благодарности Лесли Кумбес взял коктейль, попробовал его и поставил на столик. На садовой террасе особняка Виктора Грегго, расположенного на крыше дома Компании, было прохладно и спокойно. Большой пожар уходящего солнца окрашивал небо на западе в красные, оранжевые и желтые цвета.

— Нет, Виктор, Гус Бранхард не друг нам, но и не враг. Как генеральный прокурор он законник Бена Рейнсфорда и правительства — сейчас в этом нет разницы, а Бен Рейнсфорд ненавидит нас.

Виктор Грегго поднял глаза от бокала, куда он наливал себе коктейль. На черных волосах в зареве заходящего солнца просматривалась седина. У него было лицо с широкими скулами и большим ртом. Перед судом Пушистиков в его волосах не было никакой седины.

— Но почему? — спросил он. — Я не понимаю. Они добились признания разумности Пушистиков; это все, что их интересовало? Или нет?

Грегго вполне честный человек, думал Кумбес. Он просто не способен злиться на что-то, что уже сделано.

— Это все, что интересовало Джека Хеллоуэя и Герда ван Рибика. Бранхард был их адвокатом, и ему было тяжело. Но Рейнсфорд принимал в этом личное участие. Пушистики были его открытием, великим открытием, а мы пытались диск-

редитировать его. Это ассоциировало нас с Вредными парнями. Как известно, в конце концов Вредные парни либо все бывают убиты, либо отправлены в тюрьму.

Грего отставил графин и поднял стакан.

— Мы еще не подошли к последней главе, — сказал он. — И больше я не хочу никаких сражений, мы еще не зализали раны от последнего. Но если Бен Рейнсфорд хочет этого, я не отступлю. Вы знаете, мы можем устроить ему кое-какие гадости, — он сделал маленький глоток и опустил стакан. — Это, так называемое, правительство нарушает закон. Вы знаете в чем, или нет? В течение шести или восьми месяцев, пока не организован Колониальный законодательный орган, он не может собирать налоги; это функция законодателей. Значит, он будет занимать, а занять он сможет только в банке, который мы контролируем.

Это была слабость Виктора. Если кто-нибудь задевал его, он инстинктивно отвечал ударом. Впервые услышал о Пушистиках, он также стал действовать, следуя этому инстинкту.

— Хорошо, только не надо воевать с мельницами, — посоветовал Кумбес. — Гус Бранхард и Алекс Напьер просили Рейнсфорда не преследовать нас за то, что мы сделали перед судом, и убедили, что он вызовет крушение планетной экономики, если по ошибке повредит Компании. У нас осталась одна неприятность: мы не можем позволить себе иметь губернатора-банкрота. Одолжите ему деньги, в которых он нуждается.

— А затем обложить его налогом, чтобы вернуть их?

— Нет, если мы получим контроль над Законодательной властью и сами напишем Закон о налогах. Это политическое сражение, и надо драться политическим оружием.

— Вы хотите образовать партию Компании Заратуштры? — улыбнулся Грего. — Вы имеете представление о том, как непопулярна сейчас Компания?

— Нет, нет. Пусть горожане и избиратели сами организуют партии. Мы выберем лучшую и поддержим ее. Будем надеяться, что пока будет политической организацией.

Грего улыбнулся из-за стакана и глотнул коктейль.

— Да, Лесли. Думаю, мне не надо вас учить, что делать. Вы знаете это лучше меня. Можете вы сказать, кто мог бы возглавить партию? Он вообще не должен ассоциироваться с Компанией. Во всяком случае, народ не должен видеть этой связи.

Лесли назвал несколько имен — независимых бизнесме-

нов, плантаторов, профессиональных политиков, священников. После каждого названного имени Гrego одобрительно кивал.

— Хьюго Ингерманн, — сказал он.

— Боже мой! — сначала Кумбес решил, что ослышался, а затем возмутился. — Мы ни в коем случае не должны привлекать этого человека. В Мэллори-Порте нет ни одного преступления, авантюры или просто нечестной операции, где бы он не был замешан. Я рассказывал вам, что он говорил сегодня в суде.

Гrego снова кивнул.

— Совершенно верно. Мы не будем вести с ним дела. Пусть Хьюго идет своим вонючим путем, мы используем скандалы, которые он сотворит. Вы говорили, Рейнсфорд предпочитает термины «хорошие ребята» и «вредные парни»? Хорошо, Хьюго Ингерманн — наихудший вредный парень на планете, а если Рейнсфорд не знает этого, то, вероятно, Гус подскажет ему.

* * *

Едва Гус Бранхард вступил на газон с южной стороны дома губернатора, два Пушистика бросились к нему. Это были Флора и Фауна. Он остановился и вспомнил, что хотя их имена были женскими, только Флора была самкой, а Фауна — самец. Бен был натуралистом, и этим все объяснялось. Если бы Гус имел пару собственных Пушистиков, он назвал бы их Преступление и Проступок. Он включил слуховой аппарат и присел на корточки.

— Привет, разумные существа. Только держите ваши руки подальше от бакенбардов дядюшки Гуса, — он поднял глаза и увидел приближающегося невысокого человека с рыжей бородой. — Привет, Бен. Они не трогают вашу бороду?

— Иногда. Да меня и не за что дергать. Вы для них более забавны. Джек Хеллоуэй говорит, что они думают, будто вы большой Пушистик.

Пушистики показывали на конец газона, шумно звали Гуса, просили идти и посмотреть на что-то. О, конечно, — их новый дом. Держу пари, нет ни одного Пушистика, имеющего дом лучше, чем у них. О'кей, детки. Биззо.

Новым домом была палатка корпуса Военного флота, установленная на открытой поляне около фонтана. По размерам она больше подходила для двух Пушистиков, чем для двух десантников. Вокруг были разбросаны сокровища

Пушистиков: игрушки и всякий ненужный хлам ярких цветов и странных форм, который они подобрали для себя. Бранхард заметил крепкую игрушечную тачку на колесах и похвалил ее.

— О, да! Мы открыли колесо, — сказал Бен. — Они сегодня объяснили мне его принцип. Объясняли долго и умно, словно я могу стать их преемником, а затем, соблюдая очередь, покатали друг друга. Теперь они используют тачку для сбора добычи. В другой раз, если заметите что-нибудь новенькое, обратите на это внимание. Это им нравится.

— Ну, это прекрасно, — сказал Гус, а затем повторил это на языке Пушистиков. Заметив, как Гус продвинулся в изучении языка, Бен высказал ему комплимент.

— Это проклятая необходимость. Так же, как на Лики, Раимли, Ворс. Пэндервис хочет учредить здесь суд по делам аборигенов. Кое-кто полагает, что в качестве свидетелей мне скоро придется выслушивать Пушистиков.

Он заглянул в палатку. Шерстяные одеяла и подушки были свалены в угол. Пушистики, кажется, так и не научились убирать постель. Постель существовала для того, чтобы спать на ней, и Пушистики не видели необходимости убирать и разбирать ее каждый день. Из кучи всевозможных предметов он взял маленький нож и попробовал лезвие большим пальцем. Флора немедленно крикнула:

— Нозик, дядя Гус! Облезися!

— Черт подери, Бен! Вы слышите, что она говорит? Она говорит на языке землян!

— Правильно. Это первое, чему я научил их, — он немного подождал, а затем что-то сказал Пушистикам. Они, казалось, были разочарованы, но Фауна сказал «О'кей» и полез в палатку. Он вытащил свой заплечный мешок и два рубило-копателя. — Я сказал им, что нам надо поговорить, и чтобы они шли охотиться на сухопутных креветок. Сегодня утром я выпустил для них несколько штук.

Фауна уселся в тачку. Флора встала между ручек, подняла их и толкнула тачку. Пассажир громко закричал. Бен, проследив, как они скрылись в зарослях кустарника, достал трубку и табак.

— Гус, за каким чертом Лесли Кумбес пришел сегодня в суд, и почему он выступил против Ингерманна? — спросил он. — Мне кажется, Ингерманн работает на Гrego. Да. Если что-то случится, то виноват будет Гrego.

— Нет, Бен. Компания, как и мы, не заинтересована в разделе земли. Они не хотят, чтобы вся их рабочая сила рас-

ползлась, как клопы, а это может произойти. Я не знаю, как вбить в вашу голову, что Виктор Грег так же хочет сохранить порядок на планете, как и вы.

— Да, если он использует все возможные средства, то сохранит над этим контроль. Ну, я не позволю ему...

Гус нетерпеливо перебил:

— А Ингерманн? Грег до него еще расти и расти. Вы называли Грег преступником? Возможно, зная о преисподней Мэллори-Порта то, что я знаю как адвокат, вы тоже стали бы считать деревья на континенте Бета или проверять любовь к жизни кустарниковых домовых. Да по сравнению с Хьюго Ингерманном Виктор Грег святой, и его иконы надо развешивать в церквях. Назовите любой рэкет — наркотики, проституция, азартные игры, незаконная торговля драгоценностями, ростовщичество, воровство — все это стоит за спиной Ингерманна. А сегодняшнее дело в суде! За ним стоит шайка разбойников, которые хотят нажиться на спекуляции землей. Вот почему я хотел остановить его, вот почему Грег послал Кумбеса помочь мне. Бен, это первое дело, в котором вы и Грег оказались на одной стороне. А сколько их еще будет?

Рейнсфорд хотел что-то ответить, но прежде, чем он заговорил, от дома донесся голос Герда ван Рибика:

— Есть тут кто-нибудь?

— Никого нет, кроме нас и Пушистиков, — крикнул в ответ Рейнсфорд. — Идите сюда.

Глава 4

Со вздохом облегчения Виктор Грег вошел в гостиную своего особняка, расположенного на крыше дома Компании. Его рука потянулась к выключателю и опустилась: слабого света, льющегося из окна, было достаточно. Он налил себе выпивку и, отдыхая, сел в сумрачной тишине. Тело его устало, но мысли в мозгу мчались с огромной скоростью.

Сняв пиджак и галстук, он положил их на стул. Затем, расстегивая на ходу рубашку, направился к бару. Там он долил стакан, наполовину наполнив его бренди, и пошел к своему любимому креслу, но, немного подумав, вернулся назад и взял бутылку. Для того, чтобы успокоить бешеное кружение в голове, могло понадобиться более одного стакана. Он поставил бутылку на низкий столик возле газона с цветами и сел, пытаясь понять, что же беспокоит его. Ничего важного. Он от-

кинулся назад, закрыл глаза и стал медленно потягивать бренди.

У них были неприятности на континентах Бета и Дельта с пастухами степняков, но, по крайней мере, они знали, что с этим нужно было делать. Надо прекратить все инженерные работы по проекту осушения Большой воды и различные строительные работы, а освободившихся людей перебросить в районы разведения крупного рогатого скота. Это положит конец борьбе с бандами похитителей вельбестов, которые внезапно образовались там. Возможно, если там возникнут какие-нибудь стычки, Ян Фергюсон и его Колониальная Полиция сами займутся этим. Но главное — это сохранить стада и дикие степи. Бен Рейнсфорд — консерватор, поэтому он заинтересован в их защите.

И еще не выработана тактика скупки солнечных камней. В существующей ситуации не хватает информации. С этим надо что-то делать.

Черт с ними. Подумаю об этом завтра.

Он глотнул бренди и, потянувшись к стоящей на столе вазочке, обнаружил, что она пустая. Это его обеспокоило. Когда они с Лесли Кумбесом уходили на обед, она была наполовину наполнена сладостями и лакомствами. То были соленые орехи, вафли, печенье. Или их не было? Может, ему только кажется, что они были? Это обеспокоило его еще больше. К тому же сегодня утром он забыл об инвентаризации солнечных камней. Надо вызвать Эрнста Мейлина, и пусть он проверит его.

Подумав об этом, он безрадостно улыбнулся. Если кто и нуждается в проверке, то это сами психологи Компании. Бедный Эрнст! Его достаточно потрепали на суде, и теперь он, вероятно, думает, что его специально сунули в эту мясорубку.

Конечно, это было не так. Мейлин сделал лучшее, что он мог сделать в невозможной ситуации. Пушистики — разумные существа, и там было все, чтобы доказать это. Мейлин не делал никаких ошибок. Ошибка заключалась в непосредственном подчинении Мейлину доктора Рут Ортерис, которая, как выяснилось на суде, была лейтенантом Военной разведки Федерации. Это она первая рассказала Военной разведке о Пушистиках. Это она тайно вывезла семейство Пушистиков Джека Хеллоуэя из Научного Центра после того, как Лесли Кумбес получил их по поддельному судебному ордеру. Это она настояла устроить живую ловушку из другой семьи Пушистиков и оставила Мейлина не защищенным.

Это была прекрасная работа. Он следил за судом по экрану. Он видел, как бедный Мейлин пытался утверждать, что Пушистики — просто маленькие животные, а красный пылающий шар детектора называл его лжецом каждый раз, как он только открывал рот. Он видел, как Рут Ортерис нанесла полное поражение Компании своими собственными показаниями.

Он должен был ненавидеть ее за это. Но нет, он восхищался ею, как восхищался любым человеком, который отлично делал свою работу, делал ее компетентно. И в то же время он проклинал некоторых людей из своей организации.

Надо бы сделать что-нибудь приятное для Эрнста. Он не может остаться в Научном центре, но его можно повысить в чине. Надо придумать для него работу.

В конце концов он решил, что может идти спать. Он отнес бутылку бренди обратно в бар, подобрал одежду и, войдя в спальню, включил свет.

Взглянув на кровать, он увидел бесформенный клубок золотистого меха, лежащий на подушке. Он выругался. Одна из кукол-Пушистиков, сделанная в натуральную величину, которые появились в продаже после того, как Джек Хеллоуэй открыл Пушистиков. Если это чья-то шутка...

— Уиик?

— А, черт! Он живой! — завопил Виктор. — Это настоящий Пушистик!

Пушистик испугался и некоторое время наблюдал за Виктором, ища пути к спасению.

— Не пугайся, малыш, — успокаивал его Виктор. — Я тебя не обижу. Во всяком случае, как ты сюда попал?

Загадка пустой вазочки теперь была разрешена: лакомства внутри Пушистика. Тем не менее это ставило новый вопрос. Как он сюда попал? Решив, что это шутка, Виктор рассердился. Теперь он сомневался в этом, что беспокоило его еще больше.

Пушистик, осторожно присмотревшись к нему, видимо, решил, что он не враждебен и даже немного дружелюбен. Он поднялся на ноги, пытаясь освободить пневматический матрас, и перекувыркнулся через голову. Затем он немедленно снова вскочил на ноги, дважды подпрыгнул вверх и счастливо уикнул. Виктор поймал его на втором прыжке и сел с ним на кровать.

— Ты голоден, малыш? — В вазе было немного еды даже для Пушистика. К тому же орехи были обильно посолены. — Держу пари, тебя мучит жажда. Как Пушистики Джека Хел-

лоуэя называют его? Папочка Джек. Значит, папочка Вик принесет тебе что-нибудь поесть.

В маленькой кухне пока хозяин искал, чем бы накормить гостя, Пушистик выпил два с половиной стакана воды. Джек Хеллоуэй кормил своих Пушистиков Рационом-три, но у него его нет... А может, и есть.

Виктор вернулся в спальню и открыл шкаф, где хранилось его походное снаряжение: винтовки, спальный мешок, камеры, бинокли и пара стальных прямоугольных ящиков, полных вещей, необходимых в лагерных условиях. Их обычно доставляли на аэрокарах. Он открыл один из них, содержащий столовую утварь, уверенный, что найдет там пару банок Рациона-три.

Пушистик, с интересом наблюдавший за ним, увидел голубую этикетку, возбужденно уиикнул и побежал за Виктором на кухню. Он едва дождался, пока банку откроют. Значит, и прежде кто-то давал ему Рацион-три.

Пока Пушистик ел, Виктор сделал себе сэндвич и сел за стол. Беспокойство не проходило. В доме Компании были только четыре двери на уровне земли, и все они постоянно охранялись. Окна были расположены на высоте шестидесяти футов. Он не стал бы держать пари, но, по всей вероятности, окна не были доступны для Пушистиков, к тому же он сомневался, что они научились водить аэрокар. Следовательно, кто-то привез сюда этого Пушистика. Вопрос «как» отпадает, но возникает три других вопроса: когда, кто и зачем? Зачем — это тревожило его больше всего. Пушистики (ему не надо было напоминать об этом) были людьми и находились под защитой Федерации Земли. Против них могут быть совершены различные преступления. Леонард Келлог мог бы быть казнен за убийство одного из них, если бы не покончил с собой в тюрьме. Но есть еще похищение и порабощение. Может, кто-то пытается ложно обвинить его в этом?

Он включил экран и набрал комбинацию офиса шефа полиции Компании. На экране появился капитан Морган Лански, который от полуночи до шести утра сидел за столом своего шефа Стифера. Как только Лански увидел, кто вызвал его, он выплюнул сигарету, застегнул молнию на куртке и попытался выглядеть бдительным, бодрствующим и занятым делом.

— Мистер Грего! Что случилось?

— Именно это я и хотел узнать у вас, капитан. В моих апартаментах появился Пушистик и я хотел бы знать, как он попал сюда.

— Пушистик? Вы уверены, мистер Грег?

Виктор повернулся и показал своего посетителя, сидящего за столом. Пушистик держал половину кекса Рациона-три. Он увидел Лански, глядящего на него из стены, и изумленно уикнул.

— Каково будет ваше мнение, капитан?

Мнение капитана было таково, что он выругался.

— Как он вошел, мистер Грег?

Чтобы сохранить терпение, Грег мысленно помолился.

— Это как раз то, что я хочу узнать. Начнем. Подумайте, каким образом он мог войти в здание.

— Кто-то, — подумав, ответил капитан, — мог ввезти его на аэрокаре.

— Я сам додумался до этого. Можете вы мне сказать, когда это произошло?

Лански покачал головой. Вдруг ему в голову пришла какая-то мысль.

— О, мистер Грег! Воровство!

— Какое воровство?

— Ну, воровство, воровство и грабеж. Кто-то ограбил кладовку кафетерия, где они хранили всяческие сладости для роботов-продавцов. Первая кража была ночью шестнадцатого... (Три дня назад, отметил Виктор.) Вчера утром, в смену от шести ноль-ноль до двенадцати ноль-ноль пришел первый рапорт. Были еще подобные же случаи. В основном, брали сладости и другие лакомства. Как вы думаете, не дело ли это рук Пушистиков?

Почему бы и нет. Он не видел причины отрицать это. Пушистики были маленькими людьми, способными сделаться очень незаметными, когда им это было нужно. Не обладая этими качествами, они не выжили бы в лесах, тысячи лет увертываясь от гарпий и кустарниковых домовых. В доме Компании было полно мест, где можно спрятаться. Он был построен двенадцать лет назад, через три года после приезда Грега на Заратуштру. Это было огромное здание. Оно не было похоже на небоскребы, воздвигаемые на Земле в течение двух столетий. Оно должно было стать штабом Привилегированной Компании Заратуштры на пару веков. Восемнадцать уровней, шесть-восемь этажей на каждом; больше половины из них пуствовали, многие были не закончены. Привилегированная Компания Заратуштры должна была расширяться.

— Доктор Джименз ловил Пушистиков для доктора Мейлина, — сказал Лански. — Может, это один из них?

Виктор мысленно вздохнул, подумав об этих Пушистиках.

Поймать и отдать их в лабораторию Мейлина — это была самая большая ошибка в этом деле, а то, как они избавились от них — вообще никуда не годилось.

Какой-то лейтенант полиции Мэллори-Порта по своей инициативе раздул историю о десятилетней девочке Лолите Ларкин, которую якобы атаковали Пушистики. А Ник Эммерт полагая, что Пушистики Хеллоуэя в городе, объявил вознаграждение в пять тысяч солей за каждого живого или мертвого Пушистика. Это вызвало истерическую охоту на Пушистиков. Теперь Ник Эммерт, генеральный резидент Компании, обвиненный в должностном преступлении, на эсминце с Ксеркса отправлен на Землю. Это было, когда он и Лесли Кумбес создали шедевр их собственного слабоумия. Они выпустили Пушистиков, изучаемых Мейлином, надеясь, что их расстреляют за вознаграждение Эммерта. Джек Хеллоуэй не знал тогда, что его Пушистики в целости и сохранности находятся на военной базе Ксеркса. Он искал своих Пушистиков, а обнаружил этих. Теперь они живут у Герда и Рут ван Рибик.

Это вернуло Лански к тому, с чего он начал. Он перешел на другую тему.

— Хорошо, мистер Грег, я сейчас пришлю кого-нибудь забрать его.

— Ничего подобного, капитан. Пушистику и здесь неплохо. Я позабочусь о нем. Все, что мне надо, это узнать, как он попал в дом Компании. Только расследуйте это осторожно. и доложите шефу, когда он появится, — он задумался, потом добавил: — Получите для меня ящик Рациона-три. Сделайте это до того, как сдадите смену. Оставьте его в моем доставочном лифте. Завтра утром заберу его.

Пушистик был разочарован, когда Виктор выключил экран. Ему было интересно, куда девался забавный человек в стене. Он вяло доел кусок Рациона-три и не захотел взять еще. Ну и не удивительно: один такой кекс давал человеку возможность заниматься тяжелой физической работой в течение двадцати четырех часов.

Виктор постелил Пушистику постель. А если ему захочется пить? Раковина на кухне была слишком высока и неудобна для Пушистика. Снаружи был еще кран, которым пользовался садовник. Виктор пустил из него небольшую струйку, подставил под нее кастрюлю, а рядом поставил маленькую металлическую чашку. Пушистик заинтересовался этим и оценивающе уикнул. Виктор взял слуховой аппарат, разработанный людьми Военного флота, включил его и услышал язык Пушистиков.

Потом он вспомнил, что Пушистики были почти педантами в своих гигиенических привычках. Вернувшись в дом, он вошел в большую комнату позади кухни, которая служила слугам в качестве чулана, садовнику — в качестве подсобки для хранения семян и инструментов, и все они сваливали в нее всякий ненужный хлам. Сам он давно уже не был здесь. Увидев, что там творится, он отвратительно выругался. Затем он стал осматриваться, отыскивая, что бы Пушистик мог использовать в качестве лопатки. Выбрав крепкую ручку от половника, он взял ее, вынес в сад и выкопал ямку в цветочной клумбе. Черенок он воткнул в землю около ямки. Пушистик понял, для чего эта ямка. Он воспользовался ею, затем засыпал ее и воткнул черенок туда, откуда вытащил. Обнаружив, что Большие существа тоже имеют цивилизованные представления о гигиене, он удовлетворенно сделал какое-то ультразвуковое замечание, воспринимаемое, как уиканье.

Завтра найду ему что-нибудь получше, какую-нибудь миниатюрную лопатку, организую настоящую постель, построю маленький фонтанчик и...

Внезапно ему в голову пришло, что Пушистик может захотеть остаться с ним навсегда. Но захочет ли он сам, чтобы Пушистик жил с ним? Конечно, захочет. Пушистик забавен, но он должен стать для него чем-то большим, чем просто забавой. Пушистик может стать его другом, и его не волнует, являешься ли ты главным руководителем Компании Заратуштры или нет. Люди во всем ищут выгоду, и такого бескорыстно-го друга приобрести трудно.

У Виктора Гrego не было друзей, если не считать Лесли Кумбеса.

Несколько раз в течение ночи он просыпался, когда Пушистик тепло и нежно прикасался к его плечу.

— Нет, друг, я думаю, тебе надо сделать отдельную кровать.

— Уиик?

— О, тебе нравится делить койку с папочкой Виком? Прекрасно.

И они снова уснули.

Глава 5

За завтраком у Виктора был забавный маленький компаньон, сидящий на столе. Пушистик попробовал кофе Гrego, он ему не понравился. Ему нравилось потягивать некоторые фруктовые соки. Затем он откусил Рацион-три и совсем спо-

койно смотрел, как Грегo куpит сигaрeту. Он явно не хотел попробовать сам закурить, вероятно, он уже видел курящих людей, а может быть, и пробовал зажженную сигарету, но либо обжегся, либо поперхнулся дымом.

Грегo долил себе еще кофе и включил экран. Пушистик повернулся к экрану. Это было забавно, там происходили интересные вещи. Пушистик был очарован калейдоскопическим смешением цветов. Затем экран очистился и появилось изображение Мирры Фаллады.

— Доброе утро, мистер Грегo, — начала она, но словно подавилась словами. Она сидела с открытым ртом и выкатившимися глазами, словно только что проглотила стакан стопятидесятиградусного рома, полагая, что это охлажденный чай. Ее рука неуверенно поднялась.

— Мистер Грегo! Это... это Пушистик?!

Пушистик был восхищен. Это было гораздо интереснее, чем человек в голубой форме прошлой ночью.

— Да, он пришел сюда вчера вечером, — интересно, сколько времени ему придется потратить на подобные объяснения? — Из него я сумел вытянуть только уиканье. Я думаю, что он будет большим оригиналом.

Подумав, Мирра решила, что такая уж эта работа. Свято-татственная работа, и мистер Грегo не должен заниматься подобной работой.

— Ладно, а что вы будете делать с этим Пушистиком дальше?

— С ним? Ну, если он захочет остаться, то оставляю его здесь.

— Но... но это же Пушистик!

Компания лишилась своих привилегий из-за Пушистиков. Значит, Пушистики враги и вредные для Компании парни, поэтому Виктор Грегo не должен связываться с ними.

— Мисс Фаллада, за сотни тысяч лет до того, как Компания узнала об этой планете, Пушистики уже были здесь, — теперь он жалел, что не занял эту позицию с самого начала. — Этот Пушистик — очень милый маленький парнишка, который хочет дружить со мной. Если он захочет остаться, я буду очень счастлив. — Он прекратил дальнейшие расспросы о том, что все это значит, и спросил, что произошло за утро.

— Ну, девочки обработали большинство рапортов, поступивших ночью. Когда вы спуститесь, все это будет у вас на столе. А затем...

А затем шла обычная подборка вопросов и предложений. Он думал, что большинство из них уже решено днем раньше.

— Ладно. Оставьте это у меня. Мистер Кумбес вызывал меня?

— Да. Он будет занят весь день. Он повторит вызов около полудня или ближе к вечеру, — все верно, Лесли знает, что делать и как делать. Виктор отключил Мирру и вызвал шефа Стифера.

Гарри Стифер не стал застегивать молнию куртки и не пытался выглядеть бодрым, он уже прошел через все это. Гарри был отставным офицером армии Федерации и в доказательство этого на левой стороне груди носил тройной ряд нашивок.

— Доброе утро, мистер Грегори! — он улыбнулся и кивнул в сторону Пушистика, уставившегося на экран. — Я вижу, правонарушитель еще у вас?

— Постоялец, шеф. Что вы узнали о нем?

— Ну, еще совсем немного. У меня то, что сделал капитан Лански прошлой ночью: он свел в таблицу все рапорты и жалобы на прокатившуюся волну грабежей и мелких краж. Кстати, внушительный список. Вам дать его полностью?

— Нет, обобщите.

— Хорошо. По-видимому, это началось с кражи в дамской комнате отдыха на восьмом нижнем уровне. Взяли сладости и другие съестные припасы, а вещи и ценности разбросали в беспорядке по полу и так оставили. Затем подобные рапорты стали поступать с уровней, расположенных выше. Были рапорты о том, что кто-то побывал в складских помещениях кафетериев, но нет никаких доказательств, что кто-то входил туда.

— То есть кто-то из людей?

— Да. Ночью Лански посылал пару детективов осмотреть эти места. Он сказал, что все это мог сделать Пушистик. Все рапорты по этим делам у меня. Между прочим: за последнюю ночь не поступило ни одного рапорта. Это подтверждает, что повсюду был замешан ваш Пушистик.

— Ты настоящий маленький воришка, не так ли? — он мягко шлепнул Пушистика. — Значит, до шестнадцатого числа и ниже восьмого уровня ничего не случилось?

— Да, мистер Грегори. Узнайте, может быть, доктор Джименз или доктор Мейлин знают что-нибудь об этом?

— Я поговорю с ними. После того, как доктор Джименз поймал четырех Пушистиков и передал их для изучения доктору Мейлину, он остался изучать Пушистиков в естественных условиях. Ему помогают двое людей, то ли нанятые охотники, то ли лесничие.

— Я выясню, кто это был, — сказал Стифер. — И еще. Кто-нибудь из служащих Компании, кто работал на континенте Бета, мог подобрать Пушистика, привезти его сюда и здесь бросить. Мы постараемся выяснить это, мистер Грег.

Грего поблагодарил Стифера, отключил экран и снова набрал шифр вызова. На этот раз это были апартаменты Лесли Кумбеса. Кумбес ответил сразу же. Одетый в домашний халат, он сидел в своей библиотеке. Перед ним стояла чашечка кофе и лежала кипа бумаг. Он улыбнулся, приветствуя Грег, затем его взгляд переместился, и улыбка стала еще шире.

— Ну просто трогательная сцена: Виктор Грег со своим Пушистиком. Раз не сумели победить их, то присоединились к ним, — прокомментировал он. — Когда и где вы подобрали его?

— Я не подбирал его, он сам пришел ко мне, — и Виктор рассказал Кумбесу обо всем. — Теперь я хочу выяснить, кто привез его сюда?

— Мой вам совет: отвезите его на континент Бета и верните туда, откуда он пришел. Рейнсфорд согласился не преследовать нас за то, что мы сделали перед судом, но если он узнает, что вы держите в доме Компании Пушистика, он выступит против нас.

— Но ему нравится здесь, и он хочет остаться с папочкой Виком. Или нет, малыш? — спросил Виктор. Пушистик ответил, и это прозвучало как согласие. — Думаю, вы можете сходить к Пэндервису и получить для меня бумаги на опеку, какие он выдал Хеллоуэю, Джорджу Ланту и Рейнсфорду.

В глазах Лесли Кумбеса мелькнула искра заинтересованности. Ему хотелось бы вновь встретиться и сразиться с Гусом Бранхардом в суде, только бы дело не было таким безнадежным, как в последний раз.

— Я полагаю, что смогу... — затем он отогнал соблазн. — Нет, мы и так натворили слишком много, и не стоит больше рисковать. Лучше избавиться от него, Виктор. — Он поднял руку, предупреждая протест. — Около семнадцати тридцати я зайду на коктейль, — сказал он. — А до этого времени — думайте.

Ладно, может быть, Лесли прав. Они немного поговорили о сложившейся ситуации в политике. Пушистику это надоело, и он спрыгнул со стола. Отключив экран, Виктор оглянулся и не увидел Пушистика. Дверь в кладовую была открыта, возможно, он пошел туда посмотреть вещи. Хуже того беспоряд-

ка, что там был, Пушистик сделать уже не мог. Грегю долил себе кофе и закурил очередную сигарету.

Вдруг по ту сторону открытой двери раздался грохот и послышалось взволнованное уиканье вперемежку с глухими стуками. Пушистик звал на помощь. Вскочив на ноги, Виктор подбежал к двери и заглянул внутрь.

Пушистик стоял посредине липкой лужи, которая разлилась из упавшей с полки открытой пятигаллоновой канистры. Понюхав, он понял, что это был соус для мяса, который смешивал по своему собственному рецепту повар. На целый окорок уходило около пинты соуса, а этот дурак намешал сразу пять галлонов. Основное количество соуса попало на Пушистика. Пытаясь выбраться из лужи, он опрокинул множество баночек со специями и травами, образцы которых приклеились к его носу. Он поставил ногу на лист бумаги. Бумага тоже приклеилась. Он попытался отодрать ее рукой, и бумага приклеилась к руке. Заметив папочку Вика, Пушистик издал отчаянное уиканье.

— Да, теперь вот и уикай, — Виктор схватил Пушистика, который липкими руками обхватил его за шею. — Иди сюда, сейчас будем чиститься.

Он отнес Пушистика в ванную и свалил его в лохань, затем снял безнадежно испорченную рубашку. Брюки тоже запачкались, потом их надо будет сменить. Из шкафа он достал флакон шампуня и, открыв кран с горячей водой, отрегулировал воду так, чтобы Пушистик мог терпеть.

Разве это не ад? Или ему нечего делать, кроме как мыть Пушистика?

Он намылил мех Пушистика. Тот сначала обиделся, а потом ему это понравилось, и он удовлетворенно уикнул. Набрав полную пригоршню мыльной воды, он даже попытался намылить папочку Вика. Наконец мытье закончилось. Сушилка тоже понравилась Пушистику. Он никогда прежде так не мылся.

С чистым, сухим и пушистым мехом он сидел на кровати и наблюдал, как папочка Вик переодевается. Это было удивительно, что Большое существо может менять свою шкуру; должно быть, это очень удобно. Время от времени он уикал, и Грегю поддерживал с ним разговор.

Одевшись, Виктор написал повару, слуге и садовнику, чтобы они убрали к черту все лишнее из задней комнаты и навели там порядок.

Затем они оба спустились в кабинет Грегю. Казалось, лифт Пушистик тоже увидел впервые. В кабинете Пушистик удив-

ленно осматривался по сторонам. Особенно его заинтересовал огромный глобус Заратуштры со встроенной антигравитационной установкой, который плавал в шести футах над полом. Вокруг него вращались два спутника, и все это освещалось прожектором, заменяющим солнце Заратуштры. В конце концов, чтобы разглядеть все получше, он вспрыгнул на стул.

— Если мне удастся что-нибудь придумать, ты останешься здесь, — Грегю щелкнул выключателем экрана, и перед ним возникло изображение Мирры. — Прежде чем спускаться вниз, мне надо кое-что убрать здесь, — сказал он правдиво. — Сколько девочек работает у нас сегодня утром?

Их было восемь, и все они были заняты. Мирра перечислила, чем занята каждая из них. С этим могли справиться четверо, а шестеро — без всякого напряжения. Еще одно место, где не привилегированная Компания Заратуштры могла бы сэкономить.

— Хорошо, они тоже смогут посмотреть на Пушистика, — сказал он. — Пусть они присматривают за ним по очереди. Сейчас он пытается представить, что бы еще такое натворить. Отнесите его к девочкам, пусть поиграют с ним.

— Но, мистер Грегю, они работают...

— Это тоже работа. Объясните им, что та из них, которая больше всех понравится Пушистику, останется постоянно присматривать за ним. По аналогии с медсестрой, назовем ее сестрой Пушистиков. Можем ли мы позволить, чтобы один Пушистик разрушил всю нашу организацию?

Мирра сначала напомнила ему, что Пушистики уже сделали это с Компанией, а затем, сказав: «Да, мистер Грегю», отключила экран. Мгновением позже она вошла в кабинет.

Она и Пушистик смотрели друг на друга с взаимной враждебностью и подозрением. Она нерешительно шагнула к нему. Пушистик уикнул сердито, а когда она протянула руку, увернулся от нее и, подбежав к Грегю, взобрался к нему на колени.

— Она не обидит тебя, — утешал его Виктор, — это Мирра, она любит Пушистиков. Или нет, Мирра? — он погладил Пушистика. — Боюсь, что вы не нравитесь ему.

— Ну, это взаимно, — сказала Мирра. — Мистер Грегю, я ваш секретарь, а не сторож животных.

— Пушистики не животные. Они разумные существа. Главный судья так и сказал. Разве вы не слышали о решении Пэндервиса?

— В последнее время только об этом и говорят. Мистер

Грего как, после всего, что случилось, вы можете ласкать этого маленького демона?

— Все правильно, Мирра. Я возьму его.

Через приемную Мирры он прошел в большую комнату, которую они называли Центром исполнительных работ. Сюда стекались все рапорты увядшей, но все еще обширной Компании. Переданные подчиненными, они требовали его решения, указаний, приказов и инструкций. Там было восемь ничем особенно не занятых девочек. Одна что-то вычитывала из нескольких пачек бумаги и диктовала в микрофон, другая сидела за приглушенно шелестящим телетайпом, третья создавала на чертежной доске один из многоцветных зигзагообразных графиков, которые так любят конторские души. Остальные сидели, курия и болтая. Едва он вошел, как они все поспешно разошлись, выказывая свою озабоченность и деловитость. Одна из них заметила у него на руках Пушистика.

— Смотрите! У мистера Грего Пушистик!

— Ой! Действительно, живой Пушистик!

Все они вскочили и столпились перед Виктором, закружив его в водовороте цветастых платьев, нежных духов, смеющихся голосов и хорошеньких, улыбающихся лиц.

— Где вы его взяли, мистер Грего?

— Можно, мы посмотрим на него?

— Да, девочки, — он опустил Пушистика на пол. — Я не знаю, откуда он пришел, но мне кажется, что он хочет остаться с нами. Пока я оставлю его здесь. Присматривайте за ним, но не забывайте о своей работе. И не давайте ему влезать в какую-нибудь неприятность. Вы можете угостить его тем, что едите сами. Если он не захочет, то не возьмет. Хотя я не думаю, чтобы он сейчас был голодным. И не убейте его своей любовью.

Когда он вышел, все они уселись на пол вокруг Пушистика, для которого наступило прекрасное время. Виктор попросил Мирру оставить дверь приемной открытой, чтобы Пушистик мог пройти через нее, если захочет, а сам через другую дверь прошел в Вычислительный центр.

Между двух прямых стен этого помещения находились вводы анализатора ситуаций и пульта операционного управления компьютерами. По всей стене проходила бледно-зеленая лента пластика около трех футов шириной, разбитая вертикальными и горизонтальными красными линиями на футовые квадраты. Каждый квадрат был перфорирован тысячами маленьких отверстий. В некоторых из них горели огоньки,

блестевшие всеми цветами радуги. Три нижних уровня были полностью заняты компьютерами. Здесь поступающая информация превращалась в квазиматематическую символику, понимаемую компьютерами, и передавалась вниз.

На мгновение он остановился, следя за огнями «Рождественской елки». Ничто в мире не могло соблазнить его коснуться этого; он имел только отдаленное представление обо всем этом. Интересно, начали ли компьютеры работать над тактической задачей о скупке солнечных камней? Он прошел в свой кабинет, закрыл за собой дверь и сел за стол.

В старые, еще до Пушистиков, времена он мог просидеть здесь пару часов, попивая кофе и не спеша просматривая рапорты. Иногда он делал какие-то замечания, задавал вопросы или давал советы, показывая, что он в курсе происходящего. Ситуация, требующая его личных действий, возникала очень редко.

Теперь же постоянно возникала подобная ситуация, развивались конфликты. Ему пришлось связаться с людьми, которых он не стал бы беспокоить при обычных обстоятельствах: с управляющим мясоконсервным заводом на континенте Дельта, с главным инженером приостановленного проекта осушения Большой Черной воды, с мастером-механиком завода по производству ядерно-энергетических реакторов. Затем он вызвал мастера-механика завода по производству электронного оборудования, где началось производство ультразвуковых аппаратов, и попросил прислать в его контору полдюжины аппаратов. Благодаря такому прибору он мог слышать, что говорит его новый друг.

Когда он беседовал с главой химического производства о расширении производства мощных взрывчатых веществ, в дверном проеме возникла дрожащая Мирра Фаллада. Как только он отключил экран, она сказала:

— Мистер Грег, вы должны забрать это ужасное создание из оперативного центра. Девочки забросили всю работу, а шум сводит меня с ума!

Он услышал взрыв пронзительного хохота и топоток убегающего Пушистика.

— Я совсем не могу работать! А-а-а-а! — Что-то ярко-красное ударило ее сзади по голове и влетело в кабинет. Это был мешок из красного пластика, набитый губкой, бумагой или чем-то подобным. Вслед за ним, проскользнув мимо Мирры, в комнату вбежал Пушистик. Он подхватил мешок, швырнул его назад и побежал за ним. Спортивный снаряд пролетел в нескольких дюймах от лица Мирры.

— Да, Мирра. Боюсь, что это зашло уже слишком далеко, — он поднялся и прошел мимо нее. Вовремя заметив импровизированный мягкий мяч, со свистом летящий в него, он поймал его и продолжал свой путь. Пушистик подбежал к высокой рыжеволосой девушке, которая наклонилась и подхватила его.

— Девочки, — сказал Грег. — Я просил присмотреть за ним, но не просил устраивать детский сад. Из-за одного Пушистика вы все бросили работу.

— Но мы только немного поиграли, — сказала высокая рыжеволосая девушка.

— Да, немного. Как вас зовут? Сандра Глини? Сандра, вы, кажется, понравились ему. Позаботьтесь о нем. Только, пожалуйста, сохраняйте тишину и не мешайте остальным.

Он надеялся, что она не станет спрашивать, как это сделать, и она не спросила, а только сказала:

— Я попробую, мистер Грег.

Пожалуй, за такое самопожертвование можно будет заплатить. Это все, что он может сделать для нее.

Вернувшись в свой кабинет, он получил вызов от шефа Общественных служб, который хотел посоветоваться насчет дальнейшей работы школьных учителей. Избавившись от него, Грег вызвал доктора Эрнста Мейлина из Научного центра.

Руководитель Научного центра был суетлив и изящен в своем неизменном черно-белом костюме, который как нельзя кстати подходил к его неизменным черно-белым мыслям. У него было узкое лицо и маленький рот со сжатыми губами — высокомерное лицо положительного человека. В настоящий момент это лицо выражало ожидание, что стул под ним может развалиться в любое мгновение.

— Доброе утро, мистер Грег, — сказал он боязливо и стараясь не показать этого.

— Доброе утро, доктор. Пушистики, с которыми вы работали перед судом, и те, что живут сейчас у доктора и миссис ван Рибик, одни и те же?

Вопрос удивил Мейлина. Он ответил утвердительно. Пушистики те самые, которые Юан Джименз поймал для него.

— Вы уже говорили об этом доктору Джимензу? — спросил он, услышав о появлении Пушистика в доме Компании. — Я не думаю, что он привез еще кого-нибудь, вернувшись с континента Бета.

— Нет, еще нет. Я хотел вам первому сказать о Пушисти-

ке и еще кое о чем. Доктор Мейлин, я сделал вывод, что вам не доставляет удовольствия руководство Научным центром.

— Да, мистер Грег. Я взялся за это только потому, что так было надо, но теперь, после суда, я склонен вернуться к своей собственной работе.

— Ну и вы бы хотели, чтобы ваш оклад не пострадал от этого. Я хочу заверить вас, что в этом вы можете быть совершенно уверены. Во время неприятностей с Пушистиками, в совершенно невозможной ситуации, вы сделали все лучше, чем мог бы сделать кто-нибудь другой.

Он видел, как беспокойство сходило с лица Мейлина. Прежде чем он кончил, психолог улыбнулся своей сдержанной улыбкой.

— Теперь вопрос о вашем преемнике. Что вы думаете о Юане Джимензе?

Мейлин нахмурился. Он был из тех людей, которые думают каждой мышцей своего подвижного лица.

— Он слишком молод, но я полагаю, что это будет хороший выбор, мистер Грег. Я ничего не могу сказать о нем как об ученом, потому что поле его деятельности отличается от моего, но у него хорошие способности исполнителя. Он обладает чутьем и сверхпредвидением, может брать на себя ответственность и может великолепно общаться с людьми. Да, я могу порекомендовать его, — он сделал паузу, а затем спросил: — Вы думаете, он примет это предложение?

— А как вы думаете, доктор?

Мейлин хихикнул.

— Это был глупый вопрос, — признал он. — Мистер Грег, этот Пушистик все еще в доме Компании? Что вы собираетесь с ним делать?

— Я хочу сохранить его, но боюсь, что не смогу сделать этого. К тому же он слишком предприимчив. Сегодня мои апартаменты выглядели, как поле боя, а контору он превратил в цирковую арену. И Лесли Кумбес советовал мне избавиться от него. Он считает, что это может настроить Рейнсфорда против нас. Вероятно, я отвезу его на континент Бета и выпущу там.

— Отдайте его мне, мистер Грег. Пусть он живет у меня. Мы будем с ним играть, разговаривать и попробуем выяснить, что он думает об этом. Мистер Грег, Пушистики — самые разумные существа из всех, что я видел. Я знаю. Я пытался опровергнуть это, ставил эксперименты, действующие на психику, но я просто не мог иначе. Если мы сможем изучить их основные психические модели, я смогу продвинуться в

психологии и психиатрии, как не продвигался никто со времени Фрейда.

Он говорил, что думал. Теперь это был другой Эрнст Мейлин. Он был готов учиться и искоренять свое невежество, а не отрицать его. Но исполнение его желаний было под вопросом.

— Я сожалею, но если я отдам Пушистика вам, с Лесли Кумбесом случится припадок, а это ничто по сравнению с тем, что сделает Бен Рейнсфорд: он выдвинет обвинение против нас. Если я сохранию Пушистика у вас для изучения... но боюсь, что это невозможно.

Он прервал разговор и отключил экран. Шум в оперативном центре прекратился, работа, вероятно, тоже. Виктор Грегго не хотел расставаться с Пушистиком. Это был хороший парнишка, но...

Глава 6

Он не смог связаться с Юаном Джимензом немедленно. Юан что-то делал в зоопарке, а зоопарк занимал такое пространство, что его там невозможно было отыскать. Грегго приказал соединиться с ним при первой же возможности и вернулся к своей работе. Наконец он заказал себе ленч и съел его. Снаружи опять послышался шум. Кажется, девочки решили покормить Пушистика. Интересно, чем? Некоторые вещи могут вызвать у Пушистика расстройство желудка.

Шеф группы изучения млекопитающих был молодым человеком с одновременно бодрым, настороженным, искренним и любезным лицом, какое можно было видеть в высших эшелонах власти крупных корпораций или институтов. Он мог не быть хорошим ученым, но он на двести процентов был человеком Компании.

— Привет, Юан. Вам сообщили из Научного центра?

— Да, мистер Грегго. Я был в зоопарке. Они доставили с Гаммы новую партию бронированных свиней. Когда я вернулся, мне передали, что вы хотите поговорить со мной.

— Да. Перед судом, когда вы возвращались с континента Бета, вы не привозили с собой Пушистиков?

— Боже мой, нет! — воскликнул Джименз. — Мне хорошо известно, что Пушистики нужны нам так же, как дырка в голове!

— Примерно то же говорил Эрнст Мейлин. Вы видели многих Пушистиков, и они выглядели разумными. Ладно,

черт побери, сколько их было? Что вы делали на континенте Бета?

— Ну, как я уже говорил вам, мистер Гrego, мы разбили там лагерь и с помощью Рациона-три заманили туда несколько дюжин Пушистиков. Мы изучали их поведение, фотографировали, но не делали никаких попыток захватить их, если не считать четырех первых.

— Вы сказали «мы»? Кто же был с вами?

— Два моих помощника, лесничие из Дивизиона осмотра — Керкед и Нованс. Они помогли мне поймать первых четырех, которых я передал доктору Мейлину. Затем они помогали с работой в лагере, фотографировали и тому подобное.

— У меня здесь возникла непредвиденная ситуация, — поняв, почему показания свидетелей, которые сотни раз рассказывают всю историю в полиции, звучат так бойко, он продолжал: — Видите ли, я хочу понять, что происходит. Я верю в вашу невиновность, но хочу быть уверенным до конца.

— Хорошо, я не привозил Пушистика, а Керкенд и Нованс вернулись вместе со мной. Они отпадают.

— Лучше бы это были вы или они, тогда бы я знал, что на этом все кончится. О! Еще один вопрос, Дан. Как вы знаете, когда Келлог был арестован, доктора Мейлина привлекли к руководству Научным центром. Теперь он возвращается к своей настоящей работе и, могу добавить, весьма доволен этим. Как вы думаете, справитесь ли вы с этой работой? Если да, можете принимать дела.

Одно можно было сказать о Джимензе точно: он не был лицемером. Он с честью принял это предложение и не подвергал сомнению свое соответствие этой должности.

— Ну, спасибо, мистер Гrego! — поблагодарил он, а затем произнес небольшую речь, которая звучала поразительно преднамеренной. Да, он определенно подходит.

— Я предлагаю вам сразу же связаться с доктором Мейлином, — сказал Гrego. — Он знает о моем решении назначить вас на эту должность. Я полагаю, завтра утром мы встретимся за ленчем. К тому времени вы узнаете, что находится в вашем распоряжении, и мы обсудим планы на будущее.

Отключив Джименза, Гrego набрал код Гарри Стифера.

— Мейлин говорит, что он ничего не знает об этом. Юан Джименз — тоже. Я узнал имена людей, которые помогали Джимензу на континенте Бета...

Стифер усмехнулся.

— Фил Новайс и Мозес Керкед, оба из дивизиона осмотра. Керкед — геолог, а Новайс — охотник. Они вернулись вместе с Джимензом за день до суда, а затем исчезли. Вместе с ними исчез аэрокар Компании. Мое предположение: либо они занялись изысканиями, либо отправились в страну степняков красть скот. Мне разыскать их?

— Да, сделайте это, шеф, из-за кара. Потому что со временем перехода планеты в класс четыре исчезло много транспортных средств Компании. Кто бы это ни был, мы могли бы выяснить, но вы говорили, что хотите сделать это осторожно.

— Так осторожно, как только можно. Но все-таки я хочу это выяснить. Попробуйте начать поиски с незанятых этажей. Может, найдете место, где его держали, прежде чем он ушел.

Стифер кивнул.

— У нас, правда, нет столько людей, сколько потребуется для этой операции, — сказал он, — но я сделаю все, что в моих силах.

Слова Гарри «сделаю все, что в моих силах» вполне устраивали Виктора. Он удовлетворенно кивнул и отключил экран.

Вернувшись к работе, он стал составлять списки грузов для лайнера «Город Капшатд» линии Земля-Бальдур-Мердок, который должен прибыть на этой неделе. Он все еще сопоставлял цены рынка Земли с кубическими футами грузового трюма, когда позади него открылась дверь в вычислительный центр.

Он повернулся и увидел в дверном проеме Сандру Глинн. Ее рыжие волосы, зеленые глаза и губная помада яркими пятнами выделялись на белом, как бумага, лице.

— Мистер Грего... — это был едва слышный испуганный шепот, — вы что-нибудь делали с управлением компьютерами?

— Боже мой, нет! — он оттолкнул стул и вскочил на ноги. — Свои невежественные пальцы я держу подальше от всего этого. Что еще случилось?

Она освободила дверной проем. Заглянув туда, Виктор увидел среднюю панель управления, пылающую множеством цветных огоньков. Не хаотично разбросанные огоньки, которые загораются при включенном компьютере, а преднамеренный рисунок, симметричный и гармоничный. Прекрасный рисунок, но только Бог — Аллах или Зевс (выбирайте сами) — знает, что было бессознательно введено в необъятные внут-

ренности этого компьютера. Сандра примерно догадывалась, что могло здесь произойти.

— Это, — сказал Виктор, — был наш маленький друг, «Пушистик Пушистый Хеллоуэя». Войдя сюда, и увидев огоньки, он узнал, что они могут включаться, отключаться, мигать и передвигаться по экранам. Обнаружив, как это делается, он решил создать по-настоящему прекрасную вещь. За ним кто-нибудь присматривал?

— Ну, у меня была кое-какая работа, и за ним присматривала Гертруда. Потом он лег подремать после ленча, а Гертруду вызвали к экрану...

— Все правильно. Не вы первая, кого одурачил Пушистик, и не Гертруда. Он уже несколько раз одурачил парнишку, которого зовут Виктор Гrego. Кто-нибудь пытается навести здесь порядок?

— Нет. Я увидела это только минуту назад...

— Ладно. Вызовите Джо Вергано. Хотя нет. Я сделаю это сам. Его секретарша не станет спорить со мной, а вы идите и найдите Пушистика.

Он подошел к экрану связи и, заглянув в карточку, лежащую возле него, выбил код.

— Служба старшего программиста, — начала говорить появившаяся на экране девушка, а затем подняла глаза. — О, мистер Гrego!

— Дайте мне Вергано, быстро!

Ее руки задвигались, экран взорвался вспышкой света и на нем появился старший программист.

— Джо, есть адская работенка, — сказал Гrego, прежде чем Вергано открыл рот. — Кое-кто поиграл с пультом управления и все испакостил. Сюда, — он потянулся к экрану и взял камеру, напоминающую пистолет, дуло которого было соединено длинным кабелем с экраном. Нацелившись на цветные огоньки на пульте управления, он нажал курок.

Голос Джо Вергано взвыл позади него.

— Боже мой! Кто это сделал?

— Пушистик. Нет, я не обманываю, это правда. Вы все поняли?

— Да. Можете выключить, — Вергано на экране схватил трубку телефона. — Общее предупреждение. Всем выходам компьютеров! Введены ошибочные данные. Они воздействуют на Исполнительный Один и Исполнительный Два, на них должно быть наложено недоверие до специального сообщения. Все нормально, мистер Гrego, будем исправлять. Вы хотите сказать, что в вашей конторе находится Пушистик?

— Да, он был здесь целый день. Но я не думаю, — добавил он, — что он останется здесь и дальше.

Одна из девушек выглянула из оперативного центра.

— Мы нигде не можем его найти, мистер Грег! — она почти плакала. — Это все из-за меня, я недосмотрела!

— Черт с вами, найдите его. Если кто и виноват, так это я, потому что я принес его сюда.

Это была ошибка, которую нужно исправить немедленно. Он увидел Мирру, трясущуюся в дверях.

— Свяжитесь с Эрнстом Мейлином. Пусть приходит и забирает этого проклятого Пушистика хоть в преисподнюю.

Спорить об аспектах закона уже поздно. Если Мейлин хочет изучать Пушистика, пусть забирает его. Мирра что-то пробормотала о том, что лучше поздно, чем никогда, и убралась в свою контору. Дверь, ведущая в холл, осторожно открылась, и вошли три механика из ангара аэрокаров и два полицейских: кто-то додумался вызвать подкрепление. У одного механика на руке висело шерстяное одеяло, что было довольно остроумно. Девушки обыскивали огромное помещение и смотрели за дверями. Дверь в холл снова открылась, и вошли нагруженные инструментами Джо Вергано и его техник.

— Что-нибудь делали с пультом управления? — спросил он.

— Нет, черт побери! Мы не хотим, чтобы стало хуже чем есть. Смотрите, если вы можете разобраться в случившемся.

— Двое моих людей пошли взглянуть на компьютеры. Лемми, посмотри этот экран, — пройдя мимо техника, Джо вышел из помещения. Мгновением позже техник высказал что-то непристойное и богохульное.

Грего вернулся в оперативный центр. Через открытую дверь было слышно, как Мирра с кем-то разговаривает.

— Приходите и забирайте его сейчас же. Нет, мы не знаем, где он... А-а-а! Уйди отсюда, маленький монстр! Мистер Грег, он здесь!

— Поймите его и передайте мне, — приказал Грег. — Помогите ей, — сказал он одному из полицейских. — Но не повредите Пушистику, а только поймите его.

Затем он повернулся и, пробежав через вычислительный центр, где чуть не столкнулся с помощником Вергано, ворвался в свой кабинет. Не успел он обогнуть стол, как из приемной Мирры выскочил Пушистик. Шерстяное одеяло механика аэрокара, парусом пронесшееся вслед за Пушистиком, не достигло цели. Мирра, полицейский и механик следовали за

ним. Механик запутался ногами в одеяле и грохнулся на пол, полицейский перелетел через него, а Мирра — через полицейского. Полицейский выругался. Мирра пронзительно завизжала, а механик, дергающийся под ними, почти задохнулся. Пушистик, увидев Грегю, взобрался на стол и прыгнул к нему на грудь, обхватив его шею руками. Одна из девушек вышла из приемной Мирры и, обойдя свалку перед дверью, крикнула:

— Идите сюда! Мистер Грегю поймал его!

Поднявшийся на ноги полицейский сказал:

— Давайте его сюда, мистер Грегю, — и потянулся за Пушистиком. Пушистик громко уикнул и прижался к Виктору.

— Нет, я сам подержу его. Он не боится меня, — все еще держа Пушистика, он сел в свое кресло и стал гладить его. — Все хорошо, малыш. Никто не обидит тебя. Мы заберем тебя отсюда в хорошее место, где будут хорошие люди и всякие развлечения...

Слова ничего не значили для Пушистика, но голос и поглаживающая рука Грегю приносили утешение, спокойствие. Издавая тихие счастливые звуки, Пушистик тесно прижался к Виктору. Сейчас он был в безопасности.

— Мистер Грегю, что вы будете с ним делать? — спросил полицейский.

Грегю еще крепче прижал Пушистика к себе.

— Ничего. Посмотрите, он доверяет мне. Он думает, что я никому не дам его в обиду. Ну, я и не дам. Я никогда не обижал тех, кто доверялся мне, и будь я проклят, если сделаю это сейчас.

— Вы хотите сказать, что оставите его? — спросила Мирра. — После всего, что он натворил?

— Мирра, он не хотел делать ничего плохого. Он только хотел сделать прекрасную вещь из огоньков. Держу пари, это так же великолепно, как любое другое их произведение. Я уверен, он не стал бы делать этого, если бы знал, что принесет нам неприятности.

— Доктор Мейлин сказал, что выходит немедленно. Он будет разочарован.

— Значит, будет разочарован. Да, свяжитесь, пожалуйста, с управляющим строительством и передайте ему, что на верхней террасе я хочу устроить сад для Пушистика. Пусть он сразу же поднимется ко мне, я хочу, чтобы работу начали немедленно. А доктору Мейлину передайте, что изучать Пушистика он может и здесь.

Пушистик больше не пугался. Папочка Вик заботился о

нем. А все другие Большие существа слушались папочку Вика. Теперь они не могут обидеть его и снова за ним гоняться.

— И вызовите Тригарскиса из Электронного снабжения. Скажите ему, чтобы он отправил мне слуховые аппараты, которые я заказывал. И мне необходимо, чтобы кто-нибудь присматривал за малышом. Сандра, вы не будете возражать, если я поручу это вам? Нет? Тогда назначаю вас Главной сестрой Пушистиков. Начинайте немедленно: с этого утра вам идет десять процентов надбавки.

Сандра была счастлива.

— Мне это нравится, мистер Грег. Как его зовут?

— Зовут? Я еще не придумал ему имени. У кого-нибудь есть предложения?

— У меня несколько, — грубо сказала Мирра.

— Назовите его Бриллиантом, — предложил Джо Вергано, стоя в дверном проеме вычислительного центра.

— Потому что он такой маленький и милый? Мне это нравится, но не будем осторожничать. Назовем его Солнечный камень.

— Нет. Я предложил назвать его Бриллиантом в честь маленькой собачки, которая принадлежала сэру Исааку Ньютону, — сказал Вергано. — Сэр Исаак закончил свою рукопись и подготовил ее к отправке издателю. Вся она была написана пером и, конечно, не была скопирована. Бриллиант стащил эту рукопись на пол и разорвал на клочки, отправив коту под хвост трехмесячную работу своего хозяина. Когда Ньютон увидел это, он посадил собачку на колени и сказал: «Ох, Бриллиант, Бриллиант! Ты даже не знаешь, какое сделал зло!»

— Это хорошая история, Джо. Это то, что я хотел бы напомнить себе и сейчас, и потом. Держу пари, что ты будешь более рассудителен, Бриллиант. Или нет?

Глава 7

Джек Хеллоуэй откинулся в кресле, положив одну ногу на угол стола, а другую — на полуоткрытый выдвижной ящик. Работать в конторе было действительно приятно, тем более, что теперь его жилище использовалось исключительно для жилья. Широкие двери сборного домика были открыты, и из них тянул легкий ветерок, который давал прохладу и уносил дым от его трубки. Большинство новых построек было уже воздвигнуто, поэтому снаружи не доносилось такого шума,

как прежде. Он слышал только отдаленные хлопки. Это учились стрелять полторы дюжины рекрутов МЗСЗ — Местных защитных сил Заратуштры.

В сотне ярдов от него сержант Йоримито смотрел по видеоэкрану передачу, которая велась с двух аэрокаров, ушедших на патрулирование, а лейтенант Ахмед Кхадра и сержант Наббер брали отпечатки пальцев у двух Пушистиков, которые пришли час назад. Маленький Пушистик, опершись на свой рубило-копатель, со скукой наблюдал за этой процедурой. Снятие отпечатков пальцев больше не интересовало его. В середине комнаты стояло несколько не занятых столов, а у стен — не работающие механизмы. Иногда они работали, и тогда Джек выходил к туземцам и делал то, что положено Коммиссионеру.

К настоящему времени проблема резервации Пушистиков была решена. Бен Рейнсфорд закрыл весь район от Маленькой Черной воды и Восточной Змеиной развилки. Вся эта местность принадлежала Пушистикам и никому больше. Теперь оставалось только убедить Пушистиков оставаться там. Герд, Рут, Панчо Убарра и молодая девушка Эндрюс теперь жили здесь. Возможно, им что-нибудь удастся узнать.

Дважды ударил штамп, поставив номера на дисках для вновь прибывших. Кхадра взял диски и, присев на корточки, надел их Пушистикам.

— Сколько их стало, Ахмед? — спросил Джек.

— Эти — пятьдесят восьмой и пятьдесят девятый, — ответил Кхадра. — Вычтите трех: двух Рейнсфорда и Златовласку.

Бедная маленькая Златовласка! Как бы она обрадовалась, получив диск. Перед тем, как ее убили, она была так счастлива, когда Рут подарила ей маленький очаровательный колокольчик. Пятьдесят шесть Пушистиков — получается, что здесь целое поселение.

Звякнул вызов экрана связи. Джек щелкнул выключателем на краю стола и, опустив ноги на пол, повернулся. Это был Бен Рейнсфорд, и он был очень сердит на что-то. Его рыжие бакенбарды щетинились, словно в электрическом поле, а голубые глаза метали искры.

— Джек, — негодуя начал он. — Я только что узнал, что Виктор Грегго держит Пушистика в доме Компании. Кроме того, он имел наглость обратиться через Лесли Кумбеса к судье Пэндервису, чтобы тот разрешил ему стать опекуном Пушистика.

Это слегка удивило Джека. Судя по всему, Грегю не принадлежал к числу друзей Маленького Пушистика.

— Вы знаете, где Грегю взял его?

Рейнсфорд в гневе глотнул воздух и сказал:

— Он утверждает, что позавчерашней ночью, поднявшись на крышу дома Компании, обнаружил Пушистика в своих апартаментах. Богом проклятое утверждение! Он думает, что мы достаточно слабоумны, чтобы поверить в это!

— Да, это странное место для нахождения Пушистика, — допустил Джек. — Вы полагаете, это один из Пушистиков, оставленных Мейлину перед судом для изучения? Рут говорила, что их было только четыре, и все они были освобождены в ночь дела Ларкина.

— Я не знаю. Я знаю только то, что рассказал мне Гус Бранхард: секретарша Пэндервиса рассказала ему, что Пэндервис рассказал ей, и что Кумбес рассказал Пэндервису, — это звучало, как хорошая карусель, но Джек считал, что идя этим путем, главный правитель чего-то достиг. — Гус сказал, будто Кумбес, предъявляя иск Грегю, заявил, что он не знает, откуда пришел Пушистик и как попал в дом Компании. Это величайшая ложь.

— Вероятно, это правда. К тому же Виктор Грегю не станет обманывать своего адвоката, а Кумбес не будет врать шефу юстиции. Судьи забавляются этим. Они хотят, чтобы заявления подтверждались детектором лжи, а после того, что случилось с Мейлином в суде, никто из этой компании не рискнет и попытаться обмануть детектор.

Рейнсфорд презрительно фыркнул. Грегю обманывает. Если детектор лжи за него, значит, детектор такой же большой лгун, как и он.

— Ладно, мне наплевать, как он получил Пушистика. Меня интересует, что он собирается с ним делать, — сказал Рейнсфорд. — И Эрнст Мейлин. Кумбес сказал Пэндервису, что Мейлин будет помогать Грегю следить за Пушистиком. Следить за ним! Они, вероятно, мучают беднягу, Грегю и этот кричающий садист со сморщенной головой. Джек, вы должны забрать этого Пушистика у Грегю!

— О, я сомневаюсь в этом. Грегю не станет плохо обращаться с Пушистиками, а если это так, то он не сможет собрать бумаги на оформление опекунства и сделаться законным опекуном. Что же мне делать дальше?

— Ладно, пусть Гус получит ордер. В конце концов, вы специальный уполномоченный по местным делам, и защищать Пушистиков — ваша работа.

Джек не думал, что Пушистик нуждается в защите. Он знал, что Грег заботится о нем и ему можно позволить сохранить Пушистика. Он кивнул.

— Правильно. Сейчас я вылетаю в Мэллори-Порт. Если я воспользуюсь ботом Герда, то, с учетом трехчасовой разницы, я появлюсь в доме Правления в пятнадцать тридцать по вашему времени. Я захвачу с собой Панчо или Рут, а вы, Бен, встретите нас. Я хочу позаимствовать ваших Флору и Фауну.

— Зачем?

— В качестве переводчиков. Надо допросить Пушистика Гrego. Я не хочу брать кого-нибудь из своих, потому что им не рекомендуется покидать резервацию. И скажите Гусу, чтобы он взял все бумаги, нужные для расправы с домом Компании. Вот, пожалуй, и все. Мы устроим им полную проверку.

Он отключил экран, записал что-то в блокноте и, оторвав листок, огляделся вокруг. Ко-Ко, Золушка, Мамочка и пара Пушистиков полицейских сидели возле его стола и работали над составными картинками.

— Ко-Ко! — позвал он. — Ду биззо. — Когда Ко-Ко поднялся на ноги и подошел, Джек отдал ему записку. — Отдай дядюшке Панко, — сказал он. — Беги быстрее.

* * *

На экране связи Виктора Гrego был Лесли Кумбес. Адвокат говорил:

— Шеф юстиции не враждебен к нам, я бы сказал, что он благодушен. Думаю, он не хочет никаких прецедентов, которые позднее могут смутить Комиссию по местным делам. Хотя его очень интересовало, как этот Пушистик попал к вам, в дом Компании.

— Расскажите ему все, что знаете.

— Люди Стифера нашли еще что-нибудь?

— Нет, только то, о чем он докладывал. Я поговорю с ним. Кажется, он закручивает слишком тонко.

— Если мы найдем объяснение, это может помочь нам. Вы согласитесь рассказать то, что знаете, под детектором лжи?

— С разумной осторожностью, если меня не будут спрашивать относительно коммерческих дел.

— Естественно. А как Мейлин и Джименз?

— И они согласятся. — Вы думаете, это неизбежно?

— Я думаю, что это разумно. Рейнсфорд будет против на-

шей просьбы. Возможно, и Хеллоуэй. Вы узнали что-нибудь у Пушистика?

— Мы с Мейлиным пытались сделать это вчера вечером. Я не знаю языка, а у него есть только несколько лент, которые он получил на суде от лейтенанта Убарры. Мы получили слуховые аппараты, но вот этот чертов язык... Он больше похож на земной старо-японский, чем на что-нибудь еще. Пушистик пытался рассказать нам что-то, но мы ничего не поняли. У нас все записано. А еще мы показали ему видеозвуковые портреты тех двух людей, который помогали Джимензу. Он узнал их обоих. Сомневаюсь, чтобы они ему очень понравились. Мы наблюдали за ним. Такая же реакция была у него, когда ему показали копию разведывательного кара Компании, который исчез вместе с этими людьми.

— Кража транспортных средств — это уголовное преступление. Надо поймать их и допросить, — напомнил Кумбес. — Ладно, увидимся за коктейлем?

— Да, но лучше вызывайте меня каждые полчаса. Если Рейнсфорд сделает какую-нибудь гадость, вы можете понадобиться и раньше.

После этого он вызвал шефа Стифера. Стифер приветствовал его.

— Мистер Грег, мое лицо не слишком красно?

— Не так уж и заметно. А оно должно быть красным?

Стифер выругался.

— Мистер Грег, мне нужна санкция на то, чтобы дюйм за дюймом обыскать все это здание.

— Боже мой, Гарри! — он прикинул, сколько миллионов дюймов получается. — Вы нашли что-нибудь?

— Это не касается Пушистиков, но... Вы и представить себе не можете, что творится на незадействованных уровнях. Мы нашли место, где люди жили неделями. Мы нашли место, где попойка, вероятно, не прекращалась в течение месяца. Там кабина лифта была забита пустыми бутылками. А еще мы обнаружили притон.

— Да? На что это похоже?

— Ни на что. Множество матрацев, разбросанных вокруг, а пол покрыт окурками — в основном с марихуаной или с противозачаточным табаком. Не думаю, чтобы это были наши люди. Кажется, в Мэллори-Порте нет ни одного человека, который не побывал бы здесь со своей подружкой. Во всех этих местах мы оставили людей, но их, конечно, не хватает, — его лицо ожесточилось. — Работа идет слишком вяло, и это меня бесит.

— Гарри, мы все работаем вяло, — Грегю подумал о неприятностях, происходивших в его кладовой; это было симптоматично. — Знаете, мы должны быть благодарны Пушистику, раз то, что случилось, заставило нас действовать. Ладно, пойдем дальше. Не столь важно, как Пушистик попал сюда, важно очистить дом вообще, пока вы занимаетесь этим делом. Вы еще увидите, каким он будет чистым и прибранным.

Затем он вызвал кабинет Юана Джименза в Научном центре. Со вчерашнего дня Джименз несколько переменился. На нем был новый, более строгий костюм. Его широкое лицо стало еще шире, подчеркивая скорее деловитость, чем дешевый эффект.

— Доброе утро, Виктор, — он немного споткнулся, называя Грегю просто по имени. Это было прерогативой главы отдела, но он к этому еще не привык.

— Доброе утро, Юан. Я знаю, вы не забыли, что мы завтракаем вместе, но постарайтесь прийти немного пораньше. Есть пара вещей, которые нужно обсудить. Вы сможете прийти раньше минут на двадцать?

— Да. Если хотите, могу прийти и раньше.

— Приходите, если сможете. Пройдите через запасной выход.

Затем Грегю сделал еще один вызов. Это был внешний вызов, и поэтому, чтобы побыстрее набрать код, ему пришлось заглянуть в таблицу. Когда экран посветлел, на нем появилось тонкое лицо пожилого человека с седыми волосами. На этом человеке была серая рабочая куртка, из наружного кармана которой торчали инструменты. Это был Гарри Стенсон, и он был таким же специалистом по приборам, каким мастером-ювелиром был Бенвенуто Челлини.

— Мистер Грегю! — сказал он, приятно удивленный. — Давненько вас не было слышно!

— С тех пор, как приспособление, которое вы вмонтировали в мой глобус, прекратило трансляцию. Между прочим, отставание глобуса составляет около тридцати секунд, а луны просто невозможно синхронизировать. Мы останавливали его, чтобы вынуть микрофончик, но ни у кого из моих людей нет такого прекрасного чутья, как у вас.

Стенсон слегка поморщился.

— Полагаю, вы догадываетесь, для кого я это сделал?

— Ну, или для Военной разведки, на которую работала наша служащая Рут Ортерис, или для Колониальной службы бюро расследования — это неважно. Кто бы это ни был, они

останутся довольны. Знаете, я мог бы устроить пакость: установка радиопередающих микрофонов в конторах людей является уголовным преступлением. Но я не хочу поднимать шум. Войдите в мое положение.

— Да, конечно, мистер Грег. Знаете, — добавил он, — я думал, это не поддается обнаружению.

— Инструментами — да. Мои люди испугались, когда увидели на нем рефлекторы. Вы уже запатентовали их? Если да, то нам придется заплатить вам, потому что мы скопировали их. Но информации вы не получили. Как только стало известно, что все сказанное в моем кабинете немедленно становится известным на Базе Ксеркса, мы практически перестали вести там деловые разговоры.

Стенсон степенно кивнул.

— Вы вызвали меня, чтобы рассказать, как ловко вы провели меня? Я узнал об этом, как только радио вышло из строя.

— Нет. Я хотел, чтобы вы побыстрее синхронизировали мой глобус. И еще одно. Вы помогали людям с Ксеркса проектировать ультразвуковые слуховые аппараты? Могли бы вы, мистер Стенсон, подойти к этой проблеме с другой стороны? Я имею в виду проектирование автономного ручного мегафона, достаточно небольшого, чтобы его мог носить Пушистик и чтобы он преобразовывал голос Пушистика в слышимую частоту?

Стенсон на некоторое время задумался.

— Да, конечно, мистер Грег. Это должно быть несложно. Может возникнуть проблема, как научить Пушистика пользоваться им, но это меня не касается.

— Ладно, постарайтесь сделать экспериментальную модель, и как можно быстрее. У меня есть Пушистик, чтобы опробовать ее. Если что-то нужно для ее изготовления уже запатентовано, получите лицензию. Свяжитесь с Лесли Кумбесом. Сделка может быть выгодной для нас обоих.

— Вы думаете, что на них будет спрос? — спросил Стенсон. — Как вы думаете, сколько сможет заплатить Пушистик за штуку?

— Я думаю, комиссия по местным делам может заплатить по десять-пятнадцать солей за каждый аппарат. Я уверен, что наш завод электроники сможет выпускать их, а мы — выгодно продавать.

Кто-то вошел в кабинет. В одном из зеркал Грег увидел Юана Джименза, остановившегося так, чтобы не попасть в поле охвата экрана. Виктор кивнул ему и, переменив тему

разговора, договорился со Стенсоном, чтобы он пришел на следующее утро посмотреть на глобус. Закончив разговор и отключив экран, он показал Джимензу на стул по другую сторону стола.

— Что вы успели услышать? — спросил он.

— Я слышал, что этот старый седовласый Иуда Искариот придет завтра исправлять испорченный глобус.

— Генри Стенсон не Иуда Искариот, Юан. Он секретный агент федерации Земли, и Федерацию можно поздравить, видя его верность и способности. Теперь я знаю, кто он такой, и он знает, что мне это известно. Мы можем сделать бизнес, основанный на взаимном уважении и недоверии. Он будет работать над приспособлением, благодаря которому Пушистики смогут говорить на слышимой нами частоте. Теперь вернемся к нашему Пушистику, — продолжил он. — Мы уверены, что сюда, в Мэллори-Порт, его доставили двое ваших помощников: Керкел и Новайс. Когда вы возвращались вместе, его с вами не было?

— Не было, это абсолютно точно, мистер Гrego.

— Вы можете подтвердить это под детектором лжи?

Джимензу не хотелось этого, это было очевидно. Но он хотел работать в Компании, тем более теперь, когда он был назначен главой научных исследований и изучения. Он был так близок к вершине иерархии дома Компании, и ему очень хотелось остаться здесь.

— Да, конечно. Надеюсь все-таки, что моего голоса, вернее, моего слова, будет достаточно...

— Этого мало. Я сам буду рассказывать все, что знаю об этом, под детектором лжи. Эрнст Мейлин тоже. Есть несколько вопросов, которые надо подтвердить под детектором лжи в ближайшие дни. А теперь я познакомлю вас с Пушистиком. Посмотрим, может, вы узнаете его или он вас.

Они прошли к персональному лифту Гrego и поднялись в особняк. В жилой комнате Сандра Глинн развалилась в его любимом кресле и что-то слушала через головные наушники. Не заметив их, она выключила проигрывать и закрыла глаза.

— Со-джоссо аки (вы дали мне), — сказала она. — Аки-джоссо-со (я дала вам). Со-нохо-аки-докко (вы говорите мне)...

Они оставили ее и на цыпочках вышли на террасу. Эрнст Мейлин сидел на низеньком пеньке. Его слуховой аппарат был выключен. Бриллиант сидел перед ним на корточках и пытался завязать узел на длинной веревке. Между ними стоял

видеомагнитофон. Заметив вошедших, Бриллиант вскочил на ноги и побежал им навстречу, крича «Паппи Вик! Хиита!» и протягивая веревку, чтобы показать, как он научился завязывать узлы.

— Привет, Бриллиант. Прекрасные узлы. Ты умный Пушистик. Что вы скажете, Эрнст?

Мейлин начал что-то прерывисто говорить. Не слушая его, Виктор погладил Пушистика по голове.

— Как мне спросить его, видел ли он пришедшее со мной Большое существо когда-нибудь раньше?

Мейлин задал этот вопрос сам. Бриллиант что-то ответил. Пару раз Грег уловил слова «вов». Это было отрицание.

— Он говорит, что не знает вас, Юан. Я уверен, Керкед и Новайс вернулись с вами в Мэллори-Порт перед судом, а затем, вероятно, в аэрокаре, который украли в нас, вернулись назад и подобрали этого Пушистика. Зачем? Мы не узнаем этого до тех пор, пока не поймаем и не допросим этих людей.

Грег повернулся к Мейлину:

— Узнали вы от него что-нибудь?

Мейлин покачал головой.

— Я подобрал значения нескольких новых слов, но еще не до конца в них уверен. Он говорит, что два Хагга — существа, которых мы показывали ему в фильмах — привезли его сюда. Кажется, с ним были другие Пушистики, но я в этом не уверен. По-моему, в его языке нет никаких выражений множественного числа. Он говорит, что они были «тошки-гашта», плохие люди. Они поместили его в плохое место.

— Мы их самих поместим в плохое место. Исправительное место. Не думаю, чтобы вы смогли выяснить, когда это случилось. Полагаю, во время суда или сразу после суда.

На террасу вышла Сандра Глинн.

— Мистер Грег, на экране мисс Фаллада. Она говорит, что внизу собрались представители всех служб. Они узнали о Бриллианте и хотят записать рассказ о нем и сделать фотографии.

— Только этого нам не хватало! Ладно, скажите, пусть с ними придет полицейский. Боюсь, Юан, наш ленч придется отложить на некоторое время.

Глава 8

Выйдя из лифта, Джек Хеллоуэй шагнул в сторону, освобождая дорогу следующим за ним людям, и остановился, увидев трех человек, ожидающих его в фойе апартаментов Вик-

тора Грег. С двумя он уже встречался: с Эрнстом Мейлином в собственном лагере при трагических обстоятельствах во время убийства Златовласки, а с Лесли Кумбесом — при подаче жалобы Джорджу Ланту на Бета-Пятнадцать и затем в суде. Правда, холодная вежливость на суде оттаяла, превратившись в подобие обоюдной сердечности. Если не считать видеоэкрана, он никогда не видел раньше Виктора Грег. Генералы двух противников редко встречаются во время сражений. Его поразило, что Виктор Грег с первого же раза понравился ему. Он вспомнил, что Грег хотел объявить Пушистиков пушными животными и истребить всю их расу. Но Грег тогда совсем не знал Пушистиков. Это был незатейливый жестокий план, подсказанный ему инстинктом самосохранения.

Две группы замерли друг перед другом, словно ожидая, кто первым обнажит оружие; Мейлин и Кумбес по бокам Грег, а Гус Бранхард, Панчо Убарра и Ахмед Кхадра с Флорой и Фауной позади него, Джека. Затем Грег шагнул вперед и протянул руку.

— Мистер Хеллоуэй? Счастлив встретить вас, — они пожали друг другу руки. — Вы уже знаете мистера Кумбеса и доктора Мейлина. Конечно, было бы лучше, если бы вы предупредили нас о своем прибытии.

Бен Рейнсфорд так не думал. Он хотел внезапно обрушиться на дом Компании и попытаться уличить Грег в любой подлости, которую тот сделал бы. Бранхард и Кумбес тоже пожали друг другу руки. Убарра и Мейлин сделали то же самое. Джек представил Ахмеда Кхадру.

— А этих людей зовут Флора и Фауна, — добавил он. — Я взял их, чтобы познакомить с Бриллиантом.

Грег наклонился к ним и сказал:

— Привет, Флора, привет Фауна. Аки-газза. Хита-со.

Произношение было неплохим, но он медленно подбирал слова. Пушистики вежливо ответили. Грег начал было говорить, что Бриллиант находится на террасе, но увидел Пушистика, выглядывающего из-за двери гостиной, и улыбнулся. Мгновением позже Бриллиант заметил Флору и Фауну и бросился вперед, а те, возбужденно щебеча, побежали ему навстречу. Вслед за Бриллиантом вышла высокая рыжеволосая девушка. Грег представил ее как Сандру Глинн. За ней появился Юан Джименз; теперь собрались все.

— Пойдем в гостиную или выйдем на террасу? — спросил Грег. — Я советую террасу, гостиная будет тесновата для трех только что познакомившихся Пушистиков. Иногда она кажется тесной и с одним Пушистиком.

Они прошли через гостиную. Тишина и со вкусом расставленная мебель создавали уют, но установленные здесь видеомагнитофоны, проигрыватель, информационный экран и экран связи больше подходили конторе, чем жилой комнате. И еще одна деталь, находящаяся в гостиной, вызывала удивление: кресло, похожее на старомодный электрический стул. Возле него стояла стойка, на которой висел металлический шлем, а сверху был прикреплен большой полупрозрачный шар. Полиэнцефалографический детектор лжи; Грегю знал, что ему придется доказывать свою правоту. Ничего не трогая, они вышли на террасу.

Очевидно, это был личный сад Грегю. Теперь он в большей степени принадлежал Пушистику. Вероятно, совсем недавно здесь кто-то основательно потруился. Тут был воздвигнут целый игровой комплекс: качели, горка, лесенка, турник и тому подобное. Был установлен маленький, по росту Пушистика, питьевой фонтанчик и сделан бассейн. Грегю, казалось, предусмотрел все, что могло понравится Пушистику.

Бриллиант повел Флору и Фауну к горке, взобрался наверх и скатился вниз. Флора и Фауна сделали то же самое, а затем вновь полезли вверх, чтобы скатиться еще раз. Надо бы построить нечто подобное и у себя в лагере, подумал Джек. Держу пари, что Флора и Фауна, едва попав домой, пристанут к папочке Бену, чтобы он сделал им такой же комплекс.

Ахмед Кхадра и Панчо Убарра остались на террасе с Пушистиками. Джек, Гус, Грегю, Мейлин и Кумбес вернулись назад. Некоторое время они болтали о Пушистиках вообще и о Бриллианте в частности. Одно было очевидно: Грегю любил Пушистиков и был предан своему Бриллианту.

— Я полагаю, вы хотите услышать о том, как он здесь очутился? Если вы не возражаете, то, чтобы не осталось никаких сомнений, я предпочел бы говорить об этом перед детектором лжи. Мистер Бранхард, вы сначала проверьте машину?

— Это неплохая мысль. Джек, может, вы опробуете ее?

— Если спрашивать будете вы.

Детектор лжи действовал, улавливая и регистрируя характерные колебания электромагнитных волн головного мозга, вовлеченных в подавление правдивой мысли и замену ее на заведомо ложную. Явный обман изменяет голубое свечение на красное, и даже самый способный йог не сможет так контролировать свои мысли, чтобы предотвратить это. Джек уселся в кресло, а Бранхард прикрепил электроды и надел ему на голову шлем.

— Как вас зовут?

Джек ответил. Гус кивнул и спросил его о местожительстве.

— Сколько вам лет?

Джек прибавил десять лет. Детектор уловил это; Гус знал, сколько ему лет на самом деле.

— Семьдесят четыре, я родился в 580 году. Просто я не учел дифференциальное время и гиперпространственные прыжки.

— Это правда, — сказал Гус. — Не думаю, чтобы вам было больше шестидесяти.

Затем он спросил о планетах, на которых тот побывал. Джек перечислил их, включая одну, на которой он никогда не был. Детектор уловил и это. Завершая испытание, он в темно-красной вспышке лживости сказал, что является трезвенником, пацифистом и незаконнорожденным сыном епископа-сатаниста. Бранхард был удовлетворен; детектор лжи работал. Он отвязал Джека, и его место занял Грег.

Шар остался голубым в течение всего рассказа Гrego о том, как он обнаружил Пушистика в спальне; пока они летели сюда с континента Бета, этот рассказ передавали в последних известиях. Затем Грег уступил место Мейлину, а Мейлин — Джимензу. Они не привозили этого Пушистика в Мэллори-Порт, и детектор подтвердил это. Они были уверены, что Бриллиант признал в Керкеле и Новайсе людей, которые привезли его, а возможно, и других Пушистиков.

— Как вы думаете, — спросил Кумбес, когда они расселись в креслах, — они привезли этих Пушистиков, чтобы продать как забаву?

— Не вижу других оснований, я предполагал нечто подобное. Но все-таки почему они принесли его в дом Компании? Я не вижу в этом здравого смысла.

— Я тоже, — Грег был раздражен. Его раздражение возникло внезапно, он резко заговорил о том, что происходит на не занятых уровнях дома Компании. — Шеф Стифер вышел на тропу войны. Мы разыскиваем Керкеда и Новайса за угон...

— Оставьте это, — посоветовал Бранхард. — Они понесут большее наказание за то, в чем обвиню их я.

Вошел Кхадра. Он снял берет, но оставил оружие.

— Их было шестеро, — сказал он. — Бриллиант и пять других. Керкед и Новайс — он уверенно опознал их — доставили его и других в это здание и пару дней держали в темной комнате. Затем остальных Пушистиков забрали. Пока «тош-

ки-хагга» были в автокаре, Бриллиант сделал пролом и убежал. Он не знает, сколько это продолжалось, но он говорит, что спал три раза. Он находил пищу и воду, а затем его нашел паппи Вик и дал прекрасную пищу. Он не знает, что случилось с его друзьями, но он надеется, что они тоже убежали.

— Их здесь нет, — сказал Грег. — Вы будете искать их?

— Конечно.

— А если с ними что-то случилось, мы будем искать Керкеда и Новайса до тех пор, пока они не умрут от старости, если, конечно, мы не поймаем их раньше, — добавил Бранхард.

— Ахмед, Бриллианту нравится здесь?

— О, да. Он самый счастливый Пушистик из тех, что когда-либо видел, а я ни разу не встречал Пушистика-меланхолика. У вас хороший, энергичный Пушистик, мистер Грег.

— Он таким и останется, если мне разрешат оставить его, — сказал Грег.

— Я не буду возражать, — ответил ему Кхадра.

— Конечно, он останется у вас, мистер Грег. Вы любите Пушистика, а он — вас. Он счастлив здесь, это все, что меня интересовало.

— Но, мистер Хеллоуэй, правитель Рейнсфорд не пришел посмотреть на Пушистика.

— Правитель Рейнсфорд не комиссионер по местным делам, не федеральный суд. Судья Пэндервис неделю назад говорил мне, что суд в вопросах о Пушистиках будет придерживаться мнения Комиссии.

— Генеральный Прокурор тоже имеет некоторое влияние на суд, — сказал Бранхард. — Генеральный прокурор будет ходатайствовать об удовлетворении вашей просьбы. — Он поднялся на ноги. — Ну, все вопросы исчерпаны? Тогда пойдемте, посмотрим, что делают Пушистики.

Глава 9

Гус Бранхард долил бренди в чашку с кофе, пригладил бороду и попробовал. Хорошо, подумал он, но у костра на континенте Бета этот напиток был бы вкуснее. После сухого доклада, во время которого томились в ожидании неприлично полные стаканы коктейля, они отложили дела и за обедом говорили обо всем.

— Ну, я могу выдвинуть обвинение в преступных действиях, и я это сделаю, — заверил Гус тех, кто пил кофе в гос-

тиной дома правления. — Насильственный захват и принудительная ссылка. Если это не похищение, тогда что же это?

— Гус, попробуйте лучше обвинить их в порабощении, — сказал Джек Хеллоуэй. — Если вы сделаете это, мы сможем расстрелять эту парочку, а казнь покажем по телеканалам. Нам необходим действительно запоминающийся пример.

— Ну, я пока расскажу историю Бриллианта, — сказал Панчо Убарра. — Он и пять других Пушистиков спускались по течению маленькой речушки, а затем, пройдя водопад, свернули к месту, где были два хагга — существа, которых он узнал в видеозаписи. Хагга дали им Рацион-три и что-то из бутылки. Проснулись они в одной из многочисленных комнат дома Компании. Все они были с похмелья. Бриллиант убежал, но плохие Большие существа увезли остальных.

— Так, теперь мы должны искать пятерых Пушистиков, — сказал Хеллоуэй. Это будет вашей задачей, Ахмед. Вы останетесь здесь, в Мэллори-Порте. Мы присваиваем вам звание капитана и даем должность шефа детективов, это уравнивает вас со здешними руководителями. Если Пушистиков поймали для продажи, то это дело Федерации.

— Вероятно, их поймали для экспериментов Мейлина, — сказал Бен Рейнсфорд.

Джек выругался.

— Бен, вы просто не обратили внимания на то, что все эти материалы были подтверждены показаниями детектора лжи. Они не ловили никаких Пушистиков, кроме четверки Герда и Рут.

— Губернатор, мистер Гrego, сотрудничает с нами, — официально объявил Ахмед Кхадра. — Вся полиция Компании работает на это дело. Шеф Стифер будет обо всем докладывать нам, а доктор Джименз завтра вылетает на континент Бета, чтобы показать нашим людям, где был его лагерь. По описанию Пушистиков мы решили, что Керкед и Новайс вернулись именно туда.

— Ладно! Что вы собираетесь делать с Пушистиком из дома Компании? — спросил Бен Джека, проигнорировав слова Кхадры. — Вы оставите его у Гrego или нет?

— Конечно, оставим. Бриллиант счастлив, а Гrego заботится о нем. Я буду рекомендовать судье Пэндервису назначить Гrego опекуном Пушистика.

— Этого нельзя делать! После всего, что сделал Гrego... Нет! — настаивал Рейнсфорд. — Он хотел переловить всех Пушистиков из-за их меха. Он увез ваших собственных Пу-

шистиков. Он приказал Джимензу поймать других и велел Мейлину мучить их. Спроси об этом у Рут. А потом затеял историю с дочкой Ларкина и выбросил их на растерзание толпы. Посмотрите, как он пытался убедить всех, что вы научили Пушистиков нескольким трюкам и на этом сфабриковали утверждение, что они разумные существа...

Наконец-то Бен высказал причину своей ненависти. Грегo пытался обвинить его в намеренной научной фальсификации. Естествоиспытатель мог бы простить, но это было подобно обвинению полководца в измене или врача в преступной небрежности.

— Мое профессиональное мнение таково, — сказал Панчо Убарра, — что Грегo и Бриллиант привязались друг к другу, и будет несправедливо разлучать их. К тому же это может нанести вред психике Пушистика. Я так и скажу судье Пэн-дервису.

— Это будет нашей официальной тактикой, — сказал Хеллоуэй. — Если мы увидим, что люди и Пушистики счастливы вместе, мы не станем разлучать их.

Рейнсфорд стал раздраженно набивать трубку.

— Вы забыли, что правитель здесь я. Я делаю политику. Я приказываю вам...

Кончики белых усов Джека дернулись, глаза сузились. Он стал похож на старого разъяренного тигра.

— Это правда, — сказал он. — Вы приказываете представителю Комиссии по местным делам. Если вам не нравится, как я выполняю свою обязанности, то найдите себе другого комиссионера.

— И нового генерального прокурора тоже. Я во всем согласен с Джеком.

— Так вы все против меня? Вы хотите работать с неприлегированной Компанией Заратуштры? — трубка Рейнсфорда с грохотом упала на стол.

После такого треска кое-кто мог бы через секунданта потребовать удовлетворения. Гус и сам мог бы бросить вызов любому, но не Бену Рейнсфорду. Он повернулся к Панчо Убарре.

— Доктор, что вы как психолог можете сказать об этом взрыве? — спросил он.

— Я не имею права высказывать свое профессиональное мнение, — ответил психолог Вооруженных Сил. — Правитель Рейнсфорд не является моим пациентом.

— Вы хотите сказать, что я могу быть чьим-то пациентом? — спросил Рейнсфорд.

— Ну, раз вы спросили об этом, я могу ответить. Вы не псих, но по отношению к Виктору Грегу вы не проявляете должного здравомыслия.

— Вы думаете, мы позволим ему делать все, что он захочет? Вы хотите сделать планету такой, какой она была перед решением Пэндервиса?

— Бен, он не делал ничего плохого, — сказал Гус. — Я начинаю думать, что он сделал эту работу лучше, чем ее сделали бы вы. Пора прекратить играть и начать работать по-настоящему. Вы задерживаете выборы делегатов и утверждение конституционной конвенции, в то время как права общественных служб Компании были признаны недействительными, вы переделали их и привели в действие. Вы должны прекратить хищения рогатого скота на континентах Бета и Дельта, или здесь вспыхнет парочка первоклассных войн. К тому же вам пора начинать думать о наплыве эмигрантов, которые хлынут на планету, когда на других планетах узнают о решении Пэндервиса.

Сунув трубку и табак в карман, Рейнсфорд вскочил на ноги. Пару раз он пытался прервать Гуса.

— О, черт возьми! — крикнул он в конце концов. — Лучше я пойду поговорю с моими Пушистиками! — С этими словами он выбежал из комнаты. Мгновение стояла тишина, затем Джек Хеллоуэй выругался.

— Надеюсь, Пушистики вразумят его. Это не в моих силах.

Возможно, они вразумили бы его, если бы он их слушал. В этом вопросе Пушистики выказывали больше разума, чем он. Ахмед Кхадра, который молча сидел во время этой шумной ссоры, грохнул чашкой о блюдо.

— Джек, кажется, мы можем возвращаться в отель? — спросил он.

— Нет, черт побери! Это не частные владения Бена Рейнсфорда, а дом Правления! — воскликнул Хеллоуэй. — Мы тоже работаем на Правление. Этим мы занимаемся и сейчас.

— Мы поговорим с ним снова, — Гус с каким-то удовольствием огляделся вокруг. — Собравшись вместе, мы вырабатываем Кодекс Пушистиков, и он одобрит его. Прежде чем будет разработан колониальный закон, нам надо подтвердить его декретом. Нужно подсчитать, скольких Пушистиков мы можем отдать на усыновление. Мы не можем закрыть черный рынок, но, если вы предоставите людям возможность получить Пушистика на законном основании, они не станут покупать их у гангстеров.

— Я знаю это, Гус,— сказал Джек. — Я уже думал об организации бюро усыновления. Но кто будет руководить им? Я никого не знаю.

— Я знаю каждого человека в здании Центрального суда, где каждый знает каждого. Может, Лесли Кумбес согласится помочь мне?

— Боже мой, Гус! Только не говорите этого Бену, — попросил его Джек. — Будет взрыв мощностью в несколько мегатонн.

— Он может оказать большую помощь. Если мы попросим, он сделает.

— Рут много работала с юношеским судом, — упомянул Убарра. — Там есть какая-то ассоциация юношеского благополучия...

— Клодетта Пэндервис, жена главного судьи. Она много сделала для юношеского благополучия.

— Да, — сразу же согласился Убарра. — Я слышал, что Рут говорила о ней. К тому же отзывалась очень благоприятно, хотя, как правило, у Рут быстро возникает прогрессирующее отвращение к доброжелателям.

— И она любит Пушистиков, — добавил Джек. — Она не пропустила ни одного заседания суда. Я обещал ей Пушистиков, как только появится свободная пара. — Он поднялся на ноги. — Идемте поищем какую-нибудь контору, где был бы письменный стол и экран связи. Я вызову ее и скажу о нашем решении.

* * *

— Фредерик, я не помешаю?

Пэндервис оторвался от считывающего экрана и, отложив сигару, попытался подняться. Клодетта, войдя в комнату, жестом остановила его. Она подошла к нему, обвила шею руками и, откинув голову, посмотрела ему в лицо. Она делала так на Бальдуре, когда они познакомились и он ухаживал за ней.

— Фредерик, я хочу сказать тебе кое-что, — начала она. — Со мной связался мистер Хеллоуэй. Он говорит, что подобрал для меня двух Пушистиков, мальчика и девочку. Он привезет их завтра или послезавтра.

— Ну, это прекрасно!

Клодетта была помешана на Пушистиках. Это началось после первой телепередачи о них. Она ходила в суд, навещала их в отеле «Мэллори» во время судебного разбирательства.

— Я думаю, что я получу такое же удовольствие, как и ты. Я полюбил их с тех пор, как они перестали появляться в зале заседаний.

Они оба улыбнулись, вспомнив семнадцать Пушистиков и малыша, которые достойно вели себя в суде, пока обсуждалась их разумность.

— Я надеюсь, это не будет расценено как какая-нибудь привилегия, — добавил он. — Множество людей хочет иметь Пушистиков, но...

— Но другие люди тоже смогут получить Пушистиков. За этим и вызвал тебя мистер Хеллоуэй. Они создают Бюро усыновления, и он хочет, чтобы я следила, как бы Пушистики не попали в дурные руки.

В этом что-то было. Они оба задумались.

— Ты думаешь, правильно будет принять это официальное предложение? — спросил он.

— Почему бы и нет? Я же работаю с юношеским благополучием.

— От тебя будет зависеть, кому разрешить усыновить Пушистиков, а кому — нет. Когда будет учрежден суд местных случаев — я думаю поручить это Авесу Дженниверу — наши решения будут учитываться в первую очередь.

— Ты думаешь, мои решения будут учитываться юношеским судом Адольфа Руиза?

— Это так, — согласился он. Благосклонно относясь к Пушистикам, она не может отказать в помощи организации Бюро усыновления; это вообще было бы предательством. И она так сильно хочет иметь Пушистиков... — Ну, пойдем дальше, дорогая. Делай, как знаешь. — Вряд ли они найдут кого-нибудь другого, кто действительно любит Пушистиков. Что ты ответишь мистеру Хеллоуэю?

— То же, что и тебе. Я сейчас свяжусь с ним. Он в доме правления.

— Ладно, вызови его и передай свое согласие. А я вызову Авеса и скажу ему о суде местных случаев.

Она подошла к нему и поцеловала на прощание. Она была счастлива. Он надеялся, что его не будут осуждать слишком строго. Ладно, его уже осуждали раньше, и он пережил это.

* * *

Виктор Грегго наблюдал за Бриллиантом, который изучал предметы, расставленные на низеньком столике для коктейлей. Тот взял из стеклянной вазы пару соленых орехов, над-

кусил один из них и положил остальные назад. Он осмотрел полупустую чашку с кофе и стакан с ликером и оставил их в покое. Затем он потянулся за пепельницей.

— Нет, Бриллиант. Вот это не трогай.

— Вов нинта, Бриллиант, — сказал немного больше продвинувшийся в языке Пушистиков Эрнст Мейлин. — Вместо того, чтобы заставлять их изучать наш язык, мы можем выучить их.

— Если мы научим их нашему языку, они смогут говорить со всеми, а не только с пушистологами.

— Я не одобряю этот термин, мистер Грег. Это греческий суффикс от «логос», а Пушистик — не греческое слово и не может использоваться с этим суффиксом.

— Это чепуха, Эрнст. Мы говорим не на греческом, а на смешанном земном. Вы знаете, что такое смешанный земной язык? Беспорядочная смесь английского, португальского, испанского, русского и разных африканских языков. В основу положен английский. Вы знаете, что такое английский? Результат стараний тяжело вооруженных всадников-норманнов Девятнадцатого доатомного века назначить свидание саксонским посудомойкам. Ничего страшного не получится, если в этот беспорядок будет внесено несколько греческих суффиксов. К тому же вам лучше смириться с этим термином, потому что ваш новый титул — шеф пушистологов и пятнадцать процентов надбавки к окладу.

Мейлин скупно улыбнулся.

— Ради этого я, пожалуй, смирюсь с лингвистикой посудомоек.

Бриллиант хотел знать, почему нельзя трогать пепельницу. Может, это причиняет боль?

— Как вы объясните ему на его языке, что нельзя бросить пепел на пол? Как на его языке «пол» и «пепел»? — Грег наклонился вперед и стряхнул в пепельницу пепел своей сигареты.

— Пепельница, — сказал он.

Бриллиант повторил это так хорошо, как только смог. Затем он перебрался туда, где сидел Мейлин. Мейлин считал курение актом инфантильности. Его пепельница была чистой.

— Пепельница? — спросил пушистик. — Бриллиант вов нинта?

— Вот видите? Он знает, что пепельница — производное слово, а не простое название специального предмета, — сказал Мейлин. — Я попробую доказать, что Пушистики не могут говорить неопределенно. Эта пепельница пустая; попро-

буем объяснить ему разницу. Если мы дадим ему слово «пепел», а затем...

Мягко звякнул сигнал вызова. Бриллиант быстро повернулся, чтобы посмотреть, что там такое. Работал личный экран связи. Только полдюжины людей знали комбинацию этого вызова. Виктор поднялся и включил экран. На нем появился Гарри Стифер.

— Мы нашли это место, сэр: на девятом нижнем уровне, а первая кража была зарегистрирована уровнем выше. Пушистиков держали в маленькой комнатке, которая выглядела так, словно там была общая уборная. Это рядом с главным холлом, и кто-то недавно прилетал сюда на аэрокаре. Кажется, здесь находились с полдюжины Пушистиков в течение двух или трех дней.

— Хорошо. Я хочу взглянуть на это. Пусть Бриллиант тоже посмотрит. Пошлите кого-нибудь из тех, кто знает, где это находится, за нами. Пусть он припаркуется на моей личной стоянке.

Он отключил экран, и повернулся к Мейлину:

— Вы все слышали? Тогда идемте вниз и посмотрим.

* * *

Джек Хеллоуэй, стоя наверху длинного эскалатора, через перила заглянул в сад. Там было светло от двойного освещения, исходившего от взошедшего Дариуса и приближавшегося к закату Ксеркса. Через некоторое время он заметил полулежавшего в кресле Бена Рейнсфорда. Флора и Фауна удобно устроились у него на коленях. Спустившись вниз и подходя к ним, он решил, что они спят. Вдруг один из Пушистиков зашевелился и уикнул, а Рейнсфорд повернулся в его сторону.

— Кто это? — спросил он.

— Джек. Вы были здесь весь вечер?

— Да, втроем, — сказал Рейнсфорд. — теперь, кажется, настало время укладывать Пушистиков спать.

— Бен, нас вызвали из дома Компании. Они нашли место, где держали Пушистиков. Пустая комната на одном из незаселенных уровней. Они прислали за нами небольшой пикап; темнота, мерзкое место. Полиция Компании ищет физические доказательства, подтверждающие историю Бриллианта. И вообще им не нравится отсутствие этих двух лесничих Компании — Керкеда и Новайса. Похищение и подозрение на порабощение.

— Кто с вами связался? Стифер?

— Грег. Он говорит, что мы во всем можем положиться на него. Он действительно переживает за них.

Пушистики спрыгнули на землю и попытались привлечь внимание Джека. Бен поудобнее уселся в кресле и стал набивать свою трубку.

— Джек, — его голос был тихим, и говорил он как-то нерешительно. — Я говорил с ребятами, пока они не захотели спать. Они были в доме Компании и играли с Бриллиантом. Они говорят, что он там одинок, и хотят, чтобы он пришел сюда навестить их, а они потом в ответ навестят его снова.

— Ну, Пушистики иногда ходят поодиночке. Они рассказывали мне обо всех прекрасных вещах, которые есть у него в саду и в его личной комнате. Они говорили о нем только хорошее и что паппи Вик любит его. Это они так называли Грег: паппи Вик. И нас они называют так же: паппи Бен и паппи Джек. Зажигалка Бена вспыхнула и осветила лицо и трубку в зубах.

— Джек, я не понимаю этого. Я думал, что Грег ненавидит Пушистиков.

— Почему он должен их ненавидеть? Пушистики ничего не знают о правах Компании; черт побери, что они могут знать о классификации планет? Он даже не ненавидит нас. Бен, он готов прекратить войну. Почему вы этого не хотите?

Рейнсфорд медленно выпустил дым. Отнесенный ветром, он изменил цвет в двойном свете лун.

— Вы в самом деле думаете, что Пушистик хочет остаться с Грег? — спросил он.

— Если вы отберете его у паппи Вика, это разобьет его сердце. Бен, почему бы вам не пригласить Бриллианта поиграть с вашими Пушистиками? Вы не хотите встречаться с Грег, но его может привезти девушка, которая за ним присматривает.

— Возможно, я так и сделаю. Вы договоритесь с Грег; почему нет?

— Мы встретимся завтра.

Пушистики не хотели играть. Они просто хотели, чтобы на них обратили внимание. Джек поднял Флору и передал ее Бену, а затем взял на руки Фауну.

— Идемте, положим их спать, а потом выйдем снова. Мы многое делаем наспех, поэтому нам нужны полномочия.

— Хорошо, какие?

— Ахмед останется здесь. Он, Гарри Стифер, Ян Фергюсон и некоторые другие созывают на завтра совещание по воп-

росу общей охраны Пушистиков. Я учреждаю Бюро усыновления. Жена судьи Пэндервиса согласилась взять на себя эти обязанности. Нам нужен закон, и, пока не выбрана законодательная власть, вы должны провести его декретом.

— Ладно, все правильно. Но есть одна оговорка, Джек. То, что Грег с нами, еще не значит, что я позволю снова захватить контроль над этой планетой, какой он имел перед решением Пэндервиса. Пушистики разрушили монополию Компании. Так вот, я хочу любоваться этими развалинами.

Глава 10

Когда Эрнст Мейлин, встретив на посадочной площадке Панчо Убарру, ввел его в апартаменты Гrego, тот был слегка удивлен, увидев там Генри Стенсона, сыгравшего не последнюю роль в крушении Компании Заратуштры. Там была сестра Пушистиков Сандра Глинн, сам Грег, хотя шло рабочее время, и, конечно, Бриллиант.

— Мистер Стенсон! — воскликнул Панчо. — Вот это сюрприз!

Стенсон улыбнулся.

— Мы не можем скрывать наше знакомство, лейтенант, — сказал он. — Мистер Грег осведомлен о моей второй профессии. Он не держит на меня зла и считает, что нам лучше сотрудничать, чем враждовать.

— Мистер Стенсон кое-что принес. Это может заинтересовать вас, — сказал Грег, показывая коробочку, похожую на маленькую бритву с атомной батареей. — Лейтенант, пожалуйста, включите звуковой аппарат. Благодарю вас. Бриллиант, скажи что-нибудь дядюшке Панчо.

— Пливет, дядюска Панко, — очень чисто и внятно сказал Бриллиант, когда Грег поднес коробочку к его рту. Слышите, Бриллиант может говорить, как хагга!

— Конечно, слышу, Бриллиант! Это прекрасно!

— Как это получается? — спросил Бриллиант. — Есть говорящая вещь, говорит, как хагга. Нет говорящей вещи — хагга не слышит. Как это получается?

Пушистики могут слышать весь звуковой ряд, воспринимаемый человеком. Раса, не способная к этому не смогла бы избежать опасности в лесах, а значит, не смогла бы и выжить. Они свободно слышали звуки частотой около сорока тысяч герц. Никто из других млекопитающих Заратуштры этого не мог. По теории Герда Ван Рибика, Пушистики были живыми

ископаемыми, единственными из большого вымершего отряда приматов Заратуштры. По мнению Герда, задолго до того, как они научились символизировать мысли в речь в связи с какой-то древней проблемой выживания, у них развилась и восприимчивость к ультразвуку. А беседовать между собой в ультразвуковом диапазоне они стали, вероятно, для того, чтобы не выдать себя своим естественным врагам.

— Хагга большие, делают большой разговор. Пушистики маленькие и слышат разговор Больших существ. Хагга не слышат разговор Пушистиков, потому что Пушистики маленькие и делают маленький разговор. Большие существа сделали вещь-для-уха, которая делает разговор Пушистиков большим в ухе, и его можно слышать. Теперь хагга сделал говорящую вещь, Пушистик делает большой разговор подобно хагга, и каждый слышит, имея вещь-для-уха и не имея вещи-для-уха.

Это не было вопросом. Бриллиант дошел до этого сам. Вопросом, который он повторил, было «Как это получается».

Грего усмехнулся.

— Вы превосходно все объясняете, лейтенант. Прочитайте ему лекцию об ультразвуке, электронике и акустике.

— Ваш главный пушистолог, вероятно, уже сделал это?

— Даже не пытался, — сказал Мейлин. — Вы знаете их язык лучше, чем я. Какие слова Пушистиков стали бы вы использовать, объясняя нечто подобное?

Это была правда. Любая раса — хомо сапиенс Земли или Пушистик Пушистый Хеллоуэя Заратуштры — может понять только то, на что распространяется их устный символизм, и не больше. Они могли понять только те идеи, для описания которых у них были слова.

— Скажите ему, что это черная магия Земли, — предложила Сандра Глинн.

Это могло сработать на планетах Локи, Вере, Уггдрасиле. На Шеше или Уллере можно было бы упомянуть таинственные силы богов. Пушистики же о магии и религии имели такое же понятие, как об электронике, ядерной физике или о Властелине Света и тьмы.

Панчо шагнул вперед и протянул руку.

— Со-джоссо-аки, Бриллиант, — Со-покко дядюшке Панко.

Пушистик дал ему предмет, который держал обеими руками. Сходство с бритвой было более чем случайным: в пластмассовый корпус бритвы был вставлен ультразвуковой преобразователь. На месте лезвий было отверстие, в которое гово-

рил Пушистик. На противоположной стенке находилась круглая решетка, откуда слышались произнесенные звуки. Сбоку был приделан оригинальный выключатель.

— К тому же этот приборчик снабжен своеобразной батареей, — сказал Стенсон, показывая маленькую капсулу размером с шестимиллиметровый пистолетный патрон. — В основном, это собрано из частей ультразвукового слухового аппарата. Я еще немного доработаю его, переделаю выключатель. Маленькая рукоятка будет снабжена курком, связанным с выключателем. Пушистик будет включать прибор, как только возьмет его в руки, и выключать как только отложит в сторону. Прибор будет гораздо легче и меньше по размерам.

Он показал какие-то листы бумаги, на которых были вычерчены диаграммы, схемы и сделаны записи.

— Несколько человек в моей мастерской работают над этим. Через неделю мы изготовим пробный экземпляр. Завод Компании приступит к серийному изготовлению этого прибора, как только получит документацию на него.

— Мы получим патент, — сказал Грег, — и назовем этот прибор пушистофоном Стенсона.

— Грег-Стенсона — это же ваша идея.

— Черт, я же только рассказал вам, что мне надо, вы сами изобрели его, — доказывал Грег. — Мы запустим прибор в производство как можно скорее. Не знаю, какой будет на них спрос, но думаю, двадцать солей за штуку будет не слишком дорого.

* * *

Флора и Фауна были озадачены. Они сидели на полу у ног паппи Бена, глядели на забавных людей, появляющихся и исчезающих в картине на стене, и громко обсуждали это. Они давно поняли, что ничего нельзя было взять с экрана, нельзя было также влезть в него. Это была одна из множества других странных вещей Больших существ, которых они не могли понять. Но это было забавно.

Внезапно прямо на экране появился паппи Бен. Они испуганно оглянулись, думая, что он оставил их. Но нет, он был здесь, сидел в кресле, курил трубку. Они потрогали его, чтобы удостовериться, что он действительно здесь, затем взобрались к нему на колени и показали на паппи Бена на экране.

Флора и Фауна не знали о видеозаписи и не могли понять, как паппи Бен мог быть в двух местах одновременно. Это взволновало их. Такого быть не могло.

— Все нормально, ребята, — заверил их Бен. — Я действительно здесь. Там меня нет.

— Есть, — опровергла его Флора. — Я вижу.

— Нет, — возразил ей Фауна. — Паппи Бен здесь.

Возможно, Панчо Убарра или Рут ван Рибик смогли бы объяснить это, но Бен не смог.

— О, конечно же, я здесь, — сказал он, обнимая обоих. — Это не настоящий я, только похожий.

— Объявляется незаконным, — говорил паппи Бен с экрана, — захват Пушистика с использованием какого-либо другого Пушистика, а также с использованием токсических веществ, наркотиков, усыпляющих газов, звуковых ошеломителей и ловушек. Это будет расцениваться как похищение. Запрещается держать какого-либо Пушистика на привязи или как-то иначе физически удерживать его. Запрещается перевозить Пушистиков с континента Бета в любую другую часть этой планеты без разрешения Комиссии по местным делам. На каждом разрешении должны стоять отпечатки пальцев перевозимого Пушистика. Запрещается сознательно передавать Пушистика другому лицу с целью его транспортировки. Это также будет расценено как похищение и приведет к соответствующему наказанию.

Паппи Бен на экране нахмурился. Фауна и Флора оглянулись, чтобы посмотреть на выражение лица настоящего паппи Бена.

— Говоришь о Пушистиках? — спросила Флора.

— Да. Говорю, что Большое существо сделает плохо тому Большому существу, которое станет охотиться на Пушистиков, — ответил он.

— Сделает мертвым, как плохое Большое существо, которое сделало мертвой Златовласку? — спросил Фауна.

— Вроде того.

Так думали все Пушистики, которые были на суде во время судебного разбирательства. Что такое самоубийство, объяснять Пушистикам было довольно сложно, по крайней мере, в данное время.

Все Пушистики, которые знали о случившемся со Златовлаской, считали, что плохое Большое существо получило по заслугам.

* * *

Капитан Защитных сил Пушистиков, шеф детективов и полковник Ян Фергюсон, комендант и колониальный полицейский сидели с Максом Фрейном, начальником Колониальной полиции в кабинете последнего и смотрели телепередачу. На экране выступал правитель Рейнсфорд.

— Если кто-нибудь поймает Пушистика и будет держать его принужденно или незаконно перевозить для продажи, будет обвинен в порабощении.

— Ого! — Макс Фрейн поднял руку с воображаемым пистолетом к виску и щелкнул курком. — Смерть по декрету: суд проявляет неосторожность.

— Все дела с участием Пушистиков будет рассматривать Авес Джанивер. Он любит Пушистиков, — сказал Фергюсон. — И не любит людей, которые плохо обращаются с ними. Вот так.

— Я знаю, как Джанивер относится к смертным приговорам, — произнес Фрейн. — Он считает, что неправильно расстреливать людей за совершенное преступление. По его мнению, их надо расстреливать до того, как они преступят закон. Он бы стрелял преступников так же, как стреляют больных степняков. Профилактическая мера, я так думаю. Он и здесь будет поступать так же.

— Если Керкед и Новайс не дураки, они сдадутся сейчас, — сказал Фергюсон. — Как вы думаете, остальные пять Пушистиков еще у них?

Кхадра подумал и отрицательно покачал головой.

— Я думаю, они продали их кому-нибудь в Мэллори-Порте сразу же после того, как вывезли из дома Компании. Если бы найти, кому...

— Я мог бы назвать дюжину претендентов, — сказал Макс Фрейн. — И за спиной каждого стоит Хьюго Ингермани.

— Ну, это не в ваших силах. Ингермани — адвокат, а допросить адвоката под детектором лжи можно только в том случае, если вы поймаете его стоящим над трупом с пистолетом в руке или с отравленным ножом. Вот тогда у вас будет достаточно времени для этого.

* * *

— Великое множество людей хотят иметь Пушистиков, и мы знаем это, — говорил правитель Рейнсфорд. — Многие люди смогут получить их и сделать счастливыми. Мы не препятствуем таким людям в усыновлении этих очаровательных маленьких личностей. Бюро усыновления уже учреждено.

Ответственность за его работу взяла на себя супруга Главного судьи Фредерика Пэндервиса. Служба Бюро расположилась в центральном здании суда и откроется уже завтра утром.

— О папочка! Мама! — воскликнула маленькая девочка. — Вы слышали это объявление? Правитель сказал, что люди могут получить Пушистиков. Вы возьмете мне Пушистика? Я буду так любить его... или ее, все равно кого!

Родители переглянулись и внимательно посмотрели на свою двенадцатилетнюю дочь, стоящую возле них.

— Что ты скажешь на это, Боб?

— Марджори, животные требуют много внимания. Их надо кормить, купать, выгуливать и...

— О, я буду. Если только у меня будет хоть один Пушистик, я буду делать все. Но люди не должны называть Пушистиков животными, папочка. Пушистики такие же люди, как и мы. Вы же не называли меня зверенком, когда я была маленькой-маленькой, или называли?

— Боюсь, что твой отец так думал, моя малышка. Это в первых. Чтобы разговаривать со своими Пушистиками, тебе придется выучить их язык, потому что Пушистики не говорят на языке землян. Ты знаешь, Боб, мне кажется, я сама буду рада, если у нас будет Пушистик.

— По-моему, я тоже. Что ж, тогда завтра, как проснемся, пойдем в это Бюро усыновления...

Глава 11

На вечеринку собрались в доме Пэндервиса. Сидя на корточках, Джек Хеллоуэй курил трубку и что-то объяснял хозяевам. Судья и его жена тихо сидели на удобных низеньких стульях и знакомились со своими новыми гостями — двумя Пушистиками, которых Юан Джименз привез с континента Бета этим вечером. Бранхард развалился в одном из больших кресел и теребил свою бороду. Юан Джименз и Ахмед Кхадра отключили свои слуховые аппараты и перенесли выпивку на стол в другой стороне комнаты. Они обсуждали визит Джименза с двумя людьми из группы Джорджа Ланта к месту его бывшего лагеря.

— После того, как мы уехали, они возвратились туда, — говорил Джименз. — Мы нашли место, где они сажали кар. Но смотреть там, в общем-то, не на что. Перед отъездом они все привели в порядок. Вокруг не осталось никакого мусора.

— И никаких доказательств, — добавил Кхадра.

— Юримитси и Кальдерон сказали то же самое, когда

увидели все это. Место стало чище с тех пор, как мы покинули его.

— Они вычистили место преступления и тем самым совершили худшее преступление, чем все нечестные адвокаты Галактики, вместе взятые. Тут нет никаких вопросов. Этих Пушистиков привезли Керкед и Новайс — мы знаем это. У вас есть свидетели?

— Вы можете допросить Пушистика под детектором лжи? — спросил Бранхард через плечо. — Если нет, защита будет возражать.

Пэндервис оглянулся.

— Мистер Бранхард, боюсь, мне придется поддержать это возражение. И судье Джениверу, который будет слушать это дело, тоже. На вашем месте я бы потом узнал это. Можно вас допрашивать под детектором лжи? — спросил он Пушистика, сидевшего у него на коленях.

Пушистик-самец, терзающий молнию на его куртке, спросил:

— Уиик?

Судья почесал ему затылок, что нравилось всем Пушистикам, и спросил, за какое время можно выучить их язык.

— Не так уж и долго, — ответил Джек. — За один день я узнал все, что обнаружили ученые с Ксеркса. Через некоторое время, когда мы после суда вернулись домой, я уже мог говорить с ними. Как вы назовете их?

— А у них нет собственных имен? — спросила жена судьи.

— Кажется, нет. В лесу они ходят группами, в которых не больше шести-восьми Пушистиков. По-моему, все их имена подобны словам «Я», «ты», «этот» и «тот».

— Вы должны придумать, как записать их в акте усыновления, — сказал Бранхард.

— В лагере мы называли их Молодоженами, — сказал Кхадра.

— А что если назвать их Пьеро и Коломбина? — спросила миссис Пэндервис.

— Думаю, это превосходно, — согласно кивнул ее муж и указал на себя: «Аки паппи Фредерик. Со-пьеро».

— Аки пейо? Пейо сигго паппи Фельк?

— Он принял имя. Он говорит, что любит вас. Миссис Пэндервис, что вы будете делать с ними завтра? У вас есть слуги?

— Нет, только роботы, а я не хотела бы оставлять их надолго с роботами. Конечно, до тех пор, пока они не научатся ими пользоваться.

— Отправьте их в Дом правления, там они смогут поиграть с Флорой и Фауной, — предложил Бранхард. — Я свяжусь с Виктором Гrego и приглашу его Бриллианта. Они устроят прекрасную вечеринку. Событие года: первая встреча Пушистиков.

Зазвонил мягкий звонок. Судья посадил Пьеро на пол и, извинившись, вышел. Пьеро побежал за ним. Вскоре они оба вернулись.

— На экране шеф Эрли, — сказал судья. — Он хочет поговорить с капитаном Кхадрой или с мистером Хеллоуэем.

Это был новый шеф полиции Мэллори-Порта. Джек кивнул Кхадре, и они покинули комнату.

— Вероятно, нашли что-нибудь, связанное с Керкедом и Новайсом, — предположил Бранхард.

— Вы действительно хотите обвинить их в порабощении? — спросила миссис Пэндервис. — Это же, согласно закону, смертный приговор!

— Вы поймали человека, лишили его свободы, сделали из него свою собственность, — возразил Бранхард. — Как же еще вы назовете это? Любимый невольник — еще больший раб. Я не знаю, какую работу могут делать Пушистики...

— Развлечения в ночных клубах, реклама в барах, интермедии...

Вернулся Кхадра. Он надел берет и пристегнул кобуру.

— Эрли сказал, что кто-то видел Пушистика в квартире на северной окраине города, — сказал он. — Информатор сообщил, что Пушистика держат на одном из верхних этажей. Он отправил туда людей.

Это мог быть один из пятерки Керкеда или Новайса. Можно было предположить, что два служащих Компании продали их оптом какому-нибудь гангстеру Мэллори-Порта, который перепродал их в розницу. Здесь действительно кого-то стоило расстрелять. А тем временем Керкед и Новайс могут вернуться на континент Бета и поймать еще нескольких Пушистиков. Допросив людей, купивших Пушистиков, под детектором лжи, полиция может напасть на след этих гангстеров.

— Пойду посмотрю, что там такое, — сказал Кхадра. — Я свяжусь с вами при первой же возможности. Не знаю, сколько я там пробуду, во всяком случае, если не вернусь, благодарю за приятный вечер, судья, миссис Пэндервис.

Он торопливо вышел, и некоторое время стояла тишина. Затем Джименз сказал, что если Пушистик из группы Керкеда-Новайса действительно находится там, то Бриллиант дол-

жен увидаться с ним как можно скорее. Только он может узнать его. Кхадра должен был подумать об этом. Миссис Пэндервис надеялась, что там все обойдется без стрельбы. Городской полиции Мэллори-Порта вообще-то везло. Разговор то возобновлялся, то снова затихал. Единственными беззаботными существами здесь были только два Пушистика.

Примерно через час вернулся Кхадра. Он оставил в холле свой берет и кобуру.

— Что там было? — спросил Бранхард. Джеку же хотелось узнать, все ли в порядке с Пушистиками.

— Это был не Пушистик, — с отвращением сказал Кхадра. — Земная мартышка. Они привезли ее сюда пару лет назад. Привезли с Земли. Кто-то ее заметил из аэрокара и решил, что это Пушистик. Интересно, сколько еще таких сообщений мы получим?

Удивительно, что он не получал подобных сообщений, когда искал семейство Джека.

Глава 12

На следующее утро, когда Джек Хеллоуэй подлетел к зданию Центрального суда, движение воздушного транспорта казалось обычным. На наземной стоянке каров было больше, чем обычно, но их было не больше, чем во время суда Пушистиков. Он встал на эскалатор, ведущий на четвертый подземный уровень, где находилось Бюро усыновления, и начал подозревать, что не так уж много людей заинтересовались Пушистиками.

Но коридор, ведущий от холла к названному вчера кабинету, был набит битком. Это была хорошо одетая, спокойно ожидающая своей очереди толпа. Большинство пар, избегая толкучки, стояли в стороне. Каждый, казалось, был счастлив и возбужден. Это больше походило на рождественскую толпу, старавшуюся что-нибудь приобрести к празднику.

Заметив Джека, к нему подошел человек, одетый в форму представителя начальника полиции и, приветствуя его, коснулся края козырька.

— Мистер Хеллоуэй, вы пытаетесь пробраться в свой кабинет? Лучше идите здесь, сэр. С другой стороны такая же очередь.

Здесь было пять или шесть сотен человек, если разделить пополам, потому что большинство пришли парами.

— Сколько уже это продолжается? — спросил Джек. Некоторые люди пошли за ним.

— Примерно с семи утра. До этого здесь были несколько человек, остальные пришли попозже, к половине девятого.

Некоторые люди в толпе узнали его: «Хеллоуэй!», «Джек Хеллоуэй», «Он — комиссионер», «Мистер Хеллоуэй, Пушистики уже здесь?»

Полицейский провел его в нижнюю часть холла и открыл дверь кабинета. Он был пустым. Стол, стулья и другие предметы были покрыты пылью. Они прошли через него и вышли в другой коридор, где еще один представитель полиции спорил с людьми, которые тоже пытались пройти этим путем.

— А почему прошел этот, кто он? — кричала женщина.

— Он здесь работает. Это Джек Хеллоуэй.

— О! Мистер Хеллоуэй! Скажите нам, когда мы получим Пушистиков?

Проводник провел его по коридору, словно Джек был под арестом, и открыл еще одну дверь.

— Сюда, мистер Хеллоуэй. Это служба миссис Пэндервис. А я вернусь и успокою эту толпу, — он вскинул руку к козырьку и поспешно вышел.

Миссис Пэндервис сидела за столом спиной к двери и пересчитывала лежащую перед ней кипу анкет. Прочитанные анкеты она передавала девушке, сидевшей за маленьким столиком и что-то шепотом говорившей в микрофон компьютера. Еще две девушки сидели за другим столом. Одна говорила с кем-то по экрану связи.

Спросив, кто там, миссис Пэндервис повернула голову, затем поднялась и протянула руку.

— А, мистер Хеллоуэй, доброе утро! Что сейчас творится в холле?

— Ну вы же видели, как я вошел. Там около пятисот человек. Как вы управляетесь с ними?

Они указала на дверь перед ее столом. Он открыл ее и взглянул. Пять девушек сидели за длинным столом и беседовали с посетителями. Шестая собирала анкеты уже заполненные и относила к столу, где их сортировали и направляли в соседнюю комнату.

— Я пришла в восемь тридцать, — сказала миссис Пэндервис, — сразу же после того, как отвела Пьеро и Коломбину в дом Правления. Уже тогда была толпа, а люди все идут и идут. Сколько Пушистиков вы собираетесь раздать, мистер Хеллоуэй?

— Для усыновления? Я не знаю. Считаю моих Пушистиков, Пушистиков Герда и Рут ван Рибик, а также полицей-

ских Пушистиков, вчера их было сорок. К сегодняшнему вечеру их будет около сотни.

— Уже в настоящий момент мы имеем триста одиннадцать заявлений. К закрытию будет пятьсот-шестьсот штук. Во всяком случае, что же нам делать с ними? Некоторые люди хотят получить одного, некоторые — двух, а некоторые хотят получить всю семью. Мы не можем разлучать Пушистиков, которые хотят быть вместе. Если вы разлучите Пьеро и Коломбину, они умрут с тоски. А семьи из пяти-шести Пушистиков разве не хотят остаться вместе?

— Не всегда. Эти группы — не настоящие семьи. Это вид временных группировок для взаимопомощи. Живя в лесу впятером, легче защищаться, чем живя в одиночку. Они собирают растительную пищу и охотятся на одиночных мелких животных. Участь палеолитической экономики: что нашел, то и съел. Когда группа становится слишком большой, они разделяются. Когда одна пара встречается с другой, они объединяются, чтобы охотиться вместе. Вот почему у них такой хорошо развитый единый язык. Я полагаю, что все Пушистики разбивают панцирь затки так же, как это делал Первый Пушистик. Они даже не спариваются навсегда. Ваша пара очень молода, для них обоих это первое спаривание. Но у нас будут и такие, которые не захотят разлучаться; их будут усыновлять только вместе. — На мгновение он задумался. — Вы не можете снабдить Пушистиками каждого. Почему бы вам не бросить жребий? Пронумеровать эти заявления и вытащить номера?

— Конечно, нечто вроде лотереи. Управлять этим будет жюри комиссионеров, — сказала жена шефа Юстиции.

— Конечно, вы проверите каждое заявление. Думаю, это не займет много времени.

— Ну, об этом позаботится капитан Кхадра. Он возьмет людей из школ, из юношеского отдела городской полиции и из персонала Компании. Я задействую Юношеское благосостояние, группу родителей и учителей. Мы соберем их всех вместе, как только сможем. Думаю подключить сюда людей из отдела Общественной службы Компании. Надеюсь, мистер Грег временно освободит их от обязанностей.

— Правильно. Это затронет школы и госпитали. А почему вы не хотите поговорить с Эрнстом Мейлином? Он подберет таких людей, каких вы хотите. Теперь он тоже присоединиться к друзьям Маленького пушистика.

— А что будет после того, как мы распределим Пушистиков? Люди пойдут в ваш лагерь и выберут, кого хотят?

— Боже мой, нст! У нас и так достаточно неприятностей, а

тут еще эта толпа, — раньше он не задумывался над этим. — Нам надо найти место здесь, в Мэллори-Порте. Место, чтобы разместить пару сотен Пушистиков, прежде чем люди, получившие право на усыновление, смогут прийти и выбрать того, кого им надо.

Это должно быть большое огороженное место с парком внутри. Место, где Пушистики могут развлекаться вместе. Он не знал такого места и спросил, не знает ли его она.

— Я поговорю с мистером Урсвиком, шефом отдела общественных служб Компании. Он должен знать. Мистер Хеллоуэй, я даже не представляла себе, когда бралась за эту работу, насколько все это сложно.

— Миссис Пэндервис, я говорю об этом каждый час с тех пор, как Бен Рейнсфорд поручил мне эту работу. Кроме того, вы должны провести с людьми следующие беседы: «Забота о Пушистиках и их питание», «Психология Пушистиков». Мы попробуем подготовить брошюру и ленты для изучающих их язык. Нужны слуховые аппараты.

На одной из дверей в коридоре висела табличка с надписью «Следствие». В комнате за этой дверью он нашел Ахмеда Кхадру, говорящего по видеосвязи с человеком в форме городской полиции.

— Вы добились от них чего-нибудь? — спросил он.

— Проклятье, — отвечал городской полицейский. — Мы весь день таскаем сюда всех, кого зарегистрировали. Но как только они входят, Хьюго Ингерманн утаскивает их от нас. Здесь где-то сидит пара его людей с портативными рациями, и как только мы доставляем сюда какого-нибудь простофилю, на него в центральном суде тут же кто-то выписывает повестку: ордер на срочное предъявление земель для перерегистрации. Большинство из них мы вообще не можем допросить. Проходит час за часом, а те, кого мы все-таки смогли допросить под детектором лжи, ничего не знают об этом проклятом деле.

— Ладно, соучастников не нашли. Может, у них есть какие-нибудь друзья?

— Да. Все они — средние люди Компании. Они сотрудничают, но никто ничего не знает об их темных делишках.

Разговор продолжался еще несколько минут, затем Ахмед выключил экран. Он повернулся в кресле и закурил сигарету.

— Вы все слышали, Джек, — сказал он. — Они исчезли, и Пушистики вместе с ними. Я не удивлюсь, если и их друзья в Компании ничего не знают. Они могут ничего не знать. Мы

обыскали их комнаты. Кажется, они произвели основательную уборку, прежде чем исчезнуть. Мы ничего не смогли узнать от подонков общества. Провокаторы, служащие в полиции, тоже ничего не знают.

— Знаете, Ахмед, я начинаю беспокоиться. Хотел бы я знать, что стало с теми Пушистиками... — Он сел на край стола и достал трубку. — Когда вы сможете начать обследование людей, которые хотят получить Пушистиков?

* * *

Герд ван Рибик долил в чашку кофе и через стол передал Джорджу Ланту. Он снова должен вернуться к своей работе, они оба должны это сделать. Работа накопилась с тех пор, как Джек и Панчо покинули лагерь, а Ахмед Кхадра занялся розыском преступников.

— Восемьдесят семь, — сказал Лант. — Это не считая ваших, моих и Джека.

— У нас мало Рациона-три. Завтра нам придется ограничить его выдачу или даже давать через день. Пушистикам это может не понравиться. Джек говорил, что его скупают спекулянты. Когда Пушистики появились в Мэллори-Порте, он стал в большой цене.

На Заратустре вообще было мало Рациона-три. Люди держали банку-две в аэрокарах на случай вынужденной посадки в пустынях, которые покрывали большую часть планеты. До того, как обнаружили Пушистиков, потребление Рациона-три практически равнялось нулю. Есть еще запасы на Ксерксе в снаряжении индивидуального выживания и для снабжения космических кораблей, но эти запасы не могли быть использованы. Был послан запрос, но до того, как он достигнет Федерации, пройдет около четырех месяцев. Оставшихся запасов на это время не хватит.

— Лично я хотел бы, чтобы их было восемьдесят семь сотен, — сказал Лант. — Хотя, нет, я не сумасшедший. Здешние Пушистики еще не спускаются к обрабатываемым землям. До сих пор я не слышал, чтобы они заходили так далеко, кроме одного семейства, забредшего в лесную ферму. Но если они зайдут в настоящую фермерскую деревню или заберутся на сахарные плантации, что тогда будет? Знаете, мы с Джеком думали, что наша основная обязанность — защищать Пушистиков от людей. Но теперь я думаю, что может быть и наоборот.

— Это верно. Они не хотят приносить нам никакого

вреда, но я слышал, что даже Пушистики из семейства Джека разрушили кабинет Юана Джименза после того, как вырвались из клеток, куда их посадили. Я не виню их за это. Кроме того, они не знают, как надо вести себя среди людей, они не имеют ни малейшего понятия о частной собственности, тем более если в пределах видимости нет настоящего владельца.

— Как раз об этом я и говорил. Урожай. Они не понимают, что кто-то посадил эти растения. Они считают, что раз они нашли их, значит, они принадлежат им. А я не видел ни одного фермера, который не выстрелил бы первым, защищая свой урожай.

— Воспитание, — сказал Герд.

— Чтобы зажарить индюка, его сначала нужно поймать, — сказал Лант. — Мы сами воспитали эту толпу. Как нам оставить остальных?

— Надо воспитать фермеров. Что Пушистики едят, кроме Рациона-три?

— Затки. Они уже уничтожили их всех вокруг лагеря, поэтому нам приходится высылать патрульные кары на пару миль от лагеря, чтобы расстрелять гарпий.

— А вы знаете, какой процент урожая уничтожают сухопутные креветки? Одно время я занимался этим вопросом. Вот об этом я и хотел сказать фермерам. Пушистик нанесет урожаю энный ущерб, но он за день уничтожает полдюжины сухопутных креветок, которые могут нанести ущерб эн в девятой степени.

— Напишите сценарий, мы выпустим программу сегодня вечером: «Любите Пушистиков! Пушистики — лучшие друзья фермеров!» Может, это поможет? Герд кивнул.

— У нас восемьдесят семь Пушистиков. А сколько у них детенышей?

— Не считая Малыша? Четыре.

— И, как мы думаем, несколько беременных самок. Для выявления эмбриона Лина Эндрюс выслушивала их стетоскопом. Это единственный способ обнаружения, потому что беременность у Пушистиков не вызывает практически никаких внешних изменений. Какой, по-вашему, у них процент рождаемости, Джордж?

Джордж Лант долил кофе себе в чашку и машинально подул на нее. Где-то, вероятно, в школе полиции, кофе всегда подавали горячим, прямо с огня. Полдюжины Пушистиков ходили следом за роботом, наблюдая, как он убирает со столов.

— Да, демографическим взрывом здесь и не пахнет, — сказал он.

— Это вымирающая раса, Герд. Я не знаю, какова нормальная продолжительность их жизни в лесах, но думаю, что четверо из пяти умирают насильственной смертью. Кроме того, рождаемость у них значительно ниже смертности. Эта раса вымирает.

— Четыре ребенка на сто два Пушистика. Да, вы говорите, что пять девочек забеременели? Для определения беременности док Эндрюс пользуется стетоскопом... и вы допускаете, что у них могут быть и выкидыши?

— Странно, что вы обратили на это внимание. Это неплохая пропорция для самок, у которых имеется для спаривания ежемесячный цикл, а не ежегодный сезон. Мы ничего не знаем о периоде развития этих четырех малышей, но за три месяца, в течение которых мы наблюдали за ними, каждый прибавил только шесть унций и вырос на один дюйм. Я думаю, что для полного возмужания им понадобится около пятнадцати лет или, по крайней мере, десять.

— Значит, — сказал Лант, — процент рождаемости здесь ни при чем. Это большая детская смертность.

— Вот это меня и беспокоит, Джордж. Рут и Лину тоже. Если мы не найдем причину и не остановим детскую смертность, через некоторое время здесь не останется вообще никаких Пушистиков.

* * *

— Виктор, это похоже на старые времена, — сказал Кумбес, развалившись в кресле. — Здесь нет никого, кроме нас.

— Это верно, — Грегори принес кувшин и два стакана и поставил их на стол, стараясь не разрушить лежащую на краю мозаику, собранную из осколков цветного кафеля. — Вот искусство Пушистиков. Работа еще не закончена, но хорошо виден глубокий символический смысл.

— Ты его видишь, а я — нет, — машинально поблагодарив, Кумбес взял свой стакан и сделал большой глоток. — Где все?

— Бриллиант гостит там, где мое присутствие нежелательно. В доме Правления. Он, Флора и Фауна знакомятся с Пьеро и Коломбиной — Пушистиками судьбы и миссис Пэндервис. Сандра сопровождает его, а Эрнст совещается с миссис Пэндервис о помещениях, где можно разместить пару сотен

Пушистиков, которых в течение недели должны привезти в город для усыновления.

— Я вижу, ваш Пушистик и пушистологи вошли в контакт с нужными людьми. Вы слышали дневную передачу Хьюго Ингерманна?

— Нет. Я плачу деньги людям, чтобы это делали за меня. До меня доходит только семантически точное краткое изложение. Мне известны высказанные Ингерманном предположения: а) Бен Рейнсфорд больший плут, чем Виктор Грегго; б) Виктор Грегго больший плут, чем Бен Рейнсфорд; в) они собираются вступить в сговор, чтобы ограбить и поработить всю планету, включая и Пушистиков.

— Я слышал это и даже записал, надеясь, что он может забыться и сказать что-нибудь, дающее основание для судебного преследования. Но он не забылся, он достаточно хороший адвокат, чтобы знать, что является клеветой, а что — нет. Иногда я мечтаю посадить этого ублюдка за что-нибудь, чтобы допросить его под детектором лжи, но... — он только пожал плечами.

— Я заметил одну вещь: если ранее он нападал на Компанию и на Рейнсфорда, то теперь он пытается вбить между нами клин, чтобы мы не объединились против него.

— Да. Взять хотя бы дело с космодромом. «Почему наш честный и прямой правитель не покончит с имеющей позорную известность монополией Компании на космическую транспортировку? Компании, которая душит экономику планеты?»

— Ну, и почему он этого не делает? Потому что это встанет ему в пятнадцать миллионов солей, а пользуясь нашими услугами, корабли могут загружаться и разгружаться на орбите. Это кажется действительно актуальным вопросом для людей, которые сами никогда не думают, а они-то и составляют подавляющее большинство избирателей. Знаете, чего я боюсь, Лесли? Ингерманн нападает на Рейнсфорда за сговор с Компанией. Доказывая, что это не так, Рейнсфорд может навредить нам.

— Я тоже так думаю, — согласился Кумбес. — Кроме того, среди многих следствий судебного решения Пэндервиса на Заратуштре появилось демократическое правительство. Это значит, что здесь появилась политика. Любое жульничество, возникающее здесь, контролируется Ингерманном, а политика — наибольшее жульничество из всех. Хьюго Ингерманн выставит свою кандидатуру в качестве политического босса Заратуштры.

Аэрокар снизился к земле. Управляющий каром сержант Военно-космического флота облегченно вздохнул, убедившись, что не задел никого из полудюжины выбежавших навстречу Пушистиков. Панчо Убарра открыл дверцу и, кивнув своему спутнику, прыгнул на землю. Сопровождаемые толпой Пушистиков, к нему подошли Джордж Лант в форме полиции и Герд ван Рибик в куртке цвета хаки. Пушистики восторженно приветствовали его и поинтересовались, где паппи Джек.

— Паппи Джек в месте больших домов. Он не пришел сюда с дядюшкой Панко. Паппи Джек скоро вернется. Пройдет два света и две темноты, — сказал он Пушистикам. — Паппи Джек делает много разговоров с другими Большими существами.

— Делает разговоры о Пушистиках? — спросил Маленький Пушистик. — Хочет найти Больших существ для всех Пушистиков?

— Да. И найти место для Пушистиков в месте больших домов, — ответил Убарра.

— Он для этого и ушел, — сказал Герд. — Каждый Пушистик теперь будет иметь свое Большое существо.

— Да, Джек работает над этим вопросом, — произнес Панчо. — Вы знаете капитана Насагару? Герд ван Рибик, майор Лант. Капитан останется с нами на пару дней. Завтра прибудет лейтенант Пайн с подкреплением. Пятьдесят человек и пятнадцать боевых каров для патрулирования. Они останутся до тех пор, пока мы не наберем свои собственные силы.

— Я рад это слышать, капитан, — сказал Лант. — Вы нам очень поможете.

— Вам приходится контролировать большую территорию, — сказал Насагара. — Как сказал лейтенант Убарра, я останусь здесь только на несколько дней, чтобы разобраться в сложившейся обстановке. Пока вы будете вербовать и обучать свои собственные кадры, лейтенант Пайн останется здесь. Так будет, если не возникнут новые неурядицы в стране степняков.

— Надеюсь, они не возникнут, — сказал Лант. — Транспорт нам нужен так же, как и люди, нам уже мало своего.

— Несколько каров выделит Компания, — сказал Панчо. — Кроме того, Ахмед Кхадра начал усиленную вербовку в Защитные силы Пушистиков Заратуштры.

— Джеку не удалось достать хоть сколько-нибудь Рациона-три? — спросил Герд.

Панчо покачал головой.

— Он не может получить ни грамма для приемного центра, куда Пушистиков поместят в городе. Компания начнет производство Рациона Три, но на это нужно время. Когда они смонтируют установку, им, наверное, понадобится пара недель на эксперименты, прежде чем они выпустят первую партию продукции.

— Но формула же очень простая, — сказал Насагара.

— Некоторые производственные процессы довольно сложны. Я говорил об этом Виктору Грегю. Его люди не оптимисты, но он постоянно подгоняет их щелчками, чтобы начать выпускать Рациона-три как можно быстрее.

— Что? — спросил Герд. — Виктор Грегю любит Пушистиков? И Джименз, и Мейлин. Вы бы слышали мою изысканную и нежную жену, когда она говорит о них.

— Враги прошедшей войны в следующую могут стать союзниками, — улыбнулся Насагара. — Я пару лет провел на Тэре; кланы, которые без предупреждения стреляли в нас в первый сезон, в следующем могли стать нашими закадычными друзьями, а на следующий — снова нападать на нас.

Из-за барака поднялся аэрокар Защитных сил Пушистиков Заратустры и полетел к югу, а навстречу ему летел другой, возвращавшийся с патрулирования.

— Счастливого патрулирования! — крикнул Лант и объяснил Насагаре: — Пушистики уничтожили всех сухопутных креветок вокруг лагеря. С каждым днем им приходится охотиться все дальше. Гарпии так же любят Пушистиков, как Пушистики любят затки, поэтому мы прикрываем их с воздуха. Панчо, мы ввели патрулирование после вашего отъезда. За это время мы уничтожили около двадцати гарпий, четырех из них сегодня днем. А может, и больше, — не знаю.

— За это время гибли какие-нибудь Пушистики?

— От гарпий — нет. Вчера вечером они устроили резню. Два семейства поспорили из-за игрушек и пустили в ход «лу-било-копало». Пара Пушистиков получила ранения. Вот один из них, — он кивнул в сторону Пушистика с белой повязкой на голове, который, казалось, даже гордился этим. — Один сломал ногу. Док Эндрюс наложила ему гипс и оставила в больнице. Прежде чем я успел ввязаться в драку, Маленький Пушистик, Ко-Ко, Мамочка и пара моих уже разогнали их. Они подавили бунт так, словно всю жизнь занимались этой работой. Вы бы видели, как их потом распекал Маленький

Пушистик! Он говорил с ними, как старый сержант с новобранцами в лагере.

— Они дерутся между собой? — спросил Насагара.

— Здесь это первый случай. Полагаю, они дрались в лесах своими деревянными «затки-ходла». У них отличная система фехтования. Она не имеет ничего общего с межзвездными Олимпийскими стандартами, но очень эффективна. Только поэтому добрая половина их не была убита в первые же секунды, — Лант посмотрел на часы. — Ладно, капитан, вы идете со мной? В штабе Защитных сил мы согласуем наши действия и посмотрим, как нам лучше использовать помощь лейтенанта Пайна и его людей.

Насагара подошел к кару, влез в него и что-то сказал пилоту. Вслед за ним в кабину влез Лант. Убарра и Герд направились в лабораторию.

— У одной из беременных произошел выкидыш, — сказал Герд. — Малыш родился мертвым. Малыша, вернее, недоношенный плод мы заморозили. Кажется, он эквивалентен шестимесячному человеческому эмбриону. Во всяком случае, он не должен был выжить. Внешне он плохо сформирован, и я полагаю, внутренне тоже. Мы еще ничего не делали с ним. Лина хочет, чтобы ты тоже его увидел. Пушистики все в печали. Они хотели устроить похороны. Мы объяснили Маленькому Пушистику и паре других, что хотим сделать, и они попытались объяснить это остальным. Не знаю, что из этого вышло.

Пушистик, бежавший впереди них, крикнул:

— Мама Вут! Тетя Лина! Дядя Панко! Дядя Панко биззо ду-нитто!

Когда Панчо и Герд вошли в лабораторию, там стоял шум, а Рут, работающая за одной из стоек, пыталась утихомирить Пушистиков.

— «Хево, дядя Панко»! — приветствовала она его, спеша закончить работу. — Я сейчас освобожусь. — Она сделала несколько записей, написала жирным карандашом номер на пробирке, затем опустила ее в коробочку и закрыла. — Я не занималась этим со времен медучилища. Лина занимается жертвами побоища. — Она достала сигарету и прикурила, а затем опустилась в кресло. — Панчо, что вы думаете об Эрнсте Мейлине? — спросила она. — Вы верите ему?

— Да. Он действительно любит Пушистиков. Я видел, как он играет с Бриллиантом — Пушистиком Грего, Флорой и Фауной Бена и парочкой миссис Пэндервис.

— Я даже не могу себе этого представить. Я видела, что

он делал с Идеей, Комплексом, Синдромом и Суперэгоистом. Это чудо, что они не сошли с ума.

— Но ведь они не сошли. Они так же здоровы, как и любой другой Пушистик. А Мейлин сожалеет о содеянном, но не жалеет о том, что сумел узнать о них. Он говорит, что Пушистики — единственные абсолютно здоровые люди, которых он когда-либо видел, и их невозможно лишить рассудка. Он говорит, что если люди научатся мыслить так же, как это делают Пушистики, то психиатрические лечебницы опустеют и все работы по психиатрии можно будет забросить.

— Но они очень похожи на маленьких детей. Умные маленькие дети, но...

— Возможно, дети, которые к тому же страдают, вырастая. Возможно, мы тоже будем похожи на Пушистиков, если взрослые, окружающие нас с рождения, не заразят нас своим тупоумием. Надеюсь, в настоящее время мы не заразили этим Пушистиков. Что за драка была вчера вечером?

— Ну, она началась из-за игрушек, разбросанных вокруг. Новая группа, которая появилась здесь вчера днем, увидела их и решила забрать себе. Игрушки были общие, ими мог играть каждый, но они не знали этого. Возник спор, потом в ход пошли «лубило-копало». Группа, которая все это затеяла, теперь сожалеет о случившемся. Она уже подружилась с нашими Пушистиками.

Дверь, ведущая в лазарет, открылась, и вошла Лина. Рядом с ней бежали два Пушистика. Те, кто столпились в лаборатории, пошли к двери, чтобы навестить своего раненого друга.

Лина подошла к Рут и остальным. Герд спросил ее о пациенте. Тот оказался послушным и не возражал против своего вынужденного пребывания в постели.

— Что с девочкой, у которой был выкидыш?

— Она бегает, словно ничего не случилось. Панчо, это было душераздирающее зрелище. Плод был таким неопределенным, что невозможно было узнать, кто должен был родиться, самец или самка. Она дотронулась до него, посмотрела на меня и сказала: «Хадда. Ши-нозза».

— Мертвый. Как всегда, — перевел Герд.

— Она действовала так, словно и не ожидала ничего другого. Не думаю, чтобы у них выживало больше десяти процентов новорожденных. Панчо, хотите взглянуть на это?

Он не хотел; это была не его область. Но эмбриология Пушистиков вообще не была чьей-либо областью. Они подошли к одному из холодильников, и Герд вытащил и развернул

плод. Он был меньше мыши, и для того, чтобы лучше рассмотреть его, Панчо воспользовался лупой. Ручки и ножки плода были короткими и недоразвитыми, а голова — бесформенной.

— Я ничего не могу сказать, — проговорил Панчо. — Хорошо, что он родился мертвым. Что вы собираетесь с ним делать?

— Я не хочу анатомировать его сама, — ответила Лина. — Это слишком важно, и я могу все испортить.

— Я тоже не силен в анатомировании. Передайте его в госпиталь Мэллори-Порта. Я бы сделал именно так, — он снова завернул плод и положил его в холодильник. — Главное, выжать из него все, что возможно. Тут можно найти ответы на многие вопросы.

— Так я и сделаю. Я свяжусь с ними сегодня же.

Полдюжины Пушистиков ввалились в лабораторию. Они несли убитую сухопутную креветку. Не обращая внимания ни на что, они двинулись в лазарет.

— Идем, Панчо, посмотрим, — сказал Герд. — Они принесли подарок своему больному другу. Им пришлось тащить эту креветку три или четыре мили.

* * *

Когда кар пролетал над домом Правления, в западной части сада можно было заметить двух людей и пятерых Пушистиков. Люди — это капитан Ахмед Кхадра и Сандра Глинн, а Пушистики — Пьеро и Коломбина четы Пэндервис, Бриллиант Виктора Грегора и хозяева — Флора и Фауна. У них был красно-золотой мяч размером с Пушистика, и они гоняли и толкали его по полянке. Время от времени они подкатывали его к тому месту, где стоял Кхадра, и тот пинал его обратно к играющим. Джек Хеллоуэй улыбнулся. Это было похоже на возню, которую он затевал со своими Пушистиками на лужайке возле лагеря, когда там еще была лужайка и его собственные Пушистики.

— Бен, идемте к ним? — сказал он. — Я чувствую себя, словно Пушистик, возбужденный от вида игры.

— Так и сделаем, — сказал Рейнсфорд. — Билл, будьте добры, посадите нас здесь.

Опускаясь, пилот сделал круг и придержал кар над землей, пока они не выбрались из него. Пушистики увидели спускающийся кар и бросились к нему. Сначала Рейнсфорд подумал, что у них пистолеты; они были опоясаны ремнями с не-

большими кобурами, из которых торчали маленькие пистолетные рукоятки. Затем Пушистики вытащили их и приставили ко рту, и он увидел на концах этих предметов трехфутовые раструбы.

— Паппи Бен, паппи Джек! — пронзительно закричали они все вместе. — Смотрите, теперь мы говорим, как Большие существа!

Джек выключил свой слуховой аппарат. Это действительно было так, они все говорили в слышимом диапазоне.

— Это сделал паппи Вик, — гордо сказал Бриллиант.

— Их сделал Гарни Стенсон, — поправила его девушка. — Мистер Грег только сказал, что ему надо. Это пушистофон.

— Хиита, паппи Джек, — Бриллиант протянул руку с прибором. — Уиик-уик. Уииик! — он был рассержен, но потом понял, что убрал пушистофон от лица, — Пушистик говорит сюда, с этой стороны. Там разговор растет. Здесь, с этой стороны, идет большой разговор, подобный разговору хагта, — сказал он, снова приблизив прибор ко рту.

— Это хорошо, Бриллиант. Очень хорошо, — похвалил Джек. — Бен, что вы на это скажете?

Рейнсфорд присел на корточки перед своими Пушистиками и протянул руку.

— Со-покко-аки, Флора, — сказал он.

Пушистик протянул ему прибор и сказал:

— Кеффи, паппи Бен. Ду-блик.

— Да, — Рейнсфорд с любопытством осмотрел прибор и отдал его назад. — Это хорошая вещь. В какую бы руку Пушистик ни взял прибор, микровыключатель на рукоятке все равно включится.

Так оно и было. Пушистики одинаково хорошо владели обеими руками. Герд по этому поводу выдвинул теорию: возможно, хомо сапиенс Земли на некотором этапе развития тоже свободно владели обеими руками, но в драках и сражениях, чтобы надежнее защитить сердце, они чаще брали оружие в правую руку. Как и в большинстве теорий Герда, в этой тоже был здравый смысл.

— Кто их сделал? — переспросил Бен. — Стенсон?

— Да, в своей мастерской. Завод электронного оборудования Непривилегированной Компании Заратуштры начнет их выпуск, — сказала Сандра.

— Передайте мистеру Грегу, что его электронный завод может начать рекламировать их. Комиссия по местным делам считает, что их может понадобится очень много.

— Мисс Глинн, вы останетесь обедать с нами? — спросил Рейнсфорд.

— Благодарю вас, но я заберу Бриллианта домой.

— Я тоже заберу Пьеро и Коломбину, — сказал Кхадра. — Что вы собираетесь делать сегодня вечером?

— Займусь домашним заданием по языку Пушистиков.

— Почему бы мне не помочь вам с этим уроком? — поинтересовался Кхадра. — Я говорю с Пушистиками, словно один из них.

— Ну, если вам не трудно... — начала она.

Хеллоуэй улыбнулся.

— Кого вы пытаетесь обмануть, мисс Глинн? Взгляните в зеркало, разве какому-то Ахмеду будет слишком хлопотно учить вас языку Пушистиков? Был бы я лет на десять моложе, я бы оставил его с Пушистиками, а сам занялся бы вашими уроками.

Пьеро и Коломбина решили, что этот разговор слишком скучен и не относится к ним. Они подкатили мяч к Кхадре и скомандовали:

— Мек кикко!

Кхадра кинул мяч, и тот, оторвавшись от земли, полетел в сторону. Пушистики побежали за ним.

— Доктор Мейлин сказал, что он осмотрел санаторий, — сказала Сандра.

— Да, это хорошее место. Вы были там? — спросил Хеллоуэй Кхадру.

— Это большое место, — сказал Кхадра. — Я видел его с воздуха, конечно. Они используют только десять процентов территории.

— Да. Мы заберем здание, предназначенное для нервных больных, и квадратную милю парка вокруг него. Обнесем парк забором, чтобы Пушистики не заблудились и не погибли. Мы можем разместить там пятьсот-шестьсот Пушистиков, и они не почувствуют тесноты. Пройдет некоторое время, прежде чем это место заполнится полностью. Я думаю, через неделю там уже будет две с половиной сотни Пушистиков.

— Когда Бюро усыновления закрылось сегодня вечером, там приняли семьсот пятьдесят два заявления, — сказал Кхадра. — Джек, когда вы вернетесь в лагерь?

— Послезавтра. Я сам хочу удостовериться, что работы в приемном центре начались. Может, мне удастся найти еще немного Рациона-три. Я хочу загнать в угол рыночных спекулянтов и сбить цены.

Пушистики загнали мяч в заросли кустарника и теперь пытались вытащить его. Сандра Глинн побежала помогать им, Бен Рейнсфорд пошел за ней. Кхадра сказал:

— Это, вероятно, сборище Хьюго Ингерманна.

— Поговорим об Ингерманне. Что есть нового о Керкеде и Новайсе? И о пяти Пушистиках?

— Клянусь, Джек, я начинаю думать, что Керкед и Новайс вместе с Пушистиками залезли в конвертор концентрированной энергии. Они бесследно исчезли.

— До телепередачи Бена они их не продали. После открытия Бюро усыновления все только и говорят о похищении, порабощении и тому подобном, поэтому никто не осмелится купить контрабандных Пушистиков. Значит, они не смогут продавать их. Следовательно, они просто постараются избавиться от них.. Как? Вот что меня беспокоит. Если у них сохранился здравый смысл, они отвезут их на континент Бета и отпустят на свободу. Но все-таки я боюсь, что они их убьют. Все знают, что живой Пушистик может многое рассказать, поэтому я думаю, что этих Пушистиков уже нет в живых.

— Не знаю, не знаю. Семьсот пятьдесят два заявления, — сказал Кхадра, — на сто пятьдесят Пушистиков. Возникает рынок контрабандных Пушистиков, Джек. Знаете, что я думаю? Кажется, этих Пушистиков привезли не для продажи. Возможно, Керкед и Новайс с кем-то еще тренируют их для отлова других Пушистиков. Как вы думаете, Пушистиков можно использовать для этого?

— Уверен, что да. Это именно то, чем занимаются наши Пушистики в лагере. Знаете, что думают Пушистики? Большое существо — хорошая вещь. Любой Пушистик, имеющий Большое существо, живет без забот. Каждый Пушистик может иметь Большое существо. Это говорит Маленький Пушистик, заманивая из леса в лагерь других Пушистиков. Ахмед, кажется, вы правы.

— Есть еще одно предположение. Если эти бандиты заключат сделку с каким-нибудь капитаном торгового судна, они смогут отправить с планеты целый корабль Пушистиков и получить огромные барыши. Когда новости о Пушистиках распространятся вокруг, их можно будет продать где угодно — на Земле, Обине, Фрае, Мердоке, Атоне, Бальдуре и на любой другой подобной планете. Любой корабль может выйти на орбиту вокруг этой планеты, а если на его борту есть десантное судно, можно не пользоваться космодромом Непривилегированной Компании Заратуштры. До ближайшей планеты Дже-

мили новости дойдут за месяц, значит, через два с небольшим месяца оттуда может прибыть корабль.

— Космопорт. Вот почему Ингерманн твердит о ликвидации Космической монополии Компании. Если у него будет собственный небольшой космопорт, тогда...

— Можно будет заняться контрабандой, — закончил Кхадра. — Не солнечные камни, так наркотики или Пушистики.

К ним приближались Рейнсфорд и Сандра Глинн. Сандра несла Бриллианта, Пьеро и Коломбина бежали за ней, а позади всех Флора и Фауна катили мяч. Джеку хотелось как можно быстрее поговорить с Рейнсфордом. Здесь нужен еще один закон, запрещающий вывозить Пушистиков с планеты. Никто раньше не думал о такой возможности. И надо сказать об этом Грегс. Компания контролирует все нелегальные выходы в космос.

* * *

Лина Эндрюс выпрямилась и, оторвавшись от окуляра, закрыла глаза. Остальные четверо мужчин и две женщины в лабораторных халатах сдвинули осветительные приборы, увеличители и камеры, убрали инструменты.

— Он не мог бы прожить и тридцати секунд, даже если бы родился в срок, — сказал один из мужчин. — И это ничего не добавляет к тому, что мы уже знаем об эмбриологии Пушистиков. — Он был эмбриологом, правда, людей Земли. — Я анатомировал пятьсот преждевременных выкидышей, но ни один из них не был в худшем состоянии, чем этот.

— Он был таким крошечным, — сказала одна из женщин — акушерка. — Я даже представить себе не могу, что это эквивалентно шестимесячному зародышу человека.

— А я могу, — возразил кто-то. — Я знаю, как выглядят молодые Пушистики. Во время суда я много времени провел с Малышом Джека Хеллоуэя. Я не думаю, что оплодотворенное яйцо Пушистика намного отличается от нашего, поэтому можно предположить, что здесь нарастает постоянно прогрессирующее отклонение. Я бы сказал, недоразвитость.

— Это можно исправить, док. Вы можете предположить, почему этот плод недоразвит?

— Нет, не могу.

— Они пришли с севера континента Бета. Там велась разведка только с воздуха. Вы не знаете, какой там уровень радиации? Я видел фотографии жертв радиоактивного облу-

чения, возникшего в результате ядерных бомбардировок Третьей и Четвертой мировых войн, когда зарождалась первая Федерация.

— Территория эта не изучена, но обследована. Какая-нибудь достаточно сильная радиоактивность давно была бы замечена с Ксеркса.

— Черт побери, да этот плод мог быть зачат на площадке уранита размером со стол...

— А не может это быть результатом химического воздействия? Может, что-то было в пище беременной самки? — спросила вторая женщина.

— Жертвы талиломила! — воскликнул кто-то. — Первый век между Второй и Третьей мировыми войнами. Там у беременных женщин было то же самое.

— Все верно; пусть этим займутся биохимики.

— Крис Хосенвельд, — предложил кто-то из присутствующих. — Еще не поздно связаться с ним прямо сейчас.

* * *

У Пушистиков не было времени на коктейль, только Большие существа сидели вместе и делали разговор Больших существ. Пушистики приходили перед обедом, кто раньше, кто позже, и интересовались пищей, в зависимости от того, какой была охота. Поев, они шумели и играли до тех пор, пока не уставали, а затем, собравшись в группы, лениво переговаривались перед сном.

Жизнь в лесу совсем не походила на эту. Когда солнце садилось, им надо было отыскивать безопасное место, где до них не могли добраться большие животные. В то время, как все собирались в кучу и спали, тесно прижавшись друг к другу, один из них должен был постоянно бодрствовать. Но здесь Большие существа держали больших животных на расстоянии и убивали их гремющей вещью, если те подбирались слишком близко. Это было безопасно. И Большие существа имеют вещь, которая делает свет даже тогда, когда небо совсем темное, и всегда светло, как днем. Там много развлечений и безопасно, об этом говорило много новых вещей. Это было хоксийитто, прекрасное место.

А сегодня они были очень счастливы, потому что вернулся паппи Джек.

Маленький Пушистик достал свою новую трубку, которую паппи Джек привез ему из места больших домов, набил ее табаком и достал маленькую зажигалку. Некоторые из си-

девших вокруг него Пушистиков, которые недавно пришли из леса, были напуганы. Они не пользовались огнем; когда огонь появлялся в лесу, это было плохо. То был дикий огонь. Большие существа приручили огонь, и если человек не трогал его и не отпускал на свободу, огня можно было не бояться.

— Завтра мы пойдем в другое место и все будем иметь Больших существ? — спросил один из Пушистиков. — У нас будут Большие существа, как у тебя Паппи Джек?

— Не завтра. И не на следующий день. Через день после этого, — он поднял три пальца. — Пойдем к летящей вещи и прилетим на ней к месту, подобному этому. Там вам понравятся Большие существа. Они полюбят вас, вы пойдете каждый со своим Большим Существом жить в месте этого Большого существа.

— В хорошие места, как это?

— В хорошее место. Не как это. Другое место.

— Не хотим, здесь хорошее место, здесь много развлечений.

— Тогда не пойдете. Паппи Джек не заставит вас идти. Хотите идти, тогда паппи Джек найдет для вас хорошее Большое существо.

— Если не хорошее? Если плохое для нас?

— Тогда придут Паппи Джек, паппи Джордж, дядя Ахмед, паппи Гейд, дядя Панко. Они сделают много грома для плохих Больших существ. БАНГ, БАНГ, БАНГ!

Глава 14

Мирра была раздражена.

— Здесь мистер Данбар. Шеф химиков из Института синтетической пищи, — сказала она так, словно он этого не знал. — У него какой-то пакет, и он говорит, что может передать его только вам лично.

— Это мой заказ, Мирра. Проводите его.

Держа под мышкой картонку, Малькольм Данбар протолкнулся в дверь присмной Мирры. Это, вероятно, еще больше разозлило ее. Данбар был слишком исполнительным. Как должностное лицо он мог отправить посыльного. Он положил коробку на угол стола.

— Вот, мистер Гrego, это первая пачка. Мы закончили химический анализ. Этот препарат тождественен тому, что дали нам военные, и тому, что мы ввозили с Земли.

Виктор поднялся, обошел вокруг стола, вытащил из коробки светло-коричневую пластинку, отломил кусочек и попробовал его. Как и настоящий продукт, он имел слегка прогорклый, маслянистый и слегка сладковатый вкус, словно человек, изготовивший его, считал, что есть для удовольствия — это величайший грех. Если бы кому-нибудь из людей это понравилось, его бы назвали чудачком, но Пушистики Пушистые Хеллоуэя были от него в восторге.

— Вы уверены, что есть его не опасно?

Данбар был оскорблен.

— Боже мой, мог ли я принести это для вашего Пушистика, если бы не знал, что это такое! Во-первых, все сделано строго в соответствии со спецификацией Вооруженных сил Земной Федерации. Основной наполнитель — пшеничная мука, которую используют как в синтетической пище Аргентины, так и в диетическом-1. Остальное — химически чистые синтетические питательные вещества. У нас на заводе есть человек, который работал инженером-химиком на Диетическом-1, он контролировал все процессы. Мы проверили этот продукт на всех типах лабораторных животных: хомяках и типбарсах Уорана, а потом на кхелпсах Фрейна и макаках-резусах с Земли. Кхелпсам, — заметил он, — продукт не нравится, но он не повредил никому из них. Черт побери, пару часов назад я сам ел кекс, и, чтобы избавиться от привкуса, пришлось выпить пинту виски, — добавил мученик науки.

— Ладно, я допускаю, что это пригодно для потребления Пушистиками. К счастью, пятеро из них сейчас сидят у меня на веранде. Идемте.

В комнате Бриллианта находились: сам хозяин, Флора и Фауна, Пьеро и Коломбина. В саду было сыро — один из редких дождливых дней Мэллори-Порта. Они сидели на полу и складывали мозаику из цветных треугольников. Сандра Глинн читала в углу и вполглаза наблюдала за ними. Заметив вошедших, Пушистики вскочили на ноги и начали уикать, но, вспомнив о пушистофонах, быстро достали их и закричали:

— Хево, паппи Вик!

Грего попытался объяснить, что паппи Вик он только для Бриллианта, а для остальных дядя Вик, но Пушистики отказались делать какое-либо различие. Паппи для одного Пушистика — паппи для всех.

— Паппи Вик даст «лаци-тли», — сказал Грего. — Новый «Лаци-тли» очень хороший. — Он опустил ящичек, достал одну из пластинок, разломил ее на куски и раздал всем Пушистикам.

У Пушистиков были хорошие манеры: Пьеро и Коломбина, получившие лакомство первыми, держали свои куски, пока все остальные не получили свою порцию лакомства. Затем каждый из них немного откусил от своей порции. Откусили и замерли.

— Не холосо, — заявил Бриллиант. — Не лаци-три. Хотил лаци-тли.

— Плохо, — высказалась Флора, выплюнув то, что держала во рту, и понесла остатки к мусорному ящику. — Лаци-тли хороший, это — нет.

— Выглядит лаци-тли. Во лту — не лаци-тли, — сказал Пьеро.

— Что они говорят? — спросил Данбар.

— Они говорят, что это вообще не Рацион-Три, и называют меня глупцом, если я думаю, что это так.

— Но взгляните, мистер Грег, это Рацион-три. Это химически идентично тому веществу, что они ели до сих пор.

— Пушистики — не химики. Они знают только одно: это одновременно и похоже, и не похоже на Рацион-три.

— По-моему, на вкус это именно Рацион-три...

— Вы не Пушистик, — сказала ему Сандра. Она повернулась к Пушистикам и объяснила им, что паппи Вик и другие Большие существа действительно думают, что это Рацион-три.

— Паппи Вик не знал, — подтвердил он им. — Паппи Вик хотел дать настоящий лаци-тли.

Грег взял коробку и отнес ее на кухню. Там он открыл один из шкафов и достал банку настоящего продукта. Осталась только дюжина упаковок, он сам стал экономить. Виктор разрезал кекс на шесть частей и, отложив одну часть на ужин Бриллианту, раздал куски гостям.

Данбар все еще доказывал Сандре, что вещество, которое они принес, было химически чистым.

— Малькольм, я верю вам. Дело в том, что Пушистикам плевать на химический состав, — он посмотрел на этикетку банки. — Ваш человек, кажется, работал в Диетическом-1? А это продукт синтетической пищи Аргентины. Что они использовали в Диетическом-2 в составе хлебного наполнителя? Местное зерно?

— Нет, они ввозят земную пшеницу, выращенную в долине Миссисипи в Северной Америке.

— Химически отличающаяся почва, другие бактерии. Черт, возьмите табак. Мы экспортируем его на все колонизированные планеты, и нигде нет табака, по вкусу похожего на наш.

— У нас есть Рацион-три, выпущенный Диетическим-1? — спросила Сандра.

— Умная девушка. У нас он есть?

— Да, вооруженные силы обеспечивают Диетический-1.

— И Пушистики не видят различия?

— Нет, конечно. Джек Хеллоуэй купил Рацион-три у нас, и Пушистикам он понравился. Когда же они попали на Ксеркс, военные кормили их своими запасами. Какой наполнитель они использовали?

— Пшеницу, привезенную из Южной Америки и выращенную на континенте Гамма.

— Ну, Маль, вот и решение вопроса. Надо изучить это вещество на молекулярном уровне. Кто наш лучший биохимик?

— Хоенвельд.

— Пусть он поработает над этим. Здесь есть какое-то различие, и Пушистики это улавливают. Вы говорили, что вещество изготовлено по спецификации военных?

— Да, и оно полностью отвечает всем требованиям.

— На Ксерксе у Напьера есть большие запасы Рациона-три. Он не дает их, потому что не может отдать весь свой запас. Попробуем с ним поменяться...

* * *

— Ну, вы совсем свихнулись на этом! — утверждал управляющий Зааводом Синтетической пищи. — Пушистики постоянно едят Рацион-три, они помешались на нем. Если они не едят ваше вещество, значит, это не Рацион-три.

— Послушайте, Зеб, будь я проклят, но я уверен, что это именно Рацион-три! Мы в точности воспроизвели его формулу. Спросите у Джо Вески, он работал на Диетическом-1...

— Все верно, мистер Фиш, процесс полностью совпадает с процессом на Диетическом-1...

— Как вы помните, — торжествуя закончил Фиш. — Может, вы что-то запомнили неправильно?

— Ничего подобного, Мистер Фиш. Взгляните, вот схема: мука — основной наполнитель — идет вот сюда, к этом пресс-печам...

* * *

Доктор Ян Кристиан Хоенвельд был разодосадован, потому что он был ученым, а Виктор Грегори только бизнесменом, и он не пытался скрыть свою досаду.

— Мистер Грег, у меня сейчас слишком много работы. Доктор Эндрюс, доктор Рейнер и доктор Досихара просили меня выяснить биохимическую причину преждевременных родов среди пушистиков. А теперь вы хотите, чтобы я выяснил, чем для Пушистиков одна пачка Рациона-три отличается от другой. В городе есть оружейный мастер, над мастерской которого висит вывеска: «В сутках двадцать четыре часа, и только один — мой!» Я неоднократно прикреплял такую же вывеску в своей лаборатории, — несколько мгновений он сидел, нахмурившись. — Мистер Грег, а не приходило ли в голову вам или кому-нибудь другому из института Синтетической пищи, что различие кроется во вкусовом восприятии Пушистиков, что оно отличается от вкусового восприятия землян?

— Я думаю, что Пушистики со своим чувством вкуса заткнут за пояс большинство знаменитых дегустаторов Галактики. Но я сомневаюсь, чтобы оно было точнее ваших анализов. Раз Пушистик по вкусу отличает наш продукт от изготовленного в Институте Синтетической пищи Аргентины, мы должны найти это отличие. Доктор, я не знаю никого, кто лучше вас мог бы справиться с этим. Вот почему именно вас я и прошу заняться.

— Ха! — неприветливо ответил доктор Ян Кристиан Хоневельд. Последние слова ему польстили, но он не хотел этого показывать. — Ну, я сделаю все, что смогу, мистер Грег...

Глава 15

«Я должна примириться с доктором Мейлином. Я должна примириться с доктором Эрнстом Мейлином. Я должна...» Рут ван Рибик мысленно повторяла это, словно в сотый раз записывая эту фразу на воображаемой классной доске, в то время как аэробот, пролетая над городом, миновал высокую скалу дома Компании и широкое здание Центрального суда. Впереди простиралась зона санатория, где среди парка были разбросаны низкие белые коттеджи. Последний раз она видела Мейлина во время суда, но даже тогда она старалась говорить с ним как можно меньше. Одной из причин такого отношения к нему было то, что он сделал с четырьмя пушистиками. Панчо Убарра говорил, что у нее к тому же комплекс вины, потому что, кроме всего прочего, она представляла Пятую Колонну в Компании. Чепуха! Это была секретная работа, только поэтому она тогда не ушла из Компании Заратуштры. Она вообще не чувствовала за собой вины в том...

— Я должна примириться с доктором Эрнстом Мейлином, — сказала она вслух. — Проклятье, уже пришло время сделать это.

— И я тоже, — сказал ее муж, стоящий рядом, — и он тоже будет стараться примириться с нами. Он еще помнит, как мой пистолет смотрел ему в спину в день убийства Златовласки. Знал бы он, чего мне стоило не нажать на курок...

— Панчо говорил, что характер у него исправился.

— Панчо недавно видел его. Может, он и прав. Во всяком случае, он помогает нам, а нам нужна любая помощь, какую мы можем получить. К тому же, работая с Пушистиками Ахмеда Кхадры и миссис Пэндервис, он не повредил им.

Пушистики, столпившиеся на грузовой палубе, были возбуждены. Там был установлен экран фронтального обзора, и они могли видеть, как опускается бот. Места, которые они пролетали, могли быть лесом паппи Джека или паппи Герда, или дяди Панко. Маленький Пушистик говорил об этом и еще о том, что Большие существа придут и заберут их в другие хорошие места.

Рут надеялась, что большинство из них не будут разочарованы. Она также надеялась, что после усыновления все Пушистики останутся довольны.

Аэробот приземлился на превратившийся в стекло каменный фартук возле здания. Это было действительно хорошее место. Джек говорил, что, хотя оно и предназначалось для душевнобольных, оно никогда не использовалось по назначению. Четырехэтажное здание с открытой террасой на каждом этаже и садом, разведенным на крыше. На каждом уровне натянута прочная сеть: Пушистики не смогут выпасть. Много деревьев и кустарников. Пушистикам должно здесь понравиться.

Они помогли Пушистикам спуститься на землю и подошли к встречающим. Миссис Пэндервис; Рут и жена главного судьи были старыми друзьями; Сандра Глинн, высокая рыжеволосая девушка, сестра Пушистика Виктора Грегора; Ахмед Кхадра — новый штатский костюм слегка оттопыривался под его левой рукой. И полдюжины других людей, некоторые из них были ей знакомы по школе департамента и по отделу общественного здоровья. И, наконец, Эрнст Мейлин. Одетый в черное, он выглядел напыщенным педантом. «Я должна примириться...» Она протянула ему руку.

— Добрый день, доктор Мейлин.

Возможно, Герд прав; может, у нее просто возникло чув-

ство вины за то, что она обманула его, и вся ее ненависть возникла для того, чтобы оправдать себя.

— Добрый день, Рут... доктор ван Рибик, — поправился он. — Вы можете провести наших людей в здание? — спросил он, кивнув на полторы сотни Пушистиков, которые, возбужденно уикая, кружили в холле. Он назвал их людьми. Хотя он мог быть и не совсем искренним. — Мы организуем для них буфет. Рацион-три. Ну, и игрушки.

— Где вы достали Рацион-три? — спросила она. — За последнюю неделю мы не смогли получить ни крошки.

Мейлин загадочно улыбнулся, как улыбался тогда, когда был с кем-нибудь один на один.

— Мы получили его с Ксеркса. Компания приступила к выпуску Рациона-три, но Пушистикам он не понравился. Мы еще не знаем, почему — все было сделано точно по формуле. Мистер Грегс договорился с коммодором Напьером обменять запасы военных на наш продукт. Теперь у нас есть около пяти тонн Рациона-три. Сколько вам надо для лагеря Хеллоуэя? Пары тонн хватит?

— Хватит ли пары тонн? Я даже не знаю, как вас благодарить, доктор Мейлин! Конечно, хватит. Сейчас мы даем нашим Пушистикам по четвертинке кекса через день. («Я должна примириться с доктором Мейлином!») Почему им не понравился продукт, который начали выпускать ваши люди? Что-то не то?

— Мы не знаем. Мистер Грегс кому-то поручил эту работу. Все было сделано точно в соответствии...

* * *

Когда Малькольм Данбар включил экран, на нем появился доктор Ян Кристиан Хoenвельд. Он не стал тратить время на приветствие и другие излишества.

— Кажется, что-то вырисовывается, мистер Данбар. И в Диетическом-1, и в Синтетической пище Аргентины есть один компонент, который отсутствует в вашем продукте. Это не синтетические питательные вещества, не витамины, не соединения гормонов. Это вообще не является результатом неправильного синтеза, это слегка запутанная цепочка органической молекулы. В основном, она состоит из водорода и углерода, но там есть несколько атомов титана. Если это именно то, чего Пушистики не нашли в вашем продукте, я могу только сказать, что они обладают более острым вкусовым воспри-

ятием, чем любое другое разумное и неразумное существо в Галактике!

— Правильно! Значит, так оно и есть. Я видел, как они с отвращением выплевывали наш Рацион-три и с великим удовольствием ели продукт Синтетической пищи Аргентины. Какой процент этих соединений содержится в веществе?

— Около одной десятитысячной, — ответил Хоенвельд.

— А титана?

— Пять атомов из шестидесяти четырех в молекуле.

— Это очень острый вкус, — Данбар на мгновение задумался. — Полагаю, все дело в пшенице. Все остальное синтезировано точно.

— Действительно, мистер Данбар. Вероятно, так будет записано в заключении, — покровительственно сказал Хоенвельд.

— У нас есть немного металлического титана. Это старые формы, которые мы заменили на стальные. Вы смогли бы синтезировать эту молекулу, доктор Хоенвельд?

Хоенвельд с неприкрытым презрением взглянул на него.

— Конечно, мистер Данбар. За полтора года. Как я понимаю, вы начали производить этот продукт, чтобы восполнить его нехватку на первые шесть месяцев. Спустя некоторое время Рацион-три привезут с Мердока, поэтому я не буду зря тратить свое время.

* * *

Конечно, все завершилось коктейлем. Где бы не появлялись люди Земли, они сажали табак и кофе, чтобы иметь традиционную сигарету и чашечку кофе на завтрак. Куда бы они ни отправлялись, они берут с собой или отыскивают на месте C_2H_5OH , и каждый день около семнадцати часов — у них час коктейля. Туземцы планет Локи, Гимли и Тора считали это религиозными ритуалами. Даже на Шеше и Уллере думали так же.

В общем-то, может, так оно и есть.

Сделав маленький глоток коктейля, Герд ван Рибик на мгновение отвлекся от разговора, в который был вовлечен, и прислушался к тому, о чем говорят его жена, Клодетта Пэндервис, Эрнст Мейлин, Ахмед Кхадра и Сандра Глинн.

— Мы хотим продержат их здесь до конца недели, прежде чем начнем раздавать людям, — сказала жена главного судьи. — Рут, если вы останетесь с нами на несколько дней, вы можете объяснить им, что их ждет в новых домах.

— И вы проведете курс лекций с людьми, которые усыновят их, — сказала Сандра Глинн. — Как обращаться с Пушистиками. Я думаю, это будут вечерние занятия. Ну, и начальный курс языка.

— Знаете, — сказал Мейлин, — я думаю передать несколько Пушистиков санаторию. Пусть они навещают больных. Они могут понравиться пациентам. Вы же знаете, у них нет совершенно никаких развлечений.

Это было похоже на Эрнста Мейлина. Раньше, казалось, он вообще не задумывался о развлечениях для других. Может, именно Пушистики научили его этому?

Люди, с которыми выпивал Герд, были из Научного Центра и Отдела общественного здоровья. Одна женщина, гинеколог, поинтересовалась, что сумел обнаружить Крис Хоенвельд.

— А что он мог обнаружить? — спросил патолог Рейнстер. — У него только один образец да и вряд ли там можно что-нибудь найти. Вероятно, все дело в метаболизме матери. Конечно, это может быть и радиоактивность, но то, что мы видели, кажется, является характерной особенностью этой расы. Думаю, мы можем найти что-нибудь в диетических пристрастиях Пушистиков.

— Сухопутные креветки, — предположил кто-то. — Насколько я знаю, их не ест никто, кроме Пушистиков. Это правда, Герд?

— Да. До открытия Пушистиков мы думали, что они вообще не имеют естественных врагов. Но, изучая Пушистиков, мы убедились, что они не едят то, что им может повредить.

— Они не берут то, что вызывает боль в животе или похмелье. Тут есть прямая связь. Но Пушистики не могут осознать причину этих несвершившихся родов, которые мы исследуем. Я согласна с тем, что это, вероятно, обычная вещь для Пушистиков. Может, связь с этим кроется в пище сухопутных креветок?

— Исследуйте это. Пусть этим займется Крис Хоенвельд.

— Попросите его. Или пусть лучше это сделает Виктор Грегго; он не выбросит Грегго из лаборатории. Крис выходит из себя, услышав о пушистиках. Они отнимают у него уйму времени.

— Ну, нам придется изучить еще не один утробный плод. У нас здесь сто пятьдесят Пушистиков, и мы должны найти...

— Изолировать всех беременных самок. Попросите мисс Пэндервис не раздавать их...

— ...сами можем усыновить их...

— ...микрохирургия... оплодотворит яйцеклетку...

У Рут и Джека Хеллоуэя даже в мыслях не было этого, когда они отправляли Пушистиков в Мэллори-Порт. Но они знали — если не сделать что-то сейчас, через несколько поколений здесь вообще может не остаться ни одного Пушистика. Если некоторые из них пострадают сейчас...

— Ну, если бы Златовласка не была убита, признали бы Пушистиков разумными или нет?

* * *

— Титан? — воскликнул Виктор Грегго. — Это интересно.

— Это все, что вы можете сказать, мистер Грегго? — спросил с экрана Данбар. — Это невероятно. Я проверил. Титан на этой планете очень редкий металл, как кальций на Уллере. Он только присутствует, вот и все. Держу пари, мы ввезли его семь лет назад больше, чем его было на всей этой планете.

Конечно, это было большим преувеличением. Он есть, и это факт, но они не могли извлечь его, используя какой-нибудь коммерчески выгодный процесс. Поэтому все, что на других планетах делают из титана, на Заратуштре изготавливали из легких сплавов и стали. В пшенице, выращенной на Земле, титан мог присутствовать как рассеянный микроэлемент, но в пшенице, выращенной на Заратуштре, его не было.

— Маль, — сказал Грегго, — кажется, мы застряли. Как вы думаете, Крис Хюенвельд может синтезировать эту молекулу? Мы добавим ее к другим составным частям...

— Он говорил, что сможет, но ему понадобится полтора года. Если не будет вашего категорического приказа, он не станет даже пробовать.

— К тому времени у нас будет столько Рациона-три, сколько нам будет надо. Ну, Пушистики, включая и моего, некоторое время обойдутся без него.

Он отключил экран и, закулив сигарету, глянул на глобус Заратуштры, сделанный Генри Стенсоном и позволяющий определять время. Был еще целый час до того, как Сандра Глинн вернется из нового Центра усыновления. Бриллианта она отвела в дом Правления. И Лесли не сможет выпить с ним коктейль сегодня вечером. Он отправится на континент Эпсилон, чтобы поговорить с людьми о том, что нельзя говорить по видеосвязи. Бен Рейнсфорд разослал вызовы делегатам на выборы конституционной конвенции,

а они хотели провести своих собственных кандидатов. Все шло к тому, что сегодня вечером Виктору Грегю придется пить коктейль только с шефом не привилегированной Компании Заратуштры, то есть с самим собой. Неплохо, если бы кто-нибудь из них был здесь.

Титан, подумал Грегю с отвращением. Здесь что-то кроется. Как называется это вещество? Ах, да! Нимфомонический металл. При нагреве он может сочетаться с другими веществами. Мысль возникла внезапно, словно пришла из какого-то другого пространства. Он остановился посреди кабинета и прикрыл глаза. Осознав все, он бросился к экрану связи и набрал комбинацию Малькольма Данбара.

Прежде чем Данбар ответил, прошло несколько минут. Он появился в пальто и шляпе.

— Я уже собрался уходить, мистер Грегю.

— Я вижу. Этот человек, Вески, который работал на Диетическом-1, он где-нибудь рядом?

— Да нет. Он уехал двадцать минут назад, и я не знаю, где его можно найти.

— Ладно, свяжусь с ним утром. Послушайте, из чего сделаны ваши пресс-печи и формы?

— Из легкой нержавеющей стали нашего производства. Почему это вас заинтересовало?

— Спросите у Вески, какие печи использовались на Диетическом-1. Может, они были из титана. Только не намекайте на ответ.

Глаза Данбара расширились. Он тоже слышал о химической нимфомонии титана.

— Конечно, они используют титан. И на Синтетической Пище Аргентины тоже. Послушайте, давайте я попрошу полицейских, она за полчаса найдут Джо.

— Не беспокойтесь, это подождет до утра. Я сам сначала хочу проверить, что из этого получится.

Он отключил экран и вызвал Мирру Фалладу. Она никогда не уходила домой раньше него.

— Мирра, пожалуйста, принесите мне пять фунтов чистой пшеничной муки, только убедитесь, что она смолота из зерна, выращенного на Заратуштре. Через пятнадцать минут отправьте ее сюда.

— Через пятнадцать минут? — переспросила она. — Это для кого, для Маленького монстра? Хорошо, мистер Грегю.

Он забыл о коктейле, который должен был разделить с Виктором Грегю. Когда работа движется, о выпивке, как правило, забывают.

Когда Сандра Глинн принесла Бриллианта в его комнату, из кухни доносился грохот. Она открыла дверь и заглянула туда, Пушистик, раздвинув ее колени, заглянул тоже. Грег что-то пек в помятой старой кастрюле, которую она никогда раньше не видела. Он оглянулся и сказал:

— Хей, Сандра, хево, Бриллиант. Возьми пушистофон, у паппи Вика нет слухового аппарата.

— Что делает паппи Вик? — спросил Бриллиант.

— Я тоже хотела бы знать это.

— Сандра, пусть ваши пальчики останутся чистыми. Когда это варево будет готово и подрумянится, посмотрим, понравится ли оно Бриллианту. Кажется, мы нашли, что надо делать с нашим Рацион-три.

— Лаци-тли? Вы сделали Лаци-тли? Настоящий? Не как тот? — хотелось знать Бриллианту.

— Попробуешь, — сказал паппи Вик. — И скажешь, хороший он или нет. Паппи Вик еще этого не знает.

— Что это на самом деле? — спросила Сандра.

— Хосенвельд обнаружил, что отсутствует в нашем Рацион-три, — объяснение было слегка путанным: она скорее прослушала, а не изучала курс химии. Но общий смысл до нее дошел: Рацион-три, который нравится Пушистикам, надо печь в титановых формах. — Это кастрюля сделана из титана, я привез ее с Земли. — Дав белому массиву подрумяниться, Грег снял кастрюлю с печи, обжег пальцы и выругался — словом, как любой мужчина на кухне. — Как только остынет...

Бриллиант понюхал то, что получилось, и хотел сразу же попробовать, но потом все-таки решил подождать. Взявшись за изогнутые ручки, Виктор и Сандра перенесли кастрюлю в комнату Пушистика. Мистер Грег положил небольшой кусок получившегося продукта на тарелку и подвинул ее Бриллианту. Тот взял маленький кусочек и осторожно попробовал. Затем он начал быстро запихивать кусок себе в рот.

— Мастер мысли потерпел крах, — сказала Сандра. — Ему действительно понравилось.

Бриллиант весьма быстро справился с кексом.

— Вам понравилось? — спросила Сандра Пушистика. — Хотите еще?

— Отдайте ему остатки, Сандра. Я вызову доктора Яна Кристиана Хосенвельда, пусть он поэкспериментирует. А после этого, мисс Глинн, вы не окажете мне честь выпить со мной коктейль?

* * *

Джек Хеллоуэй засмеялся.

— Так вот в чем дело! Как вы это обнаружили?

— Мейлин только что сообщил мне, а ему сказал Грег, — ответил с экрана Герд ван Рибик. — Они уже начали убирать формы из нержавеющей стали и заменять их на титановые. Джек, у вас есть какая-нибудь титановая посуда?

— Нет, у нас все из стали. Но у нас есть листовой титан: дом, старый ангар и навес сделаны из титана. Мы можем класть титан в пищу. Нарежем кусками и положим в чайник. Это должно сработать.

— Будь я проклят, — сказал Герд. — Я об этом не подумал. Держу пари, об этом не подумал никто.

* * *

Доктор Ян Кристиан Хоенвельд был раздражен и смущен, но больше раздражен. Он открыл неизвестную цепочку молекулы в широко распространенном продукте. Никто из биохимиков даже не подозревал о ее существовании. Он не мог понять, как это случилось; случайный эффект в одном из производственных процессов, но поскольку вещество было безвредным и питательным для людей и других живых форм со сложной биохимией и обменом веществ, никто до сих пор не искал его. Только маленькие животные — нет, люди, это доказано наукой — по вкусу обнаружили его отсутствие. Подобное случалось довольно часто. Он гордился завершенной работой, он хотел назвать только что открытое вещество Хоенвельдом. К тому же он мог разработать способ его синтеза, но с применением научных методов на это ушел бы год. Он знал это и говорил об этом всем.

А что же вышло? В течение одного дня вещество было синтезировано, если, конечно, так можно было выразиться, рядовым любителем, дилетантом, полным профаном. И не в лаборатории с новейшим оборудованием, а на кухне, в старой и помятой кастрюле.

И самым худшим из всего этого было то, что этот дилетант, этот эмпирик был его работодателем. Просьба главы Компании Заратуштры просто не могла быть выполнена. Ни им, ни учеными Компании.

Ну ладно, Грег нашел то, что хотел, об этом теперь можно не беспокоиться. Он уже вел работу: доскональное, долгосрочное изучение различий биохимии жизни Земли и Заратуштры. Различия небольшие, но они есть, и поэтому

должны быть найдены и изучены совершенными научными методами. А теперь они хотят подsunуть ему проблему детской смертности Пушистиков и преждевременных родов. Но существуют ли эти проблемы? Был всего один единственный случай — это шестимесячный плод, который передала ему Эндрюс, но у них много не доказанных теорий Герда ван Рибика. Кроме всего этого, они хотят выяснить, не являются ли сухопутные креветки причиной преждевременных родов. Возможно, изучив за год сотни случаев, они могли бы назвать это проблемой...

Он встал и медленно прошелся вдоль лабораторных столов. Здесь находились десять человек. Восемь из них занимались новыми разработками, которые возникли после того, как Герд ван Рибик, ткнув пальцем в небо, отвлек всех от серьезно спланированных научных исследований. Он остановился у одного стола, за которым работала женщина.

— Мисс Тресса, не могли бы вы сохранять свое рабочее место в лучшем порядке? — сказал он. — У каждой вещи должно быть свое место. Над чем вы работаете?

— У меня есть некоторые предположения относительно хокфусина.

Предположения!! Они насквозь поразили весь научный центр. Слишком много предположений и ни одоной удовлетворительной теории.

— Так мистер Грегго предложил называть титан от двух слов Пушистиков: хоки фуссо, прекрасная пища. На языке Пушистиков так называется Рацион-три.

Хокфусин! Ну и ну!.. Значит, в научной терминологии появятся слова Пушистиков.

— Ну, не забудьте ваши предположения, — сказал он ей. — У беременной самки, которую они хотят проанализировать, взято много образцов, органических веществ, крови, выделений тела, гормонов и тканей. Кажется, они хотят получить все анализы немедленно. И уберите хаос на вашем столе. Я уже не раз говорил вам, что первым достоинством в научной работе является порядок.

Глава 16

Они были в гостиной Джека, которая выглядела почти так же, как в первое прибытие сюда Герда ван Рибика, Рут и Юана Джименза, когда они без малейшей мысли о лишении Компании прав прибыли познакомиться с Пушистиками. За две недели, что Рут и Герд были в Мэллори-Порте, сюда

прибыло новое оборудование, внесшее некоторый беспорядок. Но здесь осталась крепкая, удобная мебель, сделанная Джеком, разбросанные по полу шкуры степняков и кустарникового домового, а также оружейная пирамида и скатанное белье под ней.

Их было пятеро, как и в тот вечер, три месяца назад; а может, прошло три столетия? Юан Джименз и Бен Рейнсфорд отсутствовали, но их заменили развалившийся в одном из глубоких кресел Панчо Убарра и сидевшая возле Рут Лина Эндрюс. Джек сидел в кресле за своим письменным столом, стараясь не дать Малышу взобраться ему на голову. Посреди комнаты на полу играли взрослые Пушистики. Здесь было место семейства Джека, и другие Пушистики не вторгались на эту территорию. Они складывали мозаику, привезенную из Мэллори-Порта.

Джек был рад, что они не играли набором моделей молекул. За последние две недели он видел столько моделей, что хватит на всю его оставшуюся жизнь.

— И мы вообще ничего не можем поделаться с этим? — спросила Лина.

— Нет. Никто ничего не может сделать. Люди в Мэллори-Порте пытались. Они исследуют все, но это только позволит написать научно обоснованную эпитафию расе Пушистиков.

— А не могут они как-нибудь исправить положение?

— Его невозможно исправить, — ответила Рут. — Это не связано ни с диетой, ни со средой обитания, ни с какими-нибудь внешними воздействиями. Это гормоны, вырабатываемые их телами, и они препятствуют нормальному развитию зародыша. Не поможет даже хирургическое вмешательство, ампутация желез, вырабатывающих эти гормоны. Это приведет только к бесплодию.

— Но это срабатывает не всегда, — сказал Джек, снимая Малыша со своего плеча. — Однако Малышу гормоны не помешали.

— По-видимому, это срабатывает в девяти случаях из десяти. До сих пор у нас было десять родов, и только один Пушистик родился нормальный и здоровый, все остальные роды были преждевременными. Рождались либо мертвые детеныши, либо они умирали в течение ближайшего часа.

— Но ведь есть исключения. Малыш и тот в приюте Пушистиков, — сказала Лина. — Может быть, можно вычислить, как умножить эти исключения?

— Они работают над этим, — ответил ей Герд. — Как и

хомо сапиенс Земли, у Пушистиков есть ритм оплодотворения и менструальный цикл. По-видимому, выход гормонов тоже цикличен. Когда две фазы совпадают, рождается нормальный здоровый ребенок. Такое случается не часто. Изменения надо вносить индивидуально, каждой самке, но как это осуществить, никто себе даже не представляет.

— Но, Герд, я чувствую, здесь есть разгадка, — возразил Панчо. — Я знаю, чувство — это ничто, но это не подвластно мне. Невежество рационально. Подумай, эти гормоны являются характерной чертой расы. Они передаются по наследству, значит, приедается по наследству тенденция к выкидышам, преждевременным родам и детской смертности. Какой из этого можно сделать вывод?

— Ну, это дает не так уж много. Мы совершенно ничего не знаем об истории расы Пушистиков и почти ничего об истории этой планеты. Предположим, что пятьдесят тысяч лет назад здесь были миллионы Пушистиков, а состояние окружающей среды в корне отличалось от настоящего. Что-то в окружающей среде или какая-то часть их рациона, которая теперь исчезла, вызвали продуцирование этих гормонов, чтобы защитить эмбрионы Пушистиков от вредного воздействия. Затем окружающая среда изменилась: заморозки, ледниковый период, колебание уровня морей — я могу придумать еще дюжину причин — а теперь, после адаптации к первоначальным условиям, они никак не могут адаптироваться к изменившимся условиям. Мы наблюдали подобное на каждой планете, которую изучали. На одной только Земле зарегистрированы сотни подобных случаев. Пушистики попали в генетическую ловушку, откуда никак не могут выбраться, а мы не в состоянии вытащить их оттуда.

Они взглянула на Пушистиков. Шесть счастливых маленьких человечков передвигали разноцветные квадраты, создавая бесполезный, но восхитительный рисунок. Они были счастливы в своем неведении.

— Если мы узнаем, сколько детей в среднем может иметь самка на протяжении своей жизни и сколько у нее бывает выкидышей, мы сможем математически вычислить все это. Десять маленьких Пушистиков, восемь маленьких Пушистиков и; в конец концов, ни одного маленького Пушистика.

Маленький Пушистик решил, что говорят о нем. Он вопросительно поднял глаза.

— Ну, они все же не исчезнут за несколько минут, — сказал Джек. — Думаю, они еще переживут меня и вас тоже. И пусть люди, оставшиеся после нас, так же хорошо относятся

к Пушистикам, как мы, и сделают их по возможности еще счастливее... Да, Малыш, если хочешь, можешь сесть паппи на голову...

Глава 17

Лучшее время для выступления в телепередачах политических деятелей было между двадцатью и двадцатью одним часом. Люди были расслаблены и еще не начали уходить из дома или принимать гостей. Правда, это время не совсем подходило для других континентов, но восемьдесят процентов населения планеты было сосредоточено на Альфе. Хьюго Ингерманн всегда называл это время зоной молчания. Обычно оно было забронировано, и он хотел изменить существующий порядок с помощью Лиги правления горожан. В это время Бен Рейнсфорд отчитывался о своем правлении. Могла идти лекция на тему «Забота о Пушистиках и их питании». Теперь он сам получил возможность выступить в это время. Диктор повторил:

— Важное сообщение всем гражданам колоний. Пользуясь правом демократического самоуправления и в силу решения Пэндервиса, сейчас выступит почтенный Хьюго Ингерманн, организатор и руководитель Партии процветания планеты. Итак, мистер Ингерманн.

Луч света переместился и осветил Ингерманна. Он приветственно поднял руку.

— Мои... друзья! — начал он.

* * *

В душе Фредерика Пэндервиса поднималось холодное раздражение. Для него местное Бюро усыновления не было абстракцией, оно ассоциировалось с его женой, Клодеттой. Он лично отвечал за нее, а судья никогда ни за кого не должен отвечать. Он смотрел на человека с вежливым лицом и широкими голубыми глазами, горящими наигранной искренностью. Он смотрел на экран и подбирал в уме кандидатуры своих возможных секундантов. Как и на других планетах, на Заратуштре дуэли не были запрещены, но судья не должен был сам участвовать в дуэлях. Но самое худшее, думал он, когда придется выступать в суде против Ингерманна — тот может намекнуть, что все это личная месть.

— Это позорная репутация, — заявил Ингерманн. — Репутация, папахивающая фаворитством, несправедливостью и

предвзятостью. Было принято тысяча двести заявлений. Две сотни были отклонены сразу, без всяких видимых причин...

— Психическая или эмоциональная неустойчивость, неспособность содержать Пушистиков, заботиться о них, безответственность, плохой характер, неподходящие домашние условия, — перечислила Клодетта в сильном раздражении.

Пьеро и Коломбина, сидевшие на полу с лентой Мебиуса, сделанной кем-то из длинной полоски, быстро взглянули вверх, а затем, решив, что все это относится не к ним, а к сумасшедшему на стене, снова вернулись к своим вычислениям, которая же сторона ленты является лицевой, а которая — обратной.

— Из оставшейся тысячи заявлений было удовлетворено только триста сорок пять, в то время как с момента открытия Бюро усыновления сюда было привезено шестьсот шестьдесят шесть Пушистиков. Сто семьдесят два заявителя взяли по одному Пушистику, сто пятьдесят пять — по два, а восемнадцать особо приближенных взяли восемьдесят четыре Пушистика.

Все эти Пушистики, почти без исключения, пошли к выдающимся личностям социальной и политической сфер, живущим в сверхдостатке. Как вы можете из этого понять, бедным людям практически невозможно получить Пушистиков. Взгляните, Пушистиков имеют те, кто учреждает законы о Пушистиках, если так можно назвать указы правителя, навязанного нам штыком. Первый ордер на усыновление был написан — угадайте, кому? Виктору Грегу, руководителю новой не привилегированной Компании Заратуштры. Следующая пара пошла мистеру Фредерику Пэндервису и его жене. А кто она? Конечно, сердце Бюро усыновления! Посмотрите на другие имена! Девять десятых среди них — служащие Компании Заратуштры, — он поднял руку, словно прося тишины во вспышке справедливого негодования. — Я не хочу сказать, что здесь есть коррупция и взяточничество...

— Проклятье! Очень хорошо, если не хочешь! А если скажешь, я не стану привлекать тебя за клевету, я тебя просто пристрелю! — рывкнул Пэндервис.

— Меня нельзя обвинить ни в том, ни в другом, — спокойно сказала его жена. — Но я отвечу ему. Под детектором лжи. Хьюго Ингерманн никогда не отважится проделать то же самое.

— Клодетта! — судья был потрясен. — А если показать это в телепередаче?

— В телепередаче? Люди не смогут проигнорировать такое. Если я сделаю это, я докажу свою честность. Я отвечу на клевету, и люди увидят истину.

* * *

— А кто платит за все это? — спрашивал Ингерманн с экрана. — Правительство? Когда космический коммодор Наппер под дулом пистолета познакомил нас с этим правительством, на счету Компании в банке Мэллори-Порта было около полумиллиона солей. С тех пор правитель Рейнсхард позимствовал в банковском Картеле около полумиллиона солей! А как Бен Рейнсфорд собирается отдавать долг? Подогнать колониальную законодательную власть под свои запросы и отобрать все это у нас! А вы знаете, на что он потратил миллион из ваших денег? На проект увеличения процента рождаемости Пушистиков! Так что будет все больше и больше Пушистиков для его друзей, а для нас будет все больше и больше налогов...

— Черт побери, он же отъявленный лжец! — сказал Виктор Грегго. — За исключением небольших работ Рут ван Рибик, ее мужа, Панчо Убарры и Лины Эндрюс, работающих на Хеллоуэя, Компания оплачивает все научные исследования. Я объясню это акционерам.

— А к чему приведет эта гласность? — спросил Кумбес.

— Вы же политический эксперт, что вы на это скажете?

— Я думаю, это может помочь. Это поможет и нам, и Рейнсфорду. Только все-таки не надо делать это самим. Я говорю с Гусом Бранхардом. Пусть это как-то просочится в прессу от Джека Хеллоуэя.

— Вероятно, миссис Пэндервис захочет сделать заявление. Ей известны некоторые факты. Пусть она расскажет это.

— Он говорит о Пушистиках? — спросил Бриллиант, зачарованно наблюдавший за Хьюго Ингерманном.

— Да. Но только он не любит Пушистиков. Плохое Большое существо. Тошка хагга.

* * *

Ахмед Кхадра выдохнул сигаретный дым в лицо на экране. Хьюго Ингерманн, однако, продолжал говорить:

— Ладно, несколько политиков и исполнителей Компании получили Пушистиков. Почему бы не заставить платить за это их, а не обыкновенных людей планеты? Почему бы не назначить плату за усыновление, скажем, от пятисот до тыся-

чи солей? Каждый, кто получил Пушистиков, может легко выплатить эту сумму. Это может погасить часть издержек на содержание комиссии по местным делам и...

— Так вот чего тебе надо! Оплачивать усыновление Пушистиков... Черный рынок не может конкурировать с бесплатными Пушистиками, поэтому вы подкидываете идею Бюро усыновления — назначить цену в пятьсот солей за каждого усыновленного Пушистика... Так вот что ты хочешь, сын кхугры? Конкурирующий рынок!..

Глава 18

— Вы получили это от одного из моих лаборантов? — воскликнул Ян Кристиан Хоенвельд. — Это, случайно, не Шарлотта Тресса?

Он находился в своем углу биохимической лаборатории, через стекло за его спиной Юан Джименз мог видеть работающих людей. Там же, вероятно, был и его информатор. Он проигнорировал тон и манеры человека на экране.

— Это так, доктор Хоенвельд. Я встретил мисс Тресса в баре. Она и несколько других людей из научного центра дискутировали о различных фазах научных исследований Пушистиков, и она упомянула, что нашла хокфусин или его аналог в пищеварительном тракте сухопутной креветки. Это было неделю назад. Она доложила об этом вам сразу, а вы должны были тотчас же доложить мне. Почему вы этого не сделали?

— Потому что не нашел нужным, — огрызнулся Хоенвельд. — Во-первых, она вообще не должна была работать с сухопутными креветками и хокфусином. — Он словно выплевывал слова. — Она должна была искать известные гормоны в хаосе кишок и всякой дряни, которую вы свезли в мою лабораторию со всей планеты. А во-вторых, это был только намек на присутствие титана, и, вероятнее всего, она сама загрязнила пробу. А последнее, — бушевал Хоенвельд, — так это по какому праву за мой спиной вы опрашиваете моих лаборантов?

— Вы хотите знать? Пожалуйста. Они не ваши лаборанты, доктор Хоенвельд, они служащие Компании Заратуштры, как и вы сами. И я тоже. А биохимическая лаборатория — не ваши частные владения. Это часть научного центра, в котором я являюсь главой отделения, и с моего места различие между вами и Шарлоттой едва заметно. Ну, что же вы сникли, доктор Хоенвельд?

Хоенвельд смотрел на него так, словно в его голову только что выстрелили из пистолета. Юан и сам был слегка удивлен. Месяц назад он не мог даже и мечтать говорить так с кем-нибудь, тем более, с человеком намного старше его и с такой внушительной репутацией, как Хоенвельд.

Но как глава отделения он мог позволить себе это, тем более, что здесь должен быть только один глава отделения.

— Я осведомлен о вашем недавнем продвижении, доктор Джименз, — кисло ответил Хоенвельд. — Через головы дюжины людей.

— Включая и вашу. Ладно, так скажите же лучше, почему вы упустили это? Я не собираюсь делать вашу работу, но если вы не можете или не хотите делать ее, я легко могу вас заменить кем-либо.

— А что, по-вашему, нам делать? Каждый лесничий и охотник Компании отстреливает все, от чертова зверя до полевой мыши, и сваливает их пищеварительные тракты и органы размножения в мою... прошу прощения, я хотел сказать, в лабораторию непривилегированной Компании Заратуштры.

— Обнаружили ли вы еще где-нибудь присутствие этих гормонов?

— Результаты отрицательные. У них нет желез, вырабатывающих эти гормоны.

— Тогда прекратите их изучение. Я сразу же прикажу остановить сбор образцов. Только повторите анализы сухопутных креветок, я хочу точно знать, что обнаружила в них мисс Тресса, настоящий это хокфусин или его аналог. Я хочу знать, откуда он берется в организме сухопутных креветок и где он там сосредотачивается. Я предлагаю, вернее, приказываю: пусть мисс Тресса сама работает над всем этим.

* * *

— Эрнст, какое у вас мнение о Крисе Хоенвельде? — спросил Виктор Грег.

Мейлин нахмурил брови, как делал всегда, когда думал серьезно и взвешивал каждое слово.

— Доктор Хоенвельд — наш наиболее выдающийся ученый. У него энциклопедические знания и мертвая хватка на подчиненных, непогрешимая память и способность прилагать огромные усилия в работе.

— Это все?

— Этого недостаточно?

— Нет. Компьютер имеет все это в гораздо большей степе-

ни, но он не сможет сделать научное открытие и за миллион лет. Компьютер не имеет воображения. Хoenвельд — тоже.

— Ну, я допускаю, что воображения у него маловато. Почему вы спрашиваете о нем?

— У Юана Джименза с ним неприятности.

— Я могу поверить в это, — сказал Мейлин. — Хoenвельд имеет одну характерную особенность, отсутствующую у других людей: эгоизм. Джименз жаловался вам?

— Черт побери, нет. Он загонял весь научный центр, но не обратился за помощью к Большому брату. Я получил эти сведения неофициально, от его сотрудников. Юан поставил Хoenвельда на место; теперь он делает то, что должен делать.

— Ладно, а как насчет гормонов?

— Никак, все основано на гиперуправлении. Пушистики сами продуцируют их, и никто не знает, зачем. Главным образом, кажется, это связано с пищеварительной системой, а оттуда они попадают в кровеносную. До сих пор у нас было тридцать шесть родов, и только три из них были нормальными.

С террасы донесся счастливый рокоток голосов Пушистиков. Чтобы говорить друг с другом, они воспользовались пушистофонами, они хотели говорить как хагга. Бедная маленькая гибнущая раса, идущая к своему закату...

* * *

Здесь совершенно ничего не осталось от прежнего комфорта, думал Джек Хеллоуэй. Месяц назад здесь были только Герд, Рут, Лина Эндрюс, Панчо Убарра и Джордж Лант со своим человеком, которого он забрал с собой из полиции. Перед обедом они вместе пили коктейль, ели за одним столом, и каждый знал, кому и что надо делать. И около них находились только сорок или пятьдесят Пушистиков.

А теперь Герд имел трех ассистентов, Рут забросила работы по психологии Пушистиков и помогала ему во всем, хотя Джек не был уверен, что это было необходимо. Панчо только и делал, что совершал ежедневные рейсы в Мэллори-Порт и обратно. И Эрнст Мейлин прилетал, по крайней мере, раз в неделю. Забавно, что он считал Мейлина твердолобым ублюдком, а теперь вдруг понял, что тот ему немного нравится. Даже Виктор Грегори прилетал на уик-энды, и все его полюбили.

У Лины тоже была пара помощников. На ее попечении был госпиталь, клиника в школе для Пушистиков, где они изучали язык землян, пользование пушистофонами и стран-

ные обычаи хагга. В школе работали несколько старых перечниц, которых Рут обманом увезла из школ Мэллори-Порта, но основные обязанности взяли на себя Маленький пушистик, Ко-Ко, Золушка, Колымага Бордена и Заморыш.

Джек не мог теперь переговариваться с Джорджем Лантом, потому что их кабинеты были расположены в разных концах длинного дома и были разделены ста двадцатью футами кабинетов и контор, забитых столами, деловыми бумагами, клерками-автоматами и людьми, их обслуживающими. Он имел теперь секретаршу, у которой была собственная стенографистка.

Вошел Герд ван Рибик. Он бросил шляпу на ящик с микрофильмами и отстегнул кобуру с пистолетом.

— Джек, есть что-нибудь новенькое? — спросил он.

Герд и Рут в конце недели улетали к югу. Должно быть, это было забавно, когда Комплекс, Суперэгоист, Живодер и Бедный Ян с аэробота Герда проверяли посты, которые Лант выставил вдоль края больших лесов.

— Я сам хотел спросить вас об этом. Где Рут?

— Она с Комплексом и Суперэгоистом поживет недельку на Кайтландских плантациях. Там скопились от пятидесяти до семидесяти пяти Пушистиков. Она учит их не уничтожать молодые побег плантаций сахарного тростника и помогает людям общаться с Пушистиками. Что нового в Мэллори-Порте?

— Этих гормонов нигде больше нет, но, кажется, они нашли что-то интересное в сухопутных креветках.

— Больше ничего? — Герд уже слышал о хокфусине. — Они знают, что это такое?

— Это не хокфусин. Скорее, это какая-то соль титана. Сухопутные креветки поедают титан, содержащийся во мху, грибах и других растениях. Съев тонну пищи, они получают около десяти атомов соли. Но они фиксируют ее где-то в прямой кишке. У меня есть большая подробная статья об этом. Пушистики в своем пищеварительном тракте превращают соль во что-то еще. Чем бы это ни было, при помощи хокфусина достигается лучший эффект. Они над этим еще работают.

— Пушистики все время едят сухопутных креветок, которых развелось очень много после этого Скачка. Хотел бы я знать, что они ели раньше, на севере.

— Ну, мы знаем, что, кроме затки, они едят еще и пищу, которую мы им даем. Возможно, они ели каких-нибудь мелких животных, которых могли убить своими палками, фрук-

ты, яйца птиц, личинок, наконец, маленьких желтых ящериц.

— Что делают люди Пейна на севере, кроме того, что выискивают несуществующих ловцов Пушистиков?

— Почти ничего. Они проводят воздушное патрулирование, фотографируют местность и составляют карты. Они говорят, что севернее раздела есть много Пушистиков, которые еще не начали эмигрировать. Возможно, они еще не слышали о множестве затки на юге.

— Я поеду туда, Джек. Я хочу взглянуть на них, посмотреть, как они живут.

— Только не сразу сейчас. Подождите неделю, и я отправлюсь с вами. Мне еще многое надо выяснить. Завтра я отправлюсь в Мэллори-Порт. Насагара отзывает Пейна и его людей. Вы знаете, в какое положение это может нас поставить?

Герд кивнул.

— Мы удвоили Защитные силы. Это все, что мог сделать Лант для сохранения постов вдоль края Больших лесов и воздушных патрулей в сельскохозяйственном районе.

— Даже если мы сможем завербовать еще больше людей, я не знаю, чем мы будем снабжать их и как выплачивать жалование. Мы сейчас используем бюджет следующего года. Я поговорю об этом с Беном. Может, он выделит нам больше денег.

* * *

— Черт побери, я не могу дать ему денег! — Бен Рейнсфорд кричал во весь голос, но затем, опомнившись, выпустил клуб дыма из трубки, окрасившегося в красный цвет в лучах заходящего солнца. Если люди услышат, что он разговаривает сам с собой, то на следующий день в доме Компании да и во всем Мэллори-Порте будут говорить, что правитель Рейнсфорд сходит с ума. Пожалуй, если бы это было так, это никого бы не удивило.

Три Пушистика, Флора, Фауна и их друг Бриллиант, строившие маленькую беседку из деревянных брусков, которые садовники обычно используют для изготовления изгородей, вопросительно посмотрели на него, но, поняв, что это к ним не относится, вернулись к своему занятию. Солнце клонилось к западу, смеркалось, но они хотели закончить работу

до того, как совсем стемнеет. Пушистики, как и Колониальное правительство, иногда испытывали недостаток времени.

Времени часто не хватало и ему. Девяносто дней Компания Заратуштры позволяла ему переделывать все общественные службы, которые она должна была поддерживать, но больше половины из них до сих пор ничего не делали. Выборы делегатов в конституционную комиссию продлятся еще месяц, но он понятия не имел, сколько времени выбранные делегаты, кем бы они ни были, проспорят, вырабатывая конституцию, сколько времени займет утверждение Колониального законодательства и сколько времени пройдет после подписания законов о налогах до того, как правительство начнет получать деньги.

Еще бы очень хотелось занять в Банковском картеле те полмиллиона солей, о которых распинался Хьюго Ингерманн. Позднее Ингерманн был вынужден уменьшить эту сумму до пятидесяти тысяч, так же, как вынужден был отказаться от некоторых преувеличений в заявлениях о Бюро усыновления, но, кажется, народ еще верит его первоначальным заявлениям. К тому же пятьдесят тысяч для обычных людей звучат как «очень много денег». Но на самом деле денег ему требовалось намного больше, чем он предполагал сначала.

Например, комиссии по местным делам. Они с Джеком считали, что для Защитных сил будет достаточно ста пятидесяти человек. Теперь они поняли, что людей не хватит, даже если их будет втрое больше. Они думали, что Герд ван Рибик и его жена Рут, Лина Эндрюс и Панчо Убарра смогут произвести все исследования и эксперименты. Сейчас с этим не успевали справляться госпиталь Мэллори-Порта и научный центр. Финансирующая их Компания Заратуштры могла потребовать от правительства компенсацию. А Бюро усыновления забрало денег столько, сколько первоначально предполагалось истратить на комиссию по местным делам.

Все-таки кое в чем он смог помочь Джеку. Алекс Напьер согласился, что защита аборигенов на планетах класса четыре входит в функцию Вооруженных сил, и приказал Насагаре вернуть пятьдесят отозванных человек и добавить еще двадцать.

Пушистики внезапно прекратили работу и повернулись. Бриллиант схватил пушистофон.

— Паппи Вик! — восхищенно и одновременно удовлетворенно воскликнул он. — Иди посмотри, что мы делаем!

Флора и Фауна тоже выкрикнули приветствия.

Бен поднялся и, обернувшись, увидел коренастого мужчину, хорошо известного ему по телепередачам и с которым он избегал личных встреч. Виктор Грегго приветствовал Пушистиков и сказал:

— Добрый вечер, правитель! Извините за вторжение, но мисс Глинн взяла сегодня выходной и мне приходится самому забрать Бриллианта.

— Добрый вечер, мистер Грегго, — Бен не почувствовал той враждебности, которой ожидал. — Вы можете немного подождать? У них важный проект, и они хотят закончить его до темноты.

— Да, я видел, — сказал Виктор Грегго Пушистикам на их языке, выслушав объяснения того, что они делают. — Конечно, мы не можем помешать этому.

Пушистики вернулись к своему сооружению. Бен и Грегго сели на складные стулья. Грегго закурил. Бен смотрел на главу не привилегированной Компании Заратустры, а тот наблюдал за Пушистиками. Это не мог быть Виктор Грегго. «Виктор Грегго» был олицетворением черного злодейства и безжалостного эгоизма, это же вежливый, учтивый джентльмен, который любит Пушистиков и очень деликатен в обращении со служащими.

— У мисс Глинн свидание с капитаном Ахмедом Кхадрой, — сказал Грегго, прервав молчание. — Пятое за последние две недели. Боюсь, что скоро у них будет свадьба, и я лишусь сестры Пушистиков.

— Мне тоже так кажется. Они вполне серьезны в отношениях друг с другом. Если это так, она получит хорошего мужа. Я знаю Ахмеда, его полицейский пост был возле моего лагеря на континенте Бета. Плохо только, — добавил Бен, — что он, вероятно, так и не кончит следствие по делу Керкеда и Новайса. Это, конечно, не оттого, что он плохо работает.

— Гарри Стифер, мой шеф полиции, тоже не кончит его, — сказал Грегго. — Он уже махнул на все рукой, это безнадежно.

— Вы думаете, в предложении, что кто-то обучает Пушистиков для отлова других Пушистиков, ничего нет?

— Правитель, — покачал головой Грегго, — вы знаете Пушистиков так же хорошо, как и я. Почти два месяца. Чтобы научить Пушистика что-то делать, требуется всего несколько часов. Я не понимаю, зачем кому-то ловить диких Пушистиков после того, как вы утвердили эти кровожадные законы. Преступник пойдет на преступление, если ему это

выгодно, а в общем-то всякий, кто хочет получить Пушистика, может сделать это законным путем.

— Это верно. Не было никаких данных о черном рынке, и патрули Джека на севере континента Бета не обнаружили ничего, что указывало бы на отлов новых Пушистиков.

— Ахмед считает, что они могут идти на экспорт. Отлов Пушистиков для контрабандной вывозки и продажи вне планеты.

— Он говорил об этом Гарри Стиферу, и Джек Хеллоуэй тоже связался со мной по этому вопросу. Знаете, что надо сделать для предотвращения этого? Загрузить Пушистиков на корабль можно только на Дариусе, а отправить их на Дариус можно только с конечной станции Мэллори-Порта. До тех пор, пока будет сохраняться «скандальная и отвратительная монополия на космический транспорт», мы можем быть уверены, что Пушистики не вывозятся с планеты.

— Вы думаете, Ингерманн нападает на вас из-за этого? — спросил Рейнсфорд, надеясь подобрать ключ к вопросу.

— Если здесь есть черный рынок, то он находится за спиной Ингерманна, — сказал Грег, словно констатируя общеизвестный факт. — За несколько лет он поразит всю планету. Я много знаю об этом так называемом почтенном Хьюго Ингерманне, и ничего из этого — положительного.

— Ахмед Кхадра тоже считает, что, нападая на космическую монополию Компании, они стараются обойти наш контроль на участке Конечной станции и на Дариусе. Вероятно, он говорил о Правительственном Космопорте, а его контролировать так же...

Грег на мгновение задумался, затем бросил сигарету и придавил ее каблуком. Он наклонился к Рейнсфорду:

— Правитель, вы сами знаете, что отняв у нас монополию, вы не сможете построить здесь второй космопорт. Ингерманн тоже об этом знает. Он атакует Компанию и провоцирует вас. Он надеется, что правительство не способно построить здесь космопорт; он хочет сделать это сам.

— Дьявол, но где он возьмет деньги?

— Он может получить их, и если я не ошибаюсь, он сможет получить их сразу, как только отсюда отправится корабль на Мердок. Некоторые компании, владеющие кораблями, захотят конкурировать с космической линией Земля-Бальдур-Мердок, а некоторые экспортно-импортные дома захотят торговать на Заратуштре, конкурируя с непривилегированной Компанией Заратуштры. За шесть месяцев кто-нибудь из них сделает попытку выстроить здесь свой космопорт, если смо-

жет получить здесь землю. А благодаря большой ошибке, совершенной мною восемь лет назад, они могут получить землю в свое распоряжение.

— Где?

— Здесь, на континенте Альфа, менее чем в сотне миль от места, где мы сейчас находимся. Прекрасное место для космопорта. Вас еще не было в это время?

— Нет. Мне стыдно об этом говорить, но я прибыл сюда шесть с половиной лет назад на корабле, который доставил сюда и Ингерманна.

— Ну, вы захотели прибыть сюда, он тоже. В это время был большой эмиграционный бум. Тогда Компания была заинтересована в местном бизнесе так же, как межпланетная торговля в мясе степняков. Начали открываться независимые концерны по производству пищи и другой продукции, о которой мы не хотели беспокоиться. Мы продали им землю севернее города, прямоугольник со сторонами в одну на две мили, в нем около двух квадратных миль. Затем поток эмигрантов иссяк, а многие из прибывших улетели обратно. Для них здесь просто не было работы. Большинство из вновь организованных компаний разорились. Некоторые фабрики временно прекратили свою деятельность, сооружение большинства из них было даже не закончено. Некоторые земли отошли в уплату банку. Большинство же земель попало в руки ростовщикам. После суда Пушистиков большинство документов на право собственности приобрел Ингерманн. Кроме него никто еще не вкладывал денег в недвижимое имущество: все надеялись получить землю от правительства.

— Но, вероятно, получив небольшую прибыль, он сам попадет под контроль людей, вложивших основной капитал. Или нет?

— Конечно, так оно и будет, но это честный бизнес, а Ингерманн им не интересуется. Он надеется, что население планеты в следующие пять лет увеличится на двести-триста процентов. Имея в общественных владениях восемьдесят процентов земли, можно рассчитывать на это. Большинство из этих людей будут избирателями. Ингерманн пытается взять контроль над голосованием в свои руки.

Если он это сделает... Собственное положение Бена было безнадежно: он был назначен колониальным правителем, а это выглядело так, словно военные в результате интервенции поставили своего диктатора. Но колониальный правитель должен действовать от начала и до конца. Скоро он выберет законодательную власть. Конечно, он не питал радужных на-

дежд, что законодательная власть сможет контролировать Хьюго Ингерманна. Виктор Грего тоже знал это.

Все-таки надо быть очень осторожным и внимательным. Грего хочет вернуть Компании положение, которое она занимала до открытия Пушистиков. Бену это было совершенно ясно.

* * *

Почти стемнело. Пушистики закончили свое строительство и отошли в сторону, ожидая, когда паппи Бен и паппи Вик подойдут к ним и посмотрят на их работу. Посмотрев, они похвалили Пушистиков. Грего поднял Бриллианта. Флора и Фауна присели отдохнуть.

— Я думал об этом, — сказал Бен, вернувшись назад и посадив Пушистиков на колени. — Большинство старых планет перенаселено. Не пройдет и года, как люди оттуда бросятся сюда. Если я смогу стабилизировать положение прежде, чем...

— Если вас волнуют все службы общественного благосостояния, на время забудьте о них. Я думаю, Компания справится с этим за три месяца. Но будет ли это правильным после решения Пэндервиса? Сейчас никто не знает, какая ситуация сложится в ближайшее время. По крайней мере, мы можем на год отложить въезд эмигрантов.

— Через год у правительства больше не будет денег, — сказал Бен. — А вы будете ждать компенсации.

— Конечно, будем. Но мы не станем требовать золота или банковских билетов Федерации. Налоги, облигации, займы...

Конечно, документы на землю; закон требует, чтобы колониальное правительство предоставило имеющуюся в его распоряжении землю гражданам Федерации, но не требует делать это бесплатно. Это может стать одним из способов финансирования правительства.

К тому же этим путем Компания Заратуштры сможет загнать правительство в большие долги, чтобы вновь вернуть господство над планетой, ликвидированное судом Пушистиков.

— Полагаю, вы отправите Гуса Бранхарда обсудить это с Лесли Кумбесом, — намекнул Грего. — Вы доверяете Гусу и знаете, что он не загонит вас в ловчую яму. Так или нет?

— Ну, конечно, мистер Грего. Я хочу поблагодарить вас. Влияние на общественные службы беспокоит нас больше всего.

Он все еще не почувствовал облегчения, но не мог не чувствовать благодарности. Он ощущал замешательство и был раздражен больше на себя, чем на Грегго.

Глава 19

Герд ван Рибик согнулся на краю невысокого утеса и медленно поворачивал ручку селектора на маленьком экранчике перед ним. Вид на экранчике сменился. Передающая камера была установлена на пятьдесят футов ниже и на пятьсот ярдов левее. На экранчине ничто не двигалось, за исключением колышущихся ветром веток да танцующих древний брейк опавших листьев на переднем плане. Из динамика доносилось мягкое жужжание насекомых и «твит-твонк» голодного самца птицы-банджо. Затем его внимание привлек какой-то звук, возникший в шелесте опавших листьев. Он слегка повернул регулятор громкости.

— Что вы об этом думаете?

Джек Хеллоуэй встал на одно колено и поднял бинокль.

— Я ничего не вижу. Попробуйте еще раз.

Герд снова повернул ручку. Передающая камера показывала вереницу деревьев, зажженных лучами солнца, пробивающегося сквозь листву. Теперь он смог расслышать шелест и приближающийся топот ног, а затем, включив ультразвуковой слуховой аппарат, услышал голос Пушистика.

— Сюда. Здесь недалеко. Найдем хатта-зоса.

Джек смотрел на открывающийся между утесами косогор.

— Если это то, что они называют глупцами, то я вижу шестерых из них, — сказал он. — И, вероятно, еще столько же я не вижу. — Он наблюдал, прислушиваясь. — Теперь они идут сюда.

Пушистики остановились, разговаривая, но не производя почти никакого шума. Затем они вошли в зону видимости. Их было восемь. Они шли по одному. Оружие, которое они несли, было длиннее и тяжелее рубило-копателей Пушистиков-южан, круглое, а не веслообразное и с одним острым концом. Они подняли камни, которые несли в свободных руках, и остановились. Трое из них снова вернулись в кусты. Пять других развернулись в цепь и стояли, ожидая. Герд отключил экранчик, подполз к Джеку и заглянул через край утеса.

Теперь там было семь глупышей: похожие на грызунов зверьки с темно-серым мехом, полтора футов длиной и шести дюймов высотой усердно обдирали кору и подкапывали корни молодых деревьев. Неудивительно, что леса здесь были

такие редкие. Если глупышей много, чудо, что здесь вообще сохранились деревья. Герд поднял камеру и, наведя ее, сделал несколько снимков.

— Кто-то хочет добыть себе здесь ленч, — сказал Джек, окинув небо взглядом. — Гарпия в паре миль отсюда. Ух ты, еще одна. Мы задержимся здесь. Кажется, мы сможем помочь нашим друзьям-Пушистикам.

Пять Пушистиков, выжидая, стояли на опушке. Глупыши не слышали их и продолжали обдирать и жевать кору. Затем три Пушистика, обошедшие их кругом, внезапно выскочили из кустов, швырнули камни и, размахивая дубинками, побежали вперед. Один камень попал в глупыша и сбил его с ног. Один из Пушистиков вырвался вперед и размозжил ему голову дубинкой. Два других пушистика напали на второго глупыша и тоже убили его. Остальные глупыши бросились бежать в сторону линии оцепления. Два глупыша были тут же сбиты камнями и распластались по земле. Другие удрали. Собравшись в группу, Пушистики, казалось, обсуждали свои военные действия. Затем они подчитали свою добычу. У них было четыре глупыша: по полглупыша на каждого. Этого было вполне достаточно.

Они стащили дичь в одно место и, пользуясь пальцами и зубами, начали расчленять тушки. Помогая друг другу, они разрывали шкуру и освобождали мясо. Для разбивания костей они пользовались камнями. Герд снимал на пленку их пиршество.

— У наших Пушистиков манеры поведения за столом лучше, — прокомментировал он.

— У них есть ножи, которые мы сделали для них. Кроме того, они в основном едят затки, выбирая из них лучшие куски. Но все-таки в одном эти Пушистики обогнали наших. Наши Пушистики не охотятся объединенно, — сказал Джек.

Две точки в небе стали больше и ближе. Появилась третья.

— Кажется, пора заняться этим вплотную, — сказал Герд и потянулся за ружьем.

— Пожалуй, — Джек опустил бинокль и тоже проверил ружье. — Пусть они продолжают есть. Через минуту их ожидает большой сюрприз.

Пушистики, казалось, знали о присутствии гарпий. Вероятно, они улавливали ультразвуковые колебания их крыльев; сам Джек не мог определить это даже со слуховым аппаратом. В лесу было слишком много ультразвуковых шумов, а он еще не научился различать их. Пушистики начали есть быстрее. Наконец один из них вскочил, показал на небо и крикнул:

«Готза биззо!» Готза было уже известным местным зоологическим названием, хотя Пушистики в лагере Хеллоуэя теперь сказали бы: «Гами». Обедаящие подняли свое оружие и мясо, которое могли унести с собой, и бросились в лес. Одно из животных, похожее на птеродактиля, было почти над головой, другое — в нескольких сотнях ярдов от него, а третье, уже хорошо различимое, быстро приближалось. Джек сел, перекинул ремень через левую руку, прижал приклад к щеке и оперся локтем о колено. Ближайшая гарпия, должно быть, заметила движение в кустах, она накренилась и скользнула вниз. Ружья Джека калибра 9,7 взревели. Гарпия кувыркнулась в воздухе и упала. Вторая гарпия резко взмахнула крыльями и попыталась набрать высоту. Гerd выстрелил в нее. Ружье Джека снова гроыхнуло, и третья гарпия, распластав жесткие крылья, тоже упала.

Сначала внизу воцарилась тишина, потом послышались голоса Пушистиков:

- Гарпии мертвые! как это получилось?
- Гром, наверное. Он убил гарпий. Может убить и нас?
- Плохое место! Биззо фаззи!

«Фаззи» означало приблизительно «убирайся».

Джек рассмеялся.

— Маленький Пушистик, в первый раз увидев, как я застрелил гарпию, отнесся к этому более спокойно, — сказал он. — Правда, до этого он увидел столько, что вообще перестал удивляться. — Джек вложил два патрона в магазин своего ружья. — Ну, биззо, фаззи. Мы здесь уже ничего не увидим.

Они сделали на аэрокаре круг и собрали ранее установленные ими передающие камеры, а затем набрали высоту и повернули на юг, в сторону горной цепи Водораздела, которая, словно поперечина буквы «Н», протянулась между грядой Западного побережья и Восточными Кордильерами. Очевидно, Пушистики нечасто пересекали эту цепь. Язык северных Пушистиков хоть и был понятен, но заметно отличался от того, на каком говорили в лагере. По-видимому, новость о небывалом количестве затки сюда еще не дошла.

Они говорили обо всем этом, направляясь на юг на высоте пяти тысяч футов. Внизу проплывали подножия скал. Они наметили место для постоянного лагеря, чтобы поближе познакомиться с этими Пушистиками, подружиться с ними, дать им игрушки и оружие, побольше думать о них. Конечно, это будет только в том случае, если позволит бюджет комиссии по местным делам.

Затем они поспорили, решая, остаться ли им здесь на несколько дней или вернуться в лагерь.

— Я думаю, нам лучше вернуться, — с некоторым сожалением сказал Джек. — Мы прилетим сюда через неделю. Я хочу сам посмотреть, что там творится.

— Если там что-нибудь случится, они вызовут нас.

— Я знаю. Однако думаю, что все же лучше вернуться. Давай пересечем перевал и где-нибудь на той стороне разобьем лагерь, а завтра утром двинемся дальше.

— О'кей. Биззо, — Герд повернул аэрокар немного влево. — Мы дойдем до истока этой реки и там пересечем перевал.

Река несла свои воды через широкую долину. По мере того, как они приближались к истоку, ее берега сужались, а течение становилось быстрее. Наконец они приблизились к месту, где пенистый горный поток вырывался из каньона, врезавшегося в основание горного перевала. Герд опустил кар на несколько сот футов и, снизив скорость, вошел в каньон. Он был нешироким. По обеим сторонам потока тянулись песчаные пляжи. Деревья почти на фут поднимались на крутой откос, а выше, на голых скалах, можно было видеть только гранит и выветренный песчаник. На высоте пары сотен футов тянулся слой серого, почти не обветренного кремня.

— Герд, — сказал Джек, — возьми немного вверх и поближе к стене каньона. — Он передвинулся на сиденье и достал бинокль. — Я хочу поближе взглянуть на это.

— Зачем тебе? — спросил Герд, но внезапная мысль пришла ему в голову. — Ты думаешь, что здесь...

— Кремень — спутник солнечного камня, — Джек, казалось, не был доволен этим обстоятельством. — Вон сзади небольшой уступ. Сядем там. Я хочу посмотреть, что это такое.

Уступ, на котором еле-еле умещался кар, был покрыт тонким слоем земли. На нем, зацепившись корнями, росло несколько небольших деревьев и редкий кустарник. Отвесная поверхность серого кремня поднималась над ним примерно на сотню футов. У них не было подрывных зарядов, но в ящике для инструмента лежали микролучевой сканнер и вибромолот. Приступив к работе, они разбивали и сканировали кремень, и через пару часов у них уже было два солнечных камня. Неправильной формы шар примерно семи-восьми миллиметров и эллипсоид вдвое больше первого камня. Когда Джек подержал их над горячей чашечкой своей трубки, они запылали.

— Джек, сколько они могут стоять?

— Не знаю. За один большой камень скупщики драгоценностей, вероятно, могут дать от шестисот до восьмисот солей. На земле он будет стоять две с половиной тысячи. Но посмотри вокруг. Толщина этого слоя триста футов. Он проходит вдоль всего каньона, примерно десять-пятнадцать миль, да еще на другой стороне такой же слой, — он выколотил трубку, продул ее и положил в карман. — И это все принадлежит Пушистикам.

Герд улыбнулся, но затем нахмурился. Резервация Пушистиков была утверждена декретом. Пушистики владели землей и всем, что в ней находится, а правительство и комиссия по местным делам являлись только опекунами. Вдруг он засмеялся.

— Джек, но Пушистики не могут добывать солнечные камни, а если и могут, то что они с ними будут делать?

— Не могут. Но это их страна. Они здесь родились и имеют полное право здесь жить. Разве мы можем их отсюда выгнать? Им принадлежит земля, солнечные камни и все остальное.

— Но, Джек... — Герд посмотрел на стены каньона, на серый камень. Как уже сказал Джек, этот слой тянулся на мили. Даже если допустить, что на десять кубических футов кремня приходится один солнечный камень, и учесть огромный труд, затраченный на его добывание... — Ты хочешь, чтобы несколько Пушистиков бегали здесь, гоняли глупышей, а камни так и оставались в земле? — Эта мысль ужаснула его. — Но они даже не знают, что здесь их резервация.

— Они знают, что здесь их дом. Герд, подобное уже случилось на других планетах класса четыре, на которых появлялись люди. Мы давали аборигенам резервацию, мы говорили, что эта земля всегда будет принадлежать им, слово чести землян. Затем мы находили там что-нибудь ценное. На Локи — золото, на Торе — платину на Хоторе — ванадий и вольфрам, на Уггласиле — нитраты, на Джими — уран. Аборигенов отправляли в другую резервацию, потом в следующую и так далее. Мы не станем так поступать с Пушистиками.

— Что ты предлагаешь? Сохранить это в тайне? Если ты этого хочешь, забросим камни в речку и забудем о них. Но как гарантировать, что этот слой не увидит кто-нибудь другой?

— Мы не допустим сюда других людей. Я думаю, десантники Пейна и Защитные силы Джорджа Ланта справятся с этим. Джорджу я могу доверять, а вот Пейна хотелось бы

узнать поближе. Их подчиненным я вообще не могу этого доверить.

— Рано или поздно кто-нибудь пролетит этим каньоном и все пойдет насмарку. Что будет потом, ты знаешь и сам, — он задумался. — Ты расскажешь об этом Бену Рейнсфорду?

— Лучше бы ты не спрашивал, Герд, — Джек вертел в руках трубку и кiset с табаком. — Наверное, расскажу. Отдам ему эти камни, они собственность правительства. Ну, биззо, летим прямо к лагерю. — Он посмотрел на солнце. — Через три часа будем там. Завтра я отправляюсь в Мэллори-Порт.

* * *

— Доктор Джименз, я боюсь поверить этому, — сказал Эрнст Мейлин. — Если бы это было правдой, было бы просто удивительно. Вы уверены в этом?

— Теперь мы все уверены, что вырабатываемые Пушистиками гормоны пагубно влияют на нормальное эмбриональное развитие, — сказал Юан Джименз с экрана. — Теперь мы уверены, что хокфусин нейтрализует эти гормоны. Крис Хоенвельд, увидев, что творится в пробирке, задумался, нужен он здесь или нет. К тому же хокфусин, кажется, оказывает тормозящий эффект на секрецию желез, вырабатывающих эти гормоны. До того, как родятся младенцы от матерей, зачавших их после того, как они начали есть Рацион-три, осталось четыре-пять месяцев. Конечно, мы могли бы подождать, пока родятся дети в семьях, которым мы начали давать ежедневные дозы чистого хокфусина. Но мне кажется, что уже первые роды принесут нам уверенность.

— Доктор Джименз, как ваши люди обнаружили это?

— Предчувствие, — молодой человек улыбнулся. — Предчувствие девушки из лаборатории доктора Хоенвельда, Шарлотты Тресса. — Улыбка переросла в явный смех. — Хоенвельд просто взбешен. Нет теоретической базы, слишком много предположений. Вы знаете, как он говорит. Он допускает верность результатов, тем более, что они были продублированы, но он отвергает все ее рассуждения.

Он это может. Ян Кристиан Хоенвельд привык все делать по порядку, шаг за шагом: от А к Б, потом к В и Г, но если кто-то внезапно прыгал сразу на С или Т, а потом на Я — это было неправильно. К своей чести, Эрнст Мейлин уважал предчувствия. Он знал, как много умственной активности уходит на то, чтобы вытащить из подсознания нужную мысль. Един-

ственное, о чем он сожалел, это то, что у него самого было не так уж много хороших предчувствий.

— Ну, и как же она рассеуждала? — спросил он. — Или это было чистой интуицией?

— Ну, она решила, что хокфусин может нейтрализовать гормоны, и это была отправная точка ее работы, — сказал Джименз. — Она пришла к этому выводу, узнав, что все без исключения Пушистики едят много сухопутных креветок. Это их расовая особенность. Правильно?

— Да, мы более или менее уверенно можем это утверждать. А еще лучше сказать — инстинкт.

— И все Пушистики, которых мы знаем, любят Рацион-три. Попробовав его однажды, они едят это блюдо при каждом удобном случае. Любой человек может отличить по вкусу один сорт табака или кофе от другого. Но реакция Пушистиков на Рацион-три немедленная и автоматическая. Поговорим еще об этом, доктор?

— О да. Я видел совсем немного Пушистиков, впервые пробующих Рацион-три. Вы определили точно: это физический отклик организма, — он на мгновение задумался, потом добавил: — Выработка этого инстинкта — результат естественного отбора.

— Да. Она считает, что определение на вкус отдельных молекул титана, присутствующих в организме сухопутных креветок и в Рационе-три, способствовало выживанию расы. Пушистики, не обладавшие этой способностью, вымерли, а остальные передали эту способность своему потомству. Выслушивая неистовые возражения Хоенвельда и разговоры о том, что она бесполезно тратит время, Шарлотта Тресса продолжала работать и выяснила действие хокфусина на гормоны. Теперь физиологи, которые выдвинули теорию, что циклично вырабатываемые гормоны, совпав по фазе с менструальным циклом, пропускают случайные жизнеспособные зародыши, обнаружили, что колебания выходов гормонов вообще не цикличны, а связаны с потреблением хокфусина.

— Ну, вам подвернулся счастливый случай. Теперь, кажется, все встает на свои места. Как вы сказали, вам потребуется около года, чтобы удостовериться в таком взаимодействии хокфусина и жизнеспособных зародышей, но я склонен к авантюре, поэтому рискну поставить на то, что все так и есть.

Джименз усмехнулся.

— Я уже заключил пари с доктором Хоенвельдом. Можно считать, что эти деньги лежат на моем счете в банке.

Беннет Рейнсфорд погрел два солнечных камня между ладонями, а затем, словно пару игральных костей, бросил их на стол. Он не был так счастлив даже тогда, когда Виктор Грегг сообщил ему об открытии в научном центре взаимосвязи между хокфусином и гормонами. Они на правильном пути, он уверен в этом, и скоро все дети Пушистиков будут рождаться живыми и здоровыми.

А затем, сразу после ленча, Джек Хеллоуэй принес с континента Бета эту новость.

— Вы не сможете сохранить это в тайне, Джек. Ни одно открытие нельзя сохранить в тайне, потому что кто-нибудь другой немного позже все равно снова сделает его. Вспомним, как в Первом веке пытались пресечь открытие прямого преобразования ядерной энергии в электрический ток. Из этого ничего не вышло.

— Но это разные вещи, — набычившись, возразил Хеллоуэй. — Это же не закон науки, который можно открыть одновременно в нескольких местах. Речь идет об определенном месте, и если мы не будем допускать туда людей...

— Но кто будет наблюдать за наблюдателями?

— То же самое сказал Герд, — кивнул Джек. — Для любого слабохарактерного человека это открытие станет великим соблазном. А как только это откроется, вы знаете, что может случиться.

— На меня начнут давить, чтобы я открыл резервацию Пушистиков. Хьюго Ингерманн, Джон Доу, Ричард Роу и все остальные. Пока не будет избрана законодательная власть, я еще смогу сдерживать их, но потом...

— Я не имел в виду политическое давление, я хотел сказать о большом наплыве солнечных камней. Представьте, туда бросятся тысяч двадцать человек, и все они будут пользоваться антигравитацией и взрывать породу. А дальше — хуже. В ближайшие шесть месяцев сюда начнут прибывать эмигранты.

Бен об этом не подумал. Он был на других пограничных планетах, где находили богатые залежи полезных ископаемых, и он должен был сообразить. Ничто в Галактике не имело столь большой цены при столь малом объеме.

— Бен, я думал над этим, — продолжал Джек. — Мне самому не нравится эта идея, но это все, что я могу предложить. Солнечные камни сосредоточены в небольшом районе, примерно в пятьдесят квадратных миль на северной стороне Пе-

ревала. Правительство объявит эту зону своего рода резервацией в резервации и само будет вести добычу солнечных камней. Прежде чем тайное станет явным, вы объявите, что в резервации Пушистиков правительство обнаружило солнечные камни и собирается разрабатывать их от имени Пушистиков. Правительство собирается разрабатывать там все рудники, и это должно прекратить все нападки на вас. Пушистиков выведут из зоны работ, и они не пострадают от подземных взрывов. А деньги, вырученные правительством на этой операции, могут пойти на защиту Пушистиков, игрушки, медицинскую помощь, оружие и Рацион-три.

— Вы не прикидывали, сколько понадобится денег для начала разработок, прежде чем мы начнем получать выручку за солнечные камни?

— Да. Я довольно долго добывал солнечные камни и думаю, что это обойдется в кругленькую сумму. Но у меня есть хорошая идея, а с хорошей идеей вы всегда можете финансировать любую операцию.

— Все это поможет в защите прав Пушистиков, и поможет очень сильно. Но предварительные расходы...

— Ладно. Сдавайте в аренду право разработок тому, кто сможет их финансировать. Правительство получит арендную плату, Пушистики — защиту, а резервация останется нетронутой.

— Но кто? Кто способен арендовать разработки? — он знал это, когда задавал вопрос. Непривилегированная Компания Заратуштры, только она сможет разработать рудник. Правда, по сравнению с проектом Большой черной воды эти разработки могут показаться случайным заработком. Но если сдать им права на все минеральные богатства в резервации, это остановит остальных.

Однако это может поставить Компанию в положение, в котором она была еще до решения Пэндервиса. Это может вернуть ей монополию на солнечные камни. Это может... Нет, это невозможно!

Невообразимо, черт побери! Так думать ему теперь над этим или нет?

* * *

Виктор Грего раздавил сигарету и, расслабленно откинувшись в кресле, закрыл глаза. Из комнаты Пушистика доносился приглушенный шум и частые хлопки выстрелов. Бриллиант наслаждался телеигрой. Это было хорошо, так как он не

беспокоил паппи Вика, но по этим фильмам он получал жуткое представление о жизни хагга. Правда, хороший хагга в конце концов всегда побеждал плохого, и это было хорошо.

Мысли Виктора перескочили на четырех конкретных плохих хагга: Ивана Боулбай, Слейка Хинсена, Рауля Лакортье и Лео Вакстера.

Трущобы Мэллори-Порта были заполнены плохими хагга, но это был Генеральный штаб. Боулбай держал в руках индустрию развлечений: телепередачи, включая и ту, которую смотрел в данное время Бриллиант, призовые бои, ночные клубы, проституцию и, без сомнения, наркотики. Возможно, он хотел получить Пушистиков для аттракционов в его ночных клубах, а кроме того, он может установить контакт с деловыми людьми, которые хотят усыновить Пушистиков и могут заплатить за них самые фантастические цены. Если здесь действительно существует черный рынок, то он играет в нем не последнюю роль.

Слейк Хинсен — игрок в азартные игры: игра на деньги, вымогательство, букмекерство. Линии его и Боулбая могли пересечься к их взаимной пользе в спортивных пари. Лакортье был вымогателем и шантажистом, просто преступником старомодного типа. Он занимался воровством и, раз уж этим можно было заработать, незаконной скупкой драгоценностей.

Лео Вакстер был наихудшим из всех четверых. Лео Вакстер — маклер, представляющий заем, и частный финансист. Он открыто давал заем на законных семи процентах. Он также давал и по более высоким расценкам тем, кто попал в переплет и не мог занять где-нибудь в другом месте, включая моллокососов, которые разорились на азартных играх Слейка Хинсена. А чтобы выбить из них долг, он использовал хулиганов Рауля Лакортье.

А над всеми ними стоял пресловутый, но не изобличенный Хьюго Ингерманн, типичный генералиссимус подонков Мэллори-Порта.

Может, теперь они получают возможность доказать это. Следователи Лесли Кумбеса установили, что все четверо являлись подставными владельцами земель, которые Компания неблагоразумно продавала восемь лет назад. Эта зона к северу от Мэллори-Порта теперь была усеяна заброшенными факториями и коммерческими зданиями. Ингерманн контролировал эти земли и их подставных владельцев. К тому же было установлено, что именно эта четверка являлась Джоном Доу

и Ричардом Роу и всеми прочими, кого Ингерманн представлял в суде сразу же после решения Пэндервиса.

Теперь из комнаты Пушистика доносились звуки музыки. Очевидно, шла мелодрама. Грего открыл глаза, достал сигарету и, прикурив, начал подробно вспоминать все, что знал о четырех главных ставленниках Ингерманна. Вакстер — он появился на Заратуштре несколькими годами раньше Ингерманна. Сначала он был второсортным шантажистом, но затем он попытался организовать Союз рабочих, а так как Компания неодобрительно смотрела на Союзы, организованные посторонними людьми, он проявил мудрость и прекратил это. Потом он организовал рыночный кооператив независимых планет, а затем ударился в беспардонное ростовщичество. С ним была тогда какая-то женщина, то ли жена, то ли любовница. Может, она еще здесь. Пусть Кумбес поищет ее. Возможно, она согласится кое-что рассказать.

Бриллиант вышел из своей комнаты.

— Паппи Вик! Позалуста, поговори с Бриллиантом.

* * *

Лейтенант Фити Мортлек, дежуривший в Бюро детективов Компании с восемнадцати до двадцати четырех, зевнул. Еще больше двадцати минут. Если Берт Эггерт придет сменить его пораньше, то и еще меньше. Он поправил кипу бумаг и бланков, лежащих на столе, и положил на них пресс-папье. Начали прибывать люди, дежурившие с двадцати четырех до шести часов утра, и в дежурке механические шумы печатных машинок, телетайпа и редкие завывания передаваемой на шестидесятой скорости видеозвуковой записи постепенно сменялись голосами, смехом и скрипом стульев. Когда, протолкнувшись между двумя сержантами, на пороге возник Берт Эггертс, Фити Мортлек стал раздумывать над тем, идти ли ему домой или почитать до тех пор, пока его не сморит сон, или пройтись по барам и попытаться подцепить девочку.

— Ха, Фити! Как идет дежурство?

— О, спокойно! Мы нашли, где Джейсер прятал ворованное. Теперь мы все знаем об этом. А Милмен и Нагасара поймали тех ребят, которые воровали части от машин с Десятого склада товаров. Мы арестовали их, но пока еще не допрашивали.

— Мы позаботимся об этом. Они работают в Компании?

— Двое из них. Третий молодой, ему всего семнадцать

лет. Им займется Юношеский суд. Мне кажется, они передавали ворованное Честному Гейму.

— Как только я начинаю кого-нибудь подозревать, он тут же зовется Честным Кем-то или Чем-то, — сказал Эггерс, садясь на освободившийся стул.

Он снял пиджак, достал со дна выдвижного ящика наплечную кобуру с пистолетом и, надев ее, снова облачился в пиджак. Он вытащил зажигалку и кисет и, не найдя трубки, обыскал весь стол, прежде чем откопал ее в куче каких-то фото-телеграмм.

— Кто это? — спросил он, взглянув на фотографии.

— Керкед и Новайс, очередная ложная тревога. Пара лесных бродяг, которые возвращались на континент Эпсилон.

Эггерс скорчил кислую мину.

— Эти проклятые Пушистики только добавляют нам работы, — сказал он. — Да еще мои малыши требуют, чтобы я достал им одного. И жена тоже. Знаете, Пушистики стали символом престижа. Если у вас нет Пушистика, вы можете смело отправляться в Трущобы.

— У меня нет Пушистика, но я не пошел в Трущобы.

— У вас нет детей-школьников?

— Благодарение Богу, нет.

— Держу пари, он к тому же не имеет никаких неприятностей в финансовых делах, — сказал один из стоящих в дверях сержантов.

Он хотел что-то возразить, но прежде чем он успел это сделать, какой-то голосок произнес:

— Уиик!

— Голос дьявола! — сказал кто-то.

— Фити, у вас здесь Пушистик? — спросил Эггерс. — Где, черт побери?..

— Он там, — показал один из мужчин, стоящих в дверях.

Пушистик вышел из-за стула на открытое пространство. Он дернул полу пиджака Эггерса и снова уикнул. На его спине был какой-то горб.

— Что это он надел на спину? — спросил Эггерс и потянул вниз. — Во всяком случае, где ты это взял?

На спине Пушистика был маленький рюкзак с кожаными ремешками и завязанной веревкой горловиной. Как только Эггерс выказал к нему интерес, Пушистик освободился от ремней и, кажется, был счастлив, что избавился от своей ноши. Мортлек поднял рюкзак и положил его на стол. В нем было больше десяти фунтов веса — пожалуй, много-

вато для Пушистика. Эггерс развязал веревку и запустил в рюкзак руку.

— Да здесь какие-то камешки, — сказал он и вытащил руку. Камешки слабо пылали. Словно боясь обжечься, Эггерс высыпал их на стол.

— Святой Боже! — он никогда прежде не слышал, чтобы кто-нибудь мог так пронзительно кричать. — Проклятье, это же солнечные камни!!!

Глава 20

— Но зачем? — настаивал Бриллиант. — Зачем Большое существо первым «банг, банг» и сделало его мертвым? Не хорошо. Зачем не сделало другом, не помогло, не дало игрушки?

— Ну, некоторые Большие существа плохие, делают неприятности. Другие Большие существа сражаются, чтобы не было беды.

Но зачем бывают плохие Большие существа? Почему они не хотят стать друзьями, помогать, давать игрушки, быть хорошими?

— Дьявол! Ну как вы сможете ответить на подобные вопросы? Может, именно это Эрнст Мейлин имел в виду, когда сказал, что Пушистики — разумнейшие из людей. Возможно, они слишком разумны, чтобы быть плохими, но как неразумному человеку объяснить им все это?

— Паппи Вик не знает. Может, это знает дядя Эрнст или дядя Панко?

Тихо зазвенел вызов личного коммуникатора. Бриллиант оглянулся: такое случалось не часто. Сняв Бриллианта с колен и посадив его на стул, Виктор поднялся и, подойдя к стене, включил экран. Это был капитан Морган Лански из конторы шефа Стифера. Он выглядел так, словно перед ним упала граната, которая вот-вот должна была взорваться.

— Мистер Грег, хранилище драгоценностей! В нем Пушистик, он ограбил его!

Грег хотел спросить Лански, не пьян ли он или, может быть, сошел с ума, но подавил этот импульс. Тут было ни то, ни другое — Лански был очень испуган.

— Успокойтесь, Морган. Расскажите все по порядку. Во-первых, что вы знаете о случившемся, а затем, что вы думаете об этом.

— Да, сэр, — Лански овладел собой, мгновение помолчал. — Десять минут назад, когда в конторе детективов началась пересменка, там находились два лейтенанта. Пушистик

вышел из темной кладовки, которая находится в конторе. На его спине был маленький рюкзак, в котором находилось около двенадцати фунтов солнечных камней. Вы хотите взглянуть на них?

— Потом. Давайте дальше, — но прежде, чем Лански смог продолжать рассказ, Грего спросил: — Вы уверены, что он вышел из кладовки?

— Да, сэр. В дверях дежурной комнаты стояли пять или шесть человек, он мог попасть только через вентиляционный канал. Решетка канала была открыта.

— Разумно. Через эту вентиляционную систему он мог попасть и в хранилище драгоценностей.

Выход на лестницу, ведущую в хранилище драгоценностей, был на том же уровне, что и служба детективов. С обеих сторон были установлены передающие камеры, благодаря которым просматривался каждый метр пространства. Больше солнечным камням взяться было неоткуда; все, что накопилось в служебном сейфе Эванса, только вчера было переправлено в хранилище.

— Десять минут; что сделано за это время?

— Здесь Карлос Хартадо. Он остался, как и большинство других, закончивших свою смену. Мы подняли по тревоге всю полицию Компании, блокировали все четырнадцать нижних уровней и второй блок пятнадцатого. Я вызвал шефа, и он скоро придет. Хартадо связался с полицией Мэллори-Порта, они помогут людьми и транспортом, чтобы блокировать здание снаружи. Я послал за доктором Мейлином и мистером Эвансом и попросил доставить несколько слуховых аппаратов.

— Ладно. Сейчас же вышлите за мной джип или кар. Я открою хранилище драгоценностей. Пусть меня кто-нибудь встретит. Возьмите ошеломители. Там могут оказаться другие Пушистики. Вызовите управляющего зданием и инженера-вентиляционщика, пусть они захватят с собой план системы вентиляции.

— Хорошо. Что еще, мистер Грего?

— Пока все. Смотрите сами.

Он отключил экран. Бриллиант, сидевший на стуле, смотрел на него широко открытыми глазами.

— Паппи Вик, что случилось?

Грего взглянул на Бриллианта.

— Бриллиант, ты помнишь, как плохое Большое существо перенесло тебя сюда вместе с другими Пушистками? — спросил он. — Если ты снова увидишь их, ты их узнаешь?

— Хороший друг; узнаю снова.

— О'кей. Останься. Паппи Вик скоро вернется.

Он пошел на кухню и взял пару банок Рациона-три. Вернувшись, он отыскал слуховой аппарат и упаковал его. Бриллиант пользовался пушистофоном, поэтому Грег не нуждался в аппарате. Затем, посадив Бриллианта на плечо, он вышел. Как только он появился на террасе, с краю опустился серебристый аэроджип Компании с темно-красной надписью «Полиция». У Гrego мелькнула мысль, что полицейский транспорт должен отличаться по цвету, чтобы не путать его с обыкновенными карами Компании. Потом надо поговорить об этом с Гарри Стифером. Пилот открыл дверцу. Грег взобрался в джип и поудобнее устроил Бриллианта на коленях. Выслушав доклад пилота, он взял радиофон.

— Это Грег. С кем я говорю? — спросил он.

— Хартадо. Мы изолировали шестнадцать уровней внутри и снаружи. Капитан Лански и лейтенант Эггерс пошли встречать вас к хранилищу драгоценностей. Пришел доктор Мейлин, пришли также мисс Глинн и капитан Кхадра из Защитных сил. Может, они узнают что-нибудь от этого Пушистика, — он что-то озабоченно пробормотал. — Вы не знаете, какова будет следующая работа, которую Пушистики подкинут полиции?

— Скоро Пушистики научатся взламывать сейфы. Вы получили план вентиляционной системы?

— Он на подходе. Здесь инженер-вентиляционщик. Вы думаете, там есть другие Пушистики?

— Четыре, если не больше. И два человека. Их зовут Фил Новайс и Мозес Керкед.

Хартадо немного помолчал, а затем выругался:

— Черт побери, как же я не подумал об этом? Я уверен, что это они! Именно они!

Аэроджип опустился на третий уровень. Там около двух каров стояли полицейские с портативными автоматическими винтовками. Пролетая по горизонтали, Виктор видел, что в некоторых конторах продолжалась работа, хотя и не такая интенсивная, как обычно. Спускаясь по вертикальному лучу на полете к пятнадцатому уровню, они увидели еще один полицейский кар. Пилот джипа включил красно-белую мигалку и, взяв мегафон, произнес:

— Это мистер Грег, не задерживайте нас.

Кар освободил дорогу.

Пятнадцатый уровень был империей полиции. Все вокруг было тихо, только на подходе к вертикальному лучу и в гори-

зонтальных проходах сконцентрировалось больше транспортных средств, чем обычно. Пилот посадил джип перед входом в помещение скупки драгоценностей. Морган Лански и детектив ждали его там. Он вылез сам и помог выбраться Бриллианту, а пилот передал детективу банки с Рационом-три. Лански, к которому вернулся его обычный апломб, усмехнулся.

— Переводчик, мистер Грег? — спросил он.

— Да. И возможно, он сможет провести опознание. Я думаю, он узнает этих Пушистиков.

Пару секунд Лански переваривал информацию, а затем кивнул:

— Уверен. Это может объяснить все.

Они прошли через дверь и сразу заметили, что были приняты все меры безопасности. Хотя решетка и была поднята, перед ней стояли два автоматчика. Полдюжины человек с ошеломителями, короткими карабинами, дула которых расширялись на конце, как у древних мушкетов, стояли позади них. Дверь в конце короткого коридорчика тоже была открыта, и никто не беспокоил их опознанием или проверкой.

Грего открыл дверь на лестницу, ведущую в хранилище драгоценностей, и опять никто не остановил его, но он даже не заметил этого. Лански, Эггерс, человек, несший банки с Рационом-три, и человек с ошеломителем последовали за ним. Он быстро выбил на клавиатуре бессмысленный текст, являющийся ключом к замку. Через десять секунд дверь отошла и скользнула в сторону.

Как всегда, освещение внутри было включено. Словно два светлых пушистых шара на черном бархате стола, Пушистики сосредоточенно играли с тысячами пылающих солнечных камней. Веревоочная лестница, достаточно большая для Пушистиков, свисала из вентиляционного отверстия.

Оба Пушистика испуганно подняли головы. Один из них сказал, как бы обвиняя:

— Вы не говорили, что камни светятся. Вы говорили, что камни как все.

Его компаньон пригляделся к вошедшим и крикнул:

— Не знаю этих Больших существ! Как они пришли в это место?

Лански наблюдал за Бриллиантом, которого передал ему Грего, когда открывал дверь. Бриллиант увидел сидевших на столе и, узнав их, что-то возбужденно забормотал. Грего взял его и посадил на стол рядом с другими Пушистиками.

— Не бойтесь, — сказал он. — Я не обижу. Вот ваш друг, покажите ему камни.

Узнавание было взаимным. Пушистики обняли Бриллианта и что-то быстро залопотали. Лански подошел к экрану и набрал комбинацию вызова.

— Вы тоже убежали от плохих Больших существ? — спросил Бриллиант. — Как вы нашли это место?

— Большие существа принесли нас. Сказали нам идти по длинной маленькой норе и взять камни. Сказали нам взять камни, как брали в другом месте.

— В каком другом месте? — хотел узнать Грегю. Другой Пушистик заговорил:

— Большие существа посылали нас идти в длинную маленькую нору, взять камни. Мы брали камни, Большие существа давали нам есть хорошую пищу. Не брали камни, Большие существа обижались, сердились, сажали в темное место, не давали есть, заставляли делать снова.

— У кого Рацион-три? — спросил Грегю. — Откройте банку.

— Лаци-тли, — повторил Бриллиант, услышав его слова. — Паппи Вик дает лаци-тли, хокси-фуссо.

На экране перед Лански был Хартадо. Он чуть отошел в сторону, чтобы последний мог видеть, что происходит в хранилище драгоценностей. Хартадо выругался.

— Теперь все в здании надо переделывать, чтобы в это помещение не могли пробраться Пушистики, — ворчал он. — Шеф идет, — добавил он, повернувшись. — Шеф, идите, смотрите, что творится.

Рацион-три был у Эггерса, он открыл банку. Достав кекс, он разломил его на три части и дал по куску каждому Пушистику, предварительно сдвинув в сторону кучу солнечных камней, стоимостью примерно в пару миллионов солей. Два маленьких воришки драгоценностей уже были знакомы с продуктом, который им дали, и сразу же начали есть. Эггерс, не сводя с них глаз, подошел к экрану. Гарри Стифер ругался еще более виртуозно, чем Хартадо. Затем, оборвав себя, поздоровался.

— Хелло, мистер Грегю. Остались еще солнечные камни, кроме тех, что на столе?

— Я еще не проверял, — он огляделся вокруг. Все ящики были выдвинуты. Очевидно, чтобы достать камни из ящиков верхнего ряда, Пушистики вставляли на верхние ящики. Лански нашел пару маленьких брезентовых рюкзаков, и теперь рассматривал их.

— На что они похожи, капитан?

— Не ходите вокруг стола, — предупредил Лански. — Здесь весь пол покрыт камнями.

— Тогда немного отойдем. Конрад Эванс уже пришел?

— Мы пытаемся связаться с ним, — сказал Стифер. — Доктор Мейлин и капитан Кхадра здесь, мисс Глинн скоро подойдет. Я сейчас ухожу на командный пункт, а здесь оставлю кого-нибудь.

— Полагаю, Пушистиков вы тоже оставите? Я возьму эту пару наверх, а Бриллиант поможет нам расспросить их.

Стифер согласился, а затем, извинившись, повернулся и отдал распоряжение кому-то, находившемуся в комнате. Один из детективов вышел и вернулся с метелкой и совком. Он держал совок, пока Лански сметал в него солнечные камни. Там было больше камней, чем он ожидал. Возможно, даже половина всего их количества. Он ссыпал в выдвижные ящики, не считаясь с размерами и качеством камней, их можно будет рассортировать позже. Когда он стал собирать камни со стола, все Пушистики энергично запротестовали. Бриллиант тоже хотел поиграть с ними. Грег утешил их, разделив еще один Рацион-три, и заверил Бриллианта, который, в свою очередь, заверил своих друзей, что паппи Вик даст им другие хорошие вещи.

— Вы, капитан, лейтенант Эгтерс и еще пара человек останетесь здесь, — сказал он. — Я думаю, здесь есть еще Пушистики, и они могут вернуться за оставшимися камнями. Наблюдайте за вентиляционной системой и, если сможете, поймайте их. Только не повредите им что-нибудь. Когда поймаете, доставьте их в кабинет шефа. Я иду туда.

* * *

— Ради Христа, пусть они поторопятся! Что мы с ними будем делать потом?

За последние двадцать минут Фил Новайс произнес это уже раз десять-двенадцать. Он сидел на краю вентиляционного люка с тех пор, как пришел сюда, и с каждой минутой раздражался все больше и больше. Керкед тоже начал беспокоиться. Это могло обернуться для них бедой. Потеряв над собой контроль в подобной ситуации, быстро накличешь на себя беду. Сначала Фил был слегка самонадеян — это тоже было плохо.

Они довольно удачно спрятали кар на десятом, не занятом уровне, рядом с тем местом, где два месяца назад держали Пушистиков. Они знали, что, когда один из этих проклятых

Пушистиков убежал от них, полиция Компании начала патрулировать не занятые уровни. Сбежавший Пушистик объявился в личных апартаментах Виктора Грегора. С тех пор место, где они прятали кар, было относительно безопасно.

Длинный спуск к пятнадцатому уровню среди канализационных и водопроводных труб и главного вентиляционного канала, тянувшийся почти тысячу футов, был тяжелым и опасным. Пушистики толкались в ящике, антигравитационный подъемник то и дело цеплялся за переплетения труб. В какое-то мгновение Фил даже пожалел, что встретил этих Пушистиков. Но он сосредоточился на работе, удерживая подъемник от раскачивания, и благополучно доставил их всех вниз. Это было перед тем, как он оказался на краю вентиляционного отверстия, и его нервы стали сдавать.

— Фил, мы легко возьмем камни, — прошептал Мозес Керкед. — По этому каналу им надо пройти полмили. Кроме того, в хранилище им надо наполнить рюкзаки, а они при этом всегда тянут время. Этих педерастов никогда не заставишь поторопиться.

— Может, что-то случилось? Может, они повернули не в том месте и погибли? Эта система более запутана, чем та, в которой они тренировались.

— О, они все выберутся оттуда. Разве они уже не сделали три удачных ходки? И, черт побери, не разговаривай так громко!

Это его очень тревожило. Все силы полиции Компании были сосредоточены вокруг места, где они ожидали Пушистиков. Служба полиции была несколько в стороне, но все остальные важнейшие службы — пожарная, радиационной безопасности, первой помощи и гараж их транспорта — располагались вокруг них, а звуки по этим вертикальным лучам, воздушным каналам и трубопроводам разносились на огромные расстояния.

— У нас уже достаточно камней, — сказал он. — Давай бросим их и уйдем сейчас. Мы и так можем получить за то, что у нас есть, миллионов пятьдесят.

— Уйти и оставить Пушистиков?

— Черт с ними, с Пушистиками! — заорал Фил.

— Он говорит, черт с ними! Он не знает, что Пушистики умеют разговаривать. Мы потратили на них два месяца, держали взаперти, и все потому, что этот Пушистик Грегора узнал нас. Мы должны вернуть всех пятерых и уничтожить их. Если мы этого не сделаем, полиция задержит и уничтожит нас.

Фил наклонился к квадратной отдушине и прислушался.

— Я что-то слышу. Кажется, разговаривают двое.

Керкед включил слуховой аппарат и приблизился к отверстию. Да, там разговаривали два Пушистика: решали, сколько им еще идти.

— Как только они выйдут, их надо будет спихнуть в мусоропровод, — сказал Фил, кивнув на толстую трубу, которая вела к расположенному на семисотфутовой глубине конвертеру концентрированной энергии.

— Это будет последний путь Пушистиков, всех пятерых, но только тогда, когда они притащат из хранилища все солнечные камни, — он сомневался, чтобы они притащили хотя бы половину.

— Сейчас рано. Они идут сюда. Хватай одного.

Как только Пушистик появился в отверстии, Новайс схватил его. Керкед схватил второго. У обоих были полные рюкзаки. Фил освободил Пушистика от ремней и передал его Новайсу, а затем развязал веревку и высыпал содержимое рюкзака в открытый чемодан с драгоценностями. Потом он снова закрепил рюкзак на спине Пушистика.

— Все нормально. Иди, возьми еще камней.

Пушистик что-то недовольно сказал, он не понял, что, только разобрал слово «фуссо» — это означало пищу или требование еды. Важное слово для Пушистиков.

— Нет. Ты возьмешь камни, потом я дам «фуссо», — он подтолкнул Пушистика к вентиляционному каналу. Затем взял второго. — Давай, высыплю из твоего рюкзака, и следуй за ним. Будете ходить, пока не принесете все солнечные камни.

* * *

Человек в мундире сержанта, занявший стол шефа Стифера, курил то, что, вероятно, было одной из сигар шефа, и разговаривал с девушкой на экране связи. В соседней комнате Эрнст Мейлин, Ахмед Кхадра и Сандра Глинн разговаривали с сидевшим на краю стола и с удовольствием жевавшим Рацион-три Пушистиком. На Кхадре был вечерний костюм, а Сандра была одета во что-то чарующее со множеством черных кружев. На среднем пальце ее руки пылал солнечный камень, которого раньше Грег у нее не замечал.

«Нужна сестра Пушистиков, обращаться к Виктору Гrego».

Они посадили Бриллианта и его друзей на пол. Гrego поблагодарил и отпустил человека, который помогал ему. Заме-

тив сидевшего на столе, Пушистики подняли крик и подбежали к нему. Первый Пушистик прыгнул на пол и заторопился навстречу вошедшим.

— Чего вы добились от него? — спросил Виктор Грегго.

— Кажется, здесь вытанцовываются Керкед и Новайс, — с отвращением произнес Кхадра. — Я все время следил за черным рынком, они там не появлялись. Они находились где-то здесь, в городе, и учили Пушистиков воровать солнечные камни. Боже! Младшие братья стали помощниками мошенников!

— Керкед и Новайс. А еще кто?

— Еще два мужчины и одна женщина. И пять Пушистиков, которых Керкед и Новайс привезли вместе с Бриллиантом.

Они все время находились где-то в пятнадцати минутах хода от дома Компании. Эти бандиты научили их ходить по вентиляционным каналам, открывать решетки на отдушинах, пользоваться веревочной лестницей и выносить из хранилища камни. Они, вероятно, сделали копию вентиляционной системы в хранилище драгоценностей. Они практиковались все время. Если они очищали хранилище на макете и приносили камни (речной гравий, предположим), то получали Рацион-три. Если нет, их наказывали ударом электрического тока и голодными запирали в темницу. Знаете, они могли их застрелить.

— Они не могли застрелить их, у них слишком многое было поставлено на карту, — сердито возразила Сандра.

— Действительно, слабый пол! — Ну, я думаю, если мы схватим их, суд приговорит их к расстрелу. Что еще сделано?

— Немного, — ответил Мейлин. Запас его слов иссяк, и он не мог выразить всего, что чувствовал. — Мы пытались выяснить их маршрут по вентиляционной системе. Пушистик знает, как он шел в хранилище, но не может рассказать.

— Бриллиант, ты сможешь паппи Вику. Поговори с Пушистиками для дяди Эрнста, дяди Ахмеда и тети Сандры. Помоги Пушистикам рассказать о плохих Больших существах, о месте, где они были, о том, что делали, как ходили по длинной норе, — он повернулся к Кхадре. — Ему показали видеозапись Керкеда и Новайса?

— Еще нет. Мы только поговорили с ним.

— Дайте им всем троем посмотреть эту видеозапись. Проведите опознание. И продолжайте расспросы о вентиля-

ционном канале. Посмотрим, может, они смогут рассказать, в каких направлениях они двигались к хранилищу, где сворачивали и в каком месте вошли в систему.

Глава 21

Пройдя холл, он вошел в помещение оперативной информации, которое было довольно оживленным, хотя большого шума там не было. Каждый знал, что ему надо делать, и делал это с минимальной суетой. Группа людей, полицейских и инженеров, теснилась за большим столом, на котором был расстелен огромный лист какого-то плана и находился информационный экран. Другая группа полицейских и людей поддержки собралась вокруг большой объемной модели четырнадцатого, пятнадцатого и шестнадцатого уровней, которая проектировалась на двух-трех экранах. Модель была прозрачной и выглядела как анатомическая, ну, а весь дом Компании можно было сравнить с организмом. Дыхательная система — вентиляция, в которой был заинтересован каждый. Выделительная система — система сточных вод.

А теперь в этот организм проникла пара вредных микробов, называемых Фил Новайс и Мозес Керкед, которых разыскивали полицейские-лейкоциты, чтобы нейтрализовать.

Некоторое время Грего следил за этой работой, потом подошел к ряду видеозэкранов. Холлы и транспортные пути, контролируемые полицией и спешно мобилизованными вооруженными группами поддержки, были почти пусты. Грузовые станции были оккупированы полицейскими и наблюдателями на аэрокарах. Вид с аэрокара, поднявшегося на тысячу футов над зданием, блокируя здание снаружи, был великолепен. Грего удовлетворенно кивнул. Они не смогут выйти из здания, а как только они появятся на каком-нибудь экране, полиция сможет приблизиться к ним и окружить.

На одном экране, передающая камера которого была установлена над дверью хранилища драгоценностей, он видел Моргана Лански, Бента Эггера и двух детективов, расположившихся вокруг стола с электрическим подогревом. Вспотевшие, они сняли мундиры и пристально смотрели на маленькую веревочную лестницу, которая, свисая, отбрасывала причудливую тень. На другом экране сержант в кабинете Гарри Стифера сидел за столом и наблюдал, как Эрнст Мейлин и Ахмед Кхадра суетятся вокруг демонстрационного экрана, а Сандра Глинн сидит на полу и разговаривает с Бриллиантом и тремя его друзьями.

Гарри Стифер сидел за главным пультом и следил за всем происходящим. Грег подошел и сел рядом.

— Мистер Грег, пока не видно никаких сдвигов, — сказал шеф полиции. — До сих пор все спокойно.

— Наружу еще ничего не выплыло?

— Не думаю. Всепланетные Новости, заметив кружащие над домом Компании кары, связались с городской полицией. Им сказали, что ведется погрузка ценностей для отправки на космическую станцию. Кажется, они приняли эту версию.

— Мы не можем долго сидеть в этой неопределенности.

— Надеюсь, до того, как мы схватим этих, мы сможем сохранить все это в тайне.

— Вы уже связались с Конрадом Эвансом?

— Нет. Его нет дома. Сейчас я покажу вам.

Стифер набрал комбинацию вызова на одном из экранов связи. На засветившемся экране появилось широколобое, с узким подбородком лицо главы скупщиков драгоценностей.

— Это запись. Она сделана в двадцать один ноль ноль, — говорил Конрад Эванс. — Я и миссис Эванс ушли, мы вернемся после полуночи, — сказал голос Эванса. Затем экран мигнул, и запись повторилась снова.

— Я могу вызвать его по экстренной связи, но не хочу этого, — сказал Стифер. — Мы не знаем, сколько человек вовлечены в это дело, и не хотим тревожить их.

— Не надо. Четыре мужчины и женщина. Пушистики говорят, что сюда их принесли два человека, предположительно, Керкед и Новайс. Значит, двое мужчин и женщина ждут их где-то снаружи. В данное время Эванс нам не нужен. Полночь уже прошла. Включи постоянный вызов в его доме.

Эванс с женой, вероятно, ушли в гости. Ходили разные слухи о миссис Эванс... Он отстранил эти мысли.

— У нас нет маленьких роботов-ищеек, которые смогли бы двигаться по вентиляционному каналу? — спросил Грег.

— Мистер Гайеррин, инженер-вентиляционщик, имеет дюжину таких роботов. Он предлагал использовать их, но я запретил до согласования с вами. Они двигаются на антигравитации, а даже самый маленький генератор антигравитации создает ультразвуковые шумы. В вентиляционной системе предположительно находятся еще два Пушистика. Разве мы хотим испугать их?

— Нет. Пусть лазают. Если мы не испугаем их, они, может быть, выйдут в хранилище драгоценностей.

Он посмотрел на видеозэкран, установленный в другом

конце помещения. Кхадра и Мейлин приготовили видеозапись. Сандра перенесла Пушистиков и усадила их перед экраном, а Бриллиант объяснил им, что такое экран и что такое видеозвуковое изображение.

На экране с видом хранилища драгоценностей Лански и детективы перегнулись через стол и к чему-то прислушивались. Теперь у них была пара слуховых аппаратов, которыми пользовались Эггерс и один из детективов. Лански повернулся в сторону камеры и стал подавать какие-то знаки. Стифер взял микрофон и попросил обратить внимание на хранилище драгоценностей.

В течение десяти секунд, показавшихся вечностью, на экране не происходило никаких изменений. Вдруг на лестнице появился быстро спускающийся Пушистик. Один из детективов хотел схватить его, но Эггерс знаком приказал этого не делать. Мгновением позже показался другой Пушистик.

Эггерс обеими руками схватил его за ноги и оттащил от лестницы. Пушистик ударил его кулачком в лицо. Первый Пушистик, уже спустившийся на стол, попытался снова взобраться на лестницу. Лански схватил его. Один из детективов бросился на помощь Эггерсу. Борьба прекратилась, пленники были нейтрализованы. Лански крикнул:

— Мы взяли обоих! Сейчас принесем наверх!

Стифер крикнул, чтобы девушка, следившая за экранами, включила микрофон, и приказал Лански и одному из детективов оставаться сторожить хранилище драгоценностей. Лански подтвердил получение этого приказа. Другой детектив и Эггерс взяли Пушистиков и вышли из помещения.

В конторе Стифера Пушистикам показывали видеозвуковую запись Мозеса Керкеда. Это был старый фильм, где Керкед рассказывал о своем образовании и прежнем месте работы. Стифер что-то спросил у сержанта, сидевшего за его столом, и подозвал Ахмеда Кхадру.

— Ладно, — сказал Кхадра, когда Стифер рассказал ему о случившемся. — Теперь все они в сборе. Когда их доставят сюда, мы снова прокрутим им Керкеда, а потом покажем Новайса. Это они привезли их сюда вечером. Так утверждает первая тройка.

— Они все еще в здании, — сказал Стифер. — Значит, двое мужчин и женщина остались снаружи. Хотел бы я...

— Шеф, мне кажется, я знаю их, — сказал Гrego.

Конечно, это было только предположение, но оно вписывалось в общую картину. Он внезапно вспомнил то, что знал о мистере Конраде Эвансе.

Когда Лео Вакстер — теперь маклер, дающий займы всем, и частный финансист — десять лет назад впервые появился на Заратуштре, с ним была женщина, но она не была ему ни женой, ни любовницей, она была его сестрой. Роза Вакстер. Через некоторое время она оставила Вакстера и вышла замуж за минеролога Компании, Конрада Эванса, который после открытия солнечных камней стал главой скупщиков драгоценностей Компании.

— Какой номер вызова Эванса? — спросил он Стифера. Стифер сказал, и Грег повторил его Ахмеду Кхадре. — Когда те два Пушистика прибудут, вызови его. Ответом будет видеозвуковая запись. Посмотрим, может, ребята опознают его.

Стифер взглянул на него скорее весело, чем удивленно.

— Я даже не подумал об этом, мистер Грег. Но, кажется, все сходится.

— Интуиция, — если кто и уважает интуицию, так это только полицейские. Просто я вспомнил, на ком женился Эванс — на Розе Вакстер.

— Эй! — Стифер пробормотал что-то. — Я тоже знал все это, просто не придал значения. Значит, висеть им всем вместе.

Пару минут они сидели и обсуждали, как повесят преступников, и одновременно по экрану наблюдали за тем, что происходит в кабинете Стифера. Туда вошли Эггерс и детектив, они были все без пальто. Каждый из них нес Пушистика. Тот Пушистик, которого нес Эггерс, пытался достать оружие из запечной кобуры лейтенанта.

Конечно, их повесят вместе. У этой банды есть точный план хранилища, который знал Эванс и очень немногие другие. Устройство вентиляционной системы не являлось совершенно секретным. Любой, занимающий должность Эванса, мог получить план. У них было место для содержания Пушистиков, место, достаточно большое для того, чтобы построить точную копию хранилища и вентиляционной системы. Ну, а в районе, который все называют «заложеными виллами», есть много свободных факторий и складов. Вышеназванный район был приобретен Хьюго Ингерманном, а подставным лицом при покупке был Вакстер. Как в эту компанию затесались Керкед и Новайс, не столь уж важно. Когда их поймают и допросят, все выплывет наружу. Десять к одному, что связующим звеном и главным двигателем этого дела была Роза Вакстер, жена Конрада Эванса.

Пушистики в конторе Стифера оказались вместе. Кхадра,

Мейлин и Сандра пытались заставить их посмотреть на экран. Грег повернулся к Стиферу.

— Пошлите несколько человек на квартиру Эванса, сделайте полный обыск. Может, там отыщутся какие-нибудь доказательства.

— Их там не было.

— Нет, они были в одном из зданий Заложённых вилл, но мы не знаем, в котором именно. Я свяжусь с Яном Фергюсоном.

Он рассказал Фергюсону о своих подозрениях. Начальник полиции кивнул.

— Разумно, — сказал он. — Для помощи я вызову городскую полицию. Мы перекроем все подходы, чтобы никто не мог ни войти, ни выйти, а затем начнем обыск. Там только две тысячи квадратных миль и около трехсот зданий, — добавил он. — К тому же я думаю связаться с Насагарой. Может, он даст мне десантников.

— Ну, не тяните с обыском. Оставьте кого-нибудь на своем месте для связи. При первой же возможности пошлем вам помощь.

Грег взглянул на экран, на котором был виден кабинет Стифера. Кхадра связался с квартирой Эванса и теперь мог слышать записанный голос хозяина, сообщающий, что он с женой не появится дома раньше полуночи. Пушистики, видимо, узнали голос Эванса. Они явно выказывали неприязнь к нему.

— Поднимите общую тревогу и арестуйте его, миссис Эванс и Лео Вакстера. Я думаю, вам не стоит беспокоиться, что вы наделаете слишком много шума.

— Арестуйте также и Ивана Боулбая, Рауля Лакортё и Слейка Хенсена, — добавил Фергюсон. — И всех их хулиганов. — Он на мгновение задумался. — И Хьюго Ингермана. Наконец-то мы сможем допросить его как подозреваемого. Я свяжусь с Гусом Бранхардом.

— И с Лесли Кумбесом — он поможет.

— Верно. Все!

Стифер взял микрофон.

— Пушистиков в системе больше нет. Можно начинать спектакль! — он встал и обошел вокруг стола.

На экране из кабинета Стифера появился Кхадра.

— Все нормально. Они знали Эванса. Он из банды. Кем он работал?

— Его использовали в качестве главы скупщиков драгоценностей Компании. Это было пятнадцать минут назад, но теперь он уволен без выходного пособия и без рекоменда-

ций, — Грегю на секунду задумался. — Капитан, какие грязные ноги у этих Пушистиков.

— Что? — Кхадра с недоумением посмотрел на него, а затем воскликнул: — Да, так и есть! Серо-коричневая пыль. У них весь мех в пыли.

— Ладно, это даже хорошо, — Грегю поднялся и подошел к большому столу с моделью здания, где Стифер разговаривал с группой людей. Он заметил Нильса Гайеррина, инженера-вентиляционщика, и отвел его в сторону.

— Нильс, внутри вентиляционных каналов очень пыльно? — спросил он.

— Конечно. Пыль переносится воздушным потоком и кондиционером, — ответил инженер. — В помещениях полно пыли...

— Каналы пыльные, и это нам на руку. Теперь эти роботы-ищейки смогут пройти по следам, оставленным Пушистиками в системе?

— Да, уверен в этом. У них оптические рецепторы, система наблюдения в видимом и инфракрасном свете, всевозможные усилители...

— Их надо запустить в систему из хранилища драгоценностей и из конторы детективов. Когда вы сможете это сделать?

— Прямо сейчас. Мы подключим экраны и проследим за ними. Прикажете начинать?

— Давайте, — он повысил голос: — Шеф! Капитан Хартадо, лейтенант Мортлак! Ду-биззо. Сейчас мы запускаем в вентиляционную систему роботов-ищек.

* * *

Фил Новайс посмотрел на Керкеда. Было только час тридцать. Конечно, проклятые часы могли остановиться, но он был уверен, что заводил их. Придерживая запястье в луче тусклого света, он скосил глаза на часы. Секундная стрелка медленно двигалась по циферблату. Прошло всего несколько секунд с тех пор, как он в последний раз смотрел на часы.

— Тридцать пять минут, — сказал Керкед.

— Трое других ушли час назад. Что-то здесь не так. Мы дождемся, пока чертовы...

— Мы подождем еще немного, Фил. Мы просто обязаны дождаться пятидесяти миллионов, дождаться этих Пушистиков и заставить их замолчать.

— У нас уже больше пятидесяти миллионов. Если мы и

дольше останемся здесь, то ничего больше не получим, кроме дыры в голове. Я знаю, что случилось: Пушистики вышли где-то в другом месте. Они бегают на свободе с рюкзаками, набитыми солнечными камнями...

— Потише, Фил, — Керкед потянулся к карману на рубашке, включил слуховой аппарат и сунул голову в отверстие вентиляционного туннеля. — Фил, теперь там спокойно. Вообще никто не знает, что там случилось. Это ультразвук, вот и все. Грег — единственный человек в доме Компании, который может открыть хранилище, а он по крайней мере недели две не будет открывать его. Камни из конторы Эванса убрали только вчера. Так что пройдет много времени, прежде чем кто-нибудь узнает, что они исчезли.

— Я думаю, что Пушистики вылезли где-то в другом месте. Боже мой, они могли выйти в зоне полиции! — это, конечно, могло случиться, но он не хотел думать об этом. А теперь, когда предположение было высказано, у него появилась уверенность, что все так и произошло. — Если так, то нас уже ищут.

Керкед не слушал его. Он выключил слуховой аппарат, и, сидя на корточках возле вентиляционного канала, развернул плитку жевательной резинки, предусмотрительно сунув обертку в карман. Еще одна глупость — нет никаких причин для запрещения здесь курить. Он снова включил слуховой аппарат. Звук, от чего бы он ни исходил, стал громче.

— В канале что-то есть, — он достал защитные очки и включил инфракрасный фонарь.

— Не делай этого! — резко сказал Новайс.

Керкед проигнорировал предупреждение и направил в канал невидимый луч. По направлению к отверстию что-то двигалось, но это были не Пушистики. Это был каплевидный металлический предмет, обнюхивающий стены и тихо скользящий по направлению к ним.

— Это ищейка! Взгляни, Фил, кто-то разоблачил нас. Они запустили в канал робота-ищейку... Возьми чемодан с камнями! Уходим! — приказал Керкед.

— Я же говорил, что здесь что-то не так! — застонал Новайс.

Он закрыл небольшой чемоданчик, втолкнул его в ящик на антигравитационном подъемнике и закрепил крышку. Затем он прицепил карабин страховочного ремня к подъемнику. Когда он обернулся, Керкед вытащил свой пистолет. Прозвучал выстрел. Подбежав к подъемнику, Керкед тоже зацепил

свой страховочный трос и достал два шеста с крючками на концах. Один из шестов он передал Филу.

— Включай подъем, — приказал он. — Пора сматываться.

Фил нащупал выключатель и включил его. Все: подъемник, ящик, Фил и Керкед — стали подниматься, слегка покачиваясь в луже.

— Что это тебе взбрело в голову стрелять? — спросил он, отталкиваясь шестом от стены. Выстрел могли услышать.

— А ты хотел, чтобы робот преследовал нас? — спросил Керкед.

— Осторожно! Прямо под ногами магистральный водопровод.

Возможно, робот двигался, производя профилактический осмотр, может, Керкед просто ударился в панику. Нет. С самого начала здесь было что-то не так. Проклятые Пушистики вышли где-то в другом месте, кто-то увидел их... В луче было слишком много всяких трубопроводов и магистралей. Они с Керкедом снова и снова отталкивались шестами от всех этих нагромождений. В какое-то мгновение подъемник заклинило, и у них мелькнула мысль, что они безнадежно застряли и никогда больше не выберутся на свободу. Затем подъемник снова стал двигаться, и они увидели уходящую вниз сеть трубопроводов. Белые цифры 15 на сторонах луча сменились цифрой 14, значит, они уже прошли пятнадцатый уровень. Осталось пройти только пять уровней и два этажа.

Но вокруг из мегафонов раздались голоса:

— Кары П-18, П-19 и П-10! Четырнадцатый уровень, четвертый этаж, размещение ДА-231.

— Пилот кары 12, поднимитесь к тринадцатому, шестой этаж...

Фил выругал Керкеда:

— Кое-кто был уверен, что они обнаружат случившееся не раньше чем через месяц!

— Заткнись. Мы выйдем из луча двумя этажами выше, сдай влево. Они перекрыли луч наверху.

— Да, и попадем прямо к ним в руки, — возразил Фил.

— Мы попадем к ним в руки, если останемся здесь. У нас остался единственный шанс выбраться.

Они проплывали мимо центрального водовода, мимо разъединителей и вентиляционных систем. Затем, вцепившись крюками за поручни, они втянули подъемник в боковой проход. Прежде, чем Керкед смог взять на себя управление подь-

емником и посадить его, они проплыли по проходу около сотни футов. Они отцепили свои страховочные ремни.

Это был служебный проход, достаточно широкий для того, чтобы по нему прошел маленький кар или джип. Обслуживающий персонал использовал его для подступа к вентиляторам и водяным насосам. Чтобы найти выход, Керкед и Новайс прошли по проходу, таща за собой на буксире подъемник и внимательно осматриваясь по сторонам. Здесь могли быть и другие вертикальные лучи, но не было никакой гарантии, что их тоже не перекрыли.

— Как мы отсюда выберемся?

— Какого черта ты спрашиваешь меня? — парировал Керкед. — Я вообще не имею никакого понятия, как нам отсюда выйти, — он остановился и указал на открытый дверной проем. — Лестница. Мы поднимемся вот здесь.

Они пересекли коридор. Откуда-то из заброшенного, почти не освещенного прохода донесся голос. Слова были неразборчивы. Вероятно, этот проход там соединялся с другим, но дальше по нему идти нельзя, это точно.

— Мы здесь не сможем протащить подъемник, — он знал это, но все же попытался. Подъемник не проходил в узкую дверь. — Придется нам самим нести чемодан.

— Сними ящик с подъемника, — сказал Керкед. — Чемодан слишком тяжел, его надо нести вдвоем.

В верхней крышке ящика размерами четыре на четыре и на три фута были просверлены отверстия, чтобы Пушистики при перевозке не задохнулись. теперь этот ящик был пуст. Фил открыл крышку и вытащил чемодан. Нет, они не смогут нести его, и бросить тоже нельзя. Ящик был прикреплен к подъемнику. Керкед достал карманный нож, в наборе лезвий которого была отвертка, и начал удалять скобки.

— Куда мы пойдем?..

— Не философствуй, ты, богом проклятый! Давай, работай! В ящике не осталось какой-нибудь веревки? Если осталось, обвяжем чемодан...

Через плечо Керкеда, в сотне футов от себя, Фил увидел вползающий в проход джип. На мгновение он застыл от страха, затем крикнул:

— Позади тебя... — и бросился в открытую дверь. Запавшая об узкие ступеньки, он побежал вверх. Сзади дважды хлопнули пистолетные выстрелы, потом послышалась автоматная очередь и два небольших взрыва: взрыв, секунда тишины, затем второй. Снизу донесся крик.

Они взяли Керкеда и солнечные камни тоже! Потом он забыл об этом. Только бы удрать, удрать побыстрее!

Лестница упиралась в стальную дверь. О боже! Только бы она не была заперта! Он всем телом бросился на нее.

Дверь не была заперта. Она открылась, и Фил, перелетев через порог, захлопнул ее за собой. На лестнице слышались голоса бегущих за ним полицейских. Он повернул к освещенному холлу.

В пятнадцати футах от него стоял полицейский, держа наготове короткий карабин с расширяющимся на конце дулом ошеломителя. Фил пригнулся и схватился за пистолет. Дуло карабина-ошеломителя на бедре полицейского качнулось в его сторону. Он уже наполовину вытащил пистолет, когда заряд ошеломителя попал в него, и он потерял сознание.

* * *

Комната оперативной информации погрузилась в тишину. Когда голоса, доносившиеся из динамиков, смолкли, на мгновение воцарилась полная тишина. Затем послышался легкий шорох: все находившиеся в помещении, вздохнули одновременно. Грег заметил, что он сдерживает дыхание, и глубоко вдохнул воздух. Рядом с ним шумно дышал Гарри Стифер.

— Ну что ж, — сказал шеф. — Как-никак, а я рад, что им удалось взять Новайса живым. Через пару часов он сможет говорить.

Он достал сигарету и закурил.

— Мозес Керкед больше не заговорит. Дюжина автоматных пуль заставила его замолчать навсегда.

— Что делать с солнечными камнями?

— Отнесите их в хранилище. Мы рассортируем их завтра или когда будет время, — Грег повернулся к включенным экранам связи с городской и колониальной полицией. На них были сержанты, которые замещали соответственно Ральфа и Яна Фергюсона. — Вы слышали, что произошло?

— Мы поняли главное, — ответили они. — Вы взяли их и вернули солнечные камни, но как это было в деталях?

— У них был антигравитационный подъемник. Они поднялись по одному из вертикальных лучей до четырнадцатого этажа и вышли в эксплуатационный коридор. Их заметили с одного из наших джипов. Керкед пытался завязать бой, и его превратили в рубленый бифштекс. Новайс пробежал марш

лестницы и, выйдя в холл, оказался прямо перед полицейским с ошеломителем. Через некоторое время мы допросим его и узнаем подробности этой истории с Пушистиками, — сказал Грег. — Что у вас в районе Заложённых вилл?

— Мы окружили этот район, — сказал сержант Фергюсона. — Выбраться они могут только пешком, на транспорте — исключено. У нас над головой висят три военных судна с экранами кругового обзора. В распоряжении Насагары сотня десантников и наших людей.

— Я не могу помочь вам в этом деле, — сказал шеф полиции Мэллори-Порта. — Все мои люди на облаве. Если вам больше не нужна блокада дома Компании, я заберу их. Мы взяли Боулбая, Слейка Хенсена и Рауля Лакортё, а теперь возьмем всех, кто имел дело с ними или с Лео Вакстером. Вакстера у нас пока нет. Я думаю, он в Заложённых виллах вместе с Эвансом ждет, когда Керкед и Новайс привезут добычу. И мы взяли Хьюго Ингерманна. Правда, пока он не хочет говорить. Мы вытащили из постели судью Пэндервиса, и он подписал ордер. Теперь у нас есть основание для их допроса под детектором лжи. Мы начнем с мелюзги, а Ингерманна прибережем напоследок.

У него не возникло вопроса, как в дело о покушении на хранилище был вовлечен Лео Вакстер. Если Боулбай, Хенсен или Лакортё имели какую-то связь с этим делом, то она была несущественна. Но их можно допросить не только по этому делу, а и по некоторым другим. Под детектором лжи они не смогут увернуться от ответов и могут дать улики против себя — так называемый, акт самообвинения.

— Ну, теперь я знаю, чего они хотели от Пушистиков, — сказал Грег. — В настоящее время нам неясна самая малость. — Он взглянул на экран, связывающий его с кабинетом Стифера. Теперь там находились полдюжины человек и среди них он с изумлением увидел Джека Хеллоуэя. За время, пока продолжалась эта заварушка, он не мог прилететь сюда с континента Бета. — Я свяжусь с вами немного позже.

Он пересек холл и присоединился к группе, которая расспрашивала пятерку Пушистиков Керкеда-Новайса-Эванса-Вакстера. Там были также Юан Джименз и пара докторов, которые работали с Пушистиками и Приемном Центре Бюро Усыновления. Там же была Клодетта Пэндервис. Как только он вошел, Джек Хеллоуэй подошел к нему, и они пожали друг другу руки.

— Я подумал, что, может быть, смогу вам чем-нибудь помочь, — сказал Джек. — Послушайте, мистер Грег, вы не

собираетесь выдвигать каких-нибудь обвинений против этих Пушистиков?

— Боже милостивый, нет!

— Ну, они же разумные существа и нарушили закон, — сказал Хеллоуэй.

— Юридически они приравняются к десятилетним детям, — сказала миссис Пэндервис. — И они морально отвечать за содеянное не могут, потому что научились этому от людей.

— Да, здесь вырисовывается порабощение, — сказал Ахмед Кхадра. — За это предусмотрена смертная казнь. Расстрел.

— Я надеюсь, что они расстреляют и эту женщину, Розу Эванс. Первой, потому что она гораздо хуже их двоих, — сказала Сандра Глинн. — Она единственная, кто использовал электрический ток, наказывая Пушистиков за допущенные ошибки.

— Мистер Гrego, — прервал Эрнст Мейлин. — Я ничего не понимаю. Этим пушистофоном может пользоваться любой Пушистик. Они берут его за маленькую ручку, и одновременно срабатывает выключатель. Бриллиант говорит, и его слышно, но он совсем не может научить пользоваться им других Пушистиков. Включите свои слуховые аппараты и послушайте.

Бриллиант взял свой пушистофон и заговорил. Все было слышно. Когда он передал его другим Пушистикам, люди слышали только уиканье.

— Дайте-ка мне посмотреть его, — Гrego взял пушистофон и отнес его к столу. Осмотрев его снаружи, он взял отвертку и открыл крышку. Механизм, казалось, был в порядке. Он вытащил маленькую батарейку и заменил ее другой, которую нашел в столе шефа, и отдал пушистофон Мейлину.

— Дайте его какому-нибудь Пушистику, только не Бриллианту. Пусть он скажет что-нибудь.

Мейлин передал пушистофон одному из Пушистиков, которых Лански и Эггерс захватили в хранилище драгоценностей, и что-то спросил у него. Тот, держа пушистофон у рта, ответил вполне разборчиво. Три или четыре человека воскликнули: «Что за черт!» или что-то вроде этого.

— Бриллиант, тебе не нужна эта вещь, в которую говорят. Говори сам, как Большое существо, — сказал Гrego. — Ты уже несколько раз говорил как Большое существо. Теперь ты можешь говорить, как они.

— Как ты? — спросил Бриллиант.

— Как он это делает? — спросила миссис Пэндервис. — Их голоса вообще не слышны.

— Вы думаете, когда села батарейка, он начал копировать те звуки, которые привык издавать с пушистофоном? — спросил Мейлин.

— Вероятно, так. Он слышал себя и учился управлять голосом, чтобы самому имитировать эти звуки. Держу пари, он уже неделю говорит так, а мы ничего об этом не знаем.

— Держу пари, он и сам этого не знал, — сказал Джек Хеллоуэй. — Мистер Грег, как вы думаете, он может научить этому других Пушистиков?

— Интересно, трудно это или нет? — спросил Мейлин. — И знает ли он сам, как у него это получилось?

— Мистер Грег, — вмешался в разговор сержант полиции со все еще включенного экрана связи. — Шеф спрашивает, вы пойдете в хранилище проверять содержимое чемодана?

— Есть ли там кто-нибудь, кто сможет сделать это без меня?

— Ну, капитан Лански, но...

— Тогда закройте хранилище; я не стану этого делать. Черт с ними. Я проверю завтра. Сейчас я занят.

Глава 22

— Как вы думаете, пятьдесят солей за карат будет достаточно? — спросил Виктор Грег.

Беннет Рейнсфорд взял со стола зажигалку и стал ее озабоченно рассматривать, а потом раскуривать трубку, которая, кстати, в этом совсем не нуждалась. Теперь он ближе узнал Виктора Грег и понял, что тот ему нравится. Но он все еще присматривался к нему. Грег был олицетворением Непривилегированной Компании Заратуштры, а Компания отнюдь не была филантропическим институтом.

— По-моему все нормально, — согласился Джек Хеллоуэй. — Когда я был изыскателем и сам добывал солнечные камни, вы мне платили примерно так же.

— Но пятьдесят, Джек. По ценам черного рынка Земли дают тысячу солей за карат.

— Бен, здесь не Земля. Земля в пятистах световых годах отсюда, до нее лететь шесть месяцев. Думаю, мистер Грег сделал нам хорошее предложение. Нам остается только положить деньги в банк. Остальное сделает Компания.

— Каковы будут примерные месячные расходы на добычу камня?

Грего пожал плечами.

— Ну, я не могу этого сказать. Пусть скажет Джек. Как вы думаете?

— Это зависит от того, какое оборудование и сколько вы будете использовать. Если это что-то подобное моим инструментам, то у вас получится соотношение — один солнечный камень на тонну кремния.

— Мы можем обрабатывать в месяц много тонн кремния, а, по описаниям Джека, этот рудник будут разрабатывать также и наши внуки. Знаете, правитель, сделайте специальное заявление о том, что все векселя вскорости оплатят Пушистики.

— К этому надо присмотреться; это не должно стать источником политического взяточничества. Теперь в течение месяца надо провести выборы кандидатов на конституционный съезд. Выбрать человека и наделить его полномочиями, чтобы он мог постоянно охранять права Пушистиков, — он подумал, что можно рассчитывать на Виктора Грего и тот во всем ему поможет.

* * *

Гус Бранхард наливал из бутылки в стакан, который держал Лесли Кумбес. Добавив пятьдесят граммов льда на пятьдесят граммов виски, тот сказал быстро:

— Этого достаточно, благодарю, — и сам долил содовой. — И Хьюго Ингерманн совершенно невиновен, — с отвращением произнес он.

— Ну, не виновен в бизнесе с Пушистиками и в покушении на хранилище драгоценностей Компании, — согласился Гус, добавляя виски в свой стакан. Когда Бранхард смешивал коктейль, он всегда добавлял туда виски, лед и содовую... — Что же касается его жизни, это, вероятно, единственные пункты, по которым он не виновен. Но он не ускользнет безнаказанно, — Бранхард прихлебнул из своего стакана, и Кумбес внутренне содрогнулся: у этого человека, должно быть, бронированный желудок.

— Допросив этого типа под детектором лжи насчет бизнеса на Пушистиках и похищения солнечных камней, мы получили множество доказательств касательно его связей с людьми Вакстера, агентством Боулбая, поставляющем девочек по заказу, призовыми бойцами Хенсена и мускулистом сбродом Лакортъе. Я вышел против него с дробовиком: я насел на него с обвинениями, и некоторые из них больно ударили по

нему. И даже если я не смогу изобличить его в чем-нибудь, он будет лишен права заниматься адвокатской деятельностью. В этом я совершенно уверен. И эта его партия Планетарного процветания лопнет, произойдет утечка радиации, будет мощный взрыв, и она уничтожит себя и всех вокруг. Каждый назовет ее Партией убийц Пушистиков, и каждый, кто хоть как-то связан с ней, немедленно отойдет от нее. Если мы будем работать вместе, мы создадим хорошую Конституцию усыновления и примем великолепные законы. Мы можем надеяться на правителя Рейнсфорда и на Виктора Грегора в том, что они признают эту Конституцию и эти законы и будут считать их «хорошими»?

— Можем, — ответил Бранхард. — У нас в запасе есть несколько месяцев, прежде чем начнется вторжение эмигрантов и захват территории планеты. И Бена Рейнсфорда беспокоит это так же, как и Виктора Грегора. Лесли, если вы пойдете в суд и подадите иск с требованием нанести на карту все незанятые земли Компании и произвести их исследование, я позабочусь о том, чтобы правитель не был против вас. На что это похоже?

— Это похоже на то, что нам вернут все, чего мы лишились, а также право разработки солнечных камней впридачу. Я предлагаю выбрать Маленького Пушистика почетным членом совета директоров. С титулом Благотетель Компании номер один.

* * *

Маленький Пушистик взобрался на колени к папочке Джеку и немного поворочался, усаживаясь поудобнее. Он был так счастлив вернуться назад. У него было там много забав в доме Большого места, и у него, и у Мамочки, и у Ко-Ко, и у Золушки, и у Синдрома, и у Живодера, и у Идеи, и у Пожирателя Капусты, и у Бедовой Бабенки. Они встретили там много других Пушистиков, которые, жили с Большими существами, стали их собственностью, и у них было место, где они встречались и играли вместе. Они встретили там двух влюбленных, которые получили имена Пьеро и Коломбина. Маленький Пушистик также встретил там Бриллианта, о котором ему говорил дядя Панко, а также папочку Бриллианта — Вика.

Он встретил Бриллианта, когда дядя Панко и тетя Лина взяли их всех в вещь, летающую по небу, к месту Большого дома, потому что Бриллиант обнаружил, как можно говорить подобно Большим существам без использования одной из этих

говорящих вещей, и Бриллиант учил их всех, как это делать. Это очень трудно, очень. Бриллиант был умным, он обнаружил это у себя, а потом они все обнаружили, что могут это делать. И теперь Майк и Майзи, Комплекс и Суперэгоист, Заморыш и Колымага Бордена пришли к месту Большого дома с паппи Гердом и мамми Вуф, и они научились говорить так, как Большие существа, и те теперь могут слышать их. Малыш научился этому от Мамочки, а завтра они смогут научить всех остальных здесь, в «хоксу-митто».

— Скоро все Пушистики научатся говорить подобно Большим существам, — сказал он. — Не нужна будет говорящая вещь, чтобы Большие существа могли нас слышать. Все будут говорить так, как это делаю сейчас я.

— Это правильно, — сказал паппи Джек. — Большие существа и Пушистики будут говорить вместе. Все будут хорошими друзьями. Никто никого не будет обижать.

— Пушистики узнают, как можно помочь Большим существам. Пушистики смогут сделать много вещей, если Большие существа покажут им, что и как надо делать и как надо поступать.

— Лучшее из всего, что сделали Пушистики и чем они смогли помочь Большим существам, это то, что они появились, и тем, что они есть, — ответил однажды папочка Джек, улыбнувшись.

Но чем еще они могут быть? Пушистики были тем, чем они были так же, как Большие существа были Большими существами и никем другим.

— И кроме того, — продолжал паппи Джек, — теперь все Пушистики очень богатые.

— Богатые? Что это такое? Подобно «лаци-тли»?

Он удивился, почему это папочка Джек улыбается. Возможно, потому, что счастлив, или потому, что папочка Джек думает, как это забавно, что он, Маленький Пушистик, не знает, что такое деньги.

Было так много вещей, которые Пушистикам еще предстояло узнать...

К о н е ц

Гордон Р. ДИКСОН

СОЛДАТ, НЕ СПРАШИВАЙ

Фантастический роман

Перевод с английского

Солдат, не спрашивай себя,
что, как и почему.
Коль знамя в бой тебя ведет —
шагай вослед ему!
И легионы безбожников пусть
окружают нас —
Не считая удары, руби и круши —
вот тебе весь приказ!
Хвала и слава, честь, почет —
игрушки, жалкий хлам.
Верши свой труд — он по плечу
пожалуй, только нам!
Грязи людской, человечьим грехам
место среди отбросов. Долг исполняй свой.
И помни еще:
Не задавай вопросов!
Кровь и страдания, вечная боль —
от века солдатский удел.
Крепче сжимай верный свой меч —
где бы ты ни был, везде!
Радуйся бою, битве любой,
в яростной сече ликуй —
Много их было, но будут еще
на кратком твоём веку.
А выйдет наш срок — и где б кто ни лег,
стечемся со всех сторон.
Солдаты-избранники, все мы тогда
придем пред Господень Трон.
Будет кровь наших ран
знаком тех, кто избран,
кто вправе стоять перед Ним —
Мы, на верность Ему присягнув,
Одному Ему верность храним!

(перевод А. Дмитриева)

Глава 1

Гомеровская «Илиада» начинается словами: «Это история о ярости Ахилла». То история тридцатичетырехсотлетней давности. А эта история — история моей ярости. Я, землянин, восстал против людей двух миров, так называемого Содружества: мобилизованных, фанатичных, черномундирных солдат Гармонии и Ассоциации. И это — история не о какой-то маленькой ярости. Ибо я, как и Ахилл, — человек Земли.

Вас это не удивляет?

Особенно в наши дни, когда сыновья более молодых миров — выше, сильнее, более искусны и умны, чем мы, люди из Старого Мира? Как мало же вы тогда знаете Землю и ее сыновей.

Оставьте ваши молодые миры и однажды вернитесь сюда, на материнскую планету. Прикоснитесь к ней в благоговении. Она все еще здесь и все такая же. Ее солнце все так же светит над водами Красного моря, расступившегося пред Детьми Господа. Ветры все так же дуют в Фермопильском Ущелье, где Леонид с тремя сотнями спартанцев сдержал орды Ксеркса, царя Персии, тем самым изменив историю.

Здесь люди боролись и умирали, рождались и хоронили своих близких, строили еще более пятисот тысяч лет назад, когда о ваших молодых мирах человек еще и не смел мечтать. И вы думаете, эти пятьсот тысячелетий — поколение за поколением — меж одними и теми же небом и землей — не оставили НИКАКОЙ особой отметки в наших телах, крови и душах?

Люди Дорсая могут быть воинами сверх всякого воображения. Экзотиканцы Мары и Культиса могут быть волшебниками, которые в состоянии вывернуть человека наизнанку, найти ответы на вопросы вне пределов философии. Ученые с Ньютона и Венеры, может быть, ушли настолько вперед от нас, обычных людей, что даже в эти дни они могут общаться с нами с большим трудом.

Но мы — мы, «тупые», низкорослые, простоватые люди

Старой Земли, все же имеем нечто большее, чем все они. Потому что мы — храним в себе всего человека, генетику рода от которого они — только отточенные части — яркие, сверкающие, прекрасно обработанные части.

Но не более.

Но если вы один из тех, кто, подобно моему дяде, Матиасу Олину, считает нас полностью обойденными, тогда я направлю вас в финансируемый экзотиканцами Анклав в Сент-Луисе. Где сорок два года назад землянин Марк Торри — человек великого видения — первым начал строительство того, что через сто лет будет Конечной Энциклопедией. Через шестьдесят лет ее структура окажется слишком массивной, сложной и в то же время тонкой, чтобы выдержать земное притяжение. И тогда, оторвавшись от Земли, она окажется на орбите Планеты-Матери. А через сто лет, по теории Марка Торри, она сможет показать нам изнанку наших душ — какую-то скрытую часть души и существа землянина, навсегда утраченную жителями молодых миров в процессе искусственного генетического отбора.

Но убедитесь сами. Отправляйтесь сейчас же туда, в Анклав Сент-Луиса, и присоединяйтесь к одной из многочисленных экскурсий, которая проведет вас по коридорам и лабораториям Проекта Энциклопедии. И, наконец, в величественный Индекс-зал, в самое сердце проекта, где огромные закругленные стены этого зала уже начали впитывать знание тысячелетий. И когда все внутреннее пространство этой огромной сферы будет заряжено информацией — а это произойдет через сто лет, — между битами информации установятся связи, которых никогда прежде не существовало и не могло существовать, по крайней мере, в разуме человека. И в этом конечном знании мы увидим — что?

Изнанку наших душ?

Но, как я уже говорил, — сейчас это не имеет значения. Просто посетите Индекс-зал — вот все, что я прошу вас сделать. Посетите его вместе со всей экскурсионной группой. Встаньте в его центре и исполните то, что вам скажет гид.

— СЛУШАЙТЕ.

Слушайте. Стоя молча и наострив уши. Слушайте — вы не услышите ничего. И, наконец, ваш гид, нарушив эту захватывающую, почти нестерпимую тишину, объяснит вам, почему он просил вас слушать.

Только один мужчина и одна женщина из миллионов что-либо слышали. Из многих миллионов людей, рожденных на Земле.

Но никто — НИ ОДИН — из тех, что рождены на молодых мирах и кто когда-либо приходил сюда, чтобы услышать, не услышал ничего.

Вы думаете, это по-прежнему ничего не доказывает? Так вы ошибаетесь, мой друг. Потому что я был одним из тех, кто УСЛЫШАЛ — то, что я смог там услышать, — и услышанное изменило всю мою жизнь, и свидетельство тому то, что я совершил. Услышанное вооружило меня познанием могущества, которое я позже в ярости обратил в план уничтожения людей двух миров Содружества.

Так что не смейтесь над сравнением моей ярости с яростью Ахилла, горькой и одинокой среди кораблей его мирмидонян, у стен Трои. Между нами есть еще иная общность. Мое имя Тэм Олин, и предки мои ирландцы. Но вырос я и стал тем, кто я есть, — на Пелопоннесе, в Греции, как и Ахилл.

В густой тени Парфенона, белеющего над Афинами, наши души были покрыты мраком по воле нашего дяди, которому следовало бы дать нам свободу расти под солнцем.

Наши души... моя... и моей младшей сестры Эйлин.

Глава 2

Это была ее идея — моей сестры Эйлин — посетить Конечную Энциклопедию, воспользовавшись моим новым удостоверением сотрудника бюро Информации. В обычное время я бы поинтересовался, почему она хотела туда съездить. Но в тот момент, когда она предложила эту поездку, странное чувство посетило меня, словно густой и глубокий отзвук колокола. Чувство, незнакомое мне и в чем-то похожее на страх.

Но это был не просто страх, а что-то более сложное. Пожалуй, оно не было даже неприятным. По большей части оно напомнило мне ощущение человека перед моментом какого-нибудь серьезного испытания. И было что-то еще — большее. Что-то вроде дракона на моем пути.

Лишь на секунду оно затронуло меня — но этого оказалось достаточно. Из-за того, что теоретически Энциклопедия представляла собой надежду для рожденных на Земле, а мой дядя Матиас — всегда представлял безнадежность, я решил, что это ощущение связано с ним. С вызовом, который я в нем видел за все годы жизни с ним вместе. И это неожиданно заставило меня принять решение о поездке, несмотря ни на какие препятствия.

К тому же, это путешествие вполне соответствовало моменту, как маленькое празднество. Обычно я не брал с собой Эйлин. Но я только что подписал учебный контракт со Службой Межзвездных Новостей в их штаб-квартире на Земле. И это лишь спустя две недели после окончания Женевского Университета Журналистики! Правда, этот Университет считался лучшим среди подобных ему заведений четырнадцати миров, заселенных людьми, включая и Землю. А мой учебный реестр был лучшим в его истории. И все же подобная удача выпадает на долю далеко не каждого молодого человека, только что окончившего колледж.

И поэтому я не стал расспрашивать мою семнадцатилетнюю сестру, почему она вдруг захотела съездить со мной в Конечную Энциклопедию, и именно в тот день и час, который она назначила. Теперь, оглядываясь назад, думаю, что тогда мне казалось, будто она хочет лишь хотя бы на день удрать из темного жилища нашего дяди. И это само по себе было для меня достаточной причиной.

Именно Матиас, родной брат моего отца, взял нас, двух сирот, после того, как наши родители погибли в авиакатастрофе. И именно он сломал нас за годы, следовавшие за этим. Нет, он не пытался воздействовать на нас рукоприкладством. Нельзя его было обвинить и в какой-то намеренной жестокости. Ему это не было нужно.

Он просто предоставил в наше распоряжение богатейший из домов, самую лучшую пищу, одежду и уход — и позаботился о том, чтобы все это мы разделили с НИМ. Чье сердце было столь же бессолнечно, как и его огромный дом. В нем не было ни единого лучика солнца, как его не может быть в пещере, глубоко под землей. Его душа была холодна, как камень внутри этой пещеры.

Его настольной библией были писания этого старого святого, а может быть, и дьявола двадцать первого века, Уолтера Бланта. Его лозунгом было «УНИЧТОЖАЙ!». И его Гильдия Вклада позже произвела на свет культуру Экзотики, существовавшую на молодых мирах Мары и Культиса. Не имело значения, что экзотиканцы всегда понимали писания Бланта иначе, видя свое назначение в том, чтобы выполоть все сорняки настоящего, освободив тем самым место для всхода цветов будущего. Наш дядя, Матиас, дальше прополки не видел ничего. И день за днем, в своем мрачном доме, он вдавливал это в нас.

Но достаточно о Матиасе. Он был совершенен в своей опустошенности и уверенности, что молодые миры оставили нас и

Землю умирать в одиночестве, вроде атрофировавшегося органа тела. И ни я, ни Эйлин не могли сравниться с ним в этой холодной философии, хотя мы и пытались, как дети. И поэтому, каждый на свой манер, мы пытались избежать этого. И один из таких путей спасения в тот день привел нас в Экзотик-Анклав в Сент-Луисе. В Конечную Энциклопедию.

Из Афин на «шаттле» мы перелетели в Сент-Луис, далее — на подземке — в Анклав. Аэробус доставил нас прямо на площадку перед Энциклопедией. До сих пор мне почему-то помнится, что по трапу я сходил последним. И когда я ступил на бетонный круг, меня снова посетило это странное, как удар колокола, чувство. Я замер, словно человек, неожиданно впавший в транс.

— Прошу прощения? — произнес позади меня чей-то голос. — Вы ведь из группы туристов, не так ли? Может, вы присоединитесь к остальным? Я ваш гид.

Я резко обернулся и глаза мои встретились с коричневыми глазами девушки в голубом одеянии Экзотики. Она стояла передо мной, будто купаясь в лучах солнечного света, — но что-то в ней было не так.

— Вы не с Экзотики! — неожиданно выпалил я. И это было так. Рожденные на мирах Экзотики заметно отличаются. Их лица менее подвижны, чем у остальных людей. Кажется, что их глаза пронизывают вас насквозь. Они подобны Богам Мира, сидящим всегда с одной рукой, покоящейся на молниях, чего они как будто и не замечают.

— Я сотрудница, — ответила она. — Зовут меня Лиза Кант. И вы правы. Я не экзотиканка. Похоже, ее не обескуражила моя догадка, что она не соответствует своему одеянию. Она была ниже моей сестры, которая была высокой — как и я — для человека Земли. Эйлин была блондинкой, хотя мои волосы уже тогда были темны. У меня был тот же цвет волос, что и у нее, когда погибли наши родители. Но они потемнели за годы, проведенные в доме Матиаса. А эта девушка, Лиза Кант, была рыжеволосой, хорошенькой и веселой. Она даже заинтриговала меня тем, как хорошо смотрелась в одеянии Экзотики, — и одновременно она слегка чем-то раздражала меня. Она мне показалась излишне самоуверенной.

И все-таки я продолжал наблюдать за ней, когда она собирала остальных членов нашей группы, которые ожидали начала экскурсии по Энциклопедии. И как только экскурсия началась, я пошел сразу же вслед за нею и в перерывах между экскурсионными пояснениями разговаривал с ней.

Она ничуть не смутилась, когда разговор зашел о ней. Ро-

дилась она на Среднем Западе Северной Америки, совсем рядом с Сент-Луисом. Окончила начальную и среднюю школы при Анклаве и стала последовательницей философии Экзотики. Так она приняла их образ жизни и работу. Мне подумалось, что она напрасно растрчивает себя, как весьма хорошенькая девушка — я тут же немедленно выпалил это ей.

— Ну как же я напрасно могу себя растрчивать, — улыбаясь, ответила она мне, — когда таким образом я использую свою энергию в полную силу — и для лучших целей?

Почему-то мне показалось, что она смеется надо мной. Мне это не понравилось. Мне уже тогда не нравилось, когда надо мной смеялись.

— Что еще за лучшие цели? — как можно грубее спросил я. — Что-то вроде созерцания своего пупа?

Ее улыбка мгновенно исчезла, и она странно посмотрела на меня. Так странно, что я навсегда запомнил этот ее взгляд.

Словно она вдруг что-то разглядела во мне — что-то дрейфующее в темном океане, на берегу которого она стояла. Она протянула свою руку, словно хотела коснуться меня, но не завершила своего движения, будто неожиданно вспомнив, где мы находимся.

— Мы всегда здесь, — странным голосом произнесла она. — Запомни это. Мы всегда здесь.

Она отвернулась и повела нас через широкий комплекс зданий, который и был Энциклопедией. Когда все это будет выведено в пространство, говорила она, обращаясь теперь уже ко всем нам, там оно будет собрано в примерно шарообразное образование. Оно будет находиться на орбите в ста пятидесяти километрах над поверхностью Земли. Она рассказала нам, какие огромные затраты потребовались бы для вывода на орбиту всех этих строений как одного целого. Затем она пояснила, что, как бы ни были велики расходы, все же экономичнее производить строительство информационного хранилища здесь, на поверхности Земли.

Конечная Энциклопедия, говорила она, не должна стать просто еще одним хранилищем информации. Да, в ней будут храниться факты, но только как средства для достижения цели. А целью является установление взаимоотношений и открытие взаимосвязей между этими фактами. Каждая частица познания должна быть подсоединена к другой его частице при помощи энергетических импульсов, несущих в себе код взаимосвязи. И это должно продолжаться до достижения максимально возможного уровня. До тех пор, пока, наконец, огром-

ное взаимосвязанное количество информации человека о самом себе и его вселенной не начнет приобретать очертания единого целого. Такой вид, какого еще никогда человек не имел возможности наблюдать.

На этом этапе Энциклопедия будет представлять для Земли что-то вроде огромного реактора мгновенно доступной, взаимосвязанной информации о человеческой расе и ее истории. Этим можно будет торговать в обмен на познания в фундаментальных науках с мирами вроде Ньютона и Венеры, в психологии — с Экзотик-мирами. В общем — на любую необходимую Земле информацию молодых миров. Одним только этим в многомировой человеческой культуре, где основной валютой служило знание — торговля обученными умами, — Энциклопедия в конце концов окупила бы себя.

Но причина, заставившая Землю предпринять ее строительство, была более величественна. Это была надежда всей Земли — надежда всех ее людей, исключая тех, кто был вроде Матиаса — оставившего всякую надежду, — что настоящая плата придет от использования Энциклопедии как орудия исследования теоретических построений Марка Торри.

Как вы знаете, теория Торри постулирует, что в познании Человеком самого себя имеется темная область. Область, в которой видение человека всегда изменяло ему. Что-то вроде слепой зоны, о которой известно только, что она есть. Но вот приборами ее не распознать. Торри доказал, что именно эту недоступную область человека и сможет исследовать Конечная Энциклопедия, путем логических построений, используя вся полноту собранных познаний. И в этой области, утверждал Торри, мы найдем что-то такое — качество, способность или силу — то, что сопутствует только лишь людям, живущим на Земле. Что-то, утраченное или недоступное «осколочным» культурам человека на молодых мирах, которые, казалось, быстро превосходили наше родительское племя в каких-то отдельных качествах.

Слушая все это, я почему-то вдруг вспомнил странный взгляд и слова, брошенные мне ранее Лизой. Я огляделся вокруг. Мой взгляд скользнул по странным, заполненным людьми помещениям. Здесь велись самые разнообразные работы — от обычного строительства до тонкой лабораторной деятельности, по мере того, как мы двигались вперед. И странное, похожее на страх ощущение начало возвращаться ко мне. Оно не только вернулось, но и стало расти, пока не приняло вид чего-то созна-

тельного. Словно вся Энциклопедия представляла собой один живой организм со мной в центре.

Инстинктивно я боролся с этим чувством. Ибо все, чего я всегда добивался в своей жизни — это свобода. Чтобы меня ничто не смогло поглотить — будь оно от человека, или от механизма. Но все равно это чувство росло во мне, когда мы вошли в Индекс-зал, который в космосе будет располагаться в самом центре Энциклопедии.

Зал имел очертания огромного шара, настолько огромного, что, когда мы вошли в него, его стены растаяли в полумраке. Исключение составляло только еле заметное перемигивание искорок света, сообщавших о появлении новых фактов и ассоциаций внутри чувствительной записывающей механики, размещенной на внутренней поверхности этой безграничной сферы, окружавшей нас, которая одновременно была и полом, и потолком, и стенами.

Вся просторная внутренность этого огромного сферического зала была пуста. Но снабженные перилами лестницы вели к середине и слегка вверх от входов-выходов зала, грациозными спиралям закручиваясь вокруг круглой платформы, повисшей точно в центре зала.

Именно по одной из этих лестниц и повела нас Лиза, пока мы не очутились на платформе, диаметр которой не превышал, наверное, двадцати футов.

— ... Здесь, где мы сейчас стоим, — заговорила Лиза, когда мы остановились на платформе, — находится то, что будет известно под названием Точки Перехода. В космосе, будут сделаны все подключения не только по стенам Индекс-зала, но и через эту центральную точку. И именно отсюда те, кто будет управлять Энциклопедией, затем попытаются использовать ее в соответствии с теорией Марка Торри. Попытаются приоткрыть завесу над неразгаданной тайной, веками хранимой нашим человеческим разумом.

Она сделала паузу и обернулась, чтобы увидеть каждого из членов группы.

— Пожалуйста, соберитесь поплотнее, — попросила она. На секунду ее взгляд встретился с моим — и без всякого предупреждения странное чувство внутри меня неожиданно достигло вершины. Холодный ток, подобный страху, пронзил меня, и я замер.

— А сейчас, — продолжила она, когда мы собрались все вместе, — я хочу, чтобы вы в течение шестидесяти секунд постояли совершенно спокойно и послушали. Просто послушайте, и ощутите, услышите ли вы что-то.

Все смолкли, и огромная, неприкосновенная тишина огромного зала сомкнулась вокруг нас. Она окутала нас, и чувство внутри меня внезапно поднялось до высочайшей ноты тревоги. Меня никогда не беспокоили ни высота, ни расстояния, но неожиданно для себя я вдруг понял, что под платформой не было ничего, кроме глубокой пустоты и пространства, окружавшего нас. У меня начала кружиться голова, и сердце яростно забилося. Я почувствовал, что теряю сознание.

— И что же мы должны услышать? — нарушил я тишину. Но не потому, что мне хотелось задать этот вопрос, а чтобы переломить головокружение, которое, казалось, стремилось меня унести куда-то. Я стоял позади Лизы, когда задал свой вопрос. Она повернулась и посмотрела на меня снизу вверх. В ее глазах мелькнула странная тень того прошлого взгляда.

— Ничего, — ответила она. И затем, по-прежнему странно поглядывая на меня, добавила. — Или, может быть — что-то, хотя шансы на это — один на миллиард. Вы сразу же поймете, как только услышите. А я все объясню через шестьдесят секунд. Она слегка прикоснулась ко мне рукой. — А сейчас, пожалуйста, помолчите — хотя бы ради других, если сами не хотите слушать.

Я отвернулся от нее. И тут неожиданно у нее за спиной я увидел маленькую и далекую фигурку своей сестры, стоящей у входа в Индекс-зал, отдельно от нашей группы. Я узнал ее на таком расстоянии только по блику светлых волос и росту. Она разговаривала с темнокожим, худощавым человеком, одетым во все черное, лица которого на таком расстоянии я не мог разглядеть. Но он стоял совсем рядом с нею. Я был удивлен и неожиданно раздражен. Вид тонкой мужской фигуры в черном показался мне пощечиной, как публичное оскорбление. Сама идея того, что моя сестра, уговорив меня привести ее сюда, могла специально отстать от нашей группы, чтобы поговорить с кем-то, кто был совершенно незнаком мне — и поговорить весьма оживленно, как мне было заметно даже на таком расстоянии, по напряженности ее фигуры и небольшим движениям ее рук — показалась мне настолько невежливой, словно это граничило с предательством. Ведь все же она уговорила меня сюда приехать.

Мне показалось, что волосы дыбом встали на моей спине, и холодная волна ярости накатила на меня. Глупо было даже предположить, что на таком расстоянии человеческое ухо способно было услышать что-нибудь, но я напрягал слух, ста-

раясь хоть что-то уловить в этом огромном, хранящем тишину зале.

И вдруг — сперва еле заметно, но затем все яснее и яснее — я что-то начал слышать. Что-то.

Не голос моей сестры или голос незнакомца, кто бы он ни был. Это был далекий, резкий голос человека, говорящего на языке, немного похожем на латинский, но с опущенными гласными и перекатывающимися «р», что придавало его речи вид бормотания, подобного быстрому перекатыванию грома, сопровождающего летним грозам. Он рос, становясь не столько громче, сколько ближе. И затем я услышал другой голос, отвечавший ему.

А затем — еще один голос. Затем еще. Затем еще и еще.

Грохочущие, орущие, несущиеся на меня подобно обвалу, голоса неожиданно обрушились на меня со всех сторон, резко увеличиваясь в числе с каждой секундой. Удваиваясь и утраиваясь снова и снова. Все голоса, на всех языка мира. Все голоса, когда либо существовавшие на планете. И более того. Еще больше, больше и больше.

Они орали мне в уши, плача, смеясь, проклиная, умолая, что-то бормоча, приказывая — но не сливаясь, что должно было произойти при таком многообразии — в один безгласый, хотя и могучий гром, подобный грохоту водопада. И несмотря на то, что они все росли и росли — они по-прежнему звучали отдельно друг от друга. Я СЛЫШАЛ КАЖДОГО! КАЖДЫЙ из этих миллионов, миллиардов голосов мужчин и женщин кричал мне в уши индивидуально.

И это буйство подхватило меня, наконец, как ураган, кружа и унося меня в яростную вспышку беспомощности.

Глава 3

Мне помнится, что я не хотел просыпаться. Мне казалось, что я — в каком-то далеком путешествии, что я отсутствовал долгое время. Но когда, наконец, я нехотя открыл глаза, то оказалось, что я лежу на полу зала и только Лиза Кант склонилась надо мной. Некоторые члены нашей группы еще только стали поворачиваться, чтобы посмотреть, что со мной случилось.

Лиза подняла мою голову с пола.

— Ты СЛЫШАЛ! — возбужденно сказала она тихим голосом, почти в самое мое ухо. — Но что ты услышал?

— Услышал? — словно в тумане, я pokrutil головой, вспомнив при этом и ожидая вновь услышать заливавшую ме-

ня неисчислимую орду голосов. Но теперь царила лишь одна тишина, и я повторил вопрос Лизы.

— Услышал? ...Их.

— Их?

Я поморгал глазами, и неожиданно мой разум просветлел. Я сразу же вспомнил о своей сестре Эйлин. Я вскарабкался на ноги и уставился в сторону входа, у которого я видел ее разговаривавшей с человеком в черном. Но вход и пространство около него были пусты. Оба они, вместе, куда-то исчезли.

Потрясенный, измученный, оторванный от своих корней самоуверенности той могучей вспышкой голосов, которая захватила меня и унесла, взбешенный таинственным исчезновением моей сестры, я напрочь лишился нормального соображения. Я не ответил на вопрос Лизы, а вместо этого бросился вниз по лестнице к входу, где я в последний раз видел Эйлин, разговаривавшую с незнакомцем в черном.

Но как ни быстро несли меня мои длинные ноги, Лиза оказалась быстрее. Даже в своих просторных голубых одеяниях она была быстра, как звезда трека. Она нагнала меня, обошла и развернулась, преградив мне дорогу ко входу в тот момент, когда я был уже совсем рядом.

— Куда ты несешься? — воскликнула она. — Ты не можешь так уйти... пока. Если ты что-то слышал, я должна провести тебя к самому Марку Торри! Он должен говорить с людьми, кто хоть что-нибудь слышал!

Я едва ли расслышал ее.

— Уйди прочь с дороги, — пробормотал я и не слишком вежливо оттолкнул ее в сторону. Я помчался дальше сквозь проход в круговую комнату за входом, где размещалось оборудование. Там занимались своей работой техники, одетые в свои разноцветные комбинезоны, производившие непонятные действия с непередаваемой мешаниной металла и стекла — но никакого следа Эйлин или человека в черном.

Я побежал дальше, из комнаты в коридор. Но там тоже было пусто. Я побежал вдоль по коридору и свернул направо в первый же проход. Несколько человек удивленно посмотрели на меня, оторвавшись от чтения и записей, но Эйлин и незнакомца среди них не было. Я попробовал посмотреть в другой комнате, и еще одной, но все безуспешно.

В пятой комнате меня снова настигла Лиза.

— Остановись! — сказала она. И на этот раз она ухватила меня за руку с силой, которая была поразительна для де-

вушки ее роста. — Ты остановишься или нет? И хотя бы на мгновение — подумаешь? В чем дело?

— Дело! — заорал я. — Моя сестра... — и я неожиданно замолчал. Я прикусил язык. Неожиданно до меня дошло, как глупо это будет звучать, если я начну объяснять Лизе предмет своего поиска. Семнадцатилетняя девушка, разговаривающая и даже отделившаяся от группы с кем-то, кого ее старший брат не знает, — едва ли веская причина для дикого преследования и судорожных поисков, по крайней мере в наши дни и в этот век. Я не был расположен пускаться в объяснения по поводу наших с Эйлин лет, прожитых в доме моего дяди Матиаса.

Я стоял молча.

— Ты должен пройти со мной, — настойчиво повторила она спустя мгновение. — Ты даже не представляешь, насколько это редко бывает, когда кто-нибудь слышит что-то в Точке Перехода. Ты даже не понимаешь, сколь много это значит сейчас для Марка Торри — самого Марка Торри — найти кого-то, кто слышал!

Я тупо покачал головой. У меня не было никакого желания разговаривать с кем-либо о том, что я только что пережил, и меньше всего мне хотелось быть проэкзаменованным, подобно какому-то из ряда вон выходящему экспериментальному образчику.

— Ты должен! — повторила Лиза. — Это так много значит. Не только для Марка, но и для всего проекта. Подумай! Не убегай просто так! Подумай сперва, что ты делаешь!

Слово «думай» наконец-то дошло до меня. Медленно мой разум просветлел. Она была совершенно права. Я должен был бы подумать, вместо того чтобы бегать вокруг, словно чокнутый. Эйлин и одетый в черное незнакомец могли быть где угодно, в любой из дюжин комнат и коридоров — они могли уже вообще покинуть Проект и Анклав. И кроме того, что я мог бы им сказать, если бы даже и настиг их? Потребовал бы от незнакомца, чтобы тот представился и объяснился в своих намерениях относительно моей сестры? Похоже, мне повезло, что я не смог их найти.

Но, кроме этого, было и еще кое-что. Я трудился вовсю, чтобы заполучить контракт, подписанный мною три дня назад, сразу же после выпуска из Университета, с Межзвездной Службой Новостей. Я преодолевал все на своем пути для осуществления единственного желания и, казалось, ничто не остановит меня на пути к его осуществлению. Потому что то, чего я добивался — столь долго и столь яростно, что казалось,

будто само желание было чем-то живым, с когтями и зубами, терзающими меня изнутри — это свобода. Настоящая свобода, которой обладали только члены планетарных правительств да еще одна особая группа — действительные члены Гильдии Межзвездной Службы Новостей. Эти сотрудники в области журналистики подписывали свою клятву независимости и фактически были людьми без мира, что гарантировало непредвзятость Службы Новостей, которой они управляли.

Ибо заселенные человеческой расой миры были расколоты — уже две сотни лет — на два лагеря, один из которых держал свое население под так называемыми «жесткими» контрактами, а другой предпочитал так называемый «свободный» контракт. К лагерю миров с «жестким» контрактом принадлежали миры Содружества: Гармония и Ассоциация; Ньютон, Кассида и Венера. А также новый большой мир Цета у звезды Тау Кита. На «свободной» стороне были: Земля, Дорсай, миры Экзотики — Мара и Кульгис, Новая Земля, Фриленд, Марс и небольшой католический мир Святой Марии.

Что разделяло их, так это конфликт экономических систем — наследие разделенной Земли, которая в самом начале и колонизировала эти планеты. Потому что в наши дни высококвалифицированные умы были единственной межпланетной валютой, признаваемой всеми.

Раса теперь была слишком рассеяна и велика, чтобы на одной планете обучать всех необходимых ей специалистов. В особенности, когда другие миры производили лучших. Никакое, даже самое лучшее обучение на Земле или в другом ином мире не могло обеспечить, произвести на свет профессионального солдата, который мог бы сравниться с теми, что поставлял Дорсай. В природе не существовало физиков, подобных физикам с Нептуна, не было психологов, превосходящих по способностям таковых с Экзотики. Не было лучших наемных солдат, столь дешевых и не беспокоящихся о потерях, чем те, что поставляли Гармония и Ассоциация. И так далее. Соответственно, мир обучал специалистов какого-то одного профиля и торговал его способностями, заключая контракты с другим миром в обмен на соответствующий контракт с любым профессионалом, в котором он нуждался.

И различие между двумя лагерями было весьма заметным.

На стороне «свободных» миров контракт на специалиста принадлежал частично ему самому. И его нельзя было продать или обменять на другой без его согласия — исключение составляла чрезвычайная необходимость или важность.

На стороне «жестких» миров каждый индивидуум жил по приказам своих властей — его контракт мог быть продан или обменян в любой момент. И когда это происходило, у него была лишь одна обязанность — идти и работать там, где ему приказано.

Таким образом, все миры разделились на те, чье население не было свободным и те, чье население было частично свободным. Итак, на стороне «свободных» миров, к которым, как я уже сказал, принадлежала и Земля, люди, подобные мне, были частично свободны. Но я добивался полной свободы, свободы, какую я мог иметь, только будучи членом Гильдии. Как только я был бы принят в Гильдию — эта свобода стала бы моей. Ибо контракт на мои услуги до конца моей жизни принадлежал бы самой Службе Новостей.

Ни один мир тогда не смог бы судить меня или предложить мои услуги против моего желания какой-либо другой планете, которой он был должен из-за дефицита обученного персонала. Правдой было то, что Земля, в отличие от Кассиды, Ньютона, Цеты и некоторых других планет, гордилась тем фактом, что ей никогда не приходилось обменивать целые группы своих университетских выпускников на людей со специфическим обучением с молодых миров. Но, как и все планеты, Земля оставляла за собой право воспользоваться этим, если возникнет когда-нибудь такая необходимость — и я слышал массу рассказов о подобных случаях.

Итак, моя цель и тяга к свободе, которую за многие годы под своей крышей Матиас взлелеял во мне, могли быть реализованы только принятием меня в Службу Новостей. И несмотря на мой отличный учебный реестр, как бы хорош он ни был, это была еще весьма отдаленная, труднодостижимая цель. Я не должен был пропустить ничего, что могло бы этому помочь. И неожиданно мне пришло в голову, что, отказываясь увидеть Марка Торри, я отбрасываю тем самым возможный шанс на такую помощь.

— Ты права, — сказал я Лизе. — Я пойду и увижусь с ним. Конечно же. Я увижусь с ним. Куда я должен идти?

— Я проведу тебя, — ответила она. — Позволь мне сперва позвонить. Она отступила от меня на несколько шагов и тихо что-то проговорила в крошечный телефон, размещенный в кольце у нее на пальце. Затем она вернулась ко мне и повела меня.

— А как остальные? — спросил я, неожиданно вспомнив, что остальные члены нашей группы остались в Индекс-зале.

— Я попросила, чтобы их принял кто-нибудь другой для

окончания экскурсии, — ответила Лиза, не смотря на меня. — Сюда.

Она провела меня через зал в небольшой световой лабиринт. На мгновение это меня удивило, но затем я вспомнил, что Марк Торри, как и все те, кто постоянно находится на глазах у общественности, нуждался в защите от возможных опасных сумасшедших и чокнутых. Из лабиринта мы вышли в небольшую комнату и остановились.

Комната пришла в движение — но в каком направлении, определить я не мог, — затем остановилась.

— Сюда, — снова сказала Лиза, подведя меня к одной из стен. От ее прикосновения секция стены открылась и пропустила нас в комнату, похожую на учебный кабинет, но снабженную контрольным пультом, за которым сидел пожилой человек. Это был Марк Торри, именно таким я не раз и видел его в новостях.

Он был не настолько стар с виду, как можно было представить — ведь ему уже было за восемьдесят в то время, — но лицо его было серым и больным. На его мослах одежда болталась, как тряпки, словно раньше он весил значительно больше, чем сейчас. Его две по-настоящему огромные руки лежали свободно на маленьком плоском пространстве перед контрольными переключателями. Серые суставы были скрючены и увеличены тем, что, как я позже узнал, было старческой болезнью суставов, называвшейся артритом.

Он не поднялся со своего места, когда мы вошли, но голос его оказался на удивление звонок и молод, когда он заговорил с нами, а глаза его горели, глядя на меня с чем-то вроде плохо скрываемой радости. И все же он заставил нас сесть и подождать, пока спустя несколько минут не открылась другая дверь в комнату, и через нее не прошел человек средних лет с одного из миров Экзотики — урожденный экзотиканец. На его гладком, без морщин лице под коротко стриженными светлыми волосами своей жизнью существовали пронизательные карие глаза. Одет он был в голубые одеяния, такие же, как были на Лизе.

— Мистер Олин, — сказал Марк Торри, — это Падма, Связующий с Мары в Анклаве Сент-Луиса. Он уже знает, кто вы.

— Как поживаете? — поздоровался я с Падмой. Он улыбнулся.

— Большая честь встретиться с вами, Тэм Олин, — произнес он и присел. Его светлые карие глаза, казалось, вовсе не смотрели на меня — и все же, несмотря на это, беспокоили

меня. В нем не было ничего странного — и в этом было дело. Его взгляд, голос, даже то, как он сидел — все, казалось, говорило о том, что он уже хорошо меня знал. Возможно, даже лучше, чем я того бы хотел. Тем более, что я-то, не знал его совершенно.

Несмотря на то, что я годы провел в спорах против всего того, за что стоял мой дядя, в это мгновение я почувствовал ту горечь Матиаса, которую тот испытывал в отношении людей молодых миров. Я чувствовал, как она поднимает голову внутри меня и рычит на очевидное превосходство Падмы, Связующего с Мары в Анклаве Сент-Луиса, здесь, на Земле. Я оторвал свой взгляд от него и посмотрел в более человеческие, рожденные на Земле, глаза Марка Торри.

— Ну, теперь, когда здесь Падма, — заговорил старик, в ожидании подавшись ко мне над переключателями его контрольного пульта, — расскажи, на что это было похоже? Расскажи нам, что ты слышал!

Я покачал головой, потому что не мог найти слов, чтобы описать, как все было в действительности. Миллиарды голосов, говорящие одновременно, и в то же время явственно различимые — это было невозможно.

— Я слышал голоса, — заговорил я. — Все они говорили одновременно — но отдельно.

— Много голосов? — спросил Падма.

Мне снова пришлось взглянуть на него.

— Все голоса, которые там только были, — услышал я свой ответ. Затем я попытался как-то описать это. Падма кивнул головой. Но по мере того, как я говорил, я снова посмотрел на Торри и увидел, как он откинулся на спинку своего кресла, словно в замешательстве или разочаровании.

— Только... голоса? — как бы сам себя спросил старик, когда я закончил.

— Но почему? — спросил я, почувствовав неожиданный укол ярости. — А что я должен был услышать? Что обычно слышат люди?

— Это всегда по-разному, — мягко вторгся со стороны голос Падмы. Но я не посмотрел на него. Я не отводил своих глаз от лица Марка Торри. — Все слышат разные вещи.

При этом я снова повернулся к Падме.

— А что слышали Вы? — спросил я с вызовом. Он улыбнулся немного грустно.

— Ничего, Тэм, — ответил он.

— Только люди, рожденные на Земле, когда-либо что-то

слышали, — резко проговорила Лиза, словно я это и так должен был знать, без напоминания.

— А ты? — я посмотрел на нее.

— Я! Конечно же, ничего! — ответила она. — Не наберется и полудюжины человек, с момента начала Проекта, которые хоть что-то слышали.

— Меньше полудюжины? — эхом отозвался я.

— Пятеро, — ответила она. — Марк один из них, конечно. Из остальных четырех — один мертв, а остальные трое, — она замешкалась, посмотрев на меня, — не подошли.

На этот раз в ее голосе прозвучали иные нотки, которые я услышал в первый раз. Но, неожиданно, я позабыл об этом, ибо до меня дошли числа, которые она только что упомянула.

ТОЛЬКО ПЯТЬ ЧЕЛОВЕК ЗА СОРОК ЛЕТ! Как удар, это сообщение встряхнуло меня, ибо то, что сегодня произошло в Индекс-зале, не было каким-то пустяком. И это мгновение с Падмой и Торри тоже было значительным, как для них, так и для меня.

— О? — спросил я. И посмотрел на Торри. С некоторым усилием, я постарался, чтобы мой голос звучал обыкновенно. — Тогда что же это значит, когда кто-то что-то услышит?

Он не ответил мне прямо. Вместо этого он наклонился вперед, и его темные стариковские глаза засияли, как алмазы, снова. И он протянул мне пальцы своей огромной правой руки.

— Пожми мою руку, — приказал он.

Я протянул руку и пожал, почувствовав его скрюченные суставы в своей ладони. Он крепко сжал мою руку и удержал ее в таком положении. Уставившись на меня на долгое мгновение, пока сияние медленно не угасло в его глазах. Затем он отпустил мою руку и со вздохом вновь откинулся в кресле, словно потерпел поражение.

— Ничего, — вяло произнес он, обращаясь к Падме. — Снова — ничего. Ты думал, что я почувствую что-то — или он почувствует.

— И все же, — тихо произнес Падма, глядя на меня, — он слышал.

Он пригвоздил меня к креслу своими карими глазами экзотиканца.

— Марк разочарован, Тэм, — продолжил он, — потому что ты слышал только голоса. И никакого послания или понимания.

— Какое еще послание? — спросил я. — Какое еще такое понимание?

— Это, — ответил Падма, — ты должен был бы рассказать нам. — Его взгляд был настолько цепким, что я почувствовал себя неуютно. Будто птица, сова, попавшая в луч прожектора. И тут я почувствовал, как во мне поднимается злость.

— А к вам-то какое это имеет отношение? — спросил я.

Он слегка улыбнулся.

— Наши фонды Экзотики, — заговорил он, — несут большую часть финансовой поддержки Проекта Энциклопедии. Но ты должен понять, это НЕ НАШ Проект. Он — земной. Мы всего лишь несем ответственность за работу, связанную с пониманием человека человеком. Более того, между нашей философией и теоретическими построениями Марка имеются разногласия.

— Разногласия? — спросил я. У меня был нюх на новости даже тогда, только что после университета, и этот нюх кое-что почуял.

Но Падма улыбнулся, словно прочитал мои мысли.

— В этом нет ничего нового, — сказал он. — Основное разногласие, которое было у нас с самого начала. Если сказать коротко — и немного грубо — мы, на Экзотике, считаем, что человек подвержен усовершенствованию. Наш друг Марк верит, что человек Земли — Базовый Человек — уже достаточно усовершенствован. Но он пока еще не смог обнаружить эти усовершенствования и использовать их.

Я уставился на него.

— А какое это имеет отношение ко мне? — спросил я. — И к тому, что я слышал?

— Вопрос в том, сможешь ли ты быть полезным для него — или для нас, — холодно ответил Падма. На секунду мое сердце замерло. Ведь если экзотиканцы или Марк Торри потребуют мой контракт у земного правительства, я с успехом могу послать прощальный воздушный поцелуй всем моим надеждам на работу в Гильдии Службы Новостей.

— Я думаю — ни для кого из вас, — проговорил я как можно более спокойно.

— Возможно. Посмотрим, — проговорил Падма. Он поднял руку и вытянул вверх свой указательный палец. — Ты видишь этот палец, Тэм? — Я посмотрел на него. И когда я посмотрел — неожиданно он мгновенно приблизился ко мне, вырастая до чудовищных размеров, затмевая все остальное в комнате. И во второй раз за этот день я покинул

«здесь» и «сейчас» реальной вселенной и оказался в нереальном мире.

Неожиданно меня окружили молнии. Сам я находился во тьме, но меня швыряли эти молниеносные удары. Я очутился в какой-то огромной вселенной, где меня бросало на расстояния, равные световым годам, сперва так, потом иначе, словно я был частицей какой-то титанической борьбы.

Сперва я не понял ее, эту борьбу. Затем постепенно до меня дошло, что все эти яростные плети молний были отчаянной попыткой выживания и победы, как ответ на попытку окружающей древней, всепроникающей тьмы задушить и уничтожить молнии. Но это не была какая-то беспорядочная битва. Теперь я мог разглядеть, где было нечто похожее на засаду, а где — отступление. В борьбе между тьмой и молниями смешались стратегия и тактика, удары и контрудары.

И затем, в одно мгновение, пришла память миллиардов голосов, еще раз поднявшихся и закруживших вокруг меня в унисон молниям, что дало мне ключ к пониманию увиденного. Вдруг, подобно тому, как настоящая молния освещает на миг землю на многие мили вокруг, в проблеске интуиции я понял, что окружало меня.

Это была многовековая древняя битва человека за поддержание жизнеспособности его расы и продвижение ее в будущее. Непрестанная, яростная борьба этих звероподобных, богоподобных — примитивных, сложных — диких и цивилизованных — комплексных организмов, олицетворявших человеческую расу. Борьба за выживание и продвижение вперед. Вперед, все вверх и вверх, пока не будет достигнуто невозможное, пока не будут преодолены все барьеры, покорены все мучения, обретены все возможности. Пока все не станет молниями и темнота не исчезнет.

Именно голоса этой нескончаемой борьбы, длящейся многие сотни веков, я слышал в Индекс-зале. Это была та самая борьба, в которой экзотиканцы пытались разобраться с помощью своих странных психологических и философских чудес. ЭТА борьба привела к тому, что наконец-то была создана Конечная Энциклопедия, чтобы расположить на карте все прошлые века человеческого существования, с тем, чтобы тропа Человека в будущее могла быть вычислена точно.

ЭТО двигало Падмой и Марком Торри — и всеми остальными, включая меня. Потому что каждое человеческое существо находилось среди борющихся масс своих соплеменников и не могло избежать этой битвы жизни. Каждый из нас, живу-

щих в это мгновение, принимал в ней участие, был составной ее частью и игрушкой в ее руках.

Но неожиданно при этой мысли я понял, что был иным. Не просто игрушкой этой битвы. Я был чем-то большим — потенциально, одной из решающих сил в ней, возможным повелителем ее действий. И тогда, в первый раз, я сжал в своих руках молнии вокруг себя и стал пытаться направлять их, поворачивать и подгонять их движения, заставляя подчиняться моим желаниям и целям.

Но по-прежнему меня швыряло на непередаваемые расстояния. Но я больше не походил на корабль, бессильно дрейфующий по бушующему штормами океану. А был кораблем, твердо управляемым, использовавшим ветер ему же в противовес. И в это мгновение оно впервые пришло ко мне — это ощущение собственной силы и власти. Ибо молнии подчинялись моим рукам, и направление их ударов — моему желанию. Я чувствовал это безграничное могущество внутри меня, не поддающееся описанию. И наконец ко мне пришло озарение — я действительно один из тех, кого никогда не швыряли и кому не надо было протискиваться куда-то. Я был наездником, Повелителем. И во мне была способность придать очертания хотя бы части того, к чему я прикасался в той битве между молниями и тьмой.

И только тогда, наконец, я заметил других таких же, как и я. Их было немного. Как и я — они были наездниками и Повелителями. Они тоже оседлали шторм, представлявший собой борющиеся массы человеческой расы. Мгновение мы могли двигаться в одном направлении, в следующее мгновение нас раскидывало на миллионы лет. Но я видел их. И они видели меня. И я понял, что они звали меня. Звали меня, чтобы я не продолжал свою борьбу в одиночестве, а присоединился к ним для какого-то общего усилия. Усилия, способного привести битву к завершению и установлению порядка из хаоса.

Но все, что было во мне от рождения, восстало против их зова. Слишком долго я был угнетенным и проклятым. Слишком долго я был игрушкой молний. А теперь, когда я почувствовал дикое удовольствие наездника там, где раньше ездили на мне — я наслаждался своей силой. Я не хотел принимать никакого участия в общих усилиях, которые могли, наконец, привести к миру. Я считал, что должен продолжаться лишь этот кружащий голову вихрь, и метания, яростные, как бестия, — и на его гребне должен быть я. Раньше я был прикован и поработен тьмой моего дяди, но теперь был свободным и

Повелителем. Ничто не могло заставить меня снова надеть на себя цепи. Я увеличил свой охват молний и почувствовал, как он стал шире и сильнее, и еще шире и сильнее.

...И неожиданно я снова оказался в офисе Марка Торри.

Марк, с лицом, словно высеченным из дерева, уставился на меня. Бледная Лиза так же смотрела на меня. Но прямо передо мной сидел Падма и смотрел мне в глаза с тем же выражением, что и прежде.

— Нет, — медленно произнес он. — Ты прав, Тэм. Ты ничем не можешь быть полезным здесь, в Энциклопедии.

Со стороны Лизы послышался едва слышный звук — полувдох-полувсхлип. Словно крошечный вскрик от боли. Но он потонул в стоне Марка Торри, похожем на стон смертельно раненного медведя, загнанного в конце концов в угол, но поднявшегося на задние лапы лицом к атакующим.

— НЕ МОЖЕТ? — спросил он. — Он выпрямился в своем кресле и повернулся к Падме. Его скрюченная правая ладонь сжалась в огромный серый кулак. — Он должен — ДОЛЖЕН! Прошло уже двадцать лет с тех пор, как кто-то хоть что-нибудь услышал в Индекс-зале, а я — старею!

— Все, что он слышал — лишь голоса. Они не зажгли в нем никакой особой искры. Ты же ничего не почувствовал, когда прикоснулся к нему, — произнес Падма. Он говорил мягко и как бы издалека, и слова его выходили одно за другим, подобно марширующим солдатам, повинующимся приказу. — Это потому, что в нем ничего нет. Никакой связи со своим соплеменником. В нем как бы есть все необходимое, как у машины — но нет эмпатии — никакого подключенного источника энергии.

— Вы можете починить его! Черт возьми, — голос старика звенел, как литой колокол, но чувствовалась в нем хрипотца, — на Экзотике вы можете вылечить его!

Падма покачал головой.

— Нет, — повторил он. — Никто не может ему помочь, кроме него самого. Он не болен и не инвалид. Просто он не смог развиваться должным образом. Однажды, когда он был молод, должно быть, он отвернулся от людей и ушел в какую-то темную, уединенную долину. Долгие годы эта долина все зарастала, становясь все темнее и темнее и все более труднодоступной. Так что туда никто не мог пройти и помочь ему. Никакой другой разум не может проникнуть туда и выжить — быть может, и он не сможет. Но если он выживет и выйдет с другого ее конца — он ничем не сможет быть полезен тебе или Энциклопедии. Равно как и всему, что она представляет

для людей Земли. Он не только ничего хорошего собой не представляет. Он даже бы и не подумал взяться за работу, которую ты бы предложил ему. Посмотри на него.

Давление его взгляда все это время, его медленная, равномерная речь, слова, подобные маленькими камешкам, падавшим в спокойный но бездонный бассейн, держали меня в каком-то параличе, в то время как он говорил обо мне, словно бы я здесь и не присутствовал. Но с его последней фразой давление с его стороны исчезло. И я почувствовал себя способным говорить.

— Вы загипнотизировали меня! — набросился я на него. — Я не давал вам никакого разрешения подвергать меня психоанализу!

Падма покачал головой.

— Никто тебя не гипнотизировал, — ответил он. — Я всего лишь открыл тебе окно в твою же внутреннюю область сознания. И я тебя не психоанализировал.

— Тогда что же это было такое... — и тут я прикусил язык, неожиданно поняв, что надо быть поосторожнее.

— Все, что вы видели и слышали, — заговорил он, — было вашим собственным сознанием и ощущениями, переведенными в ваши собственные, понятные вам символы. А что они собой представляют — у меня нет никакого понятия. И нет никакого пути узнать это — если вы мне только не расскажете об этом сами.

— Тогда как же вы решили, что все это было именно тем, что вы мне тут наговорили? — прорычал я ему. — Вы достаточно быстро пришли к этому решению. А как все же вы пришли к нему?

— С вашей помощью, — ответил он. — Ваши взгляды, действия, ваш голос, когда вы говорите со мной сейчас. И дюжина других подсознательных сигналов. Все это мне и говорит, Тэм. Человеческое существо общается всем своим телом и сущностью, а не только с помощью голоса или выражения лица.

— Я в это не верю! — воскликнул я... и затем моя ярость неожиданно угасла с приходом трезвомыслия и уверенностью, что действительно были основания, даже если сейчас я и не мог ни определить их, ни поверить в них. — Я этому не верю, — повторил я более спокойно и холодно. — Должно быть что-то еще, повлиявшее на ваше решение.

— Да, — произнес он. — Конечно. У меня была возможность проверить здешние архивы. Ваша личная история, как и у всех рожденных на Земле и живущих на ней сейчас, уже по-

ступила в Энциклопедию. И я просмотрел ее, прежде, чем пришел сюда.

— Более того, — угрюмо настаивал я, потому что почувствовал, что сейчас по-настоящему прижал его. — В этом есть еще кое-что. Я могу сказать. Я знаю это!

— Да, — ответил Падма и тихо вздохнул. — Предполагаю, пройдя через все это, вы должны были догадаться. В любом случае, вы вскоре сами бы узнали об этом.

Он поднял глаза, сфокусировал взгляд на мне, но на этот раз я почувствовал, что не испытываю никакого чувства неполноценности.

— Так получилось, Тэм, — произнес он, — что вы являетесь тем, что мы называем «Изолированный». Это редкая стержневая сила в облике одного индивидуума — стержневая сила в эволюционной модели человеческого общества, и не только на Земле, но и на всех четырнадцати мирах, идущих по дороге в будущее Человека. Вы — человек с огромной способностью воздействия на это будущее — к добру или ко злу.

При этих его словах мои руки вспомнили, как сжимали молнии. И я ждал, затаив дыхание, чтобы услышать больше. Но он остановился.

— И... — грубо подтолкнул я его наконец.

— А нет никакого «и», — ответил Падма. — Это — все. Вы когда-нибудь слышали об онтогенетике?

Я отрицательно покачал головой.

— Это одна из наших экзотиканских вычислительных дисциплин, — пояснил он. — Вкратце — это постоянно эволюционирующая модель, в которую включены все живущие человеческие существа. В массе своей желания и усилия этих индивидуумов определяют направление роста модели в будущее. Но почти абсолютное большинство людей подчиняется модели, а не эффективно воздействует на модель.

Он замолчал, посмотрев на меня, словно спрашивая понял ли я его. Я понял — о, я все отлично понял. Но я не хотел показать ему этого.

— Продолжайте, — попросил я.

— Только иногда, в случае некоторых редчайших индивидуумов, — продолжил он, — мы обнаруживаем особую комбинацию факторов — как самого индивидуума, так и его положения внутри модели — что в сочетании позволяет ему быть неизмеримо более эффективным, чем его соплеменники. И когда это происходит, как в вашем случае, мы имеем «Изолированного» — стержневой индивид — имеющий огромную

свободу воздействия на модель, в то время как он сам испытывает на себе относительно малую степень активности со стороны модели.

Он снова замолчал. И на этот раз сложил руки у себя на животе. Этим жестом он дал понять, что разговор окончен, и я глубоко вздохнул, чтобы охладить свое бешено бьющееся сердце.

— Итак, — произнес я. — Я все понял — и все же по-прежнему — вы не хотите меня, несмотря на то, что я вам нужен?

— Марк хочет, чтобы в конце концов ты принял у него работу, как Контролер за строительством Энциклопедии, — ответил Падма. — То же хотим и мы, на Экзотике. Потому что Энциклопедия является таким устройством, что ее предназначение и использование, когда она будет завершена, может быть определено редкими индивидуумами. И эта концепция должна быть непрерывно переводимой в общедоступные понятия уникальным индивидуумом. Без Марка или кого-нибудь, подобного ему и способного следить за сооружением Энциклопедии, человечество будет не способно довести ее строительство до конца и затем, когда она будет выведена на орбиту, использовать ее возможности в своих целях. Строительство ее замедлится, затем остановится и, наконец, все рухнет.

Он сделал паузу и почти угрюмо посмотрел на меня.

— Она никогда не будет построена, — проговорил он, — если только не будет найден продолжатель дела Марка. А без этого человек, рожденный на Земле, может сойти на нет и вымереть. И если исчезнет человек Земли, то человеческие штаммы на молодых мирах могут оказаться нежизнеспособными. Но для тебя все это не имеет никакого значения, не так ли? Потому, что именно ты не желаешь иметь ничего общего с нами, а не наоборот.

Он посмотрел на меня через пространство комнаты, и его глаза буквально горели карим пламенем.

— Ты не хочешь иметь с нами дела, — повторил он. — Не так ли, Тэм?

Встряхнув головой, я избавился от давления его взгляда. Но в то же мгновение понял, к чему он меня подводит, и понял, что Падма прав. В этот же момент мне показалось, что я вижу себя сидящим в кресле за пультом и прикованным к нему чувством ответственности на всю оставшуюся жизнь. Нет, я не хотел ни их самих, ни их работы в Энциклопедии или где-нибудь еще. Я не хотел ничего подобного.

Неужели я так яростно и так долго работал, чтобы спастись из под опеки Матиаса, — и только для того, чтобы в один момент все отбросить в сторону и стать рабом несчастных людей — всех тех, в этой огромной массе человеческой расы, которые были слишком слабы, чтобы бороться самостоятельно с молниями? Неужели я должен отдать предвестие своей силы и свободы во имя туманного общения и свободы для НИХ, когда сам мог получить свою? Нет, я не хотел никоим образом иметь ничего общего с ними, с Торри и его Энциклопедией!

— Нет! — хрипло произнес я. И Марк Торри издал глубокий горловой звук, едва слышимый, словно предсмертное эхо стоны, который я слышал ранее.

— Нет. Правильно, — кивнул головой Падма. — Видишь ли, как я уже сказал, у тебя отсутствует эмпатия — отсутствует душа.

— Душа? — спросил я. — А что это такое?

— Могу ли я описать цвет золота человеку, слепому от рождения? — Его глаза сверкали. — Ты сам поймешь это, если сможешь найти, — но найдешь только в том случае, если сможешь с боем вырваться из долины, о которой я уже говорил. И если, наконец, ты пройдешь ее, тогда, быть может, и обретешь свою человеческую душу. Ты поймешь, когда найдешь ее.

— Долина, — задумчиво повторил я. — Какая долина?

— Ты сам знаешь, Тэм, — еще тише сказал Падма. — Ты знаешь это лучше чем, я. Это долина разума и духа, где вся уникальная способность к созиданию в тебе ориентирована — скручена и искажена — на уничтожение.

«УНИЧТОЖАЙ!»

Словно прогрохотал голос моего дяди, отдаваясь памятью в моих ушах, цитируя, что всегда делал Матиас, из писаний Уолтера Бланта. И неожиданно, будто оно отпечаталось горящими буквами на внутренней поверхности моего черепа, я увидел силу и возможности этого слова для меня, на том пути, каким я желал идти.

И без всякого предупреждения перед моим мысленным взором как бы ожила та долина, о которой говорил Падма. Высокие черные стены вздымались по обе стороны от меня. Мой путь пролегал прямо вперед, он был узок и вел куда-то вниз. И неожиданно я почувствовал страх: в этой непроглядной тьме, скрывавшей все впереди, в глубочайшей из бездн, шевелилось что-то чернее тьмы. Что-то аморфное. И оно ждало меня там.

Но несмотря на то, что у меня мурашки побежали по коже при мысли об этом, одновременно меня переполняла огромная, темная, но ужасная радость в предвкушении встречи с ним. В это время откуда-то издалека, подобно усталому колоколу, донесся до меня голос Марка Торри, грустно и хрипло говорившего Падме:

— Что ж, значит, у нас нет ни единого шанса? Мы ничего не в состоянии сделать? А что, если он никогда не вернется к нам и к Энциклопедии?

— Вы можете только ждать — и надеяться, что это произойдет, — отвечал голос Падмы. — Если он сможет двигаться дальше, пройдет сквозь все, что сам создал для себя, и выживет, он сможет вернуться. Но выбор — всегда за ним, как и для каждого из нас. Рай или ад. Только у него гораздо больший выбор, чем у нас.

Для меня эти слова звучали как совершенная чепуха, словно порывы холодного ветра над какой-то бесчувственной поверхностью, вроде камня или бетона. И неожиданно я почувствовал огромную необходимость уйти от них всех подальше, чтобы собраться с мыслями. Я тяжело поднялся на ноги.

— Как мне отсюда выйти? — хрипло спросил я.

— Лиза, — грустно произнес Марк Торри. Я увидел, как она поднялась со своего места.

— Сюда, — сказала она мне. Ее лицо, повернувшееся ко мне на мгновение, было бледно, но без всякого выражения. Затем она повернулась и пошла впереди меня.

Она вывела меня из этой комнаты обратно тем же путем, которым мы туда пришли. Через световой лабиринт и комнаты по коридору Проекта Конечной Энциклопедии и, наконец, во внешний приемный зал Анклава, где наша группа впервые встретила ее. За всю дорогу она не произнесла ни единого слова. Но когда я уже собрался покинуть ее, неожиданно она задержала меня, положив руку на мое плечо. Я повернулся и посмотрел на нее сверху вниз.

— Я всегда здесь, — произнесла она. И, к своему удивлению, я увидел, что ее коричневые глаза полны слез. — Даже если здесь никого не будет — я всегда здесь!

Затем она быстро повернулась и убежала. Я тупо смотрел ей вслед, потрясенный происшедшим. Но за последний час со мной случилось столько неожиданного, что у меня не было ни желания, ни времени попытаться узнать или прикинуть, что девушка имела в виду своими странными словами, повторившимися словно эхо произнесенных ранее.

На подземке я вернулся назад в Сент-Луис, вовремя успев на челнок обратно в Афины, одновременно думая о многом. Я был настолько поглощен своими мыслями, что, когда вошел в дом моего дяди и прошел прямо в библиотеку, то не сразу обнаружил, что там кто-то был.

За старинным дубовым столом в своем высоком, обрамленном крыльями кресле сидел мой дядя. На коленях его лежала раскрытая книга в кожаном переплете, но он, казалось, не обращал на нее ни малейшего внимания.

Примерно в десяти шагах от него, чуть в стороне, стояла моя сестра, которая, очевидно, уже давно вернулась из Сент-Луиса.

В комнате также находился худощавый, темнокожий молодой человек несколькими дюймами ниже меня ростом. Печать его берберских предков была явственно видна каждому, кто, вроде меня, должен был в университете изучать этнические различия. Он был одет во все черное, его черные волосы были коротко подстрижены и открывали высокий лоб. И стоял он, словно прямой клинок находящегося в ножнах меча.

Он и был тем незнакомцем, с которым разговаривала Эйлин, когда я их видел в Анклаве. И темная радость ожидания встречи в глубине долины снова подпрыгнула во мне. Потому что здесь, без необходимости вызова, меня ожидала первая возможность использовать ту самую силу, о существовании которой я ранее не подозревал.

Глава 4

Это было место конфликта.

И поэтому открытие, сделанное мной на уровне подсознания во время беспрестанного единоборства света и тьмы, сразу же начало работать в моем сознании. Но почти немедленно эта моя новая любопытная черта самосознания была отеснена пониманием моей собственной личной вовлеченности в ситуацию.

Когда Эйлин увидела меня, она лишь кинула единственный напряженный взгляд в мою сторону, но затем посмотрела на Матиаса, который сидел совершенно спокойно и ничуть не волнуясь. Его невыразительное, похожее на карту «пик» лицо с густыми бровями и густыми волосами, по-прежнему в массе своей черными, несмотря на то, что ему было уже под шестьдесят, было холодным и отстраненным, как обычно. Он так же, как и Эйлин, поглядел на меня, но только мельком, преж-

де чем снова повернулся навстречу эмоциональному взгляду Эйлин.

— Я просто скажу, — заговорил он с ней, — что не вижу, почему тебе надо беспокоиться и спрашивать меня об этом. Я никогда ни в чем не ограничивал ни тебя, ни Тэма. Поступай так, как считаешь нужным. И его пальцы сомкнулись на книге, лежавшей раскрытыми страницами вниз на его коленях, словно он собрался взять ее и продолжить чтение.

— СКАЖИ МНЕ, ЧТО ДЕЛАТЬ! — вскричала Эйлин. Она была на грани срыва — руки ее были прижаты к бокам, а ладони сжаты в кулачки.

— Нет никакого смысла в моем совете, — отстраненно произнес Матиас. — Что бы ты ни сделала — не имеет никакой разницы ни для тебя, ни для меня. Или даже для этого молодого человека. — Он замолчал и повернулся ко мне. — О, кстати, Тэм, Эйлин забыла тебя представить. Наш посетитель — мистер Джэймтон Блэк с Гармонии.

— Форс-лидер Блэк, — молодой человек повернул ко мне свое бесстрастное, с тонкими чертами лицо. — Здесь, на Земле, я — военный атташе.

При этих словах я идентифицировал его происхождение. Он был с одного из миров, которые с кислым юмором люди других миров называли Содружеством. Он должен был быть одним из религиозных, воспитанных в спартанском духе фанатиков, составляющих население этих миров. Было очень странно, очень, как тогда казалось мне, что из сотен типов человеческих сообществ, из семени, рассеянного на молодых мирах, проросло сообщество религиозных фанатиков, наряду с воинским типа Дорсая, философским — типа Экзотики, углубленных в науки обитателей Венеры и Ньютона, чтобы стать одной из своеобразных и больших осколочных культур.

Да, они были своеобразной осколочной культурой. Но не как о солдатах прослышали о них все остальные двенадцать миров, Дорсайцы были воинами — люди войны до мозга костей. Жители Содружества были людьми Верности — угрюмой и несколько мазохистской верности, — они продавали себя из-за того, что их бедные природными ресурсами миры не многое могли предложить для поддержки баланса контрактов, который позволял бы им нанимать профессионалов с других планет.

Для евангелистов рынок был весьма невелик — это был единственный урожай, который естественно взрастал на тонкой, каменистой почве Содружества. Но они могли стрелять и

повиноваться приказам — до самой смерти. И они были дешевы. Старейшина Брайт, Первый в Совете Церквей, управлявший Гармонией и Ассоциацией, мог сбить цену любому из правительств при поставке наемников. С одним условием — без аффектации военного мастерства этих наемников.

Ибо настоящими людьми войны были дорсайцы. Они напоминали отлично выдрессированных псов, и оружие подходило их рукам, как перчатки. Обычный же солдат Содружества брал винтовку так же, как он мог бы взять и мотыгу, — как орудие, необходимое для использования во имя его народа и церкви.

Так что те, кто разбирались в деле, говорили, что именно дорсайцы поставляли воинов всем четырнадцати мирам. Содружество поставляло пушечное мясо.

Тем не менее, я не стал тогда об этом раздумывать. В тот момент моя реакция на появление Джэймтона Блэка была лишь реакцией узнавания. Неподвижностью своих черт, невозмутимостью, отстраненностью и какой-то НЕПРОНИЦАЕМОСТЬЮ он походил на Падму.

Даже без представления моим дядей, в нем без труда можно было узнать одного из представителей этих суперплемен молодых миров, с которыми, как всегда доказывал нам Матиас, Земле просто невозможно было соперничать. Однако сознание собственной значимости, обретенное мною в Проекте Энциклопедия, снова было со мной. И мне пришла в голову мысль, сопровождаемая той же темной внутренней радостью, что существуют иные способы соперничества.

— ...Форс-лидер Блэк, — говорил Матиас, — посещал вечерний курс Земной истории, тот же, что посещала и Эйлин, — в Женевском университете. Он познакомился с Эйлин примерно месяц назад. А теперь твоя сестра подумывает о том, чтобы выйти за него замуж и вместе с ним отправиться на Гармонию, куда он возвращается в конце этой недели.

Матиас внимательно посмотрел на Эйлин.

— Конечно же, я ей сказал, что решение — в ее руках, — закончил он.

— Но я хочу, чтобы кто-нибудь помог мне — помог решить, как поступить правильно! — жалобно воскликнула Эйлин.

Матиас медленно покачал головой.

— Я уже говорил тебе, — произнес он со своей обычной, бесцветной холодностью в голосе, — что решать здесь нечего.

В конце концов, это ни для кого не имеет значения — ни для тебя, ни для кого другого. Ты можешь продолжать придерживаться абсурдного мнения, что в зависимости от того, что ты решишь, курс событий изменится. Я так не думаю — и поскольку я предоставил тебе полную свободу делать все, что ты хочешь, и принимать какие тебе заблагорассудится решения, то, в свою очередь, я настаиваю на том, чтобы ты освободила меня от участия в этом фарсе и предоставила возможность заниматься тем, чем я желаю.

С этими словами он поднял с колен книгу, словно приготовившись начать читать ее.

По щекам Эйлин потекли слезы.

— Но я не знаю — я не знаю, что мне делать! — всхлипывала она.

— Так не делай ничего, — произнес наш дядя, переворачивая страницу своей книги. — Так или иначе — это единственно цивилизованный образ действий.

Эйлин стояла, молча плача. И Джэймтон Блэк обратился к ней.

— Эйлин, — сказал он, и она повернулась к нему. Он говорил тихим, спокойным голосом, всего лишь с намеком на акцент. — Ты не хочешь выйти за меня замуж и сделать мой дом твоим, на Гармонии?

— О да, Джэми, хочу! — воскликнула она. — Да!

Он снова подождал, но она не приблизилась к нему. Она снова заплакала.

— Я просто не уверена, что поступаю правильно! — воскликнула она. — Разве ты не понимаешь, Джэми, я хочу быть уверена, что поступаю правильно. А я не знаю — я не ЗНАЮ!

Она резко повернулась ко мне.

— Тэм! — сказала она. — Что я должна сделать? Должна ли я уехать?

Ее неожиданное обращение ко мне прозвучало как эхо тех голосов, что обрушились на меня в Индекс-зале. И немедленно библиотека, в которой я стоял, и сцена внутри нее, как мне показалось, странно увеличилась и осветилась. Высокие стены книжных полок, моя сестра с заплаканным лицом, обращающаяся ко мне, молчаливый молодой человек в черном — и мой дядя, тихо читающий свою книгу, словно озаренный мягким светом от полок позади него, — все это, казалось, неожиданно предстало в каком-то сверхизмерении. Я словно видел их и смотрел сквозь них одновременно. И неожиданно я понял своего дядю, как не понимал его никогда прежде, по-

нял, что, несмотря на то, что он притворялся читающим, он уже решил для себя, каким образом я должен был ответить на вопрос Эйлин.

Он знал, что, скажи он моей сестре: «Останься», я бы постарался выпроводить ее из этого дома, применив грубую силу, если бы понадобилось. Он хорошо знал о моем инстинкте противодействия ему во всем. И таким образом, ничего не предпринимая, он ничего не оставил мне, с чем я мог бы сразиться. Он просто отступил в дьявольский (или богоподобный) нейтралитет, оставив меня по-человечески уязвимым, предоставив решать мне. И конечно же, он верил, что я поддержу решение Эйлин уехать с Джэймтоном Блэком.

Но на этот раз он ошибся. Он не заметил перемен во мне, моего нового знания, указывавшего мне путь. Для него «УНИЧТОЖАЙ!» было лишь пустой оболочкой, в которую он мог отступить. Но я сейчас, в своей лихорадочной просветленности, увидел все это как нечто большее — как оружие, которое можно было обратить даже против этих превосходящих демонов с молодых миров.

И теперь, когда я посмотрел на Джэймтона Блэка, меня уже не ужасал он сам, как перестал меня ужасать и Падма. Вместо этого мне не терпелось испытать мою силу против него.

— Нет, — спокойно ответил я Эйлин. — Я не думаю, что ты должна уехать.

Она усталилась на меня, и подсознательно я понял, что она рассуждала так же, как и мой дядя, надеясь, что в конце концов я скажу ей то, чего ждало ее сердце. Но теперь я выбил ее из колеи. И, стараясь как можно надежнее закрепить свое мнение, торопливо продолжил, осторожно выбирая слова.

Они легко приходили мне на ум.

— Гармония — не место для тебя, Эйлин, — мягко произнес я. — Ты же знаешь, насколько они отличаются от нас, землян. Ты не будешь чувствовать себя на своем месте. Ты не сможешь приспособиться к ним и их образу жизни. И кроме того, этот молодой человек — форс-лидер. — Я постарался с как можно большей симпатией посмотреть на Джэймтона Блэка. Его тонкое лицо повернулось ко мне, абсолютно свободное от какого бы то ни было возмущения или мольбы о помощи с моей стороны.

— Ты знаешь, что это означает на Гармонии? — спросил я. — Он офицер их вооруженных сил. В любой момент его контракт может быть продан, и он тебя покинет. Его могут послать туда, куда ты последовать за ним не сможешь. Он может

не возвращаться годами. Или даже вообще не вернуться, если его убьют, что весьма вероятно. И ты хочешь подвергнуть себя этому? — И я жестоко добавил. — А достаточно ли ты, Эйлин, сильна, чтобы подвергнуть себя такого рода эмоциональному избиению? Ты не только подведешь себя, ты подведешь и этого человека.

Я остановился. На этот раз мой дядя не оторвал своих глаз от книги и не посмотрел на меня. Но я заметил — и почувствовал при этом скрытое удовлетворение, — что его пальцы, державшие обложку книги, слегка дрожали, выдавая чувства, которые он никогда не признавал в себе.

Что же касается Эйлин, то она с недоверием уставилась на меня, еще когда я только начал говорить, и молчала все это время. А теперь она издала лишь один тяжелый вздох, почти вскрип, и выпрямилась. Она посмотрела на Джэйм-тона Блэка.

Она ничего не произнесла. Но этого взгляда было достаточно. Я тоже наблюдал за ним в поисках какого-нибудь намека на эмоции. Но его лицо только несколько погрузнело странным, мягким образом. Он сделал два шага к Эйлин и теперь стоял к ней вплотную. Я напрягся, готовый втиснуться меж ними и, если будет необходимо, поддержать свое мнение. Но он лишь тихо заговорил с ней, в странной, церковной манере той речи, которую, как я читал, его народ использовал при общении между собой, но которая никогда еще не достигала моих ушей.

— Так ты не хочешь поехать со мной, Эйлин? — спросил он.

Она покачала головой, подобно нежному растению, потревоженному тяжелой поступью по нетвердой почве, на которой оно росло, и отвела свой взгляд от него.

— Я не могу, Джэми, — прошептала она. — Ты слышал, что сказал Тэм. Это правда. Я тебя подведу.

— Это неправда, — произнес он тем же тихим голосом. — Не говори мне, что ты не можешь. Скажи только, что не хочешь, и я уйду.

Он подождал. Но она лишь продолжала смотреть в сторону, отказываясь встретить его взгляд. И наконец, собравшись с духом, она покачала головой.

При этом он глубоко вздохнул. За все это время он ни разу не взглянул ни на меня, ни на Матиаса. И он не посмотрел ни на кого из нас и сейчас. По-прежнему на его лице не было заметно никакой боли. Он повернулся и тихо вышел из библиотеки, из нашего дома и из поля зрения моей сестры навсегда.

Эйлин повернулась и выбежала из комнаты. Я посмотрел на Матиаса. Тот невозмутимо переворачивал страницы своей книги, тоже не глядя на меня. После этого он больше никогда не вспоминал о Джэймтоне Блэке.

Не вспоминала и Эйлин.

Но менее чем через полгода она без лишнего шума представила свой контракт на продажу на Кассиду и уехала работать в этот мир. А спустя несколько месяцев после отъезда она вышла замуж за молодого человека, уроженца планеты, которого звали Дэвид Лонг Холл. Ни я, ни Матиас ничего об этом не слышали, а узнали только несколько месяцев спустя после свадьбы. Да и то из другого источника. Сама она нам не писала.

Но к тому времени меня так же мало волновали новости об этом, как и Матиаса. Потому что мой успех в тот момент, в библиотеке, с Джэймтоном Блэком и моей сестрой, указал мне путь, которого я и желал себе. Мое новое чувство начало взрослеть во мне. Я начал разрабатывать технику для применения ее к манипуляции людьми, как я сманипулировал Эйлин, чтобы добиться желаемого. И я уже вовсю шагал по дороге к моей личной цели — силе и свободе.

Глава 5

И все же, несмотря ни на что, эта сцена в библиотеке так и застряла у меня в памяти, словно заноза.

За все пять лет, что я поднимался по ступенькам Службы Новостей, как человек, рожденный для успеха, я ни слова не получил от Эйлин. Она по-прежнему не писала ни Матиасу, ни мне. Несколько писем, отосланных ей мною, остались без ответа. Я знал многих людей, но не мог сказать, что у меня были друзья. А Матиас был просто ничем. И наконец каким-то уголком своего сознания, сперва туманно, но затем все более и более отчетливо, я стал медленно осознавать, что в мире я одинок. И что в том лихорадочном проблеске обнаруженной мною способности манипулирования людьми я с таким же успехом мог бы избрать иную мишень, чем ту личность с одного из четырнадцати миров, мишень, у которой вполне могли быть какие-то причины, чтобы любить меня.

Именно это спустя пять лет и привело меня на холм Новой Земли, только что развороченный тяжелой артиллерией. Я спуускался вниз с холма, потому что сам холм являлся частью зоны боевых действий противоборствующих сил Северного и

Южного Разделов Атланда Новой Земли. Профессиональные военные составляли лишь основу обеих вооруженных сил — как Северных, так и Южных. Мятежники Севера более чем на восемьдесят процентов состояли из подразделений наемников, нанятых на Содружестве. Южные же более чем на шестьдесят пять процентов состояли из рекрутов с Кассиды, нанятых по контракту властями Новой Земли, — и именно последний факт и привел меня к тому, что теперь я пробирался среди развороченной земли и разорванных стволов деревьев по склону холма. Среди рекрутов именно этого подразделения находился молодой сержант по имени Дэйв Холл — человек, за которого вышла замуж моя сестра.

Моим проводником был пехотинец роялистов, то есть Сил Южного Раздела, уроженец Новой Земли. Ему было уже за тридцать, и от природы он был желчным — как я понял из того скрытого удовольствия, которое, казалось, он получал, видя, как мои городские сапоги и плащ журналиста пачкаются землей и мхом. Теперь, спустя шесть лет с того момента в Конечной Энциклопедии, мои личные способности стали настолько естественными для меня, что у меня ушло бы лишь несколько минут на то, чтобы полностью изменить его мнение обо мне. Но в этом не было необходимости.

Наконец он привел меня к маленькому связному пункту у подножия холма и передал меня офицеру с тяжелой, квадратной челюстью, которому уже было под пятьдесят; под глазами его виднелись темные круги. Офицер был уже староват для подобной полевой службы, и возраст явственно давал о себе знать. Более того, угрюмые легионы Содружества недавно совсем неплохо потрепали полуобученных рекрутов Кассиды, противостоявших им. Меня ничуть не удивило, что он посмотрел на меня столь же кисло, как и мой проводник.

Мне было безразлично его отношение ко мне, поскольку он был полевым командиром, а оно было достаточно прохладным. Я должен был изменить его, если хотел получить то, за чем пришел. И проблема состояла в том, что я пришел, практически не имея никакой информации, касающейся этого человека. Но до меня дошли слухи о новом наступлении Содружества, и у меня было мало времени, так что я примчался сюда под влиянием момента. Я должен был придумать свои аргументы на ходу.

— Комендант Хэл Фрэйнд! — представился он, не дожидаясь, когда заговорю я, и резко протянул свою широкую, испачканную ладонь. — Ваши документы!

Я передал их ему. Он просмотрел их, не изменившись в лице. — О? — произнес он. — Испытательный?

Сам вопрос был по сути равнозначен оскорблению. Его совершенно не касалось, был ли я полномочным членом Гильдии Журналистов или по-прежнему подлежал проверке, как Подмастерье. Упомянув же это, он очевидно пытался намекнуть на то, что у меня еще молоко на губах не обсохло и что, таким образом, я мог представлять потенциальную опасность для него и подчиненных ему людей здесь, у линии фронта.

Тем не менее, сказав это, он даже не подозревал, что этим вопросом не столько атаковал уязвимое место в моей личной защите, сколько приоткрыл уязвимое место в своей.

— Совершенно верно, — холодно согласился я, забирая у него обратно свои документы. И я симпровизировал на основе того, что он только что выдал о себе. — А теперь о вашем повышении по службе...

— Повышение!

Он уставился на меня. Тон его голоса подтвердил все, что я о нем думал. Как часто обвинения, которые люди выдвигают для нападков на других, выдают их собственные слабые стороны. Человек, который намекает на то, что вы — вор, почти всегда имеет за душой какую-то большую уязвимую область собственной нечестности. И в этом случае попытка Фрэйна подколоть меня моим настоящим статусом, без сомнения, подтвердила, что он был чувствителен к тому же, что и я. Эта попытка оскорбления, вкупе с тем фактом, что он уже по возрасту перерос должность, занимаемую им, указывала на то, что его уже по крайней мере разок обходили с повышением, и на то, что он был уязвим для данного предмета.

Это был всего лишь открывающийся клин — но сейчас это было все, что мне необходимо, спустя пять лет тренировки моих способностей на умах других людей.

— А разве вы не повышаетесь в звании до майора? — спросил я. — Я думал..., — я неожиданно замолчал и усмехнулся ему. — Я полагаю, ошибся. Должно быть, я спутал вас с кем-то другим. — Я попытался изменить тему разговора и осмотрелся по сторонам. — Я вижу, у вас здесь было довольно-таки жарко с утра.

Он накинулся на меня.

— Где вы слышали, что меня повышают в звании? — прорычал он мне. Я понял, что настало время применить кнут.

— Ну, вы знаете, комендант, по-моему, я не запомнил, — ответил я, глядя ему прямо в глаза. Я подождал минутку, прежде, чем это поглубже угнездилось в нем. — Но если бы я и помнил, я думаю, был бы не вправе сообщить вам об этом. У журналистов свои источники, и мне не хотелось бы об этом распространяться. Ведь у военных тоже имеются свои секреты.

Это неожиданно отрезвило его. Он сразу вспомнил, что я не являюсь одним из его пехотинцев, и не в его власти приказывать мне сообщить ему то, о чем я не хотел сообщать. Таким образом, в моем случае требовалось применение мягких перчаток, а не железного кулака, если он чего-либо хотел от меня добиться.

— Да, — произнес он, борясь с тем, чтобы переход от гримасы к улыбке выглядел как можно естественнее. — Да, конечно. Вы должны извинить меня. Знаете ли, мы здесь постоянно находимся под сильным огнем...

— Я могу это понять, — произнес я более дружелюбно. — Конечно же, это не та вещь, что оставляет ваши нервы спокойными и расслабленными.

— Нет. — Он снова попытался улыбнуться. — Вы... значит, не можете мне ничего сказать о повышении, касающемся меня?

— Боюсь, что нет. — Наши глаза встретились снова. И задержались.

— Понятно. — Он снова посмотрел в сторону, несколько угрюмо. — Ладно, так что бы мы могли сделать для вас, журналист?

— Ну, вы бы могли рассказать мне что-нибудь о себе, — ответил я. — Я бы хотел получить о вас какую-нибудь общую информацию.

Неожиданно он снова обернулся ко мне.

— О себе? — спросил он, уставившись на меня.

— Ну да, — подтвердил я. — Всего лишь ваш взгляд на вещи. Всего лишь ваше собственное мнение. Интересный для общественности рассказ — кампания с точки зрения одного из опытных полевых командиров. Ну, вы понимаете.

Он понял. Во всяком случае, я считал, что до него дошло. Я смог разглядеть, как сияние вернулось в его глаза, колесики закрутились где-то там у него в голове. Мы сейчас достигли той стадии, на которой человек с незамутненным сознанием мог бы потребовать еще раз: «Почему я? Я, а не какой-нибудь офицер более высокого ранга или с большим числом наград?»

Но Фрэйн не собирался спрашивать об этом. Ему казалось, что он знал, почему именно о н. Его собственные затаенные надежды привели его к тому, что, сложив два и два, он получил, как он считал, — четыре. Он верил, что действительно приближается к повышению в звании за свои героические действия на поле боя, — и эта вера усиливала в нем сознание его собственной значимости. И его уже ничуть не удивляло мое появление здесь с целью написать о нем статью, интересующую общественность. Не в состоянии трезво оценивать происходящее, он вполне допускал, что, являясь обычным гражданским служащим, я мог и не знать, что он надеется на повышение по службе. А мое невежество заставило меня бездумно раскрыть эту тайну при первой же нашей встрече.

Было немного неприятно осознать, как сразу же изменились его голос и отношение ко мне. Как и некоторые другие личности невысоких способностей, он почти всю свою жизнь провел, запасаясь причинами и извинениями, чтобы доказать, что он действительно обладал экстраординарными качествами, но случайности и предвзятость, слитые воедино, до сих пор преграждали ему путь к заслуженным наградам.

И если бы я действительно интервьюировал его в целях создания репортажа, я бы мог убедить его в малодушии и малоценности, используя его же собственные слова, по меньшей мере дюжину раз. В каждом его слове чувствовалось хныканье. Настоящие деньги в солдатском ремесле были для наемников. У Фрэйна не было ни храбрости, ни убеждений, чтобы прожить полную лишений жизнь даже отставного офицера Содружества. Его уделом была лишь гарнизонная работа, кадровая служба, но не более... А когда приходила война, таких, как он, отставляли в сторону, освобождая место для наемников либо урожденных, либо обученных и доставленных для настоящей войны.

Надо отметить, что гарнизонная работа оплачивалась куда как скудно, по сравнению с оплатой наемников. Правительства могли подписывать долгосрочные контракты с офицерами типа Фрэйна. Оплата при этом была минимальной, и контракт выполнялся до тех пор, пока не возникала необходимость в наемниках, которые за свою блестящую боевую подготовку требовали куда более высокой оплаты.

Но достаточно о коменданте Фрэйне, который вовсе не был так уж и важен. Это был маленький человек, который убедил себя, что он вот-вот должен быть признан — по край-

ней мере на уровне Межзвездной Службы Новостей — как потенциально великий человек. Как большинство подобных ему людей, он ошибочно предполагал, что угодливость поможет ему продвинуться по службе. Он рассказал мне о себе все, он показал мне позиции на холме, где окопались его люди. К тому времени, когда я уже собирался покинуть его, он реагировал на каждое мое предложение, как хорошо настроенная машина. И поэтому, когда я понял, что смогу отправиться за линию фронта, я сделал это. Ибо это было то, ради чего я пришел сюда.

— Вы знаете, мне только что в голову пришла идея, — произнес я, поворачиваясь к нему. — Полевой штаб разрешил мне выбрать одного из солдат для ассистирования мне до конца этой кампании. Я собирался выбрать одного из людей при штабе, но, знаете ли, наверное, было бы лучше выбрать одного из людей под вашим командованием.

— Одного из моих людей? — он моргнул.

— Именно так, — ответил я. — Ведь в случае, если кому-нибудь захочется более подробно узнать о вас или о вашей точке зрения на проводимую кампанию, я смог бы получить всю информацию от него. Было бы непрактично в этом случае гоняться за вами по всему полю боя. А в противном случае мне просто пришлось бы с сожалением сообщить, что продолжение или детализация невозможны.

— Понятно, — произнес он и лицо его просветлело. Но затем он снова нахмурился. — Но на то, чтобы сюда пришло пополнение, уйдет одна или две недели, чтобы я мог все же кого-нибудь отпустить. И мне неясно, как...

— О, все в порядке, — перебил его я и выудил бумагу из своего кармана. — У меня есть полномочия выбрать кого угодно без необходимости ждать его замены — если, конечно, его отпустит комендант. К тому же, несколько дней у вас будет не хватать одного человека, но...

Я позволил ему самому подумать над этим. Какое-то время он ДУМАЛ. В результате неудачных боевых действий в течение нескольких последних недель, все подразделения в этом секторе были слабо укомплектованы. Еще один человек — это означало еще одну дырку в линиях Фрэйна, и он реагировал на это привычным для любого полевого командира образом.

Но затем я заметил, как предвкушение продвижения и известности снова пробилось к его вниманию, и битва у него в голове продолжилась.

— Кто? — спросил он, наконец, скорее самого себя, чем

меня. Вопрос состоял в том, откуда ему легче всего снять человека. Но я ухватился за этот вопрос, как если бы он был задан мне.

— В вашем подразделении есть парень по имени Дэйв Холл...

Его голова вскинулась, как от выстрела. Черты его лица сразу же исказило подозрение — неприкрытое, отвратительное и быстрое. Есть две возможности бороться с подозрением: одна — это, протестуя, заявить о своей полной невинности, и другая, лучшая — признать свою вину в менее значительном проступке.

— Я заметил его имя в списке подразделения, когда разыскивал вас в полевом штабе, прежде чем направиться сюда, — произнес я. — Сказать по правде, это была одна из причин, по которой я ВЫБРАЛ, — я надавил немного на это слово, так, чтобы он не пропустил этого, — вас для этого репортажа. Он некоторым образом мой дальний родственник, этот Дэйв Холл. И я подумал, что мог бы убить двух зайцев одним ударом. Семья уже давно насадала на меня, чтобы я что-то сделал для парня.

Фрэйн, не мигая, смотрел на меня.

— Конечно же, — продолжил я, — я понимаю, что у вас некомплект. И если уж он так ценен для вас...

ЕСЛИ УЖ ОН ТАК ЦЕНЕН ДЛЯ ВАС, — наметнул тон моего голоса, — Я НЕ БУДУ СПОРИТЬ С ВАМИ, ЧТОБЫ ВЫ ОТПУСТИЛИ ЕГО. С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, Я ТОТ ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ БУДЕТ ПИСАТЬ О ВАС КАК О ГЕРОЕ ДЛЯ ВСЕХ ЧЕТЫРНАДЦАТИ МИРОВ. И ЕСЛИ Я БУДУ СИДЕТЬ У СВОЕГО ДИКТОФОНА, ОЩУЩАЯ, ЧТО ВЫ МОГЛИ ОТПУСТИТЬ МОЕГО РОДСТВЕННИКА С ПЕРЕДОВЫХ ЛИНИЙ, НО НЕ СДЕЛАЛИ ЭТОГО...

Он понял мой намек.

— Кто? Холл? — спросил он. — Нет, конечно же, я могу отпустить его. — Он повернулся к своему командному посту и рявкнул. — Курьер! Вызвать сюда Холла — полная экипировка, оружие и снаряжение, готовность в выступлении.

Фрэйн снова повернулся ко мне, как только исчез курьер.

— Ему понадобится не более пяти минут на то, чтобы подготовиться и прибыть сюда, — сказал он.

Это заняло почти десять минут. Но я не жаловался на ожидание. И двенадцатью минутами позже мы с Дэйвом, в сопровождении сержанта, направились назад в штаб.

Конечно же, Дэйв никогда меня прежде не видел. Но Эйлин, должно быть, рассказывала обо мне, и было совершенно ясно, что он вспомнил мое имя в ту же минуту, когда комендант передал его мне. И все же при этом у него хватило сообразительности не задавать мне никаких глупых вопросов, пока мы не вернулись в полевой штаб и не избавились от нашего сопровождающего.

В результате у меня была возможность лично поизучать его по пути. Поначалу он не произвел на меня сильного впечатления. Он был меньшего, чем я, роста, и разница в возрасте между нами казалась гораздо большей, чем была на самом деле. У него было типичное круглое, открытое лицо с торчащими, как у мальчишки, коротко подстриженными волосами. И наверное, единственное, что я смог разглядеть общего с моей сестрой, — это прирожденное чувство невинности и мягкости — невинности и мягкости слабых существ, которые знают, что они слишком слабы, чтобы бороться за свои права и выигрывать, и таким образом пытаются достичь наилучшего признанием их зависимости от доброго отношения других.

Но, быть может, я был излишне резок. Сам я никогда не был каким-то погонщиком овец. Скорее меня можно было найти снаружи, слоняющимся вдоль изгороди и то и дело задумчиво косящимся на тех, кто был внутри.

Но это правда, что Дэйв не показался мне ничем значащим, насколько можно было судить по его внешнему виду и характеру. И кроме того, я не думал, что он еще и какой-то великий мыслитель. Он был обычным программистом, когда Эйлин вышла за него замуж. И он работал лишь часть времени, а она — полную смену, все эти последние пять лет пытаясь пройти программу по кинематической механике в Университете Кассиды. У него еще оставалось три года работы, когда неожиданно он оказался ниже семидесятипроцентного среднего уровня при конкурсной аттестации. И ему просто не повезло, что это случилось в тот момент, когда Кассида набирала своих рекрутов для продажи на Новую Землю для последней кампании по подавлению мятежников Северного Раздела. И он ушел в униформе.

Вы могли бы подумать, что Эйлин немедленно обратилась ко мне за помощью. Ничего подобного — хотя сам факт, что она этого не сделала, и удивил меня, когда я наконец услышал об этом. Впрочем, это и не было удивительно. В конце

концов, она мне все сказала, и сказанное ею обнажило мою душу и оставило ее на растерзание воющим ветрам гнева и сумасшествия. Но это было позже. В действительности, причиной, которая помогла мне узнать о том, что Дэйв отправляется рекрутом на Новую Землю, была неожиданная смерть нашего дяди. И мне пришлось войти в контакт с Эйлин на Кассиде по делам наследования.

Ее небольшая доля наследства (с удовлетворением, даже с насмешкой, Матиас оставил основную часть своих внушительных сбережений Просекту Конечной Энциклопедии, как подтверждение того, что любой просект, касающийся Земли или землян, по его мнению был настолько бесполезен, что никакая помощь не могла ему помочь) была совершенно бесполезна для нее, если бы только не удалось заключить частную сделку с каким-нибудь работающим на Земле кассидианином, у которого дома осталась семья. Только правительства или большие организации могли перемещать средства работающих у них по контракту людей, которые должны были переселяться из одного мира в другой. Именно таким образом я и обнаружил, что Дэйв уже покинул ее и свой родной мир и направился на Новую Землю.

Но даже и тогда Эйлин не попросила у меня помощи. Именно тогда я подумал, что неплохо бы заполучить Дэйва в ассистенты на время кампании, и принялся за решение этой задачи, лишь известив ее о том, что я делаю. А теперь, когда я заварил всю эту кашу, сам уже не будучи уверенным, зачем и почему, я даже чувствовал себя слегка не в своей тарелке, когда Дэйв попытался поблагодарить меня, после того, как мы наконец избавились от нашего спутника и направились в Кэстлмэйн, ближайший крупный город за линией фронта.

— Оставь это! — резко бросил я ему. — Все, что я до сих пор сделал для тебя было лишь самой легкой частью. Тебе придется отправиться со мной на фронтовые позиции как невоеннослужащему, без оружия. А чтобы это сделать, у тебя должен быть пропуск, подписанный обеими сторонами. И это будет не так уж и легко сделать для того, кто еще менее чем восемь часов назад держал в перекрестье прицела своего игло-ружья солдат Содружества!

При этих словах он заткнулся. Он был в замешательстве. Совершенно очевидно, что он был удручен тем фактом, что я не позволил ему отблагодарить меня. Но это остановило его болтовню, и это было все, чего я хотел.

Мы получили соответствующее распоряжение в полевом

штабе, временно подчиняющее его мне. А затем на платформе добрались до Кэстлмэйна, где я его и оставил в своей комнате в отеле со своим снаряжением, объяснив ему, что вернусь за ним утром.

— Мне оставаться в комнате? — спросил он, когда я уже выходил.

— Черт возьми, делай что хочешь! — воскликнул я. — Я вовсе не твой взводный. Просто будь здесь к девяти утра по местному времени, когда я вернусь.

И я ушел. И только после того, как я прикрыл за собой дверь, я понял, что двигало им и мучило меня. Он думал, что мы могли бы провести несколько часов вместе, чтобы постараться узнать друг о друге побольше, как родственники, и что-то во мне заставило стиснуть зубы при этой возможности. Я бы мог спасти его жизнь во имя Эйлин, но это вовсе не означает, что я должен привязываться к нему.

Новая Земля и Фриленд, как известно всем, являются планетами-сестрами одной звездной системы — Сириуса. Они расположены близко — не так близко, как сообщество Венера-Земля-Марс, естественно, — но достаточно близко, чтобы с орбиты Новой Земли до орбиты Фриленда можно было добраться с помощью одного лишь гиперпрыжка с минимальными ошибками в точке приземления. Таким образом, для тех, кто не боится рисковать, путешествуя между мирами, возможно добраться с планеты на планету примерно за час: полчаса на орбитальную станцию, практически мгновенно сам прыжок и еще полчаса — на путешествие по поверхности планеты до конечного пункта вашего пути.

Именно этим путем я и воспользовался, и спустя два часа после того, как я оставил своего шурина, я предъявлял свое полученное всеми правдами и неправдами приглашение швейцару у входа на виллу Хендрика Галта, первого маршала вооруженных сил Фриленда.

Приглашение было на вечеринку, организуемую в честь человека, не столь известного ранее, — командира космического субпатруля Донала Грина, который, так же как и Хендрик Галт, был дорсайцем. Это было его первое появление перед очами публики. Он только что провел совершенно немыслимую атаку на планетарную оборону Ньютона, обладая всего лишь четырьмя или пятью кораблями, — атаку, которая оказалась достаточно удачной, чтобы ослабить давление Ньютона на Ориенте — ненаселенный мир той же системы, что и Фриленд, и Новая Земля, и вывести планетарные силы Галта из плохой тактической ситуации.

Он был, как я предполагал в то время, чем-то вроде дикого военного игрока — как и большинство его соплеменников. Но, по счастью, дело мое не было с ним связано. Оно касалось одного из весьма влиятельных людей, который должен был присутствовать на этой вечеринке в его честь.

В особенности же мне хотелось заполучить подпись шефа отделения Межпланетной Службы Новостей Фриленда на бумагах Дэйва — не то чтобы это сулило какую-то реальную защиту со стороны Межзвездной Службы Новостей моему шурину. Эта защита распространялась только на членов Гильдии и, с некоторыми оговорками, на Подмастерья, вроде меня. Но на обычного солдата в случае необходимости это могло произвести впечатление. Вдобавок ко всему, мне хотелось заполучить подпись кого-нибудь весьма высокого ранга среди наемников Содружества для защиты Дэйва, на случай, если нам придется столкнуться с их солдатами на поле боя.

Я нашел шефа отделения Межпланетной Службы Новостей, приятного участливого землянина по имени Най Снеллинг, без особого труда. Он не доставил мне никаких сложностей, написав на пропуске Дэйва, что Служба Новостей согласна с его ассистированием мне, и подписал это.

— Конечно же, вы знаете, — заметил он, — что эта бумажка ничего из себя не представляет. — Он с любопытством посмотрел на меня, возвращая пропуск. — Этот Дэйв Холл — ваш друг?

— Шурин, — ответил я.

— Гм-м-м, — хмыкнул он, подняв брови. — Что ж, удачи. — И он отвернулся, чтобы продолжить разговор с экзотиканцем в голубой одежде, — в котором с неожиданным шоком я узнал Падму.

Этот шок был настолько внезапным, что я допустил неосторожность, в которой меня вряд ли можно было упрекнуть за последние несколько лет. Я не имел привычки говорить что-либо, не подумав.

— Падма — Связующий! — воскликнул я, эти слова сами вырвались из меня. — Что вы здесь делаете?

Снеллинг, сделавший шаг назад, чтобы мы оба могли видеть друг друга и он — нас обоих, снова вскинул брови. Но Падма заговорил раньше, чем мой вышестоящий руководитель по Службе смог бы прогнать меня за вполне очевидную невежливость. Падме не было никакой необходимости отчитываться мне в своих действиях и о том, куда он направляется. Но, похоже, он совершенно не обиделся.

— Я бы мог задать вам тот же вопрос, Тэм, — ответил он, улыбаясь.

К этому моменту самообладание вернулось ко мне.

— Я там, где есть новости, — произнес я. Это был основной ответ Службы Новостей. Но Падма предпочел воспринять его в точности.

— Некоторым образом, то же делаю и я, — проговорил он. — Помните, я говорил вам однажды о плане? Это место и этот момент — являются локусом.

Я не знал, о чем он говорит, но, при всем желании окончить наш разговор, я не мог этого сделать.

— Вот как? — спросил я улыбаясь. — Надеюсь, ничего, касающегося меня?

— Да, — ответил он. И вдруг неожиданно я снова почувствовал его карие глаза, пристально смотрящие на меня и вглубь меня. — В большей степени это касается Донала Грина.

— Что ж, я полагаю, что это, по крайней мере, честно, — заметил я, — поскольку вечеринка устроена в его честь. — И я рассмеялся, в то же время стараясь лихорадочно найти какой-то предлог, чтобы улизнуть. Присутствие Падмы заставило кожу на моей спине покрыться мурашками. Словно он оказывал на меня какой-то оккультный эффект, словно я не мог нормально мыслить в его присутствии. — Кстати, а что случилось с той девушкой, которая в тот день привела меня в офис Марка Торри? Лиза...Кант, кажется, ее имя.

— Да, Лиза, — ответил Падма, пристально глядя на меня. — Она здесь, со мной. Теперь она мой личный секретарь. Мне представляется, что скоро вы натолкнетесь на нее. Она озабочена вашим спасением.

— Спасти его? — вставил Снеллинг, малозначаще, но тем не менее заинтересованно. Это было и его работой, как и работой любого другого полноправного члена Гильдии, — наблюдать за Подмастерьем на предмет чего-то, что могло бы повлиять на его вступление в Гильдию.

— От самого себя, — пояснил Падма, его карие глаза по-прежнему неотрывно следили за мной, затуманенные и золотистые, словно глаза бога или демона.

— Что ж, тогда мне лучше пойти и поискать ее самому, чтобы попробовать позволить ей продолжить усилия в этом направлении, — легкомысленно ответил я в свою очередь, ухватившись за возможность убраться прочь. — Возможно, мы с вами позже еще увидимся.

— Возможно, — произнес Снеллинг. И я ушел.

Как только я затерялся в толпе, я нырнул в один из проходов к лестницам, ведущим наверх на небольшие балкончики, которые нависали над стенами зала, подобно ломам в театре. В мои планы совершенно не входило быть пойманным этой странной девушкой, Лизой Кант, которую я все же помнил с такой живостью. Пять лет назад, после событий в Конечной Энциклопедии, меня то и дело беспокоило желание как-нибудь направиться туда и разыскать ее. И каждый раз меня останавливало нечто, похожее на страх.

Я знал, что это за страх. Внутри меня существовало какое-то странное чувство, что понимание и возможности, которые я развивал в себе для манипулирования людьми, возможности, которые я впервые продемонстрировал на своей сестре в присутствии Джэймтона Блэка и с помощью которых я позже манипулировал всеми, кто оказывался у меня на пути, вплоть до коменданта Фрэйна. Однако я чувствовал, что если бы попытался проманипулировать Лизой Кант, то мог бы лишиться этой силы.

Таким образом, я нашел лестницу и взбежал по ней наверх, очутившись на небольшом пустом балкончике с несколькими стульями вокруг пустого стола. Отсюда, сверху, я мог бы заметить Старейшину Брайта, Главного Старейшину Объединенного Совета Церквей, управлявшего мирами Содружества — Гармонией и Ассоциацией. Брайт принадлежал к одному из правящих направлений в религии Содружества, которые больше всего верили в войну как средство достижения цели, — и он сейчас наносил короткий визит на Новую Землю, чтобы проверить, как наемники Содружества работали на своих нанимателей с Новой Земли. Его подпись на пропуске Дэйва могла бы быть лучшей защитой для моего шурина от подразделений Содружества, чем пять батальонов кассидианской бронетехники.

Я заметил его лишь через несколько минут поиска в толпе, переливающейся примерно футами в пятнадцати подомной. Он находился в прямо противоположном конце зала, разговаривая с беловолосым человеком — венерианцем или ньютонианцем по внешнему виду. Я знал, как выглядит Старейшина Брайт, как знал всех наиболее интересных с точки зрения новостей людей на всех четырнадцати мирах. Мой талант помогал мне преодолевать много препятствий на пути, но это не значило, что я не работал над изучением своей проблемы. И все же, несмотря на все мои познания, первое впечатление от встречи со Старейшиной Брайтом было шокирующим.

Я и не предполагал, что церковник может выглядеть столь могучим. Ростом выше меня, с плечами шириною с дверь и — хотя он уже был в среднем возрасте — с талией, как у спринтера. Он стоял, одетый во все черное, спиной ко мне, слегка расставив ноги и перенеся на них вес тела, как тренированный боец. Было что-то необыкновенное в этом человеке, подобное черному пламени неиссякаемой энергии, которая вызвала во мне озноб и одновременно желание померяться с ним силами.

Одно было абсолютно ясно: он не поддастся, как комендант Фрэйи, на игру слов.

Я повернулся, чтобы спуститься вниз и подойти к нему, когда случайность остановила меня. Была ли это случайность — я до сих пор не могу сказать с уверенностью. И вряд ли мне дано это постичь до конца своей жизни. Возможно, слова, произнесенные во время нашей встречи Падмой о том, что это место и время являются локусом в плане развития человеческой цивилизации, сыграли здесь не последнюю роль. Эта его удивительная способность воздействовать на людей с помощью двух-трех ничего не значащих слов на сей раз, очевидно, возымела свое действие и на меня. Как бы то ни было, в поле моего зрения неожиданно попала небольшая группа людей, стоявшая прямо под моим балконом.

Одним из людей в этой группе был Уильям с Цеты, шеф-предприниматель этой огромной коммерческой планеты с низким тяготением у звезды Тау Кита. Другая была высокая, красивая блондинка, само совершенство, девушка по имени Анеа Марлевана, которая была Избранной Культиса ее поколения, главным алмазом в поколениях генетических программ экзотиканских миров. Был там и Хендрик Галт, массивный мужчина в маршальской форме, и его племянница Эльвина. И, наконец, еще один мужчина, который, судя по его внешности, мог быть только Доналом Грином.

Это был молодой человек в униформе шефа субпатруля, рядовой дорсаец с крупной копной черных волос и странными движениями, которые характеризуют этот народ, рожденный для войны. Но для Дорсая он был невысок — не выше, чем мог бы быть я, стоя рядом с ним. Он был худощав и достаточно скромен. И все же из всей группы он один привлек мой взгляд. И в то же мгновение, посмотрев вверх, он заметил меня.

Наши глаза на секунду встретились. Мы были достаточно близко друг к другу, чтобы я мог рассмотреть цвет его глаз, и именно это меня и остановило.

Потому что у них не было определенного цвета. Они были то серыми, то зелеными, то голубыми, в зависимости от того, под каким углом вы в них смотрели. Почти в тот же момент Грин отвернулся, но я остановился, захваченный этим зрелищем, и на секунду отключился от всего происходящего вокруг.

Когда я наконец вывел себя из этого транса и посмотрел назад, туда, где находился Старейшина Брайт, я обнаружил, что он отошел от беловолосого человека при появлении адъютанта, фигуры удивительно знакомой, как по осанке, так и по внешности, который тут же оживленно заговорил со Старейшиной Мирос Сдружества.

И пока я стоял, разглядывая их, Брайт развернулся и, последовав за адъютантом, быстро вышел из зала через коридор, который, как я знал, вел в фойе к выходу из виллы Галта. Он уходил, и я мог лишиться возможности встретиться с ним. Я быстро повернулся, чтобы сбежать вниз по лестнице с балкона и догнать его, прежде чем он уедет.

Но мой путь был блокирован. Я потерял драгоценное время, когда, отключенный от всего остального мира, не отрываясь смотрел на Донала Грина. А когда секундами позже, придя в себя, собирался догнать уже почти исчезнувшего из виду Старейшину Брайта, — стремительно взбежав по лестнице, дорогу мне преградила Лиза Кант.

Глава 7

— Тэм! — воскликнула она. — Подожди! Не уходи!

А я и не мог сделать этого, не оттолкнув ее с пути. Она полностью блокировала узкую лестницу. Я остановился в нерешительности, посматривая на далекий выход, через который исчезли Брайт и его адъютант. И неожиданно мне стало ясно что, я уже опоздал. Оба они ушли очень быстро. И к тому времени, когда я мог бы спуститься с лестницы и пробраться через переполненный зал, они уже достигли бы ожидавшего их снаружи транспорта и уехали.

Возможно, если бы я предпринял меры в ту же секунду, когда увидел, что Брайт повернулся, чтобы уйти... Но скорее всего, даже и тогда перехватить его было бы уже невозможно. Не появление Лизы, а мгновение моего собственного отключенного внимания при виде необычных глаз Донала Грина, стоило мне возможности заполучить подпись Брайта на пропуске Дэйва.

Я оглянулся на Лизу. Странно, но теперь, когда она в дей-

ствительности настигла меня и мы оказались лицом к лицу друг с другом снова, я был рад этому, хотя и ощущал страх, о котором упоминал ранее.

— Как ты узнала, что я здесь? — потребовал я ответа.

— Падма сказал мне, что ты попытаешься меня избежать, — ответила она. — Ты не смог бы меня столь удачно избежать там внизу, в зале. Ты должен был быть где-то в другом месте, а кроме этих балкончиков, нет никаких других укромных местечек. Ты стоял у самых перил, и трудно было не заметить тебя.

Она слегка запыхалась от быстрой пробежки вверх по лестнице, и слова вылетали из ее ротика несколько торопливо.

— Хорошо, — произнес я. — Ты меня нашла. Чего ты хочешь?

Она уже восстановила дыхание, но румянец от усилий по быстрому подъему по-прежнему цвел на ее щеках. В таком виде она была прекрасна, и я не мог проигнорировать этот факт. И все же я по-прежнему боялся ее.

— Тэм! — воскликнула она. — Марк Торри должен поговорить с тобой!

Страх неожиданно пронзил все мое существо, словно зазвучал режущий сигнал, предупреждающий об опасности. Я по-настоящему почувствовал, что боюсь ее. Любой другой постарался бы действовать в этой ситуации мягче и осторожнее. Но природная мудрость подсказывала ей, что мне нельзя давать время на раздумье, иначе ситуация может оказаться не в ее пользу.

Не отвечая, я начал обходить ее. Она заступила мне дорогу, и я вынужден был остановиться.

— Ну и о чем? — прорычал я.

И тогда я нашел путь, которым смог отразить ее атаку. Я начал смеяться над ней. Она недоуменно поглядела на меня секунду, затем снова покраснела и теперь выглядела по настоящему рассерженной.

— Извини. — Я утихомирил свой смех. Мне было жаль ее, ибо несмотря на то, что я был вынужден отражать ее атаки, мне слишком нравилась Лиза Кант, чтобы так над ней насмехаться.

— Ну, о чем еще мы можем говорить, кроме того старого разговора о моем принятии руководства над Конечной Энциклопедией? Разве ты не помнишь? — Падма сказал, что вы не можете использовать меня. Я полностью был ориентиро-

ван на, — я попробовал словечко на вкус, когда произносил его, — на УНИЧТОЖЕНИЕ.

— Что ж, нам придется понадеяться на случай. — Она выглядела упрямой. — Кроме того, вовсе не Падма решает вопросы, связанные с Энциклопедией, а Марк Торри. И он становится все старше. Он как никто другой знает, что произойдет, если он отпустит поводья и рядом не окажется никого, кто сможет быстро подхватить их. Если это произойдет, через год, через полгода проект может провалиться. Или может быть разрушен извне. Ты думаешь, твой дядя был единственным на Земле, кто подобным образом относился к землянам и народам младших миров?

Я замер, и холодное чувство овладело мной. Она сделала ошибку, упомянув Матиаса. Должно быть, лицо мое сразу изменилось. Потому что я заметил перемену в ее лице.

— Что ты все это время делала? — Неожиданно ярость вырвалась из меня наружу. — Изучала меня? Следила за моими поездками и передвижениями? — Я сделал шаг вперед, и она инстинктивно отступила. Я схватил ее за руку и остановил ее. — Зачем гоняешься за мной ТЕПЕРЬ, спустя пять лет? Так или иначе, каким образом ты могла узнать, что я окажусь здесь?

Она прекратила попытки вырваться и застыла неподвижно, гордо выпрямившись.

— Отпусти меня, — тихо произнесла она. Я сделал это, и она отступила на шаг. — Падма сказал мне, что ты здесь будешь. Он сказал, что это моя последняя возможность воздействовать на тебя — он это вычислил. Ты помнишь, он рассказывал тебе об онтогенетике.

Мгновение я просто смотрел на нее, а затем рассмеялся резким, неприятным смехом.

— Ну давай, выкладывай! — воскликнул я. — Я готов как можно больше узнать о вас, экзотиканцах. Только не рассказывай мне что они способны заранее вычислить местонахождение любого обитателя всех четырнадцати миров.

— Нет, не каждого! — сердито возразила она. — Твое и еще немногих вроде тебя — потому что ты создатель, а не составная часть плана. Существует еще много внешних воздействий, которые оказывают влияние на план и тем самым привносят многовариантность в конечный результат. Прочитать все эти варианты достаточно трудно. Но ТЫ — не подвластен внешним воздействиям. У тебя есть ВЫБОР, возможность преодолеть давление, оказываемое на тебя

другими людьми и событиями. Падма сказал это тебе еще пять лет назад!

— И это делает меня более предсказуемым, а не наоборот? Давай, послушаем еще одну шуточку.

— О, Тэм! — воскликнула она сердито. — Конечно же, это значительно все упрощает. Для этого даже вряд ли потребуются онтогенетика. Ты и сам можешь все это проделать. Последние пять лет ты много работал, чтобы заполучить членство в Гильдии Журналистов, не так ли? Ты предполагаешь, что это не было очевидным?

Конечно же, она была права. Я не делал секрета из моих амбиций. Не было никакой причины держать их в секрете. И она прочла признание в выражении моего лица.

— Хорошо, — продолжила она. — Итак, ты достиг уровня Подмастерья. Теперь следующее, что явилось бы скорейшим и вернейшим путем для Подмастерья, чтобы заполучить полноправное членство в Гильдии? — Сделать своей привычкой оказываться там, где происходят интереснейшие новости, не так ли? А где сейчас самые интересные — если и не столь важные — новости для четырнадцати миров? Война между Южным и Северным Разделами на Новой Земле. Новости войны всегда драматичны. Так что если возможно, ты должен был устроить так, чтобы тебя послали описывать все происходящее здесь, и похоже, ты в состоянии заполучить все, чего пожелаешь.

Я пристально посмотрел на нее. Все, что она сказала, было правдой и несло в себе смысл. Но если и так, то почему же мне не пришло в голову, что я мог быть столь предсказуем? Это было похоже на то, словно я обнаружил себя под чьим-то наблюдением с помощью мощного бинокля, о чем даже и не подозревал. Затем я кое-что понял.

— Но ты только объяснила, почему я должен был оказаться на Новой Земле, — медленно произнес я. — Но почему я должен был оказаться здесь, именно на этой вечеринке на Фриленде?

— Падма.., — произнесла она и замешкалась. — Падма сказал, что это место и мгновение — локус. И, будучи тем, что ты есть, ты мог это почувствовать и приехать сюда для того, чтобы использовать все это в своих собственных целях.

Я уставился на нее, медленно впитывая сказанное. А затем, словно вспышка пламени, в моем разуме соединилось то что она только что сказала, и то, что я слышал ранее.

— Локус — да! — натянуто произнес я, снова сделав шаг к ней в возбуждении. — Падма сказал, что здесь — локус.

Для Грина — но и для меня тоже! Почему? Что это значит для меня?

— Я... — она запнулась. — Я точно не знаю, Тэм, возможно, Падма этого тоже не знает.

— Но что-то же привело тебя сюда! Разве не так? — Я почти что кричал на нее. Мой разум приближался к правде, словно лиса, настигающая раненого кролика. — Зачем же тогда ты охотилась за мной? Именно в этом месте и мгновении, как ты его назвала! Скажи мне!

— Падма... — она снова запнулась. И вдруг я понял, что она с радостью солгала бы мне, но что-то не позволяло ей сделать этого. — Падма... только недавно обнаружил все, что он знает теперь, потому что теперь стала возможной помощь Энциклопедии. Она предоставила ему дополнительные данные для использования в его вычислениях. И когда он использовал эти данные, результаты оказались более комплексными и сложными. Энциклопедия теперь стала более важна для всей человеческой расы, чем пять лет назад. И опасность того, что Энциклопедия так никогда и не будет закончена, гораздо серьезнее. И твоя собственная способность к уничтожению...

Она замолчала и посмотрела на меня, словно умоляя меня разрешить ей не заканчивать то, что она начала говорить. Но мой разум несея, как бешеная лошадь, а сердце стучало, как копыта, в возбуждении.

— Продолжай! — резко потребовал я.

— Способность к уничтожению в тебе оказалась более значительной, чем он предполагал. Но, Тэм, — она быстро прервала себя, словно в лихорадочной спешке, — есть еще кое-что. Ты помнишь, как пять лет назад Падма думал, что у тебя нет выбора, кроме как пройти через эту твою темную долину до самого ее конца? Что ж, это не совсем так. ЕСТЬ шанс. Он здесь — в этой точке плана, здесь, в этом локусе. Если ты подумаешь и выберешь, то изменишь путь, есть еще узкий путь для тебя из тьмы. Но ты должен развернуться резко и сейчас же! Ты должен отказаться от того, над чем сейчас работаешь, и, несмотря ни на что, вернуться назад на Землю и поговорить с Марком Торри, прямо сейчас!

— Прямо сейчас, — пробормотал я, всего лишь повторив ее слова, просто слушая, как они пробегают в моих мыслях. — Нет, — сказал я, — сейчас это не имеет значения. Так от чего же я предположительно должен отвернуться? От какого потенциального уничтожения? Я ничего такого не планирую — даже сейчас.

— Тэм! — словно издалека, я почувствовал ее руку на своей и разглядел ее бледное лицо и глаза, пристально смотрящие на меня, словно пытающиеся привлечь мое внимание. Но в тот момент мне казалось, что нас разделяет огромное расстояние. Мне не давала покоя мысль, что даже вычисления Падмы подтверждали наличие во мне темной силы, на усовершенствование которой я затратил пять лет. Но чем могли быть вызваны ее опасения, ведь никакого уничтожения не входило в мои планы!

— Но это не значит, что ты что-то такое ПЛАНИРУЕШЬ! — отчаянно говорила Лиза. — Разве ты не понимаешь ружье само никого не планирует застрелить. Но это в тебе, как то ружье, готовое к выстрелу. Только ты должен не позволить ему выстрелить. Ты можешь изменить себя, пока еще есть время. Ты можешь спасти себя и Энциклопедию...

Последнее слово прозвучало во мне, словно колокол, миллионным эхом. Оно прозвенело, словно все эти бесчисленные голоса, которые я услышал пять лет назад в Точке Перехода Индекс-зала самой Энциклопедии. И неожиданно оно достигло меня и прикоснулось ко мне, словно острие копья. Будто сияющий луч света, разрежало оно темные стены, триумфально соорудившиеся по обе стороны моего разума, точно так же, как они возникали в тот день в офисе Марка Торри. Подобно невыразимой иллюминации, на мгновение тьма оказалась разорванной и мне открылась картина: я под дождем, стоящий ко мне лицом Падма и мертвый человек, лежащий меж нами.

Но я резко ушел от этого момента воображения, кинулся в комфортную тьму, и чувство моей силы и мощи вернулось ко мне.

— Мне не нужна Энциклопедия! — громко произнес я.

— Но ты нужен! — вскричала она. — Все, кто рожден на Земле, — и если Падма прав, то все люди будущего на всех четырнадцати мирах — нуждаются в ней. И только ты наверняка можешь сделать так, что они ее получают. Тэм, ты ДОЛЖЕН...

— Должен!

На этот раз я сам сделал шаг от нее, назад. Неожиданно я почувствовал такой же озноб от ярости, какой один лишь раз в жизни сумел вызвать во мне Матиас, но теперь это было смешано с моим ощущением триумфа и могущества.

— Я больше ничего не «ДОЛЖЕН»! Не смешивай меня с

остальными вашими земными червями! Быть может, ИМ и нужна ваша Энциклопедия! Но не мне!

С этими словами я обошел ее, наконец использовав свою физическую силу, чтобы отстранить ее с моего пути. Я слышал, как она еще звала меня, когда спускался по лестнице. Но я не хотел слышать ее. До сих пор я не знаю, какими были ее последние слова. Я ушел с балкона и от нее, пробрался сквозь толпу через зал, к тому же выходу, через который исчез Брайт. Теперь, когда ушел лидер Содружества, не было никакого смысла задерживаться тут. Ощувив новый прилив могущества, я почувствовал, что не в состоянии переносить близость всех этих людей. Большинство из них, почти все, были людьми с младших миров. Мне казалось, что голос Лизы все звенит и звенит в моих ушах, говоря, что мне нужна Энциклопедия, эхом напоминая о горьких уроках Матиаса об относительной бесполезности и неэффективности землян.

И, как я и подозревал, когда я вышел на свежий воздух холодной и безлунной ночи Фриленда, Старейшина Брайт и тот, кто отозвал его с вечеринки, исчезли. Служащий парковочной стоянки сообщил мне, что они уехали.

Теперь не было никакого смысла пытаться разыскать их. Они могли направиться в любое место на этой планете, вплоть до космопорта, чтобы вернуться на Гармонию или Ассоциацию. Я подумал, ну и пусть себе едут, по-прежнему ощущая горький привкус намека на мою врожденную неэффективность как землянина, которую, как мне показалось, я прочел в словах Лизы. Пусть себе едут. Я и один смогу справиться с любыми неприятностями, с которыми Дэйв может столкнуться у людей Содружества в результате того, что его пропуск не подписан одним из их главных лиц.

Я вернулся в космопорт и на первом же челноке отправился на орбиту, а оттуда — на Новую Землю. Но, немного поостыв в пути, я решил, что мне необходимо еще раз попытаться поставить подпись на пропуске Дэйва. В случае, если нам пришлось бы расстаться на поле боя, я должен был быть уверен, что Дэйву не грозит опасность.

После того, как я упустил возможность получить подпись Старейшины Брайта, мне ничего не оставалось, как направиться в военный штаб войск Содружества в Северном Разделе, чтобы попытаться поставить подпись там. И поэтому, как только я очутился на орбите Новой Земли, я взял курс на Контревэйл, город, расположенный в Север-

ном Разделе, позади боевых порядков наемных войск Содружества.

Все это заняло какое-то время. И только после полуночи я добрался из Контревэйла до полевого штаба Сил Северного Раздела. Мое удостоверение журналиста позволило мне оказаться в месте расположения штаба, которое казалось необычно пустым даже для ночного времени. Но когда я наконец притормозил у здания командования, я был удивлен, заметив значительное число аэрокаров, припаркованных на офицерской стоянке.

И снова мой пропуск позволил мне без препятствий пройти мимо молчаливого, одетого во все черное охранника с игло-ружьем наготове. Я вошел в приемную, в которой огромная перегородка занимала почти все пространство и разрезала комнату надвое, а сквозь высокие прозрачные стены позади меня, в свете ночных фонарей, была видна стоянка. Только один человек сидел за столиком по ту сторону перегородки. Это был взводный, на вид чуть старше меня, но лицо его было уже затвердевшим, и на нем проявились линии угрюмой и безжалостной самодисциплины, которые были характерны для многих из этих людей.

Он встал из-за стола и подошел к своей стороне перегородки, в то время как я подошел к своей.

— Я журналист из Межзвездной Службы Новостей, — начал я. — Я ищу...

— Твои бумаги!

Голос его был резок и гнусав. Черные глаза на костлявом лице уставились на меня. Угрюмое удовольствие, равное чуть ли не открытой ненависти, подобно искре, передалось от него ко мне, когда он протянул руку за документами, которые потребовал, — и подобно льву, разбуженному ото сна ревом врага, моя собственная ненависть прыгнула к нему, инстинктивно, даже не позволив мне хладнокровно оценить ситуацию.

Я уже слышал о его племени среди людей Содружества, но до этого момента еще никогда не сталкивался с ним лицом к лицу. Это был один из тех обитателей Гармонии или Ассоциации, которые использовали молитвенную версию языка не только в общении между собой, но совершенно без разбора по отношению ко всем, к мужчинам и женщинам. Он был одним из тех, кто избегал любой личной радости в жизни, будь то мягкость постели или сытость желудка. Его жизнь была всего лишь испытанием, прелюдией к будущей жизни, доступной

лишь тем, кто хранил настоящую веру — и был Избранным Господа.

Для этого человека не имело значения, что он был всего лишь сержантом, маленьким чиновником среди тысяч ему подобных, с бедной, каменистой планеты, а я был одним из нескольких сот на всех четырнадцати населенных мирах, человеком обученным, образованным и имевшим привилегию носить плащ журналиста. Для него не имело значения, что я был Подмастерье Гильдии, который мог свободно говорить с правителями планет. Не имело значения даже то, что он понимал, что я считаю его наполовину сумасшедшим, а он знал, что я — продукт образования и обучения, во много крат превосходящего его собственные знания. Все это ровным счетом ничего не значило, потому что он был одним из Избранных Господа, а я был вне тени его церкви. И поэтому он смотрел на меня, как император смотрел на пса, которого он мог ударом ноги отбросить со своего пути.

И я посмотрел на него. Есть возможность противодействия любому психологическому удару, наносимому намеренно. Кто мог знать это лучше меня? Высокомерие далеко не лучшая человеческая черта. И я знал, как противостоять ей. Я наверняка знал, как обезоружить человека, пытающегося смотреть на тебя свысока. Это противодействие — смех. Никогда еще не было сколь угодно высоко вознесенного трона, который бы нельзя было поколебать смехом снизу. Но теперь, когда я посмотрел на этого взводного, я не мог рассмеяться.

Я не мог рассмеяться по весьма простой причине. Хоть он и был наполовину безумен, узколоб и ограничен, все-таки ОН скорее хладнокровно позволил бы сжечь себя на костре, чем предать хотя бы малейший кусочек своей веры. В то время как Я не смог бы продержат свой палец в пламени спички хотя бы минуту, чтобы удержать величайшие свои воззрения.

И он знал, что я знал правду о нем. И он знал, что я знал его понимание правды обо мне. Наше общее понимание было совершенно четко, как перегородка между нами. И поэтому я не мог рассмеяться над ним и таким образом восстановить самоуважение к себе. И я ненавидел его за это.

Я передал ему свои документы. Он просмотрел их. Затем вернул назад.

— Твои документы в порядке, — произнес он гнусаво. — Что привело тебя сюда?

— Пропуск, — произнес я, убирая свои документы и вы-

уживая документы Дэйва. — Для моего помощника. Видите ли, мы передвигаемся туда и сюда по обе стороны боевых порядков и...

— Позади наших линий и через них не нужен никакой пропуск. Твоих документов журналиста достаточно. — Он повернулся, словно собираясь вернуться за свой столик.

— Но этот мой помощник.., — я удерживал бесстрастие в голосе, — не имеет документов журналиста. Я совсем недавно взял его, и у меня не было времени оформить ему все необходимые документы. Я хотел бы получить временный пропуск, подписанный одним из ваших штабных офицеров здесь...

Он вернулся назад к перегородке.

— Твой помощник не журналист?

— Официально. Нет. Но...

— Тогда он не имеет права свободы передвижения по нашим боевым порядкам. И никакого пропуска ему не может быть выдано.

— О, я не знал, — осторожно ответил я. — Я собирался получить его от вашего Старейшины Брайта на вечеринке на Фриленде, всего лишь несколько часов назад, но он уехал прежде, чем у меня появилась возможность обратиться к нему с этим.

Я замолчал, потому что взводный угрюмо покачал головой.

— БРАТ Брайт, — и по его выбору титула я наконец понял, что его ничем не сдвинуть. Только отъявленнейшие из фанатиков среди людей Содружества насмеялись над наличием рангов среди них. СТАРЕЙШИНА Брайт мог приказать моему взводному атаковать пулеметную точку врага совершенно безоружным, и взводный не замедлил бы исполнить приказ. Но это не означало, что мой взводный считал Брайта лучше себя или мнение брата Брайта об истинности вещей лучше своего собственного.

А причина была очень простой. Ранг Брайта и его титул принадлежали его нынешней жизни и таким образом, в глазах моего взводного, были ничем иным, как игрушкой, мусором, пустым звуком. Они не оказывали никакого влияния на тот факт, что оба они, Брайт и взводный, были равны пред лицом Господа.

— БРАТ Брайт, — произнес он, — не мог выдать пропуск тому, кто может шпионить за нами в пользу наших врагов.

Была еще одна карта для игры, но, как я понимал, это бы-

ла проигрышная карта. Но я все равно должен был попытаться сыграть и ею.

— Если вы не возражаете, — произнес я, — я бы хотел получить ответ от одного из ваших более высокопоставленных офицеров. Пожалуйста, позовите кого-нибудь, скажем, офицера Дня, если нет никого другого.

Но он повернулся и вернулся назад к своему столику и уселся за него.

— Офицер Дня, — произнес он с окончательной безапелляционностью, возвращаясь к бумагам, над которыми работал ранее, — не может дать тебе никакого другого ответа. Да и не буду я отвлекать его от его обязанностей только для того, чтобы он повторил тебе все, только что сказанное мною.

Это был жестокий удар по всем моим планам, но спорить с ним было бесполезно, и, убедившись в этом, я развернулся и покинул здание.

Глава 8

Когда дверь закрылась за мной, я остановился на верхней ступеньке, пытаясь просчитать все возможные варианты. Я рассматривал проблему со всех сторон, пытаясь найти решение. Где-то должен существовать выход к тому, чего я так добивался, лазейка, потайной ход, трещина в стене... Я снова посмотрел на офицерскую стоянку, заполненную аэрокарами.

И вдруг до меня дошло. Совершенно неожиданно осколки соединились и передо мной предстала целостная картина. И мысленно я дал себе пинка за то, что не разглядел этого раньше.

Во-первых, странно знакомая внешность адъютанта, который появился, чтобы увести Брайта с вечеринки в честь Донала Грина. Во-вторых, незамедлительный уход Брайта после появления адъютанта. И, наконец, необычно пустая площадка у штаба, контрастирующая с заполненной стоянкой здесь, пустым офисом внутри и отказом взводного, находящегося в приемной, даже позвать офицера Дня.

Либо сам Брайт, либо его присутствие в зоне боевых действий привели в движение какой-то необычный план военных действий со стороны наемников Содружества. Неожиданный удар, сокрушающий силы кассидиан, и неожиданное окончание войны было бы отличным паблисити для попыток Старейшины как-то возвысить подразделения наемников его Содру-

жества перед лицом общего неудовольствия на всех других мирах из-за их фанатичного поведения и отношения.

Но это не значило, что все уроженцы Содружества были столь неприятны, говорили мне. Но, встретившись с тем взводным, внутри, я теперь легко мог понять, что нужно было немного подобных ему, чтобы вызвать предубеждение против солдат в черных мундирах.

Таким образом, я мог поклясться своими собственными сапогами, что Брайт был сейчас внутри командного поста вместе со всеми его высокопоставленными военачальниками, подготавливая какую-то военную инициативу, чтобы застать рекрутов Кассиды врасплох. И с ним должен был быть адъютант, который вызвал его с вечеринки в честь Донала Грина, — и если только моя профессиональная память на этот раз мне не изменила, я догадывался, кто мог быть этим адъютантом.

Я быстро спустился по ступенькам и подошел к своему аэрокару, залез в него и включил радиофон. Централь Контревэйла неожиданно глянула на меня личиком хорошей молодой блондинки.

Я сообщил ей номер моей машины, которая, конечно же, была взята напрокат.

— Я хотел бы поговорить с Джэймтоном Блэком, — сказал я. — Он офицер сил Содружества. Мне кажется, что он сейчас должен находиться в их штабе около Контревэйла. Я не знаю точно, каков его ранг, — по крайней мере форс-лидер, хотя, может быть, и комендант. Это в некотором роде особая необходимость. Если вы свяжетесь с ним, не могли бы вы соединить его с этим моим радиофоном?

— Да, сэр, — ответила централь. — Пожалуйста, подождите, я соединюсь с вами через минуту.

Экран погас, и голос сменился мягким шумом, что означало: канал открыт, и соединение удержано.

Я откинулся на сиденье аэрокара и стал ждать; менее чем через сорок секунд лицо снова появилось на экране.

— Я связалась с вашим абонентом, и через несколько секунд он соединится с вами. Вы подождете?

— Конечно, — ответил я.

— Благодарю вас, сэр. — Лицо исчезло. Прошло еще примерно полминуты или около того мягкого шума, и затем экран вновь вспыхнул, на этот раз на нем возникло лицо Джэймтона.

— Здравствуйте, форс-лидер Блэк! — сказал я. — Воз-

можно, вы не помните меня. Я журналист Тэм Олин. Вы когда-то знали мою сестру, Эйлин Олин.

Но его глаза уже сказали мне, что он меня помнит. Очевидно, я не настолько изменился, как предполагал сам. Или его память была очень хорошей. Сам он тоже изменился, но не настолько, чтобы его нельзя было узнать. Нашивки на погонах его униформы показывали, что ранг его остался прежним, но лицо стало более мужественным и более спокойным. Это было все то же неподвижное лицо, которое я запомнил в библиотеке своего дяди в тот день. Только оно, конечно же, было старше.

Это был уже далеко не тот мальчишка, каким я видел его в последний раз.

— Что я могу сделать для вас, мистер Олин? — спросил он. Его голос был совершенно спокоен и незмоционален и звучал несколько ниже, чем раньше. — Оператор сообщила мне, что ваш вызов был срочной необходимостью.

— Некоторым образом это так, — произнес я и сделал паузу. — Я бы не хотел отрывать вас от чего-то важного, но я сейчас нахожусь здесь, в вашем штабе, у офицерской стоянки, прямо напротив командного центра. Если вы не слишком далеко отсюда, быть может, вы могли бы выйти ненадолго и переговорить со мной. — Я снова помедлил. — Конечно, если вы сейчас при исполнении служебных обязанностей...

— Мои обязанности в данный момент позволят мне уделить вам несколько минут, — ответил он. — Вы находитесь на стоянке у командного центра?

— В наемном зеленом аэрокаре с прозрачным верхом.

— Я сейчас спущусь, мистер Олин.

Экран погас.

Я подождал. Через пару минут та же самая дверь, через которую я входил в командный центр, чтобы переговорить со взводным за перегородкой, распахнулась. Темная худощавая фигура возникла в ее просвете. Затем она спустилась по ступенькам вниз и направилась к стоянке.

Я открыл дверь аэрокара, когда он приблизился, и отодвинулся на сиденьи, так, чтобы он смог влезть и расположиться рядом со мной.

— Мистер Олин? — спросил он, просовывая голову внутрь машины.

— Именно так. Присоединяйтесь.

— Благодарю вас.

Он влез в машину и сел, оставив дверь позади себя приоткрытой. Это была необыкновенно теплая весенняя ночь для

этого времени года и широты на Новой Земле. Мягкий запах деревьев и трав достигал моего лица через приоткрытую дверь.

— Что это за срочная необходимость? — спросил он.

— У меня есть помощник, для которого мне нужен пропуск. — Я рассказал ему все, опустив тот факт, что Дэйв был мужем Эйлин.

Когда я закончил, он некоторое время сидел молча. Я видел лишь темный силуэт на фоне фонарей, освещавших стоянку и командный центр.

— Если ваш помощник не является журналистом, мистер Олин, — наконец тихо произнес он, — то я не вижу, чем мы сможем подтвердить его пребывание и перемещение в наших боевых порядках.

— Он является журналистом — по крайней мере, на эту кампанию, — ответил я. — Я отвечаю за него, как и Гильдия отвечает за меня и за любого другого журналиста. Наша непредвзятость гарантирована межзвездным соглашением. И это соглашение распространяется также и на моего помощника.

Он медленно покачал головой в темноте.

— Вам будет легко отвергнуть его, если он окажется шпионом. Вы сможете сказать, что он был насильно предложен вам в качестве помощника.

Я повернул голову, чтобы пристальнее всмотреться в его почти невидимые во тьме черты. Я подвел его к этому моменту нашей беседы специально, чтобы он заговорил об этом.

— Нет, мистер Блэк, это невозможно, — произнес я. — Потому что он не был мне навязан. И мне пришлось затратить немало усилий, чтобы найти его. Он мой шурин. Он тот парень, за которого Эйлин в конце концов вышла замуж. И используя его в качестве своего помощника, я убираю его с передовых позиций, где скорее всего он будет убит.

Я помолчал мгновение, чтобы это дошло до него.

— Я пытаюсь спасти его жизнь для Эйлин, и я прошу вас помочь мне сделать это.

Он не сдвинулся с места и ничего не ответил мне в тот момент. Во тьме я не мог заметить, изменилось ли выражение его лица. Но я не думаю, что можно было бы заметить какие-то перемены, даже если бы было светло, потому что он был продуктом своей спартанской культуры, хотя я сейчас и нанес ему тяжелый, двойной удар.

Как видите, именно так я управлял мужчинами и женщинами. Где-то глубоко в каждом из нас таятся скрытые от посторонних глаз чувства, слишком серьезные, чтобы их под-

вергать сомнению. Вера, любовь, ненависть или страх, вина, надежда или отчаяние — вот вещи, которые я безошибочно использовал для достижения своих целей, ибо таким аргументам человеческая психика не способна противостоять.

В случае же с Джэймтоном Блэком я связал свою просьбу с чувством, которое он когда-то питал к Эйлин. И это чувство в любом гордом человеке (а гордость была в самом мозге костей религии этих людей) требовало от него быть выше сожалений по поводу давно минувшего и, насколько он понимал, честного поражения.

Отказать в пропуске Дэйву теперь, когда я все рассказал, было равносильно тому, чтобы послать Дэйва на верную гибель, и кто бы мог доказать, что это сделано не намеренно, теперь, когда я затронул святая святых Джэймтона, его гордость и боль по утраченной любви?

Наконец он пошевелился на своем сиденьи.

— Дайте мне документы, мистер Олин, — произнес он. — Я посмотрю, что можно сделать.

Я передал их ему, и он оставил меня.

Через пару минут он вернулся. На этот раз он не влез в аэрокар, а наклонился к раскрытой двери и передал мне документы, которые я ему давал.

— Вы не сказали мне, — произнес он тихим голосом, — что вы уже запрашивали разрешение на пропуск и вам было отказано.

Я замер, уставившись на него снизу вверх, рука моя застыла в воздухе, сжимая документы.

— Кто? Этот взводный там, внутри? — спросил я. — Да он всего лишь сержант, а не офицер. А вы не только офицер, но еще и адъютант.

— Тем не менее, — произнес он, — был дан отказ. Я не могу изменить уже принятое решение. Мне очень жаль. Пропуск для вашего шурина невозможен.

И только тогда я понял, что документы, отданные им мне, были не подписаны. Я уставился на них, словно я мог читать в темноте и усилием воли мог заставить подпись появиться на том пустом месте, где она должна была стоять. А затем во мне вскипела такая ярость, что я почти потерял над собой контроль. Я оторвал свой взгляд от документов и пристально посмотрел через открытую дверь на Джэймтона Блэка.

— Так значит, таким образом вы пытаетесь выкрутиться из этого положения! — воскликнул я. — Вот, значит, как вы нашли себе извинение за то, что посылаете мужа Эйлин на

смерть! И не думайте, что я вас не вижу насквозь, Блэк, — я вижу!

Он стоял спиной к свету, и лицо его было скрыто темнотой, поэтому я так и не смог разглядеть, изменилось ли выражение его лица. Но он издал что-то похожее на легкий вздох, едва уловимое грустное придыхание. Затем он ответил тем же ровным, тихим голосом.

— Вы видите всего лишь человека, мистер Олин, — произнес он. — А не Сосуд Господа. А теперь я должен вернуться к своим обязанностям. Доброго утра.

С этими словами он захлопнул дверь аэрокара, повернулся и пошел прочь от меня через стоянку. Я сидел неподвижно, уставившись ему вслед, и все во мне бурлило от той молитвенной строки, которую он, уходя, бросил мне. Затем я очнулся и понял, что надо что-то делать. В этот момент дверь командного центра открылась, осветив на мгновение фигуру Блэка, а затем опять стало темно. Я рывком включил мотор аэрокара, развернул его и направился прочь из военной зоны.

В момент, когда я проезжал через ворота, шла смена часовых на посту, было три часа ночи. И смененные часовые сгрудились в темную группу, по-прежнему при оружии, и начали какой-то ритуал своего особого поклонения.

Когда я проезжал мимо них, они начали петь — скорее всего, это был один из их гимнов. Я не вслушивался в слова, но первые три из них застряли у меня в ушах против моей воли. «СОЛДАТ, НЕ СПРАШИВАЙ...» были эти три первых слова того, что, как я позже узнал, было их особым боевым гимном, исполнявшимся либо во время особого единения, либо накануне боя.

«СОЛДАТ, НЕ СПРАШИВАЙ...» Эти слова продолжали звучать у меня в ушах, как мне показалось, с насмешкой, когда я уезжал отсюда и в моем кармане лежал неподписанный пропуск Дэйва. И опять во мне поднялась ярость. И еще раз я поклялся, что Дэйву не понадобится никакой пропуск. Я не отпущу его от себя ни на одну секунду в течение следующих дней среди боевых порядков. И в моем присутствии он найдет защиту и совершенную безопасность.

Глава 9

Было шесть тридцать утра, когда я вышел из лифта, ведущего из порта, и добрался до вестибюля моего отеля в Блау-вэйне. Нервы мои были напряжены, а во рту и глазах было ощущение, словно в них насыпали песку, потому что я не

спал уже двадцать четыре часа. Предстоящий день предполагался весьма напряженным, так что я скорее всего не мог рассчитывать на двадцатичетырехчасовой отдых. Но работа без сна в течение двух-трех дней — постоянная опасность в работе журналиста. Стоит тебе только за что-то ухватиться, когда ситуация может разрешиться лишь с секундным упреждением, и тебе лишь остается непрерывно следить за ней, поджидая момента, когда это случится.

Я был достаточно бодр. И если бы дело дошло до острой необходимости, я всегда мог воспользоваться медпрепаратами. Но тем не менее, случилось так, что на рабочем столе я нашел то, что мгновенно вышибло желание отоспаться из моей головы.

Это было письмо от Эйлин. Я взял его и вскрыл.

Дорогой мой Тэм!

Твое письмо о том, что ты планируешь забрать Дэйва из боевых порядков и держать его при себе как помощника, только пришло сюда. Я так счастлива, что даже не могу передать тебе, что я чувствую. Мне никогда не могло прийти в голову, что, будучи всего только Подмастерьем Гильдии Журналистов, ты мог бы сделать для нас что-нибудь подобное.

Чем я могу тебя отблагодарить? И можешь ли ты простить меня за то, как я вела себя, не писала и даже не волновалась за то, что происходило с тобой все эти последние пять лет? Пожалуй, я была не такой уж хорошей сестрой для тебя. Но это потому, что я знала, насколько безнадежной и бесполезной я была. Еще с того времени, когда я была маленькой девочкой, я чувствовала, что ты стыдился и просто терпел меня.

И когда в тот день в библиотеке ты объяснил мне, что у меня ничего путного не выйдет из замужества с Джэймтоном Блэком, — я поняла, что ты прав, но я не могла не ненавидеть тебя за это. Тогда мне казалось, что ты ГОРДИЛСЯ тем фактом, что смог остановить меня от ухода с Джэми.

Но как я ошиблась, и то, что ты сейчас делаешь для Дэйва, ясно доказывает это. Мне очень горько за то, что я так поступила. Ты был единственный, кто остался у меня и кого я могла любить после смерти мамы и папочки, и я действительно любила тебя, Тэм. Но, к сожалению, казалось, что ты этого хотел не больше, чем дядя Матиас.

Так или иначе, теперь все изменилось, с тех пор, как я

встретила Дэйва и он женился на мне. Когда-нибудь ты должен приехать на Кассиду, в Албан, и посмотреть на нашу квартиру. Нам здорово повезло, что удалось получить такую большую. Это первый мой собственный дом, и я думаю, ты даже удивишься, насколько хорошо мы его обставили. Дэйв все тебе об этом расскажет, если ты его расспросишь. А знаешь, он ведь хотел сообщить тебе о нашей свадьбе, несмотря на то, что я испытывала по отношению к тебе. Но я не захотела этого. Только теперь я понимаю, насколько он был прав. Он всегда прав, в то время как я почти всегда ошибаюсь — ты знаешь это лучше меня, Тэм.

Но благодарю тебя, еще раз благодарю тебя за то, что ты делаешь для Дэйва. Моя любовь пребывает с вами обоими. Передай Дэйву, что я ему тоже написала письмо. Но думаю, что он получит его несколько позже.

*Со всей моей любовью,
Эйлин*

Я убрал письмо и конверт в карман и поднялся в свою комнату. Я намеревался показать письмо Дэйву, но меня несколько смутило то, насколько полно была выражена в нем ее благодарность и как она обвиняла себя в том, что не была хорошей сестрой. Ведь и я не был таким уж заботливым братом. И то, что я сейчас делал для Дэйва, быть может, и выглядело для нее чем-то большим, чем это было на самом деле. Едва ли это было что-то намного большее, чем я бы мог сделать для совершенно чужого мне человека, скажем, возвращая ему услугу за услугу.

На самом деле она заставила меня почувствовать себя несколько пристыженным тем, что она написала мне. Быть может, после всего этого мы смогли бы жить как нормальные люди. То, как она и Дэйв относились друг к другу, означало, что, без сомнения, весьма скоро у меня появятся либо племянники, либо племянницы. Кто знает — ведь я мог бы тоже в конце концов жениться (неожиданно мысль о Лизе всплыла у меня в памяти), и у меня могли бы появиться дети. В конце концов, может статься так, что наши семейные отношения распространятся на добрых полдюжины миров, как это теперь происходит со многими семейными группами.

ТАКИМ ОБРАЗОМ Я ОТВЕРГНУ МАТИАСА! — подумал я. — И ПАДМУ ТОЖЕ.

Я шел, мечтая, находясь в приятном расположении духа

пока не достиг двери моего номера в отеле и не вспомнил о том, стоит ли показывать письмо Дэйву. Лучше пусть подождет и прочтет свое письмо, которое, как написала Эйлин, уже находилось в пути, решил я и, открыв дверь вошел внутрь.

Он уже встал и был одет. Он улыбнулся, увидев меня. И это на секунду меня удивило, пока до меня не дошло, что, должно быть, я вошел с улыбкой на лице.

— Я получил весточку от Эйлин, — сказал я. — Небольшая записка. Он сообщает, что письмо для тебя уже в пути, но день-два может уйти на то, чтобы оно достигло тебя, будучи отправлено из твоего армейского подразделения.

При этих словах он просто расцвел. Затем мы направились вниз, позавтракать. Еда помогла мне окончательно проснуться. И как только мы закончили, мы тут же отправились в путь, в полевой штаб кассидианских и местных войсковых частей. Дэйв нес с собой мою записывающую и прочую аппаратуру. В действительности вся она почти ничего не весила. Частенько я сам таскал ее на себе, едва ли замечая это. Но теоретически то, что он теперь заботился о ней, позволяло мне сосредоточиться на более важных проблемах репортажа.

В штабе мне пообещали предоставить один из военных аэрокаров, одну из этих маленьких двухместных разведывательных машин. Когда же мы добрались до транспортного парка, то обнаружили, что находимся в очереди за полевым командующим, который ждал, пока его машина дооснащается спецоснасткой. Моим первым импульсом было тут же из принципа выразить свое возмущение по поводу того, что меня заставляют ждать. Второй моей мыслью было не делать этого. Потому что это был не обычный полевой командующий.

Это был высокий худощавый человек с черными, слегка причесанными и завивающимися волосами над лицом с крупными чертами, но открытым и улыбчивым. Я уже упоминал прежде, что для человека, рожденного на Земле, я был достаточно высокого роста. Этот же полевой командующий был высок даже для дорсайца, которым он, конечно же, и был. В дополнение ко всему он нес в себе качество, для которого не было названия, но которое является прирожденным для его народа. Что-то сверх просто силы, бесстрашия или храбрости. Что-то почти совершенно противоположное этим неотъемлемым качествам.

Быть может, это в чем-то сродни хладнокровию. Что-то вне пределов времени, быть может, вне самой жизни. С тех пор я не раз бывал на планете дорсайцев, и я замечал это как

в подрастающих юношах, так и в некоторых из детей. Этих людей можно убить — все, кто рождены женщинами, смертны, — но неотъемлемой частью их существа, словно цвет, является тот неоспоримый факт, что, вместе или по отдельности, они не могут быть завоеваны. Просто потому, что это — невозможно.

Но этот мой полевой командующий имел в себе от рождения, помимо прекрасного военного ума и тренированного тела, еще нечто странное, что, казалось бы, совсем не присуще характеру дорсайцев.

Это было странное, мощное, солнечное тепло, которое исходило от него и передавалось даже мне, стоящему в нескольких ярдах от него в окружении группы офицеров и персонала, подобно подрастающим вязам, укрывающихся от ветра под дубом. Радость жизни, казалось, была фонтаном в этом дорсайском офицере, настолько ярко, что она вызывала прилив подобного радостного чувства у тех, кто был рядом. Даже у меня, стоявшего в стороне и, как мне кажется, не слишком подвластного подобному воздействию.

Но, быть может, письмо Эйлин в дополнение ко всему сделало меня столь уязвимым этим утром. Могло быть и так.

Была и еще одна вещь, которую мой профессиональный взгляд сразу же заметил. И которая не имела никакого отношения к качествам характера. Это был тот факт что его униформа имела оттенок голубого и была свободного покроя, что идентифицировало его принадлежность не к кассидианским, а к военным силам Экзотики. Экзотиканские миры, богатые и могущественные, философски исповедующие запрет на жестокости для своих индивидуумов, нанимали самых лучших наемников, которые существовали среди звезд. И, конечно, это означало, что основную часть этих подразделений или, по крайней мере, офицеров составляли дорсайцы. Так что же здесь делал дорсайский полевой командир с торопливо нацепленной на плечо нашивкой вооруженных формирований Новой Земли, окруженный штабными офицерами Новой Земли и Кассиды?

И если он только что прибыл к потрепанным вооруженным силам Южного Раздела Новой Земли, то воистину это было счастливое совпадение, что он оказался тут буквально наутро после той ночи, когда, как мне посчастливилось узнать что-то лихорадочно затевалось в полевом штабе Содружества в Контревайле.

Но было ли это совпадением? Трудно было поверить в то, что кассидиане разузнали о тактическом совещании сил Со-

дружества. Кадровая служба разведывательных подразделений Новой Земли, укомплектованная офицерами вроде коменданта Фрэйна, была слаба в том, что касалось разведки. К тому же неотъемлемой частью Кодекса Наемников являлось и то, что нанимаемые солдаты-профессионалы любого из миров не имели права принимать участия в любых разведывательных миссиях, не будучи одетыми в свою униформу. Но так или иначе, совпадение было слишком простым ответом.

— Оставайся здесь, — приказал я Дэйву.

А сам направился вперед, пробираясь через толпу штабных офицеров вокруг необычного дорсайского полевого командующего, чтобы попытаться разузнать что-либо из его уст. Но в это момент подъехала его командирская машина, он сел в нее и уехал прежде, чем я успел до него добраться. Я заметил, что он направился в направлении южных боевых порядков.

Офицеры, которых он оставил, начали расходиться. Я не стал смотреть, как они уходят, а вместо этого приготовил свои вопросы для призванного на воинскую службу запасника с Новой Земли, который доставил мне мой аэрокар. Скорее всего, он мог знать почти столько же, сколько и все эти офицеры, и наверняка мог быть достаточно не осторожен, чтобы рассказать мне все. Как я узнал, полевой командующий в действительности был предоставлен вооруженным силам Южного Раздела всего лишь накануне, по приказу Связующего с Экзотики по имени то ли Памда, то ли Падма. Странно, но этот офицер с Экзотики был родственником того самого Донала Грина, на вечеринке в честь которого я присутствовал. Хотя, насколько я знал, Донал был на службе у Фриленда, а не у Экзотики, и находился под командованием Хендрика Галта.

— Кейси Грин, вот как зовут этого офицера, — рассказывал запасник, работавший в Транспортном парке. — И у него есть близнец, знаете? Кстати, а вы знаете, как управлять такой машиной?

— Да, — ответил я. Я уже сидел за управляющим рычагом, и Дэйв разместился на сиденьи рядом со мной. Я прикоснулся к клавише подъема, и мы поднялись на высоту восьми дюймов на воздушной подушке. — А его брат тоже здесь?

— Нет, по-прежнему на Культисе, я думаю, — ответил запасник. — Он настолько же угрюм, насколько весел этот, как я слышал. На двоих у них приходится двойная доза той или иной черты характера. А кроме этого, говорят, их совершенно невозможно отличить: тот, второй — тоже полевой командующий.

— А как зовут того? — спросил я, положив руку на рычаг управления и готовясь стартовать.

Он нахмурился, подумал с минуту и покачал головой.

— Не могу вспомнить, — ответил он. — Что-то короткое — Йан, я думаю.

— И все же — спасибо, — произнес я, и мы взлетели. Я испытывал определенный соблазн направиться в ту же южную сторону, куда улетел Кейси Грин. Но я разработал свои планы еще вечером, когда возвращался прошлой ночью из боевого штаба войск Содружества. А когда вы недоспали, то это плохая манера — изменять свои планы без сильных на то оснований. Очень часто затуманенности сознания, наступающей в результате недосыпания, вполне достаточно для того, чтобы забыть какую-то важную причину, по которой вы просчитывали начальный план. Ту самую важную причину, которую позже — когда будет уже совершенно поздно — вы вспомните лишь для того, чтобы сожалеть.

Так что я сделал своим принципом не изменять планы, поддаваясь влиянию момента, если только я не уверен, что мой разум находится в превосходном работоспособном состоянии. Это принцип, который гораздо чаще приносит пользу, чем вред. Хотя, конечно, ни один принцип не является безупречным.

Мы поднялись на аэрокаре на высоту примерно шестисот футов и направились на север над боевыми позициями кассидианских сил, на корпусе машины были нанесены цвета Службы Новостей, и кроме того, постоянный сигнал нейтралитета издавал предупреждающий маячок. Флаг и маячок, как я считал, давали нам возможность находиться на этой высоте в безопасности до тех пор, пока не начнется настоящая стрельба. Как только начнутся настоящие боевые действия, нам будет разумнее тут же направиться в наземное укрытие, подобно подраненной птице.

Тем временем, пока это еще было безопасно, я решил с воздуха проверить боевые позиции сперва в северном направлении (где они уступом выходили к полевому штабу сил Содружества и к Контревэйлу), а затем — в южном и посмотреть, не смогу ли я догадаться о том, что именно Брайт или его черномундирные офицеры могли придумать в качестве плана.

Между двумя вражескими лагерями Контревэйла и Блаувэйна пролежала почти прямая линия, с юга на север. Существующая линия фронта находилась под углом к этой воображаемой линии юг-север, северной своей частью подходя к Контревэйлу и штабу Содружества, в то время как ее южное

окончание почти касалось пригородов Блаувэйна, городка с примерно шестидесятитысячным населением.

Так что в целом линия фронта была гораздо ближе к Блаувэйну, чем к Контревэйлу — что ставило кассидиано-новоземельные силы в плохое тактическое положение. Они не могли отступить на своем южном фланге и таким образом войти в городскую черту, сохранив тем самым возможность иметь прямую линию фронта и соответственно связь необходимую для эффективной обороны. Настолько войска Содружества уже оттеснили их в плохое тактическое положение.

Но с другой стороны, угол линии фронта был достаточно острым, так что большая часть подразделений Содружества в южном направлении находилась как бы внутри северного конца боевых порядков кассидианских сил. Если бы туда было придано больше войсковых резервов и более рисковое командование, я думаю, определенные вылазки на северном участке боевых порядков кассидиан могли бы нарушить связь между южной и северной частями боевых порядков Содружества — и их полевым штабом, там, у Контревэйла.

По крайней мере, это могло бы иметь то преимущество, что внесло бы замешательство в подразделения Содружества, из которого настойчивый кассидианский офицер мог бы извлечь какой-нибудь капитал.

Тем не менее, они не показали никакого намерения сделать что-либо подобное. Но теперь, с дорсайским, полевым командиром, что-то в этом роде могло все же быть испытано кассидианами — если для этого все еще были время и люди. Но мне казалось, что едва ли войска Содружества, просидевшие всю ночь, будут сидеть сегодня смирно и ждать, пока кассидиане предпримут попытки перерезать вражеские коммуникации.

Самым большим вопросом было для меня, что именно у Содружества на уме? Я смог разглядеть то, что сейчас упомянул как возможную тактику для кассидиан. Но я не мог себе представить каким образом стратеги Содружества планировали использовать преимущество данной позиции и тактической ситуации.

Южное окончание линии в пригородах Блаувэйна большей частью представляло собой открытую местность, где находились фермерские посевы кукурузы, луга для скота на невысоких, покрытых травой холмах. К северу также были холмы, но покрытые лесистыми участками, рощицами высоких желтых берез, которые нашли для себя прекрасный, хотя и чуждый дом на этих влажных, подмороженных холмах Юж-

ного Раздела, здесь, на Новой Земле, так что они достигали в высоту почти что двукратных размеров по сравнению с их родичами на Земле — почти две сотни футов, — и настолько близко были расположены их кроны, что никакого травяного покрова не могло существовать под ними, кроме урожденного на этой планете мохоподобного покрытия. Соответственно, это создавало в тени их ветвей что-то вроде страны Робин Гуда, и большие, облезлые, серебряно-золотистые и серые, четырех-шестифутовые стволы тянулись прямо вверх, подобно колоннам, в сумрак тьмы листьев и крон, сквозь которые прорывались лишь слабые лучики солнца.

И только тогда, глядя на них и представляя, каково было бы под кронами этих деревьев, я вдруг сообразил, что любое количество войск могло передвигаться под их прикрытием, и я — здесь наверху, в аэрокаре — не мог бы заметить ни одной каски или ружья. Короче, силы Содружества могли подготавливать крупное наступление под прикрытием деревьев подомной, и я бы даже не заподозрил об этом.

Эта мысль нескоро пришла мне в голову, и в этом я обвинил недостаток сна, что сказалось на остроте восприятия, помешавшей мне заподозрить что-либо подобное. Я круто развернул аэрокар на краю одной из рощиц, где был расположен укрепленный пост кассидиан с кольцевым дулом звукового орудия, выглядывавшего из него, и приземлился. Здесь, на открытой местности, было слишком много солнца для родного этой планете мохоподобного покрытия, но родная же трава этого мира была повсюду и ростом доходила до колен. Она медленно колыбалась под порывами легкого ветерка и играла волнами, словно поверхность озера.

Я вылез из машины и прошел через кустарник, маскирующий позицию орудия. День уже становился жарким.

— Есть какие-либо признаки передвижения Содружества там, в этих лесочках? — спросил я старшего взводного, командовавшего позицией.

— Нет, ничего, насколько нам известно, — ответил он. Это был худощавый, собранный молодой парень, немного облысевший раньше времени. Его униформа была расстегнута у шеи. — Патрули там.

— Гм-м, — произнес я. — Что ж, я попробую пролететь еще немного вперед. Спасибо.

Я вернулся к аэрокару, и мы снова взлетели. На этот раз всего лишь футов на шесть над землей и направились прямо в лес. Здесь было гораздо прохладнее. Одна рошица сменялась другой, а та в свою очередь третьей. В третьей рошице нас ок-

ликнули, и мы обнаружили, что наткнулись на патруль каскидиан. Солдаты лежали на земле и прикрывали нас. И я не смог заметить ни одного человека, пока чуть ли не у самой машины с земли не поднялся широколицый форс-лидер с игловинтовкой в руках и опущенным визиром шлема.

— Какого черта вы тут делаете? — спросил он, поднимая свой визир.

— Я журналист. У меня есть разрешение передвижения по боевым порядкам. Хотите посмотреть?

— Вы сами знаете, что можете сделать с этими вашими разрешениями, — ответил он. — И если бы это было в моей власти, то мы бы это сделали. Ваше пребывание здесь не означает что все происходящее сейчас здесь — нечто вроде чертова воскресного пикника. У нас и так достаточно трудностей в поддержании наших людей, а тут еще шляются подобные вам.

— Почему? — невинно спросил я. — У вас помимо этого есть какие-то неприятности? Какие именно?

— Мы с самого утра не видели ни одной черной каски, вот какие неприятности! — воскликнул он. — Их передовые оружейные позиции пусты — а вчера они были заняты, вот какие неприятности. Воткните антенну в почву и послушайте хотя пять секунд, и можете услышать шум множества тяжелых машин, передвигающихся всего лишь в пятнадцати-двадцати километрах отсюда. Вот в чем неприятности! А теперь, друг мой, почему бы вам не вернуться назад в тыл, так, чтобы нам не надо было беспокоиться еще и о вас, помимо всего прочего?

— А в каком направлении вы слышали передвижение бронетехники?

Он показал вперед, вглубь территории, занятой силами Содружества.

— Как раз туда мы и направляемся, — произнес я и, откинувшись на сиденье аэрокара, приготовился закрыть колпак.

— Подождите! — Его восклицание остановило меня прежде, чем я захлопнул колпак. — Если вы намерены двинуться дальше, навстречу врагу, я не могу вас остановить. Но я обязан предупредить вас, что вы направляетесь туда полностью под вашу ответственность. Там впереди — ничейная земля, и ваши шансы наткнуться на автоматическое оружие весьма велики.

— Конечно, конечно. Считайте, что вы нас предупредили. — Я со стуком захлопнул колпак над головой. Наверное, меня делал раздражительным недостаток сна, но тогда мне казалось, что он слишком уж налегал на нас без всякой необ-

ходимости. Я видел его лицо, угрюмо смотревшее на нас, когда завел машину и поехал прочь.

Возможно, я был неправ по отношению к нему. Мы проскочили между деревьями, и спустя несколько секунд он исчез из виду позади нас. Мы продолжали двигаться вперед через лес и небольшие разрывы в нем по удобно расстилающейся местности примерно еще с полчаса, ни с чем так и не столкнувшись. Я предполагал, что мы могли находиться никак не больше чем в двух-трех километрах от того места, откуда, как предполагал форс-лидер, шел грохот от передвижения бронетехники Содружества. И в этот момент произошло нечто неожиданное.

Послышался короткий звук, за которым последовал удар, словно швырнувший мне в лицо приборную панель и ввергнувший меня в беспмятство.

Я моргнул и открыл глаза. Дэйв расстегнул свой ремень безопасности и теперь с озабоченным лицом склонился над мной, развязывая мой.

— Что такое? — пробормотал я. Но он, не обратив внимания на мои слова, высвободил меня и начал вытаскивать из аэрокара.

Он хотел положить меня на мох. Но к тому времени, как мы выбрались из аэрокара, мое сознание прояснилось. Я подумал, что, должно быть, я скорее оглушен, чем потерял сознание. Но когда я повернулся, чтобы посмотреть на аэрокар, я понял, что это не самое худшее, что могло бы произойти.

Мы наткнулись на вибрационную мину. Конечно же, аэрокар, предназначенный для использования на поле боя, был снабжен сенсорными датчиками, торчащими из него под разными углами. И один из них взорвал мину, когда мы находились на расстоянии в дюжину футов от нее. Но все равно аэрокар теперь представлял собой мешанину лома, да и приборная панель была хорошенько побита моей головой. Настолько, что было просто удивительно, как это я ничего не порезал себе на лбу, хотя там уже и вскочила шишка внушительных размеров.

— Со мной все в порядке — все в порядке! — раздраженно сказал я Дэйву. И затем в течение нескольких минут я ругал на чем свет стоит аэрокар, просто чтобы излить свои чувства.

— Что мы теперь будем делать? — спросил меня Дэйв, когда я закончил.

— Направимся пешком к боевым порядкам Содружества. Они ближе всего к нам! — прорычал я. Предупреждение форс-

лидера тут же вспомнилось мне, и я снова выругался. А затем, просто потому, что мне надо было выместить свое раздражение на ком-то, я накинулся на Дэйва.

— Надеюсь, ты не забыл, что мы здесь для того, чтобы написать репортаж?

Я развернулся и заковылял в направлении, куда мы направлялись на аэрокаре. Возможно, поблизости находились и другие вибромины, но передвигаясь пешком, я не обладал ни массой, ни достаточной силой сотрясения, чтобы привести их в действие. Спустя какое-то мгновение Дэйв нагнал меня, и мы молча пошли дальше по мохоподобной подстилке, между огромными стволами деревьев, пока, оглянувшись, я не заметил, что аэрокар скрылся из виду.

И только тогда, когда было уже слишком поздно, до меня вдруг дошло, что я позабыл сверить свой наручный указатель направления с индикатором направления в аэрокаре. Теперь я посмотрел на свой наручный указатель. Похоже, он указывал на позиции Содружества, которые должны были находиться прямо впереди. Если у него сохранилась корреляция с индикатором в аэрокаре — тогда все в порядке. Если же нет — среди этих огромных стволов, подобных колоннам, на этом мягком, бесконечном ковре мха, любое из направлений было похоже друг на друга. Возвращение назад к аэрокару и его поиски с целью провести сверку с его указателем привели бы к тому, что мы бы заблудились.

Что ж, ничего иного теперь не оставалось. Самым важным теперь было сохранить продвижение вперед по прямой линии сквозь эту дымку и тишину леса. Я настроил указатель на нашу нынешнюю линию маршрута и надеялся на лучшее. Мы продолжали тащиться вперед, к тому, что, как я надеялся, было боевыми порядками Содружества — где бы они ни находились.

Глава 10

Я достаточно рассмотрел с аэрокара, чтобы быть полностью уверенным в том, что если передвижения каких-либо сил и происходили, все это было хорошо скрыто от посторонних глаз. Мы передвигались от дерева к дереву, от одной рощицы к другой.

Направляться прямо к месту расположения патруля, которое указал нам форс-лидер, было невозможно, и поэтому мы передвигались зигзагами, насколько это позволял древесный покров. Пешком все это было очень медленно.

К полудню, обессиленный, я присел рядом с Дэйвом, и мы съели холодный завтрак, который прихватили с собой. К этому времени мы так никого и не увидели после той встречи с кассидианским патрулем. Ничего не слышали и ничего не обнаружили. Мы продвинулись от той точки, где оставили аэрокар, примерно на три километра, но из-за расположения рощиц мы еще и отклонились на юг примерно на пять километров.

— А может быть они, ушли домой — я имею в виду наемников Содружества, — предположил Дэйв.

Он попытался пошутить, и усмешка была на его лице, когда я вскинул глаза, оторвавшись от сэндвича. Я тоже в ответ постарался изобразить улыбку — по крайней мере, это я ему был должен. Все дело было в том, что неожиданно он оказался очень хорошим помощником, держащим рот на замке и избегавшим высказывать предположения, которые могли родиться от незнания не только принципов ведения боевых действий, но и того, что касалось журналистской работы.

— Нет, — ответил я, — что-то затевается — но я был идиотом, что позволил себе оставить аэрокар. Мы просто не сможем пройти всю эту территорию пешком. Наемники Содружества по какой-то причине отступили, по крайней мере, на этом краю фронта. Возможно, это было сделано, чтобы привлечь кассидианские подразделения вслед за собой. Таково мое предположение. Но почему же до сих пор мы не увидели контратакующих черномундирников...

— Послушайте! — воскликнул Дэйв.

Он повернул голову и жестом поднятой руки остановил меня. Я замолчал и прислушался. И точно, на небольшом расстоянии от нас, я расслышал «у м п ф», приглушенный звук, словно энергичная домохозяйка вытряхивала свой ковер.

— Звуковики! — воскликнул я, вскакивая на ноги и оставив лежать на земле остатки нашего пикника. — Клянусь Господом, наконец-то они начинают предпринимать какие-то действия! Давай посмотрим. — Я повернулся, пытаюсь уловить направление, откуда раздался шум. Это раздалось примерно в нескольких сотнях метров в том направлении и чуток вправо... — Я так и не закончил фразу. Неожиданно Дэйв и я очутились внутри, в самой сердцевине грозового раската. Очнувшись, я обнаружил, что лежу на мху, не помня, как я там очутился. А в пяти футах от меня, распростершись, лежал Дэйв. А менее чем в сорока футах от нас располагалась пустая поляна развороченной земли, окруженная деревьями, которые, казалось, взорвались от внутреннего давления и выста-

вили напоказ белую развороченную древесину внутренних стоек.

— Дэйв! — я подполз к нему и перевернул его. Он дышал и, пока я осматривал его, открыл глаза. Глаза его были налиты кровью, и из носа тоже текла кровь. При виде его крови я почувствовал мокроту у себя на верхней губе и, облизав, почувствовал знакомый солоноватый привкус. Подняв руку к носу, я почувствовал, что у меня тоже идет кровь.

Я утерся одной рукой. Другой же я поднял Дэйва на ноги.

— Заградительный огонь! — воскликнул я. — Идем, Дэйв! Нам нужно отсюда убираться.

И в первый раз возможная реакция Эйлин, если мне не удастся доставить его к ней домой в целости и сохранности, живо встала у меня перед глазами. Я был уверен в защите, которую могли обеспечить Дэйву мои опытные ум и язык между боевых порядков. Но не мог же я спорить с акустическими орудиями, стрелявшими с расстояния в пять или пятьдесят километров.

Дэйв поднялся на ноги. Он оказался ближе к «разрыву» звуковой капсулы, чем я, но, по счастью, эффективная зона акустического взрыва имеет колоколоподобный вид, и расширяющаяся зона этой площади направлена вниз. Так что мы оба оказались на краю неожиданного дисбаланса внутреннего и внешнего давлений. Он был только чуть больше оглушен, чем я. И вскоре, кое-как придя в себя, мы насколько могли быстро начали удаляться от того места, под углом, в том направлении, где, как я предполагал, сверившись со своим наручным указателем, должны были находиться боевые порядки кассидиан.

Наконец, мы остановились, чтобы перевести дыхание, и на мгновение присели, тяжело дыша. Мы по-прежнему слышали продолжающиеся отзвуки заградительных разрывов — «у м п ф, у м п ф» — на небольшом расстоянии позади нас.

— ...в порядке, — выдохнул я. — Скоро они снимут огонь и пошлют вперед солдат, прежде чем введут в действие бронетехнику. С солдатами мы еще можем договориться. А с акустическими пушками и бронемашинами — у нас не было бы никакой возможности. Теперь мы можем спокойно отсидеться здесь, отдышаться, собраться с силами и рвануть либо обратно вдоль линии фронта, чтобы присоединиться к кассидианским силам, либо вперед к первой волне сил Содружества — на кого мы наткнемся первыми.

Я увидел, что он смотрит на меня с выражением, которое

я сперва не смог определить. А затем, к моему изумлению, я понял, что это восхищение.

— Вы спасли мою жизнь там, — произнес он.

— Спас твою..., — я запнулся. — Послушай, Дэйв, я буду последним человеком, если отвергну причитающееся мне, если я это заслужил. Но этот акустический взрыв всего лишь оглушил тебя на секунду.

— Но вы знали, что делать, когда мы очнулись, — возразил он. — И в этот момент вы думали не только о себе. Вы подождали пока, я смогу встать на ноги, и помогли мне убраться оттуда.

Я промолчал. Если бы он обвинил меня в том, что я намеренно попытался спастись прежде всего сам, я бы и не подумал приложить усилия к тому, чтобы разубедить его в этом. Но так как он выбрал другое направление в своей оценке происшедшего, зачем же мне нужно было пытаться изменить ее? Если он хотел считать меня самоотверженным героем, то пожалуйста.

— Собирайся, — сказал я. — Надо идти.

Мы не без труда поднялись на ноги — без сомнения, этот взрыв все же подействовал на нас довольно сильно — и направились в южном направлении под углом, который должен был пересекать линию кассидианской обороны, если мы действительно находились впереди их основных позиций, как указывала на то наша предыдущая встреча с патрулем.

Спустя некоторое время отзвуки «у м п ф, у м п ф» передвинулись несколько вправо от нас и вперед, пока наконец не смолкли в отдалении. Несмотря на это, я обнаружил, что немного вспотел, и надеялся, что мы наткнемся на кассидиан раньше, чем нас настигнет пехота Содружества. То происшествие с акустической капсулой напомнило мне, насколько вся наша жизнь состоит из случайностей. Я хотел провести Дэйва как можно быстрее под прикрытие артиллерийской позиции, так, чтобы у нас была возможность хотя бы переговорить с кем-нибудь из черномундирных солдат, прежде чем начнется стрельба.

Что же касается меня, то я был вне опасности. Мой развевающийся, яркий, красно-белый плащ журналиста указывал обеим сторонам на то, что я не принимаю участия в боевых действиях. Дэйв же, напротив, был одет в серую полевую форму кассидиан, хотя и без знаков отличий или ранга и с белой повязкой на рукаве, также обозначающей не участвующего в сражении. Я скрестил пальцы, чтобы удача не миновала нас.

И это сработало. Но не настолько чтобы, привести нас к артиллерийской позиции кассидиан. Небольшая группа деревьев на склоне холма привела нас на его верхушку, и красно-желтая вспышка, ослепительная в полумраке деревьев, предупредительно вспыхнула примерно в дюжине футов впереди нас. Я в буквальном смысле швырнул Дэйва на землю одной рукой и резко «притормозил», отчаянно размахивая руками.

— Журналист! — заорал я. — Я журналист! Я не военный!

— Да знаю я, что ты чертов журналист! — осторожно отозвался голос, напряженный от злобы. — Давайте сюда быстро, оба и придержите ваши рты на замке!

Я помог Дэйву подняться, протянув руку, и мы, спотыкаясь, полуослепшие, направились вперед, на голос. Пока мы двигались, мое зрение прояснилось. И через двадцать шагов я оказался за стволом огромной, восьми футов в обхвате, желтой березы, снова лицом к лицу с кассиданским форс-лидером, который меня уже предупреждал насчет попытки продвижения к боевым порядкам Содружества.

— Это опять вы! — воскликнули мы оба одновременно. Но последующие наши реакции различались. Потому что он начал мне объяснять тихим, яростным и убежденным голосом, что именно он думает обо мне и о других гражданских лицах вроде меня, которые путаются и застревают между боевыми порядками противоборствующих сторон на поле боя.

Тем временем я, почти не обращая внимания на его слова, использовал эти секунды на то, чтобы собраться с мыслями. Гнев — это роскошь. Форс-лидер мог быть хорошим солдатом, но он пока так и не понял одного элементарного факта. Наконец он иссяк.

— Все дело в том, — угрюмо произнес он, — что вы — на моей ответственности. И что же мне с вами делать?

— Ничего, — ответил я. — Мы находимся здесь по нашему собственному желанию, рискуя, чтобы наблюдать. И наблюдать мы будем. Только укажите, где бы мы могли окопаться так, чтобы не мешаться у вас под ногами, и это будет последней вашей заботой о нас.

— Я думаю! — кисло произнес он. Но это были всего лишь последние искорки его тлевшего гнева. — Хорошо. Вон там. Позади парней, окопавшихся между теми двумя большими деревьями. И оставайтесь на том самом месте, что бы ни случилось.

— Хорошо, — ответил я. — Но прежде чем мы уйдем, не

могли бы вы мне ответить еще на один вопрос? Предположительно, что вы собираетесь делать на этом холме?

Он посмотрел на меня так, словно отвечать не собирался. Но затем эмоции внутри него все же выдавили ответ.

— Удерживать его! — произнес он. И посмотрел на меня так, словно хотел сплюнуть, чтобы избавиться от привкуса только что произнесенных слов.

— Удерживать его? С патрулем? Я уставился на него. — Но вы не сможете удержать позицию с таким количеством солдат, если наемники Содружества начнут продвигаться! — Я подождал, но он больше ничего не сказал. — Или сможете?

— Нет, — ответил он. И на этот раз сплюнул. — Но попытаемся. Лучше разложите этот ваш плащ там, где черные шлемы смогут заметить его, когда начнут атаковать холм.

Он повернулся к солдату, который нес на себе радиостанцию.

— Свяжитесь со штабом, — услышал я его слова. — Сообщите им, что у нас здесь парочка журналистов!

Я записал его имя, порядковый номер подразделения и имена людей его патруля. Затем я провел Дэйва к месту, которое указал форс-лидер, и мы начали окапываться точно так же, как и солдаты вокруг нас. Не забыл я и расположить свой плащ перед нашими ячейками, как приказал мне форс-лидер. Гордость всегда гораздо менее значит по сравнению с желанием остаться в живых.

Из наших ячеек, когда мы закончили их копать, мы могли теперь рассмотреть расстилающийся внизу пологий склон покрытого лесом холма в направлении позиций войск Содружества. Деревья покрывали весь склон холма и простирались, насколько было видно, и за следующим холмом тоже. Но на полпути вниз располагался старый шрам оползня, подобный миниатюрному хребту, разрывавший ровный поток крон деревьев, так что мы могли смотреть между стволов-колонн этих самых деревьев, стоявших на верхнем краю разлома, и одновременно имели возможность видеть все поверх крон деревьев, которые были на дне этого разлома. Таким образом, мы имели возможность панорамного обзора покрытого лесом склона и открывающегося на западе у далекого зеленого горизонта широкого поля, за которым, под прикрытием леса, очевидно, находились акустические орудия войск Содружества, от которых мы с Дэйвом бежали ранее.

Это был наш первый взгляд на все поле боя с того момента, когда я посадил наш аэрокар на землю. Поэтому я был занят внимательным его изучением с помощью бинокля, когда

заметил то, что показалось мне проблеском какого-то движения между стволов деревьев, там, на дне лощины, разделявшей наш холм и следующий. Одного мгновения мне было недостаточно, чтобы понять, что там происходит, но в эту же минуту движущиеся подразделения Содружества были обнаружены тепловизионным оборудованием патруля, и обе ячейки были приведены в состояние боевой готовности. На экранах тепловизоров теперь четко можно было рассмотреть пятна человеческих тел, которые смешивались с едва заметным тепловым излучением растительности.

Атакующие тоже нас обнаружили. И буквально через несколько секунд в этом уже не было никакого сомнения, потому что даже в мой бинокль я мог различить мелькание черных мундиров, когда их солдаты начали взбираться вверх по холму к нашей линии обороны, и оружие кассидианского патруля заговорило ответным огнем.

— Вниз! — приказал я Дэйву.

Он пытался приподняться и посмотреть, что происходит впереди. Я думаю, он пытался сделать это, потому что видел, как я приподымался, чтобы получше рассмотреть происходящее и решил, что может позволить себе то же самое, выставляя себя на обозрение. Правда, мой плащ журналиста был расстелен перед обеими нашими ячейками. Но я, кроме всего прочего, регуляторами контроля цветов установил на своем берете кроваво-красный и белый цвета, и вдобавок я имел больше веры в свою возможность выжить, чем он. У каждого из нас бывают в жизни моменты, когда чувствуешь себя абсолютно неуязвимым. Там, в стрелковой ячейке, под непрерывным огнем подразделений Содружества, я испытал именно такой момент. Кроме того, я ожидал, что начавшаяся атака войск Содружества должна скоро прекратиться.

Что, конечно же, и произошло.

Глава 11

Не было никакой великой тайны в той паузе, что последовала после атаки. Те солдаты, что вошли с нами в недолгое соприкосновение, были не более чем разведывательной цепочкой, продвигавшейся перед фронтом основных сил Содружества. Их задачей было оттеснить оборонявшихся кассидиан, пока не окопаются и не проявят признаки сопротивления. Когда же это произошло, первая цепочка разведчиков, вполне предсказуемо, отошла, вызвала себе подкрепление и стала ждать.

Эта военная тактика была старше, чем тактика Юлия Цезаря, — естественно, если предположить, что Юлий Цезарь все еще был жив.

Все это, как и остальные обстоятельства, которые привели Дэйва и меня сюда, в это место и в это время, позволило мне прийти к парочке любопытных выводов.

Первым был тот, что все мы — я включал сюда как силы Содружества, так и кассидиан, — да и вся эта война, включая каждого, принимавшего в ней то или иное участие, вроде Дэйва и меня — были во власти планирования сил, находившихся вовне, далеко за пределами поля боя. И было не так уж и трудно догадаться, кто именно был этой манипулирующей силой. Абсолютно ясно, что одной ее частью был старейшина Брайт, которого беспокоило, смогут ли наемники Содружества удачно выполнить свою задачу таким образом, чтобы привлечь большее число нанимателей для работы. Брайт, как один из игроков в шахматы перед лицом других, спланировал и привел в действие какой-то ход, нацеленный на то, чтобы решить исход боевых действий одним смелым тактическим ударом.

Но этот удар если был и не предвиден, то, по крайней мере, вычислен его противником. И этим противником мог быть только Падма с его онтогенетикой.

Потому что если Падма со своими вычислениями смог узнать, что я появлюсь на вечеринке в честь Донала Грина на Фриленде, тогда с помощью той же онтогенетики он вполне смог бы вычислить, что Брайт мог попытаться предпринять какой-то быстрый тактический ход своими вооруженными силами, чтобы уничтожить кассидианских рекрутов, противостоящих ему. Что он это вычислил, можно было заключить из того, что он предоставил одного из лучших тактиков сил Экзотики — Кейси Грина, чтобы помешать тому, что спланировал Брайт. Без этого объяснения появление Кейси здесь, на поле боя, в самый решающий момент не имело смысла.

Но помимо всего этого, самым интересным для меня вопросом было, почему Падма должен был автоматически противопоставить себя Брайту в любом случае. Насколько мне было известно, экзотиканские миры не имели никаких интересов в войне на Новой Земле — хотя сам по себе этот мир и был достаточно важен, но все же он играл меньшую роль по сравнению с другими вопросами взаимоотношений между четырнадцатью населенными мирами.

Ответ мог лежать где-то в смеси контрактowych соглашений, которые контролировали отлив и прилив подготовленно-

го персонала между мирами. Экзотиканские миры, как и Земля, Марс, Фриленд, Дорсай, маленький католический мир Святой Марии, а также шахтерский мир Коби, не заключали контракты на своих специалистов без предварительной консультации с ними. Таким образом, они были известны как «свободные» миры. И находились автоматически в оппозиции к так называемым «жестким» мирам, подобным Цете, Содружеству, Венере, Ньютону и остальным, которые торговали своим подготовленным персоналом безо всякой оглядки на права индивидуума или его пожелания.

Таким образом экзотиканские миры, принадлежавшие к «свободным», автоматически находились в оппозиции к мирам Содружества, представлявшим «жесткие» миры. Но одно это не было достаточной причиной для противодействия друг другу на каком-то третьем мире. Должен был существовать какой-то секретный конфликт между контрактными балансами, касавшийся как экзотиканских миров, так и миров Содружества, о котором я ничего не знал. В ином случае я совершенно не понимал, зачем было Падме принимать участие в этой войне.

Но мне стало ясно, — поскольку я занимался манипуляцией своим окружением через управление теми, кто находился непосредственно рядом со мной, — что силы, привнесенные в эту пьесу извне, могли провалить все, что я мог предпринять. Короче говоря, необходимо было пересмотреть свои действия и обратить внимание на более широкие возможности при манипулировании людьми и событиями, чтобы добиться желаемого результата.

Я отложил это свое открытие на будущее, для дальнейшего использования.

Второе заключение, пришедшее мне на ум, имело отношение к непосредственному нашему положению в связи с обороной этого холма, как только войска Содружества подтянут свои подкрепления. Потому что это было не то место, которое можно было защитить с парой дюжин людей. Даже гражданский вроде меня мог это понять.

И если уж это смог понять я, естественно, это было понятно и атакующим, не говоря уже о самом командире патруля. Очевидно, что он удерживал этот холм по приказу из штаба, находившегося достаточно далеко за линией фронта. И в первый раз я тогда увидел объяснение его недружелюбному отношению к тому, что касалось меня и Дэйва. Совершенно очевидно, что у него были свои заботы — включая и какого-то вышестоящего офицера там, в штабе, который действительно

просил его и патруль удержать свою позицию. Я начал испытывать более теплые чувства к форс-лидеру. Какими бы ни были его приказы — разумными, паническими или глупыми — но он был солдатом, готовым исполнить свой долг до конца.

Из этого бы вышел отличный рассказ о его безнадежной попытке защитить этот холм без всякой поддержки с флангов и перед лицом целой армии Содружества. И между строками своего репортажа я мог бы кое-что рассказать и о командовании, которое поставило его в такое положение. И когда я осмотрел склон холма вокруг себя и увидел окопавшихся людей его патруля, то где-то внутри у меня, прямо под грудной клеткой, появилось холодное неприятное чувство. Потому что они тоже были замешаны в этом и еще не знали цену, которую им придется заплатить за то, что они станут героями моего репортажа.

Дэйв толкнул меня в бок.

— Посмотри там... вон там.. — выдохнул он мне в ухо. Я выглянул.

Среди солдат Содружества, находившихся под защитой деревьев на дне лощины, было заметно какое-то движение. Но они, очевидно, всего лишь набирались дополнительных сил и группировались для настоящего наступления на холм. В течение ближайших нескольких минут пока еще ничего не должно было произойти, и я уже хотел сказать об этом Дэйву, когда он снова толкнул меня.

— Нет! — прошептал он тихим, но озабоченным голосом. — Вон там. Дальше, около горизонта.

Я посмотрел туда. И увидел то, что он имел в виду. Где-то там, среди деревьев, в конце концов сливавшихся с небом, сейчас поглубевшим от жары, примерно в десяти километрах от нас — вдалеке виднелись подобные огненной мошкаре сполохи. Маленькие желтые проблески среди зелени и то и дело возникавшие восходящие струи чего-то белого и темного, тут же развеваемые ветром.

Но никаких светляков нельзя было рассмотреть при полном свете солнечного дня, да еще с расстояния более чем в шесть миль. Без сомнения, это были тепловые лучи.

— Бронетехника! — воскликнул я.

— Они двигаются сюда, — произнес Дэйв, зачарованно уставившись на проблески, кажущиеся на этом расстоянии едва заметными и незначительными. Проблески, которые на самом деле были мечами палящего света, с температурой в сердце луча в сорок тысяч градусов, которые могли повалить

деревья вокруг нас с той же легкостью, с какой бритва могла бы срезать охапку растущей спаржи.

Они приближались, не испытывая никакого сопротивления, потому что не существовало такой пехоты, которая могла бы сдерживать их продвижение с помощью пластиковых мин или акустических орудий. Противотанковые ракеты, классическое оружие защиты против бронетехники, уже пятьдесят лет как вышли из употребления, ввиду развития контрартиллерийских средств, скорость реагирования которых равнялась половине световой, что делало невозможным их использование на поверхности планет. Они приближались медленно, но неотвратно, из принципа выжигая все возможные места укрытия для пехоты там, где проходили.

Их приближение, превращало нашу защиту холма в насмешку. Потому что, если пехота Содружества и не прокатится валом над нами, прежде чем сюда подойдет бронетехника, мы просто будем поджарены в наших ячейках. Это было совершенно ясно мне, как ясно и солдатам подразделения, потому что я слышал тихий гудящий шум, раздавшийся по холму, там, где солдаты, находившиеся в других стрелковых ячейках, заметили сполохи.

— Тихо! — резко бросил из своей ячейки форс-лидер. — Удерживайте свои позиции. Если вы не...

Но у него не оказалось времени, чтобы закончить, потому что в это мгновение началась первая серьезная атака пехоты Содружества вверх по склону холма, на наши позиции.

Игла из вражеской винтовки попала в грудь форс-лидера, почти под самой шеей, и он упал назад, захлебнувшись кровью.

Но остальные солдаты патруля не заметили этого, потому что наступающие иглометчики Содружества были прямо перед ними, волна за волной, на полпути вверх по склону. Скрытые в своих ячейках, кассидиане отстреливались. И то ли безнадежность их позиции, то ли необычно большой опыт ведения боевых действий сказывался на них, но я не заметил ни одного человека, парализованного страхом боя и не пользовавшегося своим оружием.

У них было полное преимущество. Склон становился несколько круче по мере приближения к вершине холма. Атакующие вынуждены были замедлять свое продвижение, и их легко подстреливали, как только они приближались. Наконец они не выдержали и снова побежали вниз в ложину между холмами. И снова наступила пауза в стрельбе.

Я выскочил из своей ячейки и побежал к форс-лидеру,

чтобы узнать, жив ли он. Это было глупо — выставлять себя напоказ подобным образом, даже несмотря на берет и униформу журналиста. У отступающих среди погибших были друзья и соратники по оружию. И это вызывало естественную реакцию во что бы то ни стало отомстить неприятелю. И вот теперь один из них прореагировал. Всего лишь в нескольких шагах от ячейки форс-лидера что-то резко ударило по моей правой ноге и подкосило меня, и я полетел вперед лицом на землю.

В следующий момент я очнулся уже в командной ячейке подле форс-лидера, и надо мной склонился Дэйв, рядом с ним находились двое взводных, в звании сержанта, подчиненные форс-лидера.

— Надо отступать, — говорил один взводный другому. — Надо убираться отсюда, Акке. В следующий раз они нас сожмут или, через двадцать минут, за них это сделают танки!

— Нет! — прохрипел форс-лидер подле меня. Я думал, что он мертв, и когда я повернулся, чтобы посмотреть на него, оказалось, что кто-то уже наложил давящую повязку на его рану и нажал на контрольный рычажок, так что ее волокна должны были уже находиться внутри раны, затыкая разрывы кровеносных сосудов и блокируя отток крови. И все же он умирал. Я ясно видел это в его глазах. Взводные не обращали на него внимания.

— Послушай меня, Акке, — снова произнес только что говоривший взводный. — Ты теперь командир. Надо двигаться!

— Нет. — Форс-лидер едва лишь мог прошептать, но он прошептал. — Приказываю. Удержаться... любой ценой...

Взводный, имя которого, очевидно, было Акке, выглядел неуверенно. Лицо его было бледно, затем он повернулся, чтобы бросить взгляд на радиостанцию, лежавшую в ячейке подле него. Другой взводный заметил направление его взгляда, и игловинтовка, лежавшая у него на коленях, как бы сама собой случайно выстрелила. Послышался удар и звон внутри радиостанции, и я смог увидеть, что огонек готовности на инструментальной панели погас.

— Я приказываю вам, — произнес форс-лидер. Но в этот момент ужасные челюсти боли снова сомкнулись на моем колене и я почти потерял сознание. Когда я очнулся, то увидел, что Дэйв разорвал брюки на моей левой ноге поверх колена и только что закончил наложение аккуратной давящей повязки вокруг колена.

— Все в порядке, Тэм, — говорил он мне. — Игла из игловинтовки прошла насквозь. Так что все в порядке.

Я осмотрелся вокруг. Форс-лидер по-прежнему сидел рядом со мной, с наполовину вытащенным из кобуры пистолетом. Теперь у него была еще одна рана от иглоружья, на этот раз на голове, и он был мертв. Не было и взводных.

— Они ушли, Тэм, — произнес Дэйв. — И нам тоже надо отсюда убираться. Он показал на подножие холма. Пехота Содружества решила, что мы не стоим их усилий. Они отошли. Но приближается их бронетехника — а ты не можешь достаточно быстро двигаться с таким коленом. А теперь попытайся встать.

Я попытался. Это было так, словно одно мое колено находилось на кончике копья и несло на себе половину веса моего тела. Но я стоял. Дэйв помог мне выбраться из ячейки. И мы начали наше хромающее отступление вниз по другому склону холма, чтобы уйти с пути бронетехники.

Когда-то в детстве я представлял себе лес — пристанище Робин Гуда. Его открытость, полумрак и цвет, вызвали во мне восхищение. Но теперь, когда я пробирался сквозь него, с каждым шагом или, точнее, прыжком чувствуя, как раскаленный гвоздь боли ввинчивается в мое колено, этот лес представлялся мне чудовищем, темным, злоещим ненавистным и полным жестокости. Мы оказались в его ловушке, где нас в любое время могла обнаружить бронетехника Содружества и уничтожить либо тепловыми лучами, либо просто обрушив деревья на наши головы, прежде чем у нас могла бы появиться возможность объяснить им, кто мы.

Я отчаянно надеялся, что мы сможем выбраться на открытую местность. Потому что надвигавшиеся позади нас бронемашины охотились в лесу, а не на открытом пространстве. В особенности в траве, хотя бы и до колен, было бы трудно водителю бронемашины не заметить мою накидку, прежде чем открыть огонь.

Но, очевидно, это была местность, где деревьев было гораздо больше, чем открытых мест. К тому же, как назло, все направления среди этих деревьев были похожи друг на друга. Мы не были уверены в том, что не ходим кругами по этому злосчастному лесу, и поэтому единственным правильным решением было уйти с этого места назад, по направлению, которое показывал мой наручный указатель. Но это означало, что путь наш лежал через лесные массивы, которые нам однажды уже пришлось преодолеть и которые вывели нас к тому самому холму, что так отчаянно и безнадежно защищал кассидианский патруль.

Тем временем мы двигались столь медленно из-за моего

колена, что даже относительно медленно двигавшаяся бронетехника скоро могла настичь нас. Кроме того, я по-прежнему плохо чувствовал себя после разрыва акустического снаряда. А сейчас постоянные приступы сумасшедшей боли в моем колене привели меня в состояние лихорадочной спешки. Это походило на какую-то разновидность предпочитаемой пытки — и оказывается, я не такой уж и стойк в том, что касается боли.

Но я не был трусом, хотя и не считал, что было бы честно назвать меня храбрецом. Просто так уж я создан, что на определенном уровне моя реакция на боль выливается в ярость. И чем больше эта боль — тем больше моя ярость. Наверное, какая-то доля древней крови берсеркеров все же разбавляла ирландскую в моих венах, если вам нравится романтический аспект. Но так уж это и было — таков факт. И теперь, когда мы ковыляли через вечный сумрак среди этих золотисто-серебряных, облезлых стволов, я просто взорвался изнутри.

В своем гневе я не испытывал никакого страха перед бронетехникой войск Содружества. Я был уверен, что они смогут увидеть мой красно-белый плащ вовремя, прежде чем откроют огонь. Кроме того, я был уверен, что если они и откроют огонь, ни их луч, ни падающие деревья или их ветви не попадут в меня. Короче — я был уверен в своей собственной неуязвимости и единственное, что меня беспокоило, это то, что рядом был Дэйв, и что если с ним что-нибудь случится, то Эйлин не сможет пережить этого.

Я орал на него, я его проклинал. Я приказывал ему оставить меня и идти самому вперед и спасти собственную жизнь. Я доказывал ему, что мне не угрожает опасность.

Его единственным ответом было то, что я не оставил его тогда, когда мы попали под обстрел акустических орудий. И он не оставит меня. Ни при каких обстоятельствах он меня не оставит. Я был братом Эйлин, и его обязанностью было заботиться обо мне. Все было так, как она писала в своем письме: он был верным спутником. Он был чертовски, излишне верным, он был излишне верным дураком — и я так ему это и сказал, ругаясь весьма неприлично и довольно долго. Я пытался оттолкнуть его от себя. Но, прыгая на одной ноге, точнее, ковыляя на одной ноге, сделать это было невозможно. Я без сил опустился на землю и отказался идти дальше. Но он просто взвалил меня на свою маленькую спину, пытаясь таким образом тащить меня.

Это было еще хуже. Я пообещал ему идти с ним дальше, если он меня опустит на землю. Он уже сам шатался от усталости, когда опустил меня. К этому времени, наполовину обе-

зумею от боли и ярости, я был готов сделать все, что угодно, чтобы спасти его от самого себя. Я начал как можно громче звать на помощь, несмотря на все его попытки заставить меня замолчать.

Это сработало. Менее чем через пять минут после того, как он наконец заставил меня замолчать, мы оказались под прицелами игловинтовок двух молодых разведчиков войск Содружества, привлеченных моими криками.

Глава 12

Я ожидал, что в ответ на мои крики они появятся еще быстрее, поскольку разведчики войск Содружества находились вокруг нас почти с того момента, когда мы покинули холм, оставив его мертвым, под командой мертвого форс-лидера. Эти двое могли быть среди тех самых разведчиков, которые и обнаружили окопавшийся на холме патруль еще в самом начале. Но, обнаружив его, они продолжили разведку.

Потому что их задачей было обнаружение очагов кассидианского сопротивления, с тем, чтобы, вызвав подкрепление, ликвидировать их. Они должны были иметь акустические пеленгаторы, являющиеся частью их снаряжения, и если бы эти устройства засекли двух спорящих людей, то они могли бы не обратить на них внимания. Два человека были слишком мелкой дичью, чтобы ими заинтересоваться.

Но один из них, намеренно взывающий о помощи — это было само по себе весьма необычно, поэтому они и решили проверить, что там происходит. Солдат Господа не должен был быть настолько слаб, чтобы звать на помощь подобным образом, независимо от того, нуждался он в ней или нет. А могли взывать о помощи кассидианцы здесь, в месте, где не было пока никаких боевых действий? И кто другой, кроме Солдат Господа или их вооруженных врагов, мог находиться в этом районе?

Теперь они знали, кто мог быть здесь: журналист и его помощник; оба — гражданские, об этом я немедленно сообщил им. Тем не менее, игловинтовки по-прежнему были нацелены на нас.

— Протрите ваши глаза! — заорал я на них. — Разве вы не видите, что мне нужна медицинская помощь? Немедленно доставьте меня в один из ваших полевых госпиталей!

Они посмотрели на меня своими поразительно невинными глазами, сиявшими на их гладких молодых лицах. Тот, что стоял справа, имел на воротнике одну-единственную нашив-

ку старшего рядового, второй же был обычным младшим солдатом. Обоим не было еще и двадцати.

— У нас не было приказа поворачивать назад, — произнес старший солдат, говоря за них обоих, как старший по рангу. — Я только могу препроводить вас на сборный пункт для пленных, где, без сомнения, о вас побеспокоятся.

Он отступил, по-прежнему держа нас под прицелом.

— Помоги ему поддержать этого человека, Гретен, — произнес он, переходя на молитвенную речь и обращаясь к своему спутнику. — Поддержи его с другой стороны, а я последую за вами и понесу винтовки.

Второй солдат передал ему игловинтовку, и, поддерживаемый им и Дэйвом, я начал продвигаться несколько более комфортабельно, хотя гнев по-прежнему кипел и бурлил во мне. Наконец они привели нас на поляну, но не настоящую поляну, открытую лучам солнца, а на место, где одно из огромных деревьев упало и приоткрыло что-то вроде небольшого просвета среди других гигантов. Здесь находилось около двадцати уныло выглядевших кассидиан, обезоруженных и охраняемых четырьмя молодыми солдатами Содружества, во всем подобными тем, что только что захватили нас.

Дэйв и молодой солдат Содружества осторожно посадили меня, прислонив спиной к стволу огромного упавшего дерева. Затем Дэйв был препровожден к остальным кассидианам в форме, которые сгрудились около длинного ствола упавшего дерева, где четверо охранников не спускали с них глаз. Я заорал, что Дэйв должен оставаться со мной, поскольку он не вооруженный, указав при этом на белую нарукавную повязку и отсутствие знаков различия. Однако солдаты в черной форме проигнорировали меня.

— Кто здесь старший по званию? — спросил старший рядовой четырех стражников.

— Я старший, — ответил один из них, — но мой ранг ниже твоего.

И действительно, он был обычным рядовым. Тем не менее, ему уже было больше двадцати, и в нем чувствовался опытный и осторожный солдат.

— Этот человек — журналист, — произнес старший рядовой, указав на меня, — и утверждает, что другой находится под его защитой. Определенно, журналист нуждается в медицинской помощи. И хотя никто из нас не может доставить его в ближайший полевой госпиталь, может быть, ты смог бы доложить об этом по команде, используя коммуникатор?

— У нас его нет, — ответил более старший по возрасту солдат. — Центр связи находится в двухстах метрах отсюда.

— Я и Гретен останемся здесь, чтобы помогать твоим стражам, пока один из вас сходит к вашему центру связи.

— В приказе ничего об этом не сказано, — старший по возрасту солдат выглядел упрямым, — никому из нас нельзя отлучаться даже в этой ситуации.

— Но это же особая ситуация?

— Не было такого положения.

— Но...

— Я тебе говорю, не было такого положения, даже для такой ситуации! — закричал на него солдат. — Мы ничего не можем сделать, пока не появится офицер или сержант!

— А как скоро он появится? — Старший солдат был потрясен страстностью возражений более старшего по возрасту человека. Он с беспокойством посмотрел на меня. И я подумал, что он, наверное, уже начал думать, что сделал ошибку, даже упомянув о медицинской помощи для меня. Но я его недооценил. Он побледнел, но снова достаточно спокойно заговорил со страшим по возрасту солдатом.

— Я не знаю, — ответил тот.

— Тогда я сам направляюсь к вашему центру связи. Подожди здесь, Гретен.

Он закинул за плечо свою игловинтовку и ушел. Мы его больше никогда не видели.

Тем временем, ярость и адреналин в крови, помогавшие мне бороться с болью, пронизывающей колено, плоть, нервы и кости вне его, начали уходить. Я уже не чувствовал постоянных ужасных приступов боли, когда пытался шевелить ногой, но постоянная накапливающаяся тупая боль начала посылать свои волны вверх по ноге, к бедру — или так мне казалось, — и это заставляло кружиться мою голову. Я уже начал сомневаться, смогу ли выдержать это; и с этим ощущением собственной глупости, которое захватывает вас, когда неожиданно доходит, что то, что вы так долго искали, все это время было перед вашим взором, я вспомнил о своем поясе.

На нем, как и на поясах всех солдат, был медпакет для полевых условий. Едва не рассмеявшись, несмотря на боль, я дотянулся до него, повозился с ним, пока не раскрыл, и выудил две из восьми угольных таблеток, что обнаружил там. Начинало темнеть. Под деревьями, где мы находились, я не мог разглядеть их красного цвета, но их очертания вполне угадывались. Они были специально изготовлены в расчете на подобные ситуации.

Я разжевал и проглотил их, не запивая. Мне показалось, что издалека я расслышал почему-то кричащий голос Дэйва. Но быстрый, как цианистый калий на языке, транквилизирующий, седативный эффект болеутоляющих таблеток уже уносил меня. А вместе с ним уносились прочь боль, снова сделав меня целым, чистым и новым — и не обеспокоенным ничем, кроме комфорта и спокойствия тела.

Я еще раз услышал, как кричал Дэйв. На этот раз я его понял, но его послание не имело никакой силы, которая могла бы меня потревожить. Он кричал, что уже дважды давал мне болеутоляющие таблетки из своего пакета, когда я терял сознание от боли. Он кричал мне, что я теперь принял сверхдозу, что кто-то должен мне помочь. И постепенно наша поляна потемнела, а затем над головой я услышал звук, подобный раскатам грома, и далекие зачаровывающие звуки симфонии — шуршание миллионов дождевых капель по миллионам листьев высоко надо мной.

И с этим звуком я провалился в комфортное ничто.

Когда я снова пришел в себя, то некоторое время очень мало внимания обращал на то, что было вокруг меня, потому что меня знобило и тошнило от чрезмерно большой дозы лекарства. Мое колено больше не болело, если я им не двигал, но оно опухло и застыло, словно стальной стержень. И малейшее движение вызывало прилив такой боли, которая словно ударами сотрясала мое тело.

Меня стошнило, и я почувствовал себя лучше. Я снова стал разбираться в том, что происходило вокруг меня. Я промок до нитки, потому что дождь, на некоторое время сдерживаемый листьями, все же добрался и до нас. Невдалеке от меня пленники и их стражи представляли собой промокшую группку. Но среди них был незнакомец в черной форме Содружества. Это был сержант. Он был среднего возраста, лицо его казалось худым и покрытым морщинами. Он отвел солдата по имени Гретен в сторону, чуть ближе ко мне, очевидно, хотел кое о чем поговорить с ним.

Над нами, в небольших просветах в ветвях деревьев, которые были оставлены упавшим деревом-гигантом, небо после грозы посветлело, но хотя оно теперь было безоблачным, оно было освещено красным светом заходящего солнца. Для моего искаженного лекарством зрения красный цвет спускался вниз, до земли, и окрашивал очертания мокрых черных фигур пленников в серой форме, и сверкал на промокших черных униформах.

Красные и черные, черные и красные, они походили на фигуры, на которые смотришь как бы сквозь непрозрачное стекло, под огромными, подавляющими очертаниями туманно-темных гигантов, какими казались деревья. Я сидел, дрожа от холода из-за промокшей и ставшей тяжелой одежды, уставая на споривших сержанта и солдата. И хотя их слова были негромкими и не долетали до пленников, я слышал их отчетливо и их смысл начал постепенно доходить до меня.

— Ты еще просто ребенок! — рычал сержант. Он слегка приподнял голову в порыве переполнявших его эмоций. И заходящее солнце протянуло лучи, чтобы залить его лицо красным светом, так, что я в первый раз смог ясно рассмотреть его — и увидел его истощенные и словно высеченные из камня черты с тем же совершенно грубым фанатизмом, который был и в сержанте, встреченном мною в штабе сил Содружества, который сорвал возможность получения пропуска для Дэйва.

— Ты просто ребенок! — повторил он. — Молод ты! Что ты знаешь о борьбе за существование, продолжающейся поколение за поколением на наших жестоких и каменных мирах, из того, что знаю я? Что ты знаешь о целях тех, кто послал нас в эту битву, чтобы наши люди могли жить и процветать, когда все другие люди хотели бы с радостью видеть мертвыми нас и нашу веру?

— Я кое-что знаю, — возразил молодой солдат, хотя в его голосе явственно звучала его молодость и его била дрожь. — Я знаю, что мы несем обязанность биться за правое дело, и мы принесли присягу Кодексу Наемников...

— Заткни свой необсохший ротик, дитя! — прошипел сержант. — Что значат другие Кодексы перед Кодексом Всемогущего? Что значат другие клятвы перед нашей клятвой Господу всех Битв? Ибо Старейший нашего Совета Старейшин, тот, чье имя Брайт, сказал нам, что сей день особенно важен для будущего нашего народа и что победе в сегодняшней битве необходимо отдать все силы. И тогда мы победим! И никак иначе!

— Но все же говорю тебе...

— Ты мне ничего не скажешь! Я старше тебя по званию! Я говорю т е б е. Дан приказ — перегруппироваться для другой атаки на врага. Ты и эти четверо н е м е д л е н н о должны направиться к своему центру связи. И неважно, что ты не из этого подразделения. Тебе было приказано, и ты — повинешься!

— Тогда мы должны взять военнопленных с собой в...

— Ты должен выполнять приказ! — Сержант, держа свою игловинтовку в руке, развернул ее так, что дуло смотрело на солдата. Пальцем сержант сдвинул контрольный механизм винтовки на автоматический огонь. Я увидел, как Гретен на секунду закрыл глаза, затем слотнул, но когда он заговорил вновь, голос его был по-прежнему спокоен.

— всю мою жизнь я шел в тени Господа, иже есть правда и вера..., — донесся до меня его голос, и винтовка поднялась до уровня его груди. И тогда я заорал сержанту.

— Ты! Эй, ты — сержант!

Он резко повернулся, словно матерый волк при звуке хрустнувшей ветки под ногой охотника, и мне в лицо глянуло игольное отверстие дула установленной на автоматический огонь игловинтовки. Затем он приблизился ко мне, по-прежнему нацелив ее на меня, и его взгляд, острый, как лезвие топора, уперся в меня поверх прицела.

— Так значит, ты пришел в чувство? — спросил он, усмехаясь.

Его лицо выражало презрение ко всякому, оказавшемуся достаточно слабым, и воспользовавшемуся болеутоляющим для облегчения физического дискомфорта.

— Достаточно, чтобы кое-что сказать тебе, — выдавил я. Горло мое пересохло, и нога снова стала болеть, но он оказался для меня хорошим лекарством, пробудил мою злобу так, что вновь возникшая боль лишь усиливала подымавшуюся во мне ярость.

— Послушай меня. Я — журналист. Ты уже достаточно долго находишься здесь и знаешь, что никто не имеет права носить ни этот берет, ни эту накидку, если они ему не положены. Но чтобы ты все же удостоверился, — я залез в карман своей куртки, — вот мои документы. Посмотри.

Он молча взял их.

— Убедился? — спросил я, едва он просмотрел последнюю бумагу. — Я — журналист, а ты — сержант. И я ни о чем не прошу тебя — я приказываю тебе! Необходимо немедленно вызвать транспорт и доставить меня в госпиталь, кроме того, я требую, чтобы мой помощник, — я указал на Дэйва, — оказался рядом со мной, немедленно! Не через десять минут или две минуты. А сейчас же! Эти солдаты, что охраняют пленных, не имеют права покидать это место, чтобы вывезти отсюда меня и моего помощника, но я уверен, что у тебя есть такое право. И требую, чтобы ты им воспользовался!

Он перевел взгляд с документов на меня, и его лицо приняло странное угрюмое выражение убежденности, подобное

тому, которое появляется на лице человека тогда, когда он словно бы вырывается от конвоя, сопровождающего его к виселице, и сам устремляется к месту своей гибели, как будто это отвечает его собственному желанию.

— Да, журналист, — вздыхая, произнес он. — Да, ты еси племени анархистского, которое ложью и сплетнями распространяет ненависть к нашему народу и нашей вере по всем мирам человека. Я хорошо знаю тебя, журналист... — Он уставился на меня своими черными, запавшими глазами, — и твои документы для меня — всего лишь мусор. Но я развлеку тебя и покажу, как мало ты значишь со всеми твоими грязными репортажами. Я дам тебе возможность написать рассказ, и ты напишешь его, и сам увидишь, как мало он значит — меньше, чем сухая листва, шелестящая под ногами марширующих Посвященных Господа.

— Доставь меня в госпиталь, — сказал я.

— Обождешь, — произнес он. — Кроме того, — он помахал документами перед моим лицом, — я вижу здесь только твой пропуск, но пропуска, подписанного кем-либо из нашего командования, предоставляющего право свободного передвижения тому, кого ты называешь своим помощником — нет. И поэтому он останется с остальными пленниками, чтобы встретить то, что Господь послал им.

Он швырнул документы мне в руки, повернулся и побрел назад к пленникам. Я заорал ему вслед, приказывая вернуться. Но он не обратил на это никакого внимания.

Но Гретен подбежал к нему и, схватив его за руку, что-то прошептал на ухо, одновременно указывая на группу пленных. Сержант рукой оттолкнул его так, что Гретен споткнулся.

— Они из Избранных? — заорал сержант. — О н и из Избранных Господа?

Он яростно развернулся, и на этот раз его игловинтовка была нацелена не только на Гретена, но и на остальных солдат.

— Стройся! — заорал он.

Одни медленно, другие быстрее оставили свой пост и выстроились в шеренгу, лицом к сержанту.

— Вы все направитесь к вашему центру связи — н е м е д л е н н о! — отрывисто приказал сержант. — Н а п р а в о! — Они повернулись. — Ш а г о м м а р ш!

И, выполняя приказ, они нас покинули, исчезнув вскоре в тени деревьев.

Секунду или две сержант наблюдал за ними, а затем снова обратил внимание и игловинтовку на кассидиан. Они попятн-

лись. И я увидел, как побледневшее лицо Дэйва на мгновение повернулось в мою сторону.

— А теперь ваши стражи ушли, — медленно и угрюмо проговорил сержант. — Ибо начинается наступление, которое уничтожит ваши силы. И в этой атаке необходим каждый солдат Господа, ибо таков зов, брошенный нам Старейшиной Совета. Я тоже должен идти, но я не могу оставить врагов вроде вас без охраны в нашем тылу, чтобы не нанести урон нашей победе. И таким образом, я отправляю вас в то место, откуда вы уже не сможете повредить Посвященным Господа.

И в этот момент, именно в этот момент, в первый раз, я понял, что он имел в виду. Я открыл рот, чтобы закричать, но ни одного слова не вылетело из него. Я попытался встать, но моя застывшая нога не позволила мне этого. И я застыл на месте, с раскрытым ртом, успев чуть приподняться.

Он дал очередь по незащищенным людям, стоявшим перед ним. Они упали, и среди них Дэйв. Они упали и умерли.

Глава 13

Я не совсем уверен в своей памяти, вспоминая, что было потом. Я только помню, что после того, как упавшие перестали двигаться, сержант повернулся и направился ко мне, держа винтовку в одной руке.

Хотя он приближался быстро, в то же время казалось, что он надвигается медленно. Медленно, но неумолимо. Словно я наблюдал его на огромной сцене, становящейся все больше по мере того, как он приближался ко мне с черной винтовкой в руке, и небо над его головой было красным. Пока, наконец, он не остановился надо мной.

Я попытался отодвинуться от него, но не смог. Потому что спиной упирался в огромный ствол дерева и моя нога, сама подобная дереву, приковывала меня. Однако он не поднял винтовку на меня.

— Вон там, — сказал он, глядя мне в глаза. Его голос был глубок и холоден, но глаза горели странным светом. — Есть тема для рассказа, журналист. И ты останешься жить, чтобы рассказать об этом. Возможно, тебе позволят прийти, когда меня поставят перед взводом на расстрел, если только Господь не распорядится иначе и я не паду в начинающемся сейчас наступлении. Ибо я, который есть пальцы Господни, вписал Его желание в этих людей, и это ты не в силах стереть никогда. Так что ты должен будешь понять, насколько ничтожно твое писание пред ликом того, кого называют Богом Битв.

Он отступил от меня на шаг, не оборачиваясь. Словно я был для него каким-то темным алтарем, от которого он отходил с ироничным уважением.

— А теперь — прощай, журналист, — произнес он, и жестокая усмешка тронула его губы. — Не бойся, тебя обязательно найдут. И спасут твою жизнь.

Он повернулся и ушел. Я видел, как он уходил, черная фигура на темном фоне глубоких теней. И затем я остался один.

Я был один, наедине со случайной каплей с листьев на лесную подстилку. Один, под темнеющим красным небом, крошечными лоскутиками проглядывающим сквозь черные кроны. Один, и с мертвыми.

Не знаю как мне это удалось, но спустя некоторое время я пополз, подтягивая свою бесполезную ногу, по мокрой лесной почве, пока не добрался до неподвижной груды тел. В тех малых остатках света я с трудом нашел Дэйва. Линия иголок проткнула нижнюю часть его груди, и вся куртка в этом месте намочила от крови. Но веки его затрепетали, когда моя рука нащупала его плечи и приподняла его так, что я смог расположить его голову на своем здоровом колене. Его лицо оставалось бледным и спокойным, как лицо спящего ребенка.

— Эйлин? — едва слышно произнес он, но достаточно внятно чтобы я понял. Однако глаза по-прежнему были закрыты.

Я открыл рот, чтобы что-то произнести, но сперва не мог издать ни звука. Когда же, наконец, я смог заставить работать свои голосовые связки, то произнес:

— Она будет здесь через минуту.

Ответ, казалось, успокоил его. Он лежал неподвижно, едва дыша. Спокойствие его лица было таково, словно он не испытывал никакой боли. Я только слышал непрерывный шум капли, который сперва принял за капли дождя, падающие с какого-то дерева над нами. Но, когда я опустил свою руку, я почувствовал падающую влагу на ладони. Это капала его кровь, с его набухшей куртки, на почву леса, туда, где мохоподобное покрытие было сорвано судорогами умиравших людей, оставляя открытой почву.

Я попытался найти перевязочные пакеты на разбросанных вокруг неподвижных телах, стараясь не беспокоить Дэйва, лежавшего на моем колене. Удалось найти три пакета. Я попытался остановить кровотечение с их помощью, но безуспешно. Он истекал кровью из дюжины самых разных мест. Но, пытаясь его перевязать, я немного потревожил его.

— Эйлин? — спросил он.

— Она будет здесь через минуту, — снова сказал я ему.
И уже позже, когда я сдался и просто сидел, держа его в руках, он снова спросил.

— Эйлин?

— Она будет здесь через минуту.

Но к моменту, когда наступила полная темнота и взошла луна, достаточно высоко, чтобы послать свой серебряный свет сквозь небольшие проемы в кронах деревьев, так что я снова смог увидеть его лицо, он уже был мертв.

Глава 14

Меня нашли сразу же после восхода солнца, не войска Содружества, а кассидианские силы. Кейси Грин отступил на южном фланге своих боевых порядков, прежде чем четко продуманный план Брайта атаковать и сокрушить кассидианскую оборону и разбить их на улицах Кэстлмэйна реализовался. Но Кейси, предвидя это, снял со своего южного фланга основные силы и послал бронетехнику и пехоту по широкой дуге на усиление своего северного фланга, где находились Дэйв и я.

В результате его фронт повернулся, как стержень, вокруг центральной точки, которая находилась примерно там же, где располагался парк машин и где я впервые увидел его. И наступающий, усиленный частями левый фланг на следующее утро прошелся веером и навалился на силы Содружества, перерезав их связь и оказавшись в тылу тех самых подразделений Содружества, которые считали, что большинство кассидианских рекрутов зажаты и разбиты в городе.

Кэстлмэйн, предназначенный стать камнем, на котором предполагалось размолоть кассидианские силы, вместо этого стал камнем, на котором были разбиты войска Содружества. Воины в черных мундирах сражались со своей обычной яростью и беззаветной храбростью попавших в ловушку. Но они находились между заградительным огнем акустических орудий Кейси и свежими силами, постоянно накапливавшимися у них в тылу. Наконец, командование войск Содружества, предпочитая не терять больше боеспособных подразделений, сдалось — и гражданская война между Северным и Южным Разделами Новой Земли закончилась, выигранная кассидианскими силами.

Но меня это совершенно не волновало. В полубессознательном состоянии от лекарств меня доставили назад в Блау-вэйн в госпиталь. Рана на моем колене осложнилась из-за не-

достатка внимания — я не знаю деталей, но, несмотря на то, что врачи смогли залечить ее, колено работало плохо. Единственным лечением для этого, как мне объяснили медики, было хирургическое вмешательство и новое искусственное колено — и они не советовали мне этого делать. Настоящая плоть и кровь, пояснили они, все же лучше, чем что-либо созданное человеком для замены.

Меня, однако, больше волновало другое. Был схвачен сержант, устроивший резню. И — как он сам и предсказывал — он был расстрелян взводом солдат, согласно положению Кодекса Наемников, касающемуся отношения к военнопленным.

Потому что, как сказал он сам, его казнь не изменила порядок вещей. То, что он написал на Дэйве и других военнопленных своей игловинтовкой, невозможно было забыть как мне, так и любому другому человеку. И этим он что-то со мною сделал.

Я уподобился часам с какой-то сломанной деталью, которая не остановила их ход, но которая бестолково болтается внутри корпуса, и ее можно услышать, если эти часы взять и потрясти. Я был сломан изнутри. И даже похвала, пришедшая из Межзвездной Службы Новостей и принятие меня в полноправные члены Гильдии не могли излечить мою душу. Но благодаря богатству и могуществу Гильдии, теперь, когда я был ее полноправным членом, мне стало доступно то, что было в возможностях лишь нескольких частных организаций — они послали меня к волшебникам духовного лечения на Культис, больший из двух экзотиканских миров.

На Культисе меня соблазнили тем, что я начал лечить сам себя — но они не могли заставить меня изменить ту манеру, которую я избрал для своего лечения. Прежде всего не потому, что не имели власти (хотя я и не уверен, что они в действительности понимали, насколько они ограничены, особенно в том, что касалось меня), а потому, что их базовая философия запрещала использование силы для давления на психику человека, так же как запрещала предпринимать любые попытки контролировать желания индивидуума. Они лишь могли манить меня тем путем, который с их точки зрения считался верным.

И инструмент, избранный ими для этого, был мощным. Это была Лиза Кант.

— ... Но ты не психиатр! — пораженный, сказал я Лизе, когда она впервые появилась в том месте на Культисе, куда меня доставили. Я, расслабившись, лежал у плавательного

бассейна, впитывая солнечные лучи, когда она неожиданно оказалась возле меня и на мой вопрос ответила, что Падма рекомендовал ее как индивида, который должен был работать со мной для возвращения моего эмоционального настроя.

— А как ты можешь знать, кто я есть? — резко спросила она, но уже не таким холодным тоном урожденного экзотиканца. — Прошло уже пять лет с тех пор, как я впервые встретила тебя в Конечной Энциклопедии, и к тому времени я уже имела достаточный опыт!

Я лежал, моргая глазами и смотря на нее, стоявшую надо мной. И медленно что-то, словно дремлющее во мне, стало пробуждаться к жизни и снова начало тикать и двигаться. Я встал на ноги. Вот я, тот, кто способен выбрать надлежащие слова, чтобы заставлять людей дергаться, подобно марионеткам, а сделал столь глупое утверждение.

— Так значит, ты действительно психиатр? — спросил я.

— И да и нет, — тихо ответила она, неожиданно улыбнувшись. — Так или иначе, но ты не нуждаешься в психиатре.

И в тот момент, когда она произнесла это, я очнулся и понял, что это именно моя мысль, что эта мысль была со мной постоянно, но, закованный в свои страдания, я предоставил Гильдии сделать собственные выводы. Неожиданно во всем механизме моего сознания снова начали срабатывать крохотные реле и снова вернулось способность понимания.

Если она знала это, то что же она могла знать еще?

И сразу же тревожные сигналы зазвучали в той мысленной цитадели, строительством которой я был занят эти последние пять лет, и обороняющиеся бросились к своим постам.

— Быть может, ты и права, — сказал я, неожиданно насторожившись. Затем усмехнулся. — Почему бы нам не присесть и не поговорить?

— Почему бы и нет? — сказала она.

Мы сели и поговорили — сначала ничего не значащий разговор-прелюдия, пока я присматривался к ней. В разговоре с ней чувствовалось какое-то странное эхо. Я не могу описать это другими словами. Все, что она говорила, каждый ее жест или движение, казалось, были наполнены особым смыслом для меня, смыслом, который я не мог в точности понять.

— А почему Падма подумал, что ты сможешь — я имею в виду то, что ты должна приехать сюда и увидаться со мной? — осторожно спросил я спустя некоторое время.

— Не просто повидать тебя, но и поработать с тобой, — поправила она меня.

Она была одета не в одеяние, типичное для экзотиканских

миров, а в обычное короткое платье для прогулок. Глаза ее были накрашены сильнее, чем когда-либо раньше. Неожиданно она бросила на меня взгляд, вызывающе-острый, как копье.

— Потому что он считает, что я один из двух порталов, через которые до тебя все еще можно добраться, Тэм.

Этот взгляд и слова потрясли меня. Если бы не это странное, сопутствующее ей эхо, я бы совершил ошибку, предположив, что она меня таким образом приглашала. Но в этом было что-то более важное.

Я сразу же мог спросить ее, что она имела в виду. Но, поскольку я только что пробудился вновь, я был осторожен. Я сменил тему — мне кажется, я пригласил ее присоединиться ко мне, чтобы поплавать или проделать что-то в этом роде, — и вернулся к этой теме лишь спустя несколько дней.

К этому времени я уже полностью пришел в себя и держался настороже, стараясь оглядеться вокруг и догадаться, откуда шло эхо, чтобы понять, что именно проделывалось со мной методами экзотиканского мира. Вероятно, надо мной работали на уровне подсознания, весьма искусной координацией тотального давления — давления, которое не пыталось заставить меня двигаться в том или ином направлении, но которое постоянно предлагало мне снова взяться за руль управления своим существом и управлять собой. Короче говоря, само строение, в котором я жил; погода, которая окружала его; стены, мебель, цвета и очертания — все было подобрано таким образом, чтобы воздействовать на подсознание и заставлять меня жить — и не только жить, но жить активно, радостно и полнокровно. Это было не просто приятное жилище, это было радостное жилище, стимулирующая среда, окружавшая меня.

И Лиза была ее составной частью.

Я стал замечать, что по мере того, как я выходил из депрессии, менялись не только цвета и очертания мебели моего жилища, но и выбор ею тем для разговора, тон ее голоса, ее смех; и все для того, чтобы постоянно прилагать максимум давления на мои изменяющиеся и развивающиеся чувства. Я не думаю, что Лиза понимала, как все эти части вместе производили нужный эффект. Для этого бы потребовалось быть уроженцем экзотиканского мира. Но она понимала — сознательно или подсознательно — свою собственную роль в этом. И играла ее.

Меня это не волновало. И совершенно непреодолимо, по мере того, как я себя вылечивал, я стал в нее влюбляться.

Для меня никогда не был трудным найти себе женщину, с того момента, как я вырвался из дядино дома и начал ощу-

щать силу и могущество своего тела и разума. Все они были хорошенькими, и в них довольно часто присутствовала старая жажда влюбленности, которая часто оказывалась неудовлетворенной. Но до Лизы все они, красивые или нет, ломались и становились пустышками для меня. Это было так, словно я постоянно ловил поющих воробьев и приносил их домой только для того, чтобы на следующее утро обнаружить, что за ночь они превратились в обычных воробышков и их дикая песенка свелась к тривиальному чириканью.

Затем я понял, что это был мой собственный просчет — именно я делал из них поющих воробьев. Какая-то случайная черта ее лица или что-то еще вызывали во мне ощущение наподобие взмывающей в небо ракеты. И мое воображение, а вместе с ним и мой язык, разыгрывались настолько, что силой слов подымали нас обоих и уносили туда, где было много света, воздуха, зеленой травы и журчащей воды. И там, для нас, я строил замок, полный света, воздуха, обещаний и красоты.

Ей всегда нравился мой замок. Она с удовольствием отправлялась туда на крыльях моего воображения, и мне казалось, что мы летим туда вместе. Но на другой день я оказывался перед фактом, что свет угас, песня стала фальшивой. Потому что в действительности она не верила в мой замок. Об этом было хорошо мечтать, но не пытаться перевести это в обычный камень, дерево, стекло и черепицу. Когда же дело доходило до реалистичных вещей, такой замок воспринимался, как сумасшествие. И я должен был отбросить саму мечту о нем в пользу какого-то нормального дома. Быть может, нечто похожее на жилище моего дяди Матиаса из пенобетона. С практичными видеоэкранами вместо окон, с экономичной кровлей, а не возносящимися в небо башнями, и с покрытыми стеклом балконами, а не открытыми лоджиями.

И поэтому мы расставались.

Но Лиза не покинула меня, как это всегда бывало с другими, когда я, наконец, влюбился в нее. Она по собственной воле все летала и летала со мной. И тогда в первый раз я понял, почему она иная, почему она никогда не становилась такой, как другие.

Это было потому, что она сама строила свои собственные воздушные замки, еще до того, как я повстречался с ней. Так что ей не нужна была помощь с моей стороны, чтобы достигнуть страны очарования, потому что она бывала там раньше меня на своих сильных крыльях. Мы были как бы породнены небом, хотя наши замки и отличались друг от друга.

И именно это различие в замках остановило меня, когда,

наконец, пришло время разбить скорлупу экзотиканского мира. Потому что когда я подошел к тому, чтобы заняться с ней любовью, она меня остановила.

— Нет, Тэм, — сказала она и отстранила меня. — Пока еще нет.

«Пока еще нет» могло означать «не в эту минуту» или «не сегодня». Но, посмотрев на изменения, происшедшие с ее лицом, на то, как ее глаза старались не смотреть на меня, неожиданно я понял. Что-то стояло между нами, наподобие полураскрытых створок ворот, и мой ум тут же подсказал название этому.

— Энциклопедия, — произнес я. — Ты по-прежнему хочешь, чтобы я вернулся и работал над ней. — Я пристально посмотрел на нее. — Хорошо. Попроси меня еще раз.

Она покачала головой.

— Нет, — тихо произнесла она. — Падма сказал мне, еще до того, как я выследила тебя на вечеринке Донала Грина, что ты никогда бы не пришел туда просто потому, что я попросила бы тебя. Но тогда я ему не поверила. А сейчас верю.

Она повернула голову и пристально посмотрела мне прямо в глаза.

— Если бы я сейчас и попросила, и дала бы мгновение на раздумье, прежде чем ответить, ты бы снова сказал нет, даже сейчас.

Мы сидели на краю бассейна, купаясь в солнечных лучах, и она глядела на меня с какой-то тоской. Позади нее находилась куст огромных желтых роз, и их отсвет озарял ее лицо.

— Не так ли, Тэм? — спросила она.

Я открыл было рот, но, не сказав ничего, закрыл. Потому что, подобно каменной деснице небесного божества, все, что я позабыл, пока приходил в себя здесь, все, что Матиас и тот сержант Содружества высекли в моей душе, неожиданно тяжело обрушилось на меня.

Створки ворот со скрежетом захлопнулись между мной и Лизой, и этот стук отдался эхом до самых глубин моего существа.

— Это правда, — признал я бесстрастно. — Ты права. Я бы сказал нет.

Я посмотрел на Лизу, сидящую среди осколков нашей общей мечты. И кое-что вспомнил.

— Когда ты в первый раз пришла сюда, — произнес я медленно, но беспощадно, потому что она снова была почти что моим врагом, — ты упомянула что-то насчет того, что

Падма сказал, что ты один из двух порталов, через которые до меня можно дотянуться. А что — второй? Я тогда не спросил.

— Но теперь ты не можешь подождать, чтобы не заделать и второй, не так ли, Тэм? — спросила она с горечью. — Хорошо, тогда скажи мне кое-что.

Она подобрала упавший лепесток с одного из цветков подле нее и бросила его в неподвижные воды бассейна, где он поплыл, подобно маленькой хрупкой желтой лодочке.

— Ты уже связывался со своей сестрой?

Ее слова обрушились на меня, подобно железному брусу. Все дело Эйлин и Дэйва, и смерть Дэйва, после того, как я обещал Эйлин сохранить его в безопасности, все это сразу как водоворот обрушилось на меня. Сам того не заметив, я обнаружил, что вскочил на ноги и что меня прошиб холодный пот.

— Я так и не смог... — начал было я. Но мой голос отказался повиноваться мне. Мое горло словно сжало тисками, и я смолк и остался стоять лицом к лицу с сознанием собственной трусости в душе.

— О н и ей все сообщили! — заорал я в ярости на Лизу, которая все еще сидела и смотрела на меня снизу вверх.

— Кассидианское командование должно было сообщить ей об этом. Какое это имеет значение... не думаешь же ты, что она не знает, что случилось с Дэйвом?

Но Лиза ничего не ответила. Она просто сидела и смотрела на меня. И затем я понял, что она больше ничего не скажет. Ничего, так же как и обучавшие ее экзотиканцы, те, кто обучал ее почти что с колыбели, тоже бы не сказали, что мне делать дальше.

Но ей не нужно было этого делать. В моей душе снова проснулся Дьявол. И теперь он стоял, хохоча, на дальнем берегу реки горящих углей, призывая меня переправиться через нее и померяться с ним силами. И ни человек, ни Дьявол еще не бросали мне вызов впустую.

Я отвернулся от Лизы и ушел.

Глава 15

Как полноправному члену Гильдии, мне больше не требовалось говорить о целях моего путешествия, чтобы получить для этого деньги. Валютой в расчетах между мирами были знания и умения людей, которые передавались, как вещи. Таким же образом, кредитом, легко конвертируемым в подобную валюту, была информация, собираемая и переправляемая опытными сотрудниками Межзвездной Службы Ново-

стей, которые были не менее необходимы для индивидуальных миров, между звездами. Так что Гильдия не была бедной. И примерно две сотни ее полноправных членов имели достаточно средств на любом из четырнадцати миров, на которые могли рассчитывать, и средства эти были таковы, что им могли бы позавидовать многие главы правительств.

Самым любопытным результатом в моем случае оказалось то, что деньги как таковые перестали иметь какое-либо значение для меня. В какой-то частице своего разума, которая раньше была занята всем, что касалось средств к существованию, теперь зияла пустота, но туда уже хлынули, заполняя ее, как показал долгий перелет с Культиса на Кассиду, воспоминания. Воспоминания об Эйлин.

Я никогда не думал, что она занимала столь значимое место в моей ранней жизни, еще при жизни наших родителей, а в особенности после их трагической гибели. Но теперь, пока космический корабль совершал гиперпрыжки меж звезд, эти мгновения и сцены проходили, толпясь, перед моим мысленным взором, пока в одиночестве я сидел в своей каюте первого класса. Или, если угодно, — в холле, потому что не было настроя для поиска компании.

Эти воспоминания не были драматическими. Это были воспоминания о подарках, которые она дарила мне на дни рождения или по другим поводам. Это были моменты, когда она помогала мне переносить невыносимо-пустое давление, оказываемое Матисом на мою душу. Это были не самые счастливые ее мгновения, которые я теперь отчетливо помнил, и лишь теперь понял, что это были моменты грусти и одиночества, но тогда я не понимал этого, потому что был слишком погружен в свои собственные несчастья. Неожиданно я вспомнил, что она часто не обращала внимания на свои проблемы, чтобы в чем-то помочь мне, но не мог вспомнить ни одного случая, когда бы я забывал о своих, чтобы помочь ей.

И по мере того, как воспоминания все сильнее охватывали меня, мои внутренности скручивались в тугую, холодный узел вины и несчастья. Я попытался между одной из серий гиперпрыжков затопить это чувство алкоголем. Но обнаружил, что не ощущаю ни вкуса, ни воздействия спиртного.

И в таком состоянии я прибыл на Кассиду.

Более бедная, несколько меньшая планетная соседка Ньютона, с которым она разделяла планетную систему из двенадцати тел, Кассида не имела академической связи с соседним миром и соответственно — имела довольно незначительный приток научных и математических умов, которые и

сделали несколько ранее колонизированный мир Ньютона богаче.

Из космопорта неподалеку от столицы Моро я на челноке совершил перелет в Албан, спонсируемый Ньютоном университетский городок, где Дэйв изучал механику гиперпрыжков, и где они оба — он и Эйлин — подрабатывали.

По сути своей, это был эффектный людской муравейник, а не город, на самых разных уровнях. Не то, чтобы не хватало земли, на которой он был построен, а потому что основная его часть была построена на кредит, предоставленный Ньютоном. И в целях экономии средств все необходимые здания компактно располагались на весьма небольшой территории.

На аэродроме, где совершил посадку челнок, я взял с собой указатель и настроил его на адрес Эйлин, который она сообщила мне в единственном письме, полученном мной утром в день гибели Дэйва. Следуя показаниям указателя, мой путь должен был пройти через серию вертикальных и горизонтальных тоннелей и проходов, по жилищному комплексу, который находился над уровнем земли. Это был не самый удобный, но наиболее короткий путь.

Когда я повернул в последний проход, ведущий прямо к нужной мне двери, в первый раз настоящие эмоции, которые не позволяли думать об Эйлин, пока Лиза не привлекла мое внимание к этому, начали бурлить во мне. И снова та сцена на лесной просеке возникла перед моим взором так ясно, словно кошмар, страх и ярость возгорелись во мне, подобно лихорадке.

На какой-то момент я замедлил шаг — почти остановился. Но затем та инерция, которая накопилась во мне за все долгое путешествие, донесла меня до двери, и я нажал клавишу вызова.

Прошла бесконечная секунда ожидания. Затем дверь открылась, и я увидел лицо женщины среднего возраста. Я был потрясен, так как это была не моя сестра.

— Эйлин... — только и смог выдавить я. — Я имею в виду — миссис Дэвид Холл? Ее здесь нет? — Затем я вспомнил, что эта женщина не может меня знать.

— Я ее брат — с Земли. Журналист Тэм Олин.

Конечно же, на мне были плащ и берет, и само по себе это было достаточным опознавательным знаком. Но в эти мгновения я совершенно забыл об этом. Мне помнится, что женщина чуть замешкалась. Наверное, прежде она никогда не видела действительного члена Гильдии во плоти.

— А, так она переехала, — произнесла женщина. — Это

жилье было слишком велико для нее одной. Она переехала ниже на несколько уровней и к северу. Одну минутку, я сейчас запишу вам ее номер.

Она метнулась прочь. Я слышал, как она о чем-то говорила с женщиной, а затем вернулась с листком бумаги.

— Вот здесь, — сказала она, чуть задышав. — Я записала адрес для вас. Вы пойдете прямо по этому коридору — о, я вижу, у вас есть стержень-указатель. Тогда настройте его. Это недалеко.

— Благодарю вас, — произнес я.

— Не стоит благодарности. Мы рады... Что ж не смею вас задерживать, — произнесла она мне вслед, ибо я уже начал отворачиваться. — Рада была помочь вам. До свидания.

— До свидания, — пробормотал я и пошел вниз по коридору, одновременно настраивая указатель. Он повел меня вниз — и вот, наконец, дверь, у которой я нажал клавишу вызова — она оказалась достаточно глубоко под уровнем земли.

На этот раз мне пришлось ждать больше. Но когда дверь открылась — я увидел сестру.

— Тэм, — произнесла она.

Казалось, она совсем не изменилась. В ней не было заметно никаких перемен и признаков горя, и во мне неожиданно воспрянула надежда. Но когда она осталась стоять, глядя на меня и ничего не говоря, надежда покинула меня. Я ничего не мог сделать, кроме одного — ждать, поэтому просто стоял и ждал.

— Входи, — наконец произнесла она тем же тоном, затем посторонилась, и я вошел внутрь. Дверь плавно закрылась за мной.

Я осмотрелся, и меня на мгновение шокировало то, что я увидел. Комната в серых тонах, ничуть не больше, чем та каюта первого класса, которую я занимал на корабле по пути сюда.

— Почему ты живешь здесь? — взорвался я.

Она равнодушно посмотрела на меня.

— Это дешевле, — безразлично ответила она.

— Но тебе не нужно экономить деньги! — воскликнул я. — Я уже устроил дело с твоим наследством от Матиаса — обо всем этом было договорено с кассидианином, работавшим на Земле, чтобы передать средства тебе сюда через его семью. Ты хочешь сказать, — такая мысль никогда не приходила мне в голову, — что здесь у тебя были какие-то помехи? Разве его семья не платила тебе?

— Да, — достаточно спокойно произнесла она. — Но есть еще и семья Дэйва, о которой тоже надо побеспокоиться.

— Семья? — я тупо уставился на нее.

— Младший брат Дэйва еще учится в школе — впрочем, это не имеет значения.

Она по-прежнему стояла, не предложив сесть и мне.

— Это слишком долгая история, Тэм. Зачем ты приехал сюда?

Я уставился на нее.

— Эйлин, — умоляюще произнес я.

Она ждала.

— Послушай, — сказал я, хватаясь как за соломинку, за тему в начале нашей беседы, — даже если ты и помогаешь семье Дэйва, в этом больше нет никакой проблемы. Теперь я полноправный член Гильдии. Я могу помочь тебе любыми средствами, сколько бы тебе ни понадобилось.

— Нет.

Она покачала головой.

— Но, во имя небес — почему? Я говорю тебе — у меня есть неограниченный...

— Я ничего не хочу от тебя, Тэм, — сказала она. — И все же спасибо. Мы прекрасно справимся; семья Дэйва и я. У меня неплохая работа.

— Эйлин!

— Однажды я уже попросила тебя, Тэм, — произнесла она, по-прежнему не двинувшись с места. — Зачем ты сюда приехал?

Если бы она обратилась в камень, и то в ней не было бы столь большой перемены, как в сестре, которую я знал. Больше она не была человеком, которого я знал. Теперь она была для меня абсолютно чужой.

— Повидаться с тобой, — ответил я. — Я думал, что ты, наверное, хотела бы узнать...

— Я все знаю об этом, — ответила она, по-прежнему без намека на эмоции. — Мне все об этом рассказали. Они сказали мне, что ты тоже был ранен, но сейчас с тобой все в порядке, не так ли, Тэм?

— Да, — в отчаянии произнес я. — Но не совсем. Мое колено все время побаливает и не гнется. Врачи сказали, что оно таким и останется.

— Это плохо, — произнесла она.

— Черт побери, Эйлин! — взорвался я. — Не стой просто так, разговаривая со мной, словно ты меня не знаешь! Я ведь твой брат!

— Нет. — Она покачала головой. — Единственные родственники, которые у меня теперь есть, и единственные, кого я теперь хочу иметь — это семья Дэйва. Они нуждаются во мне. Ты же не нуждаешься, да и никогда не нуждался, Тэм. Ты всегда жил для себя, только для себя.

— Эйлин! — снова умоляюще произнес я. — Послушай, я знаю, что ты должна винить меня — хотя бы частично — в смерти Дэйва.

— Нет, — ответила она. — Ты не можешь изменить то, что уже случилось. Это был мой собственный просчет. Все эти годы я пыталась убедить себя, что ты — не такой, каким кажешься на самом деле. Я думала, что в тебе было что-то, до чего Матиас так и не добрался, что-то, чему нужен лишь шанс, чтобы проявиться. Именно на это я рассчитывала, когда попросила тебя принять решение насчет Джэми. И когда ты написал, что собираешься помочь Дэйву, я была уверена, что то, что в тебе все-таки было, наконец-то проявится. Но, к сожалению, я ошибалась в обоих случаях.

— Эйлин! — вскричал я. — Это не было моей виной, что мы наткнулись на сумасшедшего. Может быть, я должен был поступить иначе, но я пытался заставить его покинуть меня, после того как меня подстрелили, однако он не захотел. Разве ты не понимаешь, это не было полностью моей виной!

— Конечно же, не было, Тэм, — произнесла она. Я устался на нее.

— Вот почему я не виню тебя. Ты не более ответственен за свои поступки, нежели полицейская собака, которая обучена атаковать всякого, кто бежит. Ты как раз то, что из тебя сделал дядя Матиас — ты УНИЧТОЖИТЕЛЬ. Это не твоя вина, но это все равно ничего не изменит. Несмотря на всю борьбу, которую ты с ним вел, учение Матиаса об УНИЧТОЖЕНИИ наполнил тебя до краев, Тэм, и ничего другого не оставили.

— Ты не можешь так говорить! — закричал я на нее. — Это неправда. Дай, ну дай мне еще один шанс, Эйлин, и я докажу тебе! Я докажу тебе — это неправда!

— Сожалею, но это — правда, — твердо произнесла она. — Я знаю тебя, Тэм, лучше, чем кто-либо. Я просто не хотела этому верить, но, видно, придется. Но теперь — во имя семьи Дэйва, которая во мне нуждается. Я не смогла помочь Дэйву, но я смогу помочь им — сколь долго, не знаю, но только если никогда больше не увижу тебя. Если я позволю тебе приблизиться к ним через меня, ты и их уничтожишь.

Она замолчала и посмотрела на меня. Я открыл было рот, чтобы возразить ей, но понял, что это ничего не изменит. Мы просто молча стояли друг против друга на расстоянии в несколько футов и смотрели через пространство, которое на самом деле было гораздо шире, словно бездна, глубже и шире всего, с чем до сих пор мне приходилось сталкиваться.

— Что ж, Тэм, тебе лучше уйти, — наконец произнесла она.

Ее слова снова вернули мне чувство реальности.

— Да, — уныло согласился я. — Кажется, так будет лучше.

Я отвернулся от нее и пошел к двери. Какое-то мгновение во мне еще теплилась надежда, что она может позвать обратно. Но позади меня не было слышно никаких звуков движения. Проходя через дверь, я в последний раз оглянулся обратно.

Она не двинулась с места и по-прежнему стояла на том же месте, словно незнакомый мне человек, ожидая, когда я уйду.

И я ушел. И совершенно подавленный вернулся в космопорт.

Один, один, совершенно один...

Глава 16

Я на первом же корабле вылетел на Землю. Теперь у меня было преимущество практически перед кем угодно, кроме лиц с дипломатическим статусом, и я пользовался им.

Я вновь оказался в каюте первого класса, но теперь мне было еще более одиноко, чем раньше. Эта закрытая каюта была подобна убежищу отшельника вроде меня. Словно кокон, в котором я мог запереться и прийти себя, прежде чем снова появлюсь на людях. Ибо с меня было содрано все, вплоть до самой сути моего старого «я», и не осталось ни одной иллюзии, которая могла бы успокоить меня.

Большую часть иллюзий еще довольно рано содрал Матиас. Но оставались клочки — наподобие омытой дождем памяти о руинах Парфенона, на которые я привык смотреть через видеозэкраны еще мальчишкой. После того, как смертоносная диалектика Матиаса срывала с меня еще один лоскут нерва или мышц, Парфенон, как казалось моему юному разуму, опровергал все аргументы Матиаса.

Когда-то было так, — и, следовательно, я должен был ошибаться. Парфенон существовал с давних пор, и если бы люди Земли были тем, чем определил их Матиас, он никогда не был бы построен. Но он б ы л — и это я видел своими гла-

зами. Потому что сейчас это уже были просто руины, а учение Матиаса вынесло испытание временем. Однако я каким-то образом сохранил мечты о слове и правоте для тех, кто родился на Земле, несмотря на измененные и величественные детища других миров, бывшие руинами, подобно Парфенону.

О чем говорила Лиза? Если бы я понял ее, то мог бы предвидеть эту ситуацию и не строил бы иллюзий, что Эйлин могла простить меня за смерть Дэйва. Лиза тогда упомянула о двух порталах; что для меня остались только два портала, и что она была одним из них. Теперь я знал, что такое эти два портала. Это были двери, сквозь которые меня могла достать любовь.

Любовь — смертоносная болезнь, которая забирает силу у мужчин. Не просто плотская любовь, но любой, даже слабый голод по привязанности, по красоте, по надежде на приход чуда. Ибо теперь я вспомнил одну вещь, которую так никогда и не смог сделать. Я никогда не мог причинить боль Матиасу, к моему стыду, или даже побеспокоить его. А почему бы и нет? Потому что он был в совершенном здравии, как какое-нибудь стерилизованное тело. Он никого и ничего не любил. И таким образом, отринув Вселенную, он ее же и заполучил, потому что для него Вселенная тоже была ничем. И в этой превосходной симметрии, ничто по отношению к ничто, он и отдыхал, умиротворенный, подобно камню.

И неожиданно я понял, что снова мог бы выпить. До сих пор я не мог этого сделать из-за ощущения вины и надежды и из-за изорванных ключев подкупающей, чувствительной к любви плоти, все еще трепещущей на чистом скелете философии Матиаса внутри меня. Но теперь...

Я громко рассмеялся в своей каюте. Потому что тогда, в пути на Кассиду, когда мне столь необходима была эта анестезия спиртным, я не смог ее использовать. А теперь, когда в ней не было необходимости, я мог плыть в ней, если бы того пожелал.

Естественно, всегда с оглядкой на значимость моего профессионального положения и на то, чтобы не перебирать на публике. Но теперь не было никакой причины, удерживавшей меня от того, чтобы в одиночестве напиться в своей каюте прямо сейчас, если мне того хотелось. И действительно, была масса причин, чтобы сделать именно это. Ибо это был повод для праздника — час моего освобождения от слабостей плоти и разума, которые причиняли боль всем обычным людям.

Я заказал бутылку, бокал и лед. И поздравил свое отражение в зеркале, напротив дивана, где сидел я с бутылкой у локтя.

«Slainte, Tam Olyn bach!» — поздравил я себя. И в этот момент в моих жилах метафорически пенилась вся моя наследственность шотландцев и ирландцев. Я пил крупными глотками.

Доброе виски разожгло внутри меня огонь, и комфорт снизошел на меня. И спустя некоторое время тесные стены каюты отодвинулись от меня на какое-то расстояние, тогда как обширные воспоминания того, как я летел, держа в упряжке молнии, под гипнотическим воздействием Падмы, в тот день в Энциклопедии, снова вернулись ко мне.

И я еще раз почувствовал силу и ярость, пришедшие ко мне в ту минуту, и я впервые понял, что во мне нет больше человеческой слабости, сдерживающей меня, чтобы помешать использованию молний. Ибо в первый раз я увидел возможности для их применения и УНИЧТОЖАЮЩУЮ силу! Возможности, по сравнению с которыми то, что сделал Матиас, или то, чего я достиг до сих пор, было детской игрой.

Я пил, мечтая о вещах, которые были возможны. И спустя некоторое время я заснул или забылся — что бы это ни было, и мне наяву пригрезилось.

Это был сон, в который я погрузился прямо из состояния бодрствования, без всякого, как казалось, перехода. Неожиданно я очутился там — и это т а м было каким-то местом на каменистом холме, между горами и морем на западе, в маленьком каменном жилище, скрепленном торфом и грязью. Маленькое однокомнатное жилье без очага, с примитивным горном, со стенами, сходящимися к дыре в крыше для выхода дыма. На стене, возле огня, на двух деревянных колышках, вбитых в пазы между камнями, висела моя единственная ценная вещь.

Это было семейное оружие, настоящий, неподдельный старинный палаш шотландских горцев — клайдхэммор — «великий меч». Длиною свыше четырех футов, прямой и обоюдоострый, с широким лезвием, не сужающийся к концу. Рукоятка его была простой, с поперечным стержнем, с градами, смотревшими вниз. Вместе с тем, это был двуручный меч, осторожно завернутый в промасленные тряпки и лежавший на колышках, ибо у него не было ножен.

Но во сне я снял и развернул его, ибо был человек, с которым мне предстояло встретиться через три дня, примерно в полудне пути оттуда. Два дня небо было безоблачным, и хотя солнце светило ярко, было холодно. Я сидел на берегу, затачивая оба края длинного меча серым, сглаженным морем камешком, подобранным на берегу. На утро третьего дня небо

было затянуто облаками, и с рассветом начался легкий дождь. Поэтому я укрыл меч длинной прямоугольной шотландкой, что накинул на себя, и отправился на место встречи.

Дождь яростным холодным потоком хлестал мне в лицо. Ветер был пронизывающим, но под толстой, чуть ли не промасленной шерстью моей шотландки я и мой меч были сухими, и прекрасная, яростная радость поднималась во мне — чудесное чувство, превосходящее все, что я когда-либо чувствовал прежде. Я мог попробовать его на вкус, как волк, должно быть, чувствует вкус горячей крови в своей пасти, ибо не с чем было сравнить это ощущение. Я шел для того, чтобы отомстить.

И неожиданно я проснулся. Я увидел, что бутылка почти пуста, и почувствовал тяжелое, вялое похмелье. Но радость из моего сновидения по-прежнему была со мной. И я вытянулся на диване и снова заснул.

На этот раз мне ничего не приснилось.

Когда я проснулся, я не почувствовал никаких последствий похмелья. Рассудок был холоден, чист и свободен. Я мог вспомнить, словно это было всего лишь секунду назад, когда мне грезилось, нарастающее чувство радости, ощущаемое мной, когда я с мечом в руке шел под дождем на встречу. И неожиданно я отчетливо увидел перед собой мой путь.

Я закрыл два портала, которые оставались, — и это означало, что я отбросил от себя любовь. Но теперь, чтобы заметить ее, я нашел богатое, как вино, чувство радости отмщения. Я чуть не рассмеялся вслух при мысли об этом, потому что вспомнил, что сказал мне сержант Содружества, перед тем как покинуть меня, оставив наедине с телами тех, кого он убил.

— Стереть, что начертано мною на этих людях — за пределами возможностей твоих или любого иного человека.

И это было правдой. Я не мог стереть именно это, особое его начертание. Но я — один-единственный среди четырнадцати миров человек — имел силу и умение, чтобы стереть нечто гораздо большее. Я мог стереть инструменты, которыми создавали подобные начертания. Я был наездником и повелителем молний. И с этим я мог уничтожить культуру и население обоих миров Содружества. Я видел уже проблески метода, которым это могло быть сделано.

К тому времени, когда мой космолет достиг Земли, основной набросок моих планов уже был готов.

Моей немедленной целью было быстрое возвращение на Новую Землю, где Старейшина Брайт, выкупив подразделения, взятые в плен Кейси Грином, немедленно усилил их. Усиленное подразделение расположилось лагерем рядом с Моретоном, столицей Северного Раздела, как оккупационные силы, требующие выплаты межзвездных кредитов, причитающихся мирам Содружества за войска, нанятые теперь уже несуществующим мятежным правительством.

Но было еще одно дело, о котором надо было побеспокоиться перед тем, как отправиться на Новую Землю. Прежде всего, мне была необходима санкция и одобрение того, что я намеревался сделать. Ибо как только вы становитесь полноправным членом Гильдии Журналистов, над вами не существует более высокой власти, чем пятнадцать членов Совета Гильдии, наблюдающих за выполнением Кредо Непредвзятости, которому должны были следовать все члены.

Я назначил встречу с Пирсом Лифом, председателем этого Совета. Это было яркое апрельское утро в Сент-Луисе, и словно находившаяся напротив города Конечная Энциклопедия, я, наконец, обнаружил, что сижу напротив него, за широким дубовым столом в его офисе на верхнем этаже здания Гильдии.

— Вы прошли долгий путь довольно быстро для такого молодого человека как вы, Тэм, — заметил он после того, как заказал нам кофе и тот был немедленно доставлен.

Это был сухощавый, невысокого роста человек, на вид ему было около шестидесяти, и он никогда не покидал Солнечную Систему, а в последнее время редко оставлял и Землю из-за общественного аспекта председательства.

— Не говорите мне только, что вы все еще не удовлетворены. Что вы хотите теперь?

— Я хочу место в Совете, — произнес я.

Он подносил чашку с кофе ко рту, когда я произнес эти слова. Он продолжил начатое движение, ничуть не помедлив. Но неожиданный взгляд, который он метнул в меня из-за края своей чашки, был острым, как взгляд сокола. Но единственное, что он сказал:

— Вот как? Почему?

— Я вам объясню, — ответил я. — Может быть, вы заметили, что я, кажется, обладаю способностью оказываться там, где появляются новости.

Он поставил чашку точно в центр блюда.

— Это, Тэм, — произнес он мягко, — и есть причина, по которой вы теперь носите на себе плащ постоянно. Как вы понимаете, мы ожидаем вполне определенных вещей от членов.

— Да, — подтвердил я. — Но думаю, что мои способности могут быть несколько выше обычных, — произнес я, заметив, как неожиданно взметнулись его брови, — я не утверждаю, что обладаю даром предвидения. Я просто подумал, что у меня есть талант для более детального разбора различных ситуаций по сравнению с другими членами.

Его брови опустились. Он слегка нахмурился.

— Я знаю, — продолжил я, — что это звучит как хвастовство. Но давайте остановимся и предположим, что у меня есть то, что я утверждаю. Не мог бы подобный талант быть весьма полезен Совету в его решениях, касающихся политики Гильдии?

Он снова остро взглянул на меня.

— Возможно, — произнес он, — если бы это было правдой и действовало бы каждый раз, независимо от числа условий.

— Но если бы мне удалось убедить вас, вы бы поддержали меня на следующей сессии Совета?

Он рассмеялся.

— Я мог бы, — произнес он. — Но как вы собираетесь доказать это мне?

— Я сделаю предсказание, — ответил я. — Предсказание, требующее — если окажется правдивым — решения по основной политике Совета.

— Хорошо, — сказал он, по-прежнему улыбаясь. — Что ж, предсказывайте.

— Экзотиканские миры, — произнес я, — готовятся уничтожить Содружество.

Улыбка мгновенно исчезла. Какой-то момент он пристально смотрел на меня.

— Что вы хотите этим сказать? — потребовал он. — Экзотиканцы никого не могут уничтожить. Это не только противоречит тому, во что, как они говорят, они верят, но никто и не может у н и ч т о ж и т ь целых два мира с людьми и их образом жизни... Что вы имеете в виду под «уничтожить», тем не менее?

— Примерно то же, что думаете и вы, — ответил я. — Разрушьте культуру Содружества как рабочую теократию, вызовите финансовое банкротство обоих миров, и у вас останется лишь пара каменистых планет, наполненных голодными

ми людьми, которым либо придется изменить свой образ жизни, либо — эмигрировать на другие миры.

Он снова посмотрел на меня. Долгое мгновение ни один из нас не проронил ни слова.

— Что именно, — наконец произнес он, — привело вас к столь фантастической идее?

— Предчувствие. Моя интуиция, — ответил я. — Плюс тот факт, что именно дорсайский полевой командующий, Кейси Грин, был предоставлен в распоряжение кассидианских сил в самый последний момент, благодаря чему силы Содружества потерпели поражение.

— Ну почему же, — возразил Лиф, — подобная вещь могла произойти на любой войне, где угодно, между любыми двумя армиями.

— Не совсем так, — произнес я. — Решение Кейси обойти северный фланг боевых порядков войск Содружества не было бы столь успешным, если бы днем ранее Старейшина Брайт не принял командование на себя и не приказал подготовить атаку Содружества на южном фланге боевых порядков Кейси. Здесь мы имеем двойное совпадение. Военачальник с экзотиканского мира появляется и продельвает именно то, что нужно, и в тот самый момент, когда силы Содружества предпринимают именно те действия, которые приводят их в весьма уязвимое положение.

Пирс повернулся и потянулся к телефону на столе.

— Не беспокойте себя проверкой, — остановил я его. — Я уже это сделал. Решение передать Кейси было экспромтом принято командованием кассидианских рекрутов, и не было никакой возможности, что разведподразделение Кейси заранее разузнало о задуманной Брайтом атаке.

— Это всего лишь совпадение, — нахмурился Пирс. — Или этот дорсайский военный гений, о котором мы все достаточно хорошо знаем.

— А не думаете ли вы, что этот дорсайский гений может быть слегка преувеличенным? И мне не нравятся совпадения, — произнес я.

— Тогда что же? — потребовал Пирс. — Как вы объясните это?

— Мое предчувствие — моя интуиция — предполагает, что у экзотиканцев есть какая-то возможность предугадывать то, что предпримет Содружество, заранее. Вы говорили о дорсайском военном гении, ну, а как насчет психологического гения Экзотики?

— Да, но... — Пирс неожиданно замолчал, задумавшись. — Все это просто фантастично.

Он снова посмотрел на меня.

— И что вы предполагаете делать на этот счет?

— Позвольте мне разобраться с этим, — попросил я. — Если я прав, то через три года мы увидим войска Экзотики, воюющие с войсками Содружества. Не как наемники в какой-то инопланетной войне, но как силы Экзотики против сил Содружества.

Я помедлил.

— И если я окажусь прав, вы поддержите меня как замену для умершего или уходящего в отставку члена Совета.

И снова сухой маленький человечек сидел, пристально глядя на меня, бесконечно долгую минуту.

— Тэм, — наконец произнес он. — Я не верю ни единому слову. Но разбирайтесь в этом столько, сколько захотите. И я гарантирую, что поддержу вас в Совете — если вопрос дойдет до этого. И если произойдет хоть что-нибудь похожее на то, что вы сказали, приходите, чтобы вновь побеседовать со мной.

— Непременно это сделаю, — сказал я, улыбаясь и вставая со своего места.

Он покачал головой, оставаясь в кресле, но ничего не сказал.

— Я надеюсь увидеться с вами снова через очень непродолжительное время, — произнес я. И вышел.

Это был словно крошечный шип, который я воткнул в него, чтобы постоянно раздражать его ум в том направлении, в котором мне было нужно. Но, к несчастью, Пирс Лиф обладал высокотренированным и созидательным умом. Иначе он просто не мог бы быть председателем Совета. Этот был именно тот тип ума, который не мог отбросить вопрос до тех пор, пока он не решался так или иначе. И если он не мог опровергнуть вопрос, то скорее всего он начал бы поиск доказательств даже в таких местах, о которых другие и догадаться бы не смогли.

И эта особенная колючка имела в своем распоряжении почти три года для проникновения внутрь сердцевины представления Лифа о сути вещей. Я довольствовался тем, что мне придется подождать этого, а пока занялся другими делами.

Я провел пару недель на Земле, приведя в относительный порядок свои личные дела здесь. Но в конце концов я снова отправился на космолете на Новую Землю.

Содружество, как я уже упоминал, выкупив свои подразделения, которые были захвачены в плен кассидианскими си-

лами под командованием Кейси Грина, немедленно укрепило их и разместило около столицы Северного Раздела Моретона в качестве оккупационных сил, требующих уплаты причитавшихся им межзвездных кредитов.

Причитались кредиты, конечно же, от побежденного и теперь уже несуществующего правительства мятежников Северного Раздела, которое их и наняло. Но хотя в этом не было ничего законного, не являлось столь уж редкой практикой между звездами держать целый мир как выкуп за любой долг по контракту с любыми населявшими его людьми.

Конечно же, причина была в этой особой валюте между мирами, которая являлась производительной силой человеческих единиц, будь это психиатры или солдаты. Долг по контракту должен был быть уплачен миром-должником и не мог быть отменен сменой правительства. Как оказалось, правительства легко можно было сменять, если бы это был путь избежания выплаты межпланетных долгов.

На практике же это было обычное дело — «победитель платит за все», даже если сталкивались противоположные интересы на одном-единственном мире, нанявшем помощь с других миров. Что-то вроде обратного гражданского иска для возмещения финансовых потерь, когда проигравшему приходится оплачивать расходы на разбирательство дела. Официально то, что произошло, означало, что правительство Содружества, не получив денег за солдат, предоставленных мятежникам, объявило войну Новой Земле как миру до тех пор, пока Новая Земля не уплатит долг по контракту, заключенному некоторыми из ее жителей.

В действительности же никаких боевых действий не велось, и плата должна была, спустя определенное время, поступить от тех правительств Новой Земли, которые более других были замешаны в происшедшем. В этом же случае — по большей части от правительства Южного Раздела, так как оно было победителем. Но тем временем войска Содружества оккупировали мир Новой Земли. И в мое задание входило написание серии больших статей об этом, когда я сюда прибыл, примерно через восемь месяцев после того, как был увезен отсюда.

Я направился, чтобы повидаться с полевым командующим, на этот раз без всяких препятствий. Было совершенно очевидно, что среди выдутых пластиковых строений лагеря, который они разместили в открытом поле, командование Содружества имело приказ как можно меньше раздражать другие миры, насколько, конечно, это было возможно. Я не услы-

шал той молитвенной разновидности речи, которую солдаты употребляли обычно между собой, как не увидел и ворот у входа в лагерь, вплоть до резиденции полевого командующего. Но несмотря на то, что он «выкал», а не «тыкал» мне, ему не хотелось видеть меня.

— Полевой командующий Вассел, — представился он. — Присаживайтесь, журналист Олин. Я слышал о вас.

Это был человек, которому было где-то под пятьдесят или чуть больше, с коротко подстриженными, совершенно седыми волосами. Он был скроен, словно нижняя половина голландской двери, и у него был массивный квадратный подбородок, который без особого труда придавал его лицу угрюмый вид. Лицо и сейчас выглядело угрюмо, несмотря на то, что он старался выглядеть спокойным, — но я-то знал причину его беспокойства.

— Я предполагаю, что вы слышали, — произнес я довольно угрюмо. — Так что с самого начала, я напому вам кое-что о непредвзятости Межзвездной Службы Новостей.

Он лишь глубже опустил в кресло.

— Мы знаем об этом, — произнес он, — и я не думаю, что у вас есть предубеждение против нас, журналист. Мы сожалеем о смерти вашего шурина и вашем собственном ранении. Но я хотел бы указать, что Служба Новостей послала вас, из всех остальных членов Гильдии, чтобы написать серию статей о нашей оккупации территории Новой Земли...

— Позвольте мне объяснить совершенно четко! — прервал я его. — Я сам выбрал это поручение, командующий. Я попросил его, уверенный, что смогу выполнить его!

К этому моменту лицо его стало столь же угрюмым, как морда бульдога, и на нем читалось лишь недоверие. Я как можно более жалостливо уставился в его глаза.

— Я вижу, вы все еще не понимаете, командующий.

Я выпаливал эти слова как можно более металлическим тоном. И — для моего уха — этот тон был весьма неплох.

— Мои родители умерли, когда мне было еще совсем мало лет. Меня вырастил и воспитал дядя, и целью всей моей жизни было желание стать журналистом. Для меня Служба Новостей гораздо важнее, чем любое иное общество или человеческое существо на любом из четырнадцати цивилизованных миров. Кредо Непредвзятости Гильдии я несу в своем сердце, командующий. И ключевой статьей этого Кредо является непредвзятость — уничтожение, стирание любых личных чувств, которые могут войти в конфликт или воздействовать хотя бы в малейшей степени на работу журналиста.

Он продолжал угрюмо смотреть на меня из-за своего стола. И, как мне показалось, едва-едва, но намек на сомнение вполз в стальное выражение его лица.

— Мистер Олин, — наконец произнес он. Более нейтральное обращение было определенным просветом по сравнению с формальностями, с которых мы начали наш разговор. — Вы пытаетесь мне сказать, что бы, вы здесь для того, чтобы написав эти статьи, доказать отсутствие предубеждения с вашей стороны по отношению к нам?

— По отношению к вам, или к иным людям или вещам, — ответил я, — в соответствии с Кредо Непредвзятости. Эта серия станет публичным свидетельством нашего Кредо и, соответственно, принесет пользу всем, кто носит плащ журналиста.

Я думаю, что он мне даже и тогда не поверил. Его чувства расходились с тем, что я ему говорил. И принятие на веру моей самоотверженности, должно быть, имело хвастливый привкус, слышимый из уст кого-то, кто, как он знал, не был с миров Содружества.

Но в то же время я говорил с ним на его языке. Суровая радость самопожертвования, стоическая ампутация моих собственных личных чувств в преследовании целей выполнения моих обязанностей правдиво соотносилась с верованиями, с которыми он жил всю свою жизнь.

— Мне понятно, — наконец произнес он. Он поднялся на ноги и протянул мне руку; я тоже поднялся.

— Что ж, журналист, я не могу сказать, что мы рады видеть вас здесь, даже сейчас. Но мы будем с вами сотрудничать в рамках разумного, насколько это будет возможно. Хотя любые статьи, отражающие тот факт, что мы находимся здесь как непрошенные посетители на чужой планете, неизбежно причинят нам вред в глазах людей четырнадцати миров.

— Я так не думаю, — произнес я, пожимая его руку. Он отпустил мою руку и посмотрел на меня с вновь проявившимся подозрением.

— То, что я планирую, будет серией редакционных статей, — пояснил я. — Они будут озаглавлены примерно так: «Обстоятельства оккупации войсками Содружества Новой Земли», и они полностью ограничатся рассмотрением отношений и позиций вас и ваших людей в оккупационных силах.

Он уставился на меня.

— Доброго дня, — произнес я.

Я уже выходил, когда расслышал его невнятное «Доброго дня» мне вслед. Я покинул его, сознавая, что он совершенно не уверен, сидит ли он на бочке с порохом или нет.

Но, — и я знал, что так будет, — он начал менять свое мнение, как только появились первые статьи серии в выпусках межзвездных новостей. Есть определенное различие между обычной статьей-репортажем и редакционной статьей. В редакционной статье вы можете представлять дело хоть от лица дьявола. И пока вы не соотносите себя с ним лично, вы можете сохранить свою репутацию беспристрастного наблюдателя.

Я представлял дело за Содружество, в выражениях и терминах самих людей Содружества. Впервые за многие годы о солдатах Содружества писалось в межзвездных новостях без вредной критики. И конечно же, для самих людей Содружества, всякая излишняя критика рассматривалась как предубежденность против них. Ибо они не знали полумер в собственной жизни и не признавали таковой в чужаках. К тому времени, когда я уже наполовину завершил работу над серией, первый командующий Вассел и все его оккупационные силы приняли меня настолько близко к своим угрюмым сердцам, насколько может быть принят человек, не рожденный в мире Содружества.

И конечно же, серия вызвала вой со стороны новоземлян, которые потребовали, чтобы и их взгляды на оккупацию также были описаны. И очень хороший журналист по имени Моха Сканоски был прислан Гильдией для этого.

Но я уже получил первые удачные замечания публики. Однако сами статьи возымели столь сильный эффект, что они почти что убедили меня, что в них правда. В словах присутствует волшебство, когда ими хорошо управляют. И когда я закончил всю серию, я был готов найти в себе какое-то оправдание и симпатии к этим несгибаемым людям спартанской веры.

Но со мной был мой клайдхэмор, пока еще не заостренный и не укрепленный, висящий на каменных стенах моей души, который не мог поддаться подобной слабости.

Глава 18

И все же я по-прежнему находился под пристальным наблюдением моих коллег по Гильдии. И по возвращении в Сент-Луис, на Землю, среди своей почты я обнаружил послание Пирса Лифа.

Дорогой Тэм,

Ваша серия статей оказалось весьма похвальной работой. Но, имея в виду наш последний разговор, я подумал, что прямые репортажи создали бы вам лучший профессиональный рейтинг, чем разборка с фоновым материалом подобного рода.

С наилучшими пожеланиями вашему будущему

П.Л.

В этом читалось совершенно четкое предупреждение о том, чтобы я лично не оказался вовлеченным в ситуацию, которую, как я ему объяснил, собирался исследовать. Это могло вызвать задержку с планировавшимся путешествием на Святую Марию. Но как раз тогда Донал Грин, занявший пост главнокомандующего на мирах Содружества, провел свою невозможную — военные историки утверждали: «невозможно поразительную» — атаку на Ориенте, ненаселенную планету в той же звездной системе, где находились экзотиканские миры. И в результате рейда, как почти немедленно обнаружили все четырнадцать миров, он заставил сдать большую часть космофлота Экзотики и полностью разрушил карьеру и репутацию Женестьева бар-Колмэйна, тогдашнего командующего орбитальными космическими силами экзотиканских миров.

В результате реакция против Содружества, ибо экзотиканцы были весьма уважаемы на всех четырнадцати мирах, полностью стерла внимание, вызванное серией моих статей. И этому я был рад. Чего я надеялся достичь, публикуя их, того и достиг, а именно, полевой командующий оккупационных сил Вассел стал относиться ко мне с меньшей подозрительностью.

Я отправился на Святую Марию, небольшой, но плодородный мир, который вместе с Коби — миром шахт — и несколькими ненаселенными кусками камня, вроде Ориенте, входил в звездную систему экзотиканских миров Мары и Культиса. Официальной целью моего визита являлось наблюдение эффекта военной катастрофы на Ориенте, население которой составляли в основном сельские жители, по большей части исповедующие римско-католическую веру.

Хотя не существовало никаких официальных связей между ними, за исключением пакта о взаимопомощи, Святая Мария по своему расположению и географии представляла собой

почти вассала более крупных и несравненно более могущественных экзотиканских миров. Как и все, имеющие богатых и могущественных соседей, Святая Мария, ее правительства и дела в основном зависели от происходящего на экзотиканских мирах. И это могло представлять интерес для читающей публики четырнадцати миров: как неудача экзотиканских миров на Oriente изменила направление политических ветров и мнений на Святой Марии.

Примерно через пять дней «дергания за струны» я добился интервью с Маркусом О'Дойном, в прошлом президентом и политическим лидером так называемого Голубого Фронта, партии, не находящейся сейчас у власти на Святой Марии. Одного лишь взгляда оказалось достаточно, чтобы понять, что его просто разрывает плохо скрываемая радость.

Мы встретились в его гостиничной резиденции в Блаувэйне, столице Святой Марии. Он был примерно среднего роста, с большой головой. Черты его лица тоже были достаточно крупными: под вьющимися седыми волосами скрывался большой лоб. Голова неуклюже располагалась на его округлых и весьма узких плечах. То и дело во время беседы он по привычке повышал голос, словно находился на трибуне во время митинга. Эта привычка не вызвала моей симпатии к нему. Его выцветшие голубоватые глаза сверкали, когда он что-нибудь говорил.

— ...Пробудило их, клянусь... Г е о р г и е м! — произнес он, как только мы уселись в огромные кресла, расположенные в гостиной его резиденции, с выпивкой в руках. Он на мгновение замер, набирая воздух, и закончил фразу с ударением на ...Г е о р г и й. Словно добивался, чтобы я заметил, что он хочет использовать имя святого, но вовремя сдержал себя. Я быстро понял, что это была его обычная уловка — останавливать себя в последний момент от произнесения непристойностей или богохульства.

— ...обычные люди — сельские люди, — говорил он, наклонившись ко мне. — Все они здесь просто спали. И спали уже долгие годы. Убаюканные этим сынами... Б е л и а л а с экзотиканских миров. Но это дело на Oriente пробудило их. Открыло им глаза!

— Убаюканные? Каким образом? — спросил я.

— Песенками и танцами, песенками и танцами, — О'Дойн покачался взад-вперед в кресле. — Цирковая магия! Тактика... — о, тысяча и одна вещь, журналист. Вы бы не поверили этому!

— А мои читатели? — заметил я. — Приведите примеры!

— Что ж, — черт побери ваших читателей! Да, говорю я, — черт с вашими читателями! — Он снова закачался в кресле, горделиво поглядывая на меня. — Прежде всего меня волнуют настроения обычных обитателей моего мира! Обычных жителей. Лишь они могут вам рассказать о здешней жизни и порядках. Мы здесь вовсе не на задворках, как вы, быть может, думаете, мистер Олин! Нет, я скажу, — черт побери ваших читателей, и черт побери вас! Я ни одному человеку не доставлю неприятностей, упоминая о каких-то примерах, из-за этих... деток в одеяниях.

— В таком случае, вы не дадите мне материала, чтобы писать, — возразил я. — Что ж, давайте тогда несколько сменим тему разговора. Как я понимаю, вы утверждаете, что люди правительства, находящегося сейчас у власти, удерживают ее лишь благодаря давлению экзотиканских миров на Святой Марии. Это так?

— Да они просто потакают им. Это же совершенно ясно, мистер Олин. Правительство — нет и нет! Зовите их Зеленый Фронт, если хотите, как и есть на самом деле! Они утверждают, что представляют интересы всего населения Святой Марии. Они... А вам знакома политическая ситуация, сложившаяся здесь?

— Как я понимаю, — произнес я, — ваша конституция изначально, разделила всю планету на политические районы примерно одинаковой площади с двумя представителями в планетном правительстве от каждого из районов. А теперь, как я понимаю, ваша партия утверждает, что рост городского населения позволил сельским районам установить контроль над городами, так как город вроде Блаувэйна с населением в полмиллиона жителей имеет ничуть не больше представителей, чем район с населением в три-четыре тысячи человек?

— Именно так, именно! — О'Дойн качнулся вперед и прогрохотал мне. — Необходимость в пересмотре и пропорциональном представительстве весьма остра, она всегда возникала в схожих исторических ситуациях. Но в таком случае, Зеленый Фронт окажется не у власти. Допустит ли он такой ход событий? Едва ли! Только неординарный шаг — только лишь революция обывателей сможет отобрать у них власть, и наша партия, представляющая обычных людей, игнорируемых людей, людей городов, лишенных права выбора, станет правительством.

— И вы считаете, что подобная революция обывателей возможна в данное время? — я увеличил контроль громкости на своем магнитофоне.

— До Ориенте я бы сказал — н е т! Как бы я ни надеялся на что-либо подобное — н е т! Но после Ориенте... — он замолчал и триумфально откинулся назад, с намеком поглядывая на меня.

— После Ориенте? — повторил я, поскольку намекающие взгляды и паузы не несли в себе никакой пользы для моих репортажей. Но у О'Дойна имелось чутье политика, не позволявшее ему своей болтовней загнать себя в угол.

— Как же, после Ориенте, — произнес он, — это стало очевидно... очевидно для любого думающего человека на этой планете. Что Святая Мария сможет просуществовать и сама по себе. Что мы сможем прожить и без этой паразитической контролирующей десницы экзотиканских миров. И где можно найти людей, способных провести корабль Святой Марии сквозь штормовые испытания будущего? В городах, журналист! Среди тех из нас, кто всегда сражался за обычного человека! В нашей партии Голубого Фронта!

— Я понял, — произнес я. — Но разве по вашей конституции смена представителей власти не требует проведения выборов? И не могут ли такие выборы быть назначены только лишь большинством голосов представителей, занимающих посты в настоящее время? И таким образом, не окажется ли Зеленый Фронт, имеющий сейчас большинство, в ситуации, когда такие выборы лишили бы большинство представителей своих постов?

— Правда! — прогрохотал он. — Сушая правда! — Он закачался взад-вперед, глядя на меня.

— Тогда, — вздохнул я, — мне неясно, насколько реальна эта ваша революция обывателей, мистер О'Дойн.

— Все возможно! — ответил он. — Для обычного человека нет ничего невозможного! Соломинки уже летят по ветру, ибо уже дует ветер перемен! Кто может это отрицать?

Я выключил магнитофон.

— Все понятно, — произнес я. — Так мы ни к чему не придем. Быть может, мы могли бы несколько дальше продвигаться без записи?

— Без записи? И действительно... без записи, — произнес он тепло. — Я готов отвечать на вопросы независимо от того, ведете вы запись или нет, журналист. И знаете почему? Потому что для меня — записываете вы или нет — все едино. Все едино!

— Что ж, тогда, — продолжал я, — расскажите кое-что об этих соломинках. Без записи вы могли бы привести мне примеры?

Он качнулся ко мне и понизил голос.

— Проходят кое-какие... собрания, даже в сельских районах, — пробормотал он. — Зачатки недовольства — об этом я могу вам сказать. Если же вы спросите меня о местах, именах, тогда — нет. Я не хочу посвящать вас в это.

— Тогда вы не оставляете мне ничего, кроме весьма туманных намеков. Я не могу из этого сделать статью, — заметил я. — А я предполагаю, что вы хотели бы увидеть репортаж об этой ситуации?

— Да, но... — Его мощные челюсти плотно сжались. — Я не хочу ничего сообщать вам. Я не хочу рисковать... не хочу вам ничего сообщать!

Из-под своих седых бровей он метнул на меня почти подозрительный взгляд.

— Тогда, может быть, мне кое-что рассказать вам? — тихо произнес я. — Вам бы ничего не потребовалось подтверждать. И конечно же, как я уже сказал, даже мои собственные замечания не будут записаны.

— Вы — расскажете мне? — Он тяжело устался на меня.

— А почему бы и нет? — спросил я. Он был слишком опытным политиком, чтобы по его лицу догадаться о его чувствах. А сейчас он продолжал неотрывно смотреть на меня. — В Службе Новостей мы имеем свои источники информации. И используя их, мы можем построить общую картину даже при отсутствии некоторых частей. А теперь, говоря гипотетически, общая картина на Святой Марии весьма схожа с той, что вы обрисовали. Зачатки недовольства, собрания, гул недовольства существующим — вы бы, наверное, сказали — марионеточным правительством.

— Да, — громыхнул он. — Да, точное слово. Именно так — ч е р т о в о марионеточное правительство!

— В то же время, — продолжал я, — как мы уже обсудили, это марионеточное правительство в силах подавить любой местный мятеж и вовсе не собирается созывать выборы, которые лишат его власти. Однако помимо созыва выборов, похоже, не существует другого конституционного пути изменения статус кво. Конечно, Святая Мария могла бы найти умных и преданных лидеров, — я повторяю: м о г л а б ы. Конечно же, я занимаю нейтральную позицию среди лидеров Голубого Фронта, которые, оставаясь законопослушными гражданами, имеют в своем распоряжении возможности спасти свой мир от иностранного влияния.

— Да, — пробормотал он, все так же неотрывно уставясь на меня. — Да.

— Соответственно, какой же путь остается открытым для тех, кто желал бы спасти Святую Марию от ее нынешнего правительства? — продолжил я. — Так как все законные пути помощи недоступны, единственный оставшийся путь, как мне кажется, — для храбрых и сильных людей. Этот путь — на время отбросить в сторону обычную процедуру столь тяжелых испытаний, и если не существует конституционного пути убрать людей, в настоящее время держащих нити управления правительством в своих руках, значит, их надо убрать каким-то иным образом, исключительно для блага Святой Марии и ее жителей.

Он неотрывно смотрел на меня широко раскрытыми глазами из-под седых бровей. Его губы чуть шевельнулись, но он ничего не сказал.

— Короче — бескровный дворцовый переворот. Прямое и насильственное удаление плохих лидеров покажется единственным решением, оставшимся для тех, кто верит, что эта планета нуждается в спасении. А теперь мы знаем...

— Подождите, — прервал меня О'Дойн, снова громыхнув. — Я должен сказать вам здесь же и сейчас, журналист, что мое молчание не должно рассматриваться как согласие со всеми предположениями, которые вы только что высказали. Вы не должны упоминать...

— Пожалуйста, — перебил я его в свою очередь, подняв руку. Он замолчал быстрее, чем можно было того ожидать.

— Все это — просто теоретические предположения с моей стороны. Не думаю, что все это имеет отношение к реальной ситуации.

Я помедлил.

— Единственный вопрос в проекции этой ситуации на реальность — напоминаю: теоретической ситуации — состоит в ее исполнении. Как мы понимаем, поскольку силы и оборудование, имеющиеся в распоряжении Голубого Фронта, уступают правительственным в соотношении один к ста в последних выборах, они едва ли сопоставимы с планетарными силами правительства Святой Марии.

— Наша поддержка, поддержка обывателей...

— О, конечно же, — подтвердил я. — И все же существует вопрос о действительно эффективных мерах в данной ситуации. Для этого потребовались бы оборудование и люди — в особенности люди. Конечно же, я имею в виду военных, спо-

собных либо обучить местные части, либо самим применить силу...

— Мистер Олин, — произнес О'Дойн, — я должен выразить протест против такой беседы. Я должен отвергнуть ее. Я должен... — он встал и начал возбужденно вышагивать туда-сюда по комнате, размахивая руками, — ...я должен отказать слушать подобные вещи.

— Простите меня, — сказал я. — Как я уже упоминал, я проигрываю всего лишь гипотетическую ситуацию. Но суть, до которой я пытаюсь добраться...

— Суть, до которой вы пытаетесь добраться, меня не касается, журналист! — произнес О'Дойн, резко останавливаясь прямо передо мной, с ожесточенным лицом. — Нас, в Голубом Фронте, эта суть не интересует.

— Конечно же, нет, — успокаивающе произнес я. — Я знаю, что это так. Конечно же, вся эта схема просто невозможна.

— Невозможна? — О'Дойн замер. — Что невозможно?

— Ну, все это дело с дворцовым переворотом, — пояснил я. — Это совершенно очевидно. Любая подобная вещь потребовала бы помощи извне, обученных военных, к примеру. Ну, а так как военных мог бы предоставить только какой-нибудь другой мир, то какой же мир стал бы сдавать внаем свои дорогостоящие войсковые подразделения какой-то политической партии, находящейся не у власти на Святой Марии?

Я позволил своему голосу как бы тихонько уплыть в неизвестность и теперь просто сидел, улыбаясь и разглядывая его. Словно ожидал, что он сам ответит на мой последний вопрос. А он сел, уставившись на меня так, словно сам ждал ответа. Должно быть, пролетело добрых секунд двадцать взаимного молчания, прежде чем я вновь нарушил его, одновременно вставая.

— Совершенно очевидно, — сказал я, придав своему голосу выражение подчеркнутого извинения, — ни один. Поэтому я могу заключить, что мы не увидим никаких значительных изменений в правительстве или перемен во взаимоотношениях Святой Марии с экзотиканскими мирами в ближайшем будущем. Что ж, — я протянул ему руку, — я должен извиниться за то, что именно мне пришлось резко прекратить это интервью, мистер О'Дойн. Но я совсем забыл о времени. Через пятнадцать минут я должен быть в здании правительства для интервью с президентом, чтобы увидеть другую сторону общей картины. А затем мне придется мчаться

ся назад в космопорт, чтобы успеть на лайнер, этим вечером вылетающий на Землю.

Он тут же встал и пожал мою руку.

— Ничего страшного, — начал он. Его голос снова громыхнул, но затем опустился до нормального тона. — Ничего, мне доставило удовольствие ознакомить вас с реальной ситуацией здесь, журналист. — Он отпустил мою руку, почти сожалея.

— Что ж, тогда до свидания, — произнес я.

Я повернулся, чтобы уйти, и когда уже прошел полпути к двери, он окликнул меня.

— Журналист Олин...

Я остановился и повернулся.

— Да? — спросил я.

— Я чувствую... — его голос неожиданно опять громыхнул, — я обязан спросить вас — обязан перед Голубым Фронтом, обязан перед моей партией потребовать у вас сообщить мне любые слухи, которые вы могли бы слышать. Слухи, касающиеся возможной готовности любого из миров — любого из них — прийти на помощь теперешнему правительству Святой Марии. Мы здесь, на этом мире, тоже ваши читатели. Вы также должны поставлять нам информацию. Слышали ли вы о каком-нибудь мире, который, по слухам ли, по сообщениям, или что там еще у вас есть, был бы готов предложить помощь революционному движению обывателей на Святой Марии, чтобы сбросить ярмо экзотиканских миров и гарантировать равное представительство от нашего народа?

Я посмотрел на него и заставил подождать секунду-другую.

— Нет, — ответил я. — Нет, мистер О'Дойн, ничего не слышал.

Он стоял, не сдвинувшись с места, словно мои слова пригвоздили его к этому месту. Ноги его были слегка расставлены, подбородок задран, словно он бросал мне вызов.

— Мне жаль, — произнес я. — До свидания.

Я вышел. Не думаю, что он что-то ответил на мое прощание.

Я направился в расположенное напротив здание правительства и провел двадцать минут в ободряющей, приятной беседе с Чарльзом Перинни, Президентом Святой Марии. Затем вернулся через Новый Сан-Маркос и Джозефтаун в космопорт на лайнер, направлявшийся на Землю.

Я задержался там лишь настолько, чтобы проверить свою

почту, и после этого немедленно отправился на Гармонию. В то место на планете, где располагался Объединенный Совет Церквей, который совместно управлял обоими мирами Содружества — Гармонией и Ассоциацией. Пять дней я провел в том городе, обивая пороги в приемных и офисах младших офицеров и их так называемого Бюро по Связям с Общественностью.

На шестой день записка, по приезде посланная мной полковому командующему Васселу, оказала свое влияние. Меня доставили в здание Совета. И после обыска на предмет наличия оружия — существовали какие-то жесткие сектантские различия между концепциями Церквей на самих мирах Содружества и, совершенно очевидно, они не делали исключения даже для журналистов — меня допустили в офис с высоким потолком и голыми стенами. Там посреди черно-белых плиток пола, окруженный несколькими стульями с прямыми спинками, располагался громоздкий стол, за которым сидел человек, одетый во все черное.

Единственными белыми пятнами у него были лицо и руки. Все остальное было закрыто. Его плечи были широки и объемисты, как амбарная дверь, а на белом лице сияли черные, как тьма, глаза. Он встал из-за стола и обошел его, возвышаясь надо мной на полголовы, протягивая мне руку.

— Да пребудет с вами Господь, — произнес он.

Наши руки встретились. Чувствовался легкий намек на веселье в линии его плотно сжатых губ. А его глаза буравили меня, подобно двум врачебным скальпелям. Он пожал мою руку, не сильно, но с намеком на силу, которая могла сокрушить мои пальцы, как тиски, если бы ему того захотелось.

Наконец-то я оказался лицом к лицу со Старейшим Совета Старейшин, управляющим Объединенными Церквями Гармонии и Ассоциации. Лицом к лицу с тем, кто звался Брайт. Первым среди Содружества.

Глава 19

— О вас хорошо отзывается полевой командующий Вассел, — произнес он, пожав мою руку. — Необычная вещь для журналиста. — Это было утверждение а не насмешка. И я повиновался его приглашению, больше похожему на приказ — сесть. После чего он обошел стол и уселся в свое кресло напротив меня.

В этом человеке чувствовалась сила, подобная проблескам какого-то черного пламени. И это навяло на меня воспомин-

нания о пламени, дремавшем в порохе, размещенном в 1867 году турками внутри Парфенона, когда пуля, выпущенная одним из солдат венецианской армии под командованием Морозини, взорвала его черные зерна и подняла на воздух центральную часть храма. Во мне всегда существовал какой-то темный уголок ненависти к этой пуле и к этой армии — ибо если Парфенон был для меня, еще мальчишки, живым воплощением отрицания мрака Матиаса, урон, нанесенный ему этой пулей, явился свидетельством того, как эта тьма победила даже там, в сердце света.

И лицезрея перед собой Старейшину Брайта, я соединил его с этой застарелой ненавистью, хотя и позаботился о том, чтобы скрыть это чувство от его глаз. Прежде только в Падме я чувствовал подобную пронизательную силу взгляда. Но там за взглядом существовал и человек.

Его же глаза скорее могли принадлежать Торквемаде, одной из главных фигур инквизиции в древней Испании, что до меня отмечали многие. Ибо Церкви Содружества имели своих собственных блюстителей чистоты и искоренителей ереси. Но в то же время за его глазами существовал ум, и он хорошо знал, когда отпустить, а когда и натянуть поводья, управлявшие могуществом двух планет. И в первый раз я понял ощущения того, кто впервые входит в клетку льва и слышит, как позади захлопывается стальная дверь.

Впервые с того момента, когда я стоял в Индекс-зале Конечной Энциклопедии, у меня вдруг задрожали колени. А вдруг в этом человеке не с у щ е с т в у е т слабостей и, пытаясь проконтролировать его, я лишь выдам свои планы?

Но привычки, выработанные тысячами интервью, пришли мне на помощь, и хотя меня и мучили сомнения, язык мой заработал как бы сам по себе.

— ...теснейшее сотрудничество со стороны полевого командующего Вассела и его людей на Новой Земле, — проговорил я. — Я высоко оценил его.

— Я тоже, — резко проговорил Брайт; его глаза словно пытались прожечь меня насквозь, — оцениваю журналиста без предубеждения. Иначе бы вы не оказались в моем офисе и не интервьюировали меня. Работа Господа Нашего между звезд оставляет мне мало времени для подобного времяпрепровождения с безбожникам семи миров. А теперь, какова причина вашего интервью?

— Я подумывал о разработке проекта, — заговорил я, — освещения Содружества в лучшем свете людям остальных миров...

— Чтобы доказать свою приверженность Кодексу вашей профессии, как сказал Вассел? — прервал меня Брайт.

— Да, конечно, — ответил я, и слегка замер в кресле. — Я остался сиротой еще в юном возрасте. И постоянной мечтой моих ранних лет являлась работа в Службе Новостей...

— Не тратьте понапрасну мое время, журналист! — суровый голос Брайта, словно топор, отрубил незаконченную половину моего предложения. Неожиданно он снова поднялся на ноги, словно энергия, бурлившая в нем, оказалась слишком велика, чтобы ее сдержать, и, обогнув стол, остановился, смотря на меня сверху вниз, заткнув ладони за пояс на своей узкой талии. Его костлявое лицо неопределенного возраста нависло надо мной.

— Что ваш Кодекс для меня, того, кто идет в свете Слова Господня?

— Мы все движемся в наших собственных огнях, каждый — своим путем, — произнес я.

Он настолько близко стоял ко мне, что я не мог встать на ноги, чтобы разговаривать с ним лицом к лицу, чего требовали мои инстинкты. Он словно физически пригвоздил меня к стулу.

— Если бы не мой Кодекс, я бы сейчас не оказался здесь. Возможно, вы и не знаете, что произошло со мной и моим шурином в руках одного из ваших сержантов на Новой Земле...

— Я знаю, — эти два слова прозвучали безжалостно. — За это некоторое время назад вам были принесены извинения. Послушайте меня, журналист. — Его тонкие губы неожиданно изогнулись в слабом подобии ироничной усмешки. — Вы — не Избранный Господа Нашего.

— Нет, — произнес я.

— В тех, кто следует Слову Господню, быть может, есть причина верить в то, что они действуют из веры во что-то большее, чем их собственные эгоистичные интересы. Но в тех, кто не несет в себе Света, как может существовать вера во что-то иное, кроме самих себя?

Трепещущая на тонких губах усмешка как бы насмеялась над его же собственными словами, насмеялась над церковными фразами, над тем, что он назвал меня лжецом и предложил мне попытаться отрицать ту способность в нем, которая позволяла ему видеть меня насквозь.

На этот раз я замер, бросив на него возмущенный взгляд.

— Вы насмехаетесь над моим Журналистским Кодексом только потому, что он не ваш собственный! — накинулся я на него.

Мой взрыв никак не подействовал на него.

— Господь не выбрал бы дурака в качестве Старейшего в Совете наших Церквей, — произнес он и, повернувшись, снова обогнул стол, чтобы усестись в своем кресле. — Вы должны были подумать об этом, прежде чем прибыли на Гармонию, журналист. Но так или иначе, теперь вы это знаете.

Я уставился на него, почти ослепленный внезапным светом понимания. Да, теперь я это знал — и зная это, неожиданно увидел, как он сам, одними лишь своими словами, предоставил себя в мои руки.

Я боялся, что в нем не окажется ни одной слабости, которую я мог бы использовать как свое преимущество. Преимущество, которым я пользовался против мужчин и женщин более низкого положения, заключалось в умело подобранных словах. И это было правдой, — в нем не существовало обычных слабостей. Но в то же время он нес в себе огромнейшую. Ибо его слабость была силой, той самой силой, что подняла и поставила его правителем и лидером народа. Слабость его состояла в том, что, чтобы стать тем, кем он стал, ему необходимо было быть таким же фанатиком, как и худшие из них. Но в то же время и чем-то большим. Ему необходима была дополнительная сила, которая могла позволить ему при необходимости отбросить свой фанатизм. В случаях, когда необходимо было иметь дело с лидерами других миров — с равными ему и являющимися его противниками. И именно это именно э т о он только что признал.

В отличие от его яростных черных глаз, он не ограничивался взглядом фанатика на Вселенную, воспринимавшего все либо только в черном, либо только в белом цвете, — он воспринимал и полутона. Короче, он мог действовать как политик, выбирая определенную линию поведения. И как с политиком я мог иметь с ним дело.

Как политика я мог привести его к политической ошибке.

Я в бессилии откинулся на спинку стула. Я почувствовал, как напряжение спало и глаза его снова внимательно осмотрели меня. И я издал долгий трепещущий вздох.

— Вы правы, — произнес я пустым голосом. И поднялся на ноги. — Что ж, теперь это не имеет значения. Я, пожалуй, пойду...

— Уйти? — его голос хлестнул, словно винтовочный выстрел, остановив меня. — Разве я сказал, что интервью закончено? Сядьте!

Я тут же торопливо сел и постарался выглядеть побледневшим, и, кажется, мне это удалось. Ибо, как я неожиданно

понял, я все еще находился в клетке со львом, а львом по-прежнему считался он.

— А теперь, — произнес он, пристально смотря на меня, — что в действительности вы надеялись получить от меня? От нас, Избранных Господа?

Я облизал губы.

— Говорите. — Он не повысил тона, но явственно прозвучавшие в нем обертона пообещали мне неприятности с его стороны, если я не повинуюсь.

— Совет... — пробормотал я.

— Совет? Совет Старейшин? В чем дело?

— Нет, не это, — произнес я, уставившись в пол. — Совет Гильдии Журналистов. Я хочу получить место в нем. После Дэйва — после случая с моим шурином — мое общение с Васселом показало, что я могу выполнять свою работу без предубеждения даже против ваших людей. И это привлекло ко мне внимание даже в Гильдии. И если бы я мог продолжить действовать в том же направлении, если бы я мог поднять мнение общественности на других семи мирах в вашу пользу, это возвеличило бы меня в глазах и общественности, и Гильдии.

Я замолчал. Затем медленно поднял глаза и посмотрел на него. Он смотрел на меня с нескрываемой иронией.

— Признание очищает душу даже такого, как вы, — угрюмо произнес он. — Скажите мне, вы задумывались над тем, как собираетесь улучшить общественное мнение о нас среди этих отвергнутых Господом на других мирах?

— Ну, это зависит от обстоятельств, — произнес я. — Я должен осмотреться здесь, набрать материал для статьи. Прежде всего...

— Теперь это не имеет значения! — Он снова поднялся из-за стола и глазами скомандовал мне тоже подняться. Что я и сделал.

— Мы вернемся к этой теме через несколько дней, — проговорил он. Его улыбка Торквемады салютовала мне. — А пока — доброго дня, журналист.

— Доброго... дня, — удалось вымолвить мне. Я повернулся и, слегка пошатываясь, вышел.

Это получилось не нарочно, я просто чувствовал, что ноги стали ватными, словно я только что балансировал на краю бездонной пропасти. И во рту у меня было сухо.

Я прошлялся по городу в течение нескольких следующих дней, трудолюбиво собирая фоновый материал. А затем, на четвертый день после моей встречи со Старейшиной Брайтом,

меня снова вызвали в его офис. Когда я вошел, он стоял и оставался неподвижен, пока я не прошел половину пути от двери до его стола.

— Журналист, — неожиданно произнес он, когда я вошел, — мне кажется, вы не сможете положительно отзываться о нас в своих сводках новостей без того, чтобы ваши коллеги по Гильдии не заметили этого положительного настроя. И если это так, какая мне от вас польза?

— Я не сказал, что буду только положительно отзываться о вас, — ответил я возмущенно. — Но если вы мне покажете что-то положительное, о чем бы я мог рассказать, я готов сообщить об этом.

— Да. — он тяжело посмотрел на меня, и черное пламя метнулось в его глазах. — Тогда пойдемте и посмотрим на наш народ.

Он вывел меня из своего офиса, и мы спустились на лифте в гараж, где нас ждала штабная машина. Мы сели в нее, и водитель повез нас за пределы города Совета, по каменистым и почти лишенным растительности пригородным районам, которые, однако, весьма четко делились на фермерские хозяйства.

— Смотрите, — угрюмо произнес Брайт в тот момент, когда мы проезжали через небольшой городок, в действительности бывший лишь ненамного больше деревни. — На наших бедных мирах мы выращиваем единственный реальный урожай — это наши молодые люди, которых нанимают, как солдат, чтобы наш народ не голодал, а вера — жила. Что отличает этих молодых людей и других, которых мы отправляем, и почему на прочих мирах их должны столь сильно презирать, в то же время нанимая для сражений и смерти в иноземных войнах?

Я повернулся и увидел, что он снова смотрит на меня с угрюмым весельем.

— Их отношение, — осторожно произнес я.

Брайт рассмеялся. Его смех оказался подобен рыку льва, глубокому и сильному.

— Отношение! — резко воскликнул он. — Назовите это проще, журналист! Не отношение — гордость! Гордость! Бедные, владеющие лишь искусством обработки земли да воинским искусством, как вы заметили, эти люди все же смотрят, словно с высоких гор, на рожденных в пыли червей, которых нанимают их. Зная то, что их наниматели могут быть баснословно богаты, вкусно жрать и носить замечательные одежды, но всем им, когда они окажутся за тенью могилы, не будет

позволено даже стоять с чашкой милостыни в руках у ворот из золота и серебра, через которые мы, Избранные Господа Нашего, будем проходить, распевая.

И он улыбнулся мне улыбкой хищника со своего места внутри машины.

— И что вы можете здесь найти, — спросил он, — что могло бы научить надлежащей вежливости и доброму отношению тех, кто нанимает Избранных Господа?

Он снова насмеялся надо мной. Однако еще в свой первый визит я увидел его насквозь. И тоненькая тропинка к моей собственной цели, по мере того как мы беседовали, становилась все заметнее. И поэтому его насмешки беспокоили меня все меньше и меньше.

— Не о гордости или вежливости с какой-либо из сторон идет речь, — ответил я. — Кроме того, вам ведь не это нужно. Вас ведь не волнует, что думают наниматели о ваших войсках, когда их нанимают. И наниматели будут нанимать их до тех пор, пока вы сможете делать ваших людей всего лишь переносимыми. Необязательно, чтобы к ним относились с любовью. Хотя бы с терпением...

— Водитель, остановись здесь! — прервал меня Брайт. И машина затормозила.

Мы оказались в небольшой деревеньке. Хмурые, одетые во все черное люди сновали между строений из надувного пластика — временных строений, которые на других мирах уже давно заменили бы более приятными и сложными строениями.

— Где мы? — спросил я.

— Небольшой городок, называющийся Поминование Господа, — ответил он, опуская стекло со своей стороны. — А вот приближается кое-кто, знакомый вам!

И действительно, худощавая фигура в форме форс-лидера приближалась к машине. Она подошла к нам, слегка нагнулась, и глаза Джэймтона Блэка спокойно взглянули на нас.

— Сэр? — спросил он Брайта.

— Этот офицер, — проговорил Брайт, обращаясь ко мне, — когда-то казался подходящим для службы среди нас, служащих повелению Господа. Но пять лет назад его привлекла дочь иного мира, которая не пожелала его. И с тех пор он, похоже, потерял всякое желание продвигаться по лестнице среди нас.

Он повернулся к Джэймтону.

— Форс-лидер, — произнес он. — Вы дважды видели этого человека. Впервые — в его доме на Земле, пять лет на-

зад, когда искали руки его сестры. И второй раз — год назад, на Новой Земле, когда он искал у вас пропуск для защиты своего помощника. Скажите мне, что вы знаете о нем?

Глаза Джэймтона посмотрели на меня.

— Только то, что он любил свою сестру и желал лучшей жизни для нее, возможно, лучшей, чем я мог бы ей предоставить, — произнес Джэймтон столь же спокойным голосом, сколь спокойно было и его лицо. — А также то, что он желал добра своему шурину и искал для него защиты.

Он снова повернулся, чтобы посмотреть Брайту прямо в глаза.

— Я верю, что он честный и хороший человек, Старейший.

— Я не спрашивал вас о том, во что вы верите! — резко бросил Брайт.

— Как пожелаете, — ответил Джэймтон, по-прежнему спокойно смотря на старшего по возрасту человека. И неожиданно я почувствовал вскипающий во мне гнев. Мне казалось, что я вот-вот просто взорвусь от этого чувства, несмотря на последствия.

Это был гнев на Джэймтона. Ибо он не только имел смелость рекомендовать меня Брайту как честного и хорошего человека, — в нем оказалось нечто такое, что было для меня, как пощечина. Какое-то мгновение я не мог понять этого. И затем до меня дошло. Он не боялся Брайта. А я — боялся, с момента своего первого интервью.

Несмотря на то, что я был журналистом и за мной стоял весь иммунитет Гильдии, а он был всего лишь форс-лидером перед лицом своего верховного главнокомандующего, боевого предводителя двух миров, лишь одним из которых был мир Джэймтона. Как он мог..? И неожиданно до меня дошло. Да так, что я чуть не заскрежетал зубами в ярости и разочаровании. Потому что Джэймтон ничем не отличался от того сержанта на Новой Земле, который отказал мне в пропуске для Дэйва. Этот сержант был ежесекундно готов повиноваться Брайту, который являлся Старейшиной, но не чувствовал в себе необходимости преклоняться перед другим Брайтом, являвшимся всего лишь человеком.

Некоторым образом, Брайт держал сейчас в своих руках жизнь Джэймтона, но, в отличие от моей, он имел в своих руках ее меньшую часть, а не большую.

— Ваш отпуск окончен, форс-лидер, — отрывисто произнес Брайт. — Сообщите вашей семье, чтобы они переслали ваши вещи в город Совета, и присоединяйтесь к нам. Я назна-

чаю вас помощником и адъютантом журналиста с этого мгновения. И мы повышаем вас в звании до коменданта, чтобы вы соответствовали должности.

— Сэр, — без эмоций произнес Джэймтон, слегка наклонив голову. Он вернулся назад в здание, из которого только перед этим появился, и через несколько мгновений вышел оттуда и сел к нам в машину. Брайт отдал приказ, и машина, развернувшись, поехала назад. Мы вернулись в город в его офис.

Когда мы вернулись, Брайт отпустил меня вместе с Джэймтоном, чтобы я мог разобраться в ситуации с Содружеством как внутри города, так и вне его. Соответственно, мы оба провели довольно значительное время в наблюдениях, после чего я вернулся в свой отель.

Потребовалось очень немного времени, чтобы разобраться, что Джэймтон приставлен ко мне в качестве соглядатая, одновременно выполняя функции адъютанта. Тем не менее, я ничего об этом не сказал, так же как ничего не сказал об этом и Джэймтон. И мы оба прогуливались по городу Совета и его окрестностям все следующие дни, словно пара призраков или людей, поклявшихся не говорить друг с другом. Это было странное молчание с обоюдного согласия, потому что единственной темой, на которую мы могли говорить меж собой — были воспоминания об Эйлин и Дэйве, а кроме этого нам почти не о чем было разговаривать.

А пока время от времени меня вызывали в офис Старейшины Брайта. Он виделся со мной более или менее продолжительное время и мало касался того, что являлось объявленной темой для моего пребывания на мирах Содружества и партнерства с ним. Словно он чего-то ждал. И наконец я понял, чего именно он ждал. Он приставил ко мне Джэймтона, чтобы проверить меня, в то время как он сам проверял ситуацию среди звезд, с которыми он как Старейшина миров Содружества имел дело лично. Он искал ситуацию и момент, когда сполна сможет использовать самовлюбленного журналиста, который предложил ему улучшить облик его народа в глазах общественности.

Как только я это понял, я успокоился, видя, как интервью за интервью, день за днем он все ближе подходил к самой сердцевине того, чего я хотел. И этот момент должен был стать мгновением, когда он попросил бы моего совета и спросил бы меня о том, что ему делать со мной и с тем, что я ему предложил.

День за днем, от интервью к интервью он, очевидно, все

более расслаблялся и был более откровенен в беседах со мной, задавая мне все больше и больше вопросов.

— А что они вообще любят читать на этих других мирах, а, журналист? — спросил он однажды. — Что именно им нравится слышать больше всего?

— О героях, конечно, — ответил я так же легко, как он задал вопрос. — Вот почему дорсайцы представляют собой хороший объект для подражания, и до определенной степени — экзотиканские миры. — Тень, которая могла и одновременно не могла быть намеренной, промелькнула по его лицу при упоминании об экзотиканских мирах.

— Безбожники, — пробормотал он. И все. А днем позже он снова вернулся к теме героизма.

— А что делает их героями в глазах общественности? — спросил он.

— Обычно, — ответил я, — победа над каким-нибудь более зрелым, уже зарекомендовавшим себя, сильным человеком, как злодеем, так и героем. — Он, соглашаясь, посмотрел на меня. И я решил рискнуть.

— К примеру, если бы войска Содружества смогли лицом к лицу встретиться с равным числом дорсайцев и победить их...

Согласие с его лица немедленно смело выражением, которое я никогда прежде не замечал. На секунду или две он просто уставился на меня, разинув рот. Затем бросил на меня взгляд, горячий и дымящийся, словно расплавленная лава, льющаяся из жерла вулкана.

— Вы принимаете меня за дурака? — резко бросил он. Вскоре выражение его лица переменялось, и он с любопытством снова взглянул на меня. — ...Или ты дурак сам?

И снова посмотрел на меня долгим, пристальным взглядом. Наконец он кивнул головой.

— Да, — произнес он, словно про себя. — Именно так. Этот человек — дурак. Дурак, рожденный на Земле.

Он развернулся, и на этом интервью в тот день закончилось.

Я не обратил внимания на то, что он принял меня за дурака. Пожалуй, это служило еще большей страховкой в преддверии того мгновения, когда я предприму свой ход, чтобы обмануть его. Но, клянусь своей жизнью, я не мог понять, что привело его к столь необычной реакции. И это беспокоило меня. Не могло же мое предположение насчет дорсайцев быть столь неестественным? Меня подмывало спросить об этом

Джэймтона, но лучшая часть моего здравомыслия удержала меня от этого шага.

И вот пришел тот день, когда Брайт, наконец, собрался задать мне вопрос, который, как я знал, он рано или поздно должен был задать.

— Журналист, — произнес он, стоя передо мной, слегка расставив ноги, заложив руки за спину и глядя сквозь огромное — от пола до потолка — окно офиса на правительственный центр и город Совета внизу. Он стоял спиной ко мне.

— Да, Старейший? — отозвался я, пришедший в офис, как только получил очередной вызов. Он резко обернулся при звуке моего голоса и уставился на меня своим огненным взглядом.

— Вы как-то сказали, что героями становятся в результате победы над более старшими, уже зарекомендовавшими себя героями. Как пример героев для общественного мнения вы упомянули дорсайцев и экзотиканские миры.

— Совершенно верно, — произнес я, подходя к нему.

— Безбожники с Экзотики, — произнес он, словно разговаривал сам с собой. — Они используют наемников. Что хорошего в том, чтобы победить наемников — даже если бы это было легко и возможно?

— Так почему бы не спасти кого-то, нуждающегося в помощи? — безмятежно спросил я. — Такая вещь придала бы вам новый и весьма неплохой имидж в глазах публики. Вы, с Содружества, не очень-то известны подобной деятельностью.

Он бросил на меня тяжелый взгляд.

— Кого мы должны спасти? — потребовал он у меня.

— Ну что ж, — ответил я, — всегда имеются небольшие группы людей, которые, по праву или нет, считают, что их оттесняют более значительные социальные группы. Скажите мне, разве к вам не обращались небольшие диссидентские группы, желающие нанять ваших солдат для участия, к примеру, в мятежах против своих законных правительств... — я на мгновение сделал паузу. — Ну конечно, я же забыл о Новой Земле и Северном Разделе Атланда.

— Мы получили очень мало положительных откликов от других миров в нашем деле с Северным Разделом, — резко произнес Брайт. — И вы это отлично знаете!

— Но шансы тогда были примерно равными, — произнес я. — Что вам нужно, так это помочь кому-нибудь, кто является настоящим меньшинством, против настоящего гиганта большинства. Скажем, нечто вроде шахтеров Коби против владельцев шахт.

— Коби? Шахтеры? — он снова бросил на меня тяжелый взгляд, но именно этого взгляда я и ждал все эти дни и потому спокойно встретил его. Он повернулся и подошел к столу. Протянув руку, он взял со стола лист бумаги, похожий на письмо.

— Так случилось, что я получил зов о помощи на чисто умозрительном основании от группы...

Он остановился и положил письмо обратно, при этом подняв голову и посмотрев на меня.

— От группы вроде шахтеров Коби? — спросил я. — А это не сами шахтеры?

— Нет, — ответил он. — Не шахтеры.

Какое-то мгновение он молча стоял, затем, обогнув стол, подошел ко мне и протянул руку.

— Как я понимаю, вы собираетесь уезжать.

— Как? — спросил я.

— Что, разве меня неверно информировали? — произнес Брайт. Его глаза буквально прожигали меня насквозь. — Я слышал, что вы уже собираетесь на космолет, отлетающий на Землю сегодня вечером. И как я понял, вы уже приобрели билет на этот рейс.

— Как же... конечно, — произнес я, четко прочитав послание в тоне его голоса. — Думаю, я просто забыл. Да, я уже уезжаю.

— Желаю приятного путешествия, — произнес Брайт. — Я рад, что мы смогли прийти к дружественному взаимопониманию. Вы можете рассчитывать на нас в будущем. И в свою очередь мы будем рассчитывать на вас.

— Пожалуйста, — ответил я. — И чем скорее — тем лучше.

— Это произойдет достаточно скоро, — заверил меня Брайт.

Мы снова попрощались друг с другом, и я отправился в свой отель. Там я обнаружил, что все мои вещи уже упакованы и, как и сказал Брайт, на мое имя приобретены билеты на космолет, этим вечером отправляющийся на Землю. Джэйм-тона нигде не было видно.

Пятью часами позже я снова очутился меж звезд, на корабле, гиперпрыжками приближающемся к Земле.

А пятью неделями позже Голубой Фронт на Святой Марии тайно снабжаемый оружием и людьми с Содружества, провел короткое, но кровавое восстание, заменившее законное правительство лидерами Голубого Фронта.

На этот раз я не просил Пирса Лифа о встрече. Он послал за мной сам. И когда я проходил через Зал Гильдии и поднимался вверх по прозрачной трубе лифта к его офису, многие члены Гильдии провожали меня пристальными взглядами. Ибо за те три года, что прошли с момента захвата лидерами Голубого Фронта власти на Святой Марии, многое для меня изменилось.

Я уже не так мучительно вспоминал последнюю встречу со своей сестрой. И когда возвращался на Землю, уже увидел свой первый сон о мести. Впоследствии я предпринял два шага, один — на Святой Марии, другой — на Гармонии, чтобы осуществить эту месть. Но даже после этих шагов мой внутренний мир не изменился. Ибо перемены требуют времени.

И лишь последние три года по-настоящему изменили меня. И именно это обстоятельство заставило Пирса Лифа пойти на встречу со мной. Именно это заставляло людей в беретах оборачиваться, когда я проходил мимо. Ибо за эти годы, я постиг многое, и, вспоминая встречу со Старейшиной Брайтом происшедшую два года назад, я понимал, что тогда был просто новорожденным младенцем.

Мне вспомнился мой первый сон о мести, когда я с мечом в руке направлялся на встречу под проливным дождем. Тогда в первый раз я почувствовал притягательность этого, но сейчас, в действительности, я чувствовал себя гораздо сильнее — сильнее, чем могли бы меня сделать еда, питье или любовь, или даже сама жизнь.

Дураки все, кто считает, что богатство, женщины, крепкие напитки или даже наркотики могут доставить максимум удовольствий человеческой душе. Все они предлагают лишь бледное удовольствие по сравнению с той задачей, которая требует от человека большего, чем его величайшая сила, которая полностью захватывает его, до последней косточки, нерва или кусочка плоти, захватывает все его надежды, страхи, мечты — и тем не менее требует еще большего.

Дураки те, кто думает иначе. Ни одно великое усилие не далось так просто. Ни одна картина, ни одно музыкальное произведение, ни одна поэма, ни один собор в камне, ни одна церковь и ни одно государство не появились на свет как уплата за что-то. Парфенон не был построен просто так, и за Фермопилы не сражались за плату или славу. И Бухара была разграблена, и Китай стонал под ногами монголов не из-за одной

лишь добычи или властолюбия. Платой за выполнение подобных вещей было само выполнение их.

Владение собой — использование себя как орудия в своих же собственных руках — и, таким образом, создание или разрушение чего-то, чего никто другой не мог ни построить, ни разрушить — именно Э Т О и есть величайшее удовольствие, известное человеку! Тому, кто чувствовал долото в своей руке и выпускал на свободу ангела, заточенного в гранитном блоке, или тому, кто чувствовал в своей руке меч и оставлял бездомной душу, которая всего лишь за мгновение до этого обитала в теле смертельного врага, — именно этим двоим одинаково предоставлялась возможность отведать той редкой пищи, что предназначалась лишь для демонов или богов.

И оно пришло ко мне спустя два года и даже чуть более.

Мне снилось, что в своей руке я держу молнии над четырнадцатью мирами и управляю ими так, как мне того хочется. И теперь я отчетливо ощущал, что держу эти молнии в своих руках и отлично разбираюсь в них. Мои возможности наконец-то вышли на поверхность. И я теперь З Н А Л, что в перспективе означает неурожай зерна на Фриленде для тех, кто нуждался, но не мог заплатить за профессиональное обучение на Кассиде. Я разбирался в поступках таких людей, как, например, Уильям с Цеты, Прожект Блэйн с Венеры или Сэйона-Связующий с Экзотики. Все они — те, кто изменял и направлял все, что происходило меж звезд. И я мог четко прочесть их возможные результаты. И с этим знанием я оказывался там, где должны были появляться новости. И писал о них тогда, когда они еще только начинали происходить, до тех пор, пока мои коллеги по Гильдии не начали считать меня либо наполовину дьяволом, либо наполовину провидцем.

Но меня совершенно не беспокоили их мысли. Меня волновало лишь тайное удовольствие моей ждущей своего часа мести. Чувство скрытого меча в моей ладони — моего орудия У Н И Ч Т О Ж Е Н И Я!

Ибо теперь у меня не оставалось сомнений. Хотя я и не любил его, Матиас насквозь видел меня, — и с момента его смерти я словно приобрел волю его антиверы, но с силой, которую он никогда бы не смог себе представить.

Тем не менее, сейчас я направился в офис Пирса Лифа. Он стоял у двери, ожидая меня. Наверное, снизу его предупредили, что я поднимаюсь. Он пожал мою руку и, задержав ее в своей, провел меня внутрь офиса и захлопнул дверь позади нас. Мы уселись не около его стола, а на диван, стоявший в стороне, рядом с огромным креслом. Он наполнил бокалы

пальцами, которые, казалось, заметно похудели, тогда как сам он постарел.

— Ты слышал, Тэм? — спросил он без всякого предисловия. — Умер Морган Чу Томпсон.

— Да, слышал, — ответил я. — И теперь одно из мест в Совете вакантно.

— Да, — он чуть-чуть отпил из своего бокала и снова поставил его на кресло. Затем устало провел по лицу ладонью.

— Морган был мой давним другом.

— Я знаю, — произнес я, хотя совершенно ничего не чувствовал по отношению к нему. — Вам, должно быть, весьма тяжело.

— Мы были одного возраста... — Он прервал себя и устало улыбнулся мне. — Мне кажется, ты ожидаешь, что я поддерживаю тебя в твоём стремлении занять освободившееся место?

— Я думаю, — произнес я, — что члены Гильдии могли бы посчитать несколько странным, если бы вы не сделали этого, исходя из того, как за последнее время для меня складывались обстоятельства.

Он кивнул головой, но в то же время, казалось, едва ли слышал меня. Он снова взял свой бокал и отпил из него без всякого удовольствия, затем поставил.

— Почти три года назад, — заговорил он, — ты пришел ко мне сюда, чтобы увидеться со мной, имея определенное предсказание. Ты помнишь его?

Я улыбнулся.

— Едва ли ты забыл о нем, — произнес он. — Что ж, Тэм... — он остановился и тяжело вздохнул. Казалось, ему очень трудно начать разговор о том, о чем он хотел бы поговорить. Но я уже был достаточно опытен и владел теперь всем необходимым, даже терпением. Я ждал. — У нас имелось достаточно времени, чтобы посмотреть, как развернутся события, и, как мне кажется, ты оказался прав и в то же время не прав.

— Не прав? — повторил я.

— Ну да, — произнес он. — По твоей теории, именно экзотиканские миры собирались уничтожить культуру Содружества на Гармонии и Ассоциации. Но посмотри-ка, какие события развернулись с тех пор.

— О? И какие же? — спросил я. — Например?

— Ну что ж, — заговорил он, — к нынешнему моменту уже почти целое поколение понимает, что фанатизм Содружества — случаи беспричинной жестокости, вроде той резни, в которой погиб твой шурин три года назад на Новой Земле —

являлся основной причиной поворота общественного мнения на тринадцать других мирах против них. Вплоть до такого положения, когда они утратили бы возможность предоставлять своих солдат в качестве наемников. Но любой человек, даже наполовину слепой, мог разглядеть бы, что они — Содружество — вели себя так только потому, что они таковы на самом деле. И нельзя за это винить экзотиканские миры.

— Нет, — подтвердил я. — Я думаю, что нельзя.

— Ну конечно же. — Он снова отпил из своего бокала, на этот раз более умиротворенно. — Думаю, вот почему я так сомневался, когда ты рассказал мне о том, что экзотиканские миры собираются разделиться с Содружеством. Это прозвучало как-то не так. На затем оказалось, что именно войска Содружества и поставляемое им снаряжение поддерживали революцию Голубого Фронта на Святой Марии, точнехонько на заднем дворе Экзотики, у солнц Проциона. И я должен признать, что, похоже, что-то происходило между Содружеством и Экзотикой.

— Благодарю вас, — произнес я.

— Но Голубой Фронт долго не протянул, — продолжил он.

— Похоже, сначала он обладал весьма широкой поддержкой народа, — заметил я.

— О да, да. — Пирс взмахом руки отмел мое возражение. — Но ты сам прекрасно знаешь, как бывает в таких ситуациях. Всегда имеется повод к драке там, где дело касается более богатого, удачливого соседа — живущего либо в соседнем доме, либо на соседнем мире. Все дело в том, что жители Святой Марии неизбежно должны были вскоре разобраться в Голубом Фронте и скинуть его. И снова сделать его нелегальной партией. Это неизбежно должно было произойти. Кроме того, этих людей из Голубого Фронта в общем было немного. К тому же, большинство из них оказалось просто чокнутыми. И кроме того, Святая Мария просто не может существовать сама по себе, ни в финансовом плане, ни в каком-либо еще, постоянно находясь в тени двух богатейших миров, вроде Мары и Культиса. Всей этой истории с Голубым Фронтом суждено было провалиться. И любой посторонний мог увидеть это.

— Я тоже так думаю, — заметил я.

— Ты это знал! — воскликнул Пирс. — Только не говори мне, что кто-нибудь с такой способностью мог не увидеть всего этого еще вначале, Тэм. Но чего не заметил я — и, очевидно, ты тоже — так это того, что как только Голубой Фронт бу-

дет скинут, Содружество направит оккупационные силы на Святую Марию, чтобы подкрепить свое требование к законному правительству об уплате за помощь, которую они предложили Голубому Фронту. И по условиям договора о взаимопомощи, которое всегда существовало между экзотиканскими мирами и законным правительством Святой Марии, Экзотике ПРИШЛОСЬ бы ответить на зов о помощи Святой Марии, чтобы изгнать оккупационные силы Содружества. Так как, Святая Мария просто не может уплатить ту сумму, которую потребовало бы Содружество.

— Да, — подтвердил я. — Я предвидел и это.

Пирс бросил быстрый взгляд на меня.

— Вот как? — спросил он. — Так как же ты тогда мог думать, что...

Он неожиданно замолчал, задумавшись.

— Все дело в том, — спокойно заговорил я, — что экспедиционные силы, присланные с Экзотики, без особого труда загнали войска Содружества в угол и окружили их. А сейчас, на время зимнего сезона они прекратили наступление. И если только Старейшина Брайт и его Совет не пришлют подкреплений, те подразделения, которые сейчас находятся на Святой Марии, возможно, вынуждены будут сдаться в плен войскам Экзотики этой весной. Правда, они не могут позволить себе вызвать подкрепления, но так или иначе, им придется это сделать...

— Нет, — произнес Пирс, — они этого не сделают.

Он странно посмотрел на меня.

— Мне кажется, ты собираешься утверждать, что вся эта ситуация явилась маневром Экзотики для того, чтобы дважды «пустить кровь» Содружеству. Первый раз — за их помощь Голубому Фронту, и второй — в расплату за подкрепления.

Внутренне я улыбнулся, ибо сейчас он как раз подошел к тому самому пункту, которого я намеревался достичь три года назад. Только я спланировал так, что ОН должен был сообщить это МНЕ, а не я — ему.

— Разве не так? — удивленно спросил я.

— Нет, — взволнованно произнес Пирс. — Совсем наоборот. Брайт и его Совет намереваются оставить свои экспедиционные силы, чтобы их либо захватили, либо уничтожили. И результат будет именно тот, о котором ты собирался утверждать перед лицом тринадцати миров. Это касается важного принципа, что с любого мира можно требовать выкуп за долги, унаследованные его обитателями, — принципа жиз-

ненно важного, хотя и не признанного законным, — и являющегося частью межзвездной экономической структуры. Но экзотиканские миры, победив Содружество на Святой Марии, таким образом, отвергли бы его. Тот факт, что экзотиканские миры связаны соглашением со Святой Марией и обязаны прийти на помощь в ответ на призыв о таковой, ничего не меняет. Брайту лишь нужно будет обратиться за помощью к Цете, Ньютону или даже всем мирам, имеющим жесткую контрактную систему, чтобы сформировать группу, которая поставит Экзотику на колени.

Он замолчал и уставился на меня.

— Теперь ты видишь, к чему я веду? Теперь ты понимаешь, почему я сказал, что ты прав и не прав одновременно — насчет твоего предположения о вендетте между Содружеством и Экзотикой? ТЕПЕРЬ-ТО ты видишь, как ты ошибался? — спросил он.

Я намеренно, прежде чем ответить, посмотрел на него долгим, пристальным взглядом.

— Да, — ответил я, кивнув головой. — Теперь мне понятно. Вовсе не экзотиканские миры хотят разделаться с Содружеством. Это Содружество хочет расквитаться с Экзотикой.

— Именно! — воскликнул Пирс. — Богатство и специализированные познания Экзотики являются стержневыми в ассоциации миров со свободной контрактной системой, и они позволяют им противостоять торговле опытными, обученными работниками, как мешками с зерном, что дает силу мирам, имеющим жесткую контрактную систему. И если экзотиканские миры будут сломлены, баланс силы между двумя группами будет нарушен. И только этот баланс позволял нашему Старому Миру Земли находиться несколько в стороне от обеих групп. А теперь она будет вовлечена в одну из этих групп. И тот, кто заполучит ее, будет контролировать НАШУ Гильдию и непредвзятость нашей Службы Новостей.

Он замолчал и откинулся назад, словно опустошенный. Через некоторое время снова выпрямился.

— И ты знаешь, в какую группу попадет Земля, если победит Содружество, — произнес он. — В группу с жесткой контрактной системой. И тогда — где мы тогда окажемся, Тэм? Мы, в Гильдии?

Я бросил ответный взгляд на него, ничего не отвечая, а давая ему время на то, чтобы он поверил в силу своих слов для меня. Но в действительности я уже ощущал первый, пока еще слабый привкус своей мести. Вот теперь он и пришел к той са-

мой точке, к которой я намеревался с самого начала подвести его. К такому положению, когда показалось бы, что Гильдия окажется перед перспективой либо уничтожения ее высшего принципа — непредвзятости, заставляющего ее принять сторону противников Содружества, либо ее неминуемого захвата этой партизанской группой миров с жесткой контрактной системой, к которой принадлежало и само Содружество. Я позволил ему немного подождать и почувствовать себя несколько безнадежно. Затем я медленно начал ему отвечать.

— Если Содружество может уничтожить экзотиканские миры, — произнес я, — тогда, возможно, и экзотиканские миры с таким же успехом могут уничтожить Содружество. Любая ситуация, подобная этой, должна иметь возможность равновероятного развития в ту или иную сторону. Допустим, если я мог бы отправиться на Святую Марию, в преддверии весеннего наступления и использовать свое умение разбираться в ситуации немного глубже, чем другие, это могло бы помочь разрешению ситуации в ту или иную сторону без компрометации нашей непредвзятости.

Пирс уставился на меня, лицо его слегка побледнело.

— Что ты хочешь этим сказать? — наконец спросил он. — Ты не можешь так просто встать на сторону экзотиканских миров. Ты же не это имеешь в виду?

— Конечно же, нет, — ответил я. — Но я легко мог бы заметить нечто, что они могли бы использовать как преимущество, чтобы выбраться из сложившейся ситуации. Естественно, никакой гарантии успеха здесь нет. Но иначе, как вы уже сказали, какова же тогда наша позиция?

Он помолчал. Затем потянулся за своим бокалом, стоящим на столе. И когда он его взял, рука его слегка дрожала. Требовалось немного усилий, чтобы понять, о чем он думал. То, что я предлагал, являлось нарушением духа закона о непредвзятости Гильдии, если и не его буквы. В этом случае мы принимали определенную сторону, но Пирс похоже, считал, что во имя блага Гильдии мы как раз и должны сделать именно это, пока выбор все еще находился в наших руках.

— У вас есть реальное свидетельство того, что Старейшина Брайт решил оставить свои оккупационные силы в окружении, отрезанными, в каком-то положении они сейчас и пребывают? — спросил я, пока он молчал. — Можем ли мы с уверенностью утверждать, что он не пошлет подкреплений?

— У меня на Гармонии есть люди, которые как раз сейчас и занимаются поисками подобных доказательств... — Загудел видеофон, стоявший на столе, прерывая его. Он нажал клави-

шу, и на зажегшемся экране показалось лицо Тома Лэссири, его секретаря.

— Сэр, — произнес Том. — Вызов из Конечной Энциклопедии. К журналисту Олину. От мисс Лизы Кант. Она утверждает, что дело исключительной важности.

— Я отвечу, — произнес я в тот момент, когда Пирс согласно кивнул головой. Ибо сердце мое так и прыгнуло в груди по причине, в которой у меня не имелось времени разобраться. Экран на мгновение засветился ровным светом, затем на нем появилось лицо Лизы.

— Тэм! — воскликнула она без всякого приветствия. — Тэм, скорее приезжай. Марк Торри застрелен террористом! Он умирает, несмотря на все, что стараются сделать врачи. И он хочет поговорить с тобой — с тобой, Тэм, пока еще не слишком поздно! О, Тэм, поторопись! Поторопись, как можешь!

— Еду, — ответил я.

И я побежал. На этот раз у меня не оказалось времени ответить себе, почему я так мгновенно прореагировал на ее вызов. Звук ее голоса словно вышвырнул меня из кресла и понес прочь из офиса Пирса, словно какая-то могучая гигантская рука, обнявшая меня за плечи. Я просто вскочил и побежал.

Глава 21

Лиза встретила меня у того же самого входа в Конечную Энциклопедию, где несколько лет назад я впервые столкнулся с ней. Она провела меня в офис Марка Торри через тот же странный лабиринт и вращающуюся комнату, как и в прошлый раз. И по пути она рассказала мне, что произошло.

Именно против этой неизбежной опасности и был создан лабиринт и все остальное. Бессмысленное ожидание, но по статистике все-таки существовала вероятность, которая в конце концов доконала Марка Торри. Строительство Конечной Энциклопедии с самого начала породило страхи, до тех пор спавшие в умах не совсем здоровых людей на всех четырнадцати мирах. Из-за того, что цель Энциклопедии лежала в таинственной области, которую нельзя было ни легко объяснить, ни определить, она вызывала психопатический ужас как на Земле, так и на других мирах.

И один из этих психопатов все-таки добрался до Марка Торри. Бедный параноик, который хранил свою болезнь в тайне даже от собственной семьи, в то время как в его уме взросло и развилось заблуждение, что Конечная Энциклопе-

дия — не что иное, как великий Мозг, который поработит человечество. Мы увидели его тело, лежавшее на полу офиса, когда же я и Лиза подошли поближе, я увидел, что это был худощавый мужчина, седой, с мягким спокойным лицом, на лбу его запеклась кровь.

Лиза рассказала мне, что его впустили по ошибке. Марка Торри должен был осмотреть новый врач, его ждали после полудня. По чьему-то недосмотру, вместо него впустили этого пожилого, очень хорошо одетого, предстательно выглядящего человека. Он дважды выстрелил в Марка и один раз — в себя, тут же покончив жизнь самоубийством. Марк, несмотря на ранение легких двумя иглами из пистолета, все еще жил, но быстро слабел.

И наконец Лиза привела меня к нему, лежавшему все так же на спине, на залитом кровью покрывале большой постели, в спальне, находившейся сразу же за его офисом. С него сняли верхнюю одежду, всю его грудь охватывала огромная белая повязка. Глаза его были закрытыми и запали, так что нос и подбородок, казалось, были упрямо выпячены вперед, словно в яростном неприятии смерти, которая медленно, но верно утаскивала его отчаянно борющийся дух в глубину своих темных вод.

Но лучше всего я запомнил не лицо. Меня поразила необычайная ширина груди и плеч, мощь его обнаженных рук. Неожиданно из моего позабытого школьного прошлого мне вспомнился рассказ свидетеля убийства Авраама Линкольна. Так же вот лежавшего на кровати и умиравшего. И то, как свидетель был поражен силой мышц и шириной грудной клетки, открытой обнаженной верхней части тела Президента.

Так же оказалось и с Марком Торри. Правда, в его случае большая часть мускулатуры оказалась утраченной в результате продолжительной болезни и малоподвижности. Но ширина и длина его костей указывала на силу, которую он имел в молодости. В комнате находилось еще несколько человек. Некоторые из них были врачами. Но они тут же отошли в сторону, как только Лиза подвела меня к постели.

Она наклонилась и тихо позвала его.

— Марк, — произнесла она. — Марк!

В течение нескольких секунд я думал, что он уже не ответит. Я помню, как подумал, что, наверное, он уже умер. Но затем его запавшие глаза приоткрылись, посмотрели по сторонам и наконец сконцентрировались на Лизе.

— Тэм здесь, Марк, — произнесла она. Затем отодвину-

лась в сторону, позволив мне поближе подойти к постели, и, обернувшись, посмотрела на меня.

— Наклонись, Тэм. Поближе к нему, — приказала она.

Я подошел еще ближе и наклонился. Его глаза застыли на моем лице. Я не понял, узнал он меня или нет. Но затем его губы зашевелились, и я услышал будто призрак шепота, шелестевшего где-то в глубине его некогда могучей груди.

— Тэм...

— Да, — ответил я. Затем заметил, что сжал его руку своей. Я не знал, почему. Его рука была холодна и бессильна.

— Сынок... — прошептал он так тихо, что я едва смог расслышать. И в тот же момент меня будто поразила молния, и не шевельнув ни единым мускулом, я неподвижно застыл, похолодев, словно меня засунули в лед, от неожиданной, ужасной ярости.

Как он смел? Как он смел назвать МЕНЯ «сыном»? Я не давал ему никакого права или повода назвать меня так... меня, которого он едва знал. Меня, не имевшего ничего общего с ним, или с его работой, или всем тем, приверженцем чего он был. Как он осмелился назвать меня «СЫНОМ»?

Он шептал что-то еще. Он добавил еще два слова к этому ужасному, неправильному слову, с которым он обратился ко мне.

— ...прими на себя...

И затем его глаза закрылись, губы замерли, хотя медленное-медленное движение его груди указывало на то, что он еще жив. Я отпустил его руку, повернулся и выбежал из спальни. Очнулся я в офисе. И там я наконец остановился, удивленный, ибо дверь наружу, конечно же, была замаскирована и скрыта.

И здесь Лиза нагнала меня.

— Тэм?

Она положила руку мне на плечо и заставила посмотреть ей в глаза. По ее лицу я понял, что она все слышала и теперь спрашивала меня, что я собираюсь делать. Я начал было, взорвавшись, объяснять ей, что ничего подобного делать не собираюсь. Ничего из того, что сказал мне старик, которому я ничего не был должен, как не был должен и ей. Ведь это оказалось даже не вопросом, заданным мне! Он даже не попросил меня. Он ПРИКАЗАЛ мне принять руководство.

Но я не издал ни единого звука. Я было раскрыл рот, но, похоже, не мог произнести ни слова. Наверное, я дышал как загнанный волк. И затем на столе Марка зазвонил видеофон, разрушив охватившее нас молчание.

Лиза стояла около стола. Совершенно автоматически ее рука потянулась к видеофону и включила его, хотя она и не взглянула на лицо, возникшее на экране.

— Алло? — произнес голос с панели прибора. — Алло? Кто-нибудь здесь есть? Я хотел бы поговорить с журналистом Тэмом Олином, если он у вас. Это весьма срочно. Алло? Есть тут кто-нибудь?

Это был голос Пирса Лифа. Я оторвал взор от Лизы и наклонился к видеофону.

— О, вот и ты, Тэм, — произнес Лиф с экрана. — Послушай, я не хочу, чтобы ты тратил время на описание теракта в отношении Торри. У нас здесь достаточно хороших парней, которые могут это сделать. Я думаю, тебе необходимо немедленно отправиться на Святую Марию. Он помолчал, пристально, с намеком, глядя на меня с экрана. — Ты понял? Информация, которую я ожидал, только что поступила. Я оказался прав, приказ был отдан.

И неожиданно все стало на свои места, словно смыв все то, что накатилось на меня за последние несколько минут, — мой столь долго вынашиваемый план и жажда мести. Подобно великой волне, она снова окатила меня, смыв все требования, только что предъявленные мне Марком Торри и Лизой, угрожавшие навсегда оставить меня в этом месте.

— Больше не будет поставок? — отрывисто спросил я. — Что гласит приказ? Больше не будет подкреплений?

Он кивнул головой.

— И я думаю, тебе необходимо отправляться сейчас же, потому что прогноз погоды предвещает улучшение там уже через неделю, — ответил он. — Тэм, как ты думаешь...

— Уже еду, — прервал я его. — Подготовьте мои документы и оборудование, предупреди чтобы они ожидали меня в космопорте.

Я отключился и снова повернулся к Лизе. Она посмотрела на меня такими глазами, что меня будто ударили. Но теперь я был силен и отбросил этот их эффект.

— Как мне отсюда выбраться? — потребовал я. — Мне нужно ехать. Сейчас же!

— Тэм! — вскрикнула она.

— Говорят тебе, мне надо ехать! — Я оттолкнул ее. — Где выход? Где...

Она проскользнула мимо меня, пока я руками елозил по стенам комнаты, и что-то нажала. Справа от меня в стене образовался проход, и я быстро свернул в него.

— Тэм!

Ее голос остановил меня в последний раз. Я замер и оглянулся.

— Ты вернешься, — произнесла она. Это был не вопрос. Она произнесла это так же, как произнес Марк Торри. Она не просила меня. Она приказывала мне. И в последний раз это потрясло меня до глубины души.

Но затем темная и растущая сила, эта волна, которая являвшаяся моей жадной мести, снова метнула меня вперед, через дверь, в следующую комнату.

— Я вернусь, — заверил я ее.

Это была простая, легкая ложь. Затем дверь, через которую я прошел, закрылась, и вся комната начала двигаться вокруг меня, унося меня прочь.

Глава 22

Когда я сходил с космолета на Святой Марии, легкий ветерок корабельной атмосферы, имевшей несколько более высокое давление, словно рука тьмы подтолкнул меня из мрака за спиной в серый день с дождем. На мои плечи был накинут плащ журналиста. Мокрый холод дня охватил меня, но он не был пронизывающим. Я оказался подобным мечу из моего сна, укрытому и спрятанному в плече, отточенному на камне и, который теперь, наконец-то несли на встречу, для которой его хранили целых три года.

Встреча под холодным весенним дождем. На моих руках он ощущался, как холодная старческая кровь, и губы мои не ощущали вкуса. Облака висели низко, и ветром их слегка сносило к востоку. Дождь мерно шел.

Его шум казался подобным барабанной дробь, пока я спускался по причальной лестнице, разнообразие дождевых капель, звучащих каждая по-своему на неподдающемся бетоне посадочной площадки. Бетонное поле тянулось далеко во все стороны от корабля, скрывая землю. Чистое, без единого предмета. Словно последняя страница конторской книги перед последней записью. Вдали, на самом краю, подобно одинокой могиле, стоял терминал космопорта. Завеса падавшего дождя между мной и зданием то сгущалась, то разряжалась, подобно дыму сражения, но полностью не могла скрыть его из поля моего зрения.

Такой же дождь падает на любых других планетах, во всех других местах. Подобно этому, он падал и в Афинах на темный суровый дом Матиаса и на руины Парфенона, которые я видел на видеоэкране в моей спальне.

Сейчас, спускаясь по лестнице, я прислушивался к тому, как он барабанит по огромному кораблю позади меня, который, гиперпрыжками перемещаясь меж звезд, освободил меня, доставив со Старой Земли на этот второй из самых малых миров. Этот маленький землеподобный мирок в системе Пропциона. И я слушал, как дождь звонко барабанит по моему кейсу с верительными грамотами, едущему по ленте транспортера следом за мной. Этот кейс для меня сейчас не значил ничего. Как не значили для меня ни мои документы, ни верительные грамоты Непредвзятости, которые я так старался получить и имел теперь уже четыре года. Сейчас я думал о них меньше, чем об имени человека, распорядившегося парком машин, которого я должен был отыскать на краю поля. Если именно он и был тем человеком, о котором меня информировали на Земле. А если они солгали?

— Ваш багаж, сэр?

Я очнулся от мыслей и дождя. Я спустился на бетонное поле. Офицер, наблюдавший за разгрузкой, улыбнулся мне. Он был старше меня, хотя и выглядел моложе. Когда он улыбнулся, несколько капелек влаги упали с его коричневого шлема с визором и рассыпались, подобно слезинкам, на листке квитанции, который он держал в руках.

— Пошлите его в распоряжение войск Содружества, — приказал я. — А кейс с верительными грамотами я возьму с собой.

Я снял кейс с ленты транспортера и, повернувшись, пошел прочь. Человек в форме диспетчера, стоявший у первой из вереницы машин, действительно подходил под описание.

— Имя, сэр? — спросил он. — Цель вашего пребывания на Святой Марии?

Если мне его описали, то и я должен был быть известен ему. Однако я был готов подшутить над ним.

— Журналист Тэм Олин, — ответил я. — Житель Старой Земли и представитель Гильдии Межзвездной Службы Новостей. Прибыл сюда для репортажа о конфликте между Содружеством и Экзотикой.

Я открыл свой кейс и подал ему документы.

— Отлично, мистер Олин. — Он вернул их мне слегка мокрыми от дождя. Затем он повернулся, открыл дверь машины и настроил автопилот.

— Езжайте прямо по шоссе до Джозефтауна. Включите автоматическое управление на окраине города, и машина сама доставит вас в распоряжение войск Содружества.

— Хорошо, — ответил я. — Да, одну минуту.

Он обернулся. Лицо его было молодым, с небольшой бородкой, и он смотрел на меня совершенно спокойно.

— Сэр?

— Помогите мне забраться в машину.

— О, прошу извинить меня, сэр. — Он быстро подошел ко мне. — Я не заметил, что ваша нога...

— Сырость несколько сковывает ее, — пояснил я. Он отрегулировал сидение, и я занес свою левую ногу за колонку управления. Он снова начал отворачиваться.

— Подождите минуту, — повторил я. Терпение мое иссякло.

— Вы ведь Уолтер Имера, не так ли?

— Да, сэр, — тихо ответил я.

— Взгляните на меня, — потребовал я. — У вас для меня есть какая-то информация, не так ли?

Он медленно повернулся ко мне и посмотрел в глаза. Лицо его по-прежнему ничего не выражало.

— Нет, сэр.

Я довольно долго прождал, просто глядя на него.

— Хорошо, — произнес я тогда, потянувшись к дверце машины. — Я думаю, вы понимаете, что я все равно получу нужную информацию. И они поверят, что предоставили ее мне вы.

Его аккуратная бородка вдруг показалась мне нарисованной.

— Подождите, — попросил он. — Вы должны меня понять. Информация вроде этой ведь не касается новостей, не так ли? У меня семья...

— А у меня — нет, — ответил я. Я ничего не чувствовал по отношению к нему.

— Но вы не понимаете. Они просто убьют меня. Именно такая сейчас у нас организация, этот Голубой Фронт, на Святой Марии. Что бы вы хотели узнать о них? Я не понимаю, что вы имеете в виду...

— Хорошо, — произнес я и снова протянул руку к дверце машины.

— Подождите. — Он протянул мне руку под дождем. — А как вы можете быть уверены в том, что сможете заставить их оставить меня в покое, если я вам сообщу?

— Однажды, может быть, они снова смогут прийти здесь к власти, — произнес я. — Даже политические группы, оказавшиеся вне закона, не осмеливаются противопоставлять себя Межзвездной Службе Новостей.

Я снова стал закрывать дверцу машины.

— Хорошо, — быстро произнес он. — Хорошо. Вы поедете в Новый Сан-Маркос. Там найдете ювелирный магазин на Уоллес-стрит. Городок расположен неподалеку от Джозеф-тауна, там же, где находится и лагерь войск Содружества, в который вы направлялись.

Он облизал губы.

— Вы скажете им насчет меня?

— Скажу, — я посмотрел на него. Над краем воротника его голубой униформы, справа, на шее я смог разглядеть тонкую серебряную цепочку на мертвенно-бледной коже. Распятие, висящее на ней, должно быть, находилось у него под рубашкой.

— Солдаты Содружества находятся здесь уже два года. Как к ним относятся люди?

Он слегка усмехнулся. К его лицу возвращался нормальный цвет.

— О, как и ко всем, — ответил он. — Вам всего лишь надо понять их. У них своя манера поведения.

Я почувствовал боль в ноге, из которой врачи на Новой Земле три года назад вытащили иглу, выпущенную из игловинтовки.

— Да, у них свои манеры, — произнес я. — Закройте дверь.

Он захлопнул ее, и я уехал.

На приборной панели машины была изображена медаль Святого Христофора. Солдат Содружества сорвал бы ее и выбросил прочь или отказался бы от машины. И мне доставило особое удовольствие оставить ее там, хотя для меня она значила ничуть не больше, чем для такого солдата. И не только из-за Дэйва и других пленников, расстрелянных ими на Новой Земле. А просто из-за того, что есть некоторые обязанности, несущие в себе небольшой элемент удовольствия. После ухода иллюзий детства, когда не остается ничего, кроме обязанностей, таким удовольствиям всегда рады. Фанатики, когда все сделано и сказано, ничуть не хуже бешеных собак.

Но бешеных собак надо уничтожать. Это простое, общепринятое мнение.

И неизбежно, спустя какое-то время, ты возвращаешься к общепринятым понятиям. Когда дикие мечты о справедливости и прогрессе мертвы и погребены, когда болезненные всплески чувств внутри тебя наконец прекратились, тогда лучше всего стать неподвижным, неживым и неподдающимся — как лезвие меча, заточенного на камне. И дождь, под которым такой меч следует к месту, где должна свершиться месть, не

портит его, ничуть не больше, чем кровь, в которой он умылся в последний раз. Дождь и кровь для меча во многом подобны.

В течение получаса я ехал мимо холмов, покрытых редким лесом, и аккуратно скошенных лугов. Распаханные поля чернели под дождем. Мне подумалось, что этот черный цвет куда как добрее некоторых других его оттенков, которые мне доводилось видеть. Наконец я достиг пригородов Джозефстауна.

Автопилот машины провел меня по улочкам маленького, аккуратного, типичного для Святой Марии городка с населением примерно в сто тысяч. Я выехал из него с другой стороны на открытую местность и увидел возвышающиеся массивные бетонные стены военного лагеря.

Сержант Содружества остановил мою машину у ворот взмахом своей игловинтовки и открыл дверцу машины слева от меня.

— У вас здесь дело?

Голос его прозвучал резко и гнусаво. На воротнике его униформы были пришиты матерчатые нашивки взводного. На вид ему было лет сорок, и его худое лицо бороздили морщины. И лицо, и руки, единственные открытые части тела, выглядели неестественно белыми на фоне его черной униформы и такой же игловинтовки.

Я открыл кейс, лежавший рядом со мной, и передал ему своим документы.

— Мои верительные грамоты, — пояснил я. — Я прибыл сюда, чтобы увидеть вашего исполняющего обязанности командира экспедиционными силами, командующего Джэймтона Блэка.

— Тогда подвиньтесь, — прогнусавил он. — Я должен вести машину.

Я подвинулся. Он влез в машину и взял управление на себя. Мы проехали сквозь ворота и свернули на боковую аллею. В ее конце я уже мог разглядеть внутреннюю площадку. Ближе нависшие бетонные стены по обе стороны от машины эхом возвращали шум от нашего продвижения вперед. Чем ближе мы подъезжали к площадке, тем громче становились доносившиеся оттуда команды. Когда мы въехали на нее, солдаты, под дождем уже построились по рангу для полуденной службы.

Взводный оставил меня и прошел в дверь, ведущую в офис, расположенный на дальнем конце площадки. Я осмотрел солдат, стоявших в каре. Они стояли с оружием, готовые к церковной службе в полевых условиях. И пока я наблюдал,

офицер, стоявший к ним лицом, а спиной — к стене, начал произносить слова их Боевого Гимна.

Солдат, не спрашивай себя,
что, как и почему.
Коль знамя в бой тебя ведет —
шагай вослед ему!
И легионы безбожников
пусть окружают нас —
Не считая удары, руби и круши —
вот тебе весь приказ!

Я старался не слушать. Гимн не сопровождался музыкальным аккомпанементом, не было видно никаких признаков или символов, за исключением тонкого очертания креста, белой краской нанесенного на стене позади офицера. Плотный хор мужских голосов то взмывал вверх, то падал вниз в злобещем, угрюмом гимне, обещавшем им лишь боль, страдания и горечь. Наконец прозвучала последняя строка яростной молитвы о смерти в бою, и они опустили оружие.

Взводный скомандовал «вольно», в то время как офицер прошел мимо моей машины, даже на посммотрев на меня, и вошел в ту же дверь, в которой скрылся мой спутник — сержант. Когда он проходил, я увидел что офицер — не кто иной, как Джэймтон Блэк.

Мгновением позже мой проводник вышел за мной. Прихрамывая на своей нестигающей ноге, я проследовал за ним во внутренний офис, где над единственным столом сияли несколько ламп. Джэймтон поднялся из-за стола и кивнул головой в момент, когда дверь закрылась позади меня. На отворотах его униформы виднелись выцветшие нашивки командующего.

Когда я передавал ему свои верительные грамоты через стол, свет ламп слегка ослепил меня. Я отступил и заморгал, стараясь разглядеть его расплывшееся лицо. Когда оно снова обрело четкий вид, на мгновение мне показалось, что оно стало грубее, старше, искореженное и изборожденное морщинами многих лет фанатизма. Лицо, похожее на то, что, помнилось мне, принадлежало человеку, стоявшему над убитыми пленниками на Новой Земле.

Но затем мои глаза окончательно освоились, и я разглядел, как он выглядел на самом деле. Его темнокожее лицо было худощавым, но это была скорее худоба молодости, а не голодания. Черты его были обычны, если не сказать — мужест-

венны, глаза — усталые и поблекшие, линия рта была прямой, но такой же усталой, хотя тело несло отпечаток контролируемой напряженности, будучи по своему сложению меньше и легче моего.

Он держал мои верительные грамоты, не глядя на них. Рот его слегка изогнулся в слабой, усталой и угрюмой усмешке.

— И без сомнения, мистер Олин, — произнес он, — у вас имеется и другой пакет, набитый разрешениями с Экзотики для интервьюирования наемников и офицеров, нанятых ими на Дорсае и дюжине других миров для противостояния Избранным Господа в битве?

Я улыбнулся. Я был несказанно рад, обнаружив его таким сильным, что усилило мое предвкушение того, как я его сломаю.

Глава 23

Я посмотрел через десять футов разделявшего нас пространства. Взводный Содружества, убивший пленников на Новой Земле, тоже говорил об Избранных Господа.

— Если вы посмотрите под бумагами, предназначенными для вас, — сказал я, — вы их найдете. Служба Новостей и ее сотрудники нейтральны. Мы не принимаем чью-либо сторону.

— Правда? — возразило мне молодое темнокожее лицо, — напротив не выбирает чью-то сторону.

— Да, командующий, — подтвердил я. — Совершенно верно. Только иногда это — предмет спора, на чьей именно стороне находится правда. Вы и ваши войска здесь — захватчики на мире, чью планетную систему ваши предки никогда не колонизовали. А противостоят вам наемные подразделения, нанятые двумя мирами, которые не только принадлежат планетной системе Проциона, но и несут обязательства по защите младших миров их системы, одним из которых и является Святая Мария. Я не уверен, что правда на вашей стороне.

Он слегка покачал головой и сказал:

— Мы ожидаем мало понимания от тех, кто не Избран, — затем он перевел свой взгляд на бумаги, которые держал в руке.

— Не возражаете, если я сяду? — спросил я. — У меня болящая нога.

— Конечно. — Он кивнул на стул, стоявший у стола, и, когда я сел, уселся сам. Я посмотрел на бумаги, лежавшие на столе перед ним, и заметил несколько в стороне солидографию одной из их церквей без окон: весьма характерной для

Содружества постройки. Деталь знаменательная для него, несомненно, но перед церковью стояли еще трое. Пожилые мужчина и женщина и девочка лет четырнадцати. Вся троица, без сомнения, несла на себе отпечаток родства с Джэймтоном. Оторвавшись от просмотра моих верительных грамот, он заметил, что я смотрю на них. И его взгляд на мгновение переместился на солидографию, а затем вновь уткнулся в бумаги.

— Как я понял, от меня требуется, — произнес он, снова возвращая мой взгляд к своей персоне, — обеспечить вас поддержкой и жильем. Мы найдем здесь место для вас. Вам нужны машина и водитель?

— Спасибо, — ответил я. — Эта коммерческая машина, там, снаружи, вполне подойдет. И я сам ею управляю.

— Как вам угодно. — Он отложил бумаги, предназначенные для него, остальные вернул мне и наклонился к динамике, стоявшему на столе:

— Взводный.

— Да, сэр, — немедленно отозвался динамик.

— Комнату для одного мужчины, гражданского. Место на стоянке для гражданской машины, персональное.

— Есть, сэр.

Голос в динамике смолк. Джэймтон Блэк посмотрел вверх своего стола на меня. Я понял, что он ждет, когда я уйду.

— Командующий, — начал я, убирая верительные грамоты в кейс, — два года назад Старейшины Объединенных Церквей на Гармонии и Ассоциации нашли, что планетарное правительство Святой Марии задолжало им определенную долю кредитов. И тогда они послали сюда экспедиционные силы для оккупации и для того, чтобы надавить и, таким образом, получить долг. Как много у вас осталось людей и снаряжения?

— Это, мистер Олин, — ответил он, — закрытая военная информация.

— Тем не менее, — я закрыл кейс, — вы, имея ранг обычного командующего, являетесь исполняющим обязанности главнокомандующего остатками ваших экспедиционных сил. Для такого поста требуется человек по крайней мере пятью рангами старше, чем вы. Ожидаете ли вы прибытия такого офицера и того, что он примет командование на себя?

— Боюсь, что этот вопрос вы должны были задать в Главном штабе на Гармонии, мистер Олин.

— Ожидаете ли вы прибытия дополнительных подкреплений и оборудования?

— Если бы это было так, — голос его звучал ровно, — я считал бы это также закрытой военной информацией.

— Вы, наверное, знаете довольно распространенные слухи о том, что ваш главный штаб на Гармонии решил, что эта экспедиция на Святую Марию — проигранная кампания? Но во избежание потери лица они предпочли, чтобы вас окружили здесь, вместо того, чтобы забрать вас и ваших людей.

— Мне это понятно.

— Вы не хотели бы прокомментировать это?

Его темнокожее, молодое, бесстрастное лицо ничуть не изменилось.

— Нет, мистер Олин.

— Тогда еще один, последний вопрос. Вы планируете отступать дальше на запад или сдаться, когда начнется весеннее наступление наемных войск Экзотики против вас?

— Избранные в Битве никогда не отступают, — ответил он. — Никогда они не бросают своих Братьев в Господе и не страдают от забывчивости с их стороны.

Он встал.

— Меня ждет работа, к которой я должен вернуться, мистер Олин.

Я тоже встал. Ростом я был выше его, возрастом — старше и сложен мощнее. И лишь его неестественная осанка позволяла ему поддерживать видимость равнозначности по отношению ко мне или некоторого превосходства.

— Возможно, мы с вами побеседуем позже, когда у вас окажется побольше времени, — произнес я.

— Конечно.

Я услышал, как позади меня открылась дверь.

— Взводный, — произнес он, обращаясь к кому-то за моей спиной, — позаботьтесь о мистере Олине.

Взводный, которому он меня передал, нашел мне маленькую бетонную каморку с единственным высоким окном, полевой кроватью и шкафом для одежды. Затем он на несколько мгновений покинул меня и вернулся уже с подписанным пропуском.

— Спасибо, — поблагодарил я его, забрав пропуск. — А где бы я мог найти полевой штаб экзотиканских сил?

— По нашим последним данным, сэр, — сказал он, — они в девяноста километрах отсюда, в Новом Сан-Маркосе. — Он был примерно моего роста, но, как и большинство остальных, моложе меня на дюжину лет, его молодости сопутствовала какая-то странная невинность, так контрастировавшая с удивительным самоконтролем, которым они все обладали.

— Сан-Маркос. — Я взглянул на него. — Я думаю, вы все, наверное, знаете, что ваш главный штаб на Гармонии решил больше не посылать вам подкреплений, считая это пустой тратой сил?

— Нет, сэр, — ответил он. Я с таким же успехом мог прокомментировать ему непрерывно идущий дождь, судя по его реакции. Эти парни были по-прежнему сильны и не сломлены. — Чтонибудь еще?

— Нет, — ответил я. — Спасибо.

Он ушел. Почти сразу за ним вышел и я, чтобы на машине направиться на восток, где в девяноста километрах отсюда находился Новый Сан-Маркос. Я добрался до него примерно за три четверти часа. Но не поехал прямо в полевой штаб вооруженных сил Экзотики, так как мне нужно было выловить кое-какую рыбешку.

Это привело меня в ювелирный магазинчик на Уоллестрит. И там, спустившись по трем ступенькам вниз, я прошел через непрозрачную дверь и очутился в длинной полутемной комнате, заполненной стеклянными витринами. У последней из них стоял пожилой человек невысокого роста, и я увидел, как пристально он рассматривает мой корреспондентский плащ и значок по мере моего приближения.

— Что вам угодно, сэр? — спросил он, как только я остановился у витрины напротив него. Он поднял свои серые прищуренные глаза пожилого человека, чтобы посмотреть мне в лицо.

— Я думаю, вы знаете, что, — сказал я, — все миры знают Службу Новостей. Нас не интересует местная политика.

— Что вам угодно, сэр?

— Так или иначе, вы все равно узнаете, каким образом я получил ваш адрес.

Я продолжал ему улыбаться.

— Так что сначала я скажу вам, что получил его у диспетчера автомашин в космопорте Уолтера Имера. Я обещал ему защиту за то, что он сообщил мне. Мы оценили бы..., если бы он остался в полном здравии и порядке.

— Боюсь... — он опустил свои руки на стеклянную крышку витрины. Они были покрыты синеватыми узлами вен — признаком прожитых лет. — Вы хотели бы приобрести что-нибудь?

— Я бы хотел уплатить, и щедро, — пояснил я, — за информацию.

Его руки соскользнули с крышки.

— Сэр! — он слегка вздохнул. — Боюсь, вы зашли не в тот магазин.

— Уверен, что в тот, — произнес я. — Мы просто представим, что это тот магазин, который нужен мне, и я говорю с кем-то, кто является членом Голубого Фронта.

Он медленно покачал головой и отступил от витрины.

— Голубой Фронт — вне закона, — произнес он. — До свидания, сэр.

— Один момент. Мне необходимо сперва сказать несколько вещей.

— Тогда мне жаль, — он отступил к портьерам, прикрывавшим дверной проем. — Я не могу вас слушать. Сюда, в эту комнату, никто не войдет, пока вы вот так разговариваете, сэр.

Он прошмыгнул сквозь портьеры и исчез. Я осмотрел длинную пустую комнату.

— Что же, — произнес я несколько громче. — Похоже, мне придется общаться со стенами. Я уверен, что уж они-то расслышат меня.

Я помедлил. Не донеслось ни звука.

— Хорошо, — снова заговорил я. — Я — корреспондент. Все, что меня интересует, — это информация. Наша оценка военной ситуации здесь, на Святой Марии, — тут я сказал правду, — показывает, что экспедиционные силы Содружества оставлены на произвол судьбы своим командованием и наверняка будут уничтожены силами Экзотики, как только почва достаточно высохнет для перемещения тяжелой техники.

По-прежнему не последовало ответа, но я чувствовал спийной, что они наблюдают за мной и слушают.

— И в результате, — продолжил я и на этот раз солгал, — хотя они никоим образом не могли этого узнать, мы считаем неизбежным, что командованию войск Содружества придется вступить в контакт с Голубым Фронтом. Убийство вражеских офицеров, без сомнения, является нарушением Кодекса Наемников и Статей цивилизованных методов ведения боевых действий. Но гражданские лица могут сделать то, чего не могут сделать солдаты.

По-прежнему не было заметно никаких признаков движения позади портьер.

— Представитель Службы Новостей, — произнес я, — всегда имеет при себе верительные грамоты Непредвзятости. Вам известно, как высоко они ценятся. Я хочу задать вам всего лишь несколько вопросов. И ответы будут сохранены в тайне.

Я подождал в последний раз, но ответа по-прежнему не последовало. Я повернулся и вышел из длинной комнаты на улицу. И лишь когда я вышел на свежий воздух, я ощутил возникшее внутри чувство триумфа, которое постепенно охватило меня.

Они заглотнут наживку. Люди их сорта всегда так поступали. Я направился к своей машине, сел в нее и поехал в штаб экзотиканских сил.

Он располагался за городом. Там майор-наемник, которого звали Джэнол Марат, занялся мной. Он препроводил меня в здание их полевого штаба. Здесь чувствовалась атмосфера уверенной и радостной деятельности. Все здесь были хорошо вооружены и отлично обучены. В сравнении с силами Содружества это сразу же бросилось мне в глаза. О чем я не преминул сказать Джэнолу.

— Наш командующий — дорсаец, и мы превосходим их в численности.

Он улыбнулся мне. У него было очень загорелое, вытянутое лицо, а возле губ пролегали складки.

— Все это делает нас весьма оптимистично настроенными. Кроме того, наш командующий получит повышение, если победит. Он вернется обратно на Экзотику и займется только штабной работой — и больше не будет принимать участия в боевых действиях. Так что победа для нас — хороший бизнес.

Я рассмеялся, он — вслед за мной.

— И все-таки расскажите мне поподробнее, — попросил я. — Я хотел бы получить более подробную информацию для использования ее в репортажах, которые я отошлю в Службу Новостей.

— Что ж, — он размашистым салютом ответил на приветствие взводного, по виду кассидианина, — я думаю, вы могли бы упомянуть прежде всего тот факт, что наши наниматели с Экзотики не позволяют себе прибегать к жестокости и, соответственно, они всегда весьма щедры во всем, что касается оплаты войск и снаряжения. И Связующий — посол с Экзотики на Святой Марии, как вы знаете...

— Я знаю.

— Он заменил здесь старого Связующего три года назад. И тем не менее, он нечто особенное даже для людей с Мары или Культиса. Он эксперт в онтологических вычислениях. Если это что-то вам говорит. Все это выше моего понимания. А вон там офис нашего полевого командующего. — Джэнол показал рукой. — Его зовут Кейси Грин.

— Грин, — спросил я, нахмурившись. Я мог бы признать,

что слышал о Кейси Грине, но я хотел увидеть реакцию Джэнола на это имя. — Знакомое имя.

Мы подошли к зданию офиса.

— Грин...

— Вы, наверное, думаете о другом члене той же самой семьи.

Джэнол проглотил наживку.

— Донал Грин. Племянник. А Кейси — дядя Донала. Не столь выдающийся, как молодой Грин, но я уверен, что он вам понравится больше, чем племянничек. Кейси совместил в себе дружелюбие сразу двух человек.

Он снова посмотрел на меня, слегка усмехаясь.

— Это должно означать что-то особое? — спросил я.

— Совершенно верно, — ответил Джэнол. — Его собственное дружелюбие и дружелюбие его брата-двойняшки. Как-нибудь встретитесь с Йаном Грином, когда будете в Блаувэйне. Там располагается посольство Экзотики, это к востоку отсюда. Йан — хмурый человек.

Мы вошли в офис.

— Я просто не могу привыкнуть к тому, — пояснил я, — что многие дорсайцы, кажется, состоят в родстве между собой.

— И я тоже. В действительности, я думаю, это потому, что их не так уж и много. Дорсай — небольшая планетка, и те, кто живет там больше, чем несколько лет...

Джэнол остановился у коменданта, сидевшего за столом.

— Мы можем повидать Старика, Хари? Это журналист из Межзвездной Службы Новостей.

— Ну конечно.

Офицер посмотрел на сигналы своей настольной панели.

— У него — Связующий, но он уже собирается уходить. Входите.

Джэнол повел меня между столов. Дверь в дальней стене комнаты распахнулась, прежде чем мы ее достигли, и мужчина средних лет с совершенно спокойным лицом, одетый в голубые одеяния Экзотики, с коротко постриженными седыми волосами, вышел из нее. Его странные светло-карие глаза встретились с моими.

Падма.

— Сэр, — обратился Джэнол к Падме, — это...

— Тэм Олин, я знаю, — мягко произнес Падма. Он улыбнулся мне, и эти глаза на мгновение, казалось, отразили свет и ослепили меня. — Мне было очень жаль узнать о том, что случилось с вашим шурином, Тэм.

Я вдруг совершенно похолодел. Я уже готов был пройти вперед, но теперь стоял как замороженный и смотрел на него.

— Мой шурин? — спросил я его.

— Молодой человек, погибший около Кэстлмэйна, на Новой Земле.

— А, да, — выдавил я из себя. — Удивлен, что вы знаете об этом.

— Я знаю об этом из-за вас, Тэм. — Еще раз эти странные карие глаза Падмы словно отразили свет. — Разве вы забыли, как я рассказывал вам однажды о науке, называемой онтогенетикой, с помощью которой мы вычисляем возможные поступки людей как в настоящих, так и в будущих ситуациях. Вы уже довольно значительное время являетесь важным фактором этих вычислений.

Он улыбнулся.

— Вот почему я ожидал, что встречу вас здесь, сейчас. Мы вычислили вас по нынешней ситуации на Святой Марии, Тэм.

— Вот как? — спросил я. — Вот как? Это интересно.

— Я думаю, что это могло бы быть интересно, — мягко ответил Падма. — Особенно для вас. Какой-нибудь журналист вроде вас вполне мог найти это любопытным.

— Да, это так, — произнес я. — Звучит так, как будто вы знаете больше меня о том, что именно я собираюсь здесь предпринять.

— Мы разработали наши вычисления, — мягким голосом пояснил Падма, — и добились этого эффекта. Приезжайте ко мне в Блаувэйн, Тэм, и я вам все покажу.

— Обязательно сделаю это, — заверил я его.

— Я с радостью приму вас, — наклонил голову Падма. Затем его голубое одеяние прошелестело по полу, когда он отвернулся и вышел из комнаты.

— Сюда, пожалуйста, — произнес Джэнол, коснувшись моего локтя. Я очнулся, как будто после долгого сна.

— Командующий здесь.

Я машинально последовал за ним во внутренний офис. Когда мы проходили сквозь дверь, Кейси Грин поднялся из-за стола. И в первый раз я очутился лицом к лицу с этим большим, стройным и подтянутым человеком в полевой форме, с лицом, обладавшим крупными чертами, но открытым и улыбающимся. Его черные волосы слегка завивались. Это особое золотистое тепло его личности — странная вещь для дорсайца — казалось, исходило от него, когда он поднялся, чтобы поздоро-

ваться со мной, и его рука с длинными, сильными пальцами просто поглотила мою.

— Входите, — пригласил он. — Позвольте мне предложить вам выпить. Джэнол, — добавил он, обращаясь к моему майору-наемнику с Новой Земли, — вы больше здесь не нужны. Пойдите-ка, поужейте чего-нибудь. И скажите всем там, во внешнем офисе, что они свободны.

Джэнол отсалютовал и вышел. Я сел, а Грин повернулся к своему небольшому бару-шкафчику позади стола. И в первый раз за последние три года под чарами этого необычного человека войны, расположившегося напротив меня, хоть малая доля спокойствия, но пришла в мою душу. С таким человеком на своей стороне я не мог проиграть.

Глава 24

— Верительные грамоты? — спросил Грин, как только мы уселись в кресла со стаканчиками, наполненными дорсайским виски, кстати, очень хорошим.

Я передал ему документы. Он бегло проглядел их, отобрав письма от Сэйоны, Связующего Культиса, адресованные командующему полевым силам Святой Марии. Просмотрев, он также отложил их в сторону. Затем вернул мне мои верительные грамоты.

— Вы сперва останавливались в Джозефтауне? — спросил он.

Я утвердительно кивнул. Я заметил, как внимательно он посмотрел в мои глаза и как лицо его несколько посуровело.

— Вы не любите Содружество, — неожиданно заявил он.

От его слов у меня перехватило дыхание. Я пришел, готовый сам заявить ему об этом. Но все произошло слишком неожиданно. Я отвел взгляд.

Ответить сразу же я не осмелился. Я просто не мог. Если бы я позволил себе отвечать сразу, не подумав, то пришлось бы либо все объяснить, либо постараться вообще ничего не говорить. Наконец я собрался с мыслями.

— Если я и буду чем-либо заниматься остаток своей жизни, — медленно произнес я, — это будет иметь отношение ко всему, что только в моих силах, направленному на изоляцию и, в конечном счете, изгнание Содружества и всего, ради чего оно существует, из общества цивилизованных людей.

Я снова посмотрел на него снизу вверх. Он сидел за своим столом, положив на него массивную руку и наблюдая за мной.

— Весьма суровая точка зрения, не так ли?

— Ничуть не суровее, чем их.

— Вы так думаете? — серьезно спросил он. — Я бы так не сказал.

— Я считал, — произнес я, — что вы один из тех, кто сражается с ними.

— Что ж, это так, — он слегка улыбнулся. — Но мы — солдаты по обе стороны.

— Я не думаю, что они считают так же.

Он едва заметно покачал головой.

— Что заставляет вас так утверждать? — спросил он.

— Я уже видел их, — ответил я. — Я попал к ним, когда находился между линиями фронта, у Кэстлмэйна, на Новой Земле, три года назад. Вы помните тот конфликт.

Я легонько постучал по своему несгибающемуся колену.

— Меня подстрелили, и я не мог передвигаться. Кассидиане, находившиеся рядом со мной, начали отступать. Это были наемники. А противостояли им войска Содружества, такие же наемники.

Я замолчал и отпил виски. Когда я поставил стаканчик на стол, Грин по-прежнему не сдвинулся с места. Он сидел, словно ожидая чего-то.

— Среди них был молодой кассидианин, новобранец, — продолжил я. — Я готовил серию репортажей о той кампании с точки зрения различных индивидуумов. И я выбрал его в качестве такого индивидуума. Это был естественный выбор. Видите ли, — я снова глотнул виски и опустошил стаканчик, — моя сестра — она младше меня — переехала на Кассиду за два года до этого, по контракту, как бухгалтер, и вышла за него замуж. Это был мой шурин.

Грин забрал стаканчик из моей руки и снова наполнил его.

— В действительности он не был военным, — продолжил я. — Он изучал механику гиперпрыжков, и ему еще оставалось учиться три года. Но во время одного из конкурсных экзаменов он получил низкие оценки, и как раз в то время, когда Кассида задолжала по контрактному балансу войсковые подразделения Новой Земле.

Я вздохнул.

— Что ж, чтобы сделать эту длинную историю покороче, — в конце концов он оказался на Новой Земле во время той самой кампании, о которой я готовил репортажи. И именно из-за них я добился того, чтобы его прикрепили ко мне в качестве помощника. Мы оба считали, что так будет лучше для него. И что таким образом он будет в большей безопасности.

Я снова глотнул виски.

— Но, — произнес я, — вы знаете, всегда ведь можно найти тему поинтереснее где-нибудь в зоне боевых действий. И однажды мы оказались как раз в таком месте, когда отступали войска Новой Земли. Игла из винтовки прострелила мое колено. Надвигалась бронетехника Содружества, и становилось жарковато. Солдаты, находившиеся с нами, торопливо отступили в тыл, но Дэйв попытался нести меня, считая, что бронетехника Содружества просто поджарит меня прежде, чем они заметят, что я — не военный. Что ж, — я еще раз глубоко вздохнул, — разведподразделение войск Содружества наткнулось на нас. Они доставили нас на какую-то поляну, где у них уже находилось довольно много пленных, и какое-то время держали нас там. Затем взводный — один из их фанатиков, высокий, похожий на голодного волка солдат примерно моего возраста — появился с приказом, чтобы они подготовились к новой атаке.

Я остановился и снова отпил. Но я не почувствовал вкуса виски.

— Это означало, что они не могли оставить людей для охраны пленных. Им пришлось бы отпустить их в тылу боевых порядков Содружества. Взводный сказал, что этого нельзя допустить. Они должны быть уверены, что пленные не нанесут им вреда.

Грин по-прежнему внимательно наблюдал за мной.

— Сразу я не понял. Я не понял даже тогда, когда все солдаты Содружества — ни один из них не был сержантом, как взводный — возражали ему.

Я поставил стаканчик на стол рядом с собой и уставился на стену офиса, словно видя все это снова так же ясно, как если бы я смотрел на это сквозь окно.

— Я помню, как взводный неожиданно выпрямился. Я увидел его глаза. Словно его оскорбило возражение остальных солдат. «Разве они Избранные Господа? — заорал он на них. — Они из Избранных?»

Я посмотрел на Кейси Грина, сидящего напротив меня, и заметил, что он по-прежнему внимательно наблюдает за мной, а маленький стаканчик с виски просто утонул в его огромной ладони.

— Вы понимаете? — спросил я его. — Как будто потому, что пленники не были из Содружества, они в его понимании были не совсем людьми. Как будто они принадлежали к какому-то низшему порядку и поэтому их можно было убить.

Я неожиданно содрогнулся.

— И он сделал это! Я сидел там, прислонившись к дереву,

в полной безопасности — на мне была униформа корреспондента Новостей — и смотрел, как он их всех расстрелял. Всех. Я сидел и смотрел на Дэйва, и он смотрел на меня, сидящего, в момент, когда взводный застрелил его!

Неожиданно я смолк. Мне хотелось все это рассказывать ему таким вот образом. Просто раньше я не мог рассказать никому, кто бы понял, насколько беспомощным я был тогда. Но что-то в Грине подсказало мне, что он поймет.

— Да, — тихо произнес он мгновение спустя, забрав и снова наполнив мой стаканчик. — Такие вещи очень нежелательны. А этого взводного нашли и отдали под трибунал за нарушение Кодекса Наемников?

— После того, как уже все произошло, да.

Он кивнул и посмотрел мимо меня на стену.

— Конечно же, они не все такие.

— Но таких достаточно, чтобы они заслуженно получили ту репутацию, которую имеют.

— К сожалению, это так. Что ж, — он слегка улыбнулся мне, — мы постараемся и не допустим подобных вещей в этой кампании.

— Скажите мне кое-что, — попросил я, опуская свой стаканчик. — Подобные вещи — как вы это назвали — когда-либо с самими людьми Содружества происходили?

Что-то изменилось в атмосфере офиса. Наступила небольшая пауза, прежде чем он ответил. Я почувствовал, как мое сердце бухнуло три раза, ожидая его ответа.

Наконец он ответил:

— Нет, не происходили.

— Почему же? — снова спросил я.

Это странное ощущение в комнате усилилось. И я понял, что слишком форсировал события. Я сидел и разговаривал с ним, как с человеком, позабыв, что он представлял собой еще и кое-что иное. А теперь я начал забывать о том, что он — человек, и думать о нем, как о дорсайце — такой же человеческой личности, какой был и я.

Он не изменил ни тона своего голоса, ни позы, но почему-то мне показалось, что он отодвинулся от меня на какое-то расстояние, туда, на высоко расположенную, холодную каменистую землю, куда я мог попытаться добраться только на свой страх и риск.

Я помнил, что утверждали о его народе с этого маленького, покрытого горами мира. Утверждали, что если дорсайцы захотели бы и отозвали всех своих воинов, служивших на всех других мирах, и затем бросили вызов всем этим мирам, даже

объединенное могущество всей остальной цивилизации не могло бы противостоять им. Раньше я никогда этому не верил. По правде, я никогда об этом не задумывался. Но сейчас, сидя здесь и чувствуя, что происходит в комнате, неожиданно я осознал, что это — правда. Я просто кожей ощущал понимание этого, подобно ветру с ледника, бьющему мне в лицо. Это действительно была правда. И затем он ответил на мой вопрос.

— Потому, — произнес Кейси Грин, — что все подобное было особо запрещено статьей второй Кодекса Наемников.

Затем он неожиданно улыбнулся, и то, что только что ощущалось в комнате, исчезло. Я перевел дух.

— Что ж, — произнес он, опуская свой опустевший стаканчик на стол, — как насчет того, чтобы отобедать с нами в офицерской столовой?

Я поужинал с ними, и еда оказалось очень вкусной. Они хотели, чтобы я остался у них на ночь, но я чувствовал, как меня просто непреодолимо тянет назад, туда, в темный угрюмый лагерь около Джозефтауна, где все, ожидавшее меня, несло в себе холод и горькое удовлетворение от пребывания среди моих врагов.

Я вернулся.

Было примерно около одиннадцати вечера, когда я проехал сквозь ворота, как раз в тот момент, когда из штаб-квартиры Джэймтона вышла человеческая фигура. Площадка освещалась всего лишь несколькими лампами на стенах, и их свет растворялся на мокром асфальте. Одно мгновение я не мог определить, чья это фигура, но затем разглядел, что это Джэймтон.

Он прошел бы мимо неподалеку от меня, но я вышел из машины и пошел ему навстречу. Он остановился в тот момент, когда я очутился перед ним.

— Мистер Олин, — спокойно произнес он. В темноте я не мог определить выражения его лица.

— У меня есть один вопрос, который я хотел бы задать, — произнес я, улыбаясь в темноте.

— Сейчас позднее время для вопросов.

— О, это не займет много времени, — я попытался разглядеть выражение его лица, но в темноте это было очень сложно.

— Я побывал в лагере Экзотики. Их командующий — дорсаец. Я думаю, вы это знаете?

— Да. — Я едва смог рассмотреть, как шевельнулись его губы.

— Мы побеседовали с ним. У меня возник один вопрос, и я подумал, что должен задать его вам, командующий. Вы когда-либо приказывали своим людям расстреливать пленных?

Странная, короткая тишина воцарилась между нами. И затем он ответил.

— Убийство или издевательство над военнопленными, — произнес он невыразительно, — запрещено статьей второй Кодекса Наемников.

— Но вы-то здесь не наемники, а? Вы — местные войсковые подразделения, служащие своей собственной Истинной Церкви и своим Старейшинам.

— Мистер Олин, — произнес он, в то время как я по-прежнему безуспешно старался разглядеть выражение его скрытого темнотой лица. Но слова, казалось, медленно текли в воздухе, хотя тон его голоса оставался таким же спокойным.

— Мой Господь поставил меня своим слугой и полководцем. И ни в одной из этих задач я не подведу Его.

И с этим он повернулся, лицо его по-прежнему было скрыто тьмой, он кивнул мне и, обогнув меня, пошел дальше.

В одиночестве я вернулся в свои апартаменты, разделся и лег на жесткую и узкую постель, которую мне предоставили. Снаружи дождь наконец прекратился. Через открытое, не затянутае шторами окно я мог заметить несколько проступивших на небе звезд.

Я лежал, готовясь ко сну и делая некоторые мысленные заметки относительно того, что мне понадобится сделать на следующий день. Встреча с Падмой неожиданно выбила меня из колеи. Странно, но почему-то я почти позабыл о том, что его вычисления по действиям человеческих существ могли относиться и персонально ко мне. И меня потрясло, когда мне об этом напомнили. Мне нужно было больше узнать об этой науке — онтогенетике: что она могла знать и предсказывать. Если будет необходимо, то от самого Падмы. Но сперва мне надо начать с обычных, общедоступных источников.

Я подумал, что никто не мог бы просто так тешить себя мыслью, что один-единственный человек вроде меня может уничтожить культуру, включающую в себя население двух планет. Никто, за исключением, наверное, Падмы. Что, как я понимал, могли обнаружить его вычисления. И они касались того, что дружественные миры Гармонии и Ассоциации находились перед выбором, означавшим жизнь или смерть для их образа жизни. Самая крохотная вещь могла сместить весы, на

которых они висели. Я еще раз прокрутил в уме свой план, с нежностью рассматривая его.

Ибо сейчас меж звезд дул новый ветер.

Четыреста лет назад мы все были людьми Земли — Старой Земли, материнской планеты, которая была моей родной планетой с одним народом.

Затем, с переселением на новые миры, человеческая раса «раскололась», если использовать термин Экзотики. Каждый малый фрагмент и психологический тип отделился и присоединился к другим, подобным себе, и в дальнейшем этот процесс прогрессировал. Пока наконец мы не получили дюжину фрагментов человеческих типов: воина с Дорсая, философа с Экзотики, ученого с Ньютона, Кассиды или Венеры и так далее.

Изоляция вывела весьма специфические типы. Затем растущее общение между молодыми мирами, теперь уже окрепшими, и все увеличивавшееся развитие технологии снова подтолкнули специализацию. И торговля между мирами стала торговлей учеными умами. Генералы Дорсая стоили обмена на психиатров с Экзотики. Журналисты вроде меня, со Старой Земли, покупали создателей космических кораблей с Кассиды. И так продолжалось всю последнюю сотню лет.

Но теперь миры сближались. Экономика сплавила расы в единое целое. И развернулась борьба на каждом из миров, чтобы получить преимущество из этого сплава, в то же время стараясь сохранить как можно дольше тот образ жизни, к которому они привыкли.

Был необходим компромисс, но яростная, непреклонная религия Содружества запрещала компромиссы и тем приобрела себе множество врагов. И уже общественное мнение на многих мирах восставало против Содружества. Дискредитировать их, раздавить их публично, здесь, в этой кампании, — и они никогда не смогут больше продавать своих солдат. Они потеряют тот торговый баланс, который необходим им для найма специалистов, обученных на других мирах, которые им просто необходимы для поддержания жизнеспособности двух их бедных естественными ресурсами миров. И они умрут.

Как умер молодой Дэйв. Медленно. Во тьме.

И с этими мыслями на меня снова нахлынули воспоминания.

Был лишь полдень, когда нас захватили в плен. И к тому времени, когда появился взводный с приказом охранникам двигаться вперед, солнце уже почти село.

Я вспомнил, как после их ухода, когда все закончилось и я

остался один, я подполз к телам на поляне. И как я нашел Дэйва. И он был еще жив. Он был смертельно ранен, и я не мог остановить кровотечения.

Потом мне сказали, что и это бы не помогло. Но тогда я пытался. Но в конце концов сдался, и к этому моменту стало совсем темно. Я держал его на руках и не знал, что он умер, пока его тело не начало коченеть. И именно в тот момент я начал превращаться в то, во что мой дядя всегда старался меня превратить. Я почувствовал, что умер внутри. Дэйв и моя сестра были моей семьей, единственным, что я хотел сохранить. Вместо этого я мог лишь сидеть там, во тьме, сжимая его тело и слушая, как капли с его пропитанной кровью одежды медленно падают на мертвые листья псевдодубов, толстым слоем покрывавшие землю.

А теперь я лежал в постели, в лагере Содружества, и не мог уснуть, все вспоминая и вспоминая. И спустя некоторое время я услышал маршировавших солдат, строившихся для полуночной службы на площадке.

Я лежал на спине и слушал их. Наконец шум от их маршировавших ног стих. Единственное окно моей комнаты находилось над моей постелью, высоко, слева от нее. Оно не было зашторено, и ночной воздух с его звуками беспрепятственно проникал внутрь комнаты вместе с туманным светом фонарей над площадкой, обрисовывавшим бледный квадрат на противоположной стене моей комнатухи. Я смотрел, наблюдая за этим квадратом, и слушал проходящую снаружи службу. И я слышал, как офицер, руководивший службой, начал молитву. После этого они снова запели свой боевой гимн, и на этот раз я прослушал его лежа от начала до конца.

Солдат, не спрашивай себя,
что, как и почему.
Коль знамя в бой тебя ведет —
шагай вослед ему!
И легионы безбожников
пусть окружают нас —
Не считая удары, руби и круши —
вот тебе весь приказ!
Хвала и слава, честь, почет —
игрушки, жалкий хлам.
Верши свой труд — он по плечу,
пожалуй, только нам!
Грязи людской, человечьим грехам
место среди отбросов.
Долг исполняй свой.

И помни еще:
Не задавай вопросов!
Кровь и страдания, вечная боль —
от века солдатский удел.
Крепче сжимай верный свой меч,
где бы ты ни был, везде!
Радуйся бою, битве любой,
в яростной сече ликуй —
Много их было, но будут еще
на кратком твоём веку.
А выйдет наш срок —
и где б кто ни лег,
стечемся со всех сторон.
Солдаты-избранники,
все мы тогда
придем пред Господен Трон.
Будет кровь наших ран
знаком тех, кто избран,
кто вправе стоять перед Ним —
Мы на верность Ему
присягнув одному,
Ему только верность храним!

После этого они разошлись и отправились спать в постели, ничем не отличавшиеся от моей.

Я лежал там и слушал тишину, воцарившуюся на площади, и размеренную дождевую капель за окном. Эти медленные капли дождя падали одна за другой, равномерно, в темноте. Без счета.

Глава 25

На следующий день после моего прилета дождя больше не было. День за днем поля подсыхали. Скоро они будут достаточно сухи, чтобы выдержать вес тяжелой наземной боевой техники. И все знали, что тогда начнется весеннее наступление войск Экзотики. Тем временем и войска Содружества, и войска Экзотики проходили интенсивные тренировки.

В течение нескольких последующих недель я был плотно занят своей журналистской работой. В основном это были статьи и небольшие рассказы о солдатах и местных жителях. Я должен был отсылать сообщения, что и делал ревностно. Корреспондент хорош лишь своими контактами. И я заводил подобные контакты везде, где только мог, — за исключением войск Содружества. Эти оставались в стороне, хотя я беседо-

вал со многими из солдат. Они не выказывали признаков страха или сомнений.

Я слышал, что в основном многие из солдат Содружества были слабо обучены, потому что из-за самоубийственной тактики офицеров их подразделения постоянно пополнялись зелеными новобранцами. Но здесь находились остатки экспедиционных сил, в шесть раз превосходивших по численности то, что было теперь. И все они были ветеранами, хотя большинству из них не было еще и двадцати. Лишь изредка среди сержантов, а чаще — среди младших офицеров я мог заметить прототип сержанта, который приказал расстрелять пленников на Новой Земле. Здесь люди этого типа выглядели подобно бешеным серым волкам, смешанным с вежливыми, отлично вышколенными молодыми псами, только-только вышедшими из щенячьего возраста. Представляло определенный соблазн считать, что лишь их одних я собираюсь здесь уничтожить.

И борясь с этим соблазном, я напоминал себе, что Александр Македонский возглавлял экспедиции против горных племен и правил в Пелле, столице Македонии, и приказывал казнить людей, когда ему еще было только шестнадцать лет. И все равно солдаты Содружества казались мне очень молодыми. Но не мне продолжать сравнивать их со взрослыми, опытными наемниками сил Кейси Грина. Ибо экзотиканские миры, повинаясь своим принципам, не хотели нанимать ни рекрутов, ни солдат, которые носили на себе боевую униформу против своей воли.

Между тем, я ни слова не слышал от Голубого Фронта. К концу двухнедельного срока я уже обзавелся собственными связями в Новом Сан-Маркосе и в начале третьей недели узнал, что ювелирный магазин на Уоллес-стрит опустил шторы на своих витринах, вывез все из своего помещения и куда-то переехал, а может, и вообще закрылся. Это было все, что мне нужно было знать.

В течение нескольких последующих дней я постоянно находился поблизости от Джэймтона Блэка, и в конце недели мое наблюдение за ним оправдало себя.

В десять часов вечера в ту пятницу я, прогуливаясь вокруг своих апартаментов и идя по дорожке, расположенной под парапетом стены, по которой прохаживались часовые, заметил трех гражданских, по которым четко можно было прочесть, что они из Голубого Фронта. Они подъехали к площади, вышли из машины и вошли в офис Джэймтона.

Они провели там немногим более часа. Когда они уехали, я отправился спать. На этот раз я спал крепко.

Следующим утром я поднялся рано и обнаружил ожидавшую меня почту. Послание доставил космолет, и оно было от директора Службы Новостей, с поздравлениями в мой адрес по поводу моих репортажей. Когда-то, три года назад, это значило бы для меня очень многое. А теперь я беспокоился только не решат ли они, что ситуация здесь достаточно интересная чтобы послать сюда еще нескольких человек мне в помощь. Я не мог допустить, чтобы сейчас здесь оказался дополнительный персонал из Службы Новостей, который мог увидеть, что я предпринимаю.

Я забрался в свою машину и направился по шоссе на восток, в Новый Сан-Маркос, в штаб войск Экзотики. Войска Содружества уже находились на боевых позициях. В восемнадцати километрах восточнее Джозефтауна меня остановило отделение из пяти молодых солдат, среди них не оказалось ни одного сержанта. Они узнали меня.

— Во имя Господа, мистер Олин, — произнес первый из них, стоявший ко мне ближе остальных, наклоняясь и обращаясь ко мне через открытое окно у моего левого плеча. — Вы не можете проехать.

— Не возражаете, если я спрошу — почему?

Он повернулся и указал вбок и вниз в небольшую долину между двумя покрытыми лесом холмами слева от нас.

— Проводится тактическое планирование.

Я посмотрел. Небольшая долина или луг между покрытыми лесом склонами имела в ширину примерно ярдов сто, и она огибала нас и, заворачивая, исчезала справа. По краям лесистых склонов, где они соприкасались с лугом, цвели лилии, которым уже от роду было несколько дней. Сам луг зеленел прекрасной, цвета шартреза молодой травой раннего лета, тут и там виднелись бело-пурпурные цветы лилий, и псевдодубы над ними были слегка покрыты маленькими, молодыми листочками.

И посреди всего этого, в центре луга, передвигались одетые в черные мундиры фигуры с вычислительными устройствами в руках, измеряя и прикидывая возможности убийства с разных направлений. А в самом центре луга они для чего-то установили пять маркерных стоек — сначала располагалась одна стойка, затем еще одна с двумя стойками по бокам. Далее на траве лежала еще одна стойка, словно упавшая и ненужная.

Я посмотрел назад, на вытянутое молодое лицо солдата.

— Готовитесь к победе? — спросил я.

Он воспринял это так, как будто это был прямой вопрос и в моем голосе совершенно отсутствовала ирония.

— Да, сэр, — очень серьезно ответил он. Я взглянул на него, затем перевел взгляд на лица и открытые глаза остальных.

— А не думаете ли вы, что можете проиграть?

— Нет, мистер Олин. — Он грустно покачал головой. — Никто никогда не проигрывает, если идет в битву во имя Господа.

Он заметил, что меня требуется убедить, и поэтому увлеченно продолжил.

— Он возложил Свою Десницу на плечи Своих солдат. И все, что доступно для них — это лишь победа и иногда — смерть. А что есть смерть?

Он посмотрел на своих спутников, и все они согласно кивнули.

— Что есть смерть? — эхом отозвались они.

Я взглянул на них. Они стояли передо мной, спрашивая меня и себя, что есть смерть, словно они обсуждали какую-то тяжелую, но необходимую работу.

У меня имелся ответ для них, но я не высказал его. Смертью был взводный, один из подобных им, отдавший приказ солдатам, таким же, как они, убить пленников. Это и была смерть.

— Вызовите офицера, — попросил я. — Мой пропуск позволяет мне проехать даже здесь.

— Мне жаль, сэр, — ответил тот, что первый заговорил со мной, — но мы не можем покинуть наш пост, чтобы вызвать офицера. Но один из них скоро появится.

У меня имелось представление о том, что значит «скоро», и я оказался прав. Было уже далеко за полдень, когда появился форс-лидер, приказавший им идти обедать и пропустивший меня.

Когда я подъехал к штабу Кейси Грина, солнце уже висело низко над горизонтом и по земле раскинулись длинные тени деревьев. И все же создавалось впечатление, что лагерь только что проснулся. Мне не требовалось большого опыта, чтобы разглядеть, что войска Экзотики, наконец выступили против Джэймтона.

Я нашел Джэнола Марата, коменданта с Новой Земли.

— Мне необходимо увидеть командующего Грина, — сказал я.

Он покачал головой, несмотря на то, что мы уже достаточно хорошо узнали друг друга.

— Не сейчас, Тэм. Извини.

— Джэнол, — сказал я, — это не для интервью. Это вопрос жизни и смерти. Мне необходимо увидеть Кейси.

Он пристально посмотрел на меня. Я — на него.

— Подожди здесь, — сказал он. Мы стояли у самого входа в штаб. Он вышел и отсутствовал минут пять. Я стоял, слушая, как настенные часы мерно отстукивают секунды и минуты. Затем он вернулся.

— Сюда, — показал он.

Он вывел меня наружу, провел вокруг куполов пластиковых строений к небольшому зданию, полускрытому листвой деревьев. Когда мы вошли в него, я понял, что нахожусь в личных апартаментах Кейси Грина. Мы прошли небольшую гостиную и вошли в комнату, сочетающую в себе спальню и ванную. Кейси только что принял душ и теперь надевал свою боевую униформу. Он с любопытством взглянул на меня, а затем обратил свой взгляд обратно на Джэнола.

— Хорошо, комендант, — произнес он. — Сейчас вы можете вернуться к своим обязанностям.

— Есть, сэр, — произнес Джэнол, не оглянувшись на меня.

Он отдал честь и вышел.

— Ну, Тэм, — произнес Кейси, натягивая штаны. — В чем дело?

Он посмотрел на меня немного насмешливо, пока застегивал ремешок своих брюк. Он еще не надел на себя рубашку, и в относительно маленькой комнате возвышался надо мной, как гигант, подобно какой-то непреодолимой природной силе. Его тело было загорелым, словно темное дерево, и мышцы рельефом прорисовывались на его груди и плечах. Живот его был подтянут, и мускулы рук так и ходили по мере того, как он ими двигал. И снова я почувствовал этот особый, присущий только Дорсаю элемент в нем. Дело было не просто в его физической мощи и внушительных размерах. Даже в не в том факте, что он — тот, кто с детства приучен к войне, кто специально взращен для битв. Нет, это было что-то живое, но необъяснимое — то же самое качество, которое можно найти в чистом экзотиканце вроде Падмы, Связующего, или в каком-нибудь ученом-исследователе с Ньютона или Кассиды. Нечто выходящее за пределы обычного облика человека, настолько, что это походило на безмятежность, чувство полной убежденности в самом себе там, где дело касалось его собственного человеческого типа, являвшегося настолько полным, что это как бы ставило его выше всех слабостей, делало непобедимым.

Перед моим мысленным взором возникла худощаая, темная тень Джэймтона, противостоящая такому вот человеку. И сама мысль о возможности победы Джэймтона была невообразимой, совершенно невозможной.

Но всегда существовала опасность.

— Хорошо, я расскажу вам, зачем приехал сюда, — сказал я Кейси. — Я только что узнал, что Блэк связался с Голубым Фронтом, местной террористической политической группой с руководством в Блаувэйне. Трое из них посетили его прошлой ночью. Я видел их.

Кейси взял с кресла рубашку и засунул свою длинную руку в рукав.

— Я знаю, — ответил он.

Я уставился на него.

— Разве вы не понимаете? — спросил я. — Это же убийцы. Это же их ремесло. И есть лишь один человек, которого они и Джэймтон с успехом могли бы убрать, — это вы, Кейси.

Он засунул руку в другой рукав.

— Я знаю это, — снова сказал он. — Они хотят снова сбросить существующее правительство на Святой Марии, и захватить власть — что невозможно в случае, если деньги Экзотики пойдут на оплату наших подразделений, поддерживающих мир на этой планете.

— Они не добились в прошлом помощи от Джэймтона.

— А сейчас они ее добились? — спросил он, застегивая пальцами рубашку.

— Содружество в отчаянии, — сказал я. — Даже если подкрепления и придут хоть завтра, Джэймтон реально оценивает свои шансы в случае начала вашего наступления против него. Быть может, убийцы и поставлены вне закона Военными Конвенциями и Кодексом Наемников, но и вы, и я знаем Содружество.

Кейси бросил на меня странный взгляд и поднял с кресла куртку.

— Разве? — спросил он.

Я взглянул ему в глаза.

— А разве нет?

— Тэм. — Он надел куртку и застегнул ее на все пуговицы. — Я знаю людей, с которыми должен сражаться. Знать их — это мое дело. Но что вас заставляет думать, что вы их знаете?

— Это также и мое дело, — ответил я. — Может быть, вы позабыли. Я ведь журналист. И люди — мой бизнес, первый, последний и самый главный.

— Но вам не нравятся люди Содружества.

— А почему они должны мне нравиться? — спросил я. — Я побывал на всех мирах. Я видел правителя Цеты — и он страстно желает получить как можно больше прибыли, но все же — он человек. Я видел ньютониан и венериан, витающих в облаках, но если их хорошенько растормошить, то их можно привести обратно к реальности. Я видел экзотиканцев, вроде Падмы с их кабинетными чудесами психологии и фрилендера, по уши увязшего в своей канцелярщине. Я всех их видел с позиции своего собственного мира, мира Старой Земли, и с позиции Коби, или Венеры, или даже дорсайцев вроде вас. И скажу вам — им всем присуща одна общая деталь. Каждый из них — человек, они просто пошли по пути специализации одного важного направления.

— А Содружество — нет?

— Фанатизм, — ответил я. — Разве это ценно? Напротив. Что хорошего в слепой, глухой, тупой, бездумной вере, которая не позволяет человеку подумать о себе?

— А откуда вы знаете, что они не думают? — спросил Кейси.

Сейчас он стоял ко мне лицом и пристально наблюдал за мной.

— Быть может, некоторые из них так и поступают, — ответил я. — Быть может, наиболее молодые из них, пока яд не слишком еще пропитал их души. Но что хорошего в том, что до сих пор существует подобная культура?

В комнате воцарилась неожиданная тишина.

— О чем вы говорите? — спросил Кейси.

— Я имею в виду, что вам нужны эти убийцы, — сказал я. — Вам не нужны войска Содружества. Докажите, что Джэймтон Блэк нарушил Военные Конвенции, договорившись с ними о вашем убийстве. И вы победите на Святой Марии, не произведя ни единого выстрела.

— И как я это сделаю?

— Используйте меня, — предложил я. — У меня имеются ходы в группу, к которой принадлежат террористы. Позвольте мне войти с ними в контакт и перекупить их, предложив большую сумму, чем Джэймтон. Вы сможете предложить им признание их группы нынешним правительством. Падма и местное руководство только поддержали бы вас, если бы вам удалось очистить планету от войск Содружества столь легко.

Он посмотрел на меня совершенно беспристрастно.

— И что таким образом получил бы я? — спросил он.

— Клятвенные подтверждения, что они были наняты для

вашего убийства. Их было бы столько, сколько нужно для доказательства.

— Ни один суд Межпланетного Арбитража не поверил бы таким людям, — заметил Кейси.

— О, — ответил я и не смог удержаться от улыбки. — Но они бы поверили мне как представителю Службы Новостей, когда я поручился бы за каждое произнесенное ими слово.

— Понятно, — произнес он.

Кейси прошел мимо меня в прихожую. Я последовал за ним. Он подошел к своему видеофону, нажал пальцем на клавишу и проговорил в пустой серый экран.

— Джэнол, — позвал он.

Он отвернулся от экрана, пересек комнату, направляясь к оружейному шкафу, и достал оттуда свое боевое снаряжение. Он действовал размеренно и больше не посмотрел на меня и не произнес ни слова. Спустя несколько тягостных минут открылась дверь, и вошел Джэнол.

— Сэр? — спросил фрилендский офицер.

— Мистер Олин находится здесь до моих дальнейших приказаний.

— Да, сэр, — ответил Джэнол.

Грин вышел.

Я стоял в оцепенении, уставившись на дверь, через которую он вышел. Я не мог поверить, что он сам нарушит Конвенции до такой степени, что не только проигнорирует меня, но и арестует, чтобы я уже никоим образом не повлиял на ситуацию.

Я повернулся к Джэнолу. Тот смотрел на меня с какой-то грустной симпатией.

— Связующий здесь, в лагере? — спросил я.

— Нет. — он подошел ко мне. — Он вернулся в посольство Экзотики в Блаувэйне. А теперь будь пай-мальчиком и присядь, отдохни. Думаю, мы могли бы вполне приятно провести пару-другую часов.

Мы стояли лицом к лицу. И я нанес ему неожиданный удар в солнечное сплетение.

Еще студентом я немного занимался боксом. Я упоминаю об этом не потому, что хочу представить себя чем-то вроде мускулистого героя, но объясняю почему я решил не бить его по лицу. Грин, наверняка бы без раздумий нашел необходимую точку, но я не был дорсайцем. А площадь под грудной клеткой человека относительно большая, мягкая и удобная и, в общем, весьма привлекательна для любителей. И еще я немного помнил о том, куда лучше всего наносить удар.

И несмотря на все это, Джэнол не потерял сознание. Он упал на пол и, скрючившись, лежал там, однако глаза его остались открыты. Но подняться он какое-то время не мог. Я повернулся и быстро вышел из здания.

Весь лагерь кипел активностью. Меня никто не остановил. Я забрался в свою машину и пятью минутами позже уже направлялся по темнеющему шоссе в Блаувэйн.

Глава 26

От Нового Сан-Маркоса до Блаувэйна и Посольства Падмы было примерно тысяча четыреста километров. Я должен был добраться до него за шесть часов, но мост оказался смыт, и поэтому у меня ушло четырнадцать.

Лишь после восьми утра на следующее утро я ворвался в полуздание, полупарк, являющееся Посольством.

— Падма, — выдохнул я, — он еще...

— Да, мистер Олин, — ответил девушка-секретарь. — Он вас ждет.

Она улыбнулась мне, но я не обратил на это внимания. Я был слишком озабочен, чтобы обрадоваться тому, что Падма еще не улетел к границам назревающего конфликта.

Она провела меня вниз и, свернув за угол, передала меня молодому экзотиканцу, который представился мне одним из помощников Падмы. Тот провел меня коротким путем и передал другому помощнику, который был чуть постарше. Он провел меня через несколько комнат и затем указал направление по длинному коридору, в конце которого, как он сказал, был вход в другой коридор, а затем и в рабочий кабинет Падмы, где тот и находился в данный момент. Затем он покинул меня.

Я последовал по указанному направлению. Пройдя этот вход, я очутился в другом, на этот раз более коротком коридоре. И я замер от неожиданности, ибо навстречу мне приближался Кейси Грин. Кейси Грин с убийством на уме.

Однако человек, выглядевший как Кейси, лишь бросил на меня короткий взгляд и больше не обращал на меня внимания, продолжая идти. Тогда я понял.

Конечно же, это был не Кейси. Он был братом-близнецом Кейси. Это был Йан, командующий гарнизоном Экзотики здесь, в Блаувэйне. Он прошел мимо, и я снова смог двинуться дальше, хотя состояние шока еще не совсем прошло.

Я не думаю, что кто-либо иной, столкнувшийся с ним в подобной ситуации, не был бы так же потрясен. От Джэнولا я

несколько раз слышал, насколько Йан был полной противоположностью Кейси. Не в смысле военного искусства — они оба являлись выдающимися представителями дорсайского офицерства, — но в том, что касалось их индивидуальных натур.

С первого же момента нашей встречи Кейси оказал на меня очевидное воздействие своей веселой натурой и человеческим теплом, которые временами даже затеняли тот факт, что он был дорсайцем. Когда давление всех его военных задач практически отсутствовало, он представлял собой чистый солнечный свет. И вы могли греться в его присутствии с таким же успехом, как если бы делали это на солнце. Йан, его физический двойник, шествовавший навстречу мне подобно двуглазому Одиному, был его тенью.

Вот здесь-то наконец дорсайские легенды и стали реальностью. Это был угрюмый человек с железным сердцем и темной, уединенной душой. В могучей крепости его тела, бывшего самим Йаном, он обитал, подобно какому-то отшельнику на высокой горе. Это был одинокий и яростный горец из его далеких предков, снова пробудившийся к жизни.

Не закон, не этика, но данное слово, верность своему клану и обычай кровной мести правила Йаном. Он был человеком, который пересек бы сам ад, чтобы исполнить долг добра или зла. И в тот момент, когда я его увидел идущим мне навстречу, я наконец понял его и неожиданно возблагодарил всех богов, какие еще могли оставаться, за то, что его долг не имел никакого отношения ко мне.

Затем мы разминулись с ним, и он скрылся за углом.

Я вспомнил, что, по слухам, эта его мрачность практически никогда не исчезала, кроме как в присутствии Кейси, словно он в действительности был половинкой своего брата. И если он когда-либо утратит это светоносное воздействие присутствия Кейси на себя, то, вероятно, будет навечно приговорен к собственной тьме.

Это соображение мне пришлось вспомнить позже. Как я вспомнил об этом, когда увидел его идущим мне навстречу.

Но сейчас я уже забыл о нем, пройдя через вход и оказавшись в месте, которое мне показалось небольшой оранжереей, и увидев знакомое добродушное лицо и коротко подстриженные седые волосы Падмы. Он был одет в свое голубое одеяние.

— Входите, мистер Олин, — пригласил он, вставая, — и пойдёмте со мной.

Он повернулся и прошел сквозь арку из фиолетовых цветов ломоносов. Я последовал за ним, и мы очутились в небольшом дворике со стоявшим там роскошным аэрокаром. Падма

уже забрался на сиденье перед пультом управления. Он придержал дверцу открытой для меня.

— Куда мы направляемся? — спросил я, когда забрался в машину.

Он прикоснулся к пульту автопилота. Машина поднялась в воздух. Он предоставил ей возможность самой управлять своим движением и развернулся в своем кресле лицом ко мне.

— В полевой штаб командующего Грина, — ответил он.

Глаза его по-прежнему несли в себе этот странный светлорыжий оттенок, но казалось, что они словно отражают и плывут в солнечном свете, изредка пробивающемся сквозь прозрачную крышу аэрокара в тот момент, когда мы достигли заданной высоты и начали горизонтальный полет. Я не мог прочесть ни их выражения, ни выражения его лица.

— Понятно, — произнес я. — Конечно, я понимаю, что вызов из штаба Грина мог достичь вас гораздо быстрее, чем я на своей машине. Но я надеюсь, вы не думаете, что он задержал меня или что-нибудь в этом роде. У меня с собой мои верительные грамоты Непредвзятости, защищающие меня как журналиста. И кроме того, соответствующие разрешения как от Содружества, так и от Экзотики. И я не намерен нести ответственность за любые заключения, сделанные Грином во время нашей беседы, которая прошла наедине.

Падма неподвижно сидел в кресле своего аэрокара, разглядывая меня. Его руки, сложенные на коленях, выглядели бледными на фоне его голубого одеяния, но синие вены под кожей его кистей вырисовывались отчетливо.

— Вы направляетесь туда со мной по моему собственному решению, а не по решению Кейси Грина.

— Хотел бы знать, почему, — скованно сказал я.

— Потому, — медленно произнес он, — что вы очень опасны.

Он по-прежнему неподвижно сидел, смотря на меня немигающим взглядом.

Я подождал, пока он продолжит, но он молчал.

— Опасен? — спросил я. — Опасен для кого?

— Для нашего будущего.

Я уставился на него, а затем рассмеялся и внезапно рассердился.

— Бросьте! — воскликнул я.

Он медленно покачал головой, но его глаза ни на секунду не покидали моего лица. Меня поражали эти глаза. Невинные

и открытые, как у младенца, но за ними я не мог разглядеть самого человека.

— Хорошо, — сказал я. — Объясните мне, почему я опасен?

— Потому что вы хотите уничтожить одну из жизненных частей человеческой расы. И вы знаете, как.

Последовала короткая тишина. Аэрокар бесшумно скользил в облаках.

— Пожалуй, это весьма странное предположение, — медленно и хладнокровно произнес я. — Интересно, откуда вы пришли к такому заключению?

— Из наших онтогенетических вычислений, — так же холодно ответил Падма. — И это не предположение, Тэм. Как вы сами знаете.

— О да, — произнес я. — Онтогенетика. Я собирался немного разобраться в этом.

— Ну и как, вы разобрались в этом, Тэм?

— Раньше? — спросил я. — Пожалуй нет, но сейчас — да. Правда, сначала все это показалось предельно ясным, насколько мне помнится. А что насчет эволюции?

— Онтогенетика, — заговорил Падма, — является наукой, изучающей эффект эволюции на взаимодействующие силы человеческого общества.

— А я являюсь такой взаимодействующей силой?

— В данный момент и некоторое время назад — да, — ответил Падма. — И, возможно, еще несколько лет в будущем. Но может быть, и нет.

— Это похоже на угрозу.

— В некотором смысле это так и есть, — глаза Падмы снова отразили свет, когда я попытался рассмотреть их. — Вы вполне можете уничтожить и самого себя, так же как и других.

— Мне бы очень не хотелось этого.

— Тогда, — сказал Падма, — будет лучше, если вы внимательно выслушаете меня.

— Ну конечно же, — ответил я. Это мое дело — слушать других. Расскажите мне об онтогенетике и обо мне.

Он сделал несколько переключений на пульте и затем вновь повернулся ко мне лицом.

— Человеческая раса, — начал Падма, — перенесла эволюционный взрыв в тот момент своего исторического развития, когда колонизация звезд стала практически осуществимой.

Он сидел неподвижно, наблюдая за мной. Я придал своему лицу внимательное выражение.

— Это произошло по причинам, проистекавшим из расового инстинкта, который мы еще не до конца определили, но который по сути своей является самозащитой в природе.

Я полез в карман своей куртки.

— Пожалуй, лучше будет, если я сделаю кое-какие записи, — произнес я.

— Если так желаете, — спокойно произнес Падма. — Из этого взрыва вышли культуры, каждая из которых в отдельности явилась как бы гранью человеческой природы. Боевой, сражающейся гранью стали дорсайцы. Гранью, которая отвергала все личностное в приверженности какой-то вере, стало Содружество. Философская грань привела к созданию Экзотиканской культуры, к которой принадлежу и я. Мы называем их Осколочными Ккультурами.

— О, да, — подтвердил я. — Я знаю об Осколочных Ккультурах.

— Вы знаете о них, Тэм, но не знаете их самих.

— Неужели?

— Нет, — повторил Падма, — потому что вы, как и ваши предки — с Земли. Вы старый человек полного спектра. И люди Осколочных Ккульту эволюционно превосходят вас.

Я почувствовал неожиданный слабый укол застарелой злобы внутри себя. Его голос отозвался эхом голоса Матиаса в моей памяти.

— Вот как? Боюсь, я не вижу этого превосходства ни в чем.

— Потому что вы не хотите, — ответил Падма. — А если бы захотели, то вынуждены были бы признать, что они отличаются от вас, и таким образом, судить о них нужно по другим критериям.

— Отличаются? Как же?

— Отличаются некоторым образом тем, что все люди Осколочных Ккульту, включая и меня, инстинктивно понимают то, что обычный полноспектрый человек должен либо воображать, либо предполагать.

Падма слегка поерзал в своем кресле.

— Вы сможете это понять, Тэм, если представите себе одного из членов Осколочных Ккульту как обычного человека, вроде вас, но с мономанией, которая полностью приковывает его к линии поведения существа одного типа. Но с одним вот таким отличием. Вместо того, чтобы остальные части мысленного и физиологического существа вне пределов этого существа-мономаньяка игнорировать и атрофировать, как это было бы в вашем случае...

— А почему именно в моем? — прервал я его.

— Ну, в случае любого полнспектрового человека, — спокойно продолжил Падма. — Так вот, эти части вместо атрофии изменяются, с тем, чтобы согласоваться и поддерживать мономанию, так что мы получаем не больного, а здорового человека. Только несколько иного.

— Здорового? — спросил я и перед моим мысленным взором вновь всплыло лицо взводного войск Содружества, убившего Дэйва на Новой Земле.

— Здорового, как культура. Не как случайный изуродованный индивид этой культуры. А как культура.

— Извините, — сказал я. — Но я этому не верю.

— Но это так, Тэм, — мягко произнес Падма. — Подсознательно вы верите. Потому что планируете использовать слабость такой культуры, которая должна ее уничтожить.

— И что же это за слабость?

— Очевидная слабость, являющаяся противоположностью любой силы, — ответил Падма. — Осколочные Культуры нежизнеспособны.

Должно быть, некоторое время я просто моргал глазами. Я был по-настоящему поражен.

— Нежизнеспособны? Вы имеете в виду, что они не могут существовать сами по себе?

— Конечно же, нет, — подтвердил Падма. — Оказавшись перед лицом экспансии в космос, человечество отреагировало на брошенный вызов различной окружающей среды, попытавшись адаптироваться к ней. И оно приспособилось, стараясь использовать отдельно все элементы своей личности, чтобы посмотреть, какой из них устроится лучше. А теперь все эти элементы — Осколочные Культуры — выжили и адаптировались, и теперь пришло время снова соединиться в одно целое, чтобы произвести на свет более закаленного, ориентированного на всю Вселенную человека.

Аэрокар начал снижаться. Наш перелет заканчивался.

— И какое все это имеет отношение ко мне? — спросил я.

— Если вы расстроите одну из Осколочных Культур, она не сможет адаптироваться сама по себе, как это сделал бы человек полного спектра. Она погибнет. И когда раса вновь соединится в целое, этот ценный элемент будет утрачен для всей расы.

— Быть может, это и не будет такой уж утратой, — в свою очередь так же тихо произнес я.

— Нет, жизненно важной потерей, — произнес Падма. — И я могу это доказать. Вы, человек полного спектра, имеете в

себе все элементы, от каждой из Осколочных Культур. Если вы признаете это, то сможете идентифицировать себя даже с теми, кого намереваетесь уничтожить. И у меня имеется доказательство, которое я могу вам предложить. Хотите взглянуть на него?

Машина приземлилась. Дверца возле меня открылась. Я выбрался из машины вместе Падмой и обнаружил поджидавшего нас Кейси.

Я перевел свой взгляд с Падмы на Кейси, который был на голову выше меня и на две голфы выше Связующего. Кейси посмотрел сверху вниз на меня без какого-либо особенного выражения. Его глаза не были похожи на глаза его брата-двойника. Но почему я не мог встретиться с ними?

— Я — журналист, — произнес я. — И разум мой открыт.

Падма повернулся и зашагал к зданию штаба. Кейси пошел за нами и, как мне показалось, Джэнол и остальные офицеры штаба тоже двинулись следом. Хотя я не оглянулся назад, чтобы удостовериться в этом. Мы прошли во внутренний офис, где я впервые встретился с Грином. На столе Грина лежала папка для документов. Он подошел, взял ее, вытащил из нее фотокопию чего-то и передал ее мне, когда я подошел поближе.

Я раскрыл ее. Не было никаких сомнений в ее подлинности.

Это было послание от Старейшины Брайта, действующего правительства Гармонии и Ассоциации, военному шефу Содружества в Центр обороны X на Гармонии. Дата его имела двухмесячный срок давности. Отпечатано это послание было на мономолекулярном листе материала, с которого буквы после их написания нельзя было ни убрать, ни изменить.

Будьте проинформированы, во Имя Господа...

...Поскольку, как кажется, в Воле Господней, чтобы наши Братья на Святой Марии не одержали успех, сим приказывается, чтобы больше не посылалось им ни подкреплений, ни оборудования. Ибо если наш капитан добудет нам победу, естественно, мы победим без всяких дальнейших затрат. Но если такова Его воля и мы не одержим победы, тогда, конечно же, было бы непочтительно разбрасываться имуществом Церквей Господа в попытке противостоять таковой Воле.

И пусть будет приказано, чтобы Братья наши на Святой Марии были оставлены без знания того, что не допу-

сти́м более никаких пополнений, и пусть они по-прежнему несут свою веру в себе, как всегда, и да не пребудут Церкви Господни во страхе. Внемлите этому Повелению, во Имя Господа:

*По приказу того, чье имя
Брайт, Старейший среди Избранных.*

Я оторвал свой взгляд от послания. И Грин, и Падма внимательно наблюдали за мной.

— Как вам удалось заполучить это? — спросил я. — Хотя, конечно, вы не захотите сказать мне.

Ладони моих рук неожиданно так вспотели, что гладкий материал листа начал выскальзывать из них. Я судорожно сжал его и стал быстро говорить, стараясь удержать их взгляд на себе.

— Ну так и что из того? Мы все уже знали об этом. Практически все знали, что Брайт их оставит. И это всего лишь доказательство. К чему было вообще показывать мне это послание?

— Я думал, — произнес Падма, — что оно, может быть, хоть чуть-чуть сдвинет вас с места. Может быть, достаточно, чтобы вы попытались взглянуть на все с иной точки зрения.

— Я не говорил, что это невозможно, — произнес я. — Я уже говорил вам, что у журналиста разум всегда открыт. Конечно, — тут я начал осторожно подбирать слова, — если бы я мог изучить это...

— Я надеялся, что вы возьмете это с собой, — сказал Падма.

— Надеялись?

— Если вы разберетесь в этом послании и действительно поймете, что именно в нем имел в виду Брайт, тогда, быть может, вы воспримете Содружество совсем по-иному. Вы сможете переменить свое мнение о них.

— Я так не думаю, — заявил я, — Но...

— Позвольте мне попросить вас сделать хотя бы это, — перебил меня Падма. — Возьмите послание с собой.

Какое-то мгновение я стоял в нерешительности, смотря на Падму и возвышавшегося за ним Кейси, затем пожал плечами и убрал послание в карман.

— Хорошо, — сказал я. — Я заберу его с собой и подумаю над тем, что там написано. Где-то здесь неподалеку я вроде бы оставлял машину, не так ли?

И посмотрел на Кейси.

— Примерно в десяти километрах отсюда, — ответил он. — Но вы все равно уже не сможете до нее добраться. Мы выдвигаемся для начала наступления, и войска Содружества уже начали маневрировать, выдвигаясь нам навстречу.

— Возьмите мой аэрокар, — предложил Падма. — Флаги Посольства на нем помогут вам.

— Хорошо, — согласился я.

Мы все вместе вышли к аэрокару. Во внешнем офисе я прошел мимо Джэнола, и он ответил мне холодным взглядом. Я не винил его. Мы подошли к аэрокару, и я залез в машину.

— Вы можете отослать аэрокар назад, когда вам будет удобно, — сказал Падма, когда я залез в его кабину. — Это как бы ссуда от Посольства вам, Тэм. Я не буду о нем беспокоиться.

— Нет, — ответил я. — Вам не надо беспокоиться.

Я закрыл дверь и коснулся панели управления.

Это была мечта, а не аэрокар. Он поднялся в воздух бесшумно, как сама мысль, и буквально через секунду я уже был на высоте двух тысяч футов и довольно далеко от места предыдущей посадки. И все же я заставил себя успокоиться, прежде чем залез в карман и вытащил оттуда послание.

Я взглянул на него. Моя рука, державшая послание, слегка дрожала.

Вот оно, наконец-то мое. Подтверждение того, что Пирс Лиф слышал еще там, на Земле, и за чем я охотился с самого начала. И Падма сам настоял на том, чтобы я забрал его с собой.

Это был рычаг, тот самый Архимедов рычаг, которым я мог бы перевернуть не один, а целых два мира. И столкнуть народы Содружества за край гибели.

Глава 27

Они меня ждали. И сразу же окружили аэрокар, как только я приземлился на внутренней площадке лагеря Содружества. Все они держали свои игловинтовки наготове.

Очевидно, это были единственные, кто остался. Джэймтон, похоже, отослал почти всех солдат своей боевой группы. А этих я узнал сразу же. Опытные ветераны. Один из них — взводный, с которым я столкнулся в офисе той первой ночью, когда приехал из расположения лагеря экзотиканских сил и вошел, чтобы поговорить с Джэймтоном, спросив его, приказывал ли он своим людям убивать пленных. Другой — ротный, лет сорока, один из самых младших чинов, но исполнявший обязан-

ности майора, — как и Джэймтон, имевший звание коменданта, исполнял обязанности командующего экспедиционными силами, занимая, таким образом, должность, соответствующую должности Кейси Грина. Двое других солдат были сержантами, но такими же похожими. Я знал их всех. Ультрафантики. И все они знали меня.

Мы понимали друг друга.

— Мне необходимо увидеть коменданта, — выпалил я, как только выбрался из машины, прежде чем они смогли задать мне хотя бы один вопрос.

— По какому делу? — спросил ротный. — Этот аэрокар не должен здесь находиться, так же как и вы.

— Я должен немедленно увидеть командующего Блэка, — произнес я. — Я не оказался бы в этом аэрокаре, несущем флаги Посольства Экзотики, если бы в этом не было никакой необходимости.

Они не могли рассчитывать на то, что причина, по которой я хотел увидеть Блэка, — пустяковая. И я это знал. Они немного поспорили со мной, но я продолжал настаивать, что мне необходимо увидеть коменданта. Наконец ротный провсел меня в тот же самый внешний офис, где я всегда ожидал Джэймтона.

И я оказался с ним лицом к лицу.

Он надевал свое боевое снаряжение, почти так же, как это проделывал Грин, когда я наблюдал его. Только на Грине это снаряжение с висевшим вооружением выглядело несколько игрушечным. На худощавой же фигуре Джэймтона оружие казалось несколько тяжеловатым.

— Мистер Олин, — поздоровался он.

Я пересек комнату и подошел к нему, одновременно вытаскивая послание из кармана. Он полуобернулся лицом ко мне, одновременно застегивая пальцами замочки снаряжения, слегка позвякивая оружием.

— Вы собираетесь выступить против Экзотики, — констатировал я.

Он кивнул, соглашаясь. Я никогда еще не стоял к нему так близко. Если бы я стоял на другом конце комнаты, я был бы уверен, что он хранит на своем лице обычное каменно-спокойное выражение. Но сейчас, когда я стоял всего лишь в нескольких футах от него, я смог увидеть слабый призрак усталой улыбки, тронувшей на секунду уголки его четкого, прямого рта на темнокожем молодом лице.

— Это моя обязанность, мистер Олин.

— Какая там обязанность, — произнес я. — Когда ваши командиры на Гармонии уже списали вас со своих счетов.

— Я уже говорил вам, — холодно ответил он. — Избранные в Господе не предаются друг другом.

— Вы в этом уверены? — спросил я.

И снова я уловил призрак усталой улыбки.

— Это тот предмет, в котором я лучший эксперт, чем вы, мистер Олин.

Я посмотрел ему в глаза. Они были усталыми, но абсолютно спокойными. Я отвел взгляд в сторону и посмотрел на стол, на котором стояла картинка с изображением двух пожилых людей и молодой девушки.

— Ваша семья? — спросил я.

— Да, — ответил он.

— Мне кажется, вы должны были бы подумать о них в такой момент, как этот.

— Я думаю о них довольно часто.

— Но вы все равно собираетесь выступить и погибнуть.

— Все равно, — подтвердил он.

— Конечно же! — воскликнул я. — Вы так и поступили бы!

Я пришел сюда совершенно спокойным и полностью контролировал себя. Но сейчас словно сорвало пробку со всего того, что копилось во мне с момента смерти Дэйва. Меня начало трясти.

— Потому что вы все, Содружество, именно такой вот род лицемеров. Вы настолько лживы, настолько погрязли в своей собственной лжи, что если кто-нибудь отнимет ее у вас, ничего не останется. Разве не так? Вы лучше умрете сейчас, чем признаете, что совершение самоубийства вовсе не такое уж великое деяние во Вселенной. Вы лучше умрете, чем признаете, что полны сомнений, как и любой другой человек, и что вы тоже боитесь.

Я вплотную подошел к нему. Он не шевельнулся.

— Кого вы пытаетесь одурачить? — спросил я. — Кого? Я так же насквозь вижу вас, как и людей на остальных мирах! И я знаю, что за фетиш эти ваши Объединенные Церкви. Я знаю, как, впрочем и вы, что образ жизни, о котором вы гнушаво долдоните, вовсе не так уж и хорош, как вы утверждаете. Я знаю, что ваш Старейшина Брайт и его свора узколобых стариков — всего лишь банда узурпаторов и тиранов, которым наплевать на религию или что-либо еще, пока у них есть то, чего они хотят. И я знаю, что вы это знаете — и собираюсь заставить вас признать это!

И сунул послание ему под нос.

— Читайте!

Он взял его. Я на шаг отступил от него. Меня все еще трясло, пока я наблюдал за ним.

Я задержал дыхание на целую минуту, пока он изучал его. Выражение его лица не изменилось. Затем он вернул его мне.

— Я могу вас подвезти на встречу с Грином? — спросил я. — Мы могли бы свободно пересечь линию фронта в машине Связующего. Вы сможете договориться о капитуляции, прежде чем начнется стрельба.

Он покачал головой и посмотрел на меня каким-то странным образом, с выражением, которое я никак не мог определить.

— Вы хотите сказать — нет?

— Вам лучше всего остаться здесь, — ответил он. — Даже с посольскими флажками в эту машину над боевыми порядками могут стрелять.

И он повернулся, словно собирался выйти через дверь.

— Куда вы направляетесь? — закричал я на него. Я обогнул его и поднес послание к его глазам. — Это — реальность. Вы не можете закрыть на это глаза!

Он остановился и посмотрел на меня. Затем с силой отвел мою руку с зажатым в ней посланием. Его пальцы были тонки, но гораздо сильнее, чем я думал, ибо моя рука опустилась против моей воли.

— Я знаю, что это реальность. Я должен предупредить вас, мистер Олин, чтобы вы больше не мешали мне. Мне надо идти.

Он обошел меня и направился к двери.

— Вы лжец! — закричал я вслед ему. Он продолжал идти. Я должен был его остановить. Я схватил стоявшую на его столе солидографию и с размаху швырнул ее на пол.

Он повернулся ко мне, как кошка, и посмотрел на осколки у моих ног.

— Вот что вы делаете! — заорал я, указывая на них.

Он без единого слова вернулся, нагнулся и аккуратно собрал осколки, один за другим. Он убрал их себе в карман и снова поднялся на ноги, и наконец поднял лицо ко мне. И когда я увидел его глаза, у меня перехватило дыхание.

— Если бы мои обязанности, — сказал он, — в эту минуту были не в том...

Он замолчал. Я увидел, как расширились его глаза. И мед-

ленно я увидел, как они изменились и убийство, явственно читавшееся в них, сменилось чем-то похожим на удивление.

— У тебя, — тихо произнес он, — у тебя нет веры?

Я открыл рот, чтобы хоть что-то сказать. Но произнесенные им слова остановили меня. Я стоял, будто мне нанесли сильнейший удар в живот, и не мог вымолвить ни слова. Он пристально смотрел на меня.

— Что заставило вас подумать, — спросил он, — что это послание побудит меня изменить решение?

— Вы же прочли его! — воскликнул я. — Брайт написал, что, поскольку вы здесь в проигрышной позиции, вам больше не должно поступать никакой помощи. И никто не должен говорить вам, потому что вы из страха можете сдаться, когда узнаете об этом.

— Именно так вы и прочли это? — спросил он. — Именно так?

— А как же еще? Как еще вы могли бы его прочесть?

— Так, как в нем написано. — Он стоял передо мной, и глаза его неотрывно смотрели прямо в мои глаза. — Вы прочли послание без веры, оставив Имя и пожелание Господа. Старейшина Брайт написал не о том, чтобы нас оставили здесь одних, а о том, что, поскольку наше положение здесь весьма тяжелое, мы должны быть предоставлены в руки нашего Капитана и Господа нашего. И еще он написал, что нам не должны сообщать об этом, чтобы никто здесь не был подвержен соблазну намеренно искать корону мученика. Посмотрите, мистер Олин. Все это здесь, черным по белому.

— Но это не то, что он имел в виду! Не то!

Он покачал головой.

— Мистер Олин, я не могу оставить вас в таком заблуждении.

Я уставился на него, ибо прочел в его лице симпатию к себе.

— Именно ваша собственная слепота обманывает вас, — произнес он. — Вы не видите ничего и считаете, что ни один человек не может разглядеть этого. Господь наш — вовсе не имя, а суть всему. Вот почему в наших церквях вы не увидите никаких украшений, никаких разукрашенных экранов между нами и Господом нашим. Послушайте меня, мистер Олин. Сами эти церкви ничто. Наши Старейшины и лидеры, несмотря на то, что они Избранные и Посвященные, — всего лишь смертные люди. И ни к кому и ни к чему из этого мы не прислушиваемся в нашей вере, только к одному лишь гласу Господню внутри нас.

Он помедлил. Но почему-то я не мог произнести ни слова.

— Предположим, что все именно так, как вы думаете, — продолжил он, еще более смягчив голос. — Предположим, что все сказанное вами — правда и наши Старейшины — просто жадные тираны. И мы сами оставлены здесь на произвол судьбы из-за их эгоизма и вынуждены исполнять горделивую, но фальшивую роль. Нет.

Голос Джэймтона зазвучал громче.

— Позвольте мне подтвердить, что это действительно так, но только для вас. Предположим, вы могли бы предоставить мне доказательства того, что все наши Старейшины лгали, что сама Конвенция — фальшивка. Предположим, вы могли бы доказать мне, — лицо его поднялось, и глаза посмотрели внутрь меня, а голос, казалось, оказывал физическое давление, — что вся суть извращена и насквозь фальшива. И что нигде среди Избранных, даже в доме моего отца, не существовало ни веры, ни надежды! Если бы вы и смогли доказать мне, что никакое чудо не могло бы спасти меня, что ни одной души не стоит рядом со мной и что мне противостоят все легионы Вселенной, все равно бы я — я один, мистер Олин, — пошел бы вперед, как мне было приказано, до самого края Вселенной, к кульминации бесконечности. Ибо без своей веры я — всего лишь обычная земная грязь. Но с моей верой — не существует такой силы, которая могла бы меня остановить!

Он замолчал и отвернулся. Я смотрел, как он пересек комнату и вышел через дверь.

И все же я остался стоять, словно меня пригвоздили к этому месту, пока я не услышал снаружи, на площади лагеря, звук заводимого двигателя военного аэрокара.

Я вырвался из своего оцепенения и выбежал из здания.

Когда я очутился на площади, военный аэрокар только-только начал подниматься. Я смог разглядеть Джэймтона и его четырех непоколебимых подчиненных внутри машины. И я заорал им вслед:

— Все это хорошо для вас, но как насчет ваших людей?

Они не могли меня услышать. Я знал это. Неподвластные мне слезы потекли по моему лицу, но я все равно продолжал орать ему вслед.

— Вы посылаете на смерть своих же солдат, чтобы доказать свою правоту! Неужели вы не хотите понять? Вы убиваете беззащитных людей!

Без видимых усилий военная машина быстро поднялась и взяла курс на юго-запад, туда, где ее ожидали сходящиеся

войсковые подразделения. И тяжелые бетонные стены и строения пустого лагеря вернули мне мои слова назад гулким, диким и насмешливым эхом.

Глава 28

Мне следовало бы направиться в космопорт. Вместо этого я снова забрался в аэрокар и полетел назад, через линию фронта, разыскивая боевой командный центр Грина.

Меня тогда мало беспокоила собственная безопасность, как и какого-нибудь солдата Содружества. Мне показалось, что раза два меня обстреляли, несмотря на посольские флажки на машине, но точно я не помню. В конце концов я нашел командный центр и совершил посадку рядом с ним.

Как только я вылез из машины, меня окружили военнослужащие. Я предъявил верительные грамоты и направился к боевому обзорному экрану, который был установлен на открытом воздухе, в тени листвы нескольких высоких и могучих, имевших разные очертания дубов. Грин, Падма и весь его штаб столпились у экрана, наблюдая за передвижениями собственных войск и подразделений Содружества, о чем немедленно сообщалось на экране. Вполголоса звучало постоянное обсуждение передвижений, и от расположенного примерно в пятнадцати футах экрана коммуникационного центра шел непрерывный поток информации.

Солнце слегка просвечивало сквозь листву деревьев. Время близилось к полудню, и день был светлым и теплым. Долгое время на меня никто не обращал внимания. И затем Джэнол, зачем-то отвернувшись от экрана, заметил меня, стоявшего несколько в стороне у плоской коробки тактического компьютера. Его лицо похолодело. Он продолжил заниматься тем, что делал. Но, должно быть, я выглядел весьма плохо, потому что спустя некоторое время он подошел ко мне с чашкой от термоса и поставил ее на кожух компьютера.

— Выпейте это, — коротко сказал он и отошел. Я взял чашку, обнаружил, что это дорсайское виски, и выпил его. Я не почувствовал вкуса, но, очевидно, оно все же оказало на меня благотворное влияние, потому что через несколько минут мир начал как-то обрисовываться вокруг меня и я снова обрел возможность размышлять.

Я подошел к Джэнолу.

— Спасибо.

— Хорошо. — Он не взглянул на меня, а продолжал заниматься бумагами на столе перед ним.

— Джэнол, — попросил я. — Объясните мне, что происходит.

— Посмотрите сами, — ответил он, не отрываясь от своих бумаг.

— Я сам не могу разобраться. Вы это знаете. Послушайте — я сожалею о том, что сделал. Но это ведь и моя работа тоже. Так не могли бы вы мне сейчас объяснить, что происходит, а подраться — потом?

— Вы же знаете, что я не имею права скандалить с гражданскими лицами.

Затем его лицо смягчилось. — Ну хорошо, — сказал он, вставая. — Идемте.

Он подвел меня к боевому экрану, туда, где стояли Кейси и Падма, и показал на какой-то маленький треугольник тьмы между двумя змееподобными линиями света. Другие световые точки и фигурки располагались вокруг них.

— Это, — он указал на две змееподобных линии, — реки Макинток и Сара в месте, где они сливаются, примерно в десяти милях в эту сторону от Джозефтауна. Это довольно холмистая местность, холмы покрыты лесом, а меж ними — открытое пространство. Хорошая местность для организации мощной защиты и плохая — если окажешься в ней зажатым.

— Почему?

Он указал на две речных линии.

— Отступишь в этом направлении — и окажешься зажатым к высоким отвесным берегам реки. Там нет легкой переправы и никакого прикрытия для отступающих войск. Везде почти полностью открытые поля, от реки до самого Джозеф-тауна.

Он провел пальцем назад до точки, где реки сливались вместе, мимо маленького темного треугольника и окружающих их точек и фигурок света.

— С другой стороны, подступы к этой местности с наших позиций — также через открытую местность — узкие полосы полей, пересекаемые множеством болот и зарослей. Это довольно сложная ситуация для обоих командиров, если мы решим принять бой здесь. Первый, кто станет отступать, быстро окажется в ловушке.

— Вы собираетесь наступать?

— Возможно. Блэк послал вперед свою легкую бронетехнику. А теперь он отступает назад к высоким холмам между реками. Мы намного превосходим его в силе и технике. В общем-то нет никаких причин, чтобы не следовать за ними по пятам, пока они сами не загонят себя в ловушку...

Джэнол замолчал.

— Нет причин? — переспросил я.

— Нет с тактической точки зрения.

Джэнол, нахмурившись, посмотрел на экран.

— Мы не можем попасть в неудачное положение, если только вдруг нам не придется неожиданно отступать. И мы не сделаем этого, если противник не получит какого-то ошеломляющего тактического преимущества, что сделает невозможным наше пребывание здесь.

Я посмотрел на него сбоку.

— Такого, как, например, потеря Грина? — спросил я.

Он перенес свой хмурый взгляд на меня.

— Такой опасности не существует.

Последовала заметная перемена в движении и голосах людей, окружавших нас.

Мы оба обернулись, чтобы посмотреть, в чем дело.

Все столпились у экрана. Мы с толпой придвинулись туда же, заглядывая за плечи двоих офицеров из штаба Грина, на экране я рассмотрел изображение небольшой светлой лужайки, окруженной покрытыми лесом холмами. В центре луга, подле длинного стола, стоявшего на траве развевался флаг Содружества с тонким черным крестом на белом фоне. По обе стороны стола располагались складные стулья. Но около стола стоял лишь один офицер Содружества — словно чего-то ждал. У краев заросших лесом холмов располагались заросли сирени, вплотную подходившие к дубам. Их бледно-лиловые цветы начали коричневеть и темнеть, ибо сезон их подходил к концу. Так много произошло изменений за двадцать четыре часа. Слева, в углу экрана, я смог разглядеть бетон шоссе.

— Я знаю это место... — повернувшись к Джэнолу, заговорил я.

— Тихо! — произнес он, подняв палец. Вокруг нас все также замолчали. Где-то впереди нашей группы говорил один-единственный голос.

...— это стол переговоров.

— Они уже вызвали? — спросил голос Кейси.

— Нет, сэр.

— Что ж, пойдем посмотрим.

Впереди произошло какое-то движение. Группа начала расходиться, и я увидел, как Кейси и Падма направляются к площадке, на которой были припаркованы аэрокары. Я толкался сквозь редкую толпу, словно бульдозер, и бросился бежать вслед за ними.

Я услышал, как позади меня что-то прокричал Джэнол,

но не обратил внимания. И в следующий момент я уже был рядом с Кейси и Падмой, которые обернулись ко мне.

— Я хочу поехать с вами, — выпалил я.

— Все в порядке, Джэнол, — сказал Кейси, посмотрев мне за спину. — Вы можете оставить его с нами.

— Да, сэр, — услышал я ответ Джэнولا, после чего тот развернулся и ушел.

— Так значит, вы хотите поехать вместе со мной, мистер Олин? — спросил Кейси.

— Я знаю это место, — ответил я ему. — Несколько ранее, днем, я проезжал там. Солдаты Содружества проводили тактические замеры по всему этому лугу и близрасположенным холмам с обеих сторон. Они не собираются вести переговоры о перемирии.

Кейси долгое время смотрел на меня, словно лично производил какие-то тактические замеры.

— Что ж, поехали, — сказал он. Затем повернулся к Падме.

— Вы останетесь здесь?

— Это зона боя. Мне лучше уехать. — Падма повернул ко мне свое гладкое лицо. — Удачи вам, мистер Олин, — сказал он и ушел. Я секунду смотрел вслед его голубому одеянию, плывущему над землей, затем обернулся и увидел, что Грин уже почти дошел до ближайшего военного аэрокара. Я заторопился вслед за ним.

Это была боевая машина, не столь роскошная, как машина Связующего. И Кейси не стал набирать высоту в две тысячи футов, а петлял между деревьями всего лишь в нескольких футах над землей. Сиденья были тесными. Огромное тело Кейси переполняло его собственное сиденье, зажимая меня в моем. Каждый раз, когда он что-то делал на пульте управления, я чувствовал, как рукоятка его иглопистолета упирается мне в бок.

Наконец мы достигли края покрытого лесом холмистого треугольника, занимаемого Содружеством, и приземлились на склоне под прикрытием молодой листвы дубов.

Тем не менее, она была достаточно мощной, чтобы убить большую часть наземной растительности. Между колонноподобными стволами земля была усеяна коричневыми мертвыми листьями. Почти на самой верхушке холма мы нашли подразделение отдохавших войск Экзотики, ожидавших приказа о наступлении. Кейси выбрался из машины и ответил на приветствие ротного.

— Вы видели эти столы, установленные Содружеством? — спросил Кейси.

— Да, командующий. Тот офицер все еще стоит там. Если вы спуститесь вот здесь, по холму, то сможете его разглядеть — и мебель тоже.

— Хорошо, — произнес Кейси. — Пусть ваши люди останутся здесь, ротный. Мы с журналистом спустимся и посмотрим.

Он шел впереди меня мимо стволов деревьев. С вершины холма мы посмотрели вниз, примерно сквозь пятьдесят ярдов леса и далее на луг. Он имел ярдов двести в ширину. Стол был установлен точно в центре, и с одной его стороны стояла неподвижная черная фигура офицера Содружества.

— Что вы обо всем это думаете, мистер Олин? — спросил меня Кейси, смотря вниз, сквозь деревья.

— Почему кто-нибудь не подстрелит его? — спросил я.

Он бросил на меня мимолетный взгляд.

— Имеется достаточно времени, чтобы его подстрелить, — ответил он, — прежде, чем он добежит до укрытия на противоположной стороне. Если нам вообще надо его подстрелить. Я не это хотел знать. Вы недавно видели командующего Содружества. По вашему мнению, он производил впечатление человека, готового сдаться?

— Нет! — воскликнул я.

— Понятно, — произнес Кейси.

— Не думаете же вы в действительности, что он собирается сдаться? Что заставляет вас думать таким образом?

— Столы перемирия обычно устанавливаются на нейтральной территории, — пояснил он.

— Но он же не просил вас о встрече с ним?

— Нет, — Кейси наблюдал за фигуркой офицера Содружества, неподвижной в лучах солнца. — Быть может, это против его принципов — вызов для обсуждения. Но почему бы нам и не поговорить, если бы мы вдруг оказались за столом напротив друг друга?

Он повернулся и махнул рукой. Ротный, ожидавший позади нас за склоном холма, подошел к нам.

— Сэр? — спросил он Кейси.

— В тех деревьях на противоположной стороне поляны есть люди Содружества?

— Четверо, сэр. Это все. Наши тепловизоры четко засекают тепло их тел. Впрочем, они особо и не стараются укрыться.

— Понятно.

Он помедлил.

— Ротный.

— Да, сэр?

— Будьте добры, пожалуйста, спуститесь на луг и спросите у этого офицера Содружества, в чем дело.

— Слушаюсь, сэр.

Мы остались стоять и смотреть, как ротный спускается по склону холма между деревьями. Он вышел на луг — все это казалось каким-то неестественно замедленным — и подошел к офицеру Содружества.

Они стояли лицом к лицу. Они о чем-то говорили, но услышать их голоса мы не могли. Флаг с тонким черным крестом развевался на легком ветерке. Затем ротный повернулся и начал взбираться обратно на холм, к нам.

Он остановился перед Кейси и отдал честь.

— Командующий, — сказал он, — командующий Избранными воинами Господа готов встретиться с вами внизу, на лугу, для обсуждения условий сдачи.

Он остановился, чтобы перевести дыхание.

— Если вы покажетесь на краю поляны в одно и то же время, вы одновременно сможете подойти к столу.

— Благодарю вас, ротный, — ответил Кейси. Он посмотрел мимо своего офицера на луг и на стол. — Думаю, я спущусь вниз.

— Он не это имеет в виду, — сказал я.

— Ротный, — продолжил Кейси. — Отдайте приказ вашим людям быть наготове, прямо здесь, за деревьями, на этой стороне холма. Если он сдастся, я буду настаивать, чтобы он немедленно пришел со мной на эту сторону.

— Да, сэр.

— Вся эта возня с обычным вызовом на перемирие может быть потому, что он сперва хочет сдаться, а затем уже сообщить об этом своим войскам. Если Блэк намеревается поставить своих офицеров пред свершившимся фактом, мы не должны подвести его.

— Он не собирается сдаваться, — повторил я.

— Мистер Олин, — произнес Кейси, оборачиваясь ко мне. — Я предлагаю вам отойти за склон холма. Ротный позаботится о вас.

— Нет, — возразил я. — Я тоже спущусь вниз. Если это мирные переговоры об условиях сдачи, значит, никакой военной ситуации пока не существует и я имею все права находиться там внизу. Если бы дело обстояло иным образом, зачем бы вы тогда сами спускались туда?

Какое-то мгновение Кейси разглядывал меня со странным выражением.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Идемте со мной.

Мы с Кейси повернулись и начали спускаться по резко обрывавшемуся между деревьями склону. Подошвы наших сапог соскальзывали, их каблучки приходилось втыкать в землю при каждом шаге вниз. Проходя сквозь сирень, я почувствовал слабый, сладкий запах — почти уже пропавший — увядших цветов.

С противоположной стороны луга, точно на одной линии со столом, вышли вперед четыре фигуры. Одной из них был Джэймтон Блэк.

Кейси и Джэймтон отсалютовали друг другу.

— Командующий Блэк, — произнес Кейси.

— Да, командующий Грин. Я признателен вам за встречу со мной здесь, — произнес Джэймтон.

— Моя обязанность и удовольствие, — ответил Кейси.

— Я бы хотел обсудить условия сдачи.

— Я могу предложить вам, — заговорил Кейси, — обычные условия, касающиеся войск, находящихся в вашем положении, в соответствии с Кодексом Наемников.

— Вы меня неправильно поняли, сэр, — сказал Джэймтон. — Я пришел сюда, чтобы обсудить вашу сдачу.

Флаг хлопнул на ветру.

Неожиданно я увидел людей в черных мундирах, днем ранее измерявших местность, на которой мы сейчас стояли. Они были именно там, где сейчас стояли мы.

— Боюсь, что взаимонепонимание обоюдное, командующий, — проговорил Кейси. — Я нахожусь в более выгодной тактической позиции, и в нормальных условиях ваше поражение неминуемо. Мне нет необходимости капитулировать.

— Так вы не сдадитесь?

— Нет, — четко ответил Кейси.

И неожиданно я увидел пять реек, стоявших там, где теперь стояли сержанты Содружества, офицеры и Джэймтон, и упавшую перед ними рейку.

— Осторожно! — закричал я Кейси, но опоздал.

Дальше события развивались гораздо быстрее. Ротный выскочил вперед Джэймтона, и все пятеро тут же полезли за своим оружием. Я снова услышал, как хлопнул флаг, и этот звук, казалось, растянулся на долгое мгновение.

Впервые в жизни я увидел человека с Дорсая в действии. Настолько быстрой была реакция Кейси, что было похоже,

будто он прочел в уме Джэймтона то, что тот собирался предпринять, на мгновение раньше, чем солдаты Содружества начали доставать свое оружие.

Их руки еще лишь только коснулись оружия, а Кейси уже был в движении, перепрыгнув через стол, и иглопистолет уже оказался в его руке. Казалось, он налетел прямо на ротного и оба они рухнули одновременно, но Кейси продолжал двигаться вперед. Он откатился от ротного, который теперь неподвижно лежал в траве. Он поднялся на колени, выстрелил, снова прыгнул вперед, перекачиваясь.

Взводный справа от Джэймтона рухнул, как подкошенный, а оставшиеся двое уже почти обернулись, стараясь держать Кейси перед собой. Эти двое оставшихся высочили вперед, закрыв своими телами Джэймтона, но их оружие еще не было нацелено. Кейси резко остановил свой бег, словно наткнувшись на каменную стену, присел и выстрелил еще дважды. Оба солдата Содружества упали.

Теперь Джэймтон находился лицом к лицу с Кейси, и пистолет уже был в его руке и нацелен на Кейси. Джэймтон выстрелил — светлая голубая змейка мелькнула в воздухе, но Кейси плашмя бросился на землю. Лежа на одном боку в траве и оперевшись на локоть, он дважды нажал на спуск своего иглопистолета.

Рука Джэймтона, державшая пистолет, медленно опустилась. Он свободной рукой опирался на стол позади себя. Он еще раз попытался поднять свое оружие и не смог. Оно выпало из его руки. Опираясь на стол, он повернулся, и тут его взгляд встретился с моим. Выражение его лица было столь же спокойным, как и всегда, но в выражении его глаз, когда они встретились с моими и он узнал меня, что-то переменялось — в них можно было прочесть что-то странно напоминающее взгляд, брошенный человеком своему сопернику, которого он только что победил и который с самого начала не представлял для него серьезной угрозы. Легкая усмешка тронула уголки его тонких губ. Словно усмешка победителя.

— Мистер Олин, — прошептал он. И затем жизнь покинула его, и он упал возле стола.

Раздавшие рядом взрывы сотрясли почву под моими ногами. С вершины холма позади нас ротный, которого Кейси оставил там наблюдать за нами, начал кидать дымовые гранаты, чтобы поставить завесу между нами и вражеской стороной луга. Серая стена дыма поднималась к небу между нами и дальними холмами, скрывая нас от врага. Она высилась в го-

лубом небе, словно какой-то непреодолимый барьер, под огромным весом которого стояли лишь Кейси да я.

На мертвом лице Джэймтона была видна едва заметная улыбка.

Глава 29

Как в тумане, я наблюдал за капитуляцией войск Содружества в тот же день. Это была единственная ситуация, в которой их офицеры считали необходимым так поступить.

Даже их Старейшины не могли ожидать от своих подчиненных, что те будут сражаться в ситуации, созданной мертвым полевым командующим по тактически соображениям, не объясненным своим офицерам. И оставшиеся в живых силы стоили гораздо дороже, чем контрибуция за них, которую могли потребовать миры Экзотики.

Я не стал ждать договоренностей. Мне больше нечего было ждать. В один момент ситуация на поле боя замерла, подобно огромной, непреодолимой волне над нашими головами; взметнувшаяся и бурлящая, готовая вот-вот обрушиться с такой силой, что грохот этого удара эхом отозвался бы на всех мирах. Но вдруг она исчезла. Не осталось ничего, кроме заполняющей все тишины, уже начавшей уходить в записи прошлого.

Для меня не осталось ничего. Совершенно.

Если бы Джэймтону удалось застрелить Грина и если бы в результате этого он получил практически бескровную сдачу в плен войск Экзотики, я бы попытался хоть как-нибудь повлиять на ситуацию за столом перемирия. Но он лишь попытался — и погиб, не сделав этого. Кто мог таким образом поднять волну эмоций против Содружества?

Я вернулся на космолете на Землю, словно находясь во сне и постоянно спрашивая себя — почему?

На Земле я сказал своим редакторам, что чувствую себя не очень хорошо. Одного их взгляда на меня было достаточно, чтобы они мне поверили. Я взял неограниченный отпуск и засел в библиотеке центра Службы Новостей в Гааге, слепо рыская среди гор материалов по Содружеству, Дорсаю и Экзотике. Что я искал? Я не знал. Кроме того, я смотрел репортажи новостей со Святой Марии, касающихся переговоров, и много пил, смотря эти передачи.

У меня было тупое чувство солдата, приговоренного к смерти за то, что он не справился с заданием. Затем в репортажах прозвучало, что тело Джэймтона будет возвращено на

Гармонию для похорон. И неожиданно я понял, что ждал именно этого: неестественное почитание фанатиками фанатика, который с четырьмя подручными пытался застрелить одного-единственного вражеского командира под флагом перемирия. О таком еще можно было написать.

Я побрился, привел себя в порядок и спустя какое-то время отправился договариваться насчет билета на Гармонию, чтобы рассказать о похоронах Джэймтона в завершение сериала.

Поздравления от Пирса и сообщение о моем назначении в Совет Гильдии — они еще раньше достигли меня на Святой Марии — позволили мне все сделать быстро. Я получил каюту высшего класса на первом же космолете, направлявшемся на Гармонию.

Пятью днями позже я уже был там, в городке, называвшемся Поминование Господа, куда раньше меня привозил Старейшина Брайт. Здания городка по-прежнему были из бетона и надувной пластмассы и ничуть не изменились за три года. Лишь каменистая почва была возделана, подобно полям Святой Марии, когда я там оказался, ибо сейчас Гармония входила своим северным полушарием в весну. Шел дождь, когда я на машине ехал из городка, где располагался космопорт, так же как и в тот первый день на Святой Марии. Но поля Содружества, простиравшиеся сейчас передо мной, не выдавали такой плодородности чернозема, как поля Святой Марии. Лишь тонкую, твердую черноту под дождем, похожую на цвет мундиров солдат Содружества.

Я подъехал к церкви, как раз когда к ней стали прибывать люди. Под темным, затянутым облаками небом внутри церкви было почти невозможно что-либо разглядеть. Люди Содружества не позволяли себе ни окон, ни искусственного освещения в своих молитвенных домах. Серый свет, холодный дождь и пронизывающий ветер свободно проникали внутрь через открытый проем с обратной стороны церкви. Через единственное квадратное отверстие в потолке лился еле пробивающийся сквозь тучи дневной свет, освещая тело Джэймтона, лежащее на платформе, установленной на подмостках. Прозрачный кожух накрывал тело, чтобы предохранить его от дождя, который стекал по открытому пространству и далее по трубе, ведущей сквозь стену. Но старейшина, проводящий отпевание, и всякий, подходивший попрощаться с телом, оказывались открытыми небу и погоде.

Я встал в очередь, медленнодвигающуюся к центральному островку мимо тела. Справа и слева от меня располагались барьеры, терявшиеся во мраке, за которыми будут стоять собравшиеся во время службы. Перекрытия слегка скруглен-

ного потолка скрывались во тьме. Музыки не было, но низкий гул людских голосов, состоявший из поодиночке молящихся с обеих сторон от меня людей, стоявших правильными рядами у барьеров, сливался в какой-то грустный речитатив. Как и Джэймтон, все люди, присутствующие здесь, были довольно темнокожими. Их далекими предками являлись выходцы из Северной Африки. В полутьме церкви их темные фигуры сливались друг с другом и как бы растворялись в сумерках.

Наконец и я прошел мимо тела Джэймтона. Он выглядел точно таким же, каким я его запомнил. Смерть оказалась бессила изменить его. Он лежал на спине, руки — по бокам, его губы, как всегда, были прямы и твердо сжаты. Только глаза были закрыты.

Из-за большой влажности я довольно заметно прихрамывал, и когда отходил от тела, кто-то тронул меня за локоть. Я не был одет в журналистскую униформу, а находился здесь в обычной гражданской одежде, чтобы не привлекать внимания.

Я посмотрел вниз, в лицо молодой девушки с солидографии Джэймтона. В сером, призрачном свете ее молодое лицо напомнило мне что-то из раскрашенного мозаичного окна в древнем соборе на Старой Земле.

— Вы были ранены, — тихо сказала она мне. — Вы, должно быть, один из наемников, знавших его еще по Ньютону, прежде чем ему было приказано вернуться на Гармонию. Его родители, являющиеся также и моими, могли бы найти утешение в Господе, встретившись с вами.

Резкий порыв ветра окатил меня дождевыми брызгами, и его ледяное дыхание, казалось, пронзило меня вплоть до самых костей.

— Нет! — воскликнул я. — Я не наемник. Я не знал его. — И резко отвернувшись от нее, я начал проталкиваться сквозь толпу к выходу из церкви.

Но примерно шагов через пятнадцать я понял, что я делаю, и замедлил шаг. Девушка уже затерялась во мраке среди людей. Медленно я пробрался к выходу из церкви, где оставалось еще немного места у первых рядов барьеров. Я стоял и наблюдал за входящими людьми. Они шли и шли, одетые в свои черные одежды, с опущенными головами, разговаривая или молясь вполголоса.

Я остался стоять на том месте, где остановился, в нескольких шагах от входа, наполовину заиндевелый от холода, и в голове моей не рождалось ни одной мысли. Лишь усталость, которую я привез с собой с Земли. Голоса продолжали звучать

вокруг меня. И я почти задремал, находясь там, и не мог вспомнить, зачем я вообще сюда пришел.

Затем из этого гула выделился голос девушки, и это вывело меня из состояния полудремы.

— ...он отрицает это, но я уверена, что он один из наемников, бывших с Джэймтоном на Ньютоне. Он хромот и может быть только солдатом, который был ранен.

Это был голос сестры Джэймтона; сейчас она разговаривала гораздо громче, чем когда она разговаривала со мной, незнакомцем. Я полностью очнулся и увидел ее, стоящую у входа всего лишь в нескольких футах от меня, с двумя пожилыми людьми, в которых я узнал пожилую чету с солидографии Джэймтона. Молния ледяного ужаса пронзила меня.

— Нет! — чуть ли не заорал я на них. — Я не знал его. Я никогда не знал его. И я не понимаю, о чем вы говорите!

Затем повернулся и выскочил из церкви в спасительный дождь.

Наверное, я пробежал не менее тридцати-сорока шагов. Но когда я не услышал шагов за собой, я остановился.

Здесь, снаружи, я был в одиночестве. Тучи сгустились еще плотнее, и дождь хлынул с новой силой. Он почти что скрыл все вокруг меня своим барабнящим, струящимся занавесом. Я даже не мог разглядеть машины, стоявшие на парковке, лицом к которой я сейчас стоял. И конечно же, из церкви меня тоже нельзя было увидеть. Я поднял свое лицо и подставил его ливневым потокам, и капли забарабанили по моим щекам и закрытым векам.

— Так, — произнес голос позади меня. — Значит, вы не знали его?

Эти слова, казалось, разрубили меня пополам, и я почувствовал себя, как загнанный волк. И как загнанный волк, я резко обернулся.

— Да, я знал его! — признался я.

Передо мной стоял Падма в своем голубом одеянии, которое, как ни странно, дождь, похоже, не намочил. Его руки, в жизни своей никогда не державшие оружия, были сложены на животе.

Но та частичка во мне, которая сейчас была волком, чувствовала, что он вооружен и является охотником.

— Вы? — удивился я. — Что вы здесь делаете?

— Мы вычислили, что вы сюда приедете, — спокойно ответил Падма. — И поэтому я здесь. Но почему вы здесь, Тэм? Среди этих людей наверняка найдется, по крайней мере, несколько фанатиков, которые слышали слухи, ходящие

среди солдат, касающиеся смерти Джэймтона и капитуляции войск Содружества.

— Слухи! — воскликнул я. — А кто их пустил?

— Вы сами, — ответил Падма. — Вашими действиями на Святой Марии. — Он пристально посмотрел на меня. — Разве вы не знаете, что рисковали своей жизнью, приехав сюда сегодня?

Я открыл было рот, чтобы возразить ему. Но затем понял, что действительно знал об этом.

— А если бы им кто-нибудь рассказал, — произнес Падма, — что Тэм Олин, журналист, готовивший репортажи о кампании на Святой Марии, находится здесь, инкогнито?

Я посмотрел на него с волчьей угрюмостью.

— А как вы можете совместить это с вашими принципами Экзотики, если сделаете это?

— Нас неверно понимают, — холодно произнес Падма. — Мы нанимаем солдат сражаться на нашей стороне не из-за какой-то этической заповеди, но просто потому, что в том случае, если мы прямо окажемся затянутыми в конфликты, пропадет наша эмоциональная перспектива.

Во мне уже не осталось страха, только тяжелое чувство опустошенности.

— Что ж, зовите их, — пробормотал я.

Странные светло-карие глаза Падмы внимательно следили за мной сквозь пелену дождя.

— Если бы это было все, что нужно, — сказал он, — я бы мог сообщить им об этом. Мне не нужно было бы приезжать сюда самому.

— Так почему вы сюда приехали? — слова словно наждаком драли мое горло. — Почему вы там, на Экзотике, так заботитесь обо мне?

— Мы заботимся о каждом индивидууме, — произнес Падма. — Но более всего мы заботимся о расе в целом. И вы по-прежнему представляете для нее опасность. Вы непризнанный идеалист, Тэм, нацеленный на разрушительную цель. Существует закон сохранения энергии в плане взаимодействия причин и эффектов, как и в любой другой науке. Ваша нацеленность на уничтожение была несколько нарушена на Святой Марии. Что будет, если эта разрушительность обернется внутрь, на вас, или окажется нацеленной вовне, на всю расу?

Я рассмеялся и сам поразился хриплости своего смеха.

— И что вы собираетесь с этим делать?

— Показать, что нож, который вы держите в руке, может

порезать и руку, его держащую, как и того, на кого он направлен. У меня есть для вас новости, Тэм. Кейси Грин убит.

— Убит? — Дождь, казалось, вдруг загрохотал вокруг меня с ужасной силой, и стоянка покачнулась и поплыла у меня из под ног.

— Он был застрелен тремя членами Голубого Фронта пять дней назад, в Блаувэйне.

— Застрелен, — прошептал я. — Почему?

— Потому что война закончилась, — объяснил Падма. — Потому что смерть Джэймтона и капитуляция войск Содружества без начала военных действий, которые могли бы нанести урон местности, оставили местное население весьма положительно настроенным по отношению к нашим войскам. И таким образом, Голубой Фронт обнаружил, что он оказался гораздо дальше от власти, чем до этого. Убив Грина, они надеялись спровоцировать его войска на жестокости в отношении гражданского населения, с тем, чтобы правительство Святой Марии оказалось вынуждено приказать войскам вернуться домой, на Экзотику. И таким образом, это правительство оказалось бы беззащитным перед возможным мятежом Голубого Фронта.

Я тупо смотрел на него.

— Все вещи взаимосвязаны между собой, — продолжил Падма. — Кейси предстояло последнее повышение в ранге с назначением в штаб и возвращением на Мару или Культис. Он и его брат Йан на весь остаток жизни оказались бы вне войн. Но из-за смерти Джэймтона, позволившей его войскам капитулировать без военных действий, возникла ситуация, которая привела к тому, что Голубой Фронт убил Кейси. Если бы вы и Джэймтон не вошли в конфликт на Святой Марии, и Джэймтон не победил бы, Кейси мог бы сегодня жить. Так показывают наши вычисления.

— Джэймтон и я? — У меня снова пересохло в горле, а дождь неожиданно хлынул еще сильнее.

— Да, — подтвердил Падма. — Вы оказались тем роковым фактором, который помог Джэймтону принять такое решение.

— Я помог ему? — спросил я. — Я с а м ?

— Он разглядел вас насквозь, — продолжил Падма. — Он смог разглядеть, что под это мстительной, разрушительной оболочкой, которой вы себя считали, есть созидательное начало, которое столь глубоко в ваших костях, что даже ваш дядя не смог полностью уничтожить его.

Дождь по-прежнему грохотал вокруг нас. Но каждое слово Падмы ясно доносилось до меня.

— Я вам не верю! — заорал я. — Не верю, что он сделал что-то подобное!

— Я вам уже говорил, — вздохнул Падма. — Вы недооценили эволюционное превосходство наших Осколочных Культур. Вера Джэймтона не из тех, что может быть поколеблена воздействием извне. Если бы вы действительно были, как ваш дядя Матиас, то он просто не стал бы вас слушать. Он просто отбросил бы вас как бездушного человека. Но произошло так, что он счел вас человеком, говорившим, как он назвал бы, голосом Сатаны.

— Я вам не верю! — завопил я.

— Верите, — констатировал Падма. — У вас нет иного выбора, кроме веры в это. Только поэтому Джэймтон смог найти свое решение.

— Решение!

— Это был человек, готовый умереть за свою веру. Но как командир он понимал, что трудно объяснить, почему его подчиненные должны пойти и умереть за какую-то малопонятную цель. — Падма внимательно наблюдал за мной, и дождь на мгновение ослаб. — Но вы предложили ему то, в чем он распознал выбор Дьявола, — его жизнь в мире, если он откажется от своей веры и своих людей, чтобы избежать конфликта, который может закончиться их общей смертью.

— Что за сумасшедшая мысль? — спросил я. Внутри церкви молитвы прекратились, и один-единственный сильный, низкий голос начал мемориальную службу.

— Не сумасшедшая, — ответил Падма. — Как только он это понял, ответ был прост. Все, что ему необходимо было сделать, это начать с отрицания всего, предложенного Сатаной. Таким образом, он и начал с естественной необходимости своей смерти.

— И это было его решение? — я попытался рассмеяться, но смех застрял у меня в горле.

— Это было единственное решение, — повторил Падма. — Как только он к нему пришел, он немедленно увидел единственную ситуацию, при которой его подчиненные позволят себе сдать в плен: если он будет мертв, а они окажутся в неудачной тактической позиции по причинам, известным только ему.

Я почувствовал, как эти слова пронзили меня беззвучным шоком.

— Но он не собирался умирать! — воскликнул я.

— Он оставил это своему Господу, — произнес Падма. — Он все сделал так, что лишь чудо могло его спасти.

— О чем вы говорите? — спросил я. — Он поставил стол для мирных переговоров под флагом перемирия. Он взял с собой четверых людей...

— Не было никакого флага. А эти люди были всего лишь старыми фанатиками, искавшими мученической смерти.

— Он взял с собой четверых! — заорал я. — Четыре и один — это пятеро. Их было пятеро против одного Кейси — одного человека. Я был там, стоял у стола и видел все. Пятеро против...

— Тэм.

Это одно-единственное слово меня остановило. Неожиданно меня охватил необъяснимый страх. Я не хотел слышать то, что он скажет дальше. Я боялся, потому что знал, что он собирается мне сказать. И я не хотел этого слышать, и слышать, как он это скажет. Дождь припустил еще сильнее, беспощадно пригибая нас обоих к бетону парковки, но я слышал каждое его слово абсолютно четко сквозь шум дождя.

Голос Падмы начал грохотать в моих ушах, как шум дождя, и ко мне пришло чувство безнадежной туманности, полубессознательности, которое обычно сопутствует высокой температуре.

— Вы не думали, что Джэймтон хотя бы на минуту позволил бы вам одурачить себя? Он был продуктом Осколочной Культуры. И сразу же узнал подобного себе в Кейси. Разве вы думаете, что он хотя бы на минуту мог допустить, исключая чудо, что он и четверо старых фанатиков могут убить вооруженного, настороженного и готового на все человека Дорсая — такого человека, как Кейси Грин, — прежде, чем их всех подстрелят и они будут убиты сами?

Сами... сами... сами...

Этим словом меня словно куда-то унесло далеко-далеко от этого темного дня и грохотавшего дождя. Подобно дождю и ветру из-за облаков, это слово подняло меня и унесло наконец в ту высокую, труднодоступную и каменистую землю, проблеск которой я разглядел, когда задал вопрос Кейси Грину о том, разрешает ли он, чтобы пленных солдат Содружества убивали. Я всегда избегал этой темы, но наконец не выдержал.

И я вспомнил.

С самого начала в глубине души я знал, что фанатик, убивший Дэйва и остальных пленников, не был типичным человеком Содружества. И Джэймтон вовсе не был каким-

то убийцей. Я попытался сделать его таким, чтобы поддержать свою ложь... Чтобы отвести свой взгляд от одного-единственного человека на четырнадцати мирах, с которым я не мог встретиться взглядом. И этот единственный человек был не взводный, расстрелявший Дэйва и других. И даже не Маттас.

Это был я сам.

Джэймтон был обычным фанатиком, ничуть не больше, чем Кейси — воином или Падма — философом. Все они были куда большим, и, не признаваясь себе, я все время знал об этом. И я не желал видеть это понимание. Вот почему они не двигались так, как я планировал, когда пытался манипулировать ими. Именно поэтому, поэтому.

Та высокая, каменистая и труднодоступная земля, которую я увидел, была не только для Дорсая. Она существовала для них всех. Земля, где оковы фальши и иллюзий срывались прочь чистым холодным ветром настоящей, честной силы и убеждений, где отступало и умирало притворство и жить могло лишь все чистое и ясное.

Она существовала для всех, всех тех, в ком воплотился чистый металл Осколочных Культур. И именно из этого чистого металла происходила их реальная сила. Они были за пределами сомнений — именно так. И именно это, помимо всех их умений ума и тела, делало их непобедимыми. Ибо такого человека, как Кейси, невозможно было победить. И Джэймтон никогда не нарушил бы своей веры.

И разве не сказал мне об этом сам Джэймтон, ясно и четко? Разве не сказал он: «Позвольте мне предположить это только для себя одного» и продолжил объяснять мне, что даже если вся его Вселенная развалится вокруг него и даже если его Бог и вера окажутся фальшивыми, то, что существует в нем самом, останется неприкосновенным.

Даже если бы отступили все армии, оставив его в одиночестве, не покинул бы свой пост и Кейси. Он остался бы сражаться в одиночестве, даже если бы против него были брошены армии. Ибо они могли бы убить его, но завоевать — никогда.

И даже если бы все вычисления Падмы и теории вдруг, в один момент, оказались опрокинутыми, было бы доказано, что они неправильны и беспочвенны, — даже это не смогло бы поколебать его в своей уверенности в двигающуюся вперед эволюцию человеческого духа, во имя которой он работал.

Они шли по праву по этой недоступной и каменистой земле — все они: дорсайцы, люди Содружества и Экзотики. И я

был просто дураком, попытавшимся войти туда и бороться с одним из них там. Ничего удивительного в том, что я оказался побежден, что мне всегда предсказывал Матиас. У меня никогда не было надежды на победу.

И теперь я вернулся в этот день и ливень, но чувствовал себя, словно подрубленный куст, а не человек. И колени мои подогнулись под моим собственным весом. Дождь слабел, и Падма поддерживал меня. Как и в случае с Джэймтоном, я почему-то удивился силе его рук.

— Отпустите меня, — пробормотал я.

— И куда же ты отправишься, Тэм? — спросил он.

— Куда-нибудь, — промямлил я. — Я убираюсь из всего этого. Пойду, найду какую-нибудь дыру и зароюсь в нее. Я сдаюсь.

Наконец мне удалось выпрямить свои ослабшие колени.

— Все не так просто, — сказал Падма, отпуская меня. — Предпринятое действие продолжает постоянно отдаваться эхом. Причина никогда не прекращает оказывать результирующий эффект. Ты не можешь сдаться теперь, Тэм. Ты только можешь поменять стороны.

— Стороны? — спросил я. Дождь практически на глазах прекращался. — Какие стороны? — Словно пьяница, я уставился на него.

— Со стороны силы человека, направленной против его же собственной эволюции — которая была стороной вашего дяди, — пояснил Падма. — На сторону эволюции — нашу сторону.

Теперь дождь шел едва-едва и погода быстро разгуливалась. Небольшое бледноватое солнце проглядывало сквозь тучи, сильнее осветив стоянку, на которой мы стояли.

— Обе этих силы — мощные ветры, изгибающие ткань человеческих взаимоотношений даже в то время, когда эта ткань находится в процессе становления. Я давно уже сказал вам, Тэм, что для кого-то вроде вас нет иного выбора, кроме как эффективно воздействовать так или иначе на весь план. У вас нет выбора — и нет, таким образом, полной свободы. Поэтому вам нужно лишь решиться и повернуть вашу силу на помощь ветру эволюции, в противодействие силе, мешающей этому.

Я покачал головой.

— Нет, — пробормотал я. — Все это бесполезно. Вы это знаете. Вы видели. Я двигал небесами, землей и политиками четырнадцати миров против Джэймтона. И все же он победил. Я ничего не могу сделать. Просто оставьте меня одного.

— Даже если бы я и оставил вас в покое, то события не оставили бы, — ответил мне Падма. — Тэм, откройте глаза и посмотрите на вещи такими, какие они есть на самом деле. Вы уже глубоко завязли во всем этом. Послушайте меня.

Казалось, его странные глаза на мгновение снова отразили солнечный свет.

— Сила вторглась в план на Святой Марии, в виде частицы, скрученной личной потерей и ориентированной на жестокость. Это были вы, Тэм.

Я снова попытался качнуть головой, но я понимал, что прав он.

— Вы были заблокированы вашими сознательными усилиями на Святой Марии, — продолжал Падма, но скрытую энергию нельзя удержать надолго. Когда вы потерпели поражение от Джэймтона, сила, которую вы приложили ко всей ситуации, не уничтожилась. Она лишь передалась и сохранила свое воздействие на частицу другого индивидуума, теперь столь же охваченного горечью потери близкого ему человека и ориентированного на жестокое воздействие на общий план.

Я облизнул губы.

— Кто это индивидуум?

— Йан Грин.

Я стоял, уставившись на него.

— Йан нашел трех убийц своего брата, скрывавшихся в комнате отеля в Блаувэйне, — продолжил Падма. — Он убил их собственными руками — и таким образом отрезвил наемников и разрушил планы Голубого Фронта заполучить что-то из этой ситуации. Но затем Йан подал в отставку и вернулся домой на Дорсай. Теперь он заряжен тем же чувством горечи и потери, каким были заряжены вы, когда прибыли на Святую Марию.

Падма помедлил.

— А теперь он представляет собой большой причинный потенциал. И как он будет разворачиваться внутри плана будущего, остается пока неизвестным.

Он снова помедлил, наблюдая меня своими внимательными глазами.

— Видите, Тэм, — продолжил он через мгновение, — как люди вроде вас никак не могут уйти от воздействия на развитие событий? Я уже сказал вам, что вы можете только измениться.

Его голос смягчился.

— Разве я должен напоминать вам, что вы по-прежнему

заряжены — только теперь уже иной силой? Вы получили полный импульс и эффект воздействия от самопожертвования Джэймтона, пытавшегося спасти своих людей.

Эти его слова были подобны удару кулака мне в живот — и удару сильному, вроде того, что я нанес Джэнолу Марату, когда бежал из лагеря Кейси на Святой Марии. И несмотря на лившийся на нас солнечный свет, меня начало трясти.

Все именно так. Я не мог этого отрицать. Джэймтон, отдав свою жизнь во имя веры, когда я насмеялся над любой верой, составив план и раскручивая все так, как мне того хотелось, расплавил и изменил меня, как молния плавит и изменяет поднятый вверх клинок меча, когда внезапно ударяет в него. Я не мог отрицать того, что произошло со мной.

— Это бесполезно, — произнес я, все еще дрожа. — Это ничего не меняет. Я недостаточно силен, чтобы что-то сделать. Я вам говорю, я двигал всем против Джэймтона, но он выиграл.

— Но Джэймтон имел сердце. А вы сражались все время против своей собственной натуры, одновременно сражаясь с ним, — произнес Падма. — Посмотрите на меня, Тэм.

Я посмотрел на него. Магниты его карих глаз поймали меня и закорили.

— Цель моего приезда сюда для встречи с вами, которая была вычислена на Экзотике, все еще ждет своего часа, — произнес он. — Помните, Тэм, как в офисе Марка Торри вы обвинили меня в гипнозе?

Я кивнул.

— Это был не гипноз — или не совсем гипноз, — произнес он.

Все, что я сделал, — это просто помог вам открыть канал между вашим сознанием и подсознанием. У вас достанет храбрости, увидев результат, достигнутый Джэймтоном, позволить мне помочь вам еще раз приоткрыть этот канал?

Его слова повисли в воздухе. И застыв в этом мгновении, я расслышал сильный, гордый голос, читавший молитву внутри церкви. Я увидел солнце, пытавшееся пробиться сквозь облака над нашими головами. И в то же время перед своим мысленным взором я увидел темные стены моей долины, описанные мне Падмой тогда, в тот день, в Энциклопедии. Они по-прежнему высились, нависая надо мной с обеих сторон, затеняя свет солнца. Только на этот раз, словно протекающий в узкую дверную щель, впереди меня сиял яркий свет.

Я подумал о том месте среди молний, увиденном мной, когда Падма держал передо мной свой палец в прошлый раз.

И несмотря на то, каким слабым, побежденным и разбитым я себя чувствовал, сама мысль о попытке вновь войти в это место битвы наполнила меня болезненной безнадежностью. Я уже не был так силен, чтобы лицом к лицу оказаться с молниями. А быть может, и никогда не был.

— Ибо был он воином своего народа, который есть Народ Господен, и воином Господа, — читал молитву далекий, одинокий голос, едва доносившийся до моих ушей из церкви, — и ни в чем он не изменил Господу, который есть Господь наш и Владыка силы и правоты. И пусть он покинет нас и придет в ряды тех, кто, скинув с себя маску жизни будут благословенны и пребудут в Господе.

Я услышал это, и неожиданно меня охватило чувство возвращения домой, чувство несомненного возвращения в вечный дом непоколебимой веры моих предков наполнило меня. И ряды тех, кто никогда бы не поколебался, сомкнулись вокруг меня. И я, который не дрогнул, пошел с ними в ногу, вперед. И в это мгновение, на секунду, я вдруг почувствовал, что должен был чувствовать Джэймтон, находясь лицом к лицу со мной. И перед необходимостью выбора жизни или смерти для себя на Святой Марии. Лишь на мгновение я это почувствовал, но и его было достаточно.

— Давайте, — расслышал я сказанное мной Падме.

И я попал во тьму — во тьму и ярость. Это было место молний, но там уже не было видно настоящих молний. Это был нескончаемый грохот, мятущиеся облака, ураган и бурлящий туман. Меня швыряло и било, бросало всей жестокостью и гневом вокруг, и я старался выбраться, подняться, пробиться к свету и открытому воздуху поверх этих ураганных туч. Но мои собственные усилия оказались недостаточны, и я покатился вниз. Вниз, не продвигаясь вверх, — и тогда наконец я понял.

Ибо ураган этот был моим внутренним ураганом, моим собственным созданием. Это была внутренняя ярость жестокости, мести и уничтожения, которую я создавал в себе все эти годы. И как я обращал эту силу против других, так теперь она обратилась против меня самого, давя на меня, унося все ниже и ниже, все дальше во тьму, пока свет не померк в моих глазах.

И я падал вниз, ибо сила эта была больше моей. Падал и падал, но когда я уже затерялся в полной тьме, когда я уже готов был сдаться, я обнаружил, что не могу. Что-то во мне не х о т е л о. Оно продолжало и продолжало сражаться. И тогда наконец я понял, что это такое.

Именно это так никогда и не смог убить во мне, еще мальчишке, Матиас. Это было Землей и стремящимся вперед человеком. В этом были Леонид и его триста спартанцев, защищавших Фермопилы. В этом были скитания израильтян по пустыне и переход Красного моря. В этом был Парфенон на Акрополе, сиявший белизной над Афинами, и тьма дома моего дяди.

Все это было во мне — непреклонный дух людей, которые и теперь не желали сдаваться. И неожиданно в моем упавшем, почти побежденном бурей духе, тонущем во тьме, что-то буквально подпрыгнуло от дикой радости. Ибо я вдруг увидел, что она находится там и для меня тоже — эта недоступная каменистая земля, где воздух чист, а все эти ошметки притворства и уловки уносятся прочь непреодолимым ветром веры.

Я пытался атаковать Джэймтона там, где он был сильнее всего, — из-за моей собственной слабости. Именно это и имел в виду Падма, когда говорил мне, что я сражаюсь против себя, хотя сражался я с Джэймтоном. Вот почему я проиграл в том конфликте, противопоставив мое ничем не подкрепленное неверие его сильной вере. И все это было там, во мне, скрыто во мне все это время!

И теперь я все ясно видел. И словно звон победных колоколов, я вдруг услышал голос Марка Торри, что-то с триумфом говорящий мне. И голос Лизы тоже, которая, как я теперь видел, понимала меня гораздо лучше, чем я понимал себя сам, и которая никогда не покидала меня. Лиза. И когда я снова подумал о ней, я начал слышать всех их.

Все эти миллионы, миллиарды перемежающихся голосов — голосов людей, с тех пор, как человек впервые встал прямо и пошел на своих ногах. Они снова окружили меня, как это было в тот день, в Точке Перехода Индекс-зала Конечной Энциклопедии. И они сомкнулись вокруг меня, подобно крыльям, унося меня вверх, неудержимо вверх, сквозь мятущуюся тьму, с чувством бесстрашия, родственного бесстрашию Кейси, с верой, отеческой верой Джэймтона и нескончаемым поиском, братом поиска Падмой.

И при этом все, навешанное мне Матиасом, — зависть, страх перед людьми молодых миров — смыло с меня сразу и навсегда. И наконец я четко смог увидеть это. Если у них в действительности было что-то одно, потенциально я имел все эти составляющие в себе. Корневой источник, базовый источник, каким я являлся, будучи человеком Земли. Одновременно я был частью всех их, на молодых мирах, и не

было ни одного из них, кого я не мог бы рассмотреть как свое отражение.

И наконец я прорвался сквозь тьму на свет — в то место моих молний, бесконечной пустоты, где шла настоящая битва, битва человека искреннего, с древней, чуждой тьмой, которая навсегда сохранила бы нас зверьми. И вдалеке, словно в конце длинного тоннеля, увидел Падму, стоящего под усиливающимся солнечным светом и ослабевающим дождем, стоящего у парковки и обращающегося ко мне.

— Теперь вы видите, — говорил он, — почему так нуждается в вас Энциклопедия. Только Марк Торри смог привести ее к этому моменту. И лишь вы можете закончить эту работу, потому что огромная масса людей Земли не может пока увидеть картинку будущего, существующего в самом окончании создания Энциклопедии. Вы, кто сам пересек пропасть между людьми Осколочных Культур и теми, кто рожден на Земле, сможете встроить свое видение этого в Энциклопедию. Так что, когда она будет достроена, она во многом сможет помочь тем, кто этого не видит, и таким образом, начнет воссоздание, которое придет, когда Осколочные Культуры, их народы вернутся и соединятся с основой Земли, превратившись в человека новой формации, эволюционировавшего человека.

Его мощный взгляд, казалось, на мгновение смягчился под лучами солнца. И улыбка слегка погрустнела.

— Вы проживете дольше меня и увидите больше. До свидания, Тэм.

И вдруг, совершенно неожиданно, я увидел все это. Неожиданно все слилось и соединилось в моем уме. Это видение и сама Энциклопедия, ставшие одной реальностью. И в этот самый момент мой разум прыгнул на дорогу противодействия, с которым мне придется столкнуться, чтобы воплотить все в реальность.

И уже все начало приобретать твердые черты в моей голове, из моего знания мира — лица и методы, с которыми мне придется столкнуться. Мой разум несея вперед, догоняя их и обгоняя в планах,готавливаемых ими.

Уже сейчас я видел, насколько иначе я буду работать, чем Марк Торри. Я сохраняю его имя как символ и лишь буду делать вид, что Энциклопедия продолжает строиться в соответствии с подготовленными им планами. Я назову себя лишь одним из членов Совета Управляющих, которые теоретически все будут иметь равные со мной полномочия.

Но в действительности я буду ими управлять, исподтиш-

ка, как могу только я. А сам буду свободен, таким образом, от необходимости прибегать к хлопотным мерам защиты против сумасшедших, вроде того, что убил Марка. Я буду свободен путешествовать по Земле, одновременно следя за строительством, обнаруживая и подавляя усилия тех, кто будет пытаться работать в противодействие строительству Энциклопедии. Уже сейчас у меня появились первые наметки, как я все это начну.

Но Падма уже повернулся, чтобы покинуть меня. Я не мог просто так отпустить его. С трудом я оторвал свой мысленный взор от будущего и вернулся назад, в день сегодняшний. К ослабевающему дождю и усиливающемуся свету солнца.

— Подождите, — произнес я. Он остановился и повернулся ко мне. Мне было трудно выразить сейчас то, к чему я пришел.

— Вы...

Мой язык отказывался мне повиноваться.

— Вы не сдались. Вы верили в меня все это время.

— Нет, — ответил он.

Я моргнул, непонимающе глядя на него. Но он лишь покачал головой.

— Я должен был верить результатам моих вычислений. — Он слегка улыбнулся, словно извиняясь. — А мои вычисления не оставили вам никакой настоящей надежды. Даже на том вечере в честь Донала Грина, на Фриленде, когда у нас уже имелось довольно много информации, полученной из Энциклопедии за пять лет, возможность вашего спасения самим собой казалась слишком незначительной, чтобы планировать что-то, исходя из этого фактора. Даже на Маре, когда мы вас вылечили, вычисления по-прежнему не давали вам никакой надежды.

— Но... но вы оставались все время рядом со мной... — запинаясь, выдавил я, уставившись на Падму.

— Не я. Никто из нас. Только Лиза, — ответил он. — Она так никогда и не сдавалась в отношении вас, начиная еще с того первого случая в Энциклопедии, что произошел в офисе Марка Торри. Она рассказала нам, что нечто... нечто подобное искре проскочило между вами, когда вы с ней разговаривали во время экскурсии, еще прежде, чем вы прошли в Индекс-зал. Она верила в вас даже тогда, когда вы отвернулись от нее на вечеринке Грина. И когда мы начали лечить вас на Маре, она настояла на том, чтобы стать частью процесса лечения, так что мы могли эмоционально связать ее с вами.

— Связать. — Это слово не несло в себе смысла для меня.

— Мы таким образом установили ее эмоциональное сопереживание по отношению к вам во время того самого процесса, в течение которого мы вас лечили. Для вас это не имело никакой разницы, но этот процесс привязал ее к вам очень сильно. А теперь, если она вас когда-нибудь потеряет, она будет страдать так же, если не больше, как страдал Йан Грин из-за потери своего брата-близнеца — Кейси.

Он замолчал и посмотрел на меня. Но я по-прежнему не мог собраться с мыслями.

— Я все еще... не понимаю, — произнес я. — Вы сказали, что это никак не воздействовало на меня, то, что вы с ней сделали. Но что хорошего тогда...

— Никто из нас, насколько показывали наши расчеты тогда, не понимал, да и сейчас не может понять, что произошло. Наверное, если она была к вам привязана, то, естественно, и вы, в свою очередь, были привязаны к ней. Но это походило на попытку привязать стрижа за нить к пальцу гиганта, если вот таким образом можно показать огромный масштаб вашего воздействия на общий план в соотношении с ее эффектом. Только Лиза считала, что это может чем-то помочь.

Он повернулся.

— До свидания, Тэм, — сказал он.

Я смотрел, как он уходит в по-прежнему туманном, но светлеющем воздухе к церкви, из которой доносился голос говорящего, теперь объявлявшего номер последнего псалма.

Падма оставил меня стоять в одиночестве, растерявшимся. Но затем я вдруг громко рассмеялся, потому что неожиданно понял, что оказался умнее его. Все его экзотические вычисления не смогли раскрыть, почему связь Лизы со мной смогла спасти меня. Но она сделала это.

И теперь то, что было во мне, вырвалось на поверхность, моя сильная любовь к ней. И я понял, что давно уже моя одинокая душа вернула эту любовь Лизы, но я не хотел в этом себе признаться. И теперь во имя этой любви я хотел жить. Гигант может пронести без всяких усилий стрижа в своей деснице, несмотря на сопротивление его маленьких крылышек. Но если он заботится о создании, с которым связан, он может измениться и быть повернут на путь любви, где не работает грубая сила.

Таким образом, по этому невидимому каналу, связывавшему нас, вера Лизы пришла, чтобы соединиться с моей собственной, и я не мог избавиться от своей веры, не избавившись в то же время от ее. Иначе почему я немедленно отпра-

вился к ней, как только она позвала меня в день покушения на Марка Торри? Уже тогда я склонялся к компромиссу, прикидывая возможность соединения наших тропинок.

И теперь, видя это, указующая стрелка моего компаса жизни резко развернулась на сто восемьдесят градусов, и я увидел все в совершенно новом свете. Ничто не переменялось для меня, ничуть не уменьшились ни мой голод, ни мои амбиции или желания, за исключением того, что я развернулся в противоположном направлении. Я рассмеялся вслух от простоты всего этого. Ибо теперь я увидел цель, которая просто являлась противоположностью предыдущей.

УНИЧТОЖАЙ: СОЗИДАЙ !

СОЗИДАЙ — чистый и простой ответ, которого я искал все эти годы, чтобы отринуть Матиаса с его пустотой. Именно для этого я и был рожден, именно э т о было в Парфеноне, в Энциклопедии, во всех человеческих сынах.

Я родился, как и все мы, — даже Матиас, — и если мы только не начнем разбрасываться, станем создателями, а не разрушителями, созидателями, а не уничтожителями. И теперь, словно чистый кусок металла, с помощью молота очищенный от всяких примесей, я звучал чисто и звонко, вплоть до самого последнего атома и частицы моего существа неизменной чистоты единственной настоящей цели всего живого. Как в тумане, ослабевший, я наконец отвернулся от церкви, подошел к своей машине и забрался в нее. Дождь почти полностью прекратился, и небо очистилось. В воздухе возник легкий влажный туман, но, казалось, он стал как бы тоньше. А на вкус воздух был чист и свеж.

Я открыл боковые окна машины, когда въезжал со стоянки на длинную дорогу в космопорт. И через открытое окно позади себя я слышал, как в церкви они начали исполнять последний гимн.

Это был боевой гимн воинов Содружества. И пока я ехал по шоссе, голоса громко неслись мне вслед, но они звучали не грустно и медленно, словно прощание и грусть, а сильно и триумфально, словно маршевая песня на устах тех, что идут по дороге к началу нового дня.

Солдат, не спрашивай себя,
что, как и почему.
Коль знамя в бой тебя ведет —
шагай вослед ему!

И свет солнца сиял надо мной, пока я уезжал. И по мере

того, как я все дальше отъезжал и расстояние между мной и церковью становилось все больше, голоса, казалось, сливались, пока они не начали звучать, как один голос, мощный и поющий. Впереди меня облака окончательно начали расходиться. Лоскутья голубого неба в лучах сияющего солнца блистали ослепительной голубизной, словно знамена армии, марширующей вперед, в неизведанные земли.

Я видел их, пока ехал вперед, где они наконец переходили в чистое небо. И еще долгое время я слышал позади себя это пение, пока ехал в космопорт, к кораблю, что умчит меня на Землю, к Лизе, ожидающей меня там в лучах солнечного света.

К о н е ц

СОДЕРЖАНИЕ

Звездный путь	5
Новейший компьютер	7
Возвращение в завтра	38
То, что остается	65
Наваждение	91
Возвращение «Аркона»	118
Иммунный синдром	146
Маленький Пушистик-II.	
(Пушистик разумный) Роман	169
Солдат, не спрашивай. Роман	331

Серия «Звездный путь». Сборник фантастических произведений: Джеймс Блиш «Звездный путь», Х. Бим Пайпер «Маленький Пушистик-II» (Пушистик разумный), Гордон Р. Диксон «Солдат, не спрашивай». (Пер. с англ. М. Коркин, И. Русакова, А. Дмитриев). — СПб.: издательство «МСТ», 1992 г., 560 с.

ISBN 5-7109-0004-4

Название и эмблема серии запатентованы во Всероссийском центре «Информпатент». Перепечатка отдельных глав и произведений в целом, выпуск томов сторонними организациями без разрешения издательства запрещены и будут преследоваться по закону.

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

Сборник фантастических произведений

Художественный редактор *И. Мальский*

Корректоры *Н. Суровцева, Г. Шевченко*

Сдано в набор 15.10.92. Подписано в печать 15.11.92. Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Тип Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 29,4. Уч.-изд. л. 33,33. Тираж 50 000 экз. Заказ № 79.

Издательство «МСТ»: 195278, Санкт-Петербург, пр. Косыгина, 26/1.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор». 197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

**В СЛЕДУЮЩЕМ ВЫПУСКЕ
С Е Р И И:**

Джеймс БЛИШ

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

Бертрам А. ЧАНДЛЕР

**В АЛЬТЕРНАТИВНУЮ
ВСЕЛЕННУЮ**

Х. Бим ПАЙПЕР

ЧЕТЫРЕХДНЕВНАЯ ПЛАНЕТА

Гордон Р. ДИКСОН

**ПРИРОЖДЕННЫЙ
ПОЛКОВОДЕЦ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МСТ

В П Е Р В Ы Е:

в ближайшее время выходят в свет романы
выдающегося мастера фантастики

А. Д. Фостера

«ЧУЖОЙ»

«ДО ПОСЛЕДНЕЙ ТОЧКИ»

*Романы написаны на основе знаменитых
фильмов с триумфом обошедших экраны
всего мира*

*По вопросам оптовых закупок обращаться по адресу:
195279, Санкт-Петербург, Индустриальный пр., 38 / 1,
издательство «МСТ».*

Телефон: (812) 529-14-49, факс: (812) 529-14-51.

МСТ
1992

91612 4194173382

...Капитан Кирк посмотрел на экран. В центре совершенно черного поля появился светящийся, пульсирующий объект. Кирк ожидал увидеть что-то ужасное и увидел это...

«Звездный путь»

...С террасы донеслись счастливые голоса Пушистиков. Для разговора между собой они пользовались пушистофонами, они хотели говорить как люди. Бедная маленькая гибнущая раса ...

«Маленький Пушистик-П»

...Если бы Дорсай захотел и отозвал всех своих воинов, служивших на других мирах, и бросил бы вызов всем этим мирам, то даже объединенное могущество цивилизации не могло бы противостоять ему...

«Солдат, не спрашивай!»

ЗВЕЗДАНЫИ ПУТЬ